

Ли Бардуго

Продажное королевство

Leigh Bardugo

CROOKED KINGDOM

Печатается с разрешения New Leaf и литературного агентства Andrew Nurnberg

Copyright © 2016 by Leigh Bardugo

© А. Харченко, перевод на русский язык, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Холли и Саре, которые помогли мне строить;

Ною, укрепившему стены;

И Джо, укрепившему меня.

Ретвенко

Ретвенко навалился на барную стойку и сунул нос в свой грязный стакан. Даже виски не могло его согреть. Ничто не согревало в этом покинутом всеми святыми городе. И не было спасения от удушающей вони, мешанины запахов трюмов, гниющих моллюсков и мокрых камней, которые, казалось, впитались в его поры, словно он погрузился в самую сущность этого города и настоялся в ней, как чашка самого отвратительного чая в мире.

Особенно это было заметно в такой жалкой дыре, как Бочка, – в маленьком кабаке, теснившемся на нижнем этаже одного из самых мрачных жилых домов в трущобах. Его и без того плохо сложенный потолок просел под натиском дурной погоды, балки почернели от сажи с камина, который давно перестали топить, а дымоход забился мусором. Пол покрывал слой опилок, чтобы впитывать пролитые напитки, рвотные массы и все остальное, что посетители бара не могли удержать. Ретвенко задумался, гадая, когда же здесь в последний раз подметали. Затем еще глубже сунул нос в стакан, вдыхая сладковатый аромат дешевого виски. От этого у него заслезились глаза.

– Его нужно пить, а не нюхать, – хохотнул бармен.

Ретвенко опустил стакан и посмотрел на мужчину затуманенным взором. У него была толстая шея и широкая, похожая на бочку грудь – настоящий громила. Ретвенко не раз наблюдал, как бармен вышвыривал шумных посетителей на улицу, однако трудно было воспринимать всерьез человека, одетого по той нелепой моде, которую предпочитали молодые люди в Бочке. На бармене была розовая рубашка, рукава которой едва не трескались на огромных бицепсах, и пестрый красно-оранжевый клетчатый жилет. Он выглядел как расфуфыренный, полинявший краб.

– Скажи мне, – начал Ретвенко. Его керчийский и без того был далек от совершенства, а после пары опустошенных стаканов и подавно. – Почему этот город смердит? Как прокисший суп? Или раковина с грязной посудой?

Бармен снова рассмеялся.

– Таков наш Кеттердам. Ты привыкнешь.

Ретвенко покачал головой. Ему не хотелось привыкать ни к городу, ни к его зловонию. Работа на советника Худе нагоняла скуку, но, по крайней мере, в его комнате всегда было тепло и сухо. Как ценному гришу ему обеспечивали уют и сытый желудок. В те времена он проклинал Худе, перегоняя через море принадлежавшие советнику корабли с ценным грузом. Ретвенко возмущали условия его договора – глупой сделки, на которую он согласился, чтобы сбежать из Равки после гражданской войны. Но что теперь? Теперь он частенно вспоминал о мастерской гришей в доме советника, о весело горящем огне в очаге, черном хлебе с маслом и толстыми кусками ветчины. После смерти Худе керчийский Торговый совет позволил Ретвенко ходить в рейсы, чтобы он мог выплачивать долг. Получал он гроши, но какие еще у него были варианты? Он был шквальным-гришом во враждебном городе, без каких-либо навыков, помимо своих врожденных способностей.

– Еще? – спросил бармен, показывая на пустой стакан.

Ретвенко помедлил с ответом. Не стоило тратить деньги. Если он будет правильно распоряжаться своими финансами, достаточно наняться еще на один рейс, может, на два, и тогда ему хватит сбережений, чтобы выплатить долг и купить билет в Равку в каюту третьего класса. Это все, что ему нужно.

Меньше чем через час он должен появиться на причале. Сегодня обещают бурю, так что экипажу понадобится Ретвенко, чтобы тот укротил порывы ветра и безопасно доставил их корабль в безопасности в нужный порт. Он не знал, в какой именно, и ему было плевать. Капитан назовет координаты, Ретвенко надует паруса или успокоит небо. А затем получит гонорар. Но ветер еще не поднялся. Может, ему удастся проспать первую часть рейса? Он постучал по стойке и кивнул. Что ж тут поделать? Он заслуживал хоть какого-то утешения в этом мире.

– Я вам не мальчик на побегушках, – пробормотал шквальный.

– Что-что? – спросил бармен, наливая в стакан.

Ретвенко лишь отмахнулся от него. Этому человеку, неотесанной деревенщине, никогда его не понять. Он прозябал в тени. И на что надеялся? На лишнюю монету в кармане? На кокетливый взгляд симпатичной девушки? Ему ничего не известно о военной славе, о том, что значит быть почитаемым.

– Ты равкианец?

Даже несмотря на туман в голове из-за выпитого виски, Ретвенко насторожился.

– А что?

– Ничего. Просто акцент у тебя равкианский.

Ретвенко велел себе расслабиться. В Кеттердам приезжало множество равкианцев в поисках работы. Ничто в нем не выдавало гриша. Собственная трусость вызывала отвращение – к себе, к бармену, к этому городу.

Ему хотелось просто сидеть и наслаждаться выпивкой. В баре было пусто, так что и опасаться некого, и, несмотря на внушительные мышцы бармена, Ретвенко знал, что легко с ним справиться. Но когда ты гриш, даже стоять на месте значит нарываться на неприятности. В последнее время ходили слухи об участвовавших случаях похищений в Кеттердаме – гриши исчезали прямо на улице или в своих домах. Наверняка их хватили работоторговцы и продавали по самой высокой цене. Ретвенко не допустит, чтобы подобное случилось с ним, когда он так близок к возвращению домой.

Он осушил стакан виски одним глотком, стукнул монетой по стойке и встал со стула. Чаевых не оставил. Пускай сам зарабатывает на жизнь.

Выйдя наружу, Ретвенко ощутил головокружение, и от влажного вонючего воздуха не становилось лучше. Он опустил взгляд в землю и направился к Четвертой гавани, надеясь, что прогулка поможет проветрить голову. *«Еще два рейса»*, – повторял он себе. Еще пару недель в море, пару месяцев в этом городе. Как-нибудь да выдержит. Он гадал, ждут ли его старые друзья в Равке. Поговаривали, что юный король раздает помилования, как конфеты, желая поскорее восстановить Вторую армию гришей, которую уничтожили во время войны.

– Еще два рейса, – снова сказал он себе, топая ботинками по влажной весенней земле.

Как может быть так холодно и сыро в это время года? Жить здесь – все равно что оказаться зажатым в холодной подмышке ледяного гиганта. Ретвенко пошел вдоль Графканала и вздрогнул, увидев остров Черной Вуали, спрятанный в излучине. Когда-то именно там, в маленьких каменных домиках, стоящих над водой, керчийские богачи хоронили своих умерших родственников. Из-за особенностей климата остров постоянно был окутан зябкой мглой, и ходили слухи, что на нем обитают призраки. Ретвенко ускорил шаг. Он не был суеверным, – и с силой гриша ему нет причин опасаться того, что могут скрывать тени, – но кому нравится гулять рядом с кладбищем?

Он закутался в пальто и быстро пошел по улице Хафенштрат, внимательно следя за движениями в каждом переулке. Скоро он вернется в Равку, где сможет бродить по городу без всякого страха. Если, конечно, его помилуют.

Ретвенко еще глубже зарылся в свое пальто. Эта война настроила одних гришей против других, и его сторона отличилась особой жестокостью. Он убивал бывших товарищей, мирных жителей, даже детей. Но что сделано, то сделано. Король Николай нуждался в армии, а Ретвенко был очень хорошим солдатом.

Он коротко кивнул стражнику, сидевшему в маленькой будке у входа в Четвертую гавань, и оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что за ним никто не следует. Затем прошел мимо грузовых контейнеров к докам, нашел нужный причал и встал в очередь, чтобы записаться у первого помощника. Ретвенко знал его по прошлым рейсам – вечно недовольный и в скверном настроении человек с тощей шеей, торчащей из воротника пальто. Он держал толстую пачку документов, и Ретвенко заметил фиолетовую восковую

печать одного из членов Торгового совета. В этом городе подобные печати ценились больше золота и гарантировали лучший причал в гавани, а также привилегированный доступ к докам. Почему советники получали такое преимущество? Из-за денег. Их деятельность приносила Кеттердаму прибыль. В Равке быть могущественным значило нечто большее. Там стихии повиновались воле гришей, и страной правил настоящий король, а не кучка выскочек-торговцев. Правда, Ретвенко пытался свергнуть отца этого короля, но дела это не меняло.

– Экипаж пока не готов, – сказал первый помощник, когда Ретвенко назвал свое имя. – Можешь погреться в конторе начальника порта. Мы ждем сигнала от Совета приливов.

– Рад за вас, – невозмутимо ответил Ретвенко.

Он взглянул на одну из черных обелисковых башен, нависающих над гаванью. Если бы он знал наверняка, что достопочтенный и могучий Совет приливов видит его из своей смотровой башни, он бы в точности дал им понять, что думает, при помощи нескольких жестов. Предположительно они были гришами, но разве эти ребята хоть раз пошевелили пальцем, чтобы помочь другим гришам в городе? Тем, к кому удача повернулась спиной и кто нуждался в дружеском участии?

– Нет, ни разу, – ответил он сам себе.

Первый помощник скривился.

– Гезен, Ретвенко! Ты что, пил?

– Нет.

– От тебя разит виски.

Шквальный приняхался.

– Да, немного.

– Протрезвись давай. Выпей чашку крепкого кофе или пожуй юрду. Этот хлопок должен быть в Джерхольме ровно через две недели, и мы платим тебе не за то, чтобы ты лечился от похмелья в трюме. Все ясно?

– Да-да, – отмахнулся Ретвенко, уже направляясь к конторе начальника порта. Но, отойдя на пару шагов, он резко дернул запястьем. Крошечный вихрь выхватил документы из рук первого помощника и раскидал их по докам.

– Черт! – выругался тот, ползая по деревянным доскам и пытаясь поймать страницы, пока их не сдуло в море.

Ретвенко злорадно ухмыльнулся, но затем его охватила тоска. Он был сверхчеловеком, одаренным шквальным, прекрасным солдатом, но здесь он – просто *наемный работник*, старый грустный равкианец, который плохо говорит на керчийском и слишком много пьет. «Дома, – твердил он себе. – Скоро я буду дома». Он получит помилование и снова проявит себя. Будет бороться за свою родину. Будет спать под крышей, которая не протекает, и носить синий шерстяной кафтан, отороченный мехом серебряной лисы. Он снова будет Эмилем Ретвенко, а не жалкой тенью самого себя.

– Кофе там, – сказал клерк, когда гриш вошел в кабинет, и указал на медный кофейник в углу.

– А чай?

– Только кофе.

«Ну и страна!» Ретвенко налил полную чашку темной мутной жидкости, просто чтобы погреть руки. Он терпеть не мог ее вкус, только если положить туда много сахара, но о нем начальник почему-то не позаботился.

– Ветер дует, – заметил клерк, когда снаружи зазвонил колокольчик, потревоженный нарастающим бризом.

- У меня есть уши, - проворчал Ретвенко.

- Не думаю, что здесь он будет сильным, но как только вы выйдете из гавани...

- Умолкни! - резко сказал мужчина. Он быстро поднялся на ноги и прислушался.

- Что? - спросил клерк. - Это...

Ретвенко прижал палец к губам.

- Кто-то кричит.

Звук доносился со стороны пришвартованного корабля.

- Это просто чайки. Скоро взойдет солнце и...

Ретвенко поднял руку, и клерка отбросило к стене порывом ветра.

- Я же сказал, *умолкни!*

Клерк раскрыл рот, повиснув на стене.

- Так ты тот гриш, которого они наняли в команду?

Ради всех святых, ему что, придется вытянуть весь воздух из легких этого парня, чтобы тот не мог дышать и наконец заткнулся?

Через мутные окна было видно, как начало голубеть рассветное небо. Чайки пронзительно кричали, выискивая в волнах свой завтрак. Может, это алкоголь сыграл с ним шутку?

Ретвенко опустил клерка на пол. Он пролил свой кофе, но не стал утруждать себя походом к кофейнику за второй чашкой.

- Говорил же, что это пустяки, - сказал паренек, поднимаясь на ноги. - Необязательно было так горячиться. - Клерк стряхнул с себя пыль и вернулся за стол. - Я никогда не встречал ни одного из вас. Гришей. - Ретвенко фыркнул. Наверняка он встречал их, просто не знал об этом. - Тебе хорошо платят за рейсы?

- Недостаточно хорошо.

- Я... - но что бы клерк ни собирался сказать, его оборвала входная дверь, взорвавшаяся градом щепок.

Ретвенко быстро прикрыл лицо руками. Затем пригнулся и перекатился за стол, чтобы укрыться. В комнату вошла женщина - черные волосы, золотые глаза. Шуханка.

Клерк потянулся к пистолету, прикрепленному к днищу стола.

- Они пришли за жалованьем! - крикнул он. - Никто не заберет у меня жалованье.

Ретвенко ошеломленно наблюдал, как долговязый клерк встал в позу воина возмездия и открыл огонь. О святые, ничто так не мотивировало людей в Керчи, как деньги!

Ретвенко выглянул из-за стола как раз вовремя, чтобы увидеть, как пуля попала женщине прямо в грудь. Ее отбросило назад на дверной косяк, и она упала на пол. В воздухе остро запахло порохом и металлическим привкусом крови. В животе у Ретвенко позорно екнуло. Давненько у него на глазах никого не застреливали - и то это было во время войны.

- Никто не заберет у меня жалованье, - довольно повторил клерк.

Но не успел шквальный ответить, как шуханка схватилась окровавленной рукой за дверную раму и поднялась на ноги.

Ретвенко часто заморгал. Сколько же виски он выпил?

Женщина шагнула вперед. Сквозь ее порванную блузку были видны кровь, плоть,

пронизанная пулями, и блеск чего-то похожего на металл.

Парнишка попытался перезарядить пистолет, но женщина действовала очень быстро. Она выхватила оружие у него из рук и ударила им клерка по голове, сбив того с ног. Затем отбросила пистолет и обратила взгляд своих золотых глаз на Ретвенко.

– Забирай деньги! – крикнул он, пятясь назад. Порылся в карманах и швырнул ей почти пустой кошелек. – Забирай что хочешь!

Женщина слегка улыбнулась... то была жалость? Насмешка? Ретвенко не знал. Но он понял, что пришла она вовсе не за деньгами – за ним. И не важно, работороговец она или наемница, или вообще кто-то третий. Ей придется сражаться с солдатом, а не с каким-то трусливым слабаком.

Он вскочил на ноги – мышцы плохо слушались, – и занял боевую позицию, выставив руки вперед. Через комнату пролетел вихрь воющего ветра, опрокидывая стул, стол и горячий кофейник в сторону женщины. Она отбилась от них без особого труда, словно от паутины.

Ретвенко сосредоточился и взмахнул обеими руками, чувствуя, как в ушах стреляет от внезапно упавшего давления. Ветер перерос в поднимающуюся бурю. Может, эту женщину и не остановить пулями, но посмотрим, как она справится с яростью бури!

Шуханка зарычала, когда штормовой ветер отбросил ее обратно в открытый дверной проем. Женщина схватилась за косяк, пытаясь удержаться.

Ретвенко захохотал. Он уже и забыл, какое это удовольствие – сражаться. Но сзади раздался оглушительный треск и визг гвоздей, вырывающихся на свободу и раздирающих древесину. Он оглянулся через плечо и мельком успел рассмотреть рассветное небо и пристань. Стена исчезла.

Кто-то сильный схватил его, прижав руки Ретвенко так, чтобы тот не мог ими двигать. Затем они взлетели, и вскоре гавань начала сжиматься под его ногами, становясь все меньше и меньше. Ретвенко увидел крышу конторы начальника порта, тело первого помощника, распластавшееся на доке, корабль, на котором он должен был плыть, – палуба судна превратилась в месиво из сломанных досок и бездыханных тел, валявшихся у разбитых мачт. Его похитители сначала наведались туда.

Холодный ветер обдувал лицо. Сердце отбивало хаотичный ритм в его ушах.

– Пожалуйста, – начал умолять он, когда они взмыли выше, хоть и сам не знал, о чем просит.

Боясь шевельнуться слишком резко, Ретвенко вытянул шею, чтобы взглянуть на своего похитителя, затем испустил испуганный стон, что-то среднее между всхлипом и паническим визгом животного, загнанного в ловушку.

Его держал шуханец с иссиня-черными волосами, собранными в тугий пучок, и прищуренными от ветра золотыми глазами. На спине у него росли два широких крыла, бьющих по воздуху: скрепленные шарнирами, искусно обработанные, с вьющейся серебряной филигранью и натянутой парусиной. Что это был за ангел? Или демон? Какой-то странный оживший механизм? Может, Ретвенко просто потерял рассудок?

Опустив голову, Эмиль увидел тень, которую они отбрасывали на мерцающую поверхность моря далеко внизу: две головы, два крыла, четыре ноги. Он стал огромным чудовищем, и это же чудовище его поглотит. Молитвы Ретвенко переросли в крики, но все равно остались неслышанными.

Уайлен

«Что я здесь делаю?»

Эта мысль проносилась в голове Уайлена не меньше шести раз в день с тех пор, как он познакомился с Казом Бреккером. Но в такую ночь, как эта, в ночь, когда они «работали», она снова и снова звучала на все лады, как будто у него в голове распевался нервный тенор: «Что здесь делаю что здесь делают что здесь сделаю».

Уайлен потянул за край своего форменного небесно-голубого жакета – такие носили официанты в клубе «Кучевые облака», – и попытался принять непринужденную позу. *«Представь, что это званый ужин»*, – говорил он себе. Уайлен пережил бесчисленное количество утомительных приемов в доме своего отца. Этот ничем не отличался. Если подумать, тут было даже проще. Никаких неловких бесед о его учебе или о том, когда он планирует пойти в университет. Все, что от него требовалось, – это оставаться спокойным, следовать указаниям Каза и придумать, куда деть свои руки. Сомкнуть их спереди? Слишком в духе певца на концерте. Сзади? Слишком по-военному. Он попытался просто держать их опущенными, но и это ему не понравилось. Почему он никогда не обращал внимания на то, как стоят официанты? Несмотря на заверения Каза, что сегодня зал на втором этаже принадлежит только им, Уайлен не сомневался, что в любую минуту сюда мог войти кто-то из персонала, ткнуть в него пальцем и закричать: «Самозванец!» С другой стороны, большую часть времени Уайлен и чувствовал себя самозванцем.

С их возвращения в Кеттердам прошла всего неделя и почти месяц с тех пор, как они покинули Джерхолм. Почти все это время Уайлен находился в обличье Кювея, но всякий раз, как он замечал свое отражение в зеркале или витрине магазина, он долго не мог осознать, что смотрит не на чужака. Теперь это его лицо: золотистые глаза, широкий лоб, черные волосы. Его старую личину стерли, и Уайлен плохо знал человека, которым стал – человека, стоящего в приватном кабинете одного из самых роскошных игорных домов Крышки, играющего свою роль в очередном спектакле, придуманном Казом Бреккером.

Игрок за столом поднял бокал шампанского, чтобы его наполнили, и Уайлен метнулся вперед, покинув свой пост у стены. Когда он доставал бутылку из серебряного ведерка со льдом, его руки дрожали, но годы, проведенные на приемах отца, не прошли даром. По крайней мере он знал, как правильно налить шампанское в бокал, чтобы оно не вспенилось. Уайлен так и слышал насмешливый голос Джеспера: «Поразительные навыки, маленький купец».

Он решил мельком взглянуть на товарища. Стрелок сидел за столом, согнувшись над картами. На нем была потрепанная военно-морская тужурка, обшитая маленькими золотыми звездочками. Мятая рубашка сияла белизной на фоне его смуглой кожи. Джеспер устало потер лицо. Они играли в карты уже больше двух часов. Уайлен даже не знал, напуская эту усталость или настоящая.

Юноша наполнил еще один бокал, вспоминая указания Бреккера.

«Просто принимай заказы игроков и прислушивайся к разговору Смита, – сказал он. – Это работа, Уайлен. Выполняй».

Почему все называли это работой? На работу это совсем не похоже. Похоже на другое: как будто он оступился и внезапно начал падать. Похоже на панику. Тогда Уайлен принялся рассматривать комнату – трюк, которым он пользовался, чтобы собраться с силами, каждый раз, когда попадал в новое место или когда его отец пребывал в особенно дурном расположении духа. Он внимательно изучил узор из переплетенных звезд на полированном деревянном полу, лампы в форме ракушек на люстре из дутого стекла, обои из кобальтового шелка с ворсистыми серебряными облаками, нарисованными на них. Окон в помещении не было, чтобы не впускать естественный свет. Каз говорил, что их нет ни в одном игорном доме, потому что боссы хотят, чтобы игроки теряли счет времени.

Уайлен наблюдал, как Каз раздает новые карты Смигу, Джеспери и другим игрокам, сидящим за круглым столом. На нем был такой же небесно-голубой жакет, как на Уайлене, а вот перчатки Казу пришлось снять. Уайлен заставлял себя не пялиться. Дело не только в том, что видеть Каза с оголенными руками было странно и непривычно, а в том, как они двигались, управляемые, казалось, тайным механизмом, суть которого Уайлен не понимал. Когда он учился рисовать, он много раз рассматривал анатомический атлас. Он хорошо разобрался в мускулатуре, знал, как кости, суставы и связки соединяются друг с другом. Но руки Каза двигались так, словно были созданы исключительно для того, чтобы жонглировать картами. Длинные бледные пальцы сгибались в простом ритме, движения при раздаче карт были отточенными, ни одного лишнего жеста. Каз заявлял, что может контролировать любую колоду. Тогда почему же Джеспер так чудовищно проигрывал?

Когда Бреккер изложил эту часть плана в их укрытии на острове Черной Вуали, Уайлен отнесся к затее скептически, и в кои веки он был не единственным, у кого были вопросы к Казу.

– Правильно ли я поняла, – начала Нина, – твой великий замысел заключается в том, чтобы дать Джеспери краткосрочный кредит и заставить его играть в карты с Корнелисом Смитом?

– Смигу нравятся блондинки и высокие ставки в «Ежевике на троих», – ответил Бреккер. – Мы дадим ему и то и другое. Я буду на раздаче первую половину вечера, а во второй подключится Шпект.

Уайлен плохо знал Шпекта. Он был бывшим моряком и членом «Отбросов» и управлял их шхуной, на которой они плыли в Ледовый Двор. Откровенно говоря, по мнению Уайлена, Шпект выглядел устрашающе – с этой седой бородой и татуировками, покрывавшими большую часть его шеи. Но даже в голосе Шпекта звучала обеспокоенность, когда он произнес:

– Я могу раздавать карты, Каз, но не умею контролировать колоду.

– Тебе и не надо. С того момента, как ты сядешь за стол, начнется честная игра. Главное – задержать Смита до полуночи. Когда заступит новая смена, мы можем потерять его. Как только я встану, он начнет думать о том, не пересечь ли ему за другой стол или завершить вечер, так что сделайте все, что в ваших силах, чтобы его задница была крепко приклеена к стулу.

– Я справлюсь, – отозвался Джеспер.

Нина нахмурилась.

– Ну да, конечно, а еще я могу для второй части плана замаскироваться под торговца юрдой-паремом. И что может пойти не так?

Уайлен выразился бы немного иначе, но он был совершенно с ней согласен. Им следовало бы держать Джеспера подальше от игорных домов, а не поощрять его пристрастие к риску. Но Каз стоял на своем.

– Просто делай свою работу и проследи, чтобы Смит был полностью увлечен тобой до полуночи. Ты знаешь, что на кону.

Все знали. Жизнь Инеж. И как Уайлен мог с этим поспорить? Он чувствовал вину всякий раз, когда думал об этом. Ван Эк сказал, что будет ждать выдачи Кювея Юл-Бо в течение семи дней, а затем начнет пытать Инеж. Их время подходило к концу. Уайлен знал, что никак не мог помешать отцу подставить их команду и похитить девушку. *Знал*, но все равно чувствовал себя виноватым.

– И что я должна делать с ним после полуночи? – спросила Нина.

– Попытайся уговорить его провести с тобой ночь.

– Что?! – прошипел Матиас, краснея до кончиков ушей.

– Он откажется.

Нина хмыкнула.

– Черта с два.

– Нина... – прорычал Матиас.

– Смит никогда не жульничает в игре и не обманывает свою жену, – сказал Каз. – Он такой же, как и половина любителей, расхаживающих по Бочке. Большую часть времени он почтенный и порядочный человек – строгая экономия и полбокала вина за ужином. Но раз в неделю ему нравится чувствовать себя таким отщепенцем, соревнующимся в остроловии с крупными шишками Восточного Обруча. И он любит, когда в такие вечера рядом сидит красивая блондинка.

Нина надулась.

– Если он такой правильный, почему ты хочешь, чтобы я попыталась...

– Потому что Смит купается в золоте, и любая уважающая себя девушка с Западного Обруча непременно попыталась бы.

– Мне это не нравится, – нахмурился Матиас.

Губы Джеспера расплылись в безрассудной, фирменной улыбке стрелка.

– Давай будем откровенными, Матиас, тебе вообще мало что нравится.

– Задержите Смита в «Кучевых облаках» с восьми до полуночи, – распорядился Каз. – Это четыре часа игры, так что не теряйте бдительность.

Нина определенно справлялась с этой задачей, и Уайлен не знал, восхищаться ему или волноваться. Девушка была одета в прозрачное лавандовое платье, оснащенное каким-то подобием корсета, который поднимал ее грудь до тревожных высот, и, хотя она сильно похудела после своей борьбы с паремом, Смит все равно было за что ухватиться. Она уверенно устроилась у него на колене, обхватив мужчину за плечи, и что-то ласково мурлыкала ему на ухо, поглаживая его грудь и время от времени просовывая руку под рубашку, напоминая гончую, выискивающую лакомство. Останавливалась она исключительно для того, чтобы заказать устриц или еще одну бутылку шампанского. Уайлен знал, что Нина в состоянии справиться с любым мужчиной и в любой ситуации, но ему не нравилось, что ей приходится сидеть полуголой на коленях какого-то плотоядно ухмыляющегося адвоката в продуваемой сквозняками комнате игорного дома. Как минимум она может простудиться.

Джеспер в очередной раз бросил карты и раздраженно выдохнул. Последние два часа он медленно проигрывал. Парень осторожно делал ставки, но, похоже, ни удача, ни Каз не были сегодня на его стороне. И как им удержать Смита за столом, если у Джеспера закончатся деньги? Хватит ли других игроков с высокими ставками для приманки? В комнате их было несколько – они маячили у стен, наблюдали за игрой, и каждый надеялся занять местечко, если кто-то проиграет всю наличность. Никто из них понятия не имел, какую на самом деле игру затеял Каз.

Когда Уайлен наклонился, чтобы наполнить бокал Нины, то услышал бормотание Смита:

– Карточная игра как дуэль. Маленькие порезы и выпады, которые готовят сцену к финальному смертельному удару, – он глянул на Джеспера. – Этот паренек залил весь стол своей кровью.

– Не представляю, как тебе удастся держать все правила в голове, – хихикнула Нина.

Смит довольно улыбнулся.

– Это все мелочи по сравнению с ведением бизнеса.

– Для меня это тоже потемки.

– Я и сам порой удивляюсь, как мне это удастся, – вздохнул Смит. – Неделя выдалась тяжелой. Один из моих клерков так и не вернулся из отпуска, а это значит, что у меня не

хватает рабочих рук.

Уайлен чуть не выронил бутылку, и шампанское плеснуло на пол.

– Я плачу, чтобы пить, а не купаться в нем, парень! – рявкнул Смит. Затем промокнул штаны и пробурчал: – Вот что бывает, когда нанимаешь иностранцев.

«Он говорит обо мне», – догадался Уайлен и поспешил отойти. Он никак не мог привыкнуть к своим новым шуханским чертам. Он даже не говорил на шуханском – факт, который не беспокоил его до того момента, пока два туриста с картой не остановили его в Восточном Обруче. Уайлен запаниковал, суетливо пожал плечами и кинулся к служебному входу в клуб.

– Бедный мальчик, – сказала Нина Смигу, провела пальцами по его редющим волосам и поправила один из цветков, прикрепленных к ее шелковистым светлым накладным локонам. Уайлен не знал, говорила ли она Смигу, что работает в «Синем ирисе», но он наверняка и сам так предположил.

Джеспер откинулся на спинку кресла и забарабанил пальцами по рукояткам револьверов. Это движение привлекло внимание адвоката.

– Какие красивые пушки. Настоящий перламутр, если я не ошибаюсь? – сказал Смит тоном человека, который редко ошибается. – У меня у самого неплохая коллекция огнестрельного оружия, но ни одно из них и в подметки не годится земенским магазинным револьверам.

– О, я бы с радостью посмотрела на твою пушку, – проворковала Нина, и Уайлен закатил глаза, уставившись в потолок. – Мы что, всю ночь будем тут сидеть?

Парень попытался скрыть изумление. Разве суть их плана не состояла в том, чтобы заставить его остаться? Но, судя по всему, Нине было виднее, потому что на лице адвоката появилась упрямая гримаса.

– Тихо ты! Если выигрыш будет крупным, может быть, я куплю тебе что-нибудь красивое.

– Я закажу еще одну порцию устриц.

– Но ты и эту не доела.

Уайлен заметил, как задрожали ноздри Нины, словно она делала глубокий вдох. С тех пор как она оправилась после болезни, вызванной паремом, девушка потеряла аппетит, и он даже не представлял, как ей удалось проглотить почти дюжину устриц.

Теперь он наблюдал, как она доела оставшиеся и передернулась.

– Вкуснотища, – выдавила Нина, покосившись на Уайлена. – Давай попросим еще.

Это был сигнал. Уайлен подскочил и забрал большой поднос со льдом и пустыми раковинами.

– Ненасытная дамочка, – улыбнулся Смит.

– Устриц, сударыня? – спросил Уайлен чересчур высоким голосом. – Креветок в масле? – теперь голос чересчур низкий.

– Давайте все, – потворствовал девушке Смит. – И еще шампанского.

– Чудесно, – сказала Нина, и ее лицо слегка позеленело.

Уайлен бросился через распашные двери в служебную кладовую. Она была забита тарелками, столовыми приборами, салфетками и оловянными ванночками со льдом. Большую часть дальней стены занимал кухонный лифт, а рядом с ним находилась переговорная трубка, позволяющая передавать заказы на кухню. Уайлен поставил поднос со льдом и раковинами на стол, а затем связался с поваром, чтобы заказать еще устриц и креветок в масле.

– О, и еще одну бутылку шампанского.

– Какого урожая?

– Э-э... того же? – он слышал, как друзья его отца обсуждали, в какие вина стоит вкладывать деньги, но не доверял себе до такой степени, чтобы выбрать год.

К тому времени как он вернулся в зал с заказом, Каз уже поднимался из-за стола. Он сделал вид, что стряхивает пыль с рук – знак того, что крупье закончил смену. Шпект занял его место. На шее моряка был повязан синий шелковый платок, чтобы скрыть татуировки. Он поправил манжеты и попросил игроков повысить ставки или обналичить фишки.

Каз встретился взглядом с Уайленом и исчез в кладовой.

Вот и настал момент истины. Как объясняли Каз и Джеспер, игрок часто верит, что его удача напрямую связана с крупье, и прекращает игру, когда заступает новая смена.

Уайлен с тревогой наблюдал, как Смит потянулся и шлепнул Нину по мягкому месту.

– Хорошая игра, – сказал он, глядя на Джеспера, который уныло смотрел на свою скудную стопку оставшихся фишек. – Давай поищем ставки покрупнее в другом месте.

– Но мне только что принесли заказ! – надула губки Нина.

Уайлен шагнул вперед, не зная, что сказать, но зная то, что они обязаны задержать Смита.

– Вам все понравилось, сэр? Могу ли я предложить вам и даме что-нибудь еще?

Смит не ответил ему, но продолжал поглаживать Нину ниже спины.

– В Крышке полно мест, где деликатесы и обслуживание на уровень выше, чем здесь, дорогая.

Крупный мужчина в полосатом костюме подошел к Смиту с явным намерением занять его место.

– Обналичиваете?

Смит по-дружески кивнул Джесперу.

– Похоже, не я один, да? В следующий раз больше повезет.

Тот не улыбнулся.

– Я еще не закончил.

Адвокат указал на унылую стопку фишек Джеспера.

– А похоже, что закончили.

Джеспер встал и потянулся к револьверам. Уайлен сжал в руках бутылку шампанского, а другие игроки отпрянули от стола, готовясь вытащить свое оружие или спрятаться в укрытии. Но Джеспер просто снял ремень. Затем аккуратно положил револьверы на стол, ласково проведя пальцами по их перламутровой кромке.

– Сколько вы готовы за них отдать?

Уайлен попытался поймать взгляд друга. Было ли это частью плана? А если и так, о чем Джеспер думал? Он любил эти револьверы. С тем же успехом он мог отрезать себе руку и кинуть ее в кипящий котел.

Шпект прочистил горло.

– Наш клуб – не ломбард. Мы принимаем только наличные или заем из Геменсбанка.

– Я поддерживаю ставку, – сказал Смит с напускным равнодушием, – если это поможет продолжить игру. Тысяча крюге за пушки?

- Они стоят в десять раз больше.

- Пять тысяч.

- Семь.

- Шесть, и то потому, что я сегодня щедрый.

- Нет! - выпалил Уайлен, и в зале воцарилась тишина.

- Не помню, чтобы я просил твоего совета, - процедил Джеспер ледяным тоном.

- Какая наглость! - возмутился Смит. - С каких пор официанты имеют право вмешиваться в игру?

Нина сердито посмотрела на Уайлена, а в голосе Шпекта звучала ярость, когда он сказал:

- Господа, так мы продолжим игру? Повышаем ставки!

Джеспер пододвинул револьверы Смиуту, а тот протянул ему высокую стопку фишек.

- Хорошо, - сказал Джеспер, и его серые глаза потускнели. - Раздавай.

Уайлен отошел от стола и быстро скрылся в кладовой. Поднос со льдом и раковинами исчез, и Каз уже ждал его. Бреккер накинул длинный оранжевый плащ поверх голубого жакета. На руках снова были перчатки.

- Каз, - с отчаянием начал Уайлен. - Джеспер только что поставил свои револьверы!

- Сколько он за них получит?

- Какая разница? Он...

- Пять тысяч крюге?

- Шесть.

- Хорошо. Даже Джеспер не сможет проиграть их меньше чем за два часа, - он бросил Уайлену плащ и маску - костюм Серого Бесенка, одного из персонажей «Зверской Комедии». - Пойдем.

- Я?

- Нет, тот идиот позади тебя, - Каз поднял переговорную трубку и сказал: - Пришлите нового официанта. Этот умудрился облить шампанским туфли важного гостя.

Кто-то с кухни рассмеялся и ответил:

- Сейчас пришлем.

Через минуту они спустились по лестнице и вышли через служебный вход. Их костюмы позволяли оставаться неузнанными в толпе Восточного Обруча.

- Ты знал, что Джеспер проиграет. Лично позаботился об этом, - произнес Уайлен обвинительным тоном. Каз редко брал с собой трость, когда они бродили по тем районам города, где его хорошо знали. Но, несмотря на хромоту Бреккера, Уайлену было нелегко за ним поспеть.

- Естественно. Я контролирую игру, Уайлен, или не играю вообще. Я мог бы сделать так, чтобы Джеспер выигрывал каждую раздачу.

- Тогда почему...

- Мы пришли не для того, чтобы обыграть кого-то в карты. Мы хотели, чтобы Смит оставался за столом. Он пялился на револьверы так же похотливо, как разглядывал декольте Нины. Теперь он верит, что ему предстоит хорошая ночь - если он проиграет, все равно продолжит игру. Кто знает? Возможно, Джесперу даже удастся вернуть свои

пистолеты.

– Очень на это надеюсь, – буркнул Уайлен, когда они сели в шлюпку, забитую туристами, и поплыли к югу Обруча.

– Надейся.

– Что это значит?

– Такие игроки, как Джеспер, выиграют пару раздач и начинают думать, что у них наступила полоса удачи. В конце концов они проиграют, но это только еще пробуждает в них азарт. На это все и рассчитано.

«Тогда зачем было отправлять его в игорный дом?» – подумал Уайлен, но промолчал. И зачем заставлял Джеспера расставаться с единственной вещью, которая так много для него значит? Должны же были найтись и другие способы, чтобы задержать Смита за столом. Но все эти вопросы были второстепенными. Главный вопрос заключался в том, почему Джеспер вообще согласился пойти на такое. Может, он все еще жаждал одобрения Каза, надеясь занять свое место под солнцем после промаха, который привел к засаде на доках, едва не стоившей Инеж жизни? Или же он хотел от Каза чего-то большего, чем прощения?

«Что я здесь делаю?» – снова удивлялся Уайлен. Он обнаружил, что машинально грызет большой палец, и заставил себя остановиться. Он здесь ради Инеж. Она много раз спасала их жизни, и он об этом не забудет. Он здесь еще и потому, что отчаянно нуждается в деньгах. А если есть и другая причина, высокая, долговязая причина, пристрастившаяся к азартным играм, он не собирается сейчас о ней думать.

Добравшись до окраины Бочки, Уайлен и Каз сняли плащи и голубые жакеты и зашагали в сторону района Зельвер.

Матиас ждал их под темным переходом у Хандельканала.

– Все чисто? – спросил Каз.

– Чисто, – ответил громадный фьерданец. – Свет на верхнем этаже дома Смита погас час назад, но я не знаю, спит ли прислуга.

– У него только приходящие горничная и повар, – хмыкнул Каз. – Он слишком жадный, чтобы держать домашних слуг.

– Как...

– Нина в порядке. Джеспер тоже. Все в порядке, кроме меня, потому что я связался с бандой нервных нянек. Стой на стреме.

Уайлен пожал плечами, выражая сочувствие Матиасу, который выглядел так, словно подумывал разmozжить голову Каза об стену, и поспешил за Бреккером. Дом Смита, где находилась и его контора, располагался на темной безлюдной улице. Вдоль канала светили фонари, в некоторых окнах горели свечи, но после десяти большинство респектабельных жителей этого района отходили ко сну.

– Мы просто войдем через входную дверь?

– Вместо того чтобы болтать, смотри в оба, – огрызнулся Каз, и в его руках в перчатках блеснули отмычки.

«Я так и делаю», – подумал Уайлен. Но это было не совсем так. Он обратил внимание на пропорции дома, разглядел остроконечную крышу, розы, расцветающие на подоконниках. Но он не смотрел на дом как на головоломку. Теперь парень с раздражением признал, что ее было легко решить. Район Зельвер был зажиточным, но не по-настоящему богатым – здесь обитали успешные ремесленники, бухгалтеры и барристеры. Хотя дома были крепкими и опрятными, с видом на широкий канал, они теснились друг к другу и не могли похвастаться большими садами или частными причалами. Чтобы добраться до окон верхних этажей, им с Казом пришлось бы забраться в соседний дом, а значит, взломать два замка вместо одного. Проще рискнуть и пройти

через входную дверь, и вести себя так, словно они имеют полное право тут находиться, – даже если Каз собирается отпереть дверь с помощью отмычек, а не ключей.

«Смотри в оба». Но Уайлен не видит мир таким, каким видит его Бреккер. И как только они получают свои деньги, ему и не придется этого делать.

Через мгновение Каз нажал на ручку, и дверь распахнулась. В ту же секунду Уайлен услышал топот лап, царапанье когтей по дереву, гортанные рыки, и в прихожую выбежала стая гончих Смита, скаля зубы. Прежде чем собаки сообразили, что пришел не хозяин, а посторонние, Каз зажал между губами свисток Смита и дунул в него. Нине удалось отделить его от цепочки, которую адвокат всегда носил на шее, и спрятать в пустую устричную раковину, которую Уайлен отнес на кухню.

Из свистка не донеслось ни звука... по крайней мере, Уайлен его не услышал. «*Не сработало*», – подумал он, представляя, как огромные челюсти собак кромсают его горло. Но псы резко остановились, недоуменно врезаясь друг в друга.

Каз снова дунул, поджав губы в такт новой команде. Гончие притихли и легли на пол с недовольным повизгиванием. Одна даже перекатилась на спину.

– И почему людей нельзя так легко натренировать? – пробурчал Каз, присаживаясь на корточки, чтобы почесать пузо послушной собачки; его руки в черных перчатках поглаживали короткую шерстку. – Закрой за собой дверь.

Уайлен сделал, как было велено, и прижался к двери, настороженно посматривая на свору собак, готовых служить. Весь дом пропах псинами – мокрой шерстью, соевыми шкурами, горячим дыханием и смердящим сырым мясом.

– Не любишь животных? – полюбопытствовал Каз.

– Мне нравятся собаки. Но не те, что размером с медведей.

Уайлен знал, что настоящую проблему дома Смита было не так просто решить даже Бреккеру. Каз мог взломать любой замок и обхитрить любую охранную систему, но ему не удавалось придумать простой способ обойти кровожадных гончих Смита, чтобы они не мешали его замыслу. В дневное время гончих держали в псарне, но ночью им позволяли бродить по дому, пока семья Смита мирно посапывала в богато обставленных спальнях на третьем этаже. Лестница, ведущая на этот этаж, была ограждена железной решеткой. Смит лично выгуливал своих питомцев вдоль Хандельканала, плетясь за ними, как пузатый каюр в дорогой шляпе.

Нина предложила подсыпать снотворное в собачью еду. Смит каждое утро ходил к мяснику, чтобы выбрать вырезку для своих псов, и подменить свертки не составило бы труда. Но Смит хотел, чтобы его псы оставались голодными ночью, поэтому кормил их только утром. Он бы заметил, если бы его драгоценные гончие ходили вялые весь день, и велика была вероятность, что мужчина останется дома, чтобы приглядывать за псами. Отбросам же было нужно, чтобы он провел вечер в Восточном Обруче, а затем, вернувшись домой, не обнаружил ничего подозрительного. От этого зависела жизнь Инеж.

Каз арендовал частный кабинет в «Кучевых облаках», Нина умыкнула свисток из-под рубашки Смита, и, кусочек за кусочком, их пазл сложился. Уайлен даже думать не хотел о том, на что им пришлось пойти, чтобы узнать команды для собак. Парня передернуло, когда он вспомнил слова Смита: «Один из моих клерков так и не вернулся из отпуска». И никогда уже не вернется. Уайлен все еще не мог забыть, как кричал бедолага, когда Каз держал его за лодыжку, свесив с верхушки маяка Ханрад Пойнт. «Я хороший человек! – вопил он. – Я хороший человек!» Это были его последние слова. Болтай он меньше, может быть, и выжил бы.

Теперь Уайлен смотрел, как Каз чешет сонную собаку за ухом и встает.

– Пойдем. Смотри под ноги.

Они обошли груды собачьих тел в прихожей и тихо прокрались вверх по лестнице. Уайлену была известна планировка дома Смита. Большинство дельцов города руководствовались одной и той же схемой расположения: кухня и комнаты для встреч с

клиентами на первом этаже, кабинеты и хранилище на втором, семейные спальни на третьем. В очень богатых домах имелся и четвертый этаж для прислуги. В детстве Уйлен проводил там долгие часы, прячась в верхних комнатах от своего отца.

– Даже не заперто, – пробормотал Каз, когда они вошли в кабинет Смита. – Из-за собак он совсем забыл об осторожности.

Бреккер закрыл дверь и зажег лампу, подкрутив фитиль, чтобы уменьшить пламя.

В кабинете было три небольших стола, расставленных у окон так, чтобы на них падал естественный свет – один для Смита и два для его клерков. *«Я хороший человек»*.

Уйлен отогнал это воспоминание и сосредоточил свое внимание на полках, тянувшихся от пола до потолка. На них выстроились grossбухи и коробки, набитые документами, к каждой из которых была аккуратно приклеена бумажка – наверняка с именами клиентов и названиями компаний, предположил Уйлен.

– Сколько простофиль, – присвистнул Каз, пробегая взглядом по коробкам. – Натен Боре, и тот жалкий маленький крысеныш Карл Драйден. Смит представляет интересы половины Торгового совета.

Включая отца Уйлена. Сколько парень себя помнил, Смит был адвокатом Яна Ван Эка и управлял его имуществом.

– С чего начнем? – прошептал он.

Каз достал толстый grossбух с полки.

– Сначала убедимся, что твой отец не делал новых приобретений на свое имя. Затем поищем на твоё имя и имя твоей мачехи.

– Не называй её так! Элис едва ли старше меня. И отец не стал бы записывать имущество на моё имя.

– Ты даже не представляешь, на что готовы пойти люди, чтобы избежать уплаты налогов.

Почти весь следующий час они копались в папках Смита. Им и без того всё было известно о государственном имуществе под управлением Ван Эка: о фабриках, гостиницах, заводах, верфи, загородном доме и сельскохозяйственных угодьях на юге Керчии. Но Каз считал, что у отца Уйлена должны быть и частные владения, места, которые не указаны в публичном реестре, укромные уголки, где он мог бы спрятать что-то – или кого-то – подальше от посторонних глаз.

Каз зачитывал имена и записи из grossбуха вслух, задавая Уйлену вопросы и пытаясь найти связь с недвижимостью или компаниями, о которых они ещё не слышали. Уйлен знал, что ничем не обязан своему отцу, но всё равно чувствовал себя предателем.

– «Гельдспин»? – спросил Бреккер.

– Хлопкопрядильная фабрика. Кажется, в Зирфорте.

– Слишком далеко. Он не стал бы прятать её там. Как насчёт компании «Аллербест»?

Уйлен порылся в памяти.

– Вроде бы консервный завод.

– Оба этих предприятия буквально печатают деньги и записаны на имя Элис. Но крупное имущество Ван Эк оставил себе – верфь, силосные башни в Сладком Рифе.

– Я же говорил тебе, – пробубнил Уйлен, выводя пером закорючки на промокательной бумаге. – В первую очередь отец доверяет себе, Элис – лишь в малой степени. И он бы ничего не записал на моё имя.

Каз просто сказал:

– Следующий grossбух. Начнем с коммерческой недвижимости.

Уайлен перестал рисовать.

– Там *есть* что-то на меня?

Каз откинулся с вызывающим видом.

– Типография.

Все та же старая шутка. Тогда почему она так его задела? Уайлен отложил перо.

– Ясно.

– Я бы не назвал его тонким юмористом. «Эйл Комеди» тоже записан на тебя.

– Ну, еще бы, – хмыкнул Уайлен, жалея, что не смог скрыть горечи в своем голосе. Очередная тайная насмешка, любимое развлечение его отца: заброшенный остров, на котором не было ничего, кроме сломанного парка развлечений. Бесплезное место для его бесплезного, неграмотного сына. Не стоило и спрашивать.

По мере того как шли минуты и Каз продолжал читать вслух, Уайлен все больше тревожился. Если бы он умел читать, они бы просмотрели папки в два раза быстрее. И Уайлен уже знал бы всю подноготную о делах своего отца.

– Я тебя задерживаю.

Каз открыл еще одну подшивку документов.

– Я знал, сколько времени это займет. Какую фамилию носила твоя мать?

– На нее ничего нет.

– Ну порадуь меня.

– Хендрикс.

Каз подошел к полкам и взял другой грессбух.

– Когда она умерла?

– Мне было восемь, – Уайлен снова поднял перо. – Отец изменился в худшую сторону после ее смерти. – По крайней мере, так он запомнил. Месяцы после кончины его мамы превратились в размытое пятно скорби и тишины. – Он не позволил мне пойти на ее похороны. Я даже не знаю, где она погребена. И вообще, почему вы постоянно это повторяете? «Ни траура, ни похорон»? Почему бы просто не пожелать друг другу удачи или не попросить беречь себя?

– Мы предпочитаем не завышать ожиданий. – Каз провел пальцем по колонке цифр и остановился. Его взгляд забегал туда-сюда между грессбухами, а затем он захлопнул книги в кожаных переплетах. – Пошли.

– Ты что-то нашел?

Он кивнул.

– Я знаю, где она.

Уайлен был уверен, что ему не померещилось напряжение в хриплом голосе напарника. Каз никогда не кричал так, как отец Уайлена, но парень научился слышать в голосе Бреккера ту низкую ноту, ту долю черного аккорда, появлявшиеся, когда дело начинало принимать плохой оборот. Он слышал ее после драки на доках, когда Инеж истекала кровью от ножа Омена, и потом, когда Каз узнал, что именно Пекка Роллинс пытался устроить им засаду, и еще раз, когда отец Уайлена надул их. Особенно четко и ясно он слышал ее на маяке, когда клерк молил о пощаде.

Уайлен наблюдал, как Каз приводит комнату в порядок. Он переместил конверт немного влево, немного приоткрыл ящик с самыми крупными папками и отодвинул кресло от стола на пару сантиметров. Закончив, он осмотрел комнату, забрал из рук Уайлена перо

и осторожно положил его туда, где оно лежало.

– Хороший вор как хороший яд, маленький купец. Он не оставляет следов, – Каз затушил лампу. – Твой отец занимается благотворительностью?

– Нет. Он платит Гезену десятину, но считает, что благотворительность лишает людей возможности честно зарабатывать на жизнь.

– Ну, он делал пожертвования церкви Святой Хильды в течение последних восьми лет. Если хочешь отдать дань уважения матери, то советую начать оттуда.

Уайлен в недоумении уставился на Каза в темной комнате. Он никогда не слышал о церкви Святой Хильды. И ни разу не видел, чтобы Грязные Руки делился хоть малейшей информацией без какой-либо выгоды.

– Что...

– Если Нина и Джеспер справились со своей задачей, Смит скоро вернется домой. Мы не должны торчать здесь, когда он придет, или весь наш план покатится к чертям собачьим. Пошли.

Уайлен ощущал себя так, словно его стукнули по голове grossбухом, а затем велели просто забыть об этом.

Каз приоткрыл дверь. Оба резко остановились.

За плечом Бреккера Уайлен увидел маленькую девочку, стоящую на лестничном пролете и опирающуюся на шею одного из крупных серых псов. С виду ей было не больше пяти, пальчики ее ног едва выглядывали из-под края фланелевой ночной рубашки.

– Ох, Гезен, – пропищал Уайлен.

Каз вышел в коридор, прикрывая за собой дверь. Уайлен замешкался в темноте кабинета, не зная, что ему делать, и боясь того, что мог сделать Каз.

Малышка посмотрела на Бреккера круглыми глазами и перестала сосать большой палец.

– Вы работаете на моего папу?

– Нет.

На Уайлена снова нахлынуло воспоминание: «Я хороший человек». Они устроили клерку засаду у выхода из «Зверинца» и затащили его на вершину маяка. Каз держал его за лодыжки, и мужчина обмочился, крича и моля о пощаде, прежде чем наконец выдать команды для собак Смита. Каз собирался уже втянуть его обратно, но тут клерк начал предлагать им разные вещи – деньги, номера банковских счетов клиентов Смита, а затем: «У меня есть информация об одной девушке из «Зверинца», земенке».

Каз остановился: «Что ты накопал на нее?»

Тогда-то Уайлен и услышал эту низкую, опасную предупреждающую нотку. Но клерк не знал Каза, не заметил изменений в его грубом, скрипучем голосе. Он думал, что нащупал рычаг, то, чего хочет Каз.

«Один из клиентов дарит ей дорогие подарки. Вместо того чтобы отдавать эти деньги, она оставляет их себе. Знаете, что Павлин сделала в прошлый раз с девушкой, которую поймала на этом?»

«Знаю, – ответил Каз, и его глаза заблестели, как острие опасной бритвы. – Танте Хелен забила ее до смерти».

«Каз», – попытался вмешаться Уайлен, но клерк продолжал трещать.

«Прямо в гостиной. Девчонка знает, что ей крышка, если я об этом расскажу. Она обслуживает меня бесплатно, чтобы я держал рот на замке. Тайно проводит меня внутрь. Она проведет и вас, и ваших друзей. Сделает все, что пожелаете!»

«Если Танте Хелен узнает, то убьет твою земенку. В назидание другим девушкам».

«Да! – мужчина жадно глотал воздух. – Она согласится на все, что вы захотите, на все!»

Каз, все еще державший клерка за лодыжку, медленно ослабил хватку, и тот начал выскальзывать. «Ужасно, не правда ли? Знать, что кто-то держит твою жизнь в своих руках».

Клерк понял свою ошибку, и его голос поднялся на октаву: «Она всего лишь девушка из борделя! – закричал он. – Ей известно, что к чему! Я хороший человек. Я хороший человек!»

«В Кеттердаме нет хороших людей, – ухмыльнулся Каз. – Климат не позволяет». А затем он просто расжал руку.

Уайлена передернуло. Теперь, сквозь щель в двери он видел, как Каз присел на корточки, чтобы посмотреть девочке в глаза.

– Как зовут этого здоровяка? – спросил он, кладя руку на морщинистую шею собаки.

– Это Маэстро Спотс.

– Неужели?

– Он очень громко воет. Папа разрешает мне давать имена всем щенкам.

– И Маэстро Спотс – твой любимчик?

Она призадумалась, а затем покачала головой.

– Больше всех мне нравится Герцог Аддам фон Сильверхаунч, на втором месте Лохматик, а *потом* уже Маэстро Спотс.

– Рад знать, Ханна.

Ее маленькие губки округлились.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Я знаю имена всех детей.

– Правда?

– О да. Знаю имя Альберта, который живет по соседству, и Гертруды с Амбберштрат. Я живу под их кроватями и в глубине шкафов.

– Я знала! – ахнула малышка со страхом и торжеством в голосе. – Мама говорила, что там никого нет, но я знала. – Она склонила голову набок. – Вы не похожи на монстра.

– Расскажу тебе секрет, Ханна. Настоящие монстры никогда не похожи на монстров.

Теперь нижняя губа девочки задрожала.

– Вы пришли меня съесть? Папа говорит, что монстры едят детей, которые не слушаются, когда им велят идти спать.

– Едят. Но я не стану. Не сегодня. Если ты исполнишь две мои просьбы, – его голос звучал спокойно, почти гипнотически. В нем слышался скрип натертого канифолью смычка. – Первая: ты должна немедленно отправиться в кровать. И вторая: ты никогда никому не расскажешь, что видела нас, особенно своему отцу. – Он наклонился и игриво дернул Ханну за косичку. – Иначе, если ты это сделаешь, я перережу глотку твоим маме и папе, а затем вырву сердца у твоих миленьких слюнявых собачек. Герцога Сильверхаунча я оставлю на десерт, чтобы ты поняла, что все это – твоя вина.

Лицо маленькой девочки стало таким же белым, как кружево на вороте ее ночной сорочки, глаза расширились и заблестели, как молодой месяц.

- Ты все поняла?

Она яростно закивала, ее подбородок дрожал.

- Ну, ну, не надо слез. Они лишь пробуждают аппетит у монстров. Бегом в постель и возьми с собой этого бесполезного Маэстро Спотса.

Она ринулась по лестничному пролету и взобралась наверх. На полпути девочка испуганно оглянулась на Каза. Он прижал к губам палец в перчатке.

Когда Ханна ушла, Уайлен выскользнул из-за двери и последовал за Бреккером вниз по ступенькам.

- Как ты мог наговорить ей такого? Она просто ребенок.

- Все мы когда-то были просто детьми.

- Но...

- Либо это, либо мне пришлось бы сломать ей шею и подстроить все так, словно она упала с лестницы, Уайлен. По-моему, я проявил поразительную сдержанность. Шевелись.

Они пробрались между оставшимися собаками, которые все еще валялись в прихожей.

- Удивительно, - поднял брови Каз. - Скорее всего, они бы пролежали так всю ночь.

Он дунул в свисток, и они вскочили, готовые оборонять дом. Когда Смит вернется, то все будет так, как и должно быть: псы патрулируют первый этаж, кабинет на втором в сохранности, жена посапывает в своей уютной спальне на третьем, а дочь делает вид, что занята тем же.

Каз осмотрел улицу, а затем махнул Уайлену, задержавшись только для того, чтобы запереть за собой дверь.

Они быстро пошли по мостовой. Уайлен оглянулся через плечо. Ему до сих пор до конца не верилось, что их план удался.

- Хватит оглядываться, словно боишься, что тебя преследуют, - рявкнул Каз. - И не беги. Ты выглядишь таким виноватым, точно играешь роль в пьесе «Вор номер три», дешевой постановке Восточного Обруча. В следующий раз шагай как обычно. Попытайся сделать вид, что здесь тебе и место.

- Следующего раза не будет.

- Конечно, нет. Подними воротник.

Уайлен не стал спорить. Пока они не спасут Инеж, пока они не получат обещанные деньги, он не сможет ставить никаких ультиматумов. Но когда-нибудь этому придет конец. Ведь так?

Матиас издал высокую трель с другого конца улицы. Каз посмотрел на часы и быстро взъерошил себе волосы, чтобы они торчали в разные стороны.

- Как раз вовремя.

Они завернули за угол и наткнулись прямоком на Корнелиса Смита.

Матиас

Матиас прятался в тени и наблюдал, как разворачивается этот странный спектакль.

Корнелис Смит споткнулся, потерял равновесие, и его котелок начал сползать с облысевшей головы. Парень, налетевший на него, шагнул вперед и предложил свою помощь.

Этим парнем был Каз, но в то же время и не Каз. Его темные волосы беззаботно топорщились во все стороны. Казалось, что он не на шутку взволнован. Глаза опущены, подбородок спрятан в воротнике, словно он безумно смущен – образец юноши, уважающего старших. Уайлен маячил у него за спиной и так сильно ежился в своем плаще, что, казалось, вот-вот в нем утонет.

– Смотрите, куда идете! – возмущенно фыркнул Смит, поправляя котелок.

– Мне очень жаль, сэр, – залепетал Каз, разглаживая плечики его сюртука. – Всею виной моя неуклюжесть! – он наклонился к мостовой. – Боже правый, по-моему, вы уронили бумажник.

– Действительно! – удивился Смит. – Спасибо. Спасибо вам большое. – А затем Матиас, не веря своим глазам, увидел, как адвокат открывает бумажник и достает новенькую хрустящую банкноту в пять крюге. – Держите, молодой человек. Порядочность должна вознаграждаться.

Каз не поднимал головы, но каким-то образом ему удалось выразить скромную признательность, когда он сказал:

– Вы слишком любезны, сэр. Слишком любезны. Да будет Гезен с вами так же щедр, как вы со мной.

Тучный адвокат пошел своей дорогой, так и не вернув котелок на место, и начал напевать тихую мелодию, даже не догадываясь, что только что столкнулся с тем же крупье, который два часа назад сидел напротив него в клубе «Кучевые облака». Смит подошел к двери своего дома и вытащил цепочку из-за воротника рубашки. Затем начал лихорадочно похлопывать себя по сюртуку, пытаясь найти свисток.

– Ты не повесил его на цепочку? – спросил Матиас, когда Каз и Уайлен присоединились к нему в темной арке. Он знал, что подобный фокус был вполне по силам Бреккеру.

– Не стал утруждаться.

Смит засунул руку себе под рубашку и достал свисток, после чего открыл дверь, снова напевая под нос. Матиасу это казалось непостижимым. Он постоянно следил за руками Каза, пока тот суетился рядом со Смитом, но, даже зная, что он собирается вернуть свисток, не заметил, когда именно Бреккер провернул свой трюк. Фьерданец боролся с искушением притащить Смита обратно и заставить Каза повторить все сначала.

Бреккер пригладил волосы и вручил пять крюге Уайлену.

– Не трать все в одном месте. Пойдемте.

Матиас повел их к узкому боковому каналу, где он пришвартовал лодку. Затем бросил Казу трость, и они заняли свои места. Каз поступил мудро, не взяв ее сегодня с собой. Если бы кто-нибудь заметил парня с тростью с набалдашником в виде головы ворона, околачивающегося у дома Корнелиса Смита в столь необычное время, и каким-то образом сведения об этом дошли до ушей Ван Эка, вся их работа пошла бы насмарку. Чтобы вернуть Инеж, им нужен эффект неожиданности, а *демжин* был не из тех, кто оставлял что-то на волю случая.

– Ну? – спросил Матиас, когда лодка поплыла по темным водам канала.

– Придержи язык, Хельвар. Слова любят пускать рябь по воде. Лучше сделай что-нибудь полезное и гребь веслами.

Матиас едва подавил желание сломать эти чертовы весла пополам. Почему Каз не мог общаться цивилизованно? Парень раздавал приказы так, словно ожидал, что все остальные безоговорочно последуют его командам, а после того как Ван Эк похитил Инеж, стал еще более невыносимым. Но Матиас хотел как можно быстрее добраться до Черной Вуали и Нины и потому сделал, как было велено. Его плечи сгибались от напряжения, пока лодка двигалась против течения.

Чтобы чем-то себя занять, он выискивал ориентиры, пытаясь запомнить улицы и названия мостов. Хотя Матиас и изучал карту города каждую ночь, как оказалось, клубки переулков и каналов Кеттердама было почти невозможно распутать. Он всегда гордился своим внутренним компасом, но этот город взял над ним верх, и фьерданец часто проклинал того безумца, который додумался основать город на болотах и построить его без всякого порядка или вне логики.

Как только они проплыли под Хавенбриджем, он с облегчением обнаружил, что начал снова узнавать местность. Каз повернул весла, подталкивая их лодку в угрюмые воды Горба Попрошайки, где канал расширялся, и направил ее дальше к отмели острова Черная Вуаль. Они спрятали лодку за ниспадающими ветвями белой ивы и начали пробираться между могилами, усеявшими крутой берег.

Черная Вуаль была жутковатым местом – миниатюрным городком из белых мраморных мавзолеев, большинство которых были вырезаны в форме кораблей; их каменные носовые фигуры плакали, рассекая невидимое море. На одних была отчеканена покровительственная монета Гезена, на других изображены три летающие рыбки Керчии, которые, по словам Нины, означали, что член семьи служил в правительстве. Некоторые мавзолеи стерегли равкианские святые в струящихся мраморных робах. А вот признаки Джеля или ясеня полностью отсутствовали. Фьерданцы отказывались быть похороненными над землей, где они не смогли бы укорениться.

Почти все мавзолеи обветшали, а многие превратились в груды обвалившихся камней, заросших вьющимися стеблями и пучками весенних цветов. Когда Матиас узнал, что они будут использовать кладбище как убежище, то пришел в ужас. И не важно, как давно оно заброшено. Но, конечно, для Каза Бреккера не было ничего святого.

– Почему это место перестали использовать? – спросил Матиас, когда они выбрали огромную гробницу в центре острова в качестве нового укрытия.

– Чума. Первая серьезная вспышка случилась более сотни лет назад, и Торговый совет запретил захоронения в пределах города. Теперь тела обязаны кремировать.

– Нет, если ты богат, – вставил Джеспер. – Тогда тебя отвозят на кладбище за городом, где твой хладный труп сможет наслаждаться свежим воздухом.

Матиас ненавидел Черную Вуаль, но даже ему пришлось признать, что остров идеально подходил для их цели. Слухи о призраках отпугивали скваттеров, а дымка, окружавшая сторбленные ивы и каменные мачты могил, скрывала случайные отблески их фонарей.

Конечно, ничего из этого не поможет, если люди услышат брань Нины и Джеспера, орущих во всю глотку. Должно быть, они вернулись на остров и пришвартовали гондолу с северной стороны. Раздраженный голос Нины плыл над могилами, и Матиас почувствовал облегчение. Он ускорил шаг, желая поскорее увидеть девушку.

– Не думаю, что ты высказываешь мне должную признательность за то, через что мне пришлось пройти, – ворчал Джеспер, топая по кладбищу.

– Ты провел вечер за карточным столом, проигрывая чужие деньги, – парировала Нина. – Разве для тебя это не настоящий праздник?

Каз громко постучал тростью по надгробию, и оба притихли, быстро занимая боевую позицию.

Заметив их троих в тени, Нина сразу расслабилась.

– О, это вы!

– Да, это мы, – Каз мазнул тростью в сторону центра острова, словно пастух, пытающийся

согнать свое стадо. – И вы бы нас услышали, если бы не были так заняты спором друг с другом. Матиас, хватит так пялиться, будто никогда не видел девушку в платье.

– Я и не пялился, – ответил фьерданец с присущим ему достоинством. Но, ради Джеля, на что еще ему смотреть, когда у Нины вставлены ирисы между... всем, чем можно.

– Умолкни, Бреккер, – ухмыльнулась Нина. – Мне нравится, когда он пялится.

– Как прошла ваша миссия? – спросил Матиас, пытаясь смотреть ей в глаза. Ему полегчало, когда он заметил, каким усталым было ее лицо под косметикой. Девушка даже не отказалась от предложенной им руки, слегка опираясь на дрюскеля, пока они шли по кривой тропинке. Ночь брала свое. Она не должна бродить по Бочке в шелковых лоскутах – ей нужен отдых. Но срок, обозначенный Ван Эком, истекал, а Матиас знал, что Нина не позволит себе расслабиться, пока Инеж не будет в безопасности.

– Это не миссия, а работа, – поправила его Нина. – И прошла она великолепно.

– Ага, – хмыкнул Джеспер. – Великолепно! Если не считать того, что теперь мои револьверы пылятся в сейфе клуба. Смит побоялся идти с ними домой, безнадёжный коротышка. Да от одной мысли о моих малышах в его потных ручонках...

– Никто не заставлял тебя ставить их, – перебил Каз.

– Ты загнал меня в угол! Как еще, черт возьми, я должен был задержать Смита за столом?

Услышав их голоса, Кювей высунул голову из-за стены огромной каменной гробницы.

– Что я тебе велел?! – прорычал Каз, указывая на него тростью.

– Мой керчийский не настолько хорош, – оправдывался Кювей.

– Не играй со мной в игры, мальчик. Твоих знаний достаточно, чтобы понять. Оставайся в гробнице!

Парень поник.

– Оставайся в гробнице, – с грустью повторил он.

Они последовали за шуханцем. Матиас ненавидел это место. Зачем воздвигать такие памятники смерти? Гробницу построили в виде древнего грузового судна, и ее внутренняя часть была высечена в форме просторного каменного корпуса. В ней даже были витражные иллюминаторы, которые отбрасывали радуги на пол склепа в послеобеденное время. Если верить Нине, резные рисунки пальм и змей на стенах означали, что семья торговала специями. Но, должно быть, у них наступили трудные времена, или же они просто стали хоронить своих родственников в другом месте, поскольку лишь один саркофаг был занят, а узкие ниши по бокам корпуса пустовали.

Нина достала шпильки из волос и сняла светлый парик, бросив его на стол, который они установили посреди гробницы. Затем плюхнулась в кресло и помассировала пальцами голову.

– Так гораздо лучше, – радостно вздохнула она.

Но Матиас не мог не заметить зеленоватый оттенок ее кожи. Ей стало хуже. Или у нее возникли какие-то неприятности со Смитом, или она попросту переусердствовала. Тем не менее, глядя на нее, Матиас почувствовал какую-то легкость внутри. По крайней мере, теперь она снова выглядела собой, ее каштановые волосы завились от влаги, а веки сонно прикрылись. Нормально ли быть так сильно очарованным тем, как кто-то неуклюже развалился в кресле?

– Угадайте, что мы видели по пути из Крышки? – спросила она.

Джеспер начал копать в их запасах еды.

– В гавани стоят два шуханских военных корабля.

Девушка метнула в него шпильку.

- Я хотела, чтобы они попытались угадать!

- Шуханских? - переспросил Кювей, возвращаясь к своему открытому блокноту на столе.

Нина кивнула.

- Пушки выставлены, красные флаги развеваются на ветру.

- Я говорил сегодня со Шпектом, - отозвался Каз. - Посольства забиты дипломатами и солдатами. Земенцами, каэльцами, равкианцами.

- Думаешь, они знают о Кювее? - спросил Джеспер.

- Думаю, они знают о пареме. По крайней мере, до них доходили слухи. И в Ледовом Дворе было полно заинтересованных делегаций, которые могли бы услышать сплетни об... освобождении Кювея. - Он повернулся к Матиасу. - Фьерданцы тоже здесь. Они притащили с собой дрюскелей в полном составе.

Кювей печально вздохнул, и Джеспер присел рядом с ним, толкая парня в плечо.

- Разве не чудесно, когда тебя все хотят?

Матиас промолчал. Ему не хотелось думать о том, что его прежние друзья и бывший командир могут находиться всего в паре миль от них. Он не жалел о содеянном в Ледовом Дворе, но это не значило, что он примирился со своими поступками.

Уайлен потянулся за одним из крекеров, которые Джеспер высыпал на стол. Они все еще не привыкли видеть его и Кювея в одной комнате. Работа Нины оказалась настолько удачной, что Матиас часто не мог отличить двух парней, пока один из них не начинал говорить. Иногда ему хотелось, чтобы кто-то из них облегчил всем задачу и стал носить шляпу.

- Для нас это хорошо, - подытожил Каз. - Шуханцы и фьерданцы не знают, откуда начинать поиски Кювея, а все эти дипломатишки, устраивающие разборки в Ратуше, создадут прекрасную шумиху и тем самым отвлекут Ван Эка.

- Как все прошло в доме Смита? - поинтересовалась Нина. - Вы узнали, где Ван Эк ее прячет?

- У меня есть предположение. Нанесем удар завтра в полночь.

- А нам хватит времени, чтобы подготовиться? - спросил Уайлен.

- Больше у нас его нет. Мы не станем ждать особого приглашения. Как успехи с долгоносиком?

Брови Джеспера подскочили вверх.

- Долгоносиком?

Уайлен достал небольшой пузырек из кармана пальто и поставил его на стол.

Матиас наклонился, чтобы посмотреть. Содержимое выглядело как кучка гальки.

- Это долгоносик? - Он-то думал, что это вредители, которые водятся в зерновых хранилищах.

- Не настоящий, - ответил Уайлен. - Это химический долгоносик. Я пока не придумал ему имя.

- Ты обязан дать ему имя! - восторженно воскликнул Джеспер. - Как еще ты позовешь его на свидание?

- Забудьте об имени, - отрезал Каз. - Главное, то, что этот маленький пузырек сожрет банковский счет и репутацию Ван Эка.

Уайлен прочистил горло.

- Возможно. Это сложный химический раствор. Я надеялся, что Кювей мне поможет.

Нина что-то сказала шуханцу на его языке. Тот пожал плечами и отвернулся, слегка выпятив нижнюю губу. Была ли тому причиной недавняя кончина его отца или тот факт, что он застрял на кладбище с бандой преступников, но с каждым днем парнишка становился все угрюмее.

- Ну? - не выдержал Джеспер.

- У меня другие интересы, - ответил Кювей.

Взгляд Каза угрожал ему не меньше лезвия клинка.

- Предлагаю тебе обдумать свои приоритеты.

Джеспер снова пихнул Кювея.

- Это он пытается сказать: «Помоги Уайлену, или я замурую тебя в одном из саркофагов и посмотрю, как это будет соответствовать твоим интересам».

Матиас не знал, что понимал и не понимал шуханец, но, судя по всему, суть послания он уловил. Кювей сглотнул и неохотно кивнул.

- Могучая сила переговоров, - хохотнул Джеспер, закидывая в рот крекер.

- Уайлен - и любезный Кювей - доведут долгоносика до ума, - продолжил Бреккер. - Как только Инеж будет у нас, мы сосредоточимся на силосных башнях Ван Эка.

Нина закатила глаза.

- Как же хорошо, что все это делается ради денег, а не спасения Инеж. Определенно не ради нее.

- Если тебе плевать на деньги, дорогая Нина, попробуй их назвать по-другому.

- Крюге? Монеты? Единственная настоящая любовь Каза?

- Свобода, безопасность, возмездие.

- Эти вещи бесценны.

- Да? Могу поспорить, что Джеспер с тобой не согласится. Это цена залога на ферму его отца. - Стрелок потупил взгляд. - Что насчет тебя, Уайлен? Можешь назвать цену за возможность уехать из Кеттердама и жить собственной жизнью? И, Нина, полагаю, вам с фьерданцем понадобится что-то более существенное, чем патриотизм и тоскливые взгляды. У Инеж тоже, вероятно, есть какая-то цифра в голове. Это цена будущего, и Ван Эку пора расплачиваться.

Матиаса не так легко было надуть. Каз всегда говорил логичные вещи, но это не значило, что они отражали правду.

- Жизнь Призрака стоит дороже, - сказал дрюскель. - Для всех нас.

- Мы вернем Инеж и наши деньги. Все просто.

- Все просто! - всплеснула руками Нина. - А ты знал, что я следующая в очереди на фьерданский престол? Они зовут меня принцессой Ильзе из Энгельсберга.

- Нет никакой принцессы из Энгельсберга, - возразил Матиас. - Это просто рыбацкий городок.

Девушка пожала плечами.

- Если уж обманывать себя, то красиво, с размахом.

Каз ничего не ответил и расстелил карту города на столе. Матиас услышал, как Уайлен

прошептал Джесперу:

- Почему он просто не признается, что хочет ее вернуть?

- Ты Каза не знаешь, что ли?

- Но она – одна из нас.

Брови Джеспера вновь подскочили.

- Одна из нас? Значит ли это, что она в курсе тайного рукопожатия? Или ты наконец-то готов набить татуировку? – он провел пальцем по предплечью Уайлена, и тот залился яркой краской.

Матиас не мог не посочувствовать парню. Он знал, каково это – быть не в своей тарелке. Порой он думал, что они могли бы отказаться от всех планов Каза и просто позволить Нине с Джеспером завоевать Кеттердам лишь своим очарованием.

Уайлен застенчиво опустил рукав.

- Инеж – член нашей команды.

- Просто не затрагивай эту тему.

- Почему?

- Потому что Казу было бы гораздо выгоднее выставить Кювея на аукцион, продать его по самой высокой цене и полностью забыть об Инеж.

- Он бы не стал... – Уайлен резко оборвал себя, и на его лице отразилось сомнение.

Никто из них не знал, на что в самом деле способен и не способен Бреккер. Иногда Матиас задавался вопросом, знал ли это сам демжин.

- Ладно, Каз, – начала Нина, сняв туфли и пошевелив пальцами ног. – Поскольку это имеет отношение к твоему великому плану, почему бы тебе не перестать медитировать над картой и не рассказать нам, во что именно мы вляпываемся?

- Я хочу, чтобы вы все сконцентрировались на том, что мы должны сделать завтра. После этого вы получите все необходимые сведения.

- Правда? – спросила Нина, потянув за корсет. Пыльца одного из ирисов рассыпалась на ее голом плече. Матиаса накрыло непреодолимое желание стереть ее своими губами. «Она наверняка ядовитая», – осадил он себя. Может, ему стоит выйти прогуляться...

- Ван Эк обещал нам тридцать миллионов крюге. Именно столько мы и возьмем. Ну, плюс еще один миллион в качестве процентов, на покрытие расходов и просто потому, что мы можем.

Уайлен сломал крекер пополам.

- У моего отца не завалилось в кармане тридцать миллионов крюге. Даже если собрать все его активы вместе.

- Тогда уходи, – фыркнул Джеспер. – Мы связываемся исключительно с опальными наследниками самых крупных состояний.

Каз вытянул больную ногу и слегка согнул стопу.

- Если бы у Ван Эка были такие деньги на руках, мы бы просто ограбили его, вместо того чтобы вламываться в Ледовый Двор. Он мог предложить нам такую крупную сумму только потому, что заявил, что Торговый совет якобы вложил в нее городские средства.

- А как насчет того сундука, полного банкнот, который он притащил на Вельгелюк? – поинтересовался Джеспер.

- Фальшивка, – произнес Каз с отвращением в голосе. – Наверняка качественная

подделка.

– Тогда как нам получить наши деньги? Облапошить город? Совет? – стрелок выпрямился и оживленно забарабанил пальцами по столу. – Обчистить двенадцать хранилищ за одну ночь?

Уайлен заерзал на стуле, и Матиас заметил тревогу в его глазах. Ну, хоть кто-то в этой банде злоумышленников неохотно продолжает совершать преступления.

– Нет, – покачал головой Каз. – Мы прикинемся торговцами и позволим рынку сделать работу за нас. – Он выпрямился и опустил руку в перчатке на голову ворона. – Мы отнимем у Ван Эка все деньги, а затем уничтожим его репутацию. Мы сделаем все, чтобы он никогда больше не смог вести дела в Кеттердаме или в любом другом городе Керчии.

– А что будет с Кювеем? – спросила Нина.

– Как только работа будет выполнена, Кювей – а также другие осужденные, гриши и обездоленные молодые люди, за чьи головы обещали или не обещали награду, – могут залечь в Южных Колониях.

Джеспер нахмурился.

– А куда отправишься ты?

– Никуда. Здесь еще полно дел, которые требуют моего внимания.

Хотя Каз и говорил беспечным тоном, Матиас услышал мрачное нетерпение в его словах. Он часто гадал, как людям удавалось выживать в этом городе, но, вполне возможно, что Кеттердаму не удастся пережить Каза Бреккера.

– погоди минутку, – встряла Нина. – Я думала, что Кювей поедет в Равку.

– С чего ты взяла?

– Когда ты продал свои акции «Клуба Воронов» Пекке Роллинсу, то попросил его передать послание в столицу Равки. Мы все это слышали.

– Я думал, что это была просьба о помощи, – влез Матиас, – а не приглашение на торги.

Они никогда не обсуждали, что отдадут Кювея Равке. Каз окинул их насмешливым взглядом.

– Вы оба не угадали. Будем надеяться, что Роллинс такой же доверчивый, как и вы.

– Это была ловушка! – застонала Нина. – Ты просто хотел его чем-то отвлечь.

– Я хотел, чтобы у Пекки Роллинса не было времени заниматься чем-то еще. Если нам повезло, сейчас его люди пытаются выйти на наши равкианские контакты. А найти их будет сложно, учитывая, что их не существует.

Кювей кашлянул.

– Я бы хотел отправиться в Равку.

– А я бы хотел пару купальных костюмов с отделкой из соболя, – хмыкнул Джеспер. – Но мы не всегда получаем желаемое.

Между бровями шуханца пролегла складка. Видимо, сказанное вышло за пределы его понимания керчийского.

– Я бы хотел отправиться в Равку, – увереннее повторил он. Суровый взгляд черных глаз Каза остановился на Кювее. Тот нервно замялся. – Почему он так на меня смотрит?

– Каз спрашивает себя, стоит ли ему оставлять тебя в живых, – ответил Джеспер. – Это ужасно действует на нервы. Я бы рекомендовал поделать дыхательные упражнения. Или выпить успокоительного.

- Джеспер, прекрати, - попытался урезонить его Уайлен.

- Вам обоим нужно расслабиться, - стрелок похлопал Кювея по руке. - Мы не позволим ему закопать тебя в землю.

Бреккер поднял бровь.

- Давай не будем пока раскидываться обещаниями.

- Да ладно тебе, Каз! Мы же преодолели все эти трудности, спасли Кювея, не ради того, чтобы отдать его на корм червякам.

- Почему ты хочешь в Равку? - поинтересовалась Нина, не скрывая своей радости.

- Мы об этом не договаривались, - угрюмо произнес Матиас. Он не хотел спорить на эту тему, особенно с Ниной. Они планировали отпустить Кювея жить свободной жизнью в Новом Земе, а не вручать его величайшему врагу Фьерды.

Девушка пожала плечами:

- Может, нам стоит переосмыслить наш выбор.

Кювей медленно, тщательно подбирая слова, сказал:

- Там безопаснее. Для гришей и для меня. Я не хочу прятаться. Я хочу учиться. - Шуханец положил руку на блокнот на столе. - Записи моего отца могут помочь найти... - он запнулся и обменялся парой слов с Ниной. - Антидот для парема.

Нина хлопнула в ладоши и засияла.

Джеспер поудобнее устроился на стуле.

- По-моему, Нина сейчас запоем от радости.

Антидот. Вот почему Кювей постоянно что-то записывал в свой блокнот? Перспектива чего-то, что могло нейтрализовать действие парема, была привлекательной, но, однако, Матиас не мог не насторожиться.

- Передать такие знания в руки одной страны... - начал он.

Но Кювей перебил его:

- Мой отец принес этот наркотик в мир. Я знаю, что его сделают снова, даже без моей помощи.

- Хочешь сказать, что загадку парема сможет разгадать кто-то еще? - спросил дрюскель. Неужели нет надежды, что эту мерзость можно истребить?

- Такова судьба многих научных открытий, - кивнул Уайлен. - Как только люди узнают о новых возможностях, изыскания в этой области резко увеличиваются. Остановить это - все равно что пытаться загнать рой шершней обратно в гнездо.

- Ты действительно считаешь, что сможешь создать антидот? - спросила Нина.

- Не знаю. Мой отец был фабрикаторм. Я же просто инферн.

- Ты наш химик, Уайлен, - обратилась к нему девушка с надеждой в голосе. - Что скажешь?

Тот пожал плечами.

- Может быть. Не у всех ядов есть противоядие.

Джеспер фыркнул.

- Вот поэтому мы зовем его Уайлен Ван Солнышко.

- В Равке живут самые талантливые фабрикатормы, - заметил Кювей. - Они смогут

помочь.

Нина энергично кивнула.

– Это правда. Женя Сафина разбирается в ядах, как никто другой, а Давид Костюк разработал новое оружие для короля Николая, – она покосилась на Матиаса. – И не только оружие! Еще много хороших вещей. Очень мирных вещей.

Фьерданец покачал головой.

– Это не то решение, которое можно принимать с лету.

Кювей упрямо сжал челюсть.

– Я хочу отправиться в Равку.

– Видишь? – сказала Нина.

– Нет, не вижу. Мы не можем просто взять и вручить такой трофей Равке.

– Он человек, а не трофей, и он хочет уплыть в Равку.

– А мы все можем делать, что захотим? – спросил Джеспер. – А то я тут список приготовил.

Последовала долгая напряженная пауза, после которой Каз разгладил складочку на своих брюках и произнес:

– Нина, милая, сможешь перевести мои слова Кювею? Хочу убедиться, что мы понимаем друг друга.

– Каз... – предупреждая начала она.

Бреккер подался вперед и опустил руки на колени – эдакий добрый старший брат, дающий дружеский совет младшенькому.

– Я считаю, что тебе нужно осознать, насколько изменилась твоя ситуация. Ван Эк знает, что первым делом ты побежишь в Равку искать убежища, так что любой корабль, направляющийся в те края, будет обыскиваться вдоль и поперек. Единственные портные, которые достаточно могущественны, чтобы изменить твою внешность, тоже в Равке. Если только Нина не захочет принять еще одну дозу парема.

Матиас зарычал.

– Что маловероятно, – признал Каз. – И, полагаю, ты не хочешь, чтобы я отправил тебя обратно во Фьерду или Шухан?

Было ясно, что не хочет, потому что, когда Нина закончила переводить, Кювей воскликнул:

– Нет!

– Тогда выбор у тебя такой: Новый Зем или Южные Колонии, но в Колониях керчийцев куда меньше. А еще погода лучше, если ты равнодушен к подобным вещам. Ты как украденная картина, Кювей. Слишком известная, чтобы продавать в открытую на рынке, и слишком ценная, чтобы прятать в закромах. Ты для меня бесполезен.

– Я не стану это переводить, – отрезала Нина.

– Тогда переведи следующее: моя единственная забота – не позволить, чтобы он попал в руки Яну Ван Эку, а если вы хотите, чтобы я начал обдумывать более конкретные варианты, то пуля в лоб обойдется гораздо дешевле, чем билет на корабль в Южные Колонии.

Нина все же перевела его слова, хоть и с запинками.

Кювей ответил на шуханском. Девушка помедлила.

- Он говорит, что ты безжалостный.

- Я прагматичный. Будь я безжалостным, сейчас бы вы слушали надгробную речь, а не этот разговор. Итак, Кювей, ты поплывешь в Южные Колонии, а когда шум уляжется, сможешь отправиться хоть в Равку, хоть к бабушке Матиаса, куда угодно – мне плевать.

- Не втягивай в это мою бабушку, – проворчал дрюскель.

Нина перевела слова Каза, и наконец Кювей неохотно кивнул. Несмотря на то что Матиас добился желаемого, уныние на лице Нины вызвало у него ноющее чувство в груди.

Каз глянул на часы.

- Что ж, раз мы все уладили, перейдем к главному. Все знают, каковы их обязанности. Много чего может пойти не так в промежуток между сегодняшней и завтрашней ночью, так что давайте обсудим план, а затем обсудим его еще раз. У нас есть только один шанс.

- Ван Эк расставит людей по периметру. Инеж будет под усиленной охраной, – заметил Матиас.

- Верно. У него больше пушек, больше людей и больше ресурсов. У нас же, в свою очередь, есть только эффект неожиданности, и мы не потратим его впустую.

Снаружи донесся тихий скрежет. Все мгновенно вскочили на ноги и приготовились к бою, даже Кювей.

Через секунду в гробнице показались Ротти и Шпект.

Матиас шумно выдохнул и положил ружье на место, которое всегда держал на расстоянии вытянутой руки.

- Зачем пришли? – спросил Каз.

- Шуханцы остановились в своем посольстве, – сказал Шпект. – Все в Крышке только об этом и говорят.

- Сколько?

- Плюс-минус сорок, – ответил Ротти, стряхивая грязь с обуви. – Вооруженные до зубов, но пока действуют в рамках дипломатических правил. Никто точно не знает, чего они хотят.

- Мы знаем, – ухмыльнулся Джеспер.

- Я не осмелился приближаться слишком близко к Клепке, – сказал Ротти, – но Пер Хаскель на взводе и не скрывает этого. В твоё отсутствие у старика накопилось много работы. Теперь пошли слухи, что ты вернулся в город и устроил стычку с купцом. О, а еще пару дней назад в одной из гаваней произошло какое-то нападение. Кучу матросов перебили, контору начальника порта превратили в груды щепок, но никто не знает подробностей.

Матиас увидел, как помрачнело лицо Каза. Ему нужно было больше сведений. Матиас знал, что у демжина имеются и другие причины спасти Инеж, но факт остается фактом: без нее их способность собирать сведения была серьезно подорвана.

- Хорошо, – кивнул Каз. – Но никто не связывает нас с налетом на Ледовый Двор или с паремом?

- Такого я не слышал, – ответил Ротти.

- Не-а, – покачал головой Шпект.

Уайлен выглядел удивленным.

- Это значит, что Пекка Роллинс сохранил все в секрете.

– Дай ему время. Он знает, что мы где-то прячем Кювея. Нам не удастся вечно водить его за нос с помощью уловки в виде письма в Равку.

Джеспер беспокойно постукивал пальцами по ногам.

– А кто-нибудь из вас заметил, что все в этом городе ищут, ненавидят или хотят нас убить?

– Ну и? – спросил Каз.

– Раньше была только половина, а не все.

Джеспер мог шутить, сколько влезет, но Матиаса больше интересовало, понимал ли кто-нибудь из них на самом деле, какие силы им противостоят? Фьерда, Шухан, Новый Зем, Каэлия, Керчия. Это им не какие-то конкурирующие банды или сердитые партнеры по бизнесу. Это целые государства, полные решимости защитить свой народ и обеспечить его будущее.

– Есть еще кое-что, – сказал Шпект. – Матиас, ты покойник.

– Прошу прощения? – его керчийский был довольно хорош, но, возможно, остались пробелы?

– Тебя прибили в госпитале Хеллгейта.

В комнате наступила гробовая тишина. Джеспер тяжело осел в кресло.

– Маззен мертв?

– Маззен? – Матиасу это имя ничего не говорило.

– Он занял твое место в Хеллгейте, чтобы ты мог плыть с нами в Ледовый Двор.

Матиасу вспомнилась битва с волками, и Нина, стоящая в его камере, и как они бежали из тюрьмы. Нина покрыла одного из Отбросов язвами и вызвала у него лихорадку, чтобы его поместили в карантин и не подпускали к другим обитателям тюрьмы. *Маззен*. Матиас не должен был забывать о нем.

– Вы вроде говорили, что у вас есть свои люди в изоляторе, – сказала Нина.

– Да, люди, которые должны были поддерживать его в состоянии болезни, а не обеспечивать безопасность, – лицо Каза помрачнело. – Это заказное убийство.

– Фьерданцы, – прошептала девушка.

Матиас сложил руки на груди.

– Невозможно.

– Почему? Мы знаем, что дрюскели тут. Если они отправились на твои поиски в город и устроили бучу в Штадхолле, им наверняка рассказали, что ты в Хеллгейте.

– Нет, – покачал головой Матиас. – Они бы не прибегли к подобной тактике. Нанимать убийцу? Прикончить больного в его же постели? – Но, даже произнося эти слова, Матиас начал в них сомневаться. Ярл Брум и его приспешники творили дела и похуже без малейших угрызений совести.

– Крупные, светловолосые и слепые, – прокомментировал Джеспер. – Таковы наши фьерданцы.

«Он умер из-за меня, – подумал Матиас. – А я даже не запомнил его имя».

– У Маззена была семья? – наконец спросил он.

– Только Отбросы.

– Ни траура, – пробормотала Нина.

- Ни похорон, - тихо закончил дрюскель.

- Ну как тебе быть мертвым? - спросил Джеспер. Радостный блеск исчез из его глаз.

У Матиаса не было ответа. Нож, погубивший Маззена, был предназначен для него, и фьерданцы, вполне возможно, несли ответственность за это. Дрюскели. Его братья. Они хотели, чтобы он умер бесчестно, убитый на лазаретной койке. Смерть, достойная предателя. Смерть, которую он заслужил. Теперь Матиас был перед Маззеном в кровном долгу, но как он сможет когда-либо расплатиться с ним?

- Что сделают с его телом?

- Наверное, его уже обратили в пепел на Барже Жнеца, - ответил Каз.

- Это еще не все, - встрял Ротти. - Кое-кто ворошит наш муравейник в поисках Джеспера.

- Его кредиторам придется подождать, - категорично заявил Каз, а Джеспер скривился.

- Нет, - Ротти покачал головой. - В университет пришел человек. Джеспер, он заявляет, что он твой отец.

Инеж

Инеж лежала на животе с вытянутыми руками, извиваясь в темноте, как червь. Несмотря на то что она морила себя голодом, вентиляционное отверстие все еще было узковато. Она не видела, куда ползла, но упорно продолжала двигаться вперед, подтягиваясь на кончиках пальцев.

Девушка очнулась через какое-то время после произошедшего на Вельгелюке, не имея ни малейшего представления, где она и как долго пролежала без сознания. Помнила лишь то, как неслась камнем вниз с огромной высоты, когда один из шквальных Ван Эка уронил ее, и тут же была подхвачена вторым: стальные руки обхватывают ее талию, ветер бьет в лицо, вокруг одно лишь серое небо, а в голове взрываются вспышки боли. Следующее, что она помнила, – это как она проснулась в кромешной темноте с раскалывающейся головой. Ее руки и ноги были связаны, и она чувствовала тугую повязку на глазах. На какую-то секунду Инеж снова стала испуганной и одинокой четырнадцатилетней девочкой, которую бросили в трюм судна работорговцев. Она заставила себя дышать спокойно. Где бы девушка ни находилась, она не ощущала мерного покачивания на волнах и не слышала скрипа парусов. Она была на твердой земле.

Куда Ван Эк мог привезти ее? Возможно, на склад или в чей-то дом. Быть может, она даже не в Керчии. Но все это не имело значения. Она – Инеж Гафа и не станет дрожать, как кролик в ловушке. *«Где бы я ни была, мне просто нужно выбраться».*

Она терлась лицом об стену, пока не стянула повязку. В комнате была непроглядная темень, и в тишине слышалось только ее учащенное от вновь начавшейся паники дыхание. Она подавила приступ паники его и взяла дыхание под контроль – вдох через нос, выдох через рот. Ее мысли обернулись молитвами к собравшимся вокруг нее святым. Девушка представила, как они осматривают веревки на ее запястьях, вдыхают жизнь в ее руки. Она не пыталась убедить себя, что не боится. Давным-давно, после неудачного падения, ее отец объяснил, что только дураки считают себя бесстрашными. «Мы встречаемся со страхом лицом к лицу, – сказал он. – Мы приветствуем неожиданного гостя и внимательно слушаем, что он хочет нам поведать. Когда приходит страх, что-то должно произойти».

Инеж намеревалась сделать так, чтобы что-то произошло. Она решила не обращать внимание на боль в голове и начала медленно передвигаться по комнате, пытаясь оценить ее размеры. Затем воспользовалась стеной, чтобы подняться на ноги, и ощупала ее, ерзая и подпрыгивая, чтобы найти двери или окна. Услышав приближающиеся шаги, девушка рухнула на пол, но у нее не хватило времени, чтобы вернуть повязку обратно на глаза. С тех пор охранники завязывали ее еще туже. Но все это было не важно, потому что Инеж нашла вентиляционное отверстие. Единственное, что ей требовалось, – это освободиться от веревок. Каз справился бы с этой задачей в темноте и, вероятно, под водой.

Тщательно осмотреть помещение, где ее держали, удавалось, только когда приносили еду, освещая комнату лампой. Инеж слышала, как ключи поворачивались в черед замков, как распахивалась дверь, слышала звук, с которым поднос ставили на стол. Через минуту повязку осторожно снимали с ее лица – Бажан никогда не бывал с ней груб или резок. Это не в его характере. По правде говоря, девушка подозревала, что ухоженные руки музыканта вообще не способны на такое.

Естественно, на подносе никогда не лежали столовые приборы. Ван Эку хватало ума не доверить ей даже ложку, но Инеж пользовалась любой возможностью, чтобы изучить каждый сантиметр пустой комнаты, выискивая признаки, которые помогли бы ей определить ее местоположение и спланировать побег. Разгуляться было негде – бетонный пол, совершенно пустой, не считая кучи одеял, в которые она заворачивалась по ночам, стены с пустыми полками, выстроенными в ряд, а также стул и стол, за которым она ела. Окон не было, а единственным намеком на то, что они все еще находились неподалеку от Кеттердама, был влажный привкус соли в воздухе.

Бажан развязывал ей руки, а затем снова связывал их спереди, чтобы она могла есть, но

как только Инеж обнаружила вентиляционное отверстие, она сократила прием пищи и ела ровно столько, сколько было нужно, чтобы поддерживать в себе силы. Однако когда Бажан и стражники принесли сегодня поднос, ее живот громко заурчал от запаха сосисок и овсянки. У Инеж кружилась голова от голода, и пытаясь сесть, она задела поднос, разбив при этом белую керамическую чашку и миску. Ужин шмякнулся на пол дымящейся массой, состоящей из аппетитной каши и осколков разбитой посуды, а девушка неуклюже приземлилась рядом с ней, едва не испачкав лицо в овсянке.

Бажан покачал копной темных шелковистых волос:

– Ты слабая, потому что мало ешь. Господин Ван Эк приказал мне насильно кормить тебя, если это будет необходимо.

– Что ж, попробуй, – процедила Инеж, подняв на него взгляд с пола и оскалив зубы. – Трудно будет учить игре на фортепьяно без парочки пальцев.

Но Бажан лишь рассмеялся, сверкая белоснежными зубами. Вместе с одним из стражников он помог ей сесть обратно на стул и послал еще за одним подносом.

Ван Эк не прогадал с выбором ее тюремщика. Бажан был сулийцем, немногим старше Инеж, с густыми смольными волосами, вьющимися у шеи, и блестящими агатовыми глазами, обрамленными такими длинными ресницами, что ими можно было отмахиваться от мух. Он сказал, что Ван Эк нанял его учителем музыки, и Инеж удивилась, как торговец решился привести в дом такого парня, когда его собственная жена была почти вдвое моложе него. Либо Ван Эк слишком самоуверен, либо очень глуп. *«Он обманул Каза, – напомнила себе девушка. – Так что скорее глуп».*

Когда один из стражников убрал еду с пола (Бажан не мог опуститься до такой работы) и ей принесли новый ужин, парень прислонился к стене и начал наблюдать, как она ест. Инеж зачерпнула пальцами горсть каши и осторожно проглотила несколько комочков.

– Ты должна есть больше, – распекал ее Бажан. – И если станешь более сговорчивой и ответишь на его вопросы, то увидишь, что Ван Эк вполне разумный человек.

– Разумный лжец, мошенник и похититель, – ответила она и тут же обругала себя за это.

Бажан не скрывал своей радости. Каждый прием пищи проходил в одном и том же духе: Инеж размазывала еду по тарелке, а он болтал, вставляя в разговор многозначительные вопросы о Казе и Отбросах. Каждый раз, когда у него получалось добиться от нее ответа, он считал это победой. К сожалению, чем меньше она ела, тем больше слабела, и тем сложнее было держать язык за зубами.

– Учитывая то, с какой компанией ты водишься, я бы сказал, что ложь и обман господина Ван Эка говорят в его пользу.

– *Шеврати*, – отчетливо произнесла девушка. «Невежда». Она не раз называла так Каза. Ей вспомнилось, как Джеспер поигрывал своими револьверами, как Нина выжимала из человека жизнь щелчком пальцев, как Бреккер взламывал замки в своих черных перчатках. Воры. Бандиты. Убийцы. И любой из них был лучше, чем тысяча Ван Эксов.

«Тогда где же они?» Этот вопрос разрывал спешно наложенный шов внутри нее. Где Каз? Она не хотела много думать на эту тему. Каз был хорошо известен своей практичностью. Зачем ему возвращаться за ней, когда он мог уйти от Ван Эка с самым ценным заложником в мире?

Бажан скривил нос.

– Давай не будем общаться на сулийском. Я от этого становлюсь сентиментальным.

На нем были шелковые штаны, сужающиеся книзу, и элегантный сюртук. К лацкану была прикреплена золотая лира, увенчанная лавровыми листьями и маленьким рубином, знак, который указывал и на род его деятельности, и на дом, которому он служил.

Инеж знала, что не стоит продолжать разговор, но она все еще охотилась за секретами.

– Игре на каком инструменте ты обучаешь? Арфе? Фортепьяно?

- А также флейте и еще ставлю дамам голос.

- И как же поет Элис Ван Эк?

Бажан лениво улыбнулся.

- Очаровательно, когда делает это под моим чутким руководством. Я могу научить тебя издавать всевозможные приятные звуки.

Инеж закатила глаза. Он ничем не отличался от мальчишек, с которыми она выросла - голова, полная опилок, и рот, из которого так и сыплется любезности.

- Я связана и морально готовлюсь к пыткам или еще чему похуже. Ты действительно решил пофлиртовать со мной?

Бажан цокнул.

- Господин Ван Эк и твой господин Бреккер заключат соглашение. Ван Эк - бизнесмен. Насколько я понял, он просто защищает свои интересы. Не могу представить, чтобы он прибегнул к пыткам.

- Был бы ты связан и с повязкой на глазах каждую ночь, твое воображение работало бы лучше.

И если бы Бажан хоть немного знал Каза, то не был бы так уверен в обмене пленниками.

В долгие часы, когда она оставалась в одиночестве, Инеж пыталась отдохнуть и продумать план побега, но ее мысли неминуемо возвращались к Казу и остальным. Ван Эк хотел обменять ее на Кювея Юл-Бо, шуханского паренька, которого они похитили из самой неприступной крепости в мире. Он был единственным человеком, у которого оставались шансы воссоздать изобретение своего отца - наркотик, известный как юрда-парем. Плата за его выкуп подарила бы Казу все, о чем он когда-либо мечтал - деньги и престиж. В них он нуждался, чтобы занять достойное место среди боссов Бочки и чтобы отомстить Пекке Роллинсу за смерть брата. Факты выстраивались один за другим и складывались в армию сомнений, противостоящих надежде, которую Инеж пыталась укрепить внутри себя.

Выбор Каза был очевиден: нужно продать Кювея, получить деньги и найти себе нового паука, который ползал бы по стенам Бочки и крал для него секреты. Разве она сама не говорила ему, что хочет покинуть Кеттердам, как только им заплатят? «Останься со мной». Были ли эти слова сказаны всерьез? Насколько ценной была ее жизнь в сравнении с наградой за Кювея? Нина ни за что бы не позволила Казу бросить ее. Она боролась бы изо всех сил, чтобы освободить Инеж, даже находясь в железной хватке парема. Матиас поддержал бы ее, так как обладал огромным сердцем, полным чести. А Джеспер... ну, Джеспер никогда бы не пожелал Инеж зла, но деньги ему необходимы, если он не хочет, чтобы отец потерял единственное средство к существованию. Он сделает все, что в его силах, но это не означает, что его силы будут направлены на ее спасение. Кроме того, кто из них без поддержки Каза способен противостоять безжалостности и возможностям Ван Эка? «Я, - сказала себе Инеж. - *Может, я и не обладаю коварством Каза, но я - опасная девушка*».

Ван Эк ежедневно подсылал к ней Бажана, и все это время тот был исключительно любезным и дружелюбным, даже когда пытался выудить из нее информацию о местоположении укрытий Каза. Она подозревала, что Ван Эк не являлся к ней лично, потому что знал, что Бреккер будет внимательно следить за его передвижениями. Или же он полагал, что с сулией она будет более покладистой, чем с лукавым купцом. Но сегодня что-то изменилось.

Обычно Бажан уходил, когда Инеж давала ясно понять, что больше есть не будет, - прощальная улыбка, легкий поклон, и он отчаливал, покончив со своими обязанностями до следующего утра. Но в этот вечер он задержался.

Вместо того чтобы уйти, когда она оттолкнула связанными руками тарелку с едой, он спросил:

- Когда ты в последний раз видела свою семью?

Новый подход.

- Ван Эк предложил тебе награду, если ты сможешь выудить из меня информацию?

- Это обычное любопытство.

- А я - обычная пленница. Тебе угрожали расправой?

Бажан покосился на стражников и тихо ответил:

- Ван Эк мог бы вернуть тебя семье. Он выплатит твой долг Перу Хаскелю. Это вполне ему по средствам.

- Это твоя идея или твоего господина?

- Какая разница? - спросил Бажан. В его голосе слышалась нервозность, которая насторожила Инеж. «Когда приходит страх, что-то должно произойти». Но боялся ли он Ван Эка, или же беспокоился о ее благополучии? - Ты сможешь уйти от Отбросов, Пера Хаскеля и этого мерзавца Каза свободной и с чистой совестью. Ван Эк обеспечит тебя транспортом в Равку и даст деньги на путешествие.

Предложение или угроза? Мог ли Ван Эк разыскать ее родителей? Сулийцев было непросто выследить, и они опасались чужаков, задающих вопросы. Но что, если Ван Эк послал своих людей к ним с новостью о потерявшейся девушке? Девушке, которая исчезла одним прохладным утром, так, словно сам прилив достиг ее берегов, чтобы утащить с собой?

- Что Ван Эку известно о моей семье? - спросила Инеж с нарастающей злостью.

- Он знает, что ты далеко от дома. И знает условия твоей сделки со «Зверинцем».

- Тогда он знает, что я была рабыней. Он собирается арестовать Танте Хелен?

- Я... не думаю...

- Конечно же нет. Ван Эку плевать, что меня купили и продали, как рулон хлопковой ткани. Он просто пытается найти рычаг давления.

Но следующий вопрос Бажана застал Инеж врасплох:

- Твоя мама готовила хлеб на чугунной сковородке?

Девушка нахмурилась.

- Конечно. - Это была основная еда сулийцев. Инеж могла приготовить его даже во сне.

- С розмарином?

- С укропом, когда он был.

Она знала, на что рассчитывал Бажан, пытаясь навевать ей воспоминания о доме. Но Инеж была так голодна, а воспоминание - таким сильным, что ее живот все равно заурчал. Она представила, как ее мама уменьшает огонь, а затем переворачивает хлеб быстрыми движениями пальцев, и как над углями поднимается запах свежей выпечки.

- Твои друзья не придут, - заявил Бажан. - Пришло время подумать о том, как выжить. Ты можешь воссоединиться с семьей к концу лета. Ван Эк поможет тебе, если ты ему позволишь.

Внутри у Инеж все тревожно загудело, предупреждая об опасности. Игра была слишком очевидной. За обаянием Бажана, в его темных глазах и легких обещаниях таился страх. И, тем не менее, среди этого гула, полного подозрений, раздавался и другой, нежный звоночек: «А что если?..» Что, если она позволит утешить себя, перестанет притворяться, будто ей плевать на все, что она потеряла? Что, если она просто позволит Ван Эку посадить ее на корабль и отправить домой? Она почувствовала вкус хрустящего хлеба, жар от сковороды, увидела темную косу матери с вплетенными ленточками - шелковые пряди цвета спелой хурмы.

Но Инеж была умнее. Она училась у лучших. «Лучше горькая правда, чем сладкая ложь». Каз никогда не обещал ей счастья, и она не доверяла мужчинам, которые клялись преподнести ей его на блюдечке. Ее страдания были не впустую. Святые привели ее в Кеттердам не просто так – она здесь ради корабля, который охотился бы на работоторговцев, ради миссии, которая придавала бы значение всему, через что ей пришлось пройти. Она не предаст эту цель или своих друзей ради каких-то грез о прошлом.

Инеж зашипела на Бажана – животный звук, который заставил его отпрянуть.

– Передай своему хозяину, чтобы не нарушал прежние сделки, прежде чем заключать новые. А теперь оставь меня.

Бажан быстро ретироваться, словно разодетая крыса, которой он и являлся, но Инеж поняла, что пришло время побега. Новые наставления Бажана не сулили ей ничего хорошего. *«Пора выбираться из этой ловушки, – думала она, – пока это существо не соблазнило меня воспоминаниями и состраданием»*. Может, Отбросы и собираются прийти за ней, но она не будет просто сидеть и ждать, когда это произойдет.

Как только Бажан и охрана ушли, девушка вытащила осколок разбитой миски из-под веревок на лодыжках и принялась за работу. Она действительно была слаба и неуверенно стояла на ногах, но, когда Бажан пришел с той источающей райский аромат миской овсянки, она лишь притворилась, что упала, чтобы намеренно сбить поднос со стола. Если бы Ван Эк хорошенько изучил ее, то предупредил бы Бажана – Призрак никогда не падает. И уж тем более не валится нескладной кучей на пол. Это позволило ей с легкостью спрятать острый осколок посуды между веревками.

Казалось, прошла вечность, прежде чем она смогла, разодрав пальцы в кровь об острые края осколка, подрезать веревки, стянуть их, и, наконец, полностью разорвать свои путы и освободить руки. Затем девушка развязала ноги и начала нащупывать вентиляционное отверстие. Охранники не вернутся до утра. Они подарили ей целую ночь, чтобы сбежать из этого места и убраться как можно дальше.

Проем был невыносимо узким, воздух внутри – затхлым от запахов, которые она не смогла до конца определить, а темнота – такой кромешной, что с тем же успехом Инеж могла оставаться с повязкой на глазах. Девушка понятия не имела, куда приведет ее отверстие. Оно могло тянуться еще на пару футов или на полмили. Инеж нужно выбраться отсюда к утру, иначе они обнаружат, что решетка, которая закрывала отверстие, снята с петель, и будут точно знать, где находится их пленница.

«Что ж, удачи им в попытках достать меня», – угрюмо подумала Инеж. Она очень сомневалась, что кто-нибудь из людей Ван Эка сможет втиснуться в узкий проем вентиляционной шахты. Им придется найти какого-нибудь поваренка и обмазать его жиром с головы до пят.

Инеж медленно продвигалась вперед. Какое расстояние она уже преодолела? Каждый раз, когда она делала глубокий вдох, шахта сжималась вокруг ее ребер. Вполне вероятно, что она находится в верхней части здания. Быть может, она высунет голову на другой стороне только для того, чтобы обнаружить внизу людную улицу Кеттердама. С таким раскладом девушка еще может побороться. Но что, если шахта просто закончится? Если на другой стороне она замурована? Ей придется ползти ногами вперед всю дорогу обратно и надеяться, что у нее получится перевязать веревки так, чтобы тюремщики не заметили ничего подозрительного. Невозможно. Сегодня нет места тупикам.

«Быстрее», – подгоняла она себя, чувствуя, как на лбу проступают капельки пота. Было трудно не представлять, как здание сужается вокруг нее, как его стены выжимают воздух из ее легких. Она не могла составить план действий, пока не доберется до конца туннеля и не узнает, как далеко ей придется зайти, чтобы сбежать от людей Ван Эка.

Затем Инеж почувствовала его – легкий порыв ветра, обдувающий ее влажный лоб. Она быстро прошептала благодарственную молитву. Впереди должен быть какой-то выход. Девушка принялась, пытаясь почуять намек на угольный дым или на зеленые поля загородного дома. Она осторожно ползла вперед, пока ее пальцы не коснулись решетки вентиляции. Через нее не проникал свет, что, наверное, было хорошим знаком. Комната, в которую она сейчас вылезет, вероятно, пустая. Святые, что, если она в усадьбе Ван

Эка? Что, если она приземлится прямоком на спящего торговца? Сулийка прислушалась к звукам – ни храпа, ни глубокого дыхания. Ничего.

Как бы ей хотелось сейчас получить свои кинжалы, почувствовать их утешающую тяжесть в своих руках. Были ли они до сих пор у Ван Эка? Или он их продал? Выбросил в море? Она все равно перечислила их имена: Петр, Мария, Анастасия, Елизавета, Санкт-Владимир, Санта-Алина – и каждое прошептанное слово придавало ей храбрости. Затем Инеж потрясла решетку и с силой толкнула ее. Та распахнулась, но, вместо того чтобы закачаться на петлях, полностью слетела с них. Девушка попыталась схватить решетку, но та выскользнула у нее из пальцев и упала на пол.

Инеж ждала с колотящимся сердцем. Минута прошла в тишине. Затем еще одна. Никто не приходил. В комнате было пусто. Может, все здание пустовало. Ван Эк не оставил бы ее без присмотра, так что его люди должны стоять снаружи. Если это так, то проскользнуть мимо них не составит особого труда. По крайней мере, теперь Инеж приблизительно знала, как далеко находится пол.

То, что последовало далее, невозможно было сделать грациозно. Инеж скользнула вниз головой, цепляясь за стену. Затем, оказавшись больше чем наполовину снаружи и наклонившись, она свернулась в клубок и, прикрывая руками голову, чтобы защитить череп и шею при падении, позволила силе инерции протащить ее вперед.

Удар вышел почти безболезненным. Здесь пол был сделан из того же бетона, что и в ее камере, но девушка вовремя перекатилась и уперлась во что-то, что напоминало спинку чего-то твердого. Она поднялась на ноги, ощупывая руками невидимый предмет. Он был обит бархатом. Пройдя дальше, она нащупала рядом точно такой же предмет.
«Сиденья! – осенило Инеж. – *Я в театре*».

В Бочке было полно концертных залов и театров. Неужели она так близко к дому? Или, возможно, она в одном из роскошных оперных театров Крышки?

Она медленно шла, выставив перед собой руки, пока не наткнулась на стену предполагаемой задней части помещения. Девушка начала шарить по ней рукой, надеясь найти дверь, окно или хотя бы еще одно вентиляционное отверстие. Наконец ее пальцы нащупали дверной косяк, а ладони сомкнулись на ручке. Та не поддавалась. Заперто. Инеж осторожно потрясла ее.

Комнату залило светом. Инеж вжалась в дверь, щурясь от внезапной ослепляющей яркости.

– Если хотели совершить экскурсию, госпожа Гафа, могли бы просто попросить, – сказал Ян Ван Эк.

Мужчина стоял на сцене обветшалого театра. Его черный костюм торговца состоял сплошь из строгих линий. Зеленые бархатные сиденья проела моль. Занавеси, обрамляющие сцену, висели клочьями. Никто не потрудился убрать декорации, оставшиеся после спектакля. Они выглядели так, как испуганный ребенок представляет себе операционную комнату: на стенах висели увеличенные в размерах пилы и молотки. Инеж узнала декорации к «Безумцу и доктору», одной из коротких пьес «Зверской Комедии».

По периметру зала были расставлены стражники, а рядом с Ван Эком стоял Бажан и заламывал свои изящные руки. Неужели решетку оставили открытой, чтобы заманить ее? Неужели все это время Ван Эк играл с ней?

– Приведите ее сюда, – приказал он охранникам.

Инеж не стала мешкать. Она запрыгнула на узкую спинку ближайшего кресла и помчалась к сцене, прыгая из ряда в ряд, пока охрана пыталась перелезть через сиденья. Девушка взлетела на сцену, пробежала мимо ошеломленного Ван Эка, мастерски увильнула от еще двух стражников и, схватившись за одну из веревок, начала взбираться по ней вверх, молясь, чтобы та выдержала ее вес, пока Инеж не доберется до вершины. Там она сможет спрятаться среди стропил и найти путь на крышу.

– Перережьте ее! – спокойно приказал Ван Эк.

Инеж забиралась все выше и быстрее. Но уже через пару секунд она увидела над собой лицо одного из охранников Ван Эка с ножом в руке. Он перерезал веревку.

Та тут же поддалась, и Инеж полетела на пол, расслабляя колени, чтобы смягчить удар. Прежде чем она успела прийти в себя, на нее накинудись три стражника, чтобы не дать сбежать.

– Seriously, госпожа Гафа, – начал Ван Эк с упреком в голосе. – Нам хорошо известно о ваших талантах. Неужели вы думали, что мы не примем меры предосторожности? – Он не ждал ответа. – Вы не сможете уйти отсюда без моей помощи или помощи господина Бреккера. Но поскольку он не спешит к нам на встречу, возможно, вам стоит подумать о смене союзников.

Инеж промолчала.

Ван Эк убрал руки за спину. Было странно смотреть на него и видеть в его лице схожесть с Уайленом.

– Город охватили слухи о пареме. В посольский сектор пожаловала делегация фьерданских друскелей. Сегодня шуханцы пришвартовали два военных корабля в Третьей гавани. Я дал Бреккеру семь дней, чтобы заключить сделку ради вашей безопасности, но все вокруг ищут Кювея Юл-Бо, и очень важно, чтобы я вытащил его из города прежде, чем его найдут.

Два шуханских военных корабля. Вот что изменилось. У Ван Эка кончалось время. Знали об этом Бажан, или просто почувствовал перемену в настроении хозяина?

– Я надеялся, что Бажан проявит себя в чем-то еще, помимо оттачивания игры моей жены на фортепьяно, – продолжил купец. – Но, похоже, нам с вами пора поговорить с глазу на глаз. Где Каз Бреккер прячет мальчишку?

– Откуда мне знать?

– Вы должны знать, где находятся убежища Отбросов. Бреккер ничего не делает без подготовки. Его норы прорыты по всему городу.

– Раз вы так хорошо его знаете, то вам наверняка известно, что он никогда не стал бы прятать Кювея там, куда я могла бы вас привести.

– Я в это не верю.

– Я не могу повлиять на то, во что вы верите. Ваш шуханский ученый наверняка уже в чужих руках.

– До меня дошли бы слухи. Мои шпионы повсюду.

– Определенно не повсюду.

Губы Бажана скривились в ухмылке.

Ван Эк устало покачал головой.

– Положите ее на стол.

Инеж знала, что сопротивляться бесполезно, но все равно брыкалась. Либо она будет бороться, либо поддастся страху, накатывавшему на нее волнами, пока охрана поднимала ее на стол и хватала за руки и ноги. Теперь она видела, что один из бутафорских столов завален приспособлениями, которые отнюдь не походили на гигантские молотки и пилы, висящие на стенах. Это были настоящие хирургические инструменты. Скальпели, пилы и зажимы, которые блестели со злобной решимостью.

– Вы – *Призрак*, госпожа Гафа, легенда Бочки. Вы собирали секреты судей и советников, бандитов и убийц. Сомневаюсь, что в этом городе есть хоть что-то, чего вы не знаете. Сейчас же скажите мне, где находятся укрытия господина Бреккера.

– Я не могу сказать вам то, чего не знаю.

Ван Эк вздохнул.

– Помните, что я пытался относиться к вам с учтивостью. – Он повернулся к одному из охранников – крупному мужчине с острым, как лезвие, носом. – Я бы не хотел, чтобы это затянулось надолго. Делай, что считаешь нужным.

Рука стражника зависла над столом с инструментами, словно он решал, какое изуверство будет наиболее эффективным. Инеж почувствовала, как ее отвага начала улетучиваться, она задышалась от охватившей ее паники. «Когда приходит страх, что-то должно произойти».

Бажан склонился над ней с бледным лицом и глазами, полными тревоги.

– Пожалуйста, скажи ему. Неужели стоит ради Бреккера калечиться и покрываться шрамами? Расскажи, что знаешь.

– Я знаю только то, что люди, такие как ты, не заслуживают права дышать этим воздухом.

Бажан выглядел так, словно она задела его чувства.

– Я всегда был к тебе добр. Я не какое-то там чудовище.

– Нет, ты просто человек, который сидит сложа руки и хвалит себя за порядочность, пока чудовище насыщается вволю. По крайней мере у чудовища есть зубы и хребет.

– Это несправедливо!

Инеж не могла верить, насколько мягкотелым оказалось это существо, требующее ее одобрения в такой момент.

– Если ты до сих пор веришь в справедливость, тогда у тебя была очень счастливая жизнь. Уйди с его дороги, Бажан. Позволь чудовищу закончить свое дело.

Остроносый стражник выступил вперед, и в его руке что-то блеснуло. Инеж попыталась спрятаться в уголке покоя внутри себя – месте, позволившем ей пережить год в «Зверинце», год ночей, отмеченных болью и унижением, и дней, исчисляющихся избиениями или еще чем похуже.

– Ну же! – поторопила она со сталью в голосе.

– Стой, – приказал Ван Эк. Он смерил Инеж изучающим взглядом, словно читал гроссбух и пытался сопоставить числа. Мужчина наклонил голову вбок и произнес: – Сломай ей ноги.

Инеж почувствовала, как ее храбрость дала трещину. Она начала извиваться, пытаясь вырваться из хватки охранников.

– Ага, – улыбнулся Ван Эк. – Так я и думал.

Остроносый стражник выбрал длинную и тяжелую трубу.

– Нет, – покачал головой купец. – Мне не нужен обычный перелом. Используй молоток. Раздробь кость. – Его лицо маячило над нею, ясные глаза сияли голубизной – глаза Уайлена, но лишённые его доброты. – Никто не сможет собрать вас воедино, госпожа Гафа. Возможно, вам удастся выплатить долг по сделке, вымаливая пенни в Восточном Обруче, а затем еженощно ползая домой в Клепку, если Бреккер, конечно, выделит вам комнату.

– Нет. – Инеж не знала, кого молила: себя или Ван Эка. Не знала, кого она ненавидела больше в этот момент.

Стражник взял стальной молоток.

Инеж задергалась на столе, ее тело покрылось потом. Она чувствовала запах собственного страха.

– Нет, – повторила она. – *Нет!*

Остроносый оценил вес молотка в руках. Ван Эк кивнул. Стражник замахнулся, молоток описал ровную дугу.

Инеж наблюдала, как молоток поднимается и достигает вершины, как свет поблескивает на его широкой головке и плоском бойке. Услышала потрескивание костра и подумала о волосах матери, переплетенных шелковыми лентами цвета хурмы.

– Он ни за что не пойдет на обмен, если вы покалечите меня! – закричала девушка. Слова рвались из глубины ее естества, голос звучал резко и беззащитно. – Я больше не буду иметь для него ценность!

Ван Эк поднял руку. Молоток опустился.

Инеж ощутила, как он слегка задел ткань ее брюк, обрушившись на поверхность стола в миллиметре от ее икры, и угол стола обломился от этого удара.

«Моя нога, – подумала она, яростно содрогаясь всем телом. – Это могла быть моя нога. – Во рту появился металлический привкус. Она прикусила язык. – Святые, защитите меня. Святые, защитите меня».

– Любопытный аргумент, – задумчиво протянул Ван Эк, постукивая пальцем по губам. – Подумайте, стоит ли вам и дальше хранить преданность, госпожа Гафа. Завтра я уже не буду столь милосердным.

Инеж не могла унять дрожь. *«Я разделаю тебя, как свинью, – мысленно поклялась она. – И вырву жалкое подобие сердца из твоей груди».* Злая, гнусная мысль. Но она ничего не могла с собой поделать. Одобрят ли ее святые? Будет ли ей прощение, если она убьет не ради выживания, а потому, что горит живой, ослепляющей ненавистью? *«Мне плевать, – подумала девушка, изогнувшись в судороге. Стражники подняли ее трясущееся тело со стола. – Я готова искупать свою вину всю оставшуюся жизнь, если это позволит мне убить его».*

Ее потащили через вестибюль ветхого театра и по коридору обратно в камеру, которая, как она теперь знала, некогда была комнатой для оборудования. Ее снова связали по рукам и ногам.

Бажан подошел, чтобы завязать ей глаза.

– Прости, – прошептал он. – Я не знал, что он планировал... Я...

– *Кадема мехим.*

Парень поморщился.

– Не говори так.

Сулийцы были замкнутым, но верным народом. А как иначе в мире, где у них не было своей земли, а численность уменьшалась с каждым днем? Зубы Инеж стучали, но она заставила себя выдать слова:

– Ты покинут. Как ты повернулся ко мне спиной, так и они повернутся спиной к тебе.

Это было худшее обвинение для сулийца. Оно отказывало ему в праве присоединиться к своим предкам в загробном мире и обрекало дух на вечное бесприютное существование.

Бажан побледнел.

– Я не верю в эту ерунду.

– Поверишь.

Он затянул повязку на ее глазах. Затем послышался звук закрывающейся двери.

Инеж лежала на боку, впиваясь бедром и плечом в твердый пол, и ждала, пока пройдет дрожь.

В первые дни в «Зверинце» она верила, что кто-то придет за ней. Семья обязательно ее найдет. Или же какой-нибудь представитель закона. Герой одной из сказок, которые рассказывала ей мать. Мужчины действительно приходили, но не для того, чтобы ее освободить, и постепенно надежда увядала, как листья под палящим солнцем, сменяясь горьким бутоном обреченности.

Каз спас ее от этой безнадежности, и с тех пор их жизни превратились в череду освобождений, вереницу долгов, которым они никогда не вели счет, спасая друг друга снова и снова. Лежа в темноте, Инеж поняла, что, несмотря на все свои сомнения, она верила, что он спасет ее еще раз, позабудет о своей жадности и внутренних демонах и придет за ней. Теперь она не была так уверена. Потому что помимо смысла слов, произнесенных ею Ван Эку и остановивших его руку, он уловил искренность, сквозившую в ее голосе. «Он ни за что не пойдет на обмен, если вы покалечите меня». Девушка не могла притвориться, что эти слова были вызваны хитроумным планом или животным коварством. Волшебство, которые они сотворили, были порождены ее искренней верой. Отвратительным заклятьем.

«Завтра я уже не буду столь милосердным». Был ли сегодняшний вечер репетицией, предназначенной для того, чтобы запугать ее? Или же Ван Эк всерьез готов исполнить свою угрозу? И если Каз все же придет, сколько от нее останется к тому времени?

Джеспер

Джесперу казалось, что его одежда кишит блохами. Каждый раз, когда банда покидала остров Черной Вуали, чтобы пошататься по городу, они надевали костюмы из «Зверской Комедии» – плащи, вуали, маски и иногда рога, – которые туристы и местные использовали, чтобы наслаждаться прелестями Бочки, оставаясь неузнанными.

Но здесь, на престижных проспектах и каналах университетского района, Мистер Кримсон и Серый Бесенок привлекли бы к себе слишком много внимания, поэтому они с Уайленом избавились от костюмов, как только покинули Обручи. Да и откровенно говоря, Джеспер не хотел встретиться с отцом впервые за долгое время, будучи в маске с выпученными глазами, разодетым в оранжевый шелковый плащ или даже оставаясь в своем обычном бандитском прикиде. Он оделся так прилично, как только было возможно. Уайлен одолжил ему пару круге на подержанный твидовый пиджак и унылый серый жилет. Стрелок смотрелся в этом не очень уж респектабельно, но студенты и не должны выглядеть слишком процветающими.

Парень в который раз машинально потянулся к револьверам, скучая по знакомому прикосновению пальцев к перламутровым рукояткам. Тот жалкий адвокатишка приказал распорядителю спрятать их в сейфе «Кучевых облаков». Каз сказал, что они их вернут, когда придет время, но Джеспер сомневался, что он был бы так же спокоен и собран, если бы кто-то отобрал его трость. *«Это ты поставил их на кон, как идиот»*, – напомнил он себе. Джеспер сделал это ради Инеж. И, если быть честным, он сделал это и для Каза, чтобы показать, как далеко он готов зайти, чтобы восстановить справедливость. Не то чтобы это очень впечатлило Бреккера.

«Что ж, – утешал он себя, – я бы в любом случае не смог взять револьверы на эту встречу». Студенты и профессора не ходят из класса в класс с пушкой в кармане. Иначе занятия проходили бы гораздо веселее. И все же Джеспер спрятал один несчастный пистолетик под пиджаком. В конце концов, это же Кеттердам, и вполне возможно, что они с Уайленом направляются напрямик в ловушку. Поэтому Каз и Матиас следуют за ними тенью. Стрелок не заметил ни одного из них, что, в принципе, было хорошим знаком, но он все равно был благодарен Уайлену за предложение сопровождать его. Каз позволил ему пойти только потому, что маленький купец заявил, что ему нужно кое-что приобрести для его работы над долгоносыком.

Они миновали студенческие кафе и лавки книготорговцев, а также витрины магазинов, забитые учебниками, чернилами и бумагой. Парни находились меньше чем в двух милях от шума и гама Бочки, но создавалось впечатление, будто, перейдя через мост, они попали в другую страну. Им не преграждали путь толпы матросов, только что вернувшихся с рейсов и ищущих бед на свои задницы, или туристов, толкающихся со всех сторон, тут люди уступали друг другу дорогу, и переговаривались тихими голосами, чтобы никому не мешать. Никакие зазывалы не орали с порогов магазинов в надежде выудить чужие денежки. Изогнутые переулки полнились переплетчиками и аптекарями, а по углам не жались парни и девушки, которым не хватило работы в домах Западного Обруча, из-за чего они были вынуждены торговать собой на улице.

Джеспер остановился под навесом и глубоко вдохнул через нос.

– Что такое? – спросил Уайлен.

– Здесь так хорошо пахнет. – Дорогой табак, влажная после утреннего дождя мостовая, синие облака гиацинтов на подоконниках. Никакой мочи, рвоты, дешевого парфюма или гнилого мусора. Даже запах угольного дыма казался здесь не таким резким.

– Ты пытаешься потянуть время? – предположил Уайлен.

– Нет, – Джеспер выдохнул и слегка поник. – Ну, может, самую малость.

Ротти отправили с весточкой в гостиницу, где остановился человек, называющий себя отцом Джеспера, чтобы они могли назначить время и место встречи. Джеспер хотел пойти сам, но если отец действительно приехал в Кеттердам, вполне вероятно, что его использовали как приманку. Лучше встретиться при ярком дневном свете и на

нейтральной территории. Университет казался хорошим вариантом – далеко от опасностей Бочки или обычных мест обитания Джеспера.

Парень и сам не знал, хотел ли он, чтобы у здания университета его ждал отец, или нет. Думать о возможной стычке с противником было куда приятней, чем о позоре, о том, как ужасно он себя повел, и разговор об этом вызывал у него такое чувство, словно он поднимается на эшафот по прогнившим доскам. Поэтому он сменил тему:

– Мне всегда нравилась эта часть города.

– Как и моему отцу. Он высоко ценит образование.

– Больше чем деньги?

Уайлен пожал плечами, разглядывая витрину с глобусами, разрисованными вручную.

– Знания не являются признаком божественной благосклонности. А вот процветание – да.

Джеспер быстро покосился на него. Он все еще не привык к голосу Уайлена, доносящемуся из уст Кювея. Это всегда сбивало его с толку, как если бы он тянулся к бокалу вина, а вместо этого пил воду.

– Твой отец действительно настолько религиозен, или это просто оправдание тому, что он ведет себя как злобный сукин сын, когда дело касается бизнеса?

– Он всегда такой, если не кривить душой.

– Особенно с головорезами и канальными крысами Бочки?

Уайлен поправил ремень сумки.

– Он считает, что Бочка отвлекает людей от работы и предпринимательства и приводит к вырождению.

– Он не так уж и не прав. – Джеспер сам порой гадал, что могло бы произойти, если бы он не пошел гулять той ночью с новыми друзьями и никогда бы не заходил в игорный дом и не крутил впервые «Колесо фортуны». Поначалу это казалось безобидным развлечением. Для остальных таким оно и было. Но жизнь Джеспера раскололась, как полено, на две разные и неровные части: на времена до того, как он подошел к колесу, и на каждый день после. – Бочка пожирает людей.

– Возможно, – задумчиво кивнул Уайлен. – Но бизнес есть бизнес. Игорные дома и бордели удовлетворяют спрос. Они предлагают работу и платят налоги.

– Каким славным пареньком из Бочки ты стал! Словно процитировал страницу из книги боссов.

Каждые несколько лет какому-нибудь реформатору приходила в голову идея очистить Бочку и избавить Кеттердам от сомнительной репутации. Тогда-то и выходили брошюры, и начиналась пропагандистская война между владельцами игорных домов и домов удовольствий с одной стороны и торговцами-реформаторами в черных костюмах – с другой. В итоге все сводилось к деньгам. Предприятия Восточного и Западного Обручей получали серьезную прибыль, и жители Бочки вносили очень даже заметную долю в казну города.

Уайлен снова потянул за ремень сумки. Тот перекрутился на плече.

– Не думаю, что это сильно отличается от высоких ставок на грузы с шелком или юрдой. Шансы значительно возрастают, когда играешь на рынке.

– Я весь внимание, маленький купец, – вопрос возрастания шансов всегда был ему интересен. – Какова самая крупная сумма, которую твой отец терял на торговле?

– Если честно, не знаю. Он давно перестал обсуждать со мной подобные вещи.

Джеспер задумался. Ян Ван Эк был настоящим дураком, раз позволял себе так

обращаться с сыном, но стрелок не мог не признать, что ему был любопытен так называемый «недуг» Уайлена. Что он видел, когда пытался читать, и почему его не смущали уравнивания или цены в меню, а вот предложения и знаки препинания вызывали трудности? Но, вместо того чтобы расспрашивать об этом, он произнес:

– Интересно, не делает ли купцов близость к Бочке еще более чопорными? Черные костюмы, скованность, мясо всего дважды в неделю, пиво вместо бренди. Может, таким образом они компенсируют наши развлечения?

– Чтобы держать чаши весов в равновесии?

– Ну да. Ты только подумай, каких высот разврата мы могли бы достичь, если бы никто не держал город в ежовых рукавицах. Шампанское на завтрак. Голые оргии на полу Биржи.

Уайлен издал смущенный звук, который напоминал крик простуженной птицы, и смотрел куда угодно, только не на Джеспера. Его было так легко и приятно выбивать из колеи! Хотя, стоило признать, что Джеспер сомневался, нужно ли было в университетском районе разводить грязь. Он нравился ему таким, каким был – чистым, тихим и пахнущим книгами и цветами.

– Тебе необязательно идти со мной, если что, – уточнил стрелок, посчитав это необходимым. – Ты нашел свои материалы. Можешь подождать в безопасности какой-нибудь уютной кофейни.

– Ты этого хочешь?

«Нет. Я не справлюсь в одиночку». Джеспер пожал плечами. Он не знал, как относиться к тому, что Уайлен может стать свидетелем предстоящей сцены в университете. Джеспер редко видел своего отца в гневе, но как он может не разозлиться сейчас? Какое оправдание способен предложить ему сын? Он врал и навлек опасность на ферму, на которой так упорно трудился его отец. И ради чего? Теплой кучки ничего.

Однако Джесперу становилось дурно при мысли том, чтобы встретиться с отцом один на один. Инеж бы его поняла. Не то чтобы он заслуживал ее сочувствия, но был в ней какой-то стержень, благодаря которому она, несомненно, распознала бы его страхи и постаралась бы развеять их. Он надеялся, что Каз вызовется сопровождать его. Но когда они разделились, подойдя к университету, Каз одарил его лишь быстрым мрачным взглядом. Послание вполне ясное: «Ты сам выкопал себе могилу. Теперь лежи в ней». Бреккер все еще наказывал его за засаду, которая чуть не сгубила их работу в Ледовом Дворе еще до того, как она успела начаться, и Джесперу понадобится пожертвовать чем-то большим, чем револьверами, чтобы вернуть благосклонность Каза. Хотя был ли он вообще к кому-то благосклонен?

Сердце Джеспера забилося чуть быстрее, когда они прошли под огромной каменной аркой во двор Буксплейна. Университет состоял не из одного сооружения, а из целой группы зданий, выстроенных вокруг параллельных отрезков Бокканала и соединенных Мостом Оратора, где люди встречались, чтобы подискутировать или выпить в компании пинту пива – зависело от дня недели. Но Буксплейн был сердцем университета – четыре библиотеки, расположенные в центральном дворике, и Фонтан Ученого. С того момента, как Джеспер впервые ступил на территорию университета, прошло почти два года. Официально он так и не отказался от обучения. Он даже не принимал формального решения перестать его посещать. Просто в какой-то момент он начал проводить все больше и больше времени в Восточном Обруче, пока однажды не поднял голову и не осознал, что Бочка стала его домом.

Однако за то короткое время, что он успел побыть студентом, Джеспер влюбился в Буксплейн. Он никогда не был книжным червем. Ему нравились истории, но он ненавидел долго сидеть на месте, а учебники, которые задавали им читать, были просто созданы для того, чтобы заставить его витать в облаках. В Буксплейне, куда бы ни устремился его взгляд, всегда было что-то притягательное: литые окна с витражными бордюрами, кованые ворота с узорами в форме книг и кораблей, центральный фонтан с бородатым ученым и, самое главное, горгульи – гротескные существа с крыльями как у летучих мышей и с академическими шапочками на головах, – и каменные драконы, засыпающие над фолиантами. Ему нравилось думать, что, кто бы ни создал это место, он

знал, что не всем студентам подходит спокойное созерцание.

Когда они вошли во двор, Джеспер не стал смотреть по сторонам, чтобы полюбоваться на каменную кладку или послушать всплески фонтана. Все его внимание сосредоточилось на мужчине, который стоял у восточной стены и разглядывал витражные окна, сжимая в руках шляпу. С внезапной болью Джеспер осознал, что его отец надел свой лучший костюм. Аккуратно зачесал назад свои рыжие каэльские волосы. Теперь в них появилась седина, которой не было, когда Джеспер покидал дом. Колм Фахи выглядел как фермер, направляющийся в церковь. Совершенно не к месту. Казу – черт побери, да любому в Бочке, – хватило бы одного взгляда на него, чтобы увидеть ходячую, разговаривающую мишень.

В горле у Джеспера пересохло, словно он глотнул мелкого песка.

– Папа, – прохрипел он.

Его отец резко поднял голову, и стрелок приготовился к тому, что может последовать далее. Какие бы гневные оскорбления ни обрушил на него отец, он их заслужил. Но он не был готов к улыбке облегчения, расплывшейся на грубоватом лице Колма. Джеспер чувствовал себя так, словно ему пулю засадили прямым в сердце.

– Джес! – воскликнул мужчина. Затем Джеспер пересек двор, и руки отца сомкнулись вокруг него, обнимая так крепко, что стрелку показалось, что его ребра сжались. – Ради всех святых, я думал, что ты мертв! Мне сказали, что ты здесь больше не учишься, что ты просто исчез и... Я был уверен, что тебя зарезали бандиты или другие им подобные в этом позабытом святыми месте.

– Я жив, пап, – прокричал Джеспер. – Но это ненадолго, если ты и дальше будешь меня так сжимать.

Отец рассмеялся и отпустил парня, держа его на расстоянии вытянутой руки и положив крупные ладони на плечи сыну.

– Клянусь, ты вырос еще на сантиметр!

Джеспер пригнул голову.

– На полсантиметра. Э-э, знакомься, это Уайлен, – сказал он, перейдя с земенского на керчийский. Дома они общались на обоих языках: на родном языке его матери и на языке торговцев. Родной его отцу каэльский оставляли на те редкие случаи, когда Колм пел.

– Рад знакомству. Ты говоришь на керчийском? – едва не прокричал господин Фахи, и Джеспер понял почему: Уайлен выглядел как шуханец.

– Пап! – стрелок скривился от смущения. – Он прекрасно знает керчийский.

– Приятно с вами познакомиться, господин Фахи, – сказал Уайлен. Святые, благословите его купеческие манеры.

– И мне, парень. Ты тоже тут учишься?

– Я... учился, – неловко ответил Уайлен.

Джеспер понятия не имел, чем заполнить последовавшую паузу. Он и сам до конца не знал, чего ожидать от этой встречи, но явно не дружеского обмена любезностями.

Уайлен кашлянул.

– Вы голодны, господин Фахи?

– Умираю от голода! – ответил тот с благодарностью.

Уайлен пихнул Джеспера локтем.

– Может, сводим твоего отца на обед?

- Обед, – повторил тот, словно впервые услышал это слово. – Да, обед. Кому не нравится обед? – Обед казался настоящим чудом. Они поедят. Поговорят. Может, даже выпьют. Пожалуйста, пусть они выпьют...

- Но, Джеспер, что у тебя произошло? Я получил уведомление из Геменсбанка. Время на погашение кредита почти вышло, а ты заверял меня, что это временно. И твое обучение...

- Папа, – перебил Джеспер. – Я... дело в том...

Во дворе раздался выстрел. Джеспер толкнул отца себе за спину, и в ту же секунду пуля отскочила от камней у их ног, поднимая клубы пыли. Внезапно по всему двору пронеслось эхо залпа. Многократное отражение звука мешало понять, откуда именно исходили выстрелы.

- Что, во имя всего святого...

Джеспер дернул отца за рукав и потащил его, чтобы укрыться в каменной арке дверного проема. Затем посмотрел влево, собираясь схватить и Уайлена, но маленький купец уже сорвался с места и спешил за Джеспером, предусмотрительно пригнувшись. *«Ничто не учит быстрее, чем пара выстрелов, нацеленных на тебя»*, – подумал стрелок, когда они спрятались под дугообразным навесом. Он вытянул шею, чтобы попытаться рассмотреть линию крыши, но моментально отпрянул при звуке следующей очереди. Откуда-то сверху и слева раздался новый грохот залпа, и Джесперу оставалось лишь надеяться на то, что Матиас и Каз открыли ответный огонь.

- Святые! – ахнул его отец. – Этот город гораздо хуже, чем пишут в путеводителях!

- Пап, дело не в городе, – ответил Джеспер, доставая пистолет из-под пиджака. – Эти люди охотятся за мной. Или за нами. Сложно сказать.

- Какие люди?

Джеспер и Уайлен переглянулись. Ян Ван Эк? Конкурирующая банда, пытающаяся свести счеты? Пекка Роллинс или еще кто-то, у кого Джеспер одолжил денег?

- Список потенциальных поклонников довольно длинный. Нам нужно убираться отсюда, пока они не решили представиться нам лично.

- Бандиты?

Джеспер знал, что его могут изрешетить в любой момент, поэтому постарался подавить ухмылку.

- Что-то типа того.

Он выглянул из-за проема, дважды выстрелил и спрятался обратно, когда воздух взорвался еще одной очередью.

- Уайлен, прошу, скажи мне, что у тебя в сумке не только перья, чернила и ингредиенты для долгоносика.

- У меня две фотобомбы и кое-что новенькое, заряженное большей, гм... силой.

- Бомбы? – недоуменно переспросил отец Джаспера и часто заморгал, словно пытаясь очнуться от кошмара.

Джеспер беспомощно пожал плечами.

- Считаю, что это научный эксперимент.

- Так сколько людей нам противостоит? – спросил Уайлен.

- Только посмотри, ты начал задавать правильные вопросы! Трудно сказать. Они где-то на крыше, а единственный путь к отступлению – это арка, через которую мы пришли. Значит, нам придется пересечь весь двор, находясь под атакой сверху. Даже если нам удастся это проверить, я предполагаю, что снаружи Буксплейна наш ждет еще больше

вооруженных людей, если только Каз с Матиасом не смогут каким-то образом расчистить путь.

– Я знаю еще один выход, – сказал Уайлен. – Но он находится в другой стороне двора. – Он указал на дверь под аркой, украшенной каким-то высеченным рогатым монстром, жующим карандаш.

– Читальный зал? – Джеспер оценил расстояние. – Ладно. На счет три попытайся прорваться. Я тебя прикрою. Отведи моего отца внутрь.

– Джеспер...

– Пап, клянусь, я все объясню, но сейчас тебе нужно знать только то, что мы в скверном положении, а скверные положения – это моя специализация. – И это была правда. Джеспер чувствовал, как оживает, как отступает тревога, отягощавшая каждый его шаг с тех пор, как он услышал новость о приезде отца в Кеттердам. Он ощущал себя свободным и грозным, как молния, сверкающая над прериями. – Доверься мне, пап.

– Хорошо, мой мальчик. Хорошо.

Джеспер не сомневался, что услышал невысказанное «пока что» в его словах. Уайлен подобрался. Для маленького купца все это до сих пор было в новинку. Оставалось надеяться, что Джеспер не прикончит их всех.

– Раз, два... – на «три» он открыл огонь. Выпрыгнув во двор, перекатился и спрятался за фонтаном. Стрелок действовал почти вслепую, но успел рассмотреть силуэты на крыше, и повинуясь инстинктам, чувствуя движение стрелял не целясь. Ему не нужно было никого убивать, достаточно напугать их до чертиков и выиграть время для Уайлена и отца.

В центральную статую фонтана попала пуля, и книга в руках ученого взорвалась обломками камня. Каким бы оружием ни пользовались эти ребята, они не шутили.

Джеспер перезарядил пистолет и выскочил из-за фонтана, продолжая стрелять.

– Святые! – выкрикнул он, когда боль пронзила его плечо. Он ненавидел, когда в него попадали. Парень спрятался за каменный выступ. Затем согнул руку, пытаясь понять, насколько серьезна его рана. Всего лишь царапина, но болела она адски, и он залил кровью свой новенький твидовый пиджак. – Вот поэтому мне и невыгодно пытаться выглядеть респектабельно, – буркнул стрелок себе под нос. Над ним передвигались силуэты по крыше. В любую минуту они замкнут кольцо с другой стороны фонтана, и ему придет конец.

– Джеспер! – подал голос Уайлен. Черт бы его побрал! Он должен был спрятаться внутри. – Джеспер, на два часа от тебя!

Парень поднял голову и увидел, как что-то дугой рассекает небо. Не задумываясь, прицелился и выстрелил. Раздался взрыв.

– Прыгай в воду! – крикнул Уайлен.

Джеспер нырнул в фонтан, и через секунду воздух замерцал от света. Когда его мокрая голова высунулась из воды, он увидел, что каждая все поверхности двора и сада испещрены дырами и из крошечных кратеров поднимаются струйки дыма. Люди, находившиеся на крыше, кричали. Какую же бомбу выпустил в мир Уайлен?

Он надеялся, что Матиас с Казом нашли укрытие, но размышлять об этом не было времени. Джеспер кинулся ко входу под жующим карандаш демоном. Уайлен и его отец ждали внутри. Как только он ввалился к ним, дверь заперли.

– Помогите, – выдавил Джеспер. – Нужно ее забаррикадировать.

На человеке за столом была серая мантия ученого. Его ноздри раздулись так широко, что Джеспер побоялся, как бы его не засосало в одну из них.

– Молодой человек...

Стрелок наставил пистолет ему в грудь.

- Шевелитесь.

- Джеспер! - воскликнул его отец с осуждением.

- Не волнуйся, пап. В Кеттердаме люди постоянно тычут друг в друга пистолетами. Это практически местное рукопожатие.

- Это правда? - спросил господин Фахи, пока ученый неохотно отошел в сторону, чтобы дать им возможность придвинуть тяжелый стол к двери.

- Чистая, - кивнул Уайлен.

- Определенно нет! - возмутился ученый.

Джеспер помахал, показывая, что им нужно идти дальше.

- Зависит от района. Пошли.

Они побежали через главный проход читального зала, вдоль которого грудились длинные столы с горящими лампочками на изогнутых ножках. Студенты жались к стенам и прятались под стульями, наверняка думая, что все они вот-вот умрут.

- Народ, вам не о чем беспокоиться! - крикнул Джеспер. - Это всего лишь небольшая учебная стрельба во дворе.

- Сюда, - Уайлен подозвал их к двери, покрытой сложным орнаментом в виде завитков.

- О, туда нельзя! - забрюзжал ученый, спеша за ними и размахивая полами мантии. - Только не в зал с редкими книгами!

- Хотите снова пожать мне руку? - поднял бровь Джеспер, а затем добавил: - Обещаю, мы не будем стрелять без необходимости. - Он подтолкнул отца к лестнице. - Наверх!

- Джеспер? - раздался тоненький голосок из-под ближайшего стола.

На него смотрела миловидная блондинка, скрючившаяся на полу.

- Мадлен? - прошептал стрелок. - Мадлен Мишо?

- Ты обещал, что мы позавтракаем!

- Мне пришлось уехать во Фьерду.

- Фьерду?

Джеспер начал было подниматься по лестнице за Уайленом, но затем высунул голову обратно в читальный зал.

- Если я выживу, то куплю тебе вафель.

- У тебя нет денег на вафли, - проворчал Уайлен.

- Тихо! Не шуми в библиотеке.

Ни разу за время своего обучения у Джеспера не появлялось повода посетить зал с редкими книгами. Царившая здесь тишина была такой глубокой, словно они находились под водой. Подсвечиваемые золотыми лучами ламп манускрипты стояли на стеклянных стеллажах, а стены были завешаны редкими картами.

В углу, задрав руки, стоял шквальный в синем кафтане, но тут же отпрянул, увидев их.

- Шуханцы! - завопил он, глядя на Уайлена. - Я с вами никуда не пойду. Только через мой труп!

Фахи-старший сделал жест руками, словно успокаивая лошадь.

- Тихо, парень.
- Мы просто проходили мимо, - кивнул Джеспер, вновь подталкивая отца.
- Следуйте за мной, - скомандовал Уайлен.
- Что шквальный делает в зале с редкими книгами? - любопытствовал стрелок, когда они двинулись по лабиринту из полок стеллажей, минуя встречающихся преподавателей или студентов, которые прижимали к себе книги и тряслись от страха.
- Влажность. Он делает воздух сухим, чтобы сохранить рукописи.
- Хорошая работа, можно неплохо устроиться.

Дойдя до западной стены, Уайлен остановился перед картой Равки. Он осмотрелся, убедившись, что за ними не следят, и нажал на символ, обозначающий столицу - Ос Альту. Страна на карте будто бы начала разрываться вдоль шва Неморя, открывая темный зазор, ширины которого едва хватало, чтобы пролезть.

- Он ведет на второй этаж мастерской гравера, - сказал Уайлен, когда они втиснулись внутрь. - Его построили, чтобы профессора могли спокойно попасть из библиотеки домой, не участвуя в разборках с озлобленными студентами.
- Озлобленными? - переспросил отец Джеспера. - Тут все студенты ходят с пистолетами?
- Нет, но существует давняя традиция устраивать бунт из-за оценок.

Карта снова склеилась, и они продолжили передвигаться бочком в темноте.

- Не хочу показаться бестактным, - пробормотал Джеспер Уайлену, - но я бы никогда не подумал, что ты часто бываешь в зале с редкими книгами.
- Я встречался там с одним из своих преподавателей, еще в те времена, когда мой отец думал... Репетитор рассказывал много интересных историй. И мне всегда нравились карты. Порой, когда я обводил пальцами буквы, мне становилось легче... в общем, так я и нашел проход.
- Знаешь, Уайлен, когда-нибудь я перестану тебя недооценивать.

Последовала короткая пауза, а затем откуда-то впереди он услышал ответ:

- Тогда мне будет намного труднее тебя удивить.

Джеспер улыбнулся, хотя сейчас для этого было неподходящее время. Сзади раздавались крики из зала редких книг. Они были на волосок от смерти, его плечо кровоточило, но им удалось сбежать - ради таких моментов он и жил. Он должен гудеть от радости после битвы. Парень чувствовал волнение, пенящееся в его крови, но в паре с ним шло зябкое, незнакомое ощущение, которое, казалось, высасывало из него всю радость. Все, о чем он мог думать, - это: *«Папу могли ранить. Он мог умереть»*. Джеспер привык к тому, что в него постоянно стреляли. Его бы даже слегка обидело, если бы люди *перестали* это делать. Но тут совсем другое. Отец не нарывался на драку. Его единственное преступление заключалось в том, что он поверил в своего сына.

«В этом и беда Кеттердама, - подумал Джеспер, пока они неуклюже протискивались вперед в темноте. - Доверься не тому человеку - и тебе крышка».

Нина

Нина не могла отвести глаз от Колма Фахи. Он был немного ниже своего сына, шире в плечах и выглядел как типичный каэлец – яркие темно-рыжие волосы и молочно-белая кожа, густо усеянная веснушками от земенского солнца. И хотя его глаза были того же ясно-серого цвета, что у Джеспера, в них читались серьезность, уверенность и теплота, которые так отличали его от искрящейся энергией Фахи-младшего. Но повышенное внимание девушки к фермеру объяснялось не только тем, что ей нравилось находить общие черты у отца и сына. Просто было странно видеть человека столь *нравственного* в каменном корпусе пустого мавзолея, окруженного худшими из кеттердамских отродий – включая ее саму.

Нина вздрогнула и закуталась в старую попону, которую использовала как накидку. Она начала делить жизнь на хорошие дни и плохие и, из-за Корнелиса Смита, этот день считала ужасным. Девушка не могла позволить себе раскисать, особенно теперь, когда они были так близки к освобождению Инеж. *«Пусть с тобой все будет хорошо, – молила она подругу, надеясь, что ее мысли могут каким-то образом рассеять воздух, промчаться над водами кеттердамских гаваней и попасть к ней. – Будь целой и невредимой и жди нас».*

Нины не было на Вельгелюке, когда Ван Эк взял Инеж в заложницы. В то время она все еще пыталась избавиться от парема в своем организме, проходя через горнило страданий, начавшихся по пути в Керчию из Джерхольма. Она убеждала себя, что должна быть благодарна за те мучения, через которые ей пришлось пройти, за каждую минуту, которую она провела, дрожа от лихорадки, воя от боли или выворачиваясь наизнанку. За стыд от того, что Матиас все это видел, убирал ей с лица волосы, промокал лоб, придерживал ее так осторожно, как только мог, пока она спорила, кричала и умоляла его о еще одной дозе парема. Она заставила себя вспомнить каждую сказанную гадость, каждую непристойную дикость, каждое оскорбление или обвинение, которыми она закидывала его. *«Тебе нравится смотреть, как я страдаю! Хочешь, чтобы я тебя умоляла, так ведь? Как долго ты ждал, чтобы увидеть меня такой? Хватит наказывать меня, Матиас! Помоги мне. Будь добр ко мне, и я буду добра к тебе».* Все это он проглотил в стоическом молчании. Нина крепко держалась за эти воспоминания. Они нужны ей максимально яркими, насыщенными и вызывающими стыд, чтобы бороться с тягой к наркотику. Она больше не хотела становиться такой.

Девушка посмотрела на Матиаса – его густые золотистые волосы отросли достаточно, чтобы начать виться у ушей. Она любила его и в то же время ненавидела. Потому что он не давал ей того, чего она хотела. Потому что он знал, как сильно она в этом нуждалась.

После того как Каз посадил их на острове Черной Вуали, Нина продержалась два дня, а потом сломалась и побежала к Кювею, чтобы просить о еще одной дозе парема. Крошечной. Всего лишь попробовать, просто чтобы немного уменьшить эту неослабевающую потребность. Ее перестало бросать в пот, приступы лихорадки прошли. Она могла ходить, говорить и слушать, как Бреккер и остальные вынашивают свои планы. Но даже когда она занималась своими делами, пила бульон и чай с сахаром, который Матиас ставил перед ней, жажда всегда была рядом – неустанное зубчатое распиливание ее нервов, вверх и вниз, минута за минутой. Когда она пришла посидеть рядом с Кювеем, ее решение просить о дозе еще не было осознанным. Она ласково поговорила с ним на шуханском, выслушала его жалобы на сырость в гробнице. А затем слова сами слетели с ее губ:

– У тебя есть еще?

Он даже не спрашивал, что она имела в виду.

– Я все отдал Матиасу.

– Понятно. Наверное, это к лучшему.

Она улыбнулась. Он улыбнулся. Ей захотелось растерзать его лицо в клочья.

Потому что Нина ну никак не могла пойти к Матиасу. Никогда. Зная его, она верила, что

он вполне мог выкинуть остатки запасов Кювея в море. Эта мысль наполнила ее таким страхом, что пришлось бежать наружу и извергать содержимое и без того пустого желудка перед одной из разрушенных гробниц. Засыпав все грязью, она нашла тихое местечко рядом с решеткой для вьющегося плюща и пролила ручьи горьких слез.

– Все вы просто кучка бесполезных засранцев, – сказала она молчаливым могилам. Кажется, им было все равно. Однако, каким-то образом, молчаливая безмятежность Черной Вуали смогла ее усмирить. Она и сама не понимала, в чем тут дело. Раньше территория мертвых никогда не приносила ей утешения. Девушка немного отдохнула, вытерла слезы и, дождавшись, пока пройдут пятна на коже и высохнут глаза, вернулась к остальным.

«Ты пережила самое худшее, – сказала она себе. – Парем вне досягаемости, так что можешь перестать думать о нем». И ей это удалось на какое-то время.

Прошлым вечером, готовясь закадрить Корнелиса Смита, она совершила ошибку – воспользовалась своей силой. Даже в парике, цветах, наряде с корсетом она не могла до конца вжиться в роль соблазнительницы. Поэтому Нина нашла зеркало в «Кучевых облаках» и попробовала убрать мешки под глазами. Это была ее первая попытка пустить в ход свою магию с момента выздоровления. От прилагаемых усилий на ее лбу выступил пот, и, как только синева под глазами ушла, проснулся голод по парему – ударил так резко, словно кулаком по груди. Девушка согнулась пополам, цепляясь за раковину, в голове проносились безумные мысли о том, как ей сбежать, у кого могут быть запасы, что ей на них обменять. Она заставила себя подумать о позоре на корабле, о будущем, которое может у них сложиться с Матиасом, но единственное, что привело ее в чувство, была мысль об Инеж. Нина обязана ей жизнью и ни за что не оставит ее в лапах Ван Эка. Она не такой человек. Она отказывается такой быть!

Каким-то чудом ей удалось взять себя в руки. Нина умыла лицо и щипнула себя за щеки, чтобы те зарумянились. Она все еще выглядела изможденной, но решительно поправила корсет и сверкнула самой яркой улыбкой, на какую была способна. *«Сделай все как надо, и Смит даже не посмотрит на твое лицо»*, – наставляла она себя, выходя за дверь и начиная охоту на простофилю.

Но как только работа была сделана и нужная информация добыта, она дождалась, когда все уснут, и начала рыться в немногочисленных пожитках Матиаса, в карманах его одежды, и ее раздражение возрастало с каждой секундой. Она ненавидела его. Ненавидела Кювея. Ненавидела этот чертов город!

Проникшись к себе отвращением, Нина скользнула обратно под одеяло. Матиас всегда спал спиной к стене – привычка со времен жизни в Хеллгейте. Она позволила рукам разгуляться, шаря по его карманам и пытаясь прощупать подкладку штанов.

– Нина? – сонно спросил фьерданец.

– Мне холодно, – ответила она, продолжая поиски. Затем поцеловала его в шею и под ухом. Она никогда прежде не позволяла себе так его целовать. У нее не было случая. Они были слишком заняты распутыванием клубка из подозрений, вожделения и верности, который связал их вместе, а после того, как она приняла парем... Даже сейчас он был всем, о чем она могла думать. Желание, которое ее охватывало, было вызвано страстью к наркотику, а не к тому, чье тело шевелилось под ее ладонями. Но Нина не стала целовать Матиаса в губы. Она не могла позволить парему забрать у нее и это.

Матиас тихо застонал.

– Остальные...

– Все спят.

Тогда он схватил ее за руки.

– *Остановись.*

– Матиас...

– Он не у меня.

Она высвободилась из его хватки, и стыд выжигал ее кожу так же, как пламя выжигает лесную поляну.

– Тогда у кого? – прошипела девушка.

– У Каза. – Она замерла. – Ну что, поползешь и к нему в койку?

Нина фыркнула, не веря своим ушам.

– Он перережет мне глотку.

Ей хотелось кричать от беспомощности. С Казом не договоришься. Ей не запугать его, как, например, Уайлена, и не задобрить, как Джеспера.

На нее навалилась внезапная усталость – словно ярмо на шею набросили, но, по крайней мере, она немного ослабила ее желание. Девушка прижалась лбом к груди Матиаса.

– Я ненавижу это. И немного тебя, дрюскель.

– Я уже привык. Иди сюда.

Он обвил ее руками и заставил говорить о Равке и Инеж. Парень отвлекал ее рассказами, перечислил названия ветров, задувающих во Фьерде, описал свою первую трапезу в зале дрюскелей. В какой-то момент она, должно быть, задремала, потому что уже в следующую секунду Нина с трудом выбиралась из пут тяжелого сна без сновидений, нарушенного звуком отодвигающейся двери в гробницу.

Матиас и Каз вернулись из университета; их одежда была прожжена до дыр от какой-то новой бомбы Уайлена. Следом за ними шел и сам маленький купец вместе с Джеспером – оба выглядели ошарашенными и промокли до нитки, попав под весенний дождь, начавшийся снаружи. Процессию замыкал мускулистый фермер каэльского происхождения. Нине казалось, что святые решили преподнести ей чудесный подарок – наконец-то происходило что-то настолько безумное и непонятное, что могло действительно отвлечь ее.

Хотя наркотический голод и притупился с прошлой ночи, он все равно никуда не делся, и девушка понятия не имела, как ей пережить сегодняшний день. Соблазнение Смита было лишь первой частью их плана. Каз нуждался в ней, как и Инеж. Им необходимо, чтобы она была корпориадом, а не наркоманкой с судорогами, которую одна попытка в портняжном деле довела до истощения. Но Нина не могла об этом думать, глядя на Колма Фахи, мнувшего свою шляпу, или на Джеспера, который, судя по виду, предпочел бы съесть порцию вафель с толченым стеклом, чем говорить с отцом, или на Каза... Она даже не представляла, чего от него ожидать. Гнева, а может, и чего-нибудь похуже. Каз не любил сюрпризы или потенциальную уязвимость, а отец Джеспера был сплошной коренастой, загорелой уязвимостью.

Но выслушав историю запыхавшегося Джеспера – которая, как подозревала Нина, была слегка приукрашена, – о том, как они сбежали из университета, Каз просто оперся на трость и спросил:

– За вами был хвост?

– Нет, – стрелок помотал головой.

– Уайлен?

Колм ошетинился.

– Ты сомневаешься в словах моего сына?

– Ничего личного, пап. Он во всех сомневается.

Лицо Каза оставалось невозмутимым, а грубый голос стал таким приятным и доброжелательным, что волосы на руках Нины встали дыбом.

– Прошу прощения, господин Фахи. Привычка, выработанная в Бочке. Доверяй, но проверяй.

- Или просто не доверяй, – пробормотал Матиас.

- Уайлен? – повторил Бреккер.

Тот поставил свою сумку на стол.

- Если бы они знали о проходе, то последовали бы за нами или послали людей в мастерскую гравера. Нам удалось сбить их со следа.

- Я насчитал десятерых на крыше, – сказал Каз, и Матиас кивнул, подтверждая его слова.

- Похоже на то, – отозвался Джеспер. – Но я не уверен. Они стояли спиной к солнцу.

Каз сел в кресло и сосредоточил взгляд своих черных глаз на отце Джеспера.

- Вы были приманкой.

- О чем ты говоришь, парень?

- Банк потребовал вернуть заем?

Колм удивленно заморгал.

- Ну, вообще-то да, они прислали мне довольно резко сформулированное письмо о том, что я стал для них нестабильным кредитным риском. И сказали, что, если я не выплачу всю сумму, они будут вынуждены принять законные меры. – Фермер повернулся к сыну. – Я писал тебе, Джес. – В его голосе слышалось недоумение, а не обвинение.

- Я... у меня не было возможности забрать почту.

Мог ли он получать письма после того, как перестал посещать университет? Нина гадала, как ему удавалось так долго обманывать отца. Задачу облегчал тот факт, что Колм находился через море от Кеттердама – и хотел верить своему сыну. «*Легкая мишень*», – с грустью подумала Нина. Какими бы ни были его причины, Джеспер дурачил собственного отца.

- Джеспер... – начал Колм.

- Я пытался собрать деньги, пап.

- Они грозят забрать ферму.

Парень вперил взгляд в пол.

- Я был близок. Я и *сейчас* близок.

- К деньгам? – теперь Нина услышала раздражение в голосе господина Фахи. – Мы сидим в гробнице. В нас только что стреляли!

- Что заставило вас сесть на корабль в Кеттердам? – поинтересовался Каз.

- Банк перенес дату платежа! – возмущенно ответил он. – Просто сообщил, что наше время вышло. Я пытался связаться с Джеспером, но когда ответа не последовало, я подумал...

- Вы подумали, что надо посмотреть, чем занимается ваш золотой мальчик на темных улицах Кеттердама.

- Я боялся худшего. У города та еще репутация.

- Клянусь вам, она вполне заслуженная. И что вы сделали, когда вы прибыли?

- Я спрашивал в университете. Мне сказали, что он не числится среди студентов, поэтому я пошел в полицию.

Джеспер скривился.

- Ох, папа. К городской страже?

Колм сжал шляпу с новой силой.

- А куда еще я должен был пойти, Джес? Ты знаешь, как здесь опасно для... таких, как ты.

- Пап, - он наконец-то посмотрел отцу в глаза. - Ты же не говорил им, что я...

- Конечно, нет!

«Гриш. Почему они не произносят это слово вслух?»

Колм швырнул кусок войлока, который некогда был его шляпой.

- Я ничего не понимаю! Зачем ты привел меня в это ужасное место? Почему в нас стреляли? Что стало с твоими занятиями? Что стало с тобой?

Джеспер открыл и закрыл рот.

- Папа, я... я...

- Это моя вина, - выпалил Уайлен. Все посмотрели на него. - Он, э-э... он беспокоился о кредитах, поэтому оставил учебу на время, чтобы работать на...

- Местного оружейника, - закончила Нина.

- Нина, - пробурчал Матиас предупреждающе.

- Ему нужна наша помощь, - прошипела она.

- Чтобы врать отцу?

- Это выдумка. Совсем другое дело. - Она понятия не имела, что замыслил Уайлен, но его определенно нужно было спасать.

- Да! - радостно воскликнул юноша. - Оружейника! А потом я... я рассказал ему о сделке...

- Их обманули, - встрял Каз. Его голос был холоден и резок, как всегда, но держался он немного зажато, словно шел по незнакомой тропинке. - Им сделали деловое предложение, которое казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой.

Колм рухнул в кресло.

- Если так казалось, то...

- Да, вы правы, - ответил он. У Нины появилось странное ощущение, что Бреккер в кои веки говорил искренне.

- Вы с братом все потеряли? - спросил Фахи-старший Уайлена.

- С братом? - недоуменно повторил тот.

- Да, с твоим *братом-близнецом*, - напористо продолжил Каз, косясь на Кювея, который молча наблюдал за происходящим. - Они все потеряли. С тех пор брат Уайлена не произносит ни слова.

- Он похож на тихоню, - кивнул Колм. - И вы все... студенты?

- Можно и так сказать.

- Студенты, которые проводят свободное время на кладбище. Разве нам не нужно обратиться к властям? Рассказать им, что случилось? Эти мошенники могут обмануть и других.

- Ну-у... - начал Уайлен, но взгляд Каза заставил его умолкнуть. В гробнице наступила странная тишина. Каз занял место у стола.

- Власти вам не помогут. Не в этом городе.

- Почему?

- Потому что здесь законом управляет прибыль. Джеспер и Уайлен пытались заработать денег быстрым путем. Максимум, что сделают стражники, – это вытрут их слезки. Порой единственный способ добиться правосудия – вершить его самому.

- И тогда за дело берешься ты.

Каз кивнул.

- Мы вернем ваши деньги. Вы не потеряете ферму.

- Но для этого вам придется выйти за рамки закона, – заявил Колм и устало покачал головой. – Ты едва тянешь на выпускника.

- Кеттердам был моей школой. И я могу заверить вас в следующем: Джеспер никогда бы не обратился ко мне за помощью, если бы у него были другие варианты.

- Ты не можешь быть настолько ужасным, парень, – фыркнул Колм. – Ты не так долго живешь, чтобы обзавестись грехами.

- Я быстро учусь.

- Я могу тебе доверять?

- Нет.

Колм снова поднял свою мятую шляпу.

- Могу ли я доверить тебе помощь Джесперу?

- Да.

Господин Фахи вздохнул и окинул их всех взглядом. Нина машинально выпрямилась.

- Вы заставляете меня чувствовать себя слишком старым.

- Побудьте еще немного в Кеттердаме. Тогда вы почувствуете себя древним. – Каз наклонил голову набок и принял отстраненный, задумчивый вид. – У вас честное лицо, господин Фахи.

Колм озадаченно посмотрел на Джеспера.

- Ну, надеюсь, что так. Спасибо за наблюдение.

- Это не комплимент, – отозвался стрелок. – И я знаю этот взгляд, Каз. Даже не смей крутить свои шестеренки.

В ответ тот лишь медленно моргнул. Какой бы замысел ни зарождался в его дьявольской голове, останавливать его было слишком поздно.

- Где вы сейчас остановились?

- В «Острихе».

- Возвращаться туда небезопасно. Мы перевезем вас в отель «Гельдреннер». Зарегистрируем под другим именем.

- Но зачем?! – поперхнулся Колм.

- Потому что некоторые люди желают Джесперу смерти, и они уже использовали вас, чтобы выманить его из укрытия. Я не сомневаюсь, что они захотят взять вас в заложники, а у нас и так их хватает. – Каз написал инструкции Ротти и вручил ему очень толстую пачку крыге. – Не стесняйтесь обедать в ресторане, господин Фахи, но я настоятельно прошу вас воздержаться от экскурсий по городу и оставаться в отеле, пока мы с вами не свяжемся. Если кто-нибудь спросит, что вы там делаете, просто скажите,

что приехали отдохнуть и расслабиться.

Колм окинул Ротти и Каза задумчивым взглядом. Затем решительно вздохнул:

– Нет. Я вам благодарен, но все это неправильно, – повернулся к Джесперу. – Мы найдем другой способ выплатить долг. Или начнем сначала в каком-нибудь новом месте.

– Ты не откажешься от фермы, – возразил Джеспер, а затем понизил голос: – Она там. Мы не можем ее бросить.

– Джес...

– Пожалуйста, пап! Пожалуйста, позволь мне все исправить. Я знаю... – он сглотнул, и его тощие плечи сгорбились. – Я знаю, что подвел тебя. Просто дай мне еще один шанс.

Нина подозревала, что обращался он не только к отцу.

– Нам здесь не место, Джес. В этом городе слишком много шума, слишком много беззакония. Ничто не имеет смысла.

– Господин Фахи, – тихо окликнул Каз. – Знаете поговорку о прогулке по коровьему пастбищу?

Брови Джеспера взмыли вверх, а Нине пришлось подавить нервный смешок. Что этот подонок из Бочки знал о коровьих пастбищах?

– Пригни голову и смотри себе под ноги, – ответил Колм.

Каз кивнул.

– Считайте Кеттердам очень большим коровьим пастбищем. – Хмурое лицо Колма расплылось в слабой улыбке. – Дайте нам три дня, чтобы вернуть ваши деньги и безопасно вывезти вас с сыном из Керчии.

– А это возможно?

– В этом городе все возможно.

– Эта мысль не придает мне уверенности.

Он встал, и Джеспер вскочил на ноги.

– Пап?

– Три дня, Джеспер. Затем мы поплывем домой. С деньгами или без них, – он положил руку на плечо сыну. – И, ради святых, будь осторожен. Вы все тоже.

Нина внезапно почувствовала, как у нее запершило в горле. Матиас потерял семью во время войны. Нину забрали у родных, чтобы тренировать, когда она была совсем маленькой. Уайлена, можно сказать, выгнали из отцовского дома. Кювей потерял отца и родину. А Каз? Она даже знать не хотела, из какого темного переулочка он выполз. Но Джесперу было куда идти, было кому за ним приглядывать, был тот, кто мог ему сказать: «Все будет хорошо». Девушка представила золотые поля под безоблачным небом, дощатый дом, защищенный от ветра линией красных дубов. Безопасное место. Ей захотелось, чтобы Колм Фахи ворвался в контору Яна Ван Эка и приказал вернуть Инеж, пока ему не выбили все зубы. Ей захотелось, чтобы кто-нибудь в городе помог им, чтобы они не были так одиноки. Ей захотелось, чтобы отец Джеспера забрал их всех с собой. Она никогда не бывала в Новом Земе, но тоска по его золотистым полям напоминала тоску по дому. «Глупые, – осадил она себя, – детские мечты». Каз был прав – если они хотят правосудия, придется добиваться его своими силами. Но это никак не облегчало боль в ее осиротевшем сердце.

Колм попрощался с Джеспером и направился к каменному выходу из гробницы вместе с Ротти и Шпектом. У двери он обернулся, чтобы помахать им, и вышел.

– Мне стоило пойти с ним, – сказал Джеспер, маяча в проходе.

- Ты уже чуть не убил его один раз, – сухо заметил Каз.
- Нам известно, кто устроил засаду в университете? – спросил Уайлен.
- Отец Джеспера ходил к городской страже, – отозвался Матиас. – Уверен, большинство офицеров не гнушаются взятками.
- Верно, – кивнула Нина. – Но с чего банк так внезапно потребовал вернуть долг? Не думаю, что это совпадение.

Уайлен сел за стол.

- Если в дело вовлечены банки, за этим может стоять мой отец.
- Пекка Роллинс тоже имеет связи в банках, – нахмурился Каз, и Нина заметила, как его рука в перчатке сжимается вокруг головы ворона.
- Могут ли они работать вместе? – спросила она.

Джеспер потер руками лицо.

- Ради всех святых и тети Евы, давайте надеяться, что нет.
- Я ничего не исключаю, – ответил Каз. – Но все это никак не меняет того, что сегодня должно произойти. Вот, – он потянулся к одной из ниш в стене.
- Мои револьверы! – воскликнул Джеспер, прижимая их к груди. – Ох, ну, здравствуйте, мои красавицы. – Его лицо расплылось в ослепительной улыбке. – Ты вернул их!
- Сейф в «Кучевых облаках» несложно взломать.
- Спасибо, Каз! Спасибо.

От теплоты, которую проявил Каз к отцу Джеспера, не осталось и следа – она улетучилась так же быстро, как мечты о золотых полях.

- Что толку от стрелка без пистолетов? – спросил он, делая вид, что не замечает, как улыбка сползает с лица Джеспера. – Ты слишком много задолжал. Как и все мы. Сегодня мы начнем платить по долгам.

Наступила ночь, и они принялись за дело. Восковая луна наблюдала за ними своим сияющим глазом. Нина поправила рукава. Заморозки прошли, и погода наконец-то начала соответствовать середине весны. Ну, или тому, на что она походила в Керчии – на влажное, удушающее тепло звериной пасти. Облегчение приносили лишь короткие непредсказуемые бури. Матиас и Джеспер ушли к докам пораньше, чтобы убедиться, что гондола готова. Затем они вместе направились в отправной пункт, оставив Кювея на попечении Ротти и Шпекта на Черной Вуали.

Лодка бесшумно рассекала воду. Вдалеке Нина видела блеск фонарей, направляющих их вперед.

Револьверы Джеспера вернулись на свое законное место на его ремне, и они с Матиасом закинули винтовки за плечи. Каз спрятал в пальто пистолет, и с ним была его дьявольская трость, а Уайлен крепко держался за свою сумку. Она была доверху набита взрывчаткой, фотобомбами и много чем еще.

- Надеюсь, мы не просчитались, – вздохнул парень. – Мой отец должен быть готов.
- Я на это рассчитываю, – ответил Каз.

Нина пробежалась пальцами по рукоятке пистолета, спрятанного в кармане легкого весеннего плаща. Она никогда прежде не нуждалась в оружии и не хотела его носить. *Потому что я сама была оружием.* Но теперь девушка себе не доверяла. Ее власть над собственной силой казалась ненадежной, словно она упорно тянулась за чем-то, что находилось немного дальше, чем предполагалось. Ей нужна была уверенность, что

сегодня сила ее не подведет. У нее не было права на ошибку, когда от этого зависела жизнь Инеж. Нина понимала, что, будь она на Вельгелюке, битва прошла бы иначе. Инеж ни за что бы не похитили, если бы Нине хватило сил бороться с прихвостнями Ван Эка.

А будь у нее парем? Никто бы не смог ей противостоять.

Нина тряхнула головой. *Будь у тебя парем, ты бы стала полностью от него зависима и сейчас бы плыла на Баржу Жнеца.*

Никто не произнес ни слова, когда они пришвартовались и как можно быстрее и тише высадились из гондолы. Каз жестом приказал им становиться по позициям. Он зайдет с севера, Матиас и Уайлен с востока. Нина и Джеспер будут отвечать за стражников по западному краю периметра.

Нина сжала и разжала пальцы. Обезвредить четверых охранников. Ничего сложного. Еще пару недель назад это не составило бы для нее труда. Замедлить их пульс. Затем тихо отправить в беспамятство, чтобы не потревожить охранную систему. Но теперь она гадала: из-за чего ее одежда неприятно липла к телу, дело во влажности или в потливости на нервной почве?

В кафе она увидела очертания первых двух стражников на посту. Они опирались на низкую каменную стенку, поставив винтовки рядом с собой, и лениво переговаривались. Их речь звучала то тише, то чуть громче, сливаясь в общий гул. Проще простого.

– Закрой им глаза, – прошептал Джеспер.

Нина сосредоточилась на мужчинах, позволив своему телу настроиться на их чувства, нащупывая бьющиеся сердца, прислушиваясь к стремительному ритму крови. Впечатление, словно она вслепую плелась в темноте. Там попросту ничего не было. Какой-то частичкой разума она ощущала очертания их тел, след прежних умений, но на этом все. Она видела их собственными глазами, слышала своими ушами, но остальное было окутано тишиной. Ее внутреннее чутье, дар, который был у нее столько, сколько она себя помнила, сердце силы, которая была ее постоянным спутником с самого детства, просто перестало биться. Ее мысли крутились вокруг парема, того возбуждения, легкости, когда казалось, что сама вселенная лежит у ее ног.

– Чего ты ждешь? – поторопил Джеспер.

Встревожившись то ли от какого-то звука то ли просто от их присутствия, один из стражников посмотрел в их сторону, взглядываясь в тень. Затем поднял винтовку и подал сигнал своему товарищу идти за ним.

– Они идут к нам! – Джеспер схватился за револьверы.

Ох, святые! Если Джеспер выстрелит, остальные охранники узнают об их присутствии. Поднимется тревога, и весь их план полетит к чертям.

Нина приложила все усилия, чтобы сосредоточиться. Ее охватила тяга к парему, пронзая все тело, закапываясь в череп острыми коготками. Она заставила себя не думать об этом. Один из стражников споткнулся и упал на колени.

– Гиллис! – воскликнул второй. – Что с тобой? – Но ему хватило ума не опускать оружие. – Стоять! – крикнул он в их сторону, все еще пытаясь поднять друга. – Назовите себя!

– Нина! – яростно зашептал Джеспер. – Сделай что-нибудь.

Девушка сжала кулак, пытаясь сдавить гортань стражника, чтобы он не мог позвать на помощь.

– Назовите себя!

Джеспер достал пистолет. *«Нет, нет, нет!»* Она не будет причиной, по которой все сорвется. Парем должен был убить ее или оставить в покое, а не запираť в этом жалком, немощном чистилище. Нину охватила волна гнева – чистая, идеальная,

отрезвляющая злость. Ее разум потянулся и внезапно схватился за что-то – не за тело, но хоть за что-то. Уголком глаза она заметила какое-то движение, тусклое очертание, выходящее из теней – клубы пыли. Они рванули к стражнику. Тот начал размахивать руками, словно отгонял стаю комаров, но пыль крутилась все быстрее и быстрее, превращаясь в практически невидимое размытое пятно. Стражник открыл рот, чтобы закричать, и облако исчезло. Он закричал и повалился на спину.

Его коллега все еще покачивался на коленях. Нина с Джеспером вышли вперед, и парень стукнул стражника прикладом револьвера по затылку. Тот потерял сознание и рухнул на землю. Ребята осторожно осмотрели второго охранника. Он лежал с открытыми глазами, глядя в звездное небо. Его рот и ноздри были забиты белой пылью.

– Это ты сделала? – спросил Джеспер.

А она ли? Нине казалось, что она чувствует привкус пыли на собственном языке. Так не должно быть. Корпоралы манипулировали человеческим телом, а не неорганической материей. Это была работа фабрикатора... и сильного.

– А это был не ты?

– Спасибо за доверие, но это полностью твоя заслуга, красавица.

– Я не хотела его убивать.

А чего она хотела? Просто заставить его умолкнуть. Слюна вытекла из уголка его приоткрытых губ тонкой струйкой.

– Осталось еще двое стражников, – сказал Джеспер. – И мы уже опаздываем.

– Как насчет того, чтобы просто стукнуть их по голове?

– Изошренно. Мне нравится.

Нину охватило странное ощущение, растекающееся по телу, но зато жажда парема приутихла. *Я не хотела убивать его.* Это не имело значения. По крайней мере сейчас. Стражники обезоружены, а их план пришел в действие.

– Пошли, – сказала она. – Пора забирать нашу девочку.

Инеж

Инеж провела бессонную ночь в темноте. Когда ее живот заурчал, девушка предположила, что настало утро, но никто не явился, чтобы снять с нее повязку или принести поднос с едой. Похоже, Ван Эк больше не видел смысла в том, чтобы с ней нянчиться. Торговец и без того хорошо рассмотрел ее страх. Теперь ее страх послужит ему рычагом воздействия, – а не сулийские глаза Бажана или его попытки быть любезным.

Когда судороги прошли, Инеж с трудом подползла к вентиляционному отверстию и обнаружила, что его наглухо закрепили болтами. Должно быть, это сделали, пока она находилась в театре. Инеж ничуть не удивилась. Она подозревала, что Ван Эк оставил решетку в таком расшатанном состоянии только для того, чтобы дать ей надежду, а затем вырвать ее из рук.

В конце концов в голове прояснилось, и, лежа в тишине, девушка начала обдумывать план. Она заговорит. Она знала предостаточно убежищ, которыми Отбросы больше не пользовались, потому что их раскрыли или они просто стали им без надобности. С этого можно начать. Затем последуют предположительные укрытия, принадлежащие другим бандам Бочки. Ей было известно о переоборудованном грузовом контейнере, которым периодически пользовались Обломщики. Портовые Лезвия любили отсиживаться в отеле с сомнительной репутацией в паре улиц от Клепки. Они называли его «Пирожок с джемом» из-за выцветшего малинового цвета и белых карнизов, которые выглядели так, словно их покрыли глазурью. У Ван Эка уйдет большая часть ночи на то, чтобы обыскать все номера. Инеж будет тянуть время. Заставит торговца и его людей обегать весь Кеттердам в поисках Каза. Она никогда не была хорошей актрисой, но ее часто заставляли лгать в «Зверинце», и, кроме того, она провела достаточно времени с Ниной, чтобы научиться у нее некоторым трюкам.

Когда Бажан наконец появился и снял с ее глаз повязку, с ним было шесть вооруженных охранников. Девушка не знала, сколько прошло времени, но подозревала, что примерно сутки. Лицо Бажана было бледным, и он старался не встречаться с ней взглядом. Инеж надеялась, что он не спал всю ночь, а ее слова давили ему на грудь тяжким грузом. Он освободил ей ноги, но только для того, чтобы сменить веревки на кандалы. Они громко лязгали, пока стража вела ее по коридору.

На сей раз ее провели через задние двери театра, мимо комнат с декорациями и позабытым реквизитом, покрытым пылью, напрямик к сцене. Съеденный молью дырявый зеленый занавес опустили, так что зрительный зал был не виден. Отгороженность от остальной части театра, а также тепло, идущее от софитов, создавали на сцене удивительно интимную обстановку. Теперь она больше походила на настоящую операционную палату. Инеж коснулась взглядом сломанного угла стола, на котором она лежала прошлой ночью, и быстро отвернулась.

Ван Эк ждал ее в компании остроносого стражника. Девушка мысленно дала себе клятву. Даже если ее план не удастся, даже если он разможжит ее ноги в мясо, даже если она никогда больше не сможет ходить, Инеж найдет способ расплатиться с ним сполна. Она пока не знала, как именно, но она это сделает. Ей слишком многое пришлось пережить, чтобы позволить Ван Эку уничтожить ее.

– Боитесь, госпожа Гафа? – спросил он.

– Да.

– Какая честность. Вы готовы рассказать мне, что вам известно?

Инеж сделала глубокий вдох и опустила голову, пытаясь убедительно изобразить нежелание.

– Да, – прошептала она.

– Начинайте.

– Откуда мне знать, что вы не причините мне вреда после того, как получите информацию? – настороженно поинтересовалась она.

– Если информация окажется полезной, у вас не будет причин меня бояться, госпожа Гафа. Я не дикарь. Я прибегнул к методам, к которым вы должны были привыкнуть – к угрозам и насилию. Бочка научила вас ожидать подобного обращения.

Он говорил прямо как Танте Хелен: «Зачем ты заставляешь меня так поступать? Ты сама накликала на себя эти наказания, девочка».

– Значит, вы даете мне слово? – спросила Инеж. Полный абсурд. Ван Эк дал ясно понять, чего стоит его слово, когда нарушил их соглашение на Вельгелюке и попытался их убить.

Но купец торжественно кивнул.

– Именно. Сделка есть сделка.

– И Каз никогда не узнает...

– Конечно, конечно, – нетерпеливо произнес он.

Инеж прочистила горло.

– «Голубой рай» – клуб неподалеку от Клепки. Раньше Каз использовал комнаты над ним, чтобы прятать краденый товар.

Это была правда. И теперь комнаты должны быть пусты. Каз перестал пользоваться этим местом после того, как обнаружил, что один из барменов был в долгу перед Грошовыми Львами. Он не хотел, чтобы кто-то докладывал о его приходах и уходах.

– Очень хорошо. Что еще?

Инеж закусила губу.

– Квартира на улице Кольштрат. Я не помню номер. Ее окна выходят на задние входы в притоны Восточного Обруча. Раньше мы использовали ее для засад.

– Неужели? Прошу, продолжайте.

– Есть грузовой контейнер...

– Знаете что, госпожа Гафа? – Ван Эк подошел к ней ближе. На его лице не было злости. Он выглядел почти что ликующим. – Не думаю, что хоть одно из этих мест является настоящей наводкой.

– Я бы не стала...

– Мне кажется, вы намерены отправить меня гнаться за собственным хвостом, пока будете ждать спасения или еще какой-нибудь неудачной попытки побега. Что ж, госпожа Гафа, можете не ждать. Прямо в эту минуту господин Бреккер мчится к вам на помощь. – Он подзвал одного из стражников. – Подними занавес.

Инеж услышала скрип веревок, и дырявый занавес медленно поднялся. Театр был набит охранниками, стоящими вдоль рядов. Их было по меньшей мере тридцать, а то и больше, все вооружены винтовками и дубинками – ошеломляющая демонстрация силы. «*Нем!*» – подумала она, переварив слова купца.

– Все верно, госпожа Гафа. Ваш герой уже спешит. Господину Бреккеру нравится думать, что он самый умный человек в Кеттердаме. Посему я решил потворствовать ему и позволить обхитрить самого себя. В какой-то момент я понял, что, вместо того чтобы прятать вас, нужно просто позволить вас найти.

Инеж нахмурилась. Не может быть. *Невозможно!* Неужели этот купец действительно обхитрил Каза? И воспользовался ею, чтобы осуществить свой коварный план?

– Я каждый день посылал Бажана в «Эйл Комеди». Подумал, что сулиец привлечет к

себе больше всего внимания, как и путешествия на предположительно заброшенный остров. Такое сложно не заметить. До сегодняшнего дня я не был уверен, что Бреккер на это купится, и начал сильно беспокоиться. Но он купился. Чуть ранее этим вечером двое из его команды были замечены на пристани, когда они подготавливали гондолу к отплытию, – тот крупный фьерданец и земенец. Я не стал их перехватывать. Как и вы, они всего лишь пешки. Кювей – вот настоящий приз, и ваш господин Бреккер наконец вернет мне то, что задолжал.

– Отнесись вы к нам с достоинством, Кювей уже был бы ваш. Мы рисковали жизнями, чтобы похитить его из Ледового Двора. Мы рискнули всем! Вам стоило сдержать свое обещание.

– Настоящий патриот вызвался бы освободить Кювея без всякой награды.

– Патриот? Ваши планы касательно юрды-парема создадут хаос в Керчии!

– Рынок быстро оправится. Керчия выстоит. Возможно, грядущие события ее даже укрепят. Но вас и весь ваш сброд ждет иная участь. Интересно, что, по-вашему, станут делать паразиты Бочки, когда мы будем в состоянии войны? Когда у честных людей не будет лишней монеты, чтобы потратить ее впустую, и они начнут работать, вместо того чтобы предаваться своим порокам?

Губы Инеж изогнулись.

– Канальные крысы всегда выживут, как бы вы ни пытались их вывести.

Купец улыбнулся.

– Большинство ваших друзей не переживут и этой ночи.

Она подумал о Джеспере, Нине и Матиасе, о милом Уайлене, который заслуживал гораздо большего, чем такого мерзавца-отца. Цель Ван Эка заключалась не только в том, чтобы победить их. Это стало личным.

– Вы нас ненавидите.

– Честно говоря, вы мне малоинтересны – гимнастка или танцовщица, или кем вы там были, прежде чем стали позором этого города. Но, признаюсь, Каз Бреккер действительно оскорбляет меня. Подлый, безжалостный, аморальный. Он кормит коррупцию коррупцией. Такой незаурядный ум можно было направить на великие цели. Он мог бы править этим городом, построить что-то, получать прибыль, которая приносила бы пользу всем. Вместо этого он, как пиявка, высасывает деньги из лучших людей.

– Лучших людей? Таких, как вы?

– Вам неприятно это слышать, но это правда. Когда я покину этот мир, величайшая судоходная империя, когда-либо известная миру, останется как двигатель торговли, дань уважения Гезену и знак его благосклонности. А кто запомнит такую девчонку, как вы, госпожа Гафа? Что вы с Казом Бреккером оставите после себя, помимо трупов, которые сожгут на Барже Жнеца?

С улицы раздался крик, который внезапно прекратился. Все охранники повернулись к входным дверям.

Ван Эк сверился с часами.

– Ровно полночь. Бреккер любит драматические сцены.

Инеж услышала еще один крик и короткий орудийный залп. Шесть охранников позади нее и кандалы на ногах. Бессилие душило ее. Каз и остальные вот-вот попадут в ловушку, а она никак не может их предупредить.

– Я подумал, что лучше не оставлять периметр полностью без присмотра, – сказал Ван Эк. – Мы же не хотим облегчить ему задачу и рассекретить наш план?

- Он ни за что не признается вам, где прячет Кювея.

Купец снисходительно улыбнулся.

- Я гадаю лишь об одном, что будет более эффективным: попытать господина Бреккера или заставить его смотреть, как я пытаю вас? - он наклонился и сказал заговорщицким тоном: - Первое, что я сделаю, - это сниму с него перчатки и сломаю каждый палец бандиту.

Инеж подумала о бледных ловких руках Каза, о светлой полоске рубцовой ткани на его правой кисти. Ван Эк мог сломать Казу все пальцы на руках и ногах и не услышать от него ни слова, но если его люди снимут перчатки? Инеж до сих пор не понимала, почему он в них нуждался, или почему он потерял сознание в тюремном фургоне на пути в Ледовый Двор, но она знала, что Бреккер не переносил прикосновений чужой кожи к своей. Как долго он сможет скрывать свою слабость? Как быстро Ван Эк обнаружит его уязвимое место и воспользуется им? Как скоро Каз сдастся? Она этого не вынесет. Девушка была рада, что не знала, где находится Кювей. Она бы сломалась прежде, чем это сделал Каз.

По коридору загрохотали сапоги. Инеж рванула вперед, чтобы предупредить об опасности, но один из стражников быстро зажал ей рот и схватил крепче, потому что она продолжала дергаться в его руках.

Дверь распахнулась. Тридцать охранников подняли винтовки и взвели тридцать курков. Мальчик в дверном проеме отпрянул и побледнел, его вьющиеся каштановые волосы торпорщились во все стороны. На нем была красная с золотом ливрея Ван Эка.

- Я... господин Ван Эк... - с трудом произнес он и поднял руки, защищаясь.

- Опустите оружие! - приказал купец страже. - В чем дело?

Мальчишка сглотнул.

- Сэр, ваш домик на озере. Они подошли с воды.

Ван Эк встал, опрокинув свой стул на пол.

- Элис...

- Они похитили ее час назад.

Элис. Хорошенькая беременная жена Яна Ван Эка. Инеж почувствовала искру надежды, но быстро затоптала ее, боясь поверить в чудо.

- Они убили одного из охранников, а остальных связали и бросили в кладовой, - продолжал мальчик, пытаясь отдышаться. - На столе лежала записка.

- Неси ее сюда! - рявкнул Ван Эк. Мальчишка прошел по проходу, и купец вырвал записку из его рук.

- Что там... что там написано? - спросил Бажан. Его голос дрожал. Похоже, Инеж не ошиблась насчет Элис и ее учителя музыки.

Ван Эк влепил ему пощечину.

- Если я узнаю, что ты с этим как-то связан...

- Нет! - воскликнул Бажан. - Я ничего не знал! Я следовал вашим приказам!

Купец сжал записку в кулаке, но Инеж удалось разглядеть слова, написанные угловатым, неповторимым почерком Каза: *«Завтра в полдень. Гудмедбридж. С ее кинжалами»*.

- На записке лежало это, - мальчик полез в карман и вытащил булавку для галстука - крупный рубин, обрамленный золотыми лавровыми листьями. Каз украл ее у Ван Эка, когда их только наняли для работы в Ледовом Дворе. У Инеж не было возможности продать ее прежде, чем они покинули Кеттердам. Должно быть, Каз снова заполучил ее

в свои руки.

- Бреккер! - прорычал Ван Эк напряженным от ярости голосом.

Инеж ничего не могла с собой поделать. Она начала смеяться.

Ван Эк отвесил ей оплеуху. Затем схватил девушку за тунику и потряс ее с такой силой, что у нее захрустели кости.

- Бреккер думает, что мы все еще играем в игру, не так ли? Она моя жена! Она вынашивает моего наследника!

Инеж залилась смехом пуще прежнего, все ужасы прошлой недели поднимались по ее груди головокружительными волнами. Ей вряд ли удалось бы остановиться, даже если бы она захотела.

- И вам хватило дурости рассказать об этом Казу на Вельгелюке.

- Мне попросить Франке принести молоток и показать тебе, насколько я серьезен?

- Господин Ван Эк! - обратился к нему Бажан с мольбой в голосе.

Но Инеж надоело бояться этого человека. Прежде чем Ван Эк успел сделать еще один вдох, она ударила его лбом и сломала ему нос. Тот закричал и отпустил ее, и по роскошному костюму купца потекла кровь. В ту же секунду на девушку накинута стражники и оттащили ее назад.

- Маленькая стерва! - прошипел Ван Эк, прижимая к лицу платок с монограммой. - Маленькая шлюха! Я лично переломлю тебе обе ноги...

- Давайте, Ван Эк, угрожайте мне. Расскажите мне, какая я «маленькая». Но коснитесь меня пальцем, и Каз Бреккер вырежет ребенка из живота вашей прелестной женушки, а потом свесит его тело с балкона Биржи.

Гадкие слова, речь, которая опалила ее совесть, но Ван Эк заслуживал образы, которые она посеяла в его голове. Хотя она и не верила, что Каз это сделает, Инеж была благодарна за каждый отвратительный, жестокий поступок, на который *пошел* Грязные Руки, чтобы заработать свою репутацию - репутацию, которая будет пугать Ван Эка каждую секунду, пока к нему не вернется жена.

- Умолкни! - взвыл он, брызгая слюной во все стороны.

- Думаете, он этого не сделает? - язвительно поинтересовалась Инеж. Она чувствовала, как горит щека, по которой он ударил, видела молоток в руках стражника. Ван Эк подарил ей страх, и она с радостью вернет ему этот подарок. - Подлый, безжалостный, аморальный. Разве не поэтому вы его наняли? Не потому ли, что он творит вещи, на которые не осмелится никто другой? Ну же, Ван Эк. Сломайте мне ноги и увидите, что произойдет. *Дайте ему повод.*

Неужели она и вправду поверила, что этот торговец сможет обхитрить Каза Бреккера? Он освободит ее, а затем они покажут этому мерзавцу, на что именно способны шлюхи и канальные крысы.

- Успокойтесь, - произнесла она, когда Ван Эк вцепился в обломанный угол стола в поисках опоры. - Даже лучших можно превзойти.

Матиас

Матиас знал, что будет искупать свои ошибки, совершенные в этой жизни, всю следующую, но он всегда верил, что, несмотря на его преступления и слабости, в глубине души он остается порядочным человеком, и этого никому не изменить. Также он не сомневался, что, если его заставят провести еще хотя бы час в компании Элис Ван Эк, он может убить ее просто ради того, чтобы немного побыть в тишине.

Осада домика на озере прошла с такой точностью, что даже Матиас не мог ею не восхититься. Всего через три дня после похищения Инеж Ротти сообщил Казу о том, что в «Эйл Комеди» горит свет и что туда постоянно прибывают и убывают лодки в необычное время, зачастую управляемые сулийцем. В нем быстро распознали Адема Бажана – учителя музыки, который последние шесть месяцев работал на Ван Эка. Судя по всему, он стал работать на торговца уже после того, как Уайлен покинул дом, но парня ничуть не удивило, что его отец нанял профессионального музыканта для своей жены.

– И как она, хорошо играет? – полюбопытствовал Джеспер.

Уайлен замялся.

– Ну... она полна энтузиазма.

Было легко предположить, что Инеж держат в «Эйл Комеди», и Нина тут же предложила отправиться за ней.

– Он не вывез ее из города, – сказала она, и ее щеки впервые загорелись румянцем с тех пор, как она вышла победителем из битвы с паремом. – Очевидно, что он держит ее там.

Но Каз просто посмотрел вдаль с загадочным выражением лица и ответил:

– Слишком очевидно.

– Каз...

– Хочешь сотню крюге?

– Это ловушка?

– Именно. Это слишком просто для Ван Эка. Он относится к нам как к простофилям. Но он не родился в Бочке, а мы – не кучка идиотов, готовых прыгнуть на первую же блестящую приманку, которой он перед нами потрясет. Ван Эк хочет, чтобы мы думали, будто она на этом острове. Может, это и так. Но нас также будет ждать много вооруженных охранников и, возможно, даже несколько гришей под паремом.

– Всегда бей туда, куда филия не смотрит, – пробормотал Уайлен.

– Милостивый Гезен! – воскликнул Джеспер. – Ты совершенно испортился!

Каз взял трость и постучал головой ворона по плитам на полу гробницы.

– Знаете, в чем проблема Ван Эка?

– В отсутствии чести? – спросил Матиас.

– Он отвратительный отец? – поинтересовалась Нина.

– Лысина? – предположил Джеспер.

– Нет. Ему есть что терять. И он дал нам козырную карту – мы знаем, что красть в первую очередь.

Каз поднялся на ноги и начал строить планы похищения Элис. Вместо того чтобы пытаться спасти Инеж, как того ожидал Ван Эк, они заставят его обменять девушку на

беременную жену. Первая загвоздка состояла в том, чтобы найти ее. Ван Эк не был дураком. Каз подозревал, что он увез Элис из города, как только заключил с ними мошенническую сделку, и их предварительное расследование это подтвердило. Ван Эк не стал бы держать свою жену на складе, заводе или в промышленном здании, и ее не оказалось ни в одном отеле, которые ему принадлежали, ни в загородном доме купца, ни на его двух фермах неподалеку от Элсмира. Была вероятность, что он спрятал ее на какой-то ферме или в своих владениях по ту сторону Истиноморя, но Каз сомневался, что он отправил бы женщину, вынашивающую его наследника, в изнурительное морское путешествие.

– У Ван Эка наверняка есть неучтенная собственность, – сказал Бреккер. – И прибыль тоже.

Джеспер нахмурился.

– Разве неуплата налогов не является... ну, не знаю, кощунством? Мне казалось, он верный слуга Гезена.

– Гезен и Керчия – это разные вещи, – подметил Уайлен.

Естественно, раскрытие этих секретных владений подразумевало необходимость получить доступ к конторе Корнелиса Смита и очередную цепь обманов. Матиасу было противно участвовать в этом мошенничестве, но даже он не мог отрицать ценность полученной информации. Благодаря документам Смита Каз нашел домик на озере – неплохую виллу со всеми удобствами в десяти милях к югу от города, которую было легко оборонять, и записанную на имя Хендрикс.

«Всегда бей туда, куда филя не смотрит». Здравая мысль, признал Матиас, даже, можно сказать, военно-тактическая. Если тебя превосходят по числу оружия и людей, ищи наименее защищенные цели. Ван Эк ожидал, что они попытаются освободить Инеж и именно на этом сосредоточил свои основные силы. А Каз подыграл ему, приказав Матиасу и Джесперу как можно чаще бросаться в глаза, когда они пришвартовывали гондолу на одном из частных причалов Пятой гавани. В одиннадцать вечера Ротти и Шпект оставили Кювея на Черной Вуали, надели плотные плащи с капюшонами, чтобы скрыть свои лица, отвязали лодку и устроили грандиозное шоу, выкрикивая разную ерунду предполагаемым товарищам, отплывающим от других причалов, – большинство из них были ошеломленными туристами, которые так и не поняли, почему эти странные парни кричали на них с гондолы.

Матиасу пришлось взять себя в руки, чтобы не начать спор с Казом, когда тот поставил Нину в пару с Джеспером для нападения на домик, несмотря на то что в этом был смысл. Им нужно было по-тихому обезвредить стражу, чтобы никто не запаниковал и не забил тревогу. Для этого хорошо подходила боевая подготовка Матиаса и способности Нины, поэтому их разделили. Джеспер и Уайлен обладали более шумными талантами, поэтому они вступали в бой только в крайнем случае. К тому же Матиас знал, если он захочет сопровождать Нину и вести себя как сторожевой пес, она упрет руки в свои роскошные бока и продемонстрирует знание ненормативной лексики на разных языках. Тем не менее он был единственным, помимо, наверное, Кювея, кто знал, как она страдала после их возвращения из Ледового Двора. Было трудно смотреть на нее, когда она уходила.

Они подкрались со стороны озера и быстро обезвредили охранников по периметру. Большинство вилл вдоль берега пустовали, да и сезон пока не наступил, было еще холодно. Но в окнах дома Ван Эка – или, скорее, дома Хендриксов – горел свет. Вилла принадлежала семье мамы Уайлена многие поколения, задолго до того, как Ван Эк ступил на ее порог.

Это даже не было похоже на взлом; один из стражников вообще дремал в беседке. Матиас не знал, что были жертвы, пока они не обнаружили, что нет одного охранника, но времени выяснить у Нины и Джеспера, что пошло не так, не было. Они связали оставшихся охранников, загнали их и прислугу в кладовку и поднялись на второй этаж в масках героев «Зверской Комедии». Затем остановились у входа в музыкальную комнату, где Элис, неуклюже присев на банкетку, играла на фортепьяно. Отбросы думали, что она будет спать, но молодая женщина усердно трудилась над какой-то пьесой.

– Святые, что это за шум?! – прошептала Нина.

- По-моему, это «Будь спокоен, малыш Бамбл Би», - сказал Уайлен, скрываясь за маской и рогами Серого Бесенка. - Сложно сказать.

Когда они вошли в комнату, шелковистому терьеру у ее ног хватило ума зарычать, но бедная, милая, беременная Элис просто оторвала взгляд от нот и спросила:

- Это спектакль?

- Да, дорогая, - ласково ответил Джеспер, - и у тебя - главная роль.

Они надели на нее теплое пальто и вывели из дома к лодке. Девушка вела себя так послушно, что Нина заволновалась.

- Может, в ее мозг не попадает достаточно крови? - шепнула она Матиасу.

Фьерданец и сам не знал, как расценивать поведение Элис. Он помнил, как его мать путала простейшие вещи, когда была беременна его младшей сестренкой. Она могла пройти всю дорогу до деревни из их маленькой хижины, прежде чем понять, что натянула правый сапог на левую ногу и наоборот.

Но на полпути к городу, когда Нина связала Элис руки и надела повязку на глаза, крепко привязав ее к аккуратным косичкам, намотанным на макушке, та, должно быть, начала понимать, что происходит. Элис постоянно шмыгала и вытирала нос бархатным рукавом. Затем шмыганье переросло в нервные глубокие вдохи, а к тому времени как они устроили Элис поудобнее в гробнице и даже нашли небольшие подушечки для ее ног, она громко заревела.

- Я хочу домо-о-о-о-о-ой, - выла госпожа Ван Эк. - Хочу свою собачку!

С тех пор слезы не прекращались. В конце концов Каз раздраженно всплеснул руками, и все вышли на воздух, чтобы хоть немного побыть в тишине.

- Все беременные так себя ведут? - простонала Нина.

Матиас заглянул внутрь каменного корпуса.

- Только похищенные.

- Я не слышу собственных мыслей!

- Может, снимем с нее повязку? - предложил Уайлен. - Мы могли бы надеть маски из «Зверской Комедии».

Каз покачал головой.

- Мы не можем рисковать тем, что она приведет сюда Ван Эка.

- Если она продолжит в том же духе, ей станет дурно, - возразил Матиас.

- Мы еще не закончили работу, - ответил Каз. - Нам нужно многое успеть сделать до завтрашнего обмена. Кто-нибудь, найдите способ заткнуть ей рот, или это сделаю я!

- Она просто напугана... - тихо отозвался Уайлен.

- Я не просил описывать ее состояние.

Но парнишка настаивал:

- Каз, пообещай мне, что не станешь...

- Прежде чем ты закончишь это предложение, я хочу, чтобы ты подумал, чего будет стоить мое обещание, и чем ты готов за него заплатить.

- Она не виновата, что родители выдали ее замуж за моего отца.

- Элис тут не потому, что сделала что-то плохое. Она здесь, потому что из нее выйдет хороший рычаг.

- Она просто беременна...

- Для того, чтобы забеременеть, особый талант не нужен. Спроси любую несчастную в Бочке.

- Инеж бы не хотела...

За долю секунды Каз оттолкнул плечом Уайлена к стенке склепа и прижал к горлу набалдашник с вороном.

- Давай, поучи меня делать мою работу! - Уайлен сглотнул и приоткрыл губы. - Сделай это, - продолжил Каз. - И я вырежу твой язык и скормлю его первой попавшейся драной кошке.

- Каз... - осторожно встрял Джеспер, но тот его проигнорировал.

Губы Уайлена поджались в тонкую упрямую линию. Парень действительно не знал, когда стоит и промолчать. Матиас уже задумался, не пора ли за него заступиться, как Каз отпустил его.

- Кто-нибудь, заткните эту девчонку, до того как я вернусь, - приказал он и побрел по кладбищу.

Матиас закатил глаза к небу. Всем этим психам не помешало бы пройти полугодовую подготовку в военном лагере, а еще лучше - публичное избиение.

- Лучше не упоминай имя Инеж, - посоветовал Джеспер, когда Уайлен стряхнул с себя пыль. - Ну, знаешь, на тот случай, если тебе еще жизнь дорога.

Уайлен покачал головой.

- Но разве все это делается не ради нее?

- Нет, все ради «великого замысла», помнишь? - фыркнула Нина. - Освобождение Инеж - просто первый этап.

Они направились обратно к гробнице. В свете фонаря Матиас видел, что к Нине вернулся здоровый цвет лица. Может, отвлекающий фактор в виде взлома дома на озере хорошо на нее повлиял, хотя он не мог игнорировать тот факт, что один стражник погиб во время операции, в которой не планировались убийства.

Элис притихла и сидела, сложив руки на животе и икая. Она сделала слабую попытку снять повязку с глаз, но Нина хорошо умела завязывать узлы. Матиас покосился на Кювея, который сидел за столом напротив их пленницы. Шуханец просто пожал плечами.

Нина присела рядом с Элис.

- Хочешь, э-э... чаю?

- С медом? - спросила она.

- Я, э-э... у нас вроде есть сахар?

- Я пью чай только с медом и лимоном.

Судя по виду Нины, она собиралась рассказать Элис, куда именно та может засунуть свой мед с лимоном, так что Матиас поспешил вмешаться:

- А как насчет шоколадного печенья?

- О, я обожаю шоколад!

Нина прищурила глаза.

- Не припомню, чтобы я разрешала тебе раздавать мое печенье.

- Это для благого дела, - ответил он, доставая жестяную коробку. Он купил печенье в надежде, что Нина начнет есть. - Кроме того, ты едва к нему притронулась.

- Я оставила его на потом, - фыркнула девушка. - И лучше не попадайся мне на пути, когда дело касается сладостей.

Джеспер кивнул.

- Она как жадный пустынный дракон.

Голова Элис вертелась из стороны в сторону.

- Вы все кажетесь такими юными, судя по голосам. Где ваши родители? - Уайлен и Джеспер разразились хохотом. - Что смешного я сказала?

- Ничего, - заверила ее Нина. - Они просто придурки.

- Эй! - возмутился Джеспер. - Это не мы полезли в твои запасы печенек.

- Я никого не подпускаю к своим запасам печенек, - подмигнула Нина.

- Это уж точно, - проворчал Матиас, радуясь, что Нина вернулась к себе прежней, и ревнуя, что это Джеспер заставил ее улыбнуться. Ему нужно окунуть голову в ведро с ледяной водой. А то ведет себя как одурманенный идиот!

- Итак, - начал Джеспер, обняв Элис за плечи, - Расскажи нам о своем пасынке.

- Зачем? Вы и его хотите похитить?

Стрелок фыркнул.

- Это вряд ли. Я слышал, что от него сплошные неприятности.

Уайлен скрестил руки.

- А я слышал, что он талантлив, просто его никто не понимает.

Элис нахмурилась.

- Я прекрасно его понимаю. Он не мямлит, ничего такого. Вообще-то у вас немного похожи голоса. - Уайлен вздрогнул, а Джеспер согнулся пополам от смеха. - И да, он очень талантлив. Он изучает музыку в Белендте.

- Но какой он? - спросил Джеспер. - Признавался ли в каких-нибудь тайных страхах? Дурных привычках? Случайных связях?

Уайлен пихнул коробку под нос Элис.

- Вот, съешь еще печенье.

- Она уже три штуки съела! - возмутилась Нина.

- Уайлен всегда был ласков с моими птичками. Я по ним скучаю. И по Руфусу. Я хочу домо-о-о-о-ой!

И Элис снова зарыдала.

Нина опустила голову на стол, признавая поражение.

- Отличная работа. А я уже понадеялась, что мы хоть немного посидим в тишине. Я пожертвовала своим печеньем впустую.

- Вы что, никогда раньше не видели беременную женщину? - пробурчал Матиас. Он хорошо помнил неудобства, которые испытывала его мама, и смены настроения, хоть и подозревал, что поведение Элис может быть никак не связано с ребенком, которого она вынашивала. Парень оторвал полоску ткани от одного из изодранных одеял в углу.

- Окуни ткань в воду, чтобы мы могли сделать прохладный компресс, -

проинструктировал он Джеспера, а затем присел перед Элис на корточки: – Я сниму с тебя туфли.

– Зачем?

– Потому что у тебя отекли ноги, и если их размять, то станет легче.

– О, вот *это* уже интересно! – хитро улыбнулась Нина.

– Даже не мечтай.

– Слишком поздно, – ответила она, шевеля пальцами ног.

Матиас снял туфли с Элис и сказал:

– Тебя не похитили. Просто задержали ненадолго. К полудню завтрашнего дня ты будешь дома со своей собачкой и птичками. Ты же знаешь, что никто не причинит тебе вреда?

– Я не уверена...

– Ну, ты меня не видишь, но здесь я самый крупный, и обещаю, что тебя никто не тронет. – Даже говоря это, Матиас знал, что, возможно, врет. Сейчас Элис растирали ноги и прикладывали холодный компресс ко лбу, но находилась она в яме с самыми смертоносными гадюками, которые только ползали по улицам этого презренного города. – А теперь очень важно, чтобы ты успокоилась, иначе тебе может стать плохо. Что тебя может развеселить?

– Мне... мне нравится прогуливаться у озера.

– Хорошо, может, позже мы прогуляемся. Что еще?

– Мне нравится делать себе прически.

Матиас многозначительно посмотрел на Нину.

Та насупилась.

– С чего ты взял, что я умею делать прически?

– Потому что ты всегда прекрасно выглядишь.

– Погодите, – опешил Джеспер. – Он что, пытается сделать комплимент? – Затем покосился на Матиаса с подозрением. – И как нам узнать, что это не самозванец?

– Возможно, *кто-то другой* сделает тебе прическу? – чванливо произнесла Нина.

– Что-нибудь еще? – снова обратился Матиас к Элис.

– Я люблю петь.

Уайлен яростно замотал головой и начал шептать одними губами: «Нет, нет, нет».

– Мне спеть? – с надеждой спросила девушка. – Бажан говорит, что я создана для сцены.

– Может, оставим это на потом... – предложил Джеспер.

Нижняя губа Элис задрожала, как тарелка, которая вот-вот разобьется.

– Пой! – выпалил Матиас. – Ради всего святого, пой.

И тогда начался сущий кошмар.

Не то чтобы Элис была так ужасна, просто она никогда не останавливалась. Она пела во время обеда. Пела, пока гуляла между могилами. Пела из-за куста, пока справляла нужду. Когда она наконец задремала, то напевала *во сне*.

– Может, таков и был изначальный замысел Ван Эка, – мрачно произнес Каз, когда они

снова собрались снаружи гробницы.

– Свести нас с ума? – поинтересовалась Нина. – Что ж, он работает.

Джеспер прикрыл глаза и застонал.

– Дьявольский план.

Каз сверился с карманными часами.

– Все равно Нине и Матиасу уже пора идти. Если рано доберетесь до своего места, то сможете еще поспать пару часов.

Они должны были вести себя осторожно, приплывая и уплывая с острова, так что не могли ждать рассвета, чтобы занять свои посты.

– Маски и накидки найдете у меховщика, – продолжал Бреккер. – Ищите золотого барсука на вывеске. Затем подберитесь как можно ближе к Крышке и начните раздавать их. Потом двигайтесь на юг. Не оставайтесь в одном месте слишком долго. Не хочу, чтобы вы привлекли внимание боссов. – Каз встретился взглядом с каждым из них. – До полудня все должны быть на своих местах. Уайлен внизу. Матиас на крыше Империиума. Джеспер будет напротив тебя на крыше отеля «Эмберс». Нина, ты будешь на третьем этаже. В номере есть балкон, выходящий на Гудмедбридж. Убедитесь, что у вас хороший обзор. Я хочу, чтобы все следили за Ван Эком, как только он появится. Он что-то задумал, так что будьте начеку.

Матиас заметил, как Нина украдкой покосилась на Джеспера, но сказала лишь:

– Ни траура.

– Ни похорон, – дружно ответили Отбросы.

Нина направилась к пришвартованной лодке. Каз и Уайлен ушли обратно в гробницу, но прежде чем Джеспер успел скрыться внутри, Матиас преградил ему путь.

– Что случилось в домике на озере?

– В смысле?

– Я видел, как она только что на тебя посмотрела.

Джеспер неловко переминался с ноги на ногу.

– Почему бы тебе не спросить у нее?

– Потому что Нина будет талдычить, что с ней все в порядке, пока не начнет страдать до такой степени, что говорить не сможет.

Стрелок опустил руки на револьверы.

– Я скажу только то, что тебе следует быть осторожным. Она... сама не своя.

– Что это значит? Что случилось в доме Хендриксов?

– Мы столкнулись с небольшой проблемой, – признался Джеспер.

– Один человек умер.

– Люди постоянно умирают в Кеттердаме. Просто будь начеку. Возможно, ей понадобится помощь.

Джеспер скользнул за дверь, и Матиас зарычал от отчаяния. Затем поспешил за Ниной, обдумывая слова Джеспера, но ничего не сказал, когда сел в лодку и выводил ее в канал.

Его самым разумным поступком после возвращения из Ледового Двора стало то, что он отдал Казу оставшийся парем. Это не было легким решением. Никогда не знаешь,

насколько глубоковод колодец внутри Бреккера, как определить границы того, на что он готов и не готов пойти. Но у Нины не было власти над Казом, и, когда она прокралась в кровать Матиаса в ночь операции со Смитом, он убедился, что сделал правильный выбор, потому что, Джель тому свидетель, он был готов отдать ей все, что она захочет, лишь бы девушка продолжала его целовать.

Нина прервала его сон, который терзал Матиаса с Ледового Двора. Только что он бродил по морозу, ослепленный снежной вьюгой, слушая волчий вой вдалеке, а в следующее мгновение проснулся, и Нина рядом, такая теплая и мягкая. Ему вспомнились ее слова, сказанные на корабле, когда наступил пик действия парема. «Ты вообще можешь думать своей головой? Я просто очередной командир, за которым ты будешь следовать. Сначала это был Ярл Брум, а теперь я. Не нужна мне твоя чертова клятва».

Он не считал, что она говорила это всерьез, но ее слова все равно его зацепили. Будучи дрюскелем, он служил безнравственной цели. Теперь он это видел. Но тогда у него был свой путь, своя страна. Матиас знал, кем являлся и чего от него хочет мир. Теперь он не был уверен ни в чем, кроме своей веры в Джеля и слова, которое он дал Нине. «Я рожден, чтобы защищать тебя. Только смерть освободит меня от этой клятвы». Неужто он просто променял одну цель на другую? Искал ли он убежища в своих чувствах к Нине, потому что боялся выбрать будущее для себя?

Матиас сосредоточился на гребле. Их судьбы не решатся за одну ночь, и им предстояло многое сделать до наступления рассвета. Кроме того, ему нравился ритм ночных каналов, нравилось, как фонари отражаются в воде, тишина, ощущение невидимости когда невидимым проходишь через спящий мир, мелькание свечей в окнах. Нравилось наблюдать за тем, как кто-то, страдая от бессонницы, поднимается с кровати, чтобы закрыть шторы или посмотреть на город. Они старались не покидать Черную Вуаль в дневное время, поэтому именно таким он узнал Кеттердам. Однажды ночью он увидел женщину в вечернем платье, расшитом драгоценными камнями, сидящую за туалетным столиком и вынимающую шпильки из волос. Мужчина – ее муж, как предположил Матиас, – встал у нее за спиной и начал помогать ей, а она повернулась к нему и улыбнулась. В тот миг Матиас не смог определить, что за боль возникла у него в груди. Он был солдат. Нина – тоже. Они не предназначены для подобных домашних сцен. Но он завидовал тем людям и легкости, с которой они жили. Их уютным домам и уютным отношениям.

Он знал, что и так слишком часто задавал Нине этот вопрос, но когда они высадились возле Восточного Обруча, Матиас не сдержался:

– Как ты себя чувствуешь?

– Отлично, – беспечно ответила она, поправляя вуаль. Девушка была одета в мерцающий синий наряд Потерянной Невесты – тот же костюм, который был на ней в ночь, когда она и другие члены «Отбросов» появились в его камере. – Скажи мне, дрюскель, ты когда-нибудь бывал в этой части Бочки?

– У меня не было возможности осмотреть достопримечательности, пока я сидел в Хеллгейте, – ответил Матиас. – И я все равно бы сюда не пошел.

– Ну, еще бы. Столько развлечений и людей в одном месте, фьерданец в тебе бы взбунтовался.

– Нина, – тихо обратился к ней Матиас, пока они шли к меховщику. Он не хотел давить на нее, но ему нужно было знать. – Когда мы пошли к Смиту, ты воспользовалась париком и косметикой. Почему ты просто не перекроила себя?

Девушка пожала плечами.

– Так было проще и быстрее.

Парень замолчал, не зная, стоит ли ему продолжать расспросы.

Они прошли мимо сырного магазина, и Нина вздохнула.

– Как я могу пройти мимо витрины, полной головок сыра, и ничего не почувствовать? Я сама себя не узнаю. – Она выдержала паузу, затем сказала: – Я пыталась использовать

свою силу. Что-то происходит странное. Другое. Мне удалось лишь убрать круги под глазами, и на это потребовались невероятные усилия.

- Но ты никогда не была одаренной портнихой.

- Где твои манеры, фьерданец?

- Нина!

- Дело не в этом. Было не просто сложно, но и больно. Мне трудно объяснить.

- Что насчет твоего новообретенного дара убеждения, который проявился в Ледовом Дворе, когда ты была под воздействием парема?

- Сомневаюсь, что и сейчас на это способна.

- А ты пыталась?

- Не совсем.

- Испробуй его на мне.

- Матиас, нас ждет работа.

- Давай же.

- Я не собираюсь копаться в твоей голове, когда мы не знаем, к чему это может привести!

- Нина...

- Ладно, - раздраженно вздохнула она. - Подойди.

Они почти дошли до Восточного Обруча, и толпа гуляк стала гуще. Нина затащила его в проулок между двумя зданиями. Затем подняла его маску и свою вуаль и медленно взяла лицо парня в руки. Ее пальцы зарылись в его волосы, и его сознание затуманилось. Казалось, она прикасается к нему везде.

Девушка посмотрела ему прямо в глаза.

- Ну что?

- Я ничего не чувствую, - ответил он. Его голос звучал предательски хрипло.

Нина выгнула бровь.

- Что, совсем ничего?

- Что ты пыталась заставить меня сделать?

- Убедить тебя поцеловать меня.

- Очень глупо с твоей стороны.

- Это почему же?

- Потому что я всегда хочу тебя поцеловать, - признался он.

- Тогда почему никогда этого не делаешь?

- Нина, ты недавно прошла через страшное испытание...

- Да, верно. И знаешь, что могло бы помочь? Много поцелуев. Мы не оставались наедине с тех пор, как спустились с борта «Феролинда».

- Это когда ты чуть не умерла? - спросил Матиас. Кто-то же должен помнить о том как серьезна их ситуация.

- Я предпочитаю думать о хорошем. Например, о том, как ты поддерживал мои волосы, пока я блевала в ведро.

- Прекрати смешить меня.

- Но мне нравится твой смех!

- Нина, сейчас не время флиртовать.

- Мне нужно застать тебя врасплох, иначе ты слишком занят вопросами о моем самочувствии и попытками защитить меня.

- Что плохого в том, что я волнуюсь?

- Ничего. Плохо то, что ты относишься ко мне так, словно я могу сломаться в любую секунду. Я не такая нежная или хрупкая. - Она резко опустила его маску, дернула за свою вуаль, чтобы вернуть ее на место, протопала мимо него, выйдя из проулка, пересекла улицу и направилась к магазину с золотым барсуком на двери.

Он последовал за ней. Матиас знал, что ляпнул что-то лишнее, но понятия не имел, как поступить правильно. Когда они вошли в магазин, зазвенел маленький колокольчик.

- Почему это место открыто в такое время? - пробормотал парень. - Кто захочет купить шубу посреди ночи?

- Туристы.

И действительно, несколько человек осматривали меха и шкуры. Матиас пошел за Ниной к прилавку.

- Мы хотим забрать заказ, - сказала она приказчику в очках.

- Ваше имя?

- Джудит Коэнен.

- Ага! - воскликнул мужчина, сверившись с гроссбухом. - Золотая рысь и черный медведь, все уже оплачено. Минутку. - Он исчез в задней комнате и вышел, сгибаясь под весом двух огромных свертков из коричневой бумаги, перевязанных бечевкой. - Вам нужна помощь, чтобы отнести их...

- Нет, все в порядке. - Матиас поднял сверки без особого труда. Жителям этого города требовалось больше свежего воздуха и физических упражнений.

- Но может пойти дождь! Позвольте мне хотя бы...

- Все нормально, - прорычал фьерданец, и приказчик отшатнулся.

- Не обращайтесь на него внимания, - улыбнулась Нина. - У него недосып. Спасибо вам большое за помощь.

Приказчик выдавил слабую улыбку, и они ушли.

- Ты же понимаешь, что тебе это плохо дается, верно? - любопытствовала Нина, как только они оказались на улице и пошли по Восточному Обручу.

- Ложь и обман?

- Вежливость.

Матиас задумался.

- Я не хотел быть грубым.

- Просто позволь мне говорить за нас обоих.

- Нина...

– Не называй меня здесь по имени.

Она злилась на него. Он слышал это в ее голосе и понимал, что дело не в его обращении с приказчиком. Они ненадолго остановились, чтобы Матиас сменил свой костюм Безумца на один из многих нарядов Мистера Кримсона, сложенных в свертки меховщика. Парень сомневался, что приказчик знал, что было завернуто в коричневую обертку, были ли костюмы сшиты в магазине, и был ли «Золотой барсук» лишь местом передачи. У Каза имелись загадочные связи по всему Кеттердаму, и только ему было известно, как это все работало.

Когда он нашел длинный красный плащ и надел на голову красно-белую лакированную маску, Нина вручила ему мешочек с серебряными монетами.

Матиас подкинул его на ладони, и монеты радостно зазвенели.

– Они же ненастоящие, правда?

– Естественно. Но об этом никто не знает. В этом и заключается все веселье. Давай потренируемся.

– Потренируемся?

– «Маменька, папенька, рента уплачена?» – пропела Нина мелодичным голоском.

Матиас уставился на нее.

– У тебя что, лихорадка?

Девушка откинула вуаль, чтобы он прочувствовал всю силу ее сердитого взгляда.

– Это из «Зверской Комедии». Когда Мистер Кримсон выходит на сцену, зрители кричат...

– «Маменька, папенька, рента уплачена?» – закончил Матиас.

– Именно. Тогда ты отвечаешь: «Нет, дорогая, все деньги потрачены», а затем кидаешь горсть монет в толпу.

– Зачем?

– По той же причине, по которой все шипят на Безумца и бросают цветы Королеве Скарабеев. Это традиция. Туристы не всегда ее понимают, но керчийцы – да. Так что сегодня, если кто-то закричит: «Маменька, папенька, рента уплачена?»...

– «Нет, дорогая, все деньги потрачены», – мрачно продолжил Матиас, подкидывая монеты в воздух.

– Больше энтузиазма! – настаивала Нина. – Это должно быть весело.

– Я чувствую себя глупо.

– Иногда приятно чувствовать себя глупым, фьерданец.

– Ты говоришь так только потому, что у тебя нет ни капли стыда.

К его удивлению, вместо того, чтобы дать резкий отпор, девушка ничего не ответила и хранила молчание, пока они не заняли свою первую позицию перед игорным домом Крышки, примкнув к музыкантам и бродячим актерам и расположившись через два дома от клуба «Кучевые облака». Затем, будто кто-то щелкнул переключателем, и Нина преобразилась.

– Подходите, все подходите к «Сабле Кримсона»! – объявила она. – Вы, там! Вы слишком тощий! Как вы смотрите на то, чтобы получить бесплатную еду и графин вина? А вы, сударыня? Вот вы выглядите так, будто умеете веселиться!

Одного за другим Нина мастерски заманивала к ним туристов, предлагая бесплатный ужин и напитки и раздавая костюмы с листовками. Когда один из вышибал игорного

дома вышел посмотреть, что происходит, они быстро ретировались, направляясь то на юг, то на запад и продолжая раздавать наряды и маски, которые добыл для них Каз. Когда люди спрашивали, в чем же дело, Нина отвечала, что это рекламная акция нового игорного дома под названием «Сабля Кримсона».

Как она и предсказывала, время от времени кто-нибудь замечал костюм Матиаса и кричал: «Маменька, папенька, рента уплачена?»

Матиас покорно отвечал и изо всех сил старался звучать радостно. Если туристы и гуляки и считали его выступление вялым, никто не жаловался. Скорее всего, потому, что их отвлекал дождь из серебряных монет.

К тому времени как они добрались до Западного Обруча, все наряды закончились, а солнце начало подниматься. Матиас мельком заметил вспышку с крыши отеля «Эммберс» – Джеспер подавал им сигнал зеркальцем.

Фьерданец проводил Нину в комнату на третьем этаже отеля, заказанную на имя Джудит Коэнен. Как Бреккер и сказал, с балкона открывался прекрасный вид на широкие просторы Гудмедбриджа и воды Западного Обруча, граничащие с обеих сторон с гостиницами и домами удовольствий.

– Что это значит? – поинтересовался Матиас. – Гудмедбридж?

– Мост благой девы.

– Почему его так называли?

Нина прислонилась к дверному косяку и ответила:

– Ну, существует легенда о женщине, которая узнала, что ее муж влюбился в девушку с Западного Обруча и собирается ее бросить. Она взошла на мост и, не желая жить без него, прыгнула в канал.

– Из-за мужчины, у которого нет совести?

– А ты бы не поддался соблазну? Если бы перед тобой выложили все удовольствия и плотские радости Западного Обруча?

– Ты бы бросилась с моста из-за такого мужчины?

– Я бы не бросилась с моста даже ради короля Равки.

– Ужасная история, – покачал головой Матиас.

– Я сомневаюсь в ее правдивости. Вот что случается, когда позволяешь мужчинам придумывать названия для мостов.

– Тебе стоит отдохнуть, – сказал он. – Я разбужу тебя, когда придет время.

– Я не устала, и не нужно мне рассказывать, как делать мою работу.

– Ты злишься.

– Или говорить, что я чувствую. Иди на свой пост, Матиас. Ты тоже выглядишь слегка потрепанным в своих золоченых доспехах.

Ее голос был ледяным, спина – прямой. Воспоминание о его сне накатило так резко, что он почти почувствовал, как кусает ветер, как снег жалит щеки. Его горло горело, а голос сел, потому что он звал Нину. Он хотел сказать ей, чтобы она была осторожной. Хотел спросить, что случилось.

– Ни траура, – пробормотал Матиас.

– Ни похорон, – ответила она, не сводя глаз с моста.

Матиас тихо вышел, спустился по лестнице и пересек канал по широкому Гудмедбриджу. Затем посмотрел на балкон отеля «Эммберс», но не увидел Нину. Это

хорошо. Если он не может увидеть ее с моста, значит, и у Ван Эка не получится. Несколько каменных ступенек привели его к причалу, где в розоватом сиянии зари продавец устанавливал свою баржу, полную благоухающих цветов. Матиас обменялся с ним парой слов и, пока мужчина ухаживал за своими тюльпанами и нарциссами, заметил значки, которые вывел мелом Уайлен над уровнем воды по обеим сторонам канала. Они готовы.

Затем он поднялся по лестнице к Империи, окруженному со всех сторон людьми в масках, вуалях и мерцающих плащах. У каждого этажа была своя тематика: настоящее буйство фантазии. Матиас пришел в ужас, увидев стойку с костюмами дрюскелей. Тем не менее это место идеально подходило, для того чтобы не привлекать внимания.

Он поспешил на крышу и подал зеркальцем сигнал Джесперу. Теперь все стояли на своих местах. Незадолго до полудня Уайлен спустится вниз и будет ждать в кафе у канала, которое всегда привлекало шумные группы уличных артистов, – музыкантов, мимов, жонглеров – выманивающих денежки у туристов. А пока что парнишка прилег на боку, спрятавшись под каменным выступом крыши, и дремал. Винтовка Матиаса, завернутая в клеенку, лежала рядом с Уайленом, он также выставил целый ряд фейерверков, их фитили завивались, как мышиные хвостики.

Фьерданец прислонился спиной к выступу, стоя с закрытыми глазами, впадая в забытие. Он привык к долгим периодам без сна со времен своей службы в отряде дрюскелей. Когда будет нужно, он проснется. Но сейчас Матиас шагнул по льду, и ветер завыл в его ушах. Даже у равкианцев было для него имя: «Грузебура» – жестокий, смертельный ветер. Он дул с севера – шторм, поглощающий все на своем пути. Солдаты гибли всего в паре шагов от своих палаток, потерявшись в белизне; их крики о помощи пожирал безликий холод. Там была Нина. Он знал это и никак не мог до нее добраться. Он выкрикивал ее имя снова и снова, чувствуя, как ноги немеют в сапогах, а мороз просачивается сквозь одежду. Парень прислушался, чтобы разобрать ответ, но в его ушах редела буря, а где-то вдалеке выли волки. Она умрет на льду. Она умрет в одиночестве, и это будет его вина.

Матиас проснулся, задышавшись, и резко втянул воздух. Солнце стояло высоко в небе. Над ним стоял Уайлен и слегка тряс его.

– Почти пора.

Матиас кивнул и встал, разминая плечи и вдыхая теплый весенний воздух Кеттердама. В его легких он казался чужеродным.

– Ты в порядке? – осторожно поинтересовался Уайлен, но, судя по всему, злобный взгляд Матиаса послужил ему исчерпывающим ответом. – С тобой все чудесно. Выглядишь отлично, – кивнул парень и поспешил спуститься по лестнице.

Матиас сверился с дешевыми латунными часами, которые приобрел для него Каз. Почти двенадцать. Он надеялся, что Нине удалось отдохнуть получше, чем ему. Парень посветил зеркалом на ее балкон и почувствовал облегчение, увидев ответную яркую вспышку. Затем подал сигнал Джесперу, склонился над выступом крыши и стал ждать.

Матиас знал, что Каз выбрал Западный Обруч за густую толпу, в которой легко затеряться. Его обитатели уже просыпались после веселья и наслаждений прошлого вечера. Прислуга, выполняя поручения различных домов, шла за покупками, принимала поставки вина и фруктов для следующих ночных гуляний. Туристы, только что прибывшие в город, бродили по обеим сторонам канала и указывали на красиво оформленные вывески, обозначающие каждый дом – как известные, так и пользующиеся дурной славой. Он видел многолепестковую розу, сделанную из белого кованого железа, покрытого серебром. Дом «Белой розы». Нина проработала там почти год. Он никогда не расспрашивал ее о том времени, не имел права. Она осталась в городе, чтобы помочь ему, и была volna поступать так, как считала нужным. Тем не менее он не мог перестать представлять ее там – изгибы ее обнаженного тела выставлены на всеобщее обозрение, зеленые глаза слегка прикрыты, кремовые лепестки вплетены в темные локоны ее волос. Бывали ночи, когда он фантазировал, как она подзывает его ближе, а бывали, когда он представлял, как она приветствует во тьме кого-то другого, и тогда он просыпался, гадая, что быстрее сведет его с ума: ревность или желание? Матиас оторвал взгляд от вывески и достал подозрительную трубу из кармана, сосредотачиваясь на том, чтобы

осмотреть остальную часть Обруча.

За несколько минут до полудня Матиас заметил Каза, идущего с запада и стучащего своей тростью в такт неровной походке; его силуэт, темное пятно, рассекающее толпу. Люди, казалось, расступались перед ним, как будто чувствуя, какая цель им движет. Это напомнило Матиасу о том, как жители деревни выводят знаки в воздухе, чтобы защититься от злых духов. Элис Ван Эк ковыляла рядом с ним. С нее сняли повязку, и через подзорную трубу Матиас увидел, как шевелятся ее губы. *Ради Джеля, неужели она все еще поет?* Судя по кислому выражению лица Каза, это было вполне вероятно.

С другой стороны моста Матиас увидел Ван Эка. Купец вытянулся, как струна, и крепко прижимал руки к телу, словно боялся, что пропитанный грехами воздух Бочки запятнает его костюм.

Каз ясно дал понять: убийство Ван Эка – крайняя мера. Они не хотели губить члена Торгового совета – не среди бела дня и не перед свидетелями.

– Разве нельзя прибегнуть к более чистым методам? – спросил Джеспер. – Сердечный приступ? Воспаление мозга?

Матиас бы предпочел честное убийство, открытый бой. Но в Кеттердаме подобные дела решались иными способами.

– Он не сможет страдать, если будет мертв, – ответил Каз, и на этом разговор был окончен. Демжин не терпел возражений.

Ван Эк пришел в окружении охраны, разодетой в красные с золотом ливреи его дома. Они вертели головами из стороны в сторону, осматривая местность в поисках угрозы. По тяжести их шуртук Матиас понял, что все они вооружены. Там же, в окружении трех здоровых стражников, находилась маленькая фигурка в капюшоне. *Инеж*.

Матиас удивился благодарности, затопившей его сердце. Хотя он только недавно узнал маленькую сулику, его с первого дня восхищала ее храбрость. Она много раз спасала их жизни, подвергая риску свою. Он сомневался во многих своих решениях, но никогда – в стремлении вырвать ее из лап Ван Эка. Единственное, о чем он жалел, что она остается с Казом Бреккером. Эта девушка заслуживала большего. С другой стороны, возможно, Нина тоже заслуживала кого-то получше, чем Матиас.

Обе группы дошли до моста. Каз и Элис вышли вперед. Ван Эк подал сигнал стражникам, охраняющим Инеж.

Матиас посмотрел вверх. С другой крыши лихорадочно сверкало зеркальце Джеспера. Фьерданец осмотрел территорию вокруг моста, но не заметил ничего подозрительного, из-за чего стрелок мог бы так запаниковать. Затем он взял подзорную трубу и изучил лабиринты улиц, раскинувшихся по обеим сторонам от Обруча. Путь отступления Каза был чистым. Но когда парень посмотрел на восток, за спину Ван Эка, его сердце наполнилось ужасом. По улицам двигались фигуры, одетые в фиолетовое, и все они направлялись в сторону Обруча. *Городская стража*. Было ли это совпадением или частью плана Ван Эка? Вряд ли бы он пошел на риск и раскрыл городским властям свои замыслы. Могут ли в этом быть замешаны фьерданцы? Что, если они хотят арестовать и Каза, и Ван Эка?

Матиас дважды блеснул зеркалом Нине. Со своего места она не увидит стражу, пока не станет слишком поздно. И вновь он почувствовал холодное хлестание ветра, услышал свой голос, зовущий ее по имени, ощутил нарастающий страх, когда ответ так и не пришел. *«С ней все будет хорошо, – сказал он себе. – Она – воин»*. Но в ушах звучало предупреждение Джеспера: *«Будь осторожен. Она сама не своя»*. Матиас надеялся, что Каз готов. Надеялся, что Нина сильнее, чем кажется. Надеялся, что план, который они привели в действие, сработает, что прицел Джеспера все так же меток, что расчеты Уайлена верны. Их всех ждали большие неприятности.

Матиас потянулся за винтовкой.

Каз

Первая мысль, промелькнувшая в голове Каза, когда он увидел Ван Эка, приближающегося к Гудмедбриджу, была: *«Этому человеку никогда не стоит играть в карты»*. А вторая – что кто-то сломал купцу нос. Он был искривлен и опух, а под глазом расцветал темный фингал. Каз подозревал, что университетский медик уже поработал над ним и уменьшил последствия травмы, но без целителя-гриша такой перелом невозможно скрыть.

Ван Эк пытался сохранить нейтральное выражение лица, но так сильно пыжился, чтобы выглядеть безразличным, что его лоб заблестел от пота. Плечи купца были напряжены, а грудь выпячена вперед, словно кто-то привязал к ней веревку и дернул вверх. Он величественно и неторопливо ступил на мост, окруженный стражей в красных с золотом ливреях – вот *это* Каза удивило. Он-то думал, что Ван Эк предпочтет появиться в Бочке без особой помпезности. Новая информация завертелась в его голове.

Игнорировать детали – опасно. Ни один мужчина не любил, когда его выставляли дураком, и, несмотря на все его попытки выглядеть достойно, тщеславие Ван Эка наверняка пострадало. Купец гордился своей деловой хваткой, способностью разрабатывать стратегию и манипулировать людьми и рынками. Он будет искать случая поквитаться после того, как его обвел вокруг пальца мелкий бандит из Бочки.

Каз быстро оглядел охранников в поисках Инеж. Она была в капюшоне, и ее едва можно было разглядеть среди людей Ван Эка, но он в любом случае узнал бы эту тонкую, как лезвие ножа, фигурку. А если поддаться соблазну и вытянуть шею, чтобы присмотреться и убедиться, что ей не причинили вреда? Но он не стал этого делать. Нельзя терять бдительность.

Какую-то долю секунды Каз и Ван Эк, стоя по разные стороны моста, обменивались взглядами, изучая друг друга. Бреккер невольно вспомнил, как они точно так же смотрели друг на друга семь дней назад. Он слишком много размышлял о той встрече. Поздними ночами, когда работа была закончена, он лежал в кровати и анализировал каждый ее злополучный момент. Снова и снова Каз думал о тех нескольких решающих секундах, когда он позволил своему вниманию переключиться на Инеж, вместо того чтобы сосредоточиться на Ван Эке. Больше он такой ошибки себе не позволит. Тот парень выдал свою уязвимость одним молниеносным взглядом, проиграл войну ради единственной битвы и подверг Инеж – *всех их* – опасности. Тот парень был раненым животным, которого необходимо усыпить. И Каз с радостью это сделал – выдавил из него жизнь без колебания и угрызений совести. Каз, который остался, сфокусировался исключительно на одной задаче: освободить Инеж, заставить Ван Эка заплатить. Все остальное было бесполезным шумом.

Он также вспоминал и об ошибках Ван Эка на Вельгелюке. Купец оказался достаточно глупым, чтобы растрюбить всем о факте, что его драгоценный наследник вызревал в утробе его новой жены – юной Элис Ван Эк, с ее молочно-белыми волосами и пухлыми ладошками. Им управляла гордость, а также ненависть к Уайлену и желание стереть имя сына из гроссбухов, как неудавшееся коммерческое предприятие.

Каз и Ван Эк обменялись короткими кивками. Рукою в перчатке Бреккер придерживал Элис за плечо. Он сомневался, что она попытается сбежать, но кто знал, какие мысли роились в голове этой девчонки? Затем Ван Эк подал сигнал своим людям, чтобы они вывели Инеж вперед, и Каз с Элис начали пересекать мост. В мгновение ока Каз отметил странную походку Инеж, как она держала руки за спиной. Они связали ей запястья и надели кандалы на ноги. *«Разумная предосторожность»*, – сказал он себе. – *Я бы поступил так же»*. Но он чувствовал, что кремень, скребущий по пустоте внутри него, готов разжечь яростный огонь. Ему снова подумалось о том, чтобы просто убить Ван Эка. *«Терпение»*, – напомнил себе Каз. Ему приходилось практиковаться в этом с ранних лет и довольно часто. Со временем терпение заставит всех его врагов опуститься на колени. Терпение и деньги, которые он намерен забрать у этого мерзкого торговца.

– Как ты думаешь, он красивый? – спросила Элис.

- Что? – переспросил парень, засомневавшись, что правильно ее расслышал. Она пела всю дорогу от рынка, где Каз снял с нее повязку, и он делал все возможное, чтобы отключиться от ее завываний.

- Что-то произошло с носом Яна.

- Подозреваю, что он попал под горячую руку Призрака.

Элис сморщила маленький носик и призадумалась.

- Думаю, Ян был бы красив, не будь он таким старым.

- К счастью для тебя, мы живем в мире, где мужчины могут компенсировать свой пожилой возраст несметным богатством.

- Было бы неплохо, если бы он был и молодым, и богатым.

- Зачем останавливаться на этом? Как насчет молодого, богатого и верного? Зачем довольствоваться купцом, когда у тебя мог бы быть принц?

- Да, наверное, – кивнула Элис. – Но только деньги имеют значение. Я никогда не видела смысла в принцах.

Ну, теперь уж никто не усомнится, что эта девушка была рождена и выросла в Керчии.

- Элис, я глубоко шокирован, но наши мнения совпадают.

Каз осматривал окрестности моста, пока они приближались к центру, и настороженно приглядывал за стражниками Ван Эка, отметив открытые двери балкона на третьем этаже отеля «Эмберс» и цветочную баржу под западной стороной моста, где она стояла каждое утро. Он предполагал, что Ван Эк расставит своих людей на окружающих зданиях, как сделал он сам. Но никому из них не будет разрешено выстрелить. Несомненно, Ван Эк был бы рад посмотреть, как он поплывет лицом вниз по каналу, но Каз мог привести его к Кювею, и это должно уберечь его от пули в голову.

Они остановились в добрых десяти шагах от группы купца. Элис попыталась шагнуть вперед, но Каз силой удержал ее на месте.

- Ты же говорил, что ведешь меня к Яну! – возразила она.

- И вот ты здесь. А теперь не дергайся.

- Ян! – пронзительно закричала она. – Это я!

- Я знаю, дорогая, – спокойно ответил Ван Эк, не сводя глаз с Каза. Затем понизил голос. – Это еще не конец, Бреккер. Я хочу заполучить Кювея Юл-Бо.

- Мы что, пришли сюда, чтобы повторить все сначала? Ты хочешь узнать секрет юрды-парема, а я хочу свои деньги. Сделка есть сделка.

- У меня нет тридцати миллионов крюге.

- Какая жалость, не правда ли? Уверен, они найдутся у кого-нибудь другого.

- И как успехи в поисках нового покупателя?

- Не беспокойся так за меня, купец. Рынок найдет его за меня. Ты хочешь вернуть свою жену, или я зря притащил сюда бедную Элис?

- Всего минутку, – ответил Ван Эк. – Элис, как мы назовем нашего ребенка?

- Очень хорошо, – ухмыльнулся Каз. Его банда выдала Уайлена за Кювея Юл-Бо на Вельгелюке, и им удалось одурачить Ван Эка. Теперь купец жаждал подтверждения, что он действительно забирает свою жену, а не какую-то девчонку с радикально перекроенным лицом и накладным животом. – Похоже, старого пса можно научить новым трюкам. Ну, разве что кроме перекатывания на спину.

Ван Эк проигнорировал его.

- Элис, - повторил он, - какое имя мы дадим нашему ребенку?

- Ребенку? - недоуменно повторила девушка. - Ян, если это мальчик, Плумья, если девочка.

- Мы же договорились, что Плумьей ты назовешь своего нового попугая.

Элис выпятила губу.

- Я ни о чем не договаривалась.

- О, по-моему, Плумья - это замечательное имя для девочки, - ухмыльнулся Каз. - Доволен, купец?

- Подойди ко мне, - подозвал Ван Эк Элис, подавая сигнал охране, держащей Инеж, чтобы отпустили ее.

Когда Инеж проходила мимо Ван Эка, то повернулась к нему лицом и что-то прошептала. Купец сжал губы.

Сулийка зашаркала вперед, каким-то образом умудряясь делать это грациозно, даже со связанными за спиной руками и кандалами на лодыжках. Десять шагов. Пять. Ван Эк обнял Элис, а та засыпала его вопросами и громко залепетала. Три шага. Инеж уверенно смотрела перед собой. Она похудела. Ее губы потрескались. Но, несмотря на долгие дни в плену, ее темные волосы блестели на солнце под капюшоном. Два шага. А затем она оказалась перед ним. Им все еще нужно было уйти с моста. Ван Эк не отпустит их так легко.

- Твои кинжалы? - спросил Бреккер.

- Спрятаны в плаще.

Ван Эк отпустил Элис, и ее увела стража. Эта красная с золотом форма до сих пор вызывала у Каза тревогу. Что-то было не так.

- Давай убираться отсюда, - сказал он, зажав в руке ножик для устриц, чтобы разрезать веревки.

- Господин Бреккер, - позвал Ван Эк. Каз услышал возбуждение в его голосе и замер. Возможно, этот мужчина блефовал лучше, чем он думал. - Ты дал мне слово, Каз Бреккер! - театрально закричал купец. Все в пределах слышимости повернулись и уставились на них. - Ты поклялся, что вернешь мне жену и сына! Где ты прячешь Уайлена?

И тут Каз увидел их - поток фиолетового цвета, движущийся к мосту. Городская стража наводнила Обруч с поднятыми ружьями и дубинками в руках.

Каз выгнул бровь. Наконец-то купец сподобился на что-то интересное.

- Перекройте мост! - закричал один из них. Каз оглянулся через плечо и увидел, что еще одна группа стражников блокирует их путь к отступлению.

Ван Эк оскалился.

- Ну что, поиграем по-настоящему, Бреккер? Могущество моего города против твоей банды головорезов.

Каз не удосужился ответить. Он толкнул Инеж в плечо, и она развернулась, протягивая ему руки, чтобы он мог перерезать путы. Парень подкинул нож в воздух, доверив ей поймать его, а сам принялся за кандалы, его отмычки легко проскользнули между пальцами. Каз услышал приближающийся топот ног, почувствовал, как Инеж согнулась над его спиной, и разобрал тихий свист, за коим последовал звук упавшего тела. Замок легко поддался под его пальцами, и кандалы упали с ног. Бреккер встал, быстро повернулся, увидел павшего офицера городской стражи с ножом для устриц, торчащим между его глаз, и бегущих к ним со всех сторон людей в фиолетовой форме.

Он поднял трость, чтобы подать сигнал Джесперу.

– Лодка с цветами с западной стороны, – сказал он Инеж. Этого было вполне достаточно – девушка запрыгнула на перила моста и исчезла за бортиком без малейших колебаний.

В небе взорвалась первая партия фейерверков, вспыхивая в бледном полуденном солнце. Его план начал действовать.

Каз вытащил из кармана веревку с петлей на конце и надел ее на перила. Затем зацепился за них набалдашником трости, подтянулся, перепрыгнул, и пронесся над водами канала. Веревка резко натянулась, и он дугой полетел обратно к мосту, как маятник, приземляясь на палубу цветочной баржи рядом с Инеж.

Две шлюпки городской стражи уже мчались к ним, а офицеры сбегали по пандусам к каналу. Каз не знал, какой фортель выкинет Ван Эк, – он определенно не ожидал, что купец подключит к делу городскую стражу, – но не сомневался, что торговец попытается перекрыть им все пути для побега. Прозвучала новая череда взрывов, и небо над Обручем озарилось розовыми и зелеными вспышками. Туристы радостно закричали. Они не заметили, что два фейерверка вылетели со стороны канала и проделали дыры в носу одной из шлюпок стражников. Люди побежали к бортикам и стали прыгать в канал, когда та начала тонуть. *Хорошая работа, Уайлен.* Он дал им время – и сделал это, не вызвав панику у прохожих. Каз хотел, чтобы толпа пребывала в наилучшем расположении духа.

Он кинул вазон с дикой геранью в канал, не обращая внимания на протесты продавца, и схватил одежду, которую заранее спрятал там Матиас этим утром. Затем накинул на плечи Инеж красный плащ, с которого ливнем сыпались лепестки и бутоны, пока девушка цепляла на себя свои кинжалы. Выглядела она так же ошарашенно, как и цветочник.

– Что? – спросил он, кидая ей маску Мистера Кримсона и надевая на себя такую же.

– Это были любимые цветы моей матери.

– Приятно знать, что Ван Эк не вылечил тебя от сентиментальности.

– Рада тебя видеть, Каз.

– Я тоже рад, что ты снова с нами, Призрак.

– Готов?

– Подожди, – сказал он, прислушиваясь. Фейерверки затихли, и секундой позже он услышал звук, которого ждал – музыкальный звон монет, падающих на мостовую, за коим последовали довольные вопли толпы. – Вот теперь – да.

Они взялись за веревку, и Каз резко за нее дернул. Та с пронзительным шумом втянулась, поднимая их вверх с молниеносной скоростью. За долю секунды они снова оказались на мосту, но картина, представившаяся перед ними, решительно отличалась от той, которую они видели всего две минуты назад.

Западный Обруч погрузился в хаос. Мистеры Кримсоны были повсюду, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят человек в красных масках и плащах, которые подкидывали монеты в воздух, пока туристы и местные толкались и пихались, смеялись и кричали, ползали на четвереньках и совершенно не обращали внимания на городских стражников, пытающихся пробраться мимо них.

– Маменька, папенька, рента уплачена? – закричала группка девушек из дверного проема «Синего ириса».

– Нет, дорогая, все деньги потрачены! – хором отвечали Мистеры Кримсоны и подкидывали очередные горсти монет, вызывая у беснующейся толпы новую волну радости.

– Расчистить путь! – приказал капитан стражи.

Один из офицеров попытался сдернуть маску с Мистера Кримсона, стоящего у фонарного столба, и толпа начала его недовольно освистывать. Каз и Инеж окунулись в вихрь красных плащей и людей, собирающих монеты. Слева от себя он услышал смех девушки, приглушенный маской. Он никогда не слышал, чтобы она заливалась таким смехом, легкомысленным и безумным.

Внезапно Обруч сотряс глубокий, громоподобный взрыв. Люди повалились, цепляясь друг за друга, за стены, за все, что попадалось под руку. Каз едва не потерял равновесие, но восстановил его с помощью трости.

Когда он поднял взгляд, то у него появилось впечатление, что он всматривается в густую пелену. Дым висел тяжелой завесой в воздухе. В ушах парня гудело. Будто издалека, он услышал испуганные крики и вопли ужаса. Мимо него пробежала женщина с лицом и волосами, покрытыми пылью и штукатуркой, как у призрака из пантомимы. Ее руки были прижаты к ушам. Из-под ее ладоней вытекали струйки крови. В фасаде дома «Белой розы» зияла огромная дыра.

Инеж начала поднимать маску, но он резко натянул ее обратно ей на лицо. Затем покачал головой. Что-то было не так. Он задумывал миролюбивую заварушку, а не большую катастрофу, и Уайлен был не из тех людей, кто мог так грубо напортачить. Кто-то другой решил обрушить беду на Западный Обруч, кто-то, кто был не против нанести серьезные повреждения.

Каз знал только то, что он вложил много времени и денег, чтобы вернуть своего Призрака. И он точно не собирался терять ее снова.

Парень быстро коснулся плеча Инеж. В долгих объяснениях она и не нуждалась. Бреккер побежал к ближайшему переулку. Ему не нужно было оглядываться, чтобы убедиться, что она рядом – бесшумная, твердо держащаяся на ногах. Инеж могла бы обогнать его в мгновение ока, но они бежали в тандеме, подстраиваясь друг под друга шаг за шагом.

Джеспер

Вот этот хаос был уже Джесперу по душе!

Перед ним стояло две задачи: одну нужно выполнить до обмена пленниками, другую – после. Пока Инеж находилась во власти Ван Эка, первая линия обороны отводилась Нине, на случай если стражники попытаются увести девушку с моста или поставят под угрозу ее жизнь. Джеспер должен был держать Ван Эка на мушке – никакой стрельбы на поражение, но если этот тип начнет размахивать пушкой, Джесперу разрешили оставить его без руки. Или рук.

– Ван Эк непременно что-нибудь выкинет, – сказал Каз еще на острове Черной Вуали, – и дело будет грязным, так как у него осталось менее двенадцати часов, чтобы составить план.

– Хорошо, – кивнул Джеспер.

– Плохо, – строго отрезал Каз. – Чем сложнее план, тем больше людей ему придется задействовать, тем больше они будут болтать, и тем больше вероятность, что все пойдет не так.

– Это закон систем, – пробормотал Уайлен. – Встраиваешь предохранители на случай оплошностей, но что-то в этих предохранителях и приводит к непредвиденным ошибкам.

– Действия Ван Эка не будут изысканными, но будут непредсказуемыми, так что мы должны быть готовы.

– Как мы сможем подготовиться к непредсказуемому?

– Расширим наши варианты. Оставим все возможные пути отступления открытыми. Крыши, улицы, переулки и водные пути. Ван Эк ни за что не позволит нам просто так уйти с того моста.

Джеспер увидел угрозу издали, заметив группу городских стражников, направляющихся к мосту. Это могла быть просто рутинная проверка. В Обручах такое происходило несколько раз в году – способ Торгового совета показать картежникам, сутенерам и артистам, что, сколько бы денег они ни приносили в городскую казну, главное здесь все еще правительство.

Он подал сигнал Матиасу и стал ждать. Каз дал ясно понять: «Ван Эк не станет действовать, пока Элис не вернется и не будет вне опасности. Вот тогда нам нужно смотреть в оба».

И, конечно же, как только Элис и Инеж поменялись местами, на мосту началась какая-то потасовка. У Джеспера чесались руки нажать на курок, но его вторая задача тоже была простой: ждать сигнала от Каза.

Через секунду трость Бреккера взлетела в воздух, и они с Инеж перепрыгнули через перила моста. Джеспер поджег спичку и одна, две, три, четыре, пять ракет, которые приготовил Уайлен, с визгом рванули в небо, взрываясь разноцветными всполохами. Последняя была розового оттенка. «Стронция хлорид, – пояснил ему Уайлен, работая над своей коллекцией фейерверков, взрывчаток, фотобомб, долгоносиков и всем остальным, что ему требовалось. – В темноте он горит красным».

«В темноте все всегда кажется интереснее», – ответил ему тогда Джеспер. Ничего не смог с собой поделать. Серьезно, если маленький купец сам дает ему поводы, грех было бы этим не воспользоваться.

Первая партия фейерверков была сигналом для Мистеров Кримсонов, которых Нина с Матиасом завербовали ночью, – или очень ранним утром, – предлагая бесплатную еду и вино любому, кто явится на Годмедбридж сразу после полудня, когда взорвутся фейерверки. Все это якобы было большой рекламной акцией для несуществующего игорного дома «Сабли Кримсона». Зная, что придут далеко не все, они раздали более

двухсот костюмов и мешочков с фальшивыми монетами. «Если наберется хотя бы пятьдесят, этого будет достаточно», – сказал Каз.

Никогда не недооценивай стремление людей получить что-то даром. Джеспер насчитал вокруг не менее сотни Мистеров Кримсонов, наводнивших мост и Обруч, подкидывающих монеты в воздух и орущих кричалку, которая сопровождала каждый выход героя в любой пьесе «Зверской Комедии». Иногда монеты были настоящими. Поэтому он и стал любимчиком публики. Люди смеялись, кружились, хватали монеты, гнались за Мистерами Кримсонами, пока городская стража тщетно пыталась навести порядок. Это было великолепно. Джеспер *знал*, что монеты поддельные, но и сам бы с удовольствием спустился вниз и начал собирать деньги.

Увы, ему нужно было еще немного подождать. Если бомбы, которые Уайлен расставил вдоль канала, не взорвутся в нужное время, Казу и Инеж понадобится куда больше защиты, чтобы сбежать с лодки цветочника.

Небо озарила очередная волна сверкающих бомб. Матиас поджег вторую партию фейерверков. Эти были не сигналом, а камуфляжем.

Стрелок увидел, как далеко внизу из канала резко поднялись два огромных фонтана, это Уайлен привел в действие свои водные мины. *Как раз вовремя, маленький купец.*

Тогда он спрятал винтовку под плащ Мистера Кримсона и стал спускаться по лестнице, остановившись лишь для того, чтобы присоединиться к Нине, и они вместе помчались вон из отеля. Отбросы пометили каждую из своих красно-белых масок крупной черной слезой, чтобы иметь возможность отличить «своих» от других гуляк, но, оказавшись в гуще толпы, Джеспер подумал, что, пожалуй, им стоило выбрать что-нибудь более броское.

Когда они в быстром темпе переходили через мост, ему показалось, что он увидел Матиаса и Уайлена в красных плащах, они подкидывали монеты и постепенно продвигались к выходу из Обруча. Если бы ребята побежали, то могли бы привлечь внимание городской стражи. Джеспер с трудом сдерживал смех. Это определенно были Матиас с Уайленом. Матиас, бросая монеты, прикладывал слишком много сил, а Уайлен делал это с преувеличенным энтузиазмом. Навыки метания у парнишки явно нуждались в серьезной тренировке. Он выглядел так, словно активно пытался вывихнуть плечо.

В этом месте они расставались, и каждый добирался сам по переулкам и каналам, ведущим к выходу из Обруча, избавляясь по дороге от костюмов Мистера Кримсона и меняя его на облик других персонажей «Зверской Комедии». Дальше они должны были ждать заката, прежде чем вернуться на Черную Вуаль.

Полно времени, чтобы попасть в беду.

Джеспер чувствовал притяжение Восточного Обруча. Он мог направиться туда, найти место, где играют, провести пару часов за «Ежевикой на троих». Казу это не понравится. Джеспер был слишком хорошо известен. Одно дело, играть в клубе «Кучевые облака», в частном зале и для рабочих целей. И совсем другое – играть здесь и сейчас. Каз исчез с обещанием огромной выручки и несколькими ценными членами «Отбросов». Люди яростно спорили о том, куда он подевался, и Ротти предупредил, что их всех ищет Пер Хаскель. Городская стража наверняка сегодня навестит Клепку, чтобы задать множество неудобных вопросов. Да и о Пекке Роллинсе не стоило забывать. *«Всего пару раздач, – пообещал он себе, – только чтобы утолить жажду. Потом я пойду к папе».*

Живот Джеспера скрутило. Он не был готов встретиться с отцом один на один и рассказать ему правду обо всем этом безумии. Внезапно желание оказаться за карточным столом стало непреодолимым. Какого черта скрываться! Поскольку Каз не дал ему сегодня пострелять, Джесперу было необходимо пару раз бросить кости при неравных шансах, чтобы прочистить голову.

И тут мир стал белым.

Звук походил на что-то среднее между раскатом грома и треском молнии. Джеспера оторвало от земли и отправило в свободный полет, а в ушах что-то ревели со свистом. Он внезапно потерялся в буре из белого дыма и пыли, забивающей легкие. Парень

закашлялся, каждый вздох царапал горло, словно сам воздух обратился в тщательно измельченное стекло. Его веки покрылись песком, и он с трудом сдерживался, чтобы не потерять их, часто моргая и пытаясь избавиться от кусочков обломков.

Стрелок поднялся на четвереньки, стараясь отдышаться и ожидая, когда пройдет звон в ушах. На земле рядом с ним лежал еще один Мистер Кримсон, и на его лакированной щеке была нарисована черная слеза. Джеспер снял маску. Глаза Нины были закрыты, а из ее виска текла кровь. Он потряс ее за плечо.

- Нина! - Джеспер старался перекрыть вопли и рыдания, раздающиеся со всех сторон.

Ее веки затрепетали, и она резко втянула воздух. Затем попыталась сесть и зашлась кашлем.

- Что это было? Что произошло?

- Не знаю, - ответил Джеспер. - Но кто-то помимо Уайлена взрывает бомбы. Смотри.

В передней части дома «Белой розы» зияла огромная черная дыра. Со второго этажа опасно свисала кровать, готовая рухнуть в вестибюль. Вьющиеся розы, бегущие вдоль фасада дома, загорелись, и в воздухе стоял тяжелый запах парфюма. Внутри раздавались крики.

- Ох, святые, я должна им помочь! - воскликнула Нина, и в затуманенном мозгу Джеспера всплыло воспоминание, что она почти год проработала в этом заведении. - Где Матиас? - спросила девушка, осматривая толпу. - Где Уайлен? Если это один из сюрпризов Каза...

- Не думаю... - начал парень. Затем еще один взрыв сотряс мостовую. Они легли на землю и прикрыли головы руками.

- Что, во имя каждого святого мученика, происходит?! - испуганно и раздраженно вскрикнула Нина. Люди с криками бежали в разные стороны, пытаясь найти хоть какое-то укрытие. Девушка поднялась на ноги и посмотрела на южную сторону канала, откуда валил дым с еще одного дома удовольствий.

- Это «Ивовый прут»?

- Нет, - ответила Нина, и ее лицо исказилось от ужаса, когда она пришла к какому-то выводу, которого Джеспер не понял. - Это «Кузница».

При этих словах из огромной дыры в стене дома, некогда бывшего «Кузницей», вылетел чей-то силуэт и помчался к ним вдоль окутанной дымкой улицы.

- Гриши! - ахнул Джеспер. - Под действием парема.

Но по мере того как силуэт увеличивался, а они, вытянув шеи, следили за ним, Джеспер увидел, что ошибся. Или же полностью потерял рассудок. Над ними летал отнюдь не шквальный. Это был мужчина с крыльями - огромными металлическими штуками, которые двигались со скоростью крыльев колибри. У него в руках кто-то был - мальчишка, кричащий слова на языке, напоминавшем равкианский.

- Ты это видела?! Скажи, что ты это видела, - спросил Джеспер, ошеломленно глядя на Нину.

- Это Марков, - ответила она, и на ее лице были написаны страх и гнев. - Поэтому они и нацелились на «Кузницу».

- Нина! - по мосту шагал Матиас, а за ним плелся Уайлен. Оба подняли маски на головы, но у городской стражи сейчас были проблемы посерьезней. - Нужно убираться отсюда, - сказал фьерданец. - Если Ван Эк...

Но Нина схватила его за руку.

- Это был Данил Марков. Он работал в «Кузнице».

- Парень с крыльями? - спросил Джеспер.

- Нет, - девушка яростно замотала головой. - Его пленник. Марков - инферн. - Они ударили по «Кузнице» и дому «Белой розы». Эти люди ведут охоту на гришей. Они ищут меня.

В эту секунду из «Белой розы» вылетела вторая крылатая фигура. Прозвучал новый взрыв, и, когда нижняя стена провалилась, вперед вышли высокие мужчина и женщина. У них были черные волосы и бронзовая кожа, как и у людей с крыльями.

- Шуханцы, - прошептал Джеспер. - Что они здесь делают? И с каких пор они *летают*?

- Опустите маски, - приказал Матиас. - Нам нужно где-то спрятаться.

Они опустили маски на лица. Джеспер чувствовал благодарность за то, что вокруг них такие шум и суматоха. Но стоило ему об этом подумать, как один из шуханцев сделал глубокий вдох, и Джеспер с ужасом увидел, как он медленно поворачивается и в упор смотрит на них. Он что-то рявкнул своим компаньонам, и шуханцы направились напрямик к Отбросам.

- Слишком поздно, - сказал стрелок. Затем содрал с себя маску и плащ и прижал винтовку к плечу. - Раз уж они пришли за весельем, давайте устроим его. Летун мой!

Джеспер не собирался позволять какому-то птицеподобному шуханцу схватить себя. Он не знал, куда подевался второй летун, и мог только надеяться, что тот был слишком занят своим пленником-инферном. Крылатый мужчина рванул влево, вправо, потом спикировал вниз и загудел, как пьяная пчела. - Не рыпайся, большая букашка, - проворчал парень, а затем произвел три выстрела, которые попали напрямик в грудь летуна и откинули его назад.

Но тот выпрямился, грациозно кувыркнувшись в воздухе, и быстро полетел к Джесперу.

Матиас стрелял в двух здоровых шуханцев. Каждый выстрел был прямым попаданием, но, хотя шуханцы и спотыкались, они продолжали приближаться.

- Уайлен? Нина? - позвал Джеспер. - Если вдруг чувствуете желание присоединиться, сейчас самое время!

- Я пытаюсь, - прорычала Нина, подняв руки и сжав кулаки. - На них это не действует.

- Ложись! - крикнул Уайлен. Они рухнули на мостовую. Джеспер услышал какой-то лязг, а затем увидел черное размытое пятно, и что-то полетело в крылатого шуханца. Летун увернулся влево, но черное пятно разделилось на два потрескивающих шарика, которые вспыхнули фиолетовым огнем. Один безвредно приземлился в канал и зашипел от соприкосновения с водой. Второй попал в летуна. Тот закричал и зацарапал себя, когда фиолетовые языки пламени охватили все его тело и крылья, а затем отклонился от курса и врезался в стену. Он продолжал гореть, и жар от пламени ощущался даже издалека.

- Бежим! - крикнул Матиас.

Они кинулись в ближайший переулок - Джеспер и Уайлен впереди, Нина с Матиасом сзади. Уайлен опрометчиво метнул через плечо фотобомбу. Та разбила оконное стекло и выпустила бесполезную ослепительную вспышку.

- Вероятно, ты только что напугал до чертиков какую-нибудь несчастную работающую девушку, - прокомментировал Джеспер. - Дай мне. - Он забрал вторую фотобомбу и кинул ее прямо в ноги их преследователям, отворачиваясь, чтобы защитить глаза от взрыва. - Вот как это делается.

- В следующий раз я не буду спасать тебе жизнь, - прокрихтел Уайлен.

- Ты будешь скучать по мне. Как и все остальные.

Нина вскрикнула. Джеспер обернулся. Тело девушки было накрыто серебристой сетью, и она извивалась, стараясь освободиться, но ее тащила назад шуханка, крепко стоящая в центре улицы. Матиас открыл огонь, но женщина не сдвинулась с места.

- Пули не работают! - выпалил Уайлен. - Кажется, у них металл под кожей.

Теперь, когда он это сказал, Джеспер увидел блеск металла под кровавыми пулевыми ранениями. Но что это значило? Были ли они отчасти механическими? Как это возможно?

– Сеть! – взревел Матиас.

Они дружно схватились за металлическую сеть, пытаясь оттащить Нину в безопасное место. Но шуханка продолжала тянуть ее к себе, рывок за рывком, с невообразимой силой.

– Нам нужно чем-то перерезать шнур! – крикнул Джеспер.

– К черту шнур, – процедила Нина сквозь стиснутые зубы. Она вынула револьвер из кобуры Джеспера и приказала: – Отпустите!

– Нина... – начал возражать Матиас.

– Быстро!

Они послушались, и Нина по инерции резко понеслась по переулку. Шуханка неловко попятилась, а затем схватила край сети и дернула Нину вверх.

Девушка ждала до последней секунды, а затем сказала:

– Давай проверим, все ли у тебя сделано из металла.

Она направила револьвер прямо в глазницу женщины и нажала на курок.

Выстрел не просто лишил шуханку не только глаза, но и большей части черепа. На секунду она замерла, цепляясь за Нину, – зияющее месиво из кости, нежно-розовой мозговой ткани и кусков металла на месте, где должно было находиться ее лицо, – а затем упала на землю.

Нину затошнило, и она попыталась разорвать сеть.

– Вытащите меня из этой штуки, пока нас не нашли ее дружки!

Матиас сорвал с Нины сеть, и они побежали с колотящимися сердцами, громко стуча ботинками по мостовой.

Джеспер слышал испуганные слова своего отца, догоняющие его по улицам, как предупреждающий ветер, бьющий прямо в спину. «Я боюсь за тебя. Мир бывает жесток к таким, как ты». Кого шуханцы послали за Ниной? За городскими гришами? За *ним*?

Жизнь Джеспера состояла из череды опасных ситуаций и почти что неминуемых бедствий, но он никогда еще не был так уверен, что находится на волосок от смерти.

Инеж

Инеж и Каз все дальше удалялись от Западного Обруча, и молчание между ними растекалось черным пятном. Они выкинули свои плащи и маски на помойку за захудалым маленьким борделем под названием «Бархатная комната», где Каз спрятал для них сменную одежду. Казалось, весь город превратился в их гардеробную, это напомнило Инеж фокусников, которые вытаскивали метровые шарфы из своих рукавов и заставляли девушек исчезать из ящиков, всегда вызывавших у нее неприятную ассоциацию с гробами.

Они переоделись в широкие плащи и грубые штаны докеров, прикрыли волосы шляпами, подняли воротники, несмотря на теплую погоду, и направились в район складов. Восточный край района напоминал город внутри города, в основном населенный иммигрантами, которые жили в дешевых гостиницах, общежитиях или в труппах из фанеры и гофрированной жести. Кварталы ветхих лачуг делились по языку и национальности. В такое время суток большая часть жителей была на работе на городских фабриках и доках, но в определенных местах, как заметила Инеж, собирались мужчины и женщины, в надежде, что к ним придет какой-нибудь бригадир или босс, чтобы предложить нескольким счастливицам работу на день.

После того как ее освободили из «Зверинца», Инеж бродила по улицам Кеттердама, пытаясь освоиться в этом городе. Девушку поразили шумные толпы, гуляющие по улицам. Она не сомневалась, что если Танте Хелен или один из ее приспешников застанут ее врасплох, то притащат обратно в «Дом экзотики». Но Инеж также знала: если она хочет принести Отбросам пользу и заслужить себе свободу от нового контракта, то не может допустить, чтобы эти странные шумные мостовые взяли над ней верх. Она должна была изучить Кеттердам.

Инеж всегда предпочитала путешествовать по крышам, скрываясь из виду и избегая скопления тел внизу. Там она снова становилась сама собой – девушкой, которой была раньше кем-то, кто не знал страха, и тех жестокостей, которые мог преподнести ей мир. Она познакомилась с остроконечными крышами и подоконниками Зельверштрата, садами и широкими бульварами посольского района. Забиралась далеко на юг, где промышленный район уступал место дурно пахнущим скотобойням и солеварням, спрятанным на самой окраине города, чтобы их отходы можно было слить в болото на границе, и было меньше вероятности, что их вонь донесется до жилых районов. Кеттердам застенчиво открывал перед ней свои секреты, высвечивая как величие, так и убожество.

Теперь они с Казом оставили ночлежки и уличные тележки позади, погружаясь глубже в оживленный район складов, известный как Уток. Здесь улицы и каналы были чистыми и опрятными, а также достаточно просторными, чтобы перевозить товары и груз. Они миновали огороженную территорию с необработанным пиломатериалом и бутовым камнем, тщательно охраняемые запасы оружия и боеприпасов, гигантские склады, наполненные хлопком, шелком, полотном и мехами, а также хранилища, набитые аккуратно взвешенными пачками высушенных листов юрды из Нового Зема, которые обрабатывают и упаковывают в банки с яркими этикетками, а затем отправят на другие рынки.

Инеж до сих пор помнила, как ощутила внезапный толчок, увидев слова «Редкие специи», выведенные на стене одного из складов. Это была реклама, где рядом со словами красовались две сулийки с голыми коричневыми руками и ногами, в легких шелковых нарядах с намеком на вышивку, нанесенную золотыми мазками. Инеж стояла перед ней как вкопанная, не сводя глаз с надписи. Она находилась меньше чем в двух милях от того места, где право на ее тело было куплено, продано и превращено в предмет торговли. Ее сердце заколотилось в груди, паника сковала мышцы. Девушка не могла перестать пялиться на сулиек, на браслеты на их запястьях, на колокольчики вокруг лодыжек. В конце концов она заставила себя двигаться, словно разрушила какое-то заклинание, и побежала быстрее, чем когда-либо, обратно в Клепку, мчась по крышам и не обращая внимания на серый город, мелькающий под ее безрассудными ногами. В ту ночь ей приснилось, что нарисованные девушки ожили. Они оказались в ловушке кирпичной стены склада и кричали, чтобы их освободили, но Инеж ничем не могла им помочь.

«Редкие специи». Надпись находилась на том же месте, поблекнув от солнца. Она все еще имела какую-то власть над Инеж, ее мышцы сжимались, дыхание перехватывало. Но, возможно, когда у нее будет свой корабль, когда она схватит первого работорговца, краска осыплется с кирпичей. Крики тех девушек в шелках цвета мяты обернутся смехом. Они будут танцевать только для себя. Впереди Инеж увидела высокую колонну, увенчанную рукой Гезена, отбрасывавшую длинную тень на сердце керчийского богатства. Она представила, как ее святые обвязывают руку веревками и сваливают ее на землю.

Они с Казом не привлекали посторонних взглядов в своих бесформенных плащах – всего лишь два паренька, ищущих работу или направляющихся на следующую смену. Тем не менее Инеж не чувствовала себя спокойно. Городская стража регулярно патрулировала улицы складского района, кроме того, судоходные компании на всякий случай нанимали частных охранников, чтобы их двери всегда оставались запертыми и рабочие, занимающиеся складированием, укладкой и транспортировкой товаров, не могли прибрать к рукам лишнее. Район складов был одним из самых охраняемых мест в Кеттердаме и поэтому последним местом, где Ван Эк станет их искать.

Они подошли к заброшенному магазину постельного белья. Окна нижних этажей были выбиты, кирпичи над ними почернели от сажи. Должно быть, пожар случился недавно, но помещение не будет долго стоять без дела; его очистят, перестроят или просто снесут и возведут новое здание. В Кеттердаме очень ценилась полезная площадь.

Открыть замок задней двери не было большой проблемой для Каза, и они зашли на первый этаж, который сильно пострадал от пожара. Но лестница при входе неплохо сохранилась. Они поднялись наверх – если Инеж легко парила над ступеньками, то шаги Каза прерывались ритмичным постукиванием трости.

На третьем этаже Каз прошел на склад, где до сих пор хранились сложенные в гигантские пирамиды рулоны льна. В основном они не пострадали, но нижние испачкались в копоти, и от материала неприятно пахло горелым. Тем не менее они были достаточно мягкими. Инеж нашла себе местечко у окна, вытянула ноги на один из рулонов, а другой подсунула под спину. Она была рада просто посидеть, глядя в окно на водянистый дневной свет. Смотреть особо было не на что – только на кирпичные стены хранилищ и на скопление огромных сахарных силосов, маячащих над гаванью.

Каз достал жестянку из-под старой швейной машинки и передал ее Инеж. Она открыла ее и увидела лесные орехи, сухари, завернутые в вощеную бумагу, и закупоренную флягу. Значит, это один из конспиративных домов, о которых так хотел разузнать Ван Эк. Инеж откупила флягу и принялась.

– Вода, – сказал Бреккер.

Она сделала щедрый глоток и съела парочку черствых сухариков. Девушка изголодалась и сильно сомневалась, что сможет поесть горячую пищу в ближайшее время. Каз предупредил ее, что они не могут вернуться на Черную Вуаль до наступления темноты, и, даже тогда навряд ли кто-то из них будет что-то готовить. Она наблюдала, как парень устраивается на стопке рулонов напротив нее, положив рядом трость, но заставила себя отвернуться к окну и не смотреть на точность его движений, на прямую линию челюсти. Теперь смотреть на Каза казалось опасным, хотя раньше он не вызывал у нее такого чувства. Перед глазами возникает поднятый молоток, поблескивающий в свете софитов в «Эйл Комеди». «Он ни за что не пойдет на обмен, если вы искалечите меня». Она была благодарна за тяжесть своих кинжалов. Инеж прикоснулась к ним руками, словно приветствуя старых друзей, и почувствовала, как напряжение внутри нее немного спадает.

– Что ты сказала Ван Эку на мосту? – наконец поинтересовался Каз. – Когда происходил обмен?

– Мы еще встретимся, но только раз.

– Очередная сулийская поговорка?

– Нет, это клятва, которую я дала себе. И Ван Эку.

- Осторожно, Призрак. Ты не приспособлена к игре в месть. Сомневаюсь, что твои сулийские святые это бы одобрили.

- Мои святые не любят шпану. - Она протерла рукавом грязное окно. - Эти взрывы... Как думаешь, остальные в порядке?

- Никто из них не должен был находиться рядом с теми местами, где взорвались бомбы. По крайней мере те, что мы видели. Узнаем больше, когда вернемся на Черную Вуаль.

Инеж это не понравилось. Что, если кто-то пострадал? Что, если не все вернутся на остров? После долгих дней в страхе и ожидании сидеть смирно, пока ее друзья могут быть в беде, было новым поводом для переживания.

Она вдруг поняла, что Каз изучает ее, и повернулась к нему лицом. Солнечный свет просачивался через окна, окрашивая его глаза в цвет крепкого чая. «Он ни за что не пойдет на обмен, если вы искалечите меня». Она вспомнила, что эти слова как будто обожгли ей горло, когда она произносила их.

Каз не сводил с нее глаз, когда сказал:

- Он сделал тебе больно?

Девушка обняла свои колени. *Какая тебе разница? Хочешь убедиться, что я готова подвергнуть себя новой опасности? Чтобы ты мог пополнить список ошибок Ван Эка, за которые его нужно привлечь к ответственности?*

Каз с самого начала оговорил условия их соглашения. Инеж - инвестиция, актив, достойный защиты. Ей же хотелось верить, что они стали кем-то большим друг для друга. Ван Эк лишил ее этой иллюзии. Инеж была целой и невредимой. У нее не осталось шрамов или травм после испытания в «Эйл Комеди», которые не смогут исправить еда и сон. Но Ван Эк все равно забрал у нее кое-что. «Я больше не буду иметь для него ценность». Слова прорвались из какого-то потайного уголка внутри нее, правда, которую она не могла забыть. Ей стоило бы радоваться этому. Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.

Девушка коснулась пальцами места, где молоток задел ее ногу, увидела, что Каз проследил за этим движением, и остановилась. Затем сложила руки на коленях и помотала головой.

- Нет, не сделал.

Бреккер откинулся на спину и медленно прошелся по ней взглядом. Он ей не верил, но у нее не было сил пытаться убедить его в этой лжи.

Каз уперся тростью в пол и соскользнул с кучи рулонов.

- Отдыхай, - сказал он.

- Куда ты идешь?

- У меня есть дела неподалеку от силосов. Заодно попытаюсь добыть новую информацию.

Он оставил свою трость у одного из рулонов.

- Ты не возьмешь ее с собой?

- Она слишком узнаваемая, особенно если Ван Эк подключил к делу городскую стражу. Отдыхай, - повторил он. - Здесь ты в безопасности.

Инеж закрыла глаза. Хотя бы в этом она могла ему довериться.

Когда Каз разбудил ее, солнце уже садилось, окутывая стоящую вдалеке башню Гезена золотистым сиянием. Они покинули склад, заперев его за собой, и присоединились к рабочим, расходящимся по домам. Дальше они двинулись на юго-восток, избегая людных мест Бочки, где, несомненно, патрулировала стража, и направились к жилым районам. В

узком канале они сели в небольшую лодку, которую направили вдоль Графканала в туман, окутывающий остров Черной Вуали.

Инеж почувствовала, как нарастает ее волнение, пока они пробирались между мавзолеями к центру острова. *«Пусть с ними все будет хорошо, – молилась она. – Пусть с ними все будет хорошо»*. Наконец она заметила тусклый свет и услышала тихое бормотание. Девушка бросилась бежать, не обращая внимания на то, что ее шапка соскользнула с головы на поросшую лозами землю. Распахнула дверь в склеп.

Пять человек, сидевших внутри, резко встали, подняв оружие и кулаки, и Инеж замерла.

– Инеж! – взвизгнула Нина.

Она быстро пересекла комнату и крепко сжала подругу в объятиях. Затем все окружили ее и начали обнимать и хлопать по спине. Нина отказывалась ее отпускать. Джеспер обхватил их обеих руками и радостно закричал: «Наш Призрак вернулся!», а Матиас отошел к стене, как всегда сдержанный, но улыбающийся. Девушка перевела взгляд с шуханца, сидящего за столом в центре, на точно такого же шуханца, крутившегося перед ней.

– Уайлен? – спросила она ближайшего.

Его лицо расплылось в улыбке, но она быстро исчезла, когда он сказал:

– Прости за моего отца.

Инеж притянула его к себе и прошептала:

– Мы – не наши отцы.

Каз постучал тростью по каменному полу. Он стоял у входа в гробницу.

– Если все закончили обниматься, нас ждет работа.

– Подожди, – возразил Джеспер, все еще держа Инеж за плечи. – Мы не будем обсуждать работу, пока не разберемся, что это были за существа в Обруче.

– Какие существа? – спросила Инеж.

– Ты что, не заметила, как половина Обруча взлетела на воздух?

– Мы видели, как взорвалась бомба в «Белой розе», а затем услышали второй взрыв.

– В «Кузнице», – уточнила Нина.

– После этого мы убежали.

Джеспер глубокомысленно кивнул.

– Крупнейшая ошибка. Если бы вы остались, то могли бы быть почти убиты шуханцем с крыльями.

– Двумя, – поправил Уайлен.

Инеж нахмурилась.

– Двумя крыльями?

– Двумя шуханцами, – ухмыльнулся Джеспер.

– С крыльями? – продолжала выяснять сулийка. – Как у птицы?

Нина повела ее к захламленному столу, на котором расстелили карту Кеттердама.

– Нет, скорее, как у мотылька – очень смертельного, механического мотылька. Ты голодна? У нас есть шоколадное печенье.

– Ну конечно! – фыркнул Джеспер. – С ней-то ты готова поделиться запасами печенья!

Нина усадила Инеж в кресло и поставила перед ней коробку.

- Ешь, - скомандовала сердцеебка. - Там было два шуханца с крыльями, а также мужчина и женщина, которые выглядели не до конца... нормальными.

- Сила Нины никак на них не повлияла, - пояснил Уайлен.

- Хм-м, - уклончиво прокомментировала Нина, слегка покусывая край печенья. Инеж никогда не видела, чтобы Нина изящно и медленно принимала пищу. Аппетит к ней явно еще не вернулся, но девушка задавалась вопросом: может, дело не только в этом?

Матиас присоединился к ним за столом.

- Шуханка, с которой мы боролись, была сильнее меня, Джеспера и Уайлена, вместе взятых.

- Да-да, вы все верно услышали, - сказал Джеспер. - Сильнее Уайлена.

- Я старался изо всех сил! - возразил тот.

- Определенно, маленький купец. А что за фиолетовая штука там была?

- Мое новое детище. Оно основано на равкианском изобретении под названием «люмия». Пламя практически невозможно потушить, но я изменил формулу, чтобы оно горело намного жарче.

- Нам повезло, что ты с нами, - сказал Матиас с легким поклоном, от которого довольное лицо Уайлена покраснело до кончиков ушей. - Эти существа были почти неуязвимыми и не реагировали на пули.

- Почти, - мрачно произнесла Нина. - У них были сети. Они охотились и брали в плен гришей.

Каз прислонился спиной к стене.

- Они были под паремом?

Девушка покачала головой.

- Нет. Я не думаю, что они гриши. Они не проявляли никаких способностей и не исцеляли свои раны. Выглядело так, словно у них было какое-то металлическое покрытие под кожей.

Она быстро заговорила с Кювеем на шуханском.

Тот застонал.

- Хергуды. - Все недоуменно уставились на него. Он вздохнул и продолжил: - Когда мой отец создал парем, правительство тестировало его на фабриках.

Джеспер склонил голову набок.

- Мне кажется, или твой керчийский стал лучше?

- Я хорошо знаю керчийский. Просто вы слишком быстро говорите.

- Ла-а-адно, - протянул стрелок. - Почему твои любезные шуханские друзья проводили опыты на фабриках?

Он развалился в кресле, опустив руки на револьверы, но Инеж не вполне доверяла его расслабленной позе.

- Среди пленников много фабрикатов, - ответил Кювей.

- Их легче всего поймать, - вмешался Матиас, не обращая внимания на кислый взгляд Нины. - До недавнего времени они почти не получали боевой подготовки, а без парема их способности плохо подходят для битвы.

- Наши лидеры хотят проводить как можно больше экспериментов, - продолжил Кювей. - Но они не знают, сколько гришей им удастся найти...

- Может, им было бы легче, если бы они их не убивали? - предположила Нина.

Кювей кивнул, не заметив или проигнорировав сарказм в ее голосе.

- Да. У них мало гришей, а использование парема сокращает их жизнь. Поэтому они наняли врачей, работающих с фабрикаторами, которые уже зависимы от парема. Они планируют создать новый вид солдат - хергудов. Не знаю, насколько они преуспели.

- Думаю, я могу ответить на этот вопрос большим жирным «да», - вставил Джеспер.

- Специально скроенные солдаты, - задумчиво произнесла Нина. - До войны я слышала, что в Равке пытались сделать нечто подобное - укрепляли скелеты, работали над плотностью костей, вставляли металлические импланты. Ставили эксперименты на волонтерах из Первой армии. Ой, хватит кривиться, Матиас! Твои фьерданские начальники наверняка прибегли бы к тем же методам, если бы им дали время.

- Фабрикаторы специализируются на твердых материалах, - сказал Джеспер. - Металл, стекло, текстиль. Это больше похоже на работу корпоралиов.

«Он до сих пор говорит так, будто не является одним из них», - отметила Инеж. Все они знали, что Джеспер - фабрикат; даже Кювей обнаружил это в хаосе, последовавшем после их побега из Ледового Двора. Тем не менее Джеспер редко признавался в своей силе. Инеж полагала, что это его тайна, и ему самому решать, как ею распоряжаться.

- Портные размывают границу между фабрикаторами и корпоралиями, - сказала Нина. - В Равке у меня была учительница - Женя Сафина. Она могла быть как сердцебиткой, так и фабрикатом, если бы захотела, но вместо этого она стала великой портнихой. Та работа, которую ты описываешь, на самом деле всего лишь продвинутый вид портняжного дела.

Инеж не могла представить себе этого.

- Но вы говорите, что видели мужчину с крыльями, каким-то образом сросшимися с его спиной?

- Нет, они были механическими. Может быть, какой-то металлический каркас и парусина? Но это сложнее, чем просто нацепить кому-то между лопаток крылья. Им бы пришлось связать мышцы, сделать кости полыми, чтобы уменьшить вес тела, затем каким-то образом компенсировать потерю костного мозга, вероятно, полностью заменить скелет. Уровень сложности...

- Парем, - перебил Матиас, нахмутив свои светлые брови. - Фабрикат под действием парема смог бы справиться с подобной перекройкой.

Нина оттолкнулась от стола.

- Торговый совет никак не отреагирует на атаку шуханцев? - спросила она Каза. - Или им позволено просто приплыть в Керчию и начать все подрывать и похищать людей?

- Сомневаюсь, что совет что-то сделает, - ответил он. - Если шуханцы, которые на вас напали, не были одеты в форму, шуханское правительство наверняка будет отрицать любую причастность к этой атаке.

- Значит, им сойдет это с рук?

- Может, и нет. Сегодня я потратил немного времени на сбор информации в портах. Помните те два шуханских военных корабля? Совет приливов осушил всю воду под ними.

Ботинки Джеспера соскользнули со стула и громко ударились об пол.

- Что?!

- Они создали отлив и заставили воду отступить. Всю. Использовали море, чтобы поднять

новый островок с выброшенными на него двумя военными кораблями. С гавани можно увидеть, как они лежат на боку и пачкают паруса в грязи.

– Демонстрация силы, – пробормотал Матиас.

– От имени гришей или города? – полюбопытствовал Джеспер.

Каз пожал плечами.

– Кто знает? Но это может заставить шуханцев действовать осторожнее, когда они снова выйдут на охоту на улицы Кеттердама.

– Может ли Совет приливов нам помочь? – спросил Уайлен. – Если они узнают о пареме, их должно беспокоить, что может произойти, если он попадет не в те руки.

– И как ты их найдешь? – горько поинтересовалась Нина. – Никто их не знает, никто никогда не видел, как они приходят и уходят из тех обелисковых башен. – Инеж внезапно задалась вопросом, не пыталась ли Нина добиться помощи от Совета приливов, когда впервые попала в Кеттердам – шестнадцатилетняя девушка-гриш, находящаяся вдали от родины, без друзей, в незнакомом городе. – Шуханцы не будут бояться вечно. Они не просто так создали этих солдат.

– Умно, если задуматься, – отозвался Каз. – Шуханцы максимизировали свои ресурсы. Гриш, пристрастившийся к парему, долго не живет, так что они нашли другой способ использовать его силу.

Матиас покачал головой.

– Несокрушимые солдаты, которые переживут своих создателей.

Джеспер потер рукой губы.

– И которые могут отправиться на охоту за новыми гришами. Клянусь святыми, один из них обнаружил нас по нашему запаху.

– Это вообще возможно? – с ужасом спросила Инеж.

– Я никогда не слышала, чтобы гриши источали какой-то определенный запах, – ответила Нина, – но, полагаю, это возможно. Если обонятельные рецепторы солдат были улучшены... Может, обычные люди не могут учуять этот запах.

– Сомневаюсь, что это было их первое нападение, – сказал Джеспер. – Уайлен, помнишь, каким напуганным был шквальный в зале с редкими книгами? И что насчет того торгового судна, о котором рассказывал нам Ротти?

Каз кивнул.

– Его разорвали на части, моряки были найдены мертвыми. Тогда все подумали, что это сделал обезумевший шквальный, которого наняли в команду: мол, решил таким способом избавиться от своего контракта. Но, возможно, он не исчез. Возможно, его схватили. Он был одним из бывших гришей советника Худе.

– Эмиль Ретвенко, – прошептала Нина.

– Он самый. Ты его знала?

– Я знала о нем. Большинство гришей в Кеттердаме слышали друг о друге. Мы делимся информацией и пытаемся приглядывать друг за другом. У шуханцев должны быть здесь шпионы, раз они знали, где искать каждого из нас. Другие гриши... – Нина встала и схватилась за спинку стула, словно от резкого движения у нее закружилась голова.

Инеж и Матиас тут же вскочили на ноги.

– Ты в порядке? – спросила Инеж.

– Со мной все прекрасно, – неубедительно улыбнулась Нина. – Но если остальные гриши в Кеттердаме в опасности...

– То что ты сделаешь? – поинтересовался Джеспер, и Инеж удивила грубая напористость в его голосе. – Тебе повезло, что ты выжила после того, что произошло сегодня. Те шуханцы могут учуять нас, Нина. – Он повернулся к Кювею. – И за это нужно поблагодарить твоего отца.

– Эй, – попытался урезонить его Уайлен, – полегче.

– Полегче? Будто раньше гришам жилось недостаточно сложно! Что, если они проследят за нами до Черной Вуали? Нас здесь аж трое!

Каз постучал костяшками пальцев по столу.

– Уайлен прав. Успокойся. Сейчас в городе не более опасно, чем было раньше. Так что предлагаю нам всем сильно разбогатеть и переехать.

Нина уперла руки в бока.

– Мы действительно говорим сейчас о деньгах?

– Мы говорим о работе и о том, чтобы заставить Ван Эка расплатиться.

Инеж взяла подругу под руку.

– Я хочу знать, что мы можем сделать, чтобы помочь гришам, которые все еще в Кеттердаме. – Перед ее мысленным взором блеснул занесенный над нею молоток. – А еще, как мы заставим Ван Эка страдать.

– У нас есть проблемы и посерьезней, – отозвался Матиас.

– Не для меня, – фыркнул Джеспер. – У меня осталось два дня, чтобы наладить отношения с отцом.

Инеж не была уверена, что правильно все расслышала.

– С отцом?

– Ага. Воссоединение семьи в Кеттердаме. Вы все приглашены.

Сулийку не обманул беспечный тон парня.

– Заем?

Его руки вернулись на револьверы.

– Да. Так что мне очень хотелось бы узнать, как именно мы намерены свести счета.

Каз оперся на трость.

– Кто-нибудь из вас задумывался, на что я потратил деньги, которые дал нам Пекка Роллинс?

У Инеж свело живот.

– Ты взял займы у Пекки Роллинса?

– Я бы ни за что не стал должником Роллинса. Я продал ему свои акции Пятой гавани и «Клуба Воронов».

«Нет!» Каз возвел эти места из ничего. Они были свидетельством того, что он сделал для Отбросов.

– Каз...

– На что, по-вашему, ушли деньги? – повторил он.

– На оружие? – спросил Джеспер.

– Корабли? – с сомнением сказала Инеж.

- Бомбы? - предположил Уайлен.

- Взятки политикам? - выдвинула свою версию Нина. Затем все посмотрели на Матиаса. - Тут ты должен сказать, что мы все ужасны, - прошептала она.

Тот пожал плечами.

- Все варианты кажутся практичными.

- Сахар, - ответил Каз.

Джеспер подтолкнул к нему по столу сахарницу.

Бреккер закатил глаза.

- Да не для кофе, дурень! Я использовал деньги, чтобы скупить акции на сахар, и поместил их на личные счета для каждого из нас - под псевдонимами, разумеется.

- Мне не нравятся подобные спекуляции, - сказал Матиас.

- Кто бы сомневался. Тебе нравится то, что ты можешь увидеть. Например, груды снега и благожелательных древесных божков.

- О, вот и он! - воскликнула Инеж, опустив голову на плечо Нины и радостно улыбнувшись Матиасу. - Я скучала по его сердитому взгляду.

- Кроме того, - продолжил Каз, - это едва ли можно назвать спекуляцией, если знаешь, какой будет результат.

- Тебе что-то известно об урожае сахара? - полюбопытствовал Джеспер.

- Мне что-то известно о поставках.

Уайлен сел ровнее.

- Силосы! Силосы в Сладком Рифе.

- Очень хорошо, купчик.

Матиас покачал головой.

- Что еще за Сладкий Риф?

- Это район, расположенный к югу от Шестой гавани, - пояснила Инеж. Она помнила вид огромных силосов нависающих над складским районом. Они были размером с небольшие горы. - Там хранится меласса, сырой тростник и находятся перерабатывающие предприятия для рафинированного сахара. Сегодня мы были как раз неподалеку. Это не случайно, не так ли?

- Нет, - ответил Каз. - Я хотел, чтобы ты осмотрела местность. Большая часть сахарного тростника поступает из Южных Колоний и Нового Зема, но следующие три месяца нового урожая не будет. В этом сезоне урожай уже собрали, обработали, очистили и поместили в силосы Сладкого Рифа.

- Всего тридцать силосов, - подал голос Уайлен. - Десять из них принадлежат моему отцу.

Джеспер присвистнул.

- Ван Эк управляет одной третью мировых поставок сахара?

- Он владеет *силосами*, - поправил его Каз, - но лишь малой долей сахара внутри них. Он содержит силосы за свой счет, нанимает охранников и шквальных, которые контролируют влажность, чтобы сахар оставался сухим и не слипался. Торговцы, владеющие сахаром, выплачивают ему небольшой процент с каждой продажи. Так что его траты быстро окупаются.

- Такое огромное богатство под защитой одного человека, - размышлял Матиас. - Если с этими силосами что-то случится, цена на сахар...

- Выстрелит, как дешевая пара револьверов, - закончил Джеспер, поднимаясь на ноги и начиная мерить шагами помещение.

- Цены взлетят и продолжают расти, - кивнул Каз. - А с недавних пор мы с вами владеем акциями компаний, которые не хранят сахар у Ван Эка. Прямо сейчас они стоят столько, сколько мы за них заплатили. Но как только мы испортим сахар в силосах Ван Эка...

Джеспер начал качаться на пятках.

- Наши акции будут стоить в пять, а то и в десять раз больше, чем сейчас!

- А в двадцать не хочешь?

Стрелок охнул.

- Я только «за».

- Мы сможем продать их и получить огромную прибыль, - сказал Уайлен. - Мы разбогатеет за одну ночь.

Инеж подумала об узкой шхуне, вооруженной тяжелой пушкой. Она может стать ее.

- Разбогатеет на тридцать миллионов крюге? - спросила она. Награда, которую задолжал им Ван Эк за работу в Ледовом Дворе. Которую он никогда и не собирался им выплачивать.

Губы Каза растянулись в слабом намеке на улыбку.

- Плюс-минус миллион.

Уайлен начал грызть большой палец.

- Мой отец сможет справиться с потерей. Но другие торговцы, те, кто владеет сахаром в его силосах, пострадают больше.

- Верно, - кивнул Матиас. - И если мы разрушим силосы, все сразу поймут, что это действие было нацелено на Ван Эка.

- Можем попробовать сделать это похожим на несчастный случай, - предложила Нина.

- Так и будет, - ответил Каз. - Изначально. Благодаря долгоносику. Расскажи им, Уайлен.

Тот подался вперед, как школьник, желающий доказать, что знает ответ, и достал пузырек из кармана.

- Эта версия сработает.

- Это долгоносик? - спросила Инеж, рассматривая его.

- Химический, - ответил Джеспер. - Но Уайлен до сих пор не придумал ему имя. Я голосую за Уайленосик.

- Это кошмарно, - прокомментировал тот.

- Это гениально, - подмигнул Джеспер. - Прямо как ты.

Уайлен залился всеми оттенками розового.

- Я тоже помогал, - добавил Кювей с насупленным видом.

- Это правда, - подтвердил Уайлен.

- Мы непременно сделаем ему мемориальную доску, - сказал Каз. - Объясни им, как он работает.

Парень прочистил горло.

- Я позаимствовал идею у тростникового паразита - одна крошечная бактерия может испортить весь урожай. Как только мы кинем долгоносика в силосную башню, он продолжит внедряться глубже, используя рафинированный сахар в качестве топлива, пока тот не станет ничем иным, как бесполезной кашей.

- Он реагирует на сахар? - спросил Джеспер.

- Да, любого вида. Даже нескольких сахаринок хватит, если будет достаточно влаги, так что держите его подальше от пота, крови и слюны.

- Не облизывайте Уайленосика. Кто-нибудь хочет это записать?

- Эти башни огромны, - заметила Инеж. - Сколько же долгоносиков нам понадобится?

- Один пузырек на каждую башню, - ответил Уайлен.

Инеж ошарашенно посмотрела на маленький стеклянный флакон.

- Серьезно?

- Крошечный и свирепый, - заявил Джеспер и снова подмигнул. - Прямо как *ты*.

Нина разразилась смехом, и Инеж не смогла сдержать ответной улыбки. Ее тело ныло, и она бы предпочла проспать целых два дня подряд, но девушка все равно почувствовала, как тугой узел внутри начинает разматываться, высвобождая весь ужас и злость, накопившиеся за последнюю неделю.

- Долгоносик сделает так, чтобы уничтожение сахара выглядело как несчастный случай, - сказал Уайлен.

- Так и будет, - кивнул Каз, - пока другие торговцы не узнают, что Ван Эк скупал сахар, который не хранится в его силосных башнях.

Глаза Уайлена расширились.

- Что?!

- На наши акции я потратил лишь половину денег. На остальное я приобрел акции от имени Ван Эка - ну, если точнее, то от его холдинговой компании, созданной под именем Элис. Не мог же я действовать настолько очевидно. Акции были приобретены за наличные, так что их нельзя отследить. Но сертификаты со всеми нужными печатями, подтверждающие их покупку, будут найдены в офисе его адвоката.

- Корнелис Смит! - удивленно воскликнул Матиас. - Обман на обмане. Ты не просто пытался выяснить, где держат Элис Ван Эк, когда пробрался в его кабинет.

- Нельзя выиграть, ведя лишь одну игру, - ответил Каз. - Когда сахар испортится, это сильно ударит по репутации Ван Эка. Но когда люди, которые платили ему за хранения сахара, узнают, что он нажился на их беде, они решат более внимательно осмотреть силосы.

- И найдут остатки долгоносика, - закончил Уайлен.

- Уничтожение имущества, махинации с рынком, - пробормотала Инеж. - Это станет его концом. - Ей вспомнилось, как Ван Эк жестом приказал своему лакею взять молоток. «Мне не нужен обычный перелом. Раздробь кость». - Его могут отправить в тюрьму?

- Ему будет предъявлено обвинение в нарушении условий договора и попытке вмешательства в рыночные операции. По законам Керчии нет большего преступления, чем это. Приговор тот же, что и для убийц. Его могут повесить.

- Так и будет? - тихо спросил Уайлен. Он нарисовал пальцем линию на карте Кеттердама, от Сладкого Рифа до самой Бочки и заканчивая улицей Гельдштрат, где жил его отец. Ян Ван Эк пытался убить Уайлена. Отрекся от него, как от мусора. Но Инеж не видела, чтобы Уайлен был готов приговорить своего отца к смерти.

- Сомневаюсь, что его повесят, - помотал головой Бреккер. - Я думаю, что ему выдвинут менее серьезное обвинение. Вряд ли кто-то из Торгового совета захочет отправить одного из своих на виселицу. А вот увидит ли он когда-нибудь тюремную камеру изнутри? - парень пожал плечами. - Зависит от того, насколько хорош его адвокат.

- Но ему запретят участвовать в торговле, - сказал Уайлен таким голосом, словно сам едва мог в это поверить. - Его имущество будет конфисковано, чтобы восполнить ущерб от испорченного сахара.

- Империи Ван Эка придет конец, - сказал Каз.

- А как насчет Элис?

Бреккер снова пожал плечами.

- Никто не поверит, что она имела какое-то отношение к финансовой схеме. Элис подаст заявление на развод и, скорее всего, переедет обратно к родителям. Поплачет с недельку, попоет с две, а затем забудет обо всем этом, как о страшном сне. Возможно, она выйдет замуж за принца.

- Или за учителя музыки, - вставила Инеж, вспомнив панику Бажана, когда тот услышал, что Элис похитили.

- Есть только одна ма-а-аленькая проблемка, - сказал Джеспер, - и под «маленькой» я имею в виду «огромная, вопиющая, так что давайте забудем об этом и пойдем выпьем». Силосные башни. Я знаю, что мы с вами любим преодолевать непреодолимое, но как мы попадем внутрь?

- Каз может взломать замок, - ответил Уайлен.

- Нет, - произнес тот, - не могу.

- Не думаю, что слышала, чтобы с твоих уст когда-либо слетали подобные слова, - отозвалась Нина. - Повтори, пожалуйста, только медленно и четко.

Бреккер ее проигнорировал.

- У них замки-четыrehлистники. Четыре ключа должны провернуться в четырех замках сразу, или сработает сигнализация и все двери закроются. Я могу взломать любой замок, но не четыре одновременно.

- Тогда как мы попадем внутрь? - спросил Джеспер.

- Силосы также открываются сверху.

- Эти башни высотой почти в двадцать этажей! Инеж собирается подняться и спуститься с десяти силосов за одну ночь?

- Нет, всего на один.

- И что тогда? - поинтересовалась Нина, вновь уперев руки в бока и метая молнии своими зелеными глазами.

Инеж вспомнила высокие башни и промежутки между ними.

- Тогда, - откликнулась она, - я пройду по канату с одного силоса на другой.

Нина всплеснула руками.

- И все это без сетки, я так полагаю?

- Гафа никогда не выступает со страховочной сеткой! - возмущенно ответила девушка.

- А как часто Гафа выступает на высоте в двадцать этажей над мостовой, пробыв неделю в плену?

- Будет тебе сетка, - оборвал их Каз. - Она уже спрятана за сторожкой, под мешками с

песком.

Тишина в гробнице была внезапной и оглушающей. Инеж не верила собственным ушам.

– Мне не нужна сетка.

Каз сверился с часами.

– Я тебя не спрашивал. У нас есть шесть часов, чтобы выспаться и набраться сил. Я возьму все, что необходимо из «Цирка Зиркоа». Они разбили лагерь на западной окраине города. Инеж, составь список, что тебе может понадобиться. Мы ударим по силосам через двадцать четыре часа.

– Ни в коем случае, – отрезала Нина. – Инеж нужен отдых.

– Верно, – согласился Джеспер. – Она выглядит такой тощей, что ее сдует малейший ветерок.

– Я в порядке, – возразила девушка.

Стрелок закатил глаза.

– Ты всегда так говоришь.

– Разве не все здесь так поступают? – полюбопытствовал Уайлен. – Мы говорим Казу, что в порядке, а затем делаем какие-то глупости.

– Мы настолько предсказуемые? – улыбнулась сулейка.

– Да! – хором ответили Уайлен с Матиасом.

– Вы хотите победить Ван Эка? – спросил Бреккер.

Нина раздраженно выдохнула.

– Конечно.

Каз осмотрел всех присутствующих, переводя взгляд с одного лица на другое.

– Правда? Вы хотите получить свои деньги? Деньги, ради которых мы дрались, проливали кровь и чуть не утонули? Или вы хотите, чтобы купец обрадовался, что выбрал для этой аферы кучку ничтожеств из Бочки? Потому что никто другой не накажет его за нас. Всем остальным плевать, что он обманул нас и что мы только зря рисковали жизнями. Никто другой не свершит правосудия. Поэтому я спрошу еще раз, вы хотите победить Ван Эка?

– Да, – ответила Инеж. Она хотела хоть какой-то справедливости.

– Несомненно, – подтвердила Нина.

– И намотать ему на уши флейту Уайлена, – ухмыльнулся Джеспер.

Все кивнули один за другим.

– Ставки поменялись, – сказал Каз. – Судя по сегодняшней маленькой демонстрации торговца, вероятно, уже к утру по всему Кеттердаму будут развешаны плакаты о розыске с нашими лицами. Могу поспорить, что он предложит довольно соблазнительную награду. Он играет на всеобщем доверии к себе, и чем раньше мы его уничтожим, тем лучше. Мы заберем его деньги, репутацию, свободу – и все за одну только ночь. Но это значит, что мы не можем останавливаться. Каким бы сердитым он ни был, сегодня вечером Ван Эк роскошно поужинает и впадет в беспокойный сон на своей мягкой купеческой кровати. Те ослы из городской стражи дадут отдых своим усталым головушкам, пока не наступит время для следующей смены, гадая, заработают ли они немного сверхурочных. Но мы не должны останавливаться. Часы тикают. Отдохнем, когда разбогатеем. Согласны?

Все снова закивали.

- Нина, по периметру силосных башен патрулирует стража. Ты будешь их отвлекать – несчастная равкианка, новенькая в городе, которая ищет работу в складском районе. Тебе нужно будет занять их на достаточно долгое время, чтобы остальные успели пробраться внутрь и Инеж поднялась на первую башню. Затем...

- При одном условии, – перебила Нина, скрестив руки.

- Это не переговоры.

- С тобой все – переговоры, Бреккер. Не удивлюсь, если ты выторговал себе путь из утробы матери. Если я это сделаю, то хочу, чтобы мы вывезли всех остальных гришей из города.

- Забудь об этом. Я не занимаюсь благотворительностью для беженцев.

- Тогда я уйду.

- Хорошо. Уходи. Ты все равно получишь свою долю денег за работу в Ледовом Дворе, но ты не нужна мне в этой команде.

- Нет, – тихо отозвалась Инеж. – Но тебе нужна я.

Каз положил трость себе на колени.

- Похоже, все тут создают альянсы.

Инеж вспомнила блики солнца в его карих глазах всего пару часов назад. Теперь они были цвета горького переваренного кофе. Но она не собиралась отступить.

- Это называется дружбой, Каз.

Он перевел взгляд на Нину.

- Мне не нравится, когда ставят условия.

- А мне не нравятся туфли, которые жмут, но все мы должны страдать. Считай это вызовом твоему чудовищному мозгу.

После длинной паузы Каз поинтересовался:

- И о каком количестве людей мы говорим?

- В городе примерно тридцать гришей, о которых я знаю, не считая Совета приливов.

- И как ты планируешь их всех собрать? Раздашь брошюры, направляющие их на гигантский плот?

- Возле равкианского посольства есть одна таверна. Мы пользуемся ею, чтобы оставлять послания и обмениваться информацией. Я смогу распространить новость оттуда. Останется только достать корабль. Ван Эк не может следить за всеми гаванями.

Инеж не хотела спорить, но и молчать было нельзя:

- Думаю, может. За его спиной стоит все могущество городского правительства. И ты не видела его реакцию, когда он узнал, что Каз осмелился похитить Элис.

- Пожалуйста, скажи, что у него пена пошла изо рта, – взмолился Джеспер.

- Ну, почти.

Каз проковылял к выходу из гробницы и всмотрелся в темноту.

- Вряд ли решение вмешать в наши разборки город далось ему легко. Это риск, а он бы не пошел на него, если бы не намеревался извлечь из него выгоду в полной мере. Все гавани и сторожевые башни на берегу будут начеку, с приказом допрашивать любого, кто попытается покинуть Кеттердам. Он просто скажет, что знает, что похитители Уайлена могут захотеть вывезти его из Керции.

- Пытаться вывезти всех гришей будет невероятно опасно, – подал голос Матиас. – Последнее, что нам нужно, – это чтобы их группа попала в руки Ван Эка, ведь у него до сих пор могут храниться запасы парема.

Джеспер забарабанил пальцами по рукояткам револьверов.

- Нам нужно чудо. И, возможно, бутылка виски. Помогает работе головного мозга.

- Нет, – медленно выговорил Каз. – Нам нужно судно. Судно, которое не вызовет подозрений, чтобы у Ван Эка и городской стражи не было никаких причин его останавливать. Нам нужен один из *его* кораблей.

Нина подалась вперед и села на край стула.

- У торговой компании Ван Эка, должно быть, полно судов, отплывающих в Равку.

Матиас сложил свои мощные руки и задумался.

- Вывезти беженцев-гришей на одном из кораблей самого Ван Эка?

- Нам понадобится поддельный манифест и документы о транзите, – сказала Инеж.

- Как думаете, почему Шпекта выгнали из военно-морского флота? – спросил Каз. – Он подделывал документы об отпуске и заказы на поставки.

Уайлен потянул себя за губу.

- Но тут вопрос не о парочке документов. Предположим, что беженцев тридцать. Капитан судна захочет узнать, почему тридцать человек...

- Тридцать один, – вмешался Кювей.

- О, ты успеваешь следить за разговором? – недоверчиво поинтересовался Джеспер.

- Корабль в Равку, – кивнул Кювей. – Это я хорошо понял.

Каз пожал плечами.

- Если уж мы украдем судно, то вполне можем посадить и тебя на него.

- Значит, тридцать один, – улыбнулась Нина, хотя, судя по тому, как заходила желваками челюсть Матиаса, он не разделял ее радости.

- Ладно, – сказал Уайлен, разглаживая складку на карте. – Но капитан наверняка задастся вопросом, почему к его манифесту прибавили еще тридцать одного человека.

- Нет, если он будет думать, что это секретная миссия, – ответил Каз. – Ван Эк напишет ему письмо, пылко призывающее использовать максимальную осторожность в транспортировке этих ценных политических беженцев, и просящее спрятать их от всех, кто восприимчив к взяткам от шуханцев – включая городскую стражу – любой ценой. Купец пообещает капитану огромную награду, когда тот вернется, просто чтобы убедиться, что *он* не вобьет себе в голову идею продать гришей. У нас уже есть образец почерка Ван Эка. Нужна только его печать.

- Где он ее хранит? – спросил Джеспер Уайлена.

- В своем кабинете. По крайней мере, раньше она была там.

- Нам придется пробраться в дом и выбраться оттуда, чтобы он этого не заметил, – отозвалась Инеж. – И после этого действовать надо быстро. Как только Ван Эк поймет, что его печать пропала, то сможет догадаться, что мы задумали.

- Мы вломились в Ледовый Двор, – ухмыльнулся Каз. – Думаю, мы справимся с кабинетом торговца.

- Стоит также заметить, что мы чуть не умерли, пока вламывались в Ледовый Двор.

- Несколько раз, если меня не подводит память, – задумчиво протянул Джеспер.

- Мы с Инеж украли у Ван Эка Де Каппеля. Нам известен план дома. Все будет нормально.

Уайлен снова провел пальцем по улице Гельштрат.

- Но вам не приходилось взламывать сейф моего отца.

- Ван Эк держит печать в сейфе? – хохотнул Джеспер. – Впечатление, что он *хочет*, чтобы мы ее забрали. У Каза лучше получается заводить дружбу с кодовыми замками, чем с людьми!

- Такого сейфа вы еще не видели. Он приобрел его после кражи Де Каппеля. У него семизначный код, который сбрасывается каждый день, и замки сделаны с фальшивыми тумблерами, чтобы сбить с толку взломщиков.

Каз пожал плечами.

- Значит, обойдемся без них. Я предпочту целесообразность изяществу.

Уайлен покачал головой.

- Стенки сейфа изготовлены из уникального сплава, армированного сталью гришей.

- Взрыв? – предложил Джеспер.

Каз выгнул бровь.

- Подозреваю, Ван Эк его заметит.

- Малюсенький взрыв?

Нина фыркнула.

- Тебе лишь бы что-то подорвать.

- На самом деле... – начал Уайлен. Затем склонил голову набок, словно прислушивался к далекой песне. – Утром он все равно узнает, что мы там побывали, но если нам удастся отправить беженцев с гавани до того, как мой отец заметит кражу... Я пока точно не знаю, где взять материалы, но это может сработать...

- *Инеж*, – прошептал Джеспер.

Та быстро подалась вперед, внимательно глядя на Уайлена.

- Он что-то замышляет?

- Возможно.

Уайлен словно пробудился ото сна.

- Вовсе нет! Но... кажется, у меня есть идея.

- Мы ждем, купчик, – сказал Каз.

- По сути, долгоносик – это гораздо более стабильная версия золотой кислоты.

- Верно, – кивнул Джеспер. – Само собой разумеется. И что это?

- Коррозионное вещество. Оно выделяет небольшое количество жара, вступая в реакцию, но оно невероятно мощное и изменчивое. Оно может разъесть сталь гришей и вообще что угодно, кроме бальзового стекла.

- Стекла?

- Стекло и сок бальзы нейтрализуют коррозию.

- И где его можно найти?

- Один из нужных мне ингредиентов можно отыскать на металлургическом заводе. Они используют коррозионное вещество, чтобы очистить металл от окиси. А вот второй найти не так просто. Нам нужен карьер с серной жилой или другим подобным галоидным соединением.

- Ближайший карьер в Олендале, - сказал Каз.

- Пойдет. Когда у нас будут обе составляющие, нам придется быть очень осторожными с их транспортировкой, - продолжал Уайлен. - Вообще-то нам нужно быть даже более чем осторожными. После завершения реакции золотая кислота становится практически безвредной, но пока она активна... Ну, это хороший способ потерять обе руки.

- Зна-а-ачит, - протянул Джеспер, - *если* мы достанем эти ингредиенты *и* сможем разделить их на время транспортировки, *и* активируем эту золотую кислоту, *и* не потеряем пару конечностей в процессе?..

Уайлен потянул себя за волосы.

- Мы сможем проделать дыру в двери сейфа за считанные минуты.

- Не повредив его содержимое? - уточнила Нина.

- Будем надеяться.

- Будем надеяться, - повторил Каз. - Что ж, я работал при условиях и похуже. Нам нужно выяснить, какие корабли отплывают в Равку завтра вечером, и посадить Шпекта работать над манифестом и документами о транзите. Нина, когда мы подберем подходящее судно, твоя маленькая банда беженцев сможет самостоятельно добраться до доков, или им нужно, чтобы их и для этого подержали за ручку?

- Я не знаю, насколько хорошо они знают город, - призналась она.

Каз забарабанил пальцами по набалдашнику трости.

- Мы с Уайленом можем заняться сейфом. Джеспер проведет гришей, и мы наметим маршрут, чтобы Матиас доставил Кювея к докам. Но тогда Нине придется самой отвлекать охрану и натянуть сетку для Инеж под силосами. Для сетки требуется как минимум три человека, чтобы от нее был хоть какой-то прок.

Инеж потянулась и осторожно размяла плечи. Было приятно снова находиться в компании этих людей. Она отсутствовала всего несколько дней, и они сидели в сыром склепе, но она все равно чувствовала себя как дома.

- Я же говорила, - сказала девушка. - Я не работаю с сеткой.

Каз

Отбросы строили планы до глубокой ночи. Казу не нравились изменения в их плане, как и перспектива управления группой гришей Нины. Но хоть он и не подавал виду остальным, в этом новом курсе присутствовали элементы, которые его привлекали. Была вероятность, что Ван Эк, узнав о нападении шуханцев, лично отправится на поиски оставшихся в городе гришей. Они были оружием, которое Каз не хотел видеть в купеческом арсенале.

Но нельзя было позволить, чтобы эта маленькая спасательная операция их тормозила. С таким количеством противников, учитывая вмешательство городской стражи, они не могли себе этого позволить. Со временем шуханцы перестанут волноваться из-за своих выброшенных на сушу военных кораблей и Совета приливов и выйдут на Черную Вуаль. Каз хотел как можно скорее вывести Кювея из игры и увезти его из города.

Наконец они отложили свои списки и наброски. Остатки их импровизированного ужина убрали со стола, чтобы не привлекать крыс Черной Вуали, а лампы потушили.

Остальные лягут спать. Каз – нет. Он говорил всерьез – у Ван Эка больше денег, больше союзников и вся мощь городских властей. Они не могут быть просто умнее его – они должны быть безжалостными, в том числе по отношению к себе. Каз видел то, чего не могли понять остальные. Сегодня они выиграли битву; они хотели забрать Инеж у Ван Эка, и у них это получилось. Но торговец продолжал выигрывать войну.

То, что Ван Эк рискнул подключить к делу городскую стражу, а как следствие, и Торговый совет, означало, что он искренне верил в свою неуязвимость. У Бреккера до сих пор была записка от купца, в которой он договаривался о встрече на Вельгелюке, но это было слабое доказательство его интриг. Он помнил, что сказал Пекка Роллинс в «Изумрудном дворце», когда Каз заявил, что Торговый совет ни за что не поддержит незаконную деятельность Ван Эка. «А кто им расскажет? Канальная крыса из худшей трущобы в Бочке? Не обманывай себя, Бреккер».

В тот момент Каз едва соображал из-за красной пелены ярости, опускавшейся на его глаза всякий раз, когда он находился в обществе Роллинса. Она лишала разума, который направлял его, терпения, на которое он опирался. Рядом с Пеккой он терял форму того, кем являлся – нет, он терял форму того, кем отчаянно пытался стать. Он не был Грязными Руками, Казом Бреккером или даже самым жестоким лейтенантом Отбросов. Он был просто мальчишкой, подпитываемым белым пламенем гнева, который грозил сжечь дотла напускной образ выстраданной корректности, поддерживаемый им с таким трудом.

Но теперь, опираясь на свою трость среди могил Черной Вуали, он мог признать правду в словах Пекки. Нельзя идти на войну с таким преуспевающим торговцем, как Ван Эк, если ты бандит с репутацией грязнее, чем подошва конюха. Чтобы выиграть, Казу придется уравнять силы. Он покажет миру то, что давно знает: несмотря на ухоженные руки и роскошные костюмы, Ван Эк – такой же преступник, как и любой головорез из Бочки. Даже хуже, потому что его слово ничего не стоит.

Каз не услышал шагов Инеж, просто почувствовал, что она рядом, стоит у разрушенных колонн белого мраморного мавзолея. Ей где-то удалось раздобыть мыло, чтобы помыться, и запах сырых комнат «Эйл Комеди» – этот слабый намек на сено и грим, – исчез. Ее черные волосы блестели в лунном свете, уже аккуратно собранные в пучок на шее. Девушка стояла так неподвижно, что ее легко можно было спутать с одним из кладбищенских каменных стражей.

– Зачем нам сетка, Каз?

Да, зачем им сетка? Зачем прибегать к методам, которые усложняют спланированное им нападение на силосные башни и вдвое увеличат вероятность, что их раскроют? *Я не вынесу, если ты упадешь.*

– Я только что прошел через большие трудности, чтобы вернуть своего паука. И сделал это не для того, чтобы ты размозжила свой череп на следующий же день.

- Ты защищаешь свои инвестиции, – ответила она, и ее голос звучал почти смиренно.
- Верно.
- И ты уплываешь с острова.

Его должно больше беспокоить, что она может угадать его следующий шаг.

- Ротти сказал, что старик становится нервным. Мне нужно пригладить его перышки.

Пер Хаскель по-прежнему являлся лидером Отбросов, и Каз знал, что ему нравится эта должность, но не работа, которая шла к ней в довесок. Поскольку Каз так долго отсутствовал, дела банды пошли на спад. Кроме того, когда Хаскель становился дерганным, то любил делать что-то глупое, просто чтобы напомнить людям, кто здесь главный.

- Нам стоит приглядывать за домом Ван Эка, – сказала Инеж.

- Я позабочусь об этом.

- Он увеличит свою охрану. – Остальное осталось невысказанным. Никто не подходил лучше, чтобы проскользнуть мимо защиты Ван Эка, чем Призрак.

Ему следовало бы сказать, чтобы она отдохнула, что он справится со слежкой в одиночку. Вместо этого Каз кивнул и направился к одной из гондол, спрятанных в ивах, игнорируя облегчение, которое он почувствовал, когда Инеж последовала за ним.

После шумной дневной передряги каналы казались более тихими, чем обычно, а вода – неестественно неподвижной.

- Как думаешь, Западный Обруч успел оправиться к сегодняшней ночи? – поинтересовалась Инеж тихим голосом. Она, как и любая канальная крыса, научилась быть осторожной, когда приходило время путешествовать по водным путям Кеттердама.

- Сомневаюсь. Городская стража начнет расследование, а туристы приехали в город не для того, чтобы почувствовать адреналин, когда тебя взрывают на кусочки.

Многие компании потеряют деньги. Каз подозревал, что к утру лестница у входа в Штадхолл будет кишеть владельцами домов удовольствий и гостиниц, требующих ответов. Может выйти интересное шоу. *Вот и хорошо.* Пускай члены Торгового совета займутся и другими проблемами, помимо Яна Ван Эка и его пропавшего сына.

- Ван Эк наверняка многое поменял с тех пор, как мы украли Де Каппеля.

- К тому же он знает, что Уайлен теперь с нами, – согласилась Инеж. – Где мы встретимся со стариком?

- В «Костяшке».

Они не могли перехватить Хаскеля в Клепке. Ван Эк наверняка держал штаб-квартиру Отбросов под наблюдением, а теперь, вполне вероятно, вокруг нее кружила и городская стража. Мысль о том, как эти неотесанные офицеры обыскивают комнаты и роются в его скудных пожитках, вызывала у Каза яростное покалывание по всей коже. Клепка не могла похвастаться роскошью, но он превратил ее из протекающей норы в место, где можно было полечиться от похмелья сном или залечь и спрятаться от властей, не отмораживая себе задницу зимой и не расчесываясь до крови от блох летом. Клепка принадлежала ему, что бы там себе ни думал Пер Хаскель.

Каз направил гондолу в Зоверканал на восточной границе Бочки. Пер Хаскель любил собирать своих приближенных в трактире «Ясная погода» в одну и ту же ночь каждую неделю, здесь он встречался со своими закадычными друзьями, чтобы поиграть в карты и обменяться сплетнями. Он ни за что не пропустит эту встречу сегодня, когда его любимый лейтенант – его *пропавший* любимый лейтенант – начал вражду с членом Торгового совета и принес столько бед Отбросам. Это давало старику возможность побыть в центре внимания.

Ни одно окно не выходило на «Костяшку», и вел к ней кривой проулок, изгибающийся между многоквартирным домом и фабрикой, производившей низкокачественные сувениры. Там было тихо, темно и так узко, что его едва можно было назвать проулком – идеальное место для засады. Этот маршрут от Клепки до «Ясной погоды» был не самый безопасный, но зато самый прямой, а Пер Хаскель никогда не мог отказать себе в короткой дороге.

Каз пришвартовал лодку у небольшого пешеходного моста, и они с Инеж заняли свои места в тени и стали ждать, в абсолютном молчании, что неудивительно. Меньше чем через двадцать минут в свете фонарей у входа в проулок появился мужской силуэт с дурацким пером в шляпе.

Каз дождался, пока мужчина подойдет совсем близко, прежде чем выступить вперед.

– Хаскель.

Старик развернулся, доставая пистолет. Несмотря на свой возраст, двигался он довольно быстро, но Бреккер знал, что тот потянется за оружием, и был готов. Он быстро уколол кончиком трости плечо Хаскеля – достаточно, чтобы у того онемела рука.

Хаскель закричал и выпустил оружие. Инеж поймала пистолет прежде, чем тот успел упасть на землю, и бросила его Казу.

– Бреккер! – сердито произнес старик, пытаясь пошевелить нерабочей рукой. – Где ты, черт возьми, пропадал? И какой подонок осмелится нападать на собственного босса в подворотне?

– Я не пытаюсь тебя ограбить. Просто не хотел, чтобы ты кого-то пристрелил, прежде чем у нас появится возможность поговорить. – Каз протянул пистолет Хаскелю рукояткой вперед. Старик выхватил его из ладони и упрямо выдвинул подбородок с седой бородкой.

– Ты, как всегда, превышаешь свои полномочия, – проворчал он, засовывая оружие в карман шишковатого клетчатого жакета, не дотянувшись до кобуры своей недееспособной рукой. – Ты знаешь, сколько проблем ты на меня сегодня обрушил, парень?

– Знаю. Поэтому я здесь.

– Городская стража ползает по всей Клепке и «Клубу Воронов». Нам пришлось закрыть заведение, и кто знает, когда мы сможем снова заработать. О чем ты думал, когда похищал сына купца? Это была та большая работа, ради которой ты уехал из города? Которая, как предполагалось, должна была сделать меня таким богатым, как мне и не снилось?

– Я никого не похищал. – Не совсем правда, но Каз знал, что Пер Хаскель не поймет все тонкости.

– Тогда что, во имя Гезена, происходит?! – яростно зашептал Хаскель, брызжа слюной во все стороны. – У тебя мой лучший паук, – продолжил он, указывая на Инеж. – Мой лучший стрелок, моя сердцевитка, мой самый здоровый вышибала...

– Маззен мертв.

– Твою мать! – выругался старик. – Сперва Большой Боллигер, теперь Маззен. Ты пытаешься прихлопнуть всю мою банду?

– Нет, сэр.

– Сэр! Что ты задумал, парень?

– Ван Эк ведет быструю игру, но я все еще на шаг впереди него.

– Что-то не похоже.

– Вот и славно. Лучше, чтобы этого никто не ждал. Маззен был потерей, которой я не

ожидал, но дай мне еще несколько дней, и власти не только перестанут дышать тебе в затылок, но и твоя казна будет такой тяжелой, что ты сможешь наполнить ванну золотом и поплавать в нем.

Хаскель прищурился.

– О каких деньгах мы говорим?

«Так-то лучше», – подумал Каз, наблюдая, как жадность засияла в глазах старика, – рычаг в действии.

– Четыре миллиона крюге.

Глаза Хаскеля округлились. От тяжелой жизни в Бочке и большого количества алкоголя его белки пожелтели.

– Ты пытаешься ко мне подмазаться?

– Я же говорил, что это крупное дело.

– Не важно, какой толщины пачка, если я буду в тюрьме. Мне не нравится, когда власти лезут в мои дела.

– Мне тоже, сэр. – Хаскель мог сколько угодно насмехаться над его манерами, но Каз знал, что старик обожал, когда к нему проявляли уважение, и гордость Бреккера вполне могла с этим справиться. Когда он получит свою долю денег Ван Эка, то навсегда перестанет подчиняться чужим приказам и тешить тщеславие Пера Хаскеля. – Я бы не поставил нас в это положение, если бы не знал, что мы выйдем из этого чистенькими, как мальчишки-хористы, и богатыми, как святые. Все, что мне нужно, это еще немного времени.

Каз невольно вспомнил, как Джеспер точно так же торговался со своим отцом, и эта мысль ему не понравилась. Пер Хаскель никогда ни о ком не заботился, кроме себя и следующего бокала с выпивкой, но ему нравилось считать себя патриархом большой семьи с преступными наклонностями. Каз мог себе признаться, что привязался к старику. Он дал ему место, с которого можно было начать, и крышу над головой – даже если это Бреккер сделал так, чтобы она не протекала.

Старик поддел пальцами карманы жилета. Он устраивал представление, делая вид, что обдумывает предложение Каза, но жадность Хаскеля была надежнее, чем точно заведенные часы. Каз знал, что на самом деле тот уже думал, как потратит свои крюге.

– Ладно, парень, – ответил Хаскель. – Я могу выделить тебе немного веревки, чтобы повеситься. Но если я узнаю, что ты пытаешься меня обмануть, ты сильно об этом пожалеешь.

Каз сделал серьезное лицо. Угрозы Хаскеля были такими же пустыми, как его хвастовство.

– Конечно, сэр.

Хаскель фыркнул.

– Сделка есть сделка. И Призрак останется со мной.

Каз почувствовал, как напряглась Инеж.

– Она нужна мне для работы.

– Возьми Редера. Он достаточно проворный.

– Не для этого.

Теперь Хаскель ошетинился и выпятил грудь, фальшивый сапфир на его булавке для галстука заблестел в тусклом свете.

– Ты видел, что устроил Пекка Роллинс? Он только что открыл новый игорный дом прямо

напротив «Клуба Воронов». – Каз видел его. «Каэльский принц». Очередной бриллиант в империи Роллинса, огромный дворец для ставок, окрашенный в ярко-зеленый и золотой цвет в качестве нелепой дани уважения родине Пекки. – Он оказывает давление на наши точки. Мне нужен паук, а она – лучшая.

– Это может подождать.

– А я говорю, что нет. Сходи в Геменсбанк. Там ты увидишь мое имя в верхнем углу ее контракта, а это значит, что я диктую, куда она пойдет.

– Понял, сэр, – ответил Каз. – И как только я найду ее, то дам ей знать.

– Она прямо... – Хаскель запнулся и открыл рот от удивления. – Она была прямо здесь!

Каз едва подавил улыбку. Пока Пер Хаскель бушевал, Инеж просто растворилась в тени и бесшумно взобралась вверх по стене. Старик осмотрел проулок и поднял взгляд к верхушкам крыш, но Инеж давно и след простыл.

– Верни ее обратно, – гневно прорычал Хаскель, – *сейчас же!*

Каз пожал плечами.

– Думаешь, я могу подняться по этим стенам?

– Это моя банда, Бреккер. Она тебе не принадлежит.

– Она никому не принадлежит, – ответил он, чувствуя, как его снова обжигает белое пламя гнева. – Но мы все скоро вернемся в Клепку.

На самом деле Джеспер уплывет из города вместе со своим отцом, Нина направится в Равку, Инеж будет на корабле под собственным командованием, а Каз приготовится навсегда расстаться с Хаскелем. Но у старика будут его крюге, чтобы утешиться.

– Наглый мелкий ублюдок! – рыкнул Хаскель.

– Наглый мелкий ублюдок, который сделает вас одним из самых богатых боссов в Бочке.

– Уйди с дороги, парень. Я опаздываю на игру.

– Надеюсь, карта пойдет, – Каз отошел в сторону. – Но вам может понадобится это. – Он вытянул руку. В его ладони в перчатке лежали шесть пуль. – На случай потасовки.

Хаскель резко достал пистолет из кармана и открыл барабан. Там было пусто.

– Ах ты, маленький... – Затем он громко рассмеялся и забрал пули с ладони Каза, качая головой. – В тебе течет кровь самого дьявола, парень. Отправляйся за моими деньгами.

– И не только за ними, – пробормотал Каз, слегка приподняв шляпу, и поковылял по проулку обратно к гондоле.

Каз оставался в напряжении, лишь слегка расслабился, когда лодка заплывла за пределы Бочки в более тихие воды, граничащие с финансовым районом. Здесь улицы были практически пустыми, и не так ощущалось присутствие городской стражи. Когда гондола скользнула под Ледбридж, он заметил тень, отделяющуюся от перил. Через секунду Инеж присоединилась к нему в узкой лодчонке.

Каз боролся с соблазном вернуться на Черную Вуаль. Он почти не спал в последние дни, а его нога так полностью и не оправилась после того, через что он заставил ее пройти в Ледовом Дворе. В конце концов его тело перестанет повиноваться командам.

Словно прочитав его мысли, Инеж сказала:

– Я справлюсь со слежкой. Встретимся на острове.

Черта с два. Ей не избавиться от него так просто.

- С какой стороны ты хочешь подобраться к дому Ван Эка?

- Начнем с Церкви Бартера. С ее крыши хорошо виден дом.

Каз был не в восторге от услышанного, но все равно повернул их к Берсканалу и поплыл мимо Биржи и величественного фасада отеля «Гельдреннер», в котором, вероятно, громко храпел в своем номере отец Джаспера.

Они пришвартовали гондолу рядом с церковью. Сияние свечей лилось из дверей главного собора, который оставляли открытым для посетителей в любое время, приветствуя тех, кто хотел вознести молитвы Гезену.

Инеж могла бы без особых усилий подняться по внешней стене, и Каз, возможно, тоже бы с этим справился, но он не собирался испытывать себя в ночь, когда его нога кричала при каждом шаге. Ему нужен был доступ к одной из часовен.

- Тебе необязательно подниматься, - произнесла Инеж, когда они прокрались вдоль стены и нашли вход в часовню.

Каз ничего не ответил и быстро вскрыл замок. Они скользнули внутрь затемненного зала, затем поднялись по лестнице на два пролета. Часовни располагались одна поверх другой, как многослойный торт, каждая из которых была сделана по поручению разных торговых семей Керчии. Еще один взломанный замок, и они снова начали взбираться по чертовой лестнице. Эта скручивалась узкой спиралью до самого люка на крышу.

Церковь Бартера была построена как рука Гезена - просторный собор расположен на ладони с пятью приземистыми нефами, идущими вдоль пяти пальцев, кончики которых заканчивались часовнями. Они поднялись к часовне на кончике мизинца и теперь лезли на крышу главного собора, а затем на безымянный палец Гезена, пробираясь по зубчатым пригоркам скользких фронтонов и узким каменным выступам.

- Почему все боги так любят, чтобы им поклонялись на высоте? - проворчал Каз.

- Это люди стремятся к величию, - ответила Инеж, проворно прыгая рядом, словно ее ноги знали какую-то тайную топографию. - Святые слышат молитвы, где бы их ни произносили.

- И отвечают на них по настроению?

- То, что ты хочешь и в чем нуждается мир, не всегда согласуется, Каз. Молитва и желание - это разные вещи.

Но они в равной степени бесполезны. Каз проглотил свой ответ. Он был слишком сосредоточен, стараясь не разбиться насмерть, чтобы должным образом участвовать в споре.

Они остановились на кончике безымянного пальца и осмотрелись. На юго-западе увидели высокие шпили собора, Биржу, сверкающую башню с часами отеля «Гельдреннер» и длинную полосу Берсканала, протекающего под Зентсбриджем. Но если посмотреть на восток, то с этой крыши открывался чудесный вид на Гельдштрат, Гельдканал и величественный дом Ван Эка.

Это хорошая смотровая точка, чтобы наблюдать за охраной, которую купец расставил вокруг дома и на канале, но она не давала им всей необходимой информации.

- Нам придется подойти поближе, - сказал Каз.

- Знаю, - ответила Инеж, доставая моток веревки из тунки и цепляя ее на один из флеронов на крыше. - Будет быстрее и безопасней, если я изучу дом Ван Эка в одиночку. Дай мне полчаса.

- Ты...

- К тому времени как ты вернешься к гондоле, у меня уже будет вся нужная информация.

Он ее убьет.

- Ты затащила меня сюда просто так!

- Твоя гордыня затащила тебя сюда. Если Ван Эк сегодня почувствует неладное, все кончено. Эта работа не для двоих, и ты это знаешь.

- Инеж...

- На кону и мое будущее, Каз. Я не учу тебя взламывать замки или строить коварные планы. Я хороша в этом, так что позволь мне делать свою работу. - Она дернула и натянула веревку. - Только подумай, сколько у тебя будет времени на молитву и мирное созерцание по пути вниз.

И с этими словами она исчезла за бортиком часовни.

Каз стоял как дурак, глядя на то место, где она находилась всего секунду назад. Инеж обманула его. Порядочный, честный, набожный Призрак перехитрила его. Он обернулся, чтобы посмотреть на длинные просторы крыши, по которым ему предстояло идти, чтобы вернуться к лодке.

- Будь ты проклята со своими святыми, - сказал он сам себе и вдруг понял, что улыбается.

Настроение Каза решительно изменилось в худшую сторону к тому времени, как он сел в гондолу. Он не возражал, что она одурачила его, просто его злило, что Инеж была права. Он прекрасно знал, что сейчас не в той форме, чтобы пытаться вслепую пробраться в дом Ван Эка. Эта задача *не рассчитана* на двоих, и они так не работали. Инеж - Призрак, лучшая похитительница секретов в Бочке. Собирать знания незамеченной - ее специальность, а не его. Он также признавал, что был благодарен за минутку спокойствия, за то, что мог просто посидеть, вытянув ногу, пока вокруг ласково плескалась вода в канале. Так почему же он настоял на том, чтобы сопровождать ее? Это опасные мысли - те, которые и привели к похищению Инеж.

«Я выше этого», - сказал себе Каз. К полуночи завтрашнего дня Кювей уплывет из Кеттердама. Через несколько дней они получат свою награду. Инеж будет вольна следовать своей мечте об охоте на работоторговцев, а он избавится от этого безумия, которое ему мешает. Он соберет новую банду, созданную из самых молодых и беспощадных членов «Отбросов». Каз вернется к обещанию, данному в память о Джорди, - к кропотливой задаче кирпичик за кирпичиком разрушать жизнь Пекки Роллинса.

И, тем не менее, его взгляд неустанно возвращался к дорожке у канала, а нетерпение росло. В умении ждать он был лучшим. Ожидание - часть криминальной жизни, которая многим людям была не по силам. Они хотели действовать, вместо того чтобы сохранять спокойствие и собирать информацию. Они хотели получить мгновенные знания, но не учиться. Чтобы добиться большего результата, - нужно просто ждать, в этом весь фокус. Если тебе не нравится погода, ты не бежишь в бурю - ты ждешь, пока она пройдет. Ты находишь способ остаться сухим.

«Блестяще, - подумал Каз. - Так где же она, черт возьми?»

Через пару долгих минут девушка бесшумно приземлилась в гондолу.

- Выкладывай, - приказал он, выводя их в канал.

- Элис все еще живет в комнате на втором этаже. К ее двери приставили стражника.

- Кабинет?

- В том же месте, прямо по коридору. На всех внешних окнах в доме установили замки Шуйлера. - Каз раздраженно выдохнул. - Это проблема? - поинтересовалась Инеж.

- Нет. Замки Шуйлера не остановят взломщика, который чего-то стоит, но они отнимают

много драгоценного времени.

– Я с ними не справилась, так что мне пришлось дожидаться, пока один из слуг на кухне откроет заднюю дверь. – Он плохо обучил ее взламывать замки. Она бы справилась с Шуйлером, если бы всерьез взялась за это дело. – Они принимали поставки, – продолжала девушка. – Из тех крох, что мне удалось услышать, я поняла, что прислуга готовится к завтрашнему вечернему приему для Торгового совета.

– Вполне логично, – кивнул Каз. – Он сыграет роль обезумевшего от горя отца и убедит их подключить к поискам больше городской стражи.

– Они послушаются?

– У них нет причин отказывать ему. И все получают справедливое предупреждение замести своих любовниц, или кого там еще они хотят скрыть от общественности, под ковер.

– Бочка так просто не сдастся.

– Нет, – ответил Каз, когда гондола скользнула мимо песчаной отмели, упирающейся в Черную Вуаль, напрямик в туман острова. – Никто не хочет, чтобы купцы лезли в их бизнес. Есть предположение, во сколько свершится этот маленький прием для совета?

– Повара жаловались, что им нужно успеть накрыть стол к ужину. Сойдет за неплохой отвлекающий фактор.

– Именно. – В этом они лучше всего, когда между ними не было ничего, кроме работы, с которой они справлялись вместе без всяких осложнений. Казу стоило бы остановиться на этом, но он должен был знать. – Ты сказала, что Ван Эк не причинял тебе боли. Расскажи мне правду.

Они заплыли в убежище ив. Инеж не сводила глаз с их белых ветвей.

– Это правда.

Они вылезли из гондолы, убедились, что она полностью замаскирована, и направились к берегу. Каз следовал за Инеж и ждал, пока ее настроение переменится. Луна начала заходить, очерчивая могилы Черной Вуали – словно миниатюрные горизонты, выгравированные серебром. Коса Инеж выбилась из пучка и упала ей на спину. Парень представил, как наматывает ее себе на руку, потирает пальцами переплетенные локоны. И что потом? Он прогнал эту мысль.

Когда до каменного корпуса оставалось всего несколько ярдов, Инеж остановилась и стала наблюдать, как туман закручивается вокруг веток.

– Он собирался сломать мне ноги, – сказала она. – Раздробить их молотком, чтобы они никогда не зажили.

Мысли о лунном сиянии и шелковистых волосах испарились в черных клубах ярости. Каз увидел, как Инеж потянула за рукав на левом предплечье, где когда-то была татуировка «Зверинца». У него было отдаленное представление о том, что ей довелось там пережить, но он знал, каково оказаться беспомощным, и Ван Эку удалось снова заставить ее почувствовать себя так. Каз научит этого самодовольного сукиного сына новому языку, языку страданий.

Джеспер и Нина были правы. Инеж нуждалась в отдыхе и возможности прийти в себя после последних дней. Он знал, какая она сильная, но также понимал, что для нее значило находиться в плену.

– Если ты не готова к работе...

– Я готова к работе, – упрямо перебила она, все еще стоя к нему спиной.

Молчание между ними обратилось темной водой. Он не мог перейти ее. Не мог перейти черту между порядочностью, которой Инеж заслуживала, и жестокостью, которую требовал выбранный ими путь. Если он попытается, то это может привести к тому, что

они оба погибнут. Каз способен быть только тем, кем являлся на самом деле – парнем, который был не в состоянии утешить ее. Поэтому он даст ей нечто другое.

– Я уничтожу Ван Эка, – тихо произнес он. – Я нанесу ему рану, которую нельзя зашить, после которой нельзя оправиться. Ту, которая не затягивается.

– Ту, что пережил ты?

– Да. – Это было обещание. Признание.

Девушка нервно втянула воздух. Слова вылетали из нее, как череда выстрелов, словно она возмущалась самым актом их произношения:

– Я не знала, придешь ли ты.

Каз не мог винить в этом Ван Эка. Он сам зародил в ней это сомнение каждым холодным словом, каждой даже малой жестокостью.

– Мы – твоя команда, Инеж. Мы не бросаем своих на милость продажных подонков. – Это не тот ответ, который ему хотелось дать. Не тот, который ей хотелось услышать.

Когда она повернулась к нему, ее глаза горели от гнева.

– Он собирался *сломать мне ноги*, – произнесла она, высоко задрав подбородок, с еле заметной дрожью в голосе. – Ты бы пришел за мной в этом случае, Каз? Если бы я не могла подниматься по стене и ходить по канату? Если бы я не была больше Призраком?

Грязные Руки не пришел бы. Парень, который мог вытащить их из этой передраги, вернуть их деньги, сохранить им жизни, сделал бы ей любезность и избавил от страданий, затем сократил свои потери и двинулся бы дальше.

– Я бы пришел за тобой, – сказал он и, увидев ее настороженный взгляд, повторил: – Я бы пришел за тобой. А если бы не смог идти, то приполз бы, и какими бы сломанными мы ни были, мы бы пробили себе путь на свободу вместе – с острыми кинжалами и раскаленными пистолетами. Потому что так мы и поступаем. Мы никогда не перестаем бороться.

Поднялся ветер. Тихо зашептали ветви ивы, как будто сплетничали. Каз смотрел Инеж в глаза и видел в них отражение луны, два луча света. Она была права, когда проявляла осторожность. Даже по отношению к нему. Особенно к нему. Осторожность гарантировала выживание.

Наконец она кивнула, слегка опустив подбородок. Они молча вернулись в гробницу. Ивы продолжили бормотать.

Нина

Нина проснулась задолго до рассвета. Как обычно, ее первая сознательная мысль была о пареме, и, как обычно, у нее не было аппетита. Жажда наркотика едва не свела ее с ума прошлой ночью. Попытки воспользоваться своей силой при нападении солдат-хергудов привели к тому, что она отчаянно нуждалась в дозе, и девушка потом еще долгие часы ворочалась в кровати из стороны в сторону, впиваясь ногтями в кожу и оставляя на ладонях кровавые полумесяцы.

Утром она почувствовала себя разбитой, и все же у нее была цель, которая помогла ей заставить себя подняться с кровати. Потребность в пареме что-то в ней загасила, и порой Нина боялась, что потухшая искра уже никогда не загорится. Но сегодня, несмотря на боль в суставах, сухость кожи и вкус нечищенной печки во рту, она почувствовала *надежду*. Инеж вернулась. У них была работа. И она сделает что-то полезное для своих людей. Даже если ей пришлось шантажировать Каза Бреккера и воззвать к его порядочности, чтобы добиться этого.

Матиас уже проснулся и собирал оружие. Нина потянулась и зевнула, преувеличенно выгибая спину и довольно отмечая, как взгляд парня скользнул по ее фигуре, прежде чем виновато вернуться к винтовке, которую он заряжал. *Какая прелесть*. На днях она практически набросилась на него. Матиас не захотел воспользоваться ее предложением, она хотя бы убедилась, что он чертовски жалеет об этом.

Остальные тоже уже встали и занимались своими делами – все, кроме Джеспера, который мирно посапывал в койке с торчащими из-под одеяла длинными ногами. Инеж заваривала чай. Каз сидел за столом и обсуждал наброски с Уайленом, а Кювей наблюдал за ними и иногда вносил свои правки. Нина изучающе посмотрела на двух шуханцев, стоящих рядом друг с другом. Поведением и осанкой Уайлен полностью отличался от Кювея, но когда мальчишки отдыхали, их было практически невозможно отличить. «*Я это сделала*», – подумала Нина. Она помнила покачивание корабельных ламп в той маленькой каюте, рыжеватые кудри Уайлена, исчезающие под ее пальцами, чтобы смениться копной густых черных волос, его широкие голубые глаза, испуганные, но упрямые и храбрые, окрашивающиеся золотом и меняющие форму. Это казалось волшебством, истинной магией, сродни той, о которой рассказывали сказки учителя в Малом дворце, чтобы убаюкать их перед сном. И это была ее магия.

Инеж села рядом с ней с двумя чашками горячего чая в руке.

– Как ты себя чувствуешь? – поинтересовалась она. – Есть будешь?

– Вряд ли. – Нина заставила себя сделать глоток чая, а затем сказала: – Спасибо тебе за вчерашнее. За то, что заступилась за меня.

– Это было правильно. Я не хочу смотреть, как кого-то другого превращают в раба.

– Все равно.

– Не за что, Нина Зеник. Можешь отплатить мне традиционным способом.

– Вафлями?

– Горой вафель!

– Тебе они нужны. Ван Эк тебя не кормил, не так ли?

– Я не отличалась любезностью, но он пытался какое-то время.

– А потом?

– А потом он решил пытать меня.

Кулаки Нины сжались.

– Я развешу его внутренности, как гирлянды для вечеринок.

Инеж рассмеялась и опустила голову на плечо подруги.

– Я ценю твою решимость. Правда. Но этот долг выплачивать мне. – Она выдержала паузу. – Хуже всего был страх. После Ледового Двора мне казалось, что меня уже ничем не запугать.

Нина уткнулась подбородком в шелковистые волосы Инеж.

– Зоя говорила, что страх – это феникс. Можно тысячу раз смотреть, как он сгорает, но он все равно будет возвращаться.

Потребность в пареме была такой же.

К ним подошел Матиас.

– Нам скоро уходить. До рассвета осталось чуть больше часа.

– Что это ты на себя напялил? – поинтересовалась Нина, глядя на стеганую шапку и шерстяной красный жилет, который Матиас надел поверх одежды.

– Каз достал нам документы на случай, если мы остановимся в равкианском квартале. Мы Свен и Катрин Альфссон. Фьерданские перебежчики, ищущие укрытия в равкианском посольстве.

В этом был смысл. Если их остановят, Матиас ни за что не сможет выдать себя за равкианца, но Нина с легкостью сойдет за фьерданку.

– Мы женаты, Матиас? – спросила она, строя глазки.

Он сверился с документами и нахмурился.

– Насколько я понимаю, мы брат с сестрой.

К ним приплелся Джеспер, потирая глаза со сна.

– Что вы, это совсем не страшно.

Нина насупилась.

– Зачем ты сделал нас родственниками, Бреккер?

Каз даже не оторвал взгляд от бумаг, которые изучал.

– Потому что Шпекту было легче подделать документы именно таким образом, Зеник. Одинаковые имена родителей и место рождения. К тому же ему пришлось работать в сжатые сроки, чтобы удовлетворить твои благородные порывы.

– Мы совсем не похожи.

– Вы оба высокие, – попыталась найти сходство Инеж.

– А еще у нас обоих нет жабр, – сказала Нина. – Но это не делает нас похожими на родственников.

– Так перекрой его, – сухо отрезал Каз.

Вызов в его глазах было ни с чем не спутать. Значит, он знал, что у нее проблемы. Разумеется. Грязные Руки ничего не упускал из виду.

– Я не хочу, чтобы меня кроили, – возразил Матиас. Нина не сомневалась, что это правда, но подозревала, что он также пытался уберечь ее гордость.

– Да все с вами будет в порядке, – беспечно произнес Джеспер, пытаясь разрядить обстановку. – Просто сведите свои томные взгляды к минимуму и попытайтесь не лапать друг друга на публике.

С этим проблем быть не должно...

- Вот, - сказал Матиас, вручая ей светлый парик, который она использовала для работы со Смитом, и стопку одежды.

- Хорошо бы она была моего размера, - проворчала девушка.

У нее возникло искушение раздеться прямо посреди гробницы, но она подумала, что Матиаса может схватить удар от такой непристойности. Она взяла лампу и промаршировала в одну из боковых катакомб, чтобы переодеться. У нее не было зеркала, но она видела, что платье было поразительно безвкусным, а для маленькой вязаной жилетки у нее вообще не нашлось слов. Когда она вышла из прохода, Джеспер согнулся от хохота, брови Каза взлетели к линии волос, и даже губы Инеж слегка дрогнули.

- Святые, - кисло буркнула Нина. - Насколько все ужасно?

Инеж прочистила горло.

- Ну, ты и вправду выглядишь слегка...

- Обворожительно, - закончил Матиас.

Нина только собралась рявкнуть на него, что не оценила сарказма, но тут заметила выражение его лица. Парень выглядел так, словно кто-то вручил ему корзинку, полную щенков.

- Ты могла бы быть девой в первый день Рённигсджеля.

- Что такое Рённигсджел? - полюбопытствовал Кювей.

- Какой-то праздник, - ответила Нина. - Точно не помню. Но я уверена, что в него входит поедание огромного количества лосиного мяса. Пошли, болван-переросток... и не забывай, что я твоя сестра, так что хватит на меня так пялиться.

- Как так?

- Будто я сделана из мороженого.

- Я не люблю мороженое.

- Матиас, боюсь, после такого признания мы не можем больше общаться.

Но Нине не удалось скрыть удовольствие в своем голосе. Похоже, ей придется запастись уродливой вязаной одеждой.

От Черной Вуали они поплыли на северо-запад, вместе с лодками, направляющимися на утренний рынок неподалеку от Штадхолла. Равкианское посольство находилось на краю правительственного сектора, спрятанное в широком изгибе канала, который выходил на просторную водную магистраль. Когда-то этот пролив был болотом, но его засыпала и замуровала строительная компания, которая намеревалась использовать участок для того, чтобы возвести грандиозный отель и парадную площадку. Деньги закончились прежде, чем строительство успело начаться. Теперь здесь возник рынок, битком набитый деревянными прилавками и тележками, появлявшимися каждое утро и исчезающими каждый вечер, когда начиналось патрулирование этого района городской стражей. Сюда приходили беженцы, туристы, новые иммигранты и старые экспатрианты, чтобы найти знакомые лица и обычаи. В нескольких кафе неподалеку подавали пельмени и соленую сельдь. За столиками на веранде сидели старики, прихлебывая квас и читая равкианские газеты многонедельной давности.

Когда Нина впервые застряла в Кеттердаме, то подумывала найти убежище в посольстве, но боялась, что ее отправят домой, где она и должна была быть, чтобы служить во Второй армии. Как она могла им объяснить, что не может вернуться в Равку, пока не освободит фьерданского дрюскеля, которого лично засадила в тюрьму по ложным обвинениям? После этого она редко посещала Малую Равку. Ей было слишком больно гулять по этим улицам, которые так напоминали о доме и в то же время так от него отличались.

Тем не менее, когда она увидела золотого двуглавого орла Ланцовых, рассекающего голубые просторы, ее сердце подпрыгнуло, как скаковая лошадь через преграду. Рынок напомнил ей об Ос Керво – оживленном городе, служившем столицей Западной Равки до объединения, – вышитые шали и сверкающие самовары, аромат свежего ягненка, жарящегося на вертеле, вязанные шерстяные шапки и помятые оловянные иконки, поблескивающие на утреннем солнце. Если закрыть глаза на узкие керчийские здания с остроконечными крышами, возникала иллюзия, что она находится дома. Опасная иллюзия. На этих улицах могло случиться все что угодно.

Несмотря на тоску по родине, когда они с Матиасом проходили мимо купцов и торговцев, она со стыдом подумала, каким же все здесь выглядит убогим и старомодным. Даже люди, нарядившиеся в традиционные равкианские наряды, больше походили на реликвии из другого времени, сошедшие со страниц народной сказки. Неужели год, проведенный в Кеттердаме, сделал с ней это? Каким-то образом изменил ее взгляд на собственный народ и обычаи? Ей не хотелось в это верить.

Когда Нина очнулась от своих размышлений, то поняла, что они с Матиасом привлекают много недружелюбных взглядов. Несомненно, у равкианцев накопилось немало предубеждений против фьерданцев, но тут было что-то другое. Затем девушка посмотрела на Матиаса и вздохнула. Его лицо выглядело встревоженным, а когда он был встревоженным, то смотрелся зловеще. И тот факт, что его телосложение напоминало танк, на котором они умчались из Ледового Двора, никоим образом не помогал улучшить впечатление.

– Послушай, Матиас, – пробормотала она на фьерданском и дернула его за руку, надеясь, что это выглядит дружелюбно и по-сестрински, – тебе обязательно испепелять всех взглядом?

– Я никого не испепеляю.

– Мы – фьерданцы в равкианском районе. Мы уже выделяемся. Лучше не будем давать остальным дополнительных поводов думать, что ты собираешься организовать засаду на рынке. Нам нужно выполнить эту задачу, не привлекая лишнего внимания. Представь, что ты шпион.

Его брови еще ближе свелись к переносице.

– Подобная работа недостойна честного солдата.

– Тогда актер. – Он фыркнул с отвращением. – Да ты вообще когда-нибудь бывал в театре?!

– В Джерхольме ставят спектакли каждый сезон.

– Дай угадаю – трезвые празднества, которые длятся несколько часов и где рассказывают легенды о героях прошлого?

– На самом деле они очень увлекательные. Но я ни разу не видел актера, который умел бы правильно держать свой меч.

Нина фыркнула и хохотнула.

– Что? – Матиас недоуменно взглянул на нее.

– Ничего. В самом деле, ничего. – Она научит Матиаса понимать скрытые смыслы в другой раз. Или, может, не стоит этого делать? Он был гораздо смешнее, когда находился в полном неведении.

– Что это? – спросил он, указывая на скатерть одного из продавцов. На ней были выложены аккуратные ряды чего-то напоминавшего палочки и обломки камней.

– Кости. Пальцы, суставы, позвонки, сломанные кусочки запястий. Мощи святых. Для защиты.

Матиас отпрянул с отвращением.

- Равкианцы носят с собой человеческие кости?
- А вы разговариваете с деревьями. Это суеверие.
- Это действительно мощи святых?

Нина пожала плечами.

- Их откапывают на кладбищах и полях сражений. В Равке их полно. Если людям нравится верить, что они носят с собой локоть Санкт-Эгмонда или мизинчик Санкты-Алины...

- Кто вообще решил, что Алина Старкова была святой? - проворчал Матиас. - Она была могущественным гришом. Это не одно и то же.

- Ты так уверен? - полюбопытствовала Нина, чувствуя, как в ней пробуждается злость. Одно дело, когда она считает равкианские обычаи немного отсталыми, а другое - когда их осуждает Матиас. - Я собственными глазами видела Ледовый Двор, Матиас. Неужели легче поверить, что это место было возведено рукой бога, чем гришом с талантами, которые твои люди не понимают?

- Это совершенно другое.

- Алина Старкова была нашей ровесницей, когда ее сделали мученицей. Она была обычной девочкой и пожертвовала собой, чтобы спасти Равку и уничтожить Тенистый Каньон. В твоей стране тоже есть люди, которые поклоняются ей как святой.

Матиас нахмурился.

- Это не...

- Если ты скажешь «неестественно», я сделаю тебе зубы как у бобра.

- Ты действительно на это способна?

- Я определенно могу попробовать. - Она была несправедлива. Равка была ее домом, но для Матиаса она считалась вражеской территорией. Может, он и нашел способ смириться с ней, но для того, чтобы он принял целую нацию с ее культурой, потребуется куда больше работы. - Возможно, мне стоило пойти одной. Ты можешь подождать у лодки.

Парень напрягся.

- Ни в коем случае. Ты понятия не имеешь, что тебя может ждать А если шуханцы добрались и до твоих друзей...

Нине не хотелось об этом думать.

- Тогда ты должен успокоиться и постараться выглядеть дружелюбным.

Матиас встряхнул руки, расслабил лицо, пожал плечами и поник.

- Дружелюбный, а не сонный! Просто... представь, что все прохожие - это котята, которых ты пытаешься не испугать.

Дрюскель выглядел глубоко оскорбленным.

- Животные меня любят!

- Ладно. Тогда представь, что они дети. Застенчивые малыши, которые боятся, что ты не будешь вести себя с ними мило.

- Хорошо, я попытаюсь.

Когда они подошли к следующему прилавку, пожилая хозяйка покосилась на Матиаса с подозрением. Нина ободряюще кивнула ему.

Матиас широко улыбнулся и прогремел нараспев:

- Здравствуй, маленький друг!

Настороженность женщины сменилась озадаченностью. Нина решила, что это прогресс.

- Как твои делишки? – спросил Матиас.

- Что, простите? – пискнула женщина.

- Не обращайтесь внимания, – сказала Нина на равкианском. – Он просто поражался, как красиво стареют равкианки.

Хозяйка расплылась в улыбке, демонстрируя дырки между зубами, и окинула Матиаса оценивающим взглядом с головы до пят.

- Меня всегда привлекали фьерданцы. Спроси его, не хочет ли он поиграть в Принцессу и Варвара, – захихикала она.

- Что она сказала? – поинтересовался Матиас.

Нина закашлялась и увела его за руку.

- Что ты очень приятный молодой человек и гордость фьерданской расы. О-о-о, смотри, блины! Я сто лет их не ела!

- Она использовала слово «бабинк». Ты уже называла меня так прежде. Что оно значит?

Нина направила свой взгляд на стопку тонких, как бумага, блинчиков с маслом.

- Это значит «сладкий пирожочек».

- Нина...

- Варвар.

- Да я просто спросил, чего сразу обзывать!

- Нет, «бабинк» значит варвар. – Матиас обернулся на старуху, и его испепеляющий взгляд вернулся в полной мере. Нина схватила его за руку. Все равно что держаться за валун. – Она не пыталась оскорбить тебя, клянусь!

- «Варвар» – это не оскорбление? – спросил он, повышая голос.

- Нет. Ну, вообще да. Но не в этом контексте. Она хотела узнать, не сыграешь ли ты с ней в Принцессу и Варвара.

- Это игра?

- Не совсем.

- Тогда что?

Нине самой не верилось, что она действительно попытается объяснить ему это. Они продолжили идти по улице, и она сказала:

- В Равке есть популярная серия рассказов о, э-э, храбром фьерданском воине...

- Правда? – поразился Матиас. – Он герой?

- В каком-то роде. Он похищает равкианскую принцессу...

- Этого бы никогда не произошло.

- В истории произошло, и... – она прочистила горло, – ...они проводят много времени вместе, пытаясь узнать друг друга поближе. В его пещере.

- Он живет в пещере?

- Это очень уютная пещера. Меха. Драгоценные кубки. Медовуха.

- Ага, - кивнул он с одобрением. - Сокровищница, как у Ансгара Могучего. Значит, они становятся союзниками?

Нина взяла пару вышитых перчаток с другого стенда.

- Тебе нравятся? Может, прикупим Казу что-то с цветочным орнаментом? Оживим его внешний вид.

- И чем заканчивается история? Они сражаются в бою?

Нина пораженно швырнула перчатки обратно в кучу одежды.

- Они узнают друг друга в *интимном* плане.

У Матиаса отвисла челюсть.

- В пещере?!

- Понимаешь, он очень задумчивый и мужественный, - спешно продолжила девушка. - Но он влюбляется в равкианскую принцессу, что позволяет ей сделать его более цивилизованным...

- *Цивилизованным*?!

- Да, но это происходит лишь в третьей части.

- Их три?!

- Матиас, тебе не нужно присесть?

- Ваша культура отвратительна! Сама мысль о том, что равкианка может цивилизовать фьерданца...

- Успокойся, пожалуйста.

- Возможно, я напишу рассказ о ненасытных равкианцах, которые любят напиваться, раздеваются где попало и пристают к несчастным фьерданцам.

- А вот *это* уже интересно! - Матиас покачал головой, но Нина увидела, как подрагивают его губы. Она решила воспользоваться этим преимуществом. - Мы могли бы сыграть, - тихо пробормотала она, чтобы никто вокруг не услышал.

- Определенно нет.

- В какой-то момент он моет ее.

Матиас оступился.

- Зачем ему...

- Она связана, так что у него нет другого выбора.

- Замолчи.

- Уже раздаешь приказы? Истинный варвар! Или мы могли бы поменяться ролями. Я буду варваром, а ты - принцессой. Но тебе придется часто вздыхать, дрожать и закусывать губу.

- Как насчет того, что я закушу *твою* губу?

- Ты начинаешь входить во вкус, Хельвар.

- Ты пытаешься отвлечь меня.

- Ага. И это работает. Ты ни разу не испепелил никого взглядом последние два квартала. Кстати, мы пришли.

- Что теперь? – любопытствовал парень, осматривая толпу.

Они подошли к несколько покосившейся таверне. У входа стоял мужчина с тележкой и продавал стандартные иконки и небольшие статуэтки Санкты-Алины, сделанные в новом стиле – Алина с поднятым кулаком и ружьем в руке, под ее ногами поверженные тела крылатых волькр. У основания статуэтки была выгравирована надпись: «Ребе два Волкшия», что означает «Дочь народа».

- Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил мужчина на равкианском.

- Да здравствует юный король Николай! – ответила ему Нина. – Долгого ему царствования.

- С легким сердцем, – ответил мужчина.

- И крепкими кулаками, – завершила Нина кодовую фразу.

Торговец оглянулся через плечо.

- Займите второй столик слева от входа. Закажите что-нибудь, если хотите. Вскоре к вам кто-нибудь подойдет.

В таверне показалось темно и прохладно после ярко освещенной солнцем площади, и Нина часто заморгала, чтобы рассмотреть помещение. Пол был посыпан опилками, и за несколькими столиками сидели люди и разговаривали, перед ними стояли стаканы с квасом и блюда с сельдью.

Нина и Матиас заняли свободный стол.

Позади них захлопнулась дверь. В ту же секунду остальные посетители вскочили из-за столов, повалив стулья на пол, и наставили на Нину и Матиаса пистолеты. *Ловушка!*

Не тратя времени на раздумья, Отбросы тоже вскочили и встали спиной к спине, готовые к битве – Матиас с поднятыми пистолетами, а Нина – руками.

Из глубины таверны вышла девушка в капюшоне и с поднятым воротником, скрывающим большую часть лица.

- Не стоит шуметь, – сказала она, сверкая своими золотистыми глазами в тусклом свете. – В драке нет нужды.

- Тогда к чему столько оружия? – поинтересовалась Нина, пытаясь оттянуть время.

Незнакомка подняла руку, и девушка почувствовала, как ее пульс начал замедляться.

- Она сердцебитка! – воскликнула Нина.

Матиас быстро достал что-то из кармана. Нина услышала хлопок и свист, и через секунду воздух наполнился темно-красной дымкой. Уайлен сделал для него сумрачную бомбу? Это была техника дрюскелей, чтобы затуманить обзор сердцебиту. Под прикрытием дымки Нина сжала пальцы, надеясь, что ее сила откликнется на зов. Она ничего не чувствовала от окружающих их тел – ни жизни, ни движений.

Но в уголке своего сознания она ощутила нечто иное, другой вид силы, впадину с холодной водой на глубине озера, бодрящий электрический удар, который пробудил ее клетки. Он казался знакомым – она уже чувствовала нечто подобное, когда убила стражника в ночь похищения Элис, но этот был гораздо сильнее. У него были форма и текстура. Она позволила себе нырнуть в этот холод, слепо и жадно потянувшись за ощущением бодрствования, и вскинула руки в движении, которое было в равной степени инстинктивным и искусным.

Окна таверны лопнули и посыпались в помещение градом из стекла. Воздух рассекли кусочки костей, изрешетив, словно шрапнелью, вооруженных мужчин. *«Мощи из тележки продавца!»* – осенило Нину. Каким-то образом ей удалось взять кости под контроль.

- У них есть подкрепление! – крикнул один из мужчин.

- Открыть огонь!

Нина приготовилась к удару пуль, но в следующую секунду почувствовала, как у нее выбили почву из-под ног. В один момент она стояла на полу таверны, а уже в следующий ее спина ударилась об балки крыши, и она смотрела на опилки на полу. Люди, напавшие на нее с Матиасом, тоже висели под потолком.

В дверном проеме кухни стояла молодая женщина, и ее блестящие черные волосы отливали синевой в тусклом свете.

- Зоя? - ахнула Нина, глядя на нее сверху и пытаясь отдышаться.

Зоя вышла на свет - видение в сапфировых шелках, ее манжеты и подол были обшиты плотными серебряными узорами. Ее глаза с густыми ресницами округлились.

- Нина?

Внимание Зои ослабло, и они все опустились на метр, прежде чем девушка снова вскинула руки, и их прибило обратно к балкам.

Зоя удивленно смотрела на Нину.

- Ты жива, - сказала она. Затем ее взгляд скользнул к Матиасу, трепыхающемуся, как крупнейшая и злейшая бабочка, которую когда-либо прокалывали булавкой. - И завела новых друзей.

Уайлен

Уайлен давно не плавал на судах таких размеров, с тех пор как пытался покинуть город полгода назад, и было трудно не вспоминать о той катастрофе, особенно когда мысли о его отце были еще свежи в памяти. Но эта посуда существенно отличалась от той, на которой он пытался уплыть в ночь побега. Эта лодка курсировала по рыночному каналу два раза в день. Она перевозила овощи, домашний скот и другую продукцию, которую фермеры доставляли на рынки, разбросанные по всему городу. Ребенком он думал, что все это производится в Кеттердаме, но довольно скоро узнал, что, хотя город и мог обеспечить себя практически всем, лишь малая доля товаров была отечественного производства. Экзотические фрукты – манго, питайя, маленькие ароматные ананасы – выращивались в Южных Колониях. Обычные продукты питания производились на фермах, окружающих город.

Джеспер и Уайлен успели на отплывающую лодку, набитую иммигрантами, только что прибывшими в кеттердамскую гавань, и рабочими людьми, которые искали работу на ферме, а не на городских промышленных предприятиях. К сожалению, они сели слишком далеко на юге, и все места оказались заняты, что сильно угнетало Джеспера.

– Почему мы не можем поплыть по каналу Белендта? – ныл он всего пару часов назад. – Он тоже протекает мимо Олендаля. Лодки, идущие на рынок, грязные и всегда переполненные.

– Потому что вы оба будете слишком выделяться на белендтском канале. Здесь, в Кеттердаме, вы не привлекаете внимания – разумеется, когда Джеспер не напяливает один из своих пестрых клетчатых жилетов. Но назови мне хоть одну вескую причину, помимо поиска работы на ферме, по которой шуханец и земенец будут прогуливаться по сельской местности?

Уайлен не задумывался о том, как экзотично он может выглядеть за пределами города со своим новым лицом. Но в глубине души чувствовал облегчение, что Каз не захотел отправить их по белендтскому каналу. Сплаваться по нему гораздо удобнее, но от воспоминаний, которые накатили бы на него, было бы слишком трудно избавиться, тем более в день, когда он наконец увидит место захоронения своей матери.

– Джеспер, – сказал Каз, – спрячь свое оружие и смотри в оба. Ван Эк наверняка приказал своим людям следить за всеми основными транспортными узлами, а у нас нет времени, чтобы сделать для Уайлена фальшивые документы. Я достану коррозионное вещество в одной из верфей Империаума. Ваша главная задача – найти карьер и достать второй минерал, который нужен для золотой кислоты. В Святую Хильду сходите только в том случае, если у вас останется время.

Уайлен ощутил, как задирается его подбородок, как, в нем просыпается и нарастает упрямство.

– Я должен это сделать. Я никогда не был на могиле матери. И не покину Керчию, не попрощавшись с ней.

– Поверь мне, ты печешься об этом больше, чем она.

– Как ты можешь так говорить?! Ты хоть помнишь своих родителей?

– Моя мать – Кеттердам, родившая меня в гавани. А отец – выгода, и я ежедневно его почитаю. Возвращайтесь к наступлению темноты или не возвращайтесь вообще. Это касается вас обоих. Мне нужна команда, а не сентиментальные сопляки. – Каз вручил Уайлену деньги на поездку. – Убедись, что *ты* купишь билеты. Не хочу, чтобы Джеспер забрел попытать счастья в «Колесо фортуны».

– Эта песня уже устарела, – пробурчал тот.

– Так выучи новый мотив.

Джеспер просто покачал головой, но Уайлен видел, что колючки Каза все еще жалили

его. Теперь он смотрел, как Джеспер облокотился о перила, повернувшись профилем к слабому весеннему солнцу, и закрыл глаза.

– Тебе не кажется, что нам стоит быть более осторожными? – спросил Уайлен, спрятав лицо за воротник пальто. Им едва удалось избежать встречи с двумя городскими стражниками, когда они садились в лодку.

– Мы уже выплыли за город. Расслабься.

Парень оглянулся через плечо.

– Я думал, что они захотят обыскать лодку.

Джеспер открыл один глаз.

– И застопорить движение? Ван Эк и так приносит гаваням достаточно проблем. Если он начнет обыскивать и лодки, люди поднимут бунт.

– Почему?

– Осмотрись. Фермы нуждаются в рабочей силе. Растениям нужна забота. Керчия не потерпит таких неудобств ради сына богача, особенно когда это мешает зарабатывать деньги.

Уайлен попытался расслабиться и расстегнул пальто из грубого материала, которое приобрел для него Каз.

– Откуда он вообще берет всю одежду и форму на любой случай? У него что, где-то припрятан гигантский шкаф?

– Подойди сюда.

Уайлен осторожно приблизился к нему. Джеспер потянулся к его воротнику и вывернул его, оттягивая так, чтобы Уайлен мог извернуться и разобрать прикрепленную к нему синюю нашивку.

– Вот как актеры помечают свои костюмы, – пояснил Джеспер. – Этот принадлежал... Жозепу Киккерту. О, а он неплох. Я видел его в пьесе «Безумец берет невесту».

– Костюмы?

Джеспер поправил воротник, и при этом его пальцы задели шею Уайлена.

– Ага. Каз проделал потайной вход в гардеробную оперного дома «Штадлид» много лет назад. Там он и берет все необходимое и прячет остальное. Это значит, что его никогда не поймают в поддельной форме городской стражи или ливрее дома во время налета.

Уайлен полагал, что в этом есть логика. Какое-то время он наблюдал, как солнце блестит на воде, а потом уставился на перила и сказал:

– Спасибо, что пошел со мной сегодня.

– Каз не отпустил бы тебя одного. Кроме того, я твой должник. Ты пошел со мной в университет на встречу с отцом и вступился за меня, когда он стал излишне любопытным.

– Я не люблю врать.

Джеспер повернулся и стал смотреть на травянистые берега, спускавшиеся к каналу.

– Тогда зачем ты это сделал?

Уайлен и сам не знал, зачем он выдумал ту безумную историю о том, как он уговорил Джеспера на неудачную инвестицию. Он даже не до конца был уверен, что скажет, когда открыл рот. Он просто не мог смотреть на Джеспера – уверенного, улыбчивого Джеспера – с потерянным выражением на лице, или на ужасное сочетание надежды и страха во взгляде Колма Фахи, пока тот ждал ответа от своего сына. Уж слишком сильно

это напомнило Уайлену то, как на него смотрел его собственный отец, когда еще верил, что сына можно вылечить или исправить. Он не хотел увидеть, как беспокойство в глазах господина Фахи поменяется на страдание и злость.

Парень пожал плечами.

– У меня уже вошло в привычку тебя спасать. Неплохое упражнение.

Джеспер шумно изобразил умиление, из-за чего Уайлен начал лихорадочно оглядываться в страхе, что они привлекут внимание.

Но веселье Джеспера было недолгим. Он сменил позу у перил, потер рукой затылок и начал дергать за край шляпы. Стрелок всегда был в движении, словно долговязая деталь часового механизма, которая работала на невидимой энергии. Вот только часы были довольно просты, а как функционировал Джеспер, Уайлену оставалось только гадать.

Наконец тот выпалил:

– Я должен был встретиться с ним сегодня.

Уайлен знал, что он говорил о Колме.

– Так почему же ты этого не сделал?

– Я понятия не имею, что ему сказать.

– О правде не может быть и речи?

– Скажем так, я бы предпочел ее избежать.

Уайлен снова посмотрел на воду. Он считал Джеспера бесстрашным, но, возможно, храбрость не подразумевала отсутствие страха.

– Ты не можешь избегать его вечно.

– Это мы еще посмотрим.

Они проплыли мимо очередного сельского домика – не более чем белое пятно в утреннем тумане; лилии и тюльпаны усеивали поля перед ним точечным пунктиром, как раздробленные созвездия. Может, Джесперу и удастся убежать от правды. Если Каз продолжит вынашивать свои чудо-планы, возможно, Джеспер всегда будет оставаться на шаг впереди.

– Жаль, что я не привез с собой цветов для нее. Или хоть что-то.

– Можем нарвать их по дороге, – предложил Джеспер, и Уайлен понял, что он хватается за новую тему обеими руками. – Ты хорошо ее помнишь?

Парень покачал головой.

– Я помню ее локоны. Они были самого прекрасного рыжевато-золотого оттенка.

– Как и твои, – сказал Джеспер. – Были раньше.

Уайлен почувствовал, что по какой-то непонятной причине его щеки краснеют. В конце концов, Джеспер просто констатировал факт.

Он прочистил горло.

– Она любила искусство и музыку. Кажется, я помню, как сидел с ней на банкетке за фортепиано. Но это могла быть и няня. – Уайлен пожал плечами. – Однажды она заболела и уехала за город, чтобы полечить легкие, а потом пропала навсегда.

– А как же похороны?

– Отец сказал мне, что ее похоронили в госпитале. На этом все. Мы просто перестали говорить о ней. Он считал, что нет никакой пользы в том, чтобы держаться за прошлое.

Не знаю. Мне кажется, он действительно любил ее. Они постоянно ссорились, иногда из-за меня, но я также помню, что они часто вместе смеялись.

– Мне трудно представить твоего отца смеющимся или даже улыбающимся. Если, конечно, он не потирает свои ручонки и не гогочет над кучей золота.

– Он не злой.

– Он пытался тебя убить.

– Нет, он уничтожил наш корабль. Моя смерть была бы дополнительным преимуществом. – Конечно, это была не совсем правда. Джеспер не единственный, кто пытался оставаться на шаг впереди своих демонов.

– О, тогда ты совершенно прав, – кивнул тот. – Он ни капельки не злой. Уверен, у него также есть веские причины не позволять тебе скорбеть из-за смерти матери.

Уайлен потянул за ниточку, выбившуюся из рукава.

– Это не только его вина. Большую часть времени папа казался очень грустным. И отстраненным. Где-то в это же время он понял, что я не такой... как он надеялся.

– Сколько тебе было?

– Восемь. Я очень хорошо научился скрывать свои недостатки.

– Как?

Губы Уайлена расплылись в слабой улыбке.

– Он читал мне или просил это сделать одну из нянь, а я запоминал каждое их слово. Я даже знал, когда сделать паузу и перевернуть страницу.

– Сколько же ты мог запомнить?

– Много. Я подставлял слова под музыку в своей голове, как в песне. До сих пор иногда так делаю. Просто говорю, что не могу разобрать чей-то почерк, и прошу их зачитать слова вслух, подставляя их под мелодию. Они остаются в моей голове, пока не понадобятся.

– Полагаю, это умение нельзя применить при игре в карты.

– Можно, наверное. Но я не стану этого делать.

– Такой талант пропадает.

– Кто бы говорил.

Джеспер насупился.

– Давай лучше насладимся пейзажами.

Пока смотреть было не на что. Уайлен вдруг осознал, как сильно устал. Он не привык жить в страхе, переходить от одного момента тревоги к следующему.

Он подумывал рассказать Джесперу, с чего это все началось. Ощутит ли он облегчение, если выпустит свою постыдную историю в мир? Возможно. Но с другой стороны ему хотелось, чтобы Джеспер и остальные продолжали верить, что он сам покинул отцовский дом, намереваясь устроиться в Бочке, что он сам выбрал эту жизнь.

По мере того как Уайлен становился старше, Ян Ван Эк все более и более отчетливо давал понять, что в его доме нет места для сына, особенно после женитьбы на Элис. Но он, похоже, и сам не знал, что делать с Уайленом. Он начал высказывать свои соображения по поводу сына, и каждое было более ужасающим, чем предыдущее.

«Тебя нельзя отправить в семинарию, потому что ты не умеешь читать».

«Я не могу отправить тебя на профессиональное обучение, потому что ты можешь выдать свою дефективность».

«Ты как недоброкачественный продукт. Тебя даже на полке не оставишь, чтобы ты не завонял».

Затем, полгода назад, отец Уайлена позвал его к себе в кабинет.

– Я обеспечил тебе место в музыкальной школе в Белендте. Мы наняли личного секретаря, который встретит тебя там. Он справится с почтой и любыми делами за пределами твоих возможностей. Это смехотворная трата времени и денег, но я должен соглашаться на любые предложения, когда дело касается тебя.

– На какой срок? – поинтересовался Уайлен.

Ван Эк пожал плечами.

– Ты пробудешь там столько, сколько потребуется людям, чтобы забыть, что у меня был сын. О, не смотри на меня с таким обиженным выражением, Уайлен. Я честен, а не жесток. Так будет лучше для нас обоих. Ты избавишься от невыполнимой задачи войти в роль сына торговца, а я – от стыда, который испытываю, наблюдая за твоими попытками.

«Я отношусь к тебе не более жестоко, чем отнесется мир». Такой философии придерживался его отец. Кто еще будет с ним так откровенен? Кто еще настолько любил его, чтобы сказать правду? У Уайлена остались счастливые воспоминания о том, как отец читал ему сказки – мрачные истории о лесе, кишасщем ведьмами, и о говорящих реках. Ян Ван Эк сделал все возможное, чтобы позаботиться о сыне, а если он потерпел неудачу, то вина за это лежала на Уайлене. Слова его отца могли бы показаться злыми, но он защищал не только себя или свою империю, но и Уайлена тоже.

Все, что он сказал, имело смысл. Уайлену нельзя было доверить состояние Ван Экков, потому что его слишком легко облапошить. Он не мог пойти в университет, так как стал бы объектом издевательств однокурсников. «Так будет лучше для нас обоих». Гнев отца был неприятен, но именно его логика пугала Уайлена больше всего – его практичный, неопровержимый тон, звучал в его голове всякий раз, как он подумывал освоить что-то новое или снова попробовать научиться читать.

Ему было больно, что его отправляют из дома, но у Уайлена все еще была надежда. Жизнь в Белендте казалась ему волшебной. Он мало что о нем знал, помимо того, что это был второй самый древний город Керчии, который располагался на берегах реки Дромбельд. Но зато он будет далеко от друзей своего отца и его деловых партнеров. Ван Эк была достаточно распространенной фамилией и, в такой дали от Кеттердама, она не подразумевала, что он один из *тех* Ван Экков.

Отец вручил ему запечатанный конверт и небольшую пачку крыге для путешествия.

– Это твои документы о зачислении и деньги на то, чтобы добраться до Белендта. Как только ты прибудешь туда, отправь своего секретаря на встречу с казначеем. На твое имя открыт счет. Я также нанял тебе сопровождающих, которые поплывут с тобой на лодке.

Щеки Уайлена залились краской от унижения.

– Я и сам могу добраться до Белендта.

– Ты никогда не путешествовал в одиночку за пределы Кеттердама, и сейчас не время начинать. У Мигтсона и Прайора есть поручение от меня в Белендте. Они сопровождают тебя и проследят, чтобы ты хорошо устроился. Все понял?

Уайлен все понял. Он не способен даже самостоятельно уехать из города.

Но в Белендте все это изменится. Он собрал небольшой рюкзак со сменной одеждой и несколькими вещами, которые будут ему необходимы, пока его чемоданы не придут в школу, а также свои любимые ноты. Если бы он мог читать письма с той же легкостью, с какой табулатуру, у него бы вообще не было проблем. Когда отец перестал ему читать, музыка подарила ему новые истории, те, которые рождались прямо под его пальцами,

которые он мог писать самостоятельно с каждой сыгранной нотой. Он спрятал флейту в сумку на случай, если захочет попрактиковаться в пути.

Его прощание с Элис прошло быстро и неловко. Она была милой девушкой, но в том-то и беда – она всего на пару лет старше Уайлена. Он не знал, как его отец мог прогуливаться с ней по улице без стыда. Но Элис, похоже, была совсем не против. Может, это потому, что рядом с ней Ван Эк становился тем человеком, каким он был в детстве Уайлена, каким он его запомнил – добрым, щедрым, терпеливым.

Даже сейчас парень не мог назвать конкретный момент, когда он понял, что отец отказался от него. Изменение было постепенным. Терпение Ван Эка плавно стиралось, как золотая пластинка на более грубом металле, и когда оно закончилось, казалось, будто его отец стал кем-то совершенно другим, кем-то с куда меньшим лоском.

– Я хотел попрощаться и пожелать тебе всего наилучшего, – сказал Уайлен Элис. Она сидела в своей гостиной, и у ее ног дремал терьер.

– Ты уезжаешь? – спросила она, отрываясь от шитья и замечая его рюкзак. Девушка подшивала занавески. Керчийки – даже богатые – не утруждали себя такими пустяками, как вышивка или вязание. Лучше служить Гезену, выполняя практические задачи, такие, которые приносили бы пользу домашнему хозяйству.

– Я еду учиться в музыкальную школу в Белендте.

– О, как чудесно! – воскликнула Элис. – Я так скучаю по природе. Тебе понравится свежий воздух, и ты наверняка заведешь много хороших друзей. – Она отложила иглу и расцеловала его в обе щеки. – Ты вернешься на каникулы?

– Наверное, – ответил Уайлен, хотя и знал, что этого не произойдет. Раз его отец хотел, чтобы он исчез, он исчезнет.

– Приготовим пряники. Расскажешь мне все о своих приключениях. Скоро у нас появится новый друг, с которым мы сможем играть, – она похлопала себя по животу со счастливой улыбкой.

Всего пара секунд понадобилась Уайлену, чтобы понять значение ее слов, и тогда он просто встал, как баран, вцепившись в рюкзак, кивая головой и машинально улыбаясь, пока Элис обсуждала их планы на каникулы. Она беременна. Поэтому отец решил выпроводить его из дома. У Яна Ван Эка будет еще один наследник, и на сей раз достойный. Уайлен стал для него расходным материалом. Он исчезнет из города и освоится в другом месте. Пройдет время, и никто и глазом не моргнет, когда ребенка Элис начнут готовить к роли главы империи Ван Эков. «На столько, сколько потребуется людям, чтобы забыть, что у меня был сын». Это не было пустым оскорблением, которое бросают мимоходом.

Миггсон и Прайор прибыли к восьми, чтобы провести Уайлена к лодке. Никто не вышел, чтобы попрощаться с ним напоследок, и, когда он проходил мимо кабинета отца, дверь в него была закрыта. Уайлен не стал стучать в нее и вымаливать отцовскую любовь, как терьер Элис выпрашивает гостинцы.

Люди его отца Миггсон и Прайор, одетые в темные костюмы, которые предпочитали носить купцы, всю дорогу по пути к причалу молчали. Они купили билеты до Белендта и, когда поднялись на борт, Миггсон погрузился в чтение газеты, а Прайор откинулся на спинку сиденья и надвинул шляпу на лоб, слегка прикрыв глаза. Уайлен даже не знал, спал ли он или смотрел на него как сонный ящер.

В такое время суток судно была почти пустым. Люди дремали в душной каюте или ели взятую с собой еду, пытаясь удержать на коленях булочки с ветчиной и термосы с кофе.

Когда заснуть не получилось, Уайлен вышел из душной каюты и решил прогуляться к носу лодки. Зимний воздух был холодным и вонял скотобойнями с окраин города. От этого у парня сводило желудок, но вскоре фонари исчезнут вдаль и они поплывут мимо сельской местности. Он жалел, что не путешествует днем. Ему бы хотелось посмотреть на мельницы, нависающие над полями, на овечек, пасущихся на пастбищах. Он вздохнул, дрожа в своем пальто, и поправил ремешок ранца. Нужно попытаться поспать. Может,

он проснется пораньше и понаблюдает за рассветом.

Когда он повернулся, то увидел, что за ним стоят Прайор и Миггсон.

– Простите, – начал Уайлен, – я...

И тут руки Прайора крепко сомкнулись на его шее.

Уайлен ахнул – или, скорее, попытался; звук, вырвавшийся из его горла, едва напоминал хрип. Он впился в запястья мужчины, но у того была железная хватка, и он неумолимо выдавливал жизнь из Уайлена. Прайор был достаточно крупным, чтобы слегка оторвать парня от земли и прижать его к перилам.

Его лицо было бесстрастным, почти скучающим, и в этот миг Уайлен понял, что никогда не доплывет до школы в Белендте. Это никогда и не планировалось. Не было никакого секретаря. Ни счета на его имя. Никто не ждал его прибытия. Так называемые документы о зачислении в его кармане могли быть чем угодно. Уайлен даже не пытался их прочесть. Он исчезнет, как всегда и хотел его отец, и он нанял специальных людей, чтобы они выполнили свою работу. Его папа, который читал ему сказки перед сном, который приносил ему сладкий чай из мальвы и медовые соты, когда он болел воспалением легких. «На столько, сколько потребуется людям, чтобы забыть, что у меня был сын». Его отец собирался стереть его из гроссбуха – ошибочный расчет, стоимость, которую можно вычеркнуть из списка. Итоговое число, которое можно исправить.

Перед глазами Уайлена заплескали черные пятна. До его ушей донеслась музыка.

– Эй, вы! Что там происходит?

Казалось, голос доносится откуда-то издалека. Хватка Прайора слегка ослабилась. Ноги Уайлена вновь коснулись палубы лодки.

– Ничего, – ответил Миггсон, поворачиваясь лицом к незнакомцу. – Мы поймали этого мерзавца, когда он рылся в вещах других пассажиров.

Уайлен издал сдавленный звук.

– Тогда... тогда, может, мне позвать городскую стражу? В каюте сидят два офицера.

– Мы уже предупредили капитана, – ответил Миггсон. – Высадим его на сторожевом посту при следующей остановке.

– Ну, я рад, что вы, ребята, оказались такими бдительными, – сказал человек и развернулся, чтобы уйти.

Лодка слегка покачнулась. Уайлен не собирался ждать, чтобы узнать, что произойдет дальше. Он со всей силы оттолкнул Прайора, а затем, прежде чем потерять самообладание, прыгнул за борт в мутный канал.

Он плыл с максимальной скоростью, на которую только был способен. У него до сих пор кружилась голова, а горло сильно саднило. К своему удивлению, он услышал еще один всплеск и понял, что один из убийц нырнул за ним следом. Если Уайлена увидят где-то живым, Миггсону и Прайору вряд ли заплатят.

Он поплыл медленнее, пытаясь производить как можно меньше шума, и заставил себя задуматься. Вместо того чтобы плыть прямо к бортику канала, как жаждало его замерзшее тело, он нырнул под ближайшую рыночную баржу и вынырнул по другую ее сторону, плывя вместе с ней и пользуясь ею в качестве прикрытия. Рюкзак мертвым грузом тащил его на дно, но он не мог заставить себя избавиться от него. «*Мои вещи, – нелепо подумал он, – моя флейта*». Он не останавливался, даже когда его дыхание стало прерывистым, а конечности оцепенели. Парень заставил себя плыть дальше и как можно больше увеличить расстояние между собой и бандитами своего отца.

Но, в конце концов, его силы начали иссякать, и он понял, что больше барахтается, чем плывет. Если он не доберется до берега, то утонет. Уайлен начал грести к мосту и вытащил себя из канала, после чего прижался к мостовой, промокший и дрожащий от ледяного холода. Его ушибленное горло царапало при каждом глотке, и он приходил в

ужас от каждого всплеска, думая, что это явился Прайор, чтобы завершить начатую работу.

Ему нужно было придумать какой-то план, но думать связно ему было трудно. Уайлен проверил карманы штанов. Там все еще были кроге, которые дал ему отец. Хотя купюры и промокли насквозь, их все еще можно было использовать. Но куда Уайлен мог пойти? У него не хватало денег, чтобы выбраться из города, и если отец пошлет на поиски своих людей, его легко смогут выследить. Ему нужно найти какое-то безопасное место, такое, где отец и не подумает искать. Его руки и ноги, казалось, налились свинцом, холод начал уступать усталости. Уайлен боялся, что если он позволит себе закрыть глаза, то уже не найдет сил, чтобы снова их открыть.

В итоге он просто пошел. Пошел на север города, подальше от скотобоев, мимо тихого жилого района, где жили мелкие торговцы. Пошел дальше, туда, где улицы становились более кривыми и узкими, он шел, пока у него не возникло ощущение, что дома наступают на него. Несмотря на поздний час, в каждом окне и витрине горел свет. Из захудалого кафе лилась музыка, и он видел, как по переулкам жались друг к другу люди.

– Кто-то окунул тебя в канал, парень? – крикнул беззубый старик с крыльца.

– Уж я бы его намочила, – прокаркала женщина, опирающаяся на лестничные перила.

Он пришел в Бочку. Уайлен прожил всю свою жизнь в Кеттердаме, но ни разу здесь не бывал. Ему было запрещено. Да ему никогда и не хотелось! Его отец называл это место «грязным логовом порока и богохульства», а также «позором города». Уайлен знал, что оно было лабиринтом из темных улиц и тайных проходов. Тут местные жители наряжались в пестрые костюмы и совершали неблаговидные поступки, а иностранцы заполняли все улицы в поисках гнусных развлечений. Люди приходили и уходили отсюда, как приливы. Идеальное место, чтобы скрыться.

Таким оно и было... до того дня, когда пришло первое письмо от его отца.

Вздвогнув, Уайлен наконец-то заметил, что Джеспер тянет его за рукав.

– Наша остановка, купчик. Взбодрись.

Уайлен поспешил за ним. Они вышли на пустой причал в Олендале и поднялись по набережной к дороге в сонную деревушку.

Джеспер осмотрелся.

– Это место напоминает мне о доме. Бескрайние поля, свежий воздух и тишина, не нарушаемая ничем, кроме жужжания пчел, – парня передернуло. – Мерзость какая.

По пути стрелок помог ему нарвать полевых цветов. К тому времени как они дошли до главной улицы, у них уже собрался солидный букет.

– Полагаю, нам нужно найти дорогу к карьору? – спросил Джеспер.

Уайлен закашлялся.

– Нет, достаточно обычного магазина.

– Но ты сказал Казу, что минерал...

– Он присутствует во всех видах краски и эмали. Я просто хотел, чтобы у меня был повод для поездки в Олендаль.

– Уайлен Ван Эк, ты соврал Казу Бреккеру! – Джеспер схватился за сердце. – И тебе сошло это с рук! Ты даешь частные уроки?

Уайлен почувствовал себя до смешного довольным... пока не подумал, что будет, если Каз об этом узнает. Затем он почувствовал себя почти так же, как в первый раз, когда попробовал бренди и в итоге вырвал весь свой ужин себе на туфли.

Они обнаружили магазин, пройдя немного по главной улице, и у них ушло всего несколько минут, чтобы приобрести все необходимое. Когда они шли обратно, им помаhal фермер, загружающий свой фургон.

– Парни, вы ищете работу? – спросил он с некой долей скептицизма в голосе. – Ни один из вас не выдержит и дня в поле.

– Вы удивитесь, – ответил Джеспер. – Нас наняли на работу неподалеку от Святой Хильды.

Уайлен нервно ждал, но мужчина просто кивнул.

– Будете ремонтировать госпиталь?

– Ага, – с легкостью соврал Джеспер.

– Что-то твой друг не особо разговорчивый.

– Шуханец, что тут скажешь, – пожал плечами стрелок.

Мужчина согласно хмыкнул и сказал:

– Запрыгивайте. Я еду к карьеру. Могу подвезти вас к воротам. Для кого эти цветы?

– Его возлюбленная живет рядом с церковью.

– Та еще, наверное, возлюбленная.

– И не говорите. У него ужасный вкус, ничего не понимает в женщинах.

Уайлен подумывал столкнуть Джеспера с фургона.

Грунтовая дорога граничила по обеим сторонам с чем-то, что напоминало ячменные и пшеничные поля; посреди ровных полей тут и там торчали амбары и ветряные мельницы. Фургон быстро мчал по дороге. *«Даже слишком быстро»*, – подумал Уайлен, когда они подпрыгнули на глубокой колее. Парень резко втянул воздух.

– Дожди, – объяснил фермер. – Никто пока не берется засыпать ямы песком.

– Ничего страшного, – сказал Джеспер, скривившись, когда фургон проехал по очередной выбоине в земле, от которой загремели все кости. – Не то чтобы мне нужна была целая селезенка.

Фермер рассмеялся.

– Тебе же лучше! Встряхнешь печень!

Уайлен вцепился в бок фургона, жалея, что все-таки не столкнул Джеспера и не прыгнул за ним. К счастью, всего через милю они остановились перед двумя каменными столбами, обозначающими длинную дорогу, покрытую гравием.

– Дальше я не поеду, – сказал фермер. – Не то место, где хочется задерживаться. Уж слишком много страданий с ним связано. Иногда, когда ветер дует в нужную сторону, можно услышать их смех и крики.

Джеспер и Уайлен переглянулись.

– Хотите сказать, что здесь обитают призраки? – поинтересовался стрелок.

– Полагаю, можно и так сказать.

Они поблагодарили его и радостно скользнули на землю.

– Когда закончите здесь, пройдите несколько миль вверх по тропинке, – сказал водитель. – У меня два акра земли, которые нуждаются в обработке. Плачу пять кроне в день, и вы сможете спать в сарае вместо чистого поля.

– Звучит многообещающе, – ответил Джеспер, махнув рукой, но как только они свернули

на тропинку, ведущую в церковь, пробормотал: – Обратно пойдем пешком. Кажется, я ушиб ребро.

Когда фермер исчез из виду, ребята сняли свои пальто и кепки, и спрятали их за пенек. Они остались в темных костюмах, которые предложил надеть Каз.

«Скажите им, что вас отправил Корнелис Смит по приказу господина Ван Эка, – проинструктировал Бреккер. – Чтобы убедиться, хорошо ли ухаживают за могилой».

«Зачем?» – спросил Уайлен.

«Затем, что, если ты назовешь себя сыном Яна Ван Эка, тебе никто не поверит».

Вдоль дороги росли тополя, и, когда ребята поднялись на холм, в поле их зрения появилось здание: трехэтажный дом из белого камня с низкой, изящной лестницей, ведущей к арочному переднему входу. Тропинка была аккуратно уложена гравием и граничила с обеих сторон низенькими тисовыми кустиками.

– Не похоже на церковь, – прокомментировал Джеспер.

– Может, раньше это был монастырь или школа? – предположил Уайлен, слушая, как хрустит под ботинками гравий. – Джеспер, ты хорошо помнишь свою маму?

Уайлен видел много разных улыбок Джеспера, но та, которая расплылась на его лице, была новой и скрывалась так же тщательно, как выигрышная комбинация. Тот ответил лишь:

– Да. Она научила меня стрелять.

В голове Уайлена зародилась сотня вопросов, но чем ближе они подходили к церкви, тем хуже у него получалось уловить мысль и удержать ее в голове. Слева от здания виднелась беседка, заросшая недавно распустившимися глициниями – сладкий аромат фиолетовых цветов тяжело висел в весеннем воздухе. Чуть дальше и правее церковного газона находились кованые ворота и забор, ограждающий кладбище, с высокой каменной статуей в центре – статуей, как полагал Уайлен, Святой Хильды.

– Это, должно быть, кладбище, – произнес он, крепче вцепившись в свой букет. *Что я здесь делаю?* И снова этот вопрос, но на сей раз он не знал ответа. Каз был прав. Это глупо, сентиментально. Что толку, если он увидит надгробие с именем матери? Он даже не сможет его прочесть. Но они проделали такой путь...

– Джеспер... – начал он, но в эту секунду из-за угла вышла женщина в серой рабочей одежде, толкая тачку, наполненную землей.

– *Гоед морген*, – крикнула она им. – Я могу вам чем-то помочь?

– Действительно доброе утро, – без запинки ответил Джеспер. – Мы пришли к вам из конторы Корнелиса Смита.

Женщина нахмурилась, и Уайлен добавил:

– От имени уважаемого советника Яна Ван Эка.

Судя по всему, она не заметила дрожи в его голосе, потому что ее лоб разгладился, и она улыбнулась. Круглые щеки порозовели.

– Конечно! Хотя, признаться, я удивлена. Господин Ван Эк был к нам так щедр, но мы редко что-нибудь о нем слышим. Я надеюсь, все в порядке?

– Все отлично! – воскликнул Уайлен.

– Просто новая политика, – кивнул Джеспер. – Больше работы для всех.

– Разве не всегда так? – женщина снова улыбнулась. – Вижу, вы привезли цветы?

Уайлен опустил взгляд на букет. Он выглядел меньше и более растрепанным, чем прежде.

– Мы... да.

Она вытерла руки о мешковатое платье и сказала:

– Я отведу вас к ней.

Но, вместо того чтобы повернуть в направлении кладбища, женщина пошла обратно к входу. Джеспер пожал плечами, и ребята последовали за ней. Когда они начали подниматься по низким каменным ступенькам, что-то холодное поползло по позвоночнику Уайлена.

– Джеспер, – прошептал он. – Тут решетки на окнах.

– Нервные монахи? – предположил стрелок, но не улыбнулся.

Передняя гостинная была высотой в два этажа, ее пол уложен чистой белой плиткой с нарисованными нежными синими тюльпанами. Это место не походило ни на одну церковь, в которой когда-либо бывал Уайлен. Тишина в комнате была такой глубокой, что казалась едва ли не удушающей. В углу стоял большой стол, а на нем – ваза с глициниями, которые они видели снаружи. Уайлен тяжело вздохнул. Запах принес ему легкое утешение.

Женщина открыла большой ящик, покопалась в нем с минуту, а потом достала толстую папку.

– Вот она: Марья Хендрикс. Как видите, все в порядке. Можете посмотреть, пока мы приведем ее в презентабельный вид. В следующий раз можно будет избежать задержки, если заранее предупредите нас о своем визите.

Уайлен почувствовал, как его тело покрылось холодным потом, но заставил себя кивнуть.

Женщина достала тяжелую связку ключей из ящика и открыла одну из голубых дверей, ведущих в гостиную. Уайлен услышал, как она провернула ключ в замке с другой стороны. Затем положил букет полевых цветов на стол. Их стебли сломались. Он сжимал их слишком крепко.

– Что это за место? – прошептал парень. – Что она имела в виду под «приведем ее в презентабельный вид»? – его сердце бешено билось в груди, как метроном, настроенный на неправильный ритм.

Джеспер рылся в папке, пробегая взглядом по страницам.

Уайлен склонился над его плечом и почувствовал, как его охватывает безнадежная, всепоглощающая паника. Слова на странице были для него не более чем бессмысленными закорючками, черной массой лапок насекомых. Он боролся, чтобы сделать вдох.

– Джеспер, пожалуйста, – взмолился он тонким и пронзительным голосом. – *Прочти ее мне.*

– Прости, – спешно ответил тот. – Я забыл. Я... – Уайлен не мог понять выражение на его лице – грусть, недоумение. – Уайлен... кажется, твоя мама жива.

– Это невозможно.

– Твой отец поместил ее сюда.

Уайлен покачал головой. Такого не могло быть.

– Она заболела. Легочная инфекция...

– Он заявляет, что она – жертва истерии, паранойи и мании преследования.

– Она не может быть жива. Он... он снова женился. Как же Элис?

– Думаю, он назвал твою мать сумасшедшей и использовал это как основание для развода. Это не церковь, Уайлен. Это психиатрическая лечебница.

Святая Хильда. Его отец переводил им деньги каждый год – но не в качестве благотворительного пожертвования. *За ее содержание. И их молчание.* Комната внезапно закружилась.

Джеспер посадил его на стул за столом и надавил на лопатки Уайлена, заставляя его наклониться.

– Опустит голову между колен, смотри в пол. Дыши.

Уайлен убедил себя сделать вдох, выдох, посмотреть на очаровательные синие тюльпанчики в белых плиточных квадратах.

– Расскажи все остальное.

– Тебе нужно успокоиться, или они поймут, что что-то не так.

– Расскажи мне все остальное.

Джеспер шумно выдохнул и продолжил переворачивать страницы в папке.

– Сукин сын! – воскликнул он через минуту. – В папке есть документ о передачи полномочий. Копия.

Уайлен не отрывал глаз от плиточного пола.

– Что? Что там?

Джеспер зачитал:

– *«Этот документ, засвидетельствованный перед глазами Гезена в соответствии с порядочным ведением дел людей, вынесенный юридически обязательным по решению судов Керчи и ее Торгового совета, означает передачу всей собственности, имущества и законных владений Марьи Хендрикс Яну Ван Эку для управления ими, пока Марья Хендрикс не будет снова правомочна вести собственные дела».*

– Передача всей собственности, – повторил Уайлен. *Что я здесь делаю? Что я здесь делаю? Что она здесь делает?*

В замке голубой двери повернулся ключ, и женщина – сиделка, догадался Уайлен, – проплыла обратно в комнату, разглаживая передник своего платья.

– Мы готовы, – сказала она. – Сегодня она довольно послушна. С вами все хорошо?

– У моего друга слегка закружилась голова. Слишком много солнца после долгих часов в конторе господина Смита. Можно попросить вас принести стакан воды?

– Конечно! – ответила сиделка. – Ох, у вас действительно немного нездоровый вид.

Она снова исчезла за дверью, следуя той же процедуре по открытию и закрытию замка. *Хочет убедиться, что пациенты не сбегут.*

Джеспер присел перед Уайленом и взял его за плечи.

– Уай, послушай меня. Ты должен взять себя в руки. Можешь это сделать? Если хочешь, мы уйдем. Я скажу ей, что тебе плохо, и просто проведу твою маму сам. Можем попытаться вернуться через...

Уайлен сделал глубокий, прерывистый вдох через нос. Он не мог осознать, что происходит, не понимал, как это возможно. *Просто делай одно дело за раз.* Этому приему научил его один из преподавателей, чтобы попытаться не дать ему перегружать себя содержанием страницы. Это не срабатывало, особенно когда над ним нависал отец, но Уайлен нашел ему другое применение. *Одно дело за раз. Вставай.* Он встал. *С тобой все в порядке.*

– Я в порядке, – сказал он. – Мы не уходим.

Это единственное, в чем он был уверен наверняка.

Когда сиделка вернулась, он взял у нее стакан воды, поблагодарил и выпил его. Затем они с Джеспером последовали за ней через голубую дверь. Он не смог заставить себя собрать увядшие полевые цветы, разбросанные по столу. *Одно дело за раз.*

Они миновали закрытые двери и какой-то тренажерный зал. Откуда-то доносились стоны. В просторной гостиной две женщины играли в игру, похожую на «Риддершпель».

Моя мама мертва. Она мертва. Но он в это не верил. Уже нет.

Наконец сиделка вывела их на застекленное крыльцо, находившееся на западной стороне здания, чтобы поймать все тепло солнечных лучей. Одна стена полностью состояла из окон, и через них виднелись зеленые просторы больничного газона и кладбище вдалеке. Симпатичная комнатка с безупречно чистым плиточным полом. На мольберт у окна опирался холст с наброском пейзажа. К Уайлену пришло воспоминание: его мама стоит за мольбертом в саду дома на улице Гельдштрат, запах льняного масла, чистые кисти в пустом стакане, ее задумчивый взгляд, оценивающий линии эллинг и канала за ним.

– Она рисует, – сухо произнес Уайлен.

– Постоянно, – радостно кивнула сиделка. – Наша Марья настоящая художница.

Женщина сидела в инвалидной коляске, опустив голову, словно изо всех сил пыталась не заснуть. На ее узкие плечи были накинuty пледы. Лицо было в морщинах, волосы потускнели до янтарного оттенка с проседью. *«Цвет моих волос, – осенило Уайлена, – словно их оставили выцветать на солнце».* Он почувствовал облегчение. Эта женщина была слишком старой, чтобы быть его матерью. Но затем она подняла голову и открыла глаза. Они были ясные, карие – неизменные и безмятежные.

– К вам посетители, госпожа Хендрикс.

Губы его матери задвигались, но Уайлен не разобрал ни слова.

Она окинула их цепким взглядом. Затем на ее лице проступило сомнение, оно стало рассеянным и недоуменным, словно ее покинула уверенность.

– Я... Я вас знаю?

У Уайлена сдавило горло. *«Узнала бы ты меня, – задумался он, – если бы я все еще выглядел как твой сын?»* Ему с трудом удалось покачать головой.

– Мы встречались... очень давно. Когда я был еще ребенком.

Она хмыкнула и посмотрела на газон.

Уайлен беспомощно повернулся к Джесперу. Он не был к этому готов. Его мать была давно похоронена – прах в земле.

Джеспер осторожно повел его к стулу перед Марьей.

– У нас есть час, прежде чем нужно будет идти обратно, – тихо сказал он. – Поговори с ней.

– О чем?

– Помнишь, что ты сказал Казу? Мы не знаем, что может случиться завтра. Это все, что у нас есть. – Затем он встал и подошел к сиделке, убирающей краски. – Скажите, сударыня... К моему стыду, я не расслышал вашего имени.

Женщина улыбнулась, и ее розовые щеки округлились, как засахаренные яблочки.

– Бечья.

– Очаровательное имя для очаровательной леди. Господин Смит попросил меня осмотреть все помещения, пока мы здесь. Вы не могли бы провести для меня небольшую экскурсию?

Она заколебалась, оглядываясь на Уайлена.

– Не волнуйтесь, все будет хорошо, – выдавил он голосом, который звучал слишком громко и чересчур радушно даже для его ушей. – Я просто задам несколько формальных вопросов. Все это часть новой политики.

Сиделка подмигнула Джесперу.

– Что ж, тогда, думаю, мы можем быстренько осмотреться.

Уайлен изучал свою мать, и его мысли обратились в хаос из неправильно сыгранных аккордов. Ее волосы коротко подстригли. Он пытался представить ее более юной, в красивом черном шерстяном платье жены купца, с белой кружевной оборкой на воротнике. Как ее густые и яркие волосы были собраны служанкой в хитросплетенные косы.

– Здравствуйте, – выдавил он.

– Ты пришел за моими деньгами? У меня их нет.

– У меня тоже, – тихо ответил Уайлен.

Она не была до конца ему знакомой, но было что-то в том, как она наклоняла голову, как сидела с прямой спиной. Словно за пианино.

– Вы любите музыку? – поинтересовался он.

Женщина кивнула.

– Да, но здесь ее не услышишь.

Он достал флейту из-под рубашки. Уайлен путешествовал с ней, спрятанной на его груди, как какой-то секрет, весь день, и она все еще хранила тепло его тела. Парень планировал сыграть на ней у могилы матери, как какой-то идиот. Каз бы посмеялся над ним.

Первые несколько нот прозвучали неуверенно, но затем он совладал со своим дыханием. Уайлен подобрал мелодию – простую песенку, одну из первых, которые он выучил. На секунду показалось, что его мама вспоминает, откуда она могла ее знать. Затем женщина просто закрыла глаза и стала слушать.

Когда он закончил, она сказала:

– Сыграй что-нибудь веселое.

И тогда он сыграл каэльский рил, а затем керчийскую морскую песенку, для которой больше подходил оловянный свисток. Он играл каждую мелодию, которая приходила в голову, кроме грустной. Его мама ничего не говорила, но время от времени он видел, как она стучит ногой в такт, а ее губы шевелятся, словно она знала слова.

Наконец он опустил флейту на колени.

– Как долго вы здесь были?

Она промолчала.

Уайлен подался ближе, пытаясь найти какой-то ответ в ее отсутствующих карих глазах.

– Что они с вами сделали?

Она ласково коснулась рукой его щеки. Ее ладонь была прохладной и сухой.

– Что они с тобой сделали?

Уайлен не знал, было ли это своего рода вызовом, или она просто повторяла его слова.

Он почувствовал обжигающий комок слез в горле и попытался подавить их.

Дверь распахнулась.

- Ну что, ваш визит прошел успешно? - поинтересовалась сиделка, проходя в комнату.

Уайлен спешно спрятал флейту обратно под рубашку.

- Вполне. Похоже, все в порядке.

- Вы оба выглядите слишком юными для такой работы, - сказала она, улыбаясь Джесперу.

- Могу сказать то же и о вас, - ответил он. - Но вы же знаете, как бывает, - новых клерков нагружают самой грязной работой.

- Вы скоро вернетесь?

Джеспер подмигнул.

- Кто знает? - затем кивнул Уайлену. - Нам пора отплывать.

- Попрощайтесь, госпожа Хендрикс! - попросила ее сиделка.

Губы Марьи зашевелились, но на сей раз Уайлен стоял достаточно близко, чтобы услышать ее шепот: «Ван Эк».

По пути из больницы сиделка непрерывно болтала с Джеспером. Уайлен шел позади них. У него ныло сердце. Что с ней сделал отец? Действительно ли она сумасшедшая? Или он просто подкупил нужных людей, чтобы они так сказали? Накачали ли ее наркотиками? Джеспер мельком оглянулся на Уайлена, пока сиделка продолжала лепетать, и его серые глаза тревожно сузились.

Они почти дошли до голубой двери, когда женщина спросила:

- Хотите посмотреть на ее картины?

Уайлен резко остановился, а затем кивнул.

- Думаю, нам будет очень интересно, - сказал Джеспер.

Сиделка повела их обратно и открыла дверь в комнату, напоминавшую чулан.

Уайлен почувствовал, как его колени подогнулись, и схватился за стену, чтобы удержать равновесие. Женщина не заметила - она все говорила и говорила.

- Краски, разумеется, дорого стоят, но они приносят ей столько удовольствия! Это только последняя партия. Каждые шесть месяцев или около того нам приходится выбрасывать их на помойку. Для них попросту нет места.

Уайлену хотелось кричать. Чулан был забит картинами - живописными пейзажами, разными видами на территорию больницы, озером в тени и солнце, а дальше, повторяясь снова и снова, было лицо маленького мальчика с рыжими кудрями и ярко-голубыми глазами.

Должно быть, он издал какой-то звук, потому что сиделка повернулась к нему.

- Ах, - сказала она Джесперу, - ваш друг снова побледнел. Может, дать ему стимулятор?

- Нет, нет, - отказался Джеспер, закидывая руку на плечи Уайлену. - Но нам действительно пора уходить. Это был очень познавательный визит.

Уайлен не помнил, как они шли обратно по тропинке, окаймленной тисовой изгородью, или как они доставали пальто и кепки из-за пенька у главной дороги.

Они находились на полпути к причалу, когда он наконец нашел в себе силы заговорить:

- Она знает, что он с ней сделал. Знает, что у него не было права забирать ее деньги, ее

жизнь. – «Ван Эк», сказала она. Она была не Марьей Хендрикс, а Марьей Ван Эк, женой и матерью, которую лишили ее фамилии и состояния. – Помнишь, я как-то сказал, что он не злой?

У Уайлена подкосились ноги, и он тяжело опустился на землю прямо посреди дороги. Но ему было все равно, потому что он чувствовал накатывающие слезы и никак уже не мог их остановить. Они рвались из его груди прерывающимися, безобразными всхлипами. Уайлен не хотел, чтобы Джеспер видел, как он плачет, но ничего не мог с этим поделать: ни со слезами, ни со всем остальным. Он так сильно зарылся лицом в руки, будто, стоило ему сильно этого захотеть, он мог бы исчезнуть.

Затем почувствовал, как Джеспер сжимает его плечо.

– Все нормально, – сказал стрелок.

– Нет, не нормально.

– Ты прав. Твой отец – прогнивший ублюдок, и я бы с радостью вздернул его на пустыре и отдал на съедение стервятникам.

Уайлен покачал головой.

– Ты не понимаешь. Дело во мне. Всею виной я. Он хотел новую жену. Нового наследника. Настоящего, а не придурка, который едва может написать собственное имя. – Ему было восемь, когда его мать забрали. Больше гадать не придется – именно в этот момент отец отказался от него.

– Эй, – Джеспер слегка встряхнул друга. – Эй! У твоего отца было много вариантов, когда он узнал, что ты не можешь читать. Черт, он мог сказать, что ты слепой, или что у тебя проблемы со зрением. Или еще лучше, он мог бы просто обрадоваться тому факту, что у него гениальный сын.

– Я не гениален.

– Ты глуп во многих вопросах, Уайлен, но сам ты не глупый. И если я еще раз услышу, что ты называешь себя придурком, то скажу Матиасу, что ты пытался поцеловать Нину. С языком.

Уайлен вытер нос рукавом.

– Он ни за что в это не поверит.

– Тогда я скажу Нине, что ты пытался поцеловать Матиаса. С языком. – Парень вздохнул. – Слушай, Уайлен. Нормальные люди не замуровывают своих жен в психиатрических больницах. Они не лишают наследства своих сыновей, если те рождаются не такими, как им бы хотелось. Думаешь, мой отец мечтал о таком бесшабашном ребенке, как я? Ты ни в чем не виноват. Это произошло потому, что твой отец псих в дорогом костюме.

Уайлен прижал ладони к опухшим глазам.

– Все это правда, но мне от этого ни капли не легче.

Джеспер снова встряхнул его за плечо.

– Тогда как насчет этого? Каз разорвет чертову жизнь твоего отца на мелкие кусочки.

Уайлен только собирался ответить, что это тоже не поможет, но задумался. Каз Бреккер был самым жестоким и мстительным существом, которое он когда-либо встречал, – и он поклялся уничтожить Яна Ван Эка. Эта мысль стала прохладным ручьем, омывающим пламенное, постыдное чувство беспомощности, которое он держал в себе столь долгое время. Никто и никогда не сможет вернуть все на круги своя. Но Каз сможет испортить жизнь его отцу. И тогда Уайлен разбогатеет. Он сможет забрать свою мать из этого места. Они переедут туда, где тепло. Он посадит ее за фортепиано, попросит сыграть, отведет ее в какое-нибудь красочное место, полное прекрасных звуков. Они могли бы поехать в Новый Зем. Да куда угодно! Уайлен поднял голову и вытер слезы.

- Вообще-то, это бы очень помогло.

Джеспер ухмыльнулся.

- Так я и думал. Но если мы не сядем на лодку в Кеттердам, то не получим праведного воздаяния.

Уайлен встал с внезапным желанием вернуться в город и помочь Казу осуществить его план. В Ледовый Двор он поехал с неохотой. Казу помогал неохотно. Потому что все это время верил, что заслужил презрение отца. И теперь он мог признать, что где-то в глубине души надеялся, что еще сможет вернуть папину благосклонность. Что ж, пусть отец подавится своей благосклонностью и увидит, к чему привело его поведение, когда Каз Бреккер закончит свое дело.

- Пошли, - сказал он. - Пора украсть все деньги моего отца.

- Разве это не твои деньги?

- Ладно, тогда пора их вернуть.

Ребята перешли на бег.

- Люблю я праведное возмездие, - сказал Джеспер. - Встряхивает печень!

Матиас

Вокруг таверны собралась толпа, привлеченная звоном разбившегося стекла и смутой. Зоя не слишком-то осторожничала, когда опускала Нину и Матиаса на пол, а потом их быстро загнали в заднюю часть заведения, окружив небольшим отрядом вооруженных мужчин. Остальные остались в таверне, чтобы дать хоть какие-нибудь объяснения, тому факту, что кучка костей только что пролетела через весь рынок и разбила окна забегаловки. Матиас и сам до конца не понимал, что произошло. Неужели Нина взяла под контроль те фальшивые мощи святых? Или это было нечто совершенно другое? И почему на них напали?

Матиас думал, что они выйдут в переулок, но вместо этого они спустились по древним на вид ступенькам в сырой туннель. «*Старый канал*», – понял он, когда они сели в лодку и бесшумно поплыли в темноте. Его проложили, но не засыпали. Они плыли под широкой улицей перед посольством.

Всего через пару минут Зоя заставила их подняться по узкой металлической лестнице и ввела в пустую комнату с таким низким потолком, что фьерданцу пришлось согнуться пополам.

Нина сказала ей что-то на равкианском, а затем перевела ответ Матиасу.

– Это половина комнаты. Когда строили посольство, то сделали дополнительный ложный этаж в четырех футах под настоящим. Из-за того, как она заложена в фундамент, практически невозможно узнать, что под тобой находится еще одна комната.

– Тут только ползать и можно.

– Да, но в домах Кеттердама не предусмотрен подвал, потому никто и не подумает искать нас внизу.

Казалось, это излишняя мера предосторожности для города, который считался нейтральным, но, возможно, равкианцев заставили на нее пойти, чтобы защитить свой народ. *Из-за таких людей, как я.* Матиас был охотником, убийцей и гордился тем, что выполнял свою работу хорошо.

Через минуту они наткнулись на людей, жмущихся к тому, что, как предполагал Матиас, было восточной стеной, если он еще не окончательно запутался.

– Мы под посольским садом, – сказала Нина.

Он кивнул. Это самое безопасное место, где могла бы спрятаться группа людей, если они бояться, что их голоса донесутся до верхних этажей. Всего их было около пятнадцати, беженцы разных возрастов и национальностей. Не похоже, чтобы у них было много общего, помимо усталых лиц, но Матиас знал, что они все должны быть гришами. Они не нуждались в предостережениях Нины, чтобы начать искать убежище.

– Так мало? – спросил дрюскель. Нина оценивала количество гришей в городе ближе к тридцати.

– Может, остальные уехали самостоятельно или просто затаились.

Или, может, их уже поймали. Если Нина не хочет произносить это вслух, то и он не станет.

Зоя провела их через арку в помещение, где Матиас с облегчением выпрямился. Учитывая круглую форму комнаты, он подозревал, что они находились под каким-то ненастоящим водным резервуаром или же под беседкой в саду. Однако его облегчение быстро улетучилось, когда один из вооруженных людей Зои достал кандалы, и девушка указала ему прямо на Матиаса.

Нина в ту же секунду встала перед ним, и они с Зоей яростно заспорили, стараясь говорить при этом шепотом.

Матиас в точности знал, с кем он имеет дело. Зоя Назяленская была одной из самых могущественных ведьм в Равке. Легендарная шквальная, солдат, служившая сперва Дарклингу, затем заклинательнице солнца, но в силу она вступила, став членом Триумvirата гришей короля Николая. Теперь, когда он на собственной шкуре испытал, что собой представляют ее способности, его не удивила столь быстрая карьера.

Весь спор проходил на равкианском, так что Матиас не понимал ни слова, но презрение в голосе Зои было очевидным, как и активные жесты в сторону дрюскеля и кандалов. Он готов был прорычать, что если эта штормовая ведьма хочет его заковать, то пусть попробует сделать эта сама и посмотрит, что будет, но тут Нина подняла руки.

– Хватит, – сказала она на керчийском. – Матиас останется на свободе, и мы продолжим этот разговор на языке, который все понимают. Он имеет право знать, что происходит.

Зоя прищурилась. Затем перевела взгляд с Матиаса на Нину и сказала на керчийском с сильным акцентом:

– Нина Зеник, ты все еще солдат Второй армии, а я – твой командир. Ты открыто не подчиняешься приказам.

– Значит, тебе придется заковать и меня.

– Не думай, что это не приходило мне в голову.

– Нина! – крикнула рыжеволосая девушка, только что вошедшая в гулкую комнату.

– Женья! – радостно воскликнула Нина. Но Матиас узнал бы эту девушку без всякого представления. Ее лицо было покрыто шрамами, и она носила на глазу красную шелковую повязку с вышитым золотым солнцем. Женья Сафина – прославленная портниха, бывшая преподавательница Нины и еще один член Триумvirата. Когда Матиас увидел, как они обнимаются, его затосило. Он ожидал встречи с группой безымянных гришей, людей, которые искали укрытия в Кеттердаме, а оказались одни в опасном городе. Людей таких, как Нина, а не самых высокопоставленных гришей Равки. Все его инстинкты кричали, чтобы он или боролся, или как можно быстрее убирался из этого места, а не стоял, как жених, знакомящийся с родителями своей возлюбленной. Тем не менее они были друзьями Нины, ее наставниками. «Они – враги», – отозвался голос в его голове, и Матиас засомневался, был ли это его голос или командира Брума.

Женья отошла на шаг, смахивая светлые пряди парика Нины с ее лица, чтобы лучше рассмотреть подругу.

– Нина, как это возможно? Последний раз, когда Зоя тебя видела...

– Ты закатывала истерику, – перебила Назяленская, – и утонула из лагеря со всей осторожностью капризного лося.

К удивлению Матиаса, Нина скривилась, как настоящий ребенок, которого отчитывали за детские шалости. Он не припоминал, чтобы видел ее смущенной когда-либо раньше.

– Мы считали, что ты погибла, – сказала Женья.

– Выглядит она определенно полумертвой.

– Да нормально она выглядит!

– Ты пропала! – рявкнула Зоя. – Когда мы услышали о присутствии фьерданцев неподалеку, то начали бояться худшего.

– Худшее случилось, – не отрицала Нина. – А затем происходило снова и снова. – Она взяла Матиаса за руку. – Но теперь мы здесь.

Зоя с отвращением посмотрела на их переплетенные пальцы и скрестила руки.

– Понятно.

Женья изогнула рыжеватую бровь.

- Ну, если *он* - худшее, что может произойти...

- Что вы здесь делаете? - требовательно спросила Зоя. - Ты и твой фьерданский... аксессуар пытаетесь выбраться из Кеттердама?

- Допустим, и что? Почему вы напали на нас?

- На гришей нападают по всему городу. Мы не знали, кто вы такие, и не в сговоре ли вы с шуханцами. Только то, что ты назвала код торговцу. Теперь мы всегда оставляем солдат в таверне. Любой, кто ищет гришей, - потенциальная угроза.

Учитывая то, что Матиас знал о новых шуханских солдатах, они правильно делали, что проявляли предусмотрительность.

- Мы пришли, чтобы предложить свою помощь, - объяснила Нина.

- Какую помощь? Ты понятия не имеешь, какие силы тут задействованы, Нина. Шуханцы разработали наркотик...

- Юрду-парем.

- Что ты о нем знаешь?

Нина сжала руку Матиаса. Сделала глубокий вдох.

- Я видела его в действии. И... испытала на себе.

Единственный янтарный глаз Жени расширился.

- Ох, Нина, нет. Скажи, что ты этого не сделала.

- Конечно же, сделала, - рявкнула Зоя. - Ты всегда была такой! Погружаешься в неприятности, как в теплую ванну! Поэтому ты выглядишь как размазня? Как ты могла пойти на такой риск, Нина?

- Я не выгляжу как размазня, - возразила та, но вид у нее опять был пристыженный. Матиас больше не мог этого терпеть.

- Она сделала это, чтобы спасти наши жизни, - сказал он. - Она сделала это, зная, что может обречь себя на страдания и даже смерть.

- Безрассудная, - заявила Назяленская.

- Зоя, - осадил ее Женя. - Мы не знаем обстоятельств...

- Мы знаем, что она отсутствовала почти год, - девушка с обвинением ткнула в Нину пальцем. - А теперь явилась к нам с фьерданцем под мышкой, у которого телосложение воина и который использует боевую технику дрюскелей. - Зоя засунула руку в карман и достала горсть костей. - Она напала на наших солдат с этим, с *осколками костей*, Женя! Ты когда-нибудь слышала о чем-то подобном?

Женя уставилась на кости, а затем на Нину.

- Это правда?

Девушка поджала губы.

- Возможно.

- *Возможно*, - фыркнула Зоя. - И ты хочешь, чтобы мы просто ей поверили?

Женя уже не выглядела такой убежденной, но сказала:

- Я хочу, чтобы мы ее выслушали.

- Хорошо. Я жду с раскрытыми ушами и распахнутым сердцем. Позабавь меня, Нина Зеник.

Матиас знал, каково встречаться с наставниками, которых ты идеализировал, и снова становиться нервным учеником, жаждущим понравиться. Он повернулся к Нине и произнес на фьерданском:

– Не позволяй им запугать тебя. Ты уже не та девочка, какой была прежде. Ты не просто солдат, готовый служить.

– Тогда почему мне так хочется найти себе тихий уголок и расплакаться?

– Это круглая комната. Здесь нет углов.

– Матиас...

– Помни, через что нам довелось пройти. Помни, зачем мы сюда пришли.

– Я думала, мы договорились общаться на керчийском, – перебила их Зоя.

Нина снова сжала руку Матиаса, откинула назад голову и начала:

– Дрюскели захватили меня в плен. Матиас помог мне сбежать. Затем его захватили в плен керчийцы. Я помогла ему сбежать. Меня захватил в плен Ярл Брум. Матиас помог мне сбежать.

Матиаса немного смущало, как хорошо у них получалось без конца попадать в плен.

– *Ярл Брум?! – в ужасе воскликнула Зоя.*

Нина вздохнула.

– Год был тяжелым. Клянусь, я все вам объясню, и, если после этого вы решите закинуть меня в мешок и бросить в речку Сокол, я сдамся и даже не буду плакать. Но сегодня мы пришли сюда, потому что я видела, как солдаты-хергуды напали на Западный Обруч. Я хочу помочь вывезти этих гришей из города, пока их не нашли шуханцы.

Зоя была на несколько сантиметров ниже Нины, но ей все равно удавалось смотреть на девушку сверху вниз.

– И чем ты можешь помочь?

– У нас есть корабль. – Фактически это была не совсем правда, по крайней мере, пока, но Матиас не собирался спорить.

Зоя лишь отмахнулась.

– У нас тоже есть корабль. Он застрял в милях от берега. Гавань была заблокирована городом и Советом приливов. Ни одно чужеземное судно не войдет и не выйдет из гавани без специального разрешения от члена Торгового совета.

Значит, Каз не ошибся. Ван Эк пользовался каждой крохой своего влияния на правительство, чтобы убедиться, что Бреккер не вывезет Кювея из Кеттердама.

– Ясное дело, – ответила Нина. – Но наш корабль принадлежит члену керчийского Торгового совета.

Зоя и Женя переглянулись.

– Ладно, Зеник, – сказала Назяленская. – Я внимательно тебя слушаю.

Нина прояснила некоторые детали своим наставницам, но Матиас заметил, что она не упоминала Кювея и избегала любых разговоров о Ледовом Дворе.

Когда они поднялись наверх, чтобы обсудить ее предложение, то оставили Нину с Матиасом внизу, приставив к выходу из резервуара двух вооруженных стражников.

Матиас прошептал на фьерданском:

– Если равкианские шпионы чего-то стоят, твои друзья скоро поймут, что это мы похитили Кювея.

– Не шепчи, – ответила Нина на фьерданском, но обычным голосом. – Это только вызовет подозрение у охранников. В конце концов я им все расскажу. Но помнишь, как мы с тобой были настроены убить Кювея? Не уверена, что Зоя тоже решит пощадить его. По крайней мере, до тех пор, пока он не окажется в безопасности на территории Равки. Ей необязательно знать, кто на борту корабля, пока он не причалит в Ос Керво.

«В безопасности на территории Равки». От этих слов у Матиаса скрутило живот. Ему не терпелось увезти Нину из города, но ничего в перспективе путешествия в Равку не казалось ему безопасным.

Должно быть, Нина почувствовала его тревогу и поэтому сказала:

– Равка – самое безопасное место для Кювея. Он нуждается в нашей защите.

– И на что же похожа защита Зои Назяленской?

– На самом деле она не так уж плоха. – Матиас окинул ее скептическим взглядом. – Ладно, она ужасна, но им с Женей довелось повидать много смертей во время гражданской войны. Сомневаюсь, что они жаждут очередного кровопролития.

Матиас надеялся, что так и есть, но это вряд ли имело значение.

– Ты помнишь, что сказала мне, Нина? Ты хотела, чтобы король Николай ворвался на север и уничтожил все на своем пути.

– Я злилась...

– Ты имела право на свой гнев, как и все мы. В этом и проблема. Брум не остановится. Дрюскели не остановятся. Они считают уничтожение вашего вида – своим священным долгом. – Это был и его долг, и он все еще чувствовал недоверие, а временами и ненависть. И проклинал себя за это.

– Тогда мы придумаем способ изменить их мнение. Их всех. – Девушка окинула его изучающим взглядом. – Ты сегодня использовал сумеречную бомбу. Попросил Уайлена ее сделать?

– Да, – признал он.

– Зачем?

Матиас знал, что ответ ей не понравится.

– Я точно не знал, как парем повлияет на твою силу. Если бы мне пришлось сдерживать тебя от наркотика, мне нужен был способ бороться с тобой, не причиняя вреда.

– И ты принес ее на случай, если у нас возникнут проблемы?

– Да.

– С гришами.

Он кивнул, ожидая ее возмущения, но Нина просто смотрела на него задумчивым взглядом. Затем подошла ближе. Матиас беспокойно покосился на спины охранников, видневшиеся в дверном проеме.

– Не обращай на них внимания, – сказала она. – Почему ты до сих пор не поцеловал меня, Матиас?

– Сейчас не время...

– Это из-за того, кто я? Ты все еще меня боишься?

– Нет.

Девушка остановилась, и он увидел, что ей сложно произнести то, что она хочет сказать.

- Это из-за того, как я вела себя на корабле? И что творила недавней ночью... когда пыталась заставить тебя отдать мне остатки парема?

- Как ты могла такое подумать?

- Ты постоянно называешь меня бесстыдницей. Наверное... наверное, мне стыдно, - ее передернуло. - Впечатление, что я ношу одежду, которая мне не по размеру.

- Нина, я дал тебе свою клятву.

- Но...

- Твои враги - мои враги, и я буду сражаться с тобой против любого противника... включая этот треклятый наркотик.

Она покачала головой, словно он нес чепуху.

- Я не хочу, чтобы ты был со мной из-за клятвы, или потому, что считаешь, будто обязан защищать меня, или потому, что думаешь, что ты передо мной в каком-то дурацком долгу.

- Нина... - начал он и остановился. - Нина, мы вместе, потому что ты мне это позволила. Для меня нет большей чести, чем быть рядом с тобой.

- Честь, долг. Все ясно.

Он мог вынести перепады ее настроения, но ее разочарование было невыносимым. Матиасу был известен только язык войны. Для таких случаев у него не было подходящих слов.

- Знакомство с тобой было настоящей катастрофой.

Девушка подняла бровь.

- Ну, спасибо.

Джелль, он совершенно безнадёжен. Матиас продолжил с запинками, пытаясь заставить ее понять себя.

- Но я каждый день благодарю Джелля за эту катастрофу. Мне нужен был катаклизм, чтобы встряхнуться от жизни, которую я знал. Ты была землетрясением, обвалом в горах.

- Я, - четко произнесла она, опуская руку на бедро, - нежный цветочек.

- Ты не цветочек, ты каждое соцветие в лесу, распускающееся одновременно. Ты - цунами. Ты - панический приступ. Ты потрясаешь.

- А кого бы ты предпочел? - поинтересовалась она с горящими глазами и едва слышным трепетом в голосе. - Приличную фьерданку, которая ходит в высоких воротниках и окунается в ледяную воду всякий раз, как на нее нахлынет желание сделать что-нибудь захватывающее?

- Я не это имел в виду!

Она подошла ближе. И снова его взгляд метнулся к стоящим спиной охранникам. Матиас знал, что они наверняка слушают их, независимо от того, на каком языке они с Ниной общаются.

- Чего ты так боишься? - с вызовом спросила она. - Не смотри на них, Матиас. Смотри на меня.

Он посмотрел. Было сложно не смотреть. Ему нравилось видеть ее во фьерданской одежде: в маленькой шерстяной жилетке и длинной воздушной юбке. Ее зеленые глаза сияли, щеки порозовели, губы слегка приоткрылись. Было слишком легко представить,

как он встанет перед ней на колени, словно кающийся грешник, и позволит своим рукам скользнуть вверх по белым изгибам икр, задирая юбку выше, мимо коленей, к теплой коже ее бедер. Хуже всего то, что он знал, какие приятные ощущения его ждут. Каждая клеточка его тела помнила прикосновение к ее нагому телу в ту первую ночь в лагере китобоев.

– Я... Нет никого, в ком бы я нуждался больше; нет ничего, чего я хотел бы больше, чем быть обуреваемым тобой.

– Но ты не хочешь меня поцеловать?

Он глубоко вздохнул, пытаясь собраться с мыслями. Все это было неправильно.

– Во Фьерде... – начал Матиас.

– Мы не во Фьерде.

Ему было нужно, чтобы она поняла.

– Во Фьерде, – настаивал он, – я бы попросил твоих родителей о разрешении погулять с тобой.

– Я не видела своих родителей с самого детства.

– Мы бы гуляли в сопровождении кого-нибудь. Я должен был бы пообедать с твоей семьей минимум три раза, прежде чем нам бы позволили хоть ненадолго остаться наедине.

– Но мы наедине *сейчас*, Матиас.

– Я бы приносил тебе подарки.

Нина склонила голову набок.

– Ладно, продолжай.

– Зимние розы, если бы мог их себе позволить, или серебряный гребень для волос.

– Мне они не нужны.

– Яблочные пироги со сладким кремом.

– Мне казалось, дрюскели не едят сладкое.

– Они все были бы для тебя.

– Я вся внимание.

– Наш первый поцелуй случился бы в залитом солнцем лесу или под звездным небом после деревенских танцев, но никак не в склепе или каком-то сыром подвале со стражниками у двери.

– Позволь мне уточнить, – сказала Нина. – Ты не поцеловал меня потому, что окружающая обстановка кажется тебе недостаточно романтической?

– Дело не в *романтике*. Правильный поцелуй, правильное ухаживание. Есть определенные правила, как должны происходить подобные вещи.

– Для правильных воров?

Уголки ее прекрасных губ приподнялись, и на секунду он испугался, что она посмеется над ним, но девушка просто покачала головой и подошла еще ближе. Теперь она была так близко, что при легчайшем вздохе их тела соприкоснулись бы. Необходимость преодолеть это практически несуществующее расстояние сводила его с ума.

– В первый же день, когда ты появился бы в моем доме для этого правильного ухаживания, я бы зажала тебя в углу кладовой, – сказала она. – Но, прошу, расскажи мне

побольше о фьерданках.

- Они тихо говорят. Не флиртуют с каждым мужчиной, который попадает к ним на пути.

- Я флиртую и с женщинами.

- Мне кажется, ты бы флиртowała и с финиковой пальмой, если бы та обратила на тебя внимание.

- Если бы я флиртowała с растением, можешь не сомневаться, оно бы поднялось и обратило на меня внимание. Ты ревнуешь?

- Постоянно.

- Я рада. На что ты смотришь, Матиас? - низкое мурлыканье ее голоса вибрировало через все его тело.

Он смотрел в потолок и тихо шептал себе под нос.

- Ни на что.

- Матиас, ты что, молишься?

- Не исключено.

- Борешься с искушением? - сладко пропела Нина.

- Ты и вправду ведьма.

- Я не совсем правильная, Матиас.

- Я заметил. - С печалью, силой и жадностью заметил.

- И мне жаль тебе это сообщать, но ты тоже.

Его взгляд опустился на нее.

- Я...

- Сколько правил ты нарушил с момента нашей встречи? Сколько законов? И они не будут последними. Ничто в наших отношениях никогда не будет правильным, - сказала она. Затем подняла к нему голову. Они находились так близко, что появлялось ощущение, будто они уже коснулись друг друга. - Ни наше знакомство. Ни жизнь, которую мы ведем. И ни то, как мы поцелуемся.

Нина поднялась на цыпочки, и, вот так просто, ее губы прижался к его губам. Это едва ли можно было назвать поцелуем - просто быстрое и внезапное прикосновение губ.

Прежде чем она успела даже подумать о том, чтобы отодвинуться, Матиас схватил ее. Знал, что, скорее всего, делает все неправильно, но не мог найти в себе сил для тревоги, потому что она находилась в его руках, ее губы приоткрылись, руки сомкнулись вокруг его шеи и, милостивый Джель, ее язык проник в его рот. Неудивительно, что фьерданцы были так осмотрительны с ухаживаниями. Если бы Матиас мог в любой момент целовать Нину, чувствовать ее покусывание его губ хитрыми зубками, ощущать ее тело, прижатое к себе, слышать тихие гортанные стоны, с чего бы ему было утруждать себя чем-то еще? Да и кому-либо другому?

- Матиас, - выдохнула Нина, и они снова поцеловались.

Она была сладкой, как первый дождь, пышной, как новые луга. Его руки блуждали по ее спине, обводя контуры, линию позвоночника, выразительные изгибы бедер.

- *Матиас*, - произнесла она уже более настойчиво, пытаясь отодвинуться.

Он открыл глаза, испугавшись, что совершил какую-то ужасную ошибку. Нина кусала себя за нижнюю губу - та была розовой и опухшей. Но девушка улыбалась, и ее глаза искрились.

– Я сделал что-то неправильно?

– Вовсе нет, ты чудесный бабинк, но...

Зоя прочистила горло.

– Я рада, что вы нашли способ скоротать время, пока ждали нас.

На ее лице было написано полнейшее отвращение, а вот Женя, стоящая рядом, выглядела так, словно сейчас лопнет от радости.

– Может, поставишь меня? – предложила Нина.

Реальность буквально обрушилась на Матиаса, – понимающие взгляды охраны, Зоя и Женя в дверном проеме и тот факт, что, целуясь с Ниной Зеник после года едва сдерживаемого желания, он оторвал ее от земли.

Его охватило сильное смущение. Как мог фьерданец так поступить? Матиас аккуратно отпустил ее роскошные бедра и позволил девушке скользнуть на землю.

– *Бесстыдник*, – прошептала Нина, и его щеки залились краской.

Зоя закатила глаза.

– Мы заключаем сделку с парочкой влюбленных подростков.

Матиас почувствовал новый прилив смущения, но Нина просто поправила парик и спросила:

– Так вы примете нашу помощь?

Они быстро обсудили логистику того, как пройдет эта ночь. Поскольку возвращаться в таверну может быть небезопасно, Нина, получив информацию о том, где и когда можно садиться на корабль Ван Эка, пошлет весточку в посольство – скорее всего, через Инеж, поскольку Призрак мог приходить и уходить незамеченным. Беженцы будут находиться в укрытии как можно дольше, а затем Женя и Зоя отведут их к гавани.

– Готовьтесь к битве, – предупредил Матиас. – Шуханцы следят за этим сектором города. Им пока не хватило смелости напасть на посольство или рынок, но это всего лишь вопрос времени.

– Мы будем готовы, фьерданец, – ответила Зоя, и в ее взгляде он увидел сталь прирожденного командира.

По дороге из посольства Нина нашла златоглазую сердцеемку, которая участвовала в нападении в таверне. Она оказалась шуханкой с коротко стриженными черными волосами, на боку девушка носила пару тонких серебряных топоришков. Нина сказала, что это был единственный корпориа́л среди дипломатов и беженцев-гришей.

– Тамара? – осторожно начала Нина. – Если придут хергуды, не позволяй им схватить себя. Сердцеемка во власти шуханцев и под действием парема может бесповоротно склонить чашу весов в их сторону. Ты даже представить себе не можешь силу этого наркотика.

– Никто не возьмет меня живой, – ответила девушка. Затем достала из кармана и показала крошечную бледно-желтую пилюлю.

– Яд?

– Это Женя сделала. Убивает мгновенно. Мы все ими запаслись, – она вручила ее Нине. – Возьми. На всякий случай. У меня есть еще одна.

– Нина... – начал Матиас.

Но та не мешкала. Она засунула пилюлю в карман юбки прежде, чем Матиас успел произнести еще хоть слово.

Они вышли из правительственного сектора, держась подальше от рыночных лавок и таверны, где собралась городская стража.

Матиас твердил себе, что нужно быть внимательным, сосредоточиться на возвращении на Черную Вуаль, но все его мысли крутились вокруг той бледно-желтой пилюли. Один ее вид вернул ему воспоминания о его сне, да такие яркие, как никогда прежде. Северные льды, потерявшаяся Нина, беспомощный Матиас, который не может ее спасти. Это выжгло в нем всю безумную радость от их поцелуя.

Сон начал сниться на корабле, когда Нина проходила через самые тяжелые мучения во время своей борьбы с паремом. В ту ночь она была в ярости, словно бешеная: тело содрогалось, одежда промокла насквозь от пота.

«Ты не хороший человек! – кричала она. – Ты хороший солдат, и хуже всего то, что ты даже не понимаешь разницы». Позже она плакала от горя, мучилась от боли и сожаления. «Прости меня, – говорила девушка. – Я это не всерьез. Ты же знаешь, что я так не думаю. – А еще через несколько секунд: – Если бы ты просто помог мне...» Ее прекрасные глаза затопили слезы, и в тусклом свете ламп ее бледная кожа казалась покрытой инеем. «Прошу, Матиас, мне так больно. Помоги мне!» Он бы сделал что угодно, пошел бы на любой обмен, продал бы все, чтобы облегчить ее страдания, но фьерданец поклялся, что не даст ей парема. Он поклялся, что не позволит ей стать рабыней наркотика, и сдержит клятву, чего бы это ему ни стоило.

«Не могу, любовь моя, – прошептал он, прижимая мокрое полотенце к ее лбу. – Я не могу достать тебе еще парема. Я попросил ребят закрыть нас снаружи».

За долю секунды ее лицо изменилось, глаза превратились в узкие щелочки. «Так выбей гребаную дверь, ты, бесполезный *скив*!»

«Нет».

Она плюнула ему в лицо.

Через несколько часов, когда ее энергия иссякла, Нина притихла, грустная, но в здравом уме. Она лежала на боку, ее веки окрасились в синевато-фиолетовый оттенок, дыхание выходило резкими рывками.

– Поговори со мной, – попросила девушка.

– О чем?

– О чем угодно. Расскажи мне об *исенулфах*.

Ему не стоило удивляться, что она знала об *исенулфах* – белых волках, которых разводили, чтобы отправлять в битву с дрюскелями. Они были крупнее обычных волков, и, хотя их обучали всегда подчиняться хозяину, они никогда не теряли дикую, неукротимую природу, отличавшую их от дальних одомашненных собратьев.

Матиасу было трудно вспоминать о Фьерде, о жизни, которая навсегда осталась позади, но он заставил себя говорить, готовый пойти на все, чтобы отвлечь Нину.

– Иногда волков больше, чем дрюскелей, иногда наоборот. Волки сами решают, когда спариваться, без прямого вмешательства заводчика. Они слишком упрямые для этого.

Нина улыбнулась, но тут же сморщилась от боли.

– Продолжай, – прошептала она.

– Из поколения в поколение одна семья разводила для нас *исенулфов*. Они живут далеко на севере, возле Стенринка – Кольца Камней. Когда появляется новый помет, мы выходим туда пешком или на санях, и каждый дрюскель выбирает себе волчонка. С того момента мы ответственны друг за друга. Мы сражаемся вместе, спим на одной шкуре, едим одну и ту же пищу. Он не питомец. Он воин, как и ты, твой брат.

Нина вздрогнула, и Матиас почувствовал тошнотворную волну стыда. В битве с гришами *исенулы* помогали дрюскелям уравнивать шансы, натренированные всегда приходиться на

помощь хозяину и разрывать глотки его обидчикам. Сила сердцебитов не имела никакого воздействия на животных. Гриш, такой как Нина, был бы практически беспомощным при атаке исенулфа.

– А если с волком что-то случится? – спросила она.

– Дрюскель может приручить нового, но это ужасная потеря.

– А что происходит с волком, если его дрюскеля убивают?

Матиас молчал какое-то время. Ему не хотелось об этом думать. Трасс был очень дорог его сердцу.

– Они возвращаются в дикую природу, но их никогда не примет ни одна стая. – А что бывает с волком без стаи? Исенулфы не были приспособлены к жизни в одиночку.

Когда остальные дрюскели решили, что Матиас мертв, отвел ли Трасса на северный лед сам Брум? Мысль о том, что его волк один, воеет, зовя Матиаса, чтобы тот пришел и забрал его домой, вызвала щемящую боль в его груди. Казалось, что-то внутри него сломалось и осталось лишь эхо, одинокий треск ветки, на которую навалилось слишком много снега.

Словно почувствовав его печаль, Нина открыла глаза цвета светло-зеленого бутона, который вот-вот раскроется, цвета, который вернул его изо льда.

– Как его звали?

– Трассел.

Уголки ее губ приподнялись.

– Смутьян.

– Никто больше не хотел его брать.

– Он был недоростком?

– Нет, – покачал головой Матиас. – Как раз наоборот.

Тяжелый путь в Кольцо Камней занял больше недели. Матиасу не пришлось по душе этот поход. Ему было двенадцать, новенький среди дрюскелей, и каждый день он думал о том, чтобы сбежать. Тренировки его не смущали. Долгие часы за бегом и спаррингами помогали ему на время забыть о тоске по семье. Он хотел стать офицером. Бороться с гришами. Ему хотелось получить возможность почтить память своих родителей и сестры. Дрюскели дали ему цель. Но все остальное? Шутки в столовой? Бесконечное хвастовство и бессмысленный треп? Это ему ни к чему. У него была семья. Теперь они погребены под черной почвой, а их души отошли к Джелю. Дрюскели – просто средство для достижения цели.

Брум предупреждал его, что он никогда не станет настоящим дрюскелем, если не научится видеть в других мальчиках своих братьев, но Матиас в это не верил. Он был самым крупным, самым сильным, самым быстрым. Ему не нужна популярность, чтобы выжить.

Всю дорогу он сидел в санях сзади, закутавшись в мех и ни с кем не общаясь, а когда они наконец приехали в Кольцо Камней, то держался поодаль, чувствуя неуверенность в себе, пока остальные дрюскели кинулись в большой сарай, крича, толкая друг друга и ныряя в кучу извивающихся белых волчат с ледяными глазами.

Правда заключалась в том, что он отчаянно хотел волчонка, но знал, что на всех их может не хватить. Заводчик сам выбирал, какой мальчик получит волчонка, а какой поедет домой с пустыми руками. Большинство дрюскелей уже накинулись на пожилую женщину, пытаясь очаровать ее.

– Видите? Я ему нравлюсь.

– Смотрите! Смотрите! Я заставил ее сесть!

Матиас знал, что должен постараться быть приветливым, приложить хоть какие-то усилия, но вместо этого его потянуло к псарням, находящимся в конце сарая. В углу, в проволочной клетке, он увидел вспышку желтого – свет, отражающийся в паре настороженных глаз. Матиас приблизился и увидел волка, уже подросткового, но еще не совсем взрослого. Он зарычал, когда мальчик подошел вплотную к клетке: шерсть вздыблена, голова опущена, клыки обнажены. Морду молодого волка пересекал длинный шрам. Он проходил через его правый глаз и частично изменил цвет радужки с голубого на пятнисто-карий.

– Поверь, ты не захочешь иметь с ним дело, – сказала заводчица.

Матиас не заметил, как она подкралась к нему.

– Он может видеть?

– Может, но он не любит людей.

– Почему?

– Сбежал, когда был еще волчонком. Преодолеl две мили по ледяным полям. Ребенок нашел его и ударил разбитой бутылкой. С тех пор он никого к себе не подпускает, к тому же он слишком стар для обучения. Наверное, скоро мне придется его пристрелить.

– Позвольте мне забрать его.

– Он скорее разорвет тебя на кусочки, чем позволит кормить себя, мальчик. Подберем тебе волчонка в следующий раз.

Как только женщина отошла, Матиас открыл клетку. В ту же секунду волк накинулся на него и укусил.

Матиасу хотелось кричать, когда его зубы вонзились ему в предплечье. Он опрокинулся на землю, волк был сверху, и Матиас ощутил такую боль, которой не знал никогда прежде. Но мальчик не издавал ни звука. Он выдержал взгляд волка, когда зубы зверя впивались все глубже в мышцы руки, а грудь дрожала от недовольного рыка.

Матиас подозревал, что волчья челюсть была достаточно сильной, чтобы сломать ему кость, но не пытался бороться, не кричал, не разрывал зрительный контакт. *«Я не причиню тебе боль, – мысленно поклялся он, – даже если ты причинишь боль мне».*

Прошла долгая секунда, затем вторая. Матиас чувствовал, как его рукав намокает от крови. Ему казалось, что он теряет сознание.

И тут волк медленно отпустил его. Зверь сел, белый мех на его морде был в крови Матиаса, и наклонил голову набок. Затем фыркнул.

– Я тоже рад знакомству с тобой, – сказал Матиас.

Он осторожно сел, перевязал руку оторванной полоской от своей рубашки, а потом он и его волк, оба покрытые кровью, пошли к остальным дрюскелям в серой форме, играющим с волчатами.

– Этот – мой, – объявил он, когда все повернулись посмотреть на него, а женщина покачала головой. Затем Матиас отключился.

В ту ночь на корабле он рассказал Нине о Трасселе, о его свирепой натуре и рваном шраме. В конце концов девушка уснула, и Матиас позволил себе закрыть глаза. Лед уже поджидал его. Смертельный ветер пришел с белыми зубами, волки были вдалеке, а Нина кричала, но он не мог прийти к ней на помощь.

С тех пор этот сон снился ему каждую ночь. Было трудно не видеть в нем какое-то предзнаменование, и когда Нина небрежно спрятала желтую пилюлю в карман – это было все равно что смотреть на приближающуюся бурю: рев ветра, наполняющий уши, ледяной мороз, погружающийся в его кости, уверенность, что он ее потеряет.

– Парем может больше не подействовать на тебя, – сказал он. Они наконец-то дошли до

заброшенного канала, где пришвартовали свою гондолу.

– Что?

– Твоя сила изменилась, не так ли?

Нина оступилась.

– Да.

– Из-за парема?

Теперь девушка остановилась.

– Почему ты спрашиваешь?

Он не хотел спрашивать. Он хотел снова ее поцеловать. Но вместо этого сказал:

– Если шуханцы тебя поймут, то, возможно, уже не смогут использовать наркотик, чтобы поработить тебя.

– Или же все будет так же плохо, как и в прошлый раз.

– Эта пиллюля, яд, который дала тебе Тамара...

Нина опустила ладонь на его руку.

– Меня не поймут, Матиас.

– Но если все же...

– Я не знаю, что со мной сделал парем. Мне нужно верить, что его эффект пройдет через какое-то время.

– А если нет?

– Должен, – упрямо сказала она, нахмутив брови. – Я не могу так жить. Все равно что... быть только отчасти собой. Хотя...

– Хотя? – поторопил он.

– Сейчас жажда притупилась, – ответила она с удивлением, словно сама только что это поняла. – Вообще-то, я почти не думала о пареме с момента битвы в таверне.

– То есть использование этой новой силы помогло?

– Возможно, – осторожно согласилась она. – И... – нахмурилась. Матиас услышал низкое громоподобное урчание.

– Это что, твой *живот*?

– Да, – лицо Нины расплылось в ослепительной улыбке. – Матиас, я умираю от голода!

Неужели она наконец-то начала исцеляться? Или то, что она сделала в таверне, вернуло ей аппетит? Ему было плевать. Он просто радовался, что видел ее улыбку. Парень подхватил ее на руки и закружил в воздухе.

– Ты потянешь себе мышцы, если продолжишь в том же духе, – заразительно засмеялась девушка.

– Ты легкая, как перышко.

– Не хочу я видеть птичку, у которой выпало такое перышко. А теперь пошли, добудем мне гору вафель, которая будет вдвое выше тебя. Я...

Нина замолчала, и ее лицо побледнело.

– Ох, святые.

Матиас обернулся через плечо и обнаружил, что смотрит прямо себе в глаза. К стене приклеили плакат с довольно точным наброском его лица. Вокруг его портрета на нескольких языках, было напечатано одно слово: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ».

Нина сорвала плакат со стены.

– Ты же должен быть мертв!

– Видимо, кто-то попросил опознать тело Маззена, прежде чем его сожгли. – Может, фьерданцы. Может, просто кто-то из тюрьмы. Внизу были напечатаны еще какие-то слова на керчийском, которые Матиас не мог прочесть, но он и без того хорошо разобрал свое имя и кругленькую сумму. – Пятьдесят тысяч крюге. Они предлагают награду за мою поимку.

– Нет, – покачала головой Нина. Затем указала на текст под указанной крупной суммой денег и перевела: – «*Разыскивается: Матиас Хельвар. Живым или мертвым*». Они назначили цену за твою голову.

Джеспер

Когда Нина с Матиасом ворвались в гробницу, Джесперу захотелось вскочить со стула и закружить с ними в танце. Последний час он провел за попытками объяснить Кювей, как они доберутся до посольства, и у стрелка начало появляться отчетливое впечатление, что паренек просто прикидывался дурачком – возможно, потому, что наслаждался глупыми жестами, которыми пытался передать свою мысль Джеспер.

– Ты не мог бы повторить последнюю часть? – попросил Кювей, наклоняясь к нему слишком близко.

– Нина! – позвал Джеспер. – Можешь посодействовать этому разговору?

– Слава святым, – выдохнула Инеж, бросая свою работу на столе с Уайленом и Казом. Они разбирались с клубком проводов и другим оборудованием, которое Бреккер украл из «Цирка Зиркоа». Уайлен потратил последние два часа на внесение модификаций в намагниченные зажимы, которые должны цепляться за металлические бока силосов, чтобы обеспечить безопасность Инеж.

– Почему ты постоянно на него пялишься? – спросил Кювей. – Я выгляжу точно как он. Можешь смотреть на меня.

– Я не пялюсь на него, – возразил Джеспер. – Я... наблюдаю за процессом их работы. – Чем раньше Кювей сядет на корабль, тем лучше. В гробнице становилось слишкомлюдно...

– Вам удалось связаться с беженцами? – поинтересовалась Инеж, подзывая Нину к столу и расчищая ей место, чтобы сесть.

– Все прошло как по маслу, – кивнула девушка. – Если не считать парочки разбитых окон и что нас чуть не пристрелили.

Каз оторвался от работы, наконец-то проявив интерес.

– Большие проблемы в Малой Равке? – спросил Джеспер.

– Ничего такого, с чем бы мы не справились. Умоляю, скажите, что здесь есть еда.

– Ты голодна? – изумилась Инеж.

Все уставились на Нину. Та присела в реверансе.

– Да-да, Нина Зеник голодна. А теперь может меня кто-то покормить, пока я не взялась за приготовление одного из вас?

– Что за глупость, – фыркнул Джеспер. – Ты же не умеешь готовить.

Инеж уже копалась в остатках запасов еды, ставя скудные подношения в виде соленой трески, вяленого мяса и засохших крекеров перед Ниной.

– Что произошло в таверне? – спросил Каз.

– Беженцы прячутся в посольстве, – ответил Матиас. – Мы встретили...

– Их лидеров, – перебила Нина. – Они ждут от нас весточки. Девушка сунула в рот два крекера. – Отвратительно.

– Помедленнее, а то подавишься, – предупредил Матиас.

– Оно того стоит, – пробубнила Нина, пытаясь проглотить их.

– Крекеры?

– Я представляю, что это пирожные. Когда отплывает корабль?

– Мы нашли корабль с партией мелассы, направляющийся в Ос Керво и отплывающий в одиннадцать вечера, – сказала Инеж. – Шпект уже работает над документами.

– Славно, – Нина достала из кармана мятый кусок бумаги и разгладила его на столе. На них смотрел рисунок с лицом Матиаса. – Нам нужно как можно быстрее выбираться из города.

– Черт побери! – выругался Джеспер. – Каз и Уайлен все еще лидируют.

Парень указал на стену, куда они приклеили остальные плакаты о розыске: Джеспер, Каз и Инеж тоже были там. Ван Эк пока не осмелился расклеить лицо Кювея Юл-Бо на каждой поверхности в Кеттердаме, но ему нужно было поддерживать иллюзию о поисках своего сына, так что среди постеров нашелся и тот, который предлагал награду за безопасное возвращение Уайлена Ван Эка. На нем было изображено его прежнее лицо, но Джеспер не нашел особого сходства. Не было только Нины. Она никогда не встречала Ван Эка, и хоть была связана с Отбросами, возможно, купец не знал о ее участии.

Матиас изучил плакаты.

– Сто тысяч крюге! – он окинул Каза изумленным и недовольным взглядом. – Да ты столько не стоишь!

Губы Бреккера дрогнули, намекая на улыбку.

– Желание рынка – закон.

– Ага, расскажи мне об этом, – буркнул Джеспер. – За меня предлагают всего тридцать тысяч.

– На кону ваши жизни! – воскликнул Уайлен. – Как вы можете относиться к этому как к соревнованию?

– Мы застряли в гробнице, купчик. Развлекаемся, как можем.

– Может, нам *всем* стоит поехать в Равку? – внесла предложение Нина, постукивая по плакату с Инеж. – Здесь оставаться небезопасно.

– Неплохая идея, – хмыкнул Каз.

Инеж недоверчиво покосилась на него.

– Ты бы поехал в Равку?

– Ни за что. Я залягу на дно здесь. Хочу увидеть, как жизнь Ван Эка превратится в ад, когда придет время.

– Но ты можешь поплыть с нами, – сказала Нина Инеж. – И ты, Джеспер. Колма тоже возьмем с собой.

Джеспер подумал о своем отце, запертом в роскошном номере «Гельдреннера» и наверняка протиравшем дыры в ковре, расхаживая взад-вперед. Прошло всего два дня с тех пор, как широкая спина его отца исчезла между могилами, пока Ротти уводил его с Черной Вуали, но казалось, что гораздо больше. За это время Джеспера чуть не убили охотники на гришей и назначили цену за его голову. Но если сегодня им все же удастся выполнить эту работу, ему не придется ни о чем рассказывать отцу.

– Ни за какие коврижки, – ответил Джеспер. – Я хочу как можно быстрее вернуть папе деньги, а затем отправить его в Новый Зем. Я не буду спать спокойно, пока он не окажется в безопасности на своей ферме. Мы спрячемся в его отеле, пока Ван Эк не будет дискредитирован, а сахарный рынок не вылетит в трубу.

– Инеж?

Все посмотрели на Призрака – все, кроме Джеспера. Он наблюдал за Казом. Ему было любопытно, как тот отреагирует на перспективу того, что Инеж покинет город. Но лицо Бреккера оставалось бесстрастным, словно он ожидал услышать, когда подадут ужин.

Девушка помотала головой.

– Если я и поплыву в Равку, то на собственном корабле, управляемым моей командой.

Брови Джеспера взлетели вверх.

– С каких пор ты стала морячкой? И какой здравомыслящий человек согласится жить на корабле?

Инеж улынулась.

– Я слышала, этот город сводит людей с ума.

Каз достал часы из кармана жилета.

– Выходим после восьмого удара часов. Сегодня Ван Эк организывает у себя дома встречу с Торговым советом.

– Думаешь, они выделяют больше ресурсов на поиски Уайлена? – любопытствовала Нина.

– Скорее всего. Это больше не наша забота. Шум и постоянный круговорот людей обеспечат нам с Уайленом неплохое прикрытие, чтобы достать печать из сейфа. Нина и Инеж одновременно ударят по Сладкому Рифу. Стража постоянно патрулирует периметр силосов, и у них уходит примерно двенадцать минут, чтобы обойти ограду. Они всегда оставляют кого-то присматривать за воротами, так что будьте осторожны на подходе. – Он поставил крошечную закупоренную бутылочку на стол. – Это кофейный экстракт. Кювей, Нина, Джеспер, я хочу, чтобы вы обмазались им с головы до ног. Если эти шуханские солдаты действительно могут учуять гришей, это поможет сбить их со следа.

– Кофе? – переспросил Кювей, доставая пробку и осторожно принюхиваясь.

– Умно, – ухмыльнулся Джеспер. – Раньше мы упаковывали в нелегальные партии юрды и специй кофейную гущу, чтобы сбить с толку собак городской стражи. Притупляло их обоняние.

Нина взяла баночку и помазала щедрой дозой экстракта себе за ушами и запястья.

– Будем надеяться, что на хергудах это тоже сработает.

– Твоим беженцам лучше бы быть готовыми, – сказал Каз. – Сколько их?

– Меньше, чем мы думали. Пятнадцать и, э-э... еще несколько человек из посольства. Всего семнадцать.

– Плюс ты, Матиас, Уайлен и Кювей. Двадцать один. Шпект подделает письмо соответствующим образом.

– Я не еду, – отозвался Уайлен.

Джеспер переплел пальцы, чтобы скрыть их дрожь.

– Нет?

– Я больше не позволю своему отцу выгнать меня из Кеттердама.

– Почему все так решительно настроены остаться в этом несчастном городе? – проворчала Нина.

Джеспер откинулся на стуле, изучая Каза. Тот ничуть не удивился, когда услышал, что Уайлен захотел остаться.

– Ты знал, – сказал он, складывая кусочки воедино. – Ты знал, что мать Уайлена жива.

– Мать Уайлена жива?! – воскликнула Нина.

– А с чего, по-твоему, я позволил вам отправиться в Олендаль? – ответил Каз.

Уайлен часто заморгал.

- И ты знал, что я соврал насчет карьера.

Джеспер почувствовал вспышку ярости. Одно дело, когда Каз морочил голову ему, но Уайлен отличался от них всех. Несмотря на его чудовищные отношения с отцом, Уайлен не позволил этим обстоятельствам, да и этому городу тоже выбить из него всю доброту. Он все еще верил, что люди могут исправиться. Джеспер ткнул в Каза пальцем.

- Ты не должен был отправлять его в Святую Хильду вслепую. Это было жестоко.

- Это было необходимо.

Кулаки Уайлена сжались.

- Почему?

- Потому что ты до сих пор не понимал, какой твой отец на самом деле.

- Ты мог бы рассказать мне.

- Ты бы разозлился. Злость со временем проходит. Мне было нужно, чтобы ты жаждал справедливости.

Парень скрестил руки.

- Что ж, у тебя получилось.

Каз опустил руки на трость.

- Уже поздно, так что все дружно перестаем жалеть Уайлена и промокать глазки и начинаем думать о стоящей перед нами задаче. Матиас, Джеспер и Кювей направятся в посольство в половине десятого. Вы подойдете с канала. Джеспер, ты высокий, темнокожий и слишком заметный...

- Все это синонимы к «восхитительный».

- И это значит, что тебе нужно действовать вдвойне осторожней.

- За величие всегда приходится платить.

- Постарайся отнестись к этому серьезно, - сказал Каз голосом, напоминавшим ржавый клинок. Ему показалось, или он услышал в нем настоящее беспокойство? Джеспер пытался не задаваться вопросом, было ли оно по отношению к нему или к делу. - Иди быстро и приведи всех к докам не раньше десяти. Не хочу, чтобы вы торчали там и привлекали лишнее внимание. Встречаемся в Третьей гавани на причале пятнадцать. Корабль называется «Ферхадер». Он ходит по маршруту из Керчи в Равку несколько раз в году, - Бреккер встал. - Будьте умны и бесшумны. Ничто из этого не сработает, если Ван Эк просечет наш план.

- И берегите себя, - добавила Инеж. - Я хочу отпраздновать со всеми вами, когда корабль выплывет из гавани.

- А шампанское будет?

Нина доела последний крекер и облизала пальцы.

- Там буду я, а я - не менее искрометная.

После этого им ничего не оставалось, кроме как закончить складывать снаряжение. Никаких грандиозных прощаний не было.

Джеспер поплелся к столу, за которым Уайлен собирал свою сумку и делал вид, что ищет что-то нужное в кипе карт и документов.

Он замылся, но затем все же сказал:

- Ты мог бы остаться со мной и папой. Если захочешь. В отеле. Если тебе нужно место, где можно переждать.

- Правда?

- Конечно, - Джеспер пожал плечами, хотя жест показался ему каким-то неправильным. - Инеж и Каз тоже. Не можем же мы все разбежаться, пока не свершится возмездие.

- А что потом? Когда заем твоего отца будет выплачен? Ты вернешься в Новый Зем?

- Я должен.

Уайлен ждал. У Джеспера не было для него ответа. Если он вернется на ферму, то будет вдали от искушений Кеттердама и Бочки. Но с тем же успехом он сможет найти новые неприятности на свой зад. А сколько денег у него будет! Даже после выплаты кредита у него останется больше трех миллионов крюге. Парень снова пожал плечами.

- Это Каз у нас все планирует загодя.

- Конечно, - кивнул Уайлен, но стрелок видел разочарование на его лице.

- Полагаю, твое будущее уже решено?

- Нет. Я знаю только то, что вытащу свою маму из того ужасного места и попытаюсь построить новую жизнь для нас, - Уайлен кивнул на плакаты на стене. - Это действительно то, чего ты хочешь? Быть преступником? Продолжить скакать от следующей цели к следующей драке и следующей почти что неминуемой смерти?

- Честно? - Джеспер знал, что Уайлену вряд ли понравится то, что он скажет.

- Время, - крикнул Каз с порога.

- Да, это то, чего я хочу, - ответил Джеспер. Уайлен надел ранец на плечо, и стрелок, не задумываясь, поправил его перекрутившийся ремень. И продолжал держать его. - Но это не все, чего я хочу.

- Быстро! - рявкнул Каз.

Надо бы стукнуть его по голове этой тростью. Джеспер отпустил ремень.

- Ни траура.

- Ни похорон, - тихо промолвил Уайлен. Затем они с Казом скрылись за дверью.

Следующими были Нина и Инеж. Нина исчезла в одном из проходов, чтобы сменить свой дурацкий фьерданский наряд на более практичные штаны, тунику и плащ - все равкианского производства и кроя. Она увела с собой Матиаса и вышла через несколько долгих минут растрепанной и румяной.

- Вижу, ты ни на секунду не забываешь о деле, - не сдержался Джеспер.

- Я учу Матиаса веселиться. Он превосходный ученик. Всегда очень усерден на уроках.

- Нина... - прорычал фьерданец с предостережением в голосе.

- Но у него проблемы с поведением. Еще есть над чем работать.

Инеж подтолкнула бутылочку с кофейным экстрактом к Джесперу.

- Попытайся сегодня быть осторожным, Джес.

- Я так же осторожен, как Матиас - весел.

- Я прекрасно умею веселиться! - рыкнул Матиас.

- Прекрасно, - согласился Джеспер.

Он хотел сказать им что-то еще, по большей степени Инеж, но не перед остальными. «*Может, я никогда ей этого не скажу*», – признал парень. Он был обязан извиниться перед Инеж. Его беспечность привела их к засаде в Пятой гавани перед тем, как они отправились в Ледовый Двор, и эта ошибка чуть не стоила Призраку жизни. Но как, черт возьми, он мог просить прощения за такое? «Извини, что тебя чуть не зарезали из-за меня. Кто-нибудь хочет вафель?»

Прежде чем он успел погрузиться в более глубокие раздумья на эту тему, Инеж поцеловала его в щеку, Нина показала стене с плакатами о розыске один очень интересный палец, а Джеспер остался ждать половины десятого в гробнице, наедине с угрюмым Кювеем и нервным Матиасом.

Кювей начал доставать из рюкзака и складывать обратно свои блокноты.

Джеспер сел за стол.

– Тебе нужны все блокноты?

– Да, – сухо ответил он. – Ты бывал в Равке?

«*Бедный парень. Он явно напуган*», – подумал Джеспер.

– Нет, но с тобой будут Нина и Матиас.

Кювей взглянул на дрюскеля и прошептал:

– Он очень суровый.

Джеспер хохотнул.

– Я бы не назвал его весельчаком, но у него имеется несколько хороших качеств.

– Я тебя слышу, Фахи, – проворчал Матиас.

– Вот и хорошо. Еще не хватало об этом кричать.

– Ты что, совсем не волнуешься за остальных?

– Конечно, волнуюсь. Но все мы уже выросли из пеленок. Время для беспокойства прошло. Теперь начинается самое интересное, – сказал он, похлопывая по револьверам. – Время действовать.

– Или умирать, – пробормотал Матиас. – Ты, как и я, прекрасно знаешь, что Нина сейчас не в лучшей форме.

Матиас перестал мерять шагами помещение и занял место за столом напротив Джеспера.

– Что произошло в домике на озере?

Стрелок разгладил уголок одной из карт.

– Не уверен, но, по-моему, она удавила парня насмерть облаком пыли.

– Ничего не понимаю, – покачал головой фьерданец. – Облако пыли? Сегодня она контролировала осколки костей... она никогда не была на это способна до парема. Нина считает, что это временное явление, остаточный эффект наркотика, но... – он повернулся к Кювею. – Может ли парем изменить силу гриша? Переделать ее? Уничтожить?

Кювей завозился с защелкой на своем рюкзаке.

– Полагаю, это возможно. Она пережила ломку. Это редко случается, и мы мало что знаем о пареме и силе гришей.

– Что, недостаточно гришей вскрыли, чтобы решить эту задачку? – слова слетели с языка Джеспера прежде, чем он успел их обдумать. Он знал, что это несправедливо. Кювей и его отец сами были гришами, и ни один из них не имел возможности помешать

шуханским экспериментам над остальными.

– Ты злишься на меня? – спросил Кювей.

Джеспер улыбнулся.

– Я не злой парень.

– Нет, ты именно такой, – сказал Матиас. – Злой и напуганный.

Стрелок осмотрел дрюскеля с головы до пят.

– Что, прости?

– Джеспер очень храбрый, – возразил Кювей.

– Спасибо, что заметил, – Джеспер вытянул ноги и скрестил их в лодыжках. – Ты хочешь мне что-то сказать, Матиас?

– Почему ты не плывешь в Равку?

– Мой отец...

– Твой отец мог бы поплыть с нами. И если ты так о нем волнуешься, то почему не навестил его сегодня в отеле?

– По-моему, это не твое дело.

– Я знаю, каково стыдиться своей сущности и поступков.

– Ты действительно хочешь об этом поговорить, ведьмолов? Я не стыжусь. Я осторожен. Благодаря таким людям, как ты и твои приятели-дрюскели, мир стал опасным местом для таких людей, как я. Так было всегда, и не похоже, что станет лучше.

Кювей протянул руку и коснулся ладони Джеспера с лицом, полным мольбы.

– Пожалуйста, пойми. То, что мы сделали, что сделал мой отец... Мы пытались улучшить ситуацию, найти способ для гришей... – он показал жестом, будто на что-то давит.

– Подавить их силу? – предположил Матиас.

– Да. Именно. Чтобы нам было легче скрываться. Если гриши не используют свои способности, то начинают болеть. Они стареют, быстро устают, теряют аппетит. Таким образом шуханцы и определяют гришей, которые пытаются спрятаться.

– Я не использую свою силу, но, тем не менее... – Джеспер начал загибать пальцы, перечисляя свои доводы: – Во-первых: как-то раз я участвовал в споре и буквально съел корыто, до отказа набитое вафлями с кленовым сиропом, и чуть не попросил вторую порцию. Во-вторых: у меня никогда не было проблем с нехваткой энергии. В-третьих: я ни разу в жизни не болел.

– Нет? – спросил Матиас. – Болезни бывают разные.

Джеспер коснулся руками револьверов. Похоже, сегодня фьерданец был не в лучшем расположении духа.

Кювей открыл свой рюкзак и достал жестянку с обычной юрдой – той, которая продавалась на каждом углу в Кеттердаме.

– Юрда – это стимулятор, помогающий бороться с усталостью. Мой отец думает... думал, что в ней крылся ответ, который мог бы спасти наш вид. Если бы он подобрал правильную формулу, это позволило бы гришам оставаться здоровыми, не используя свою силу.

– Но все пошло не так, верно? – сказал Джеспер. Может, он действительно был *немного* зол.

– Тесты прошли не так, как планировалось. Кто-то в лаборатории проболтался. Наши лидеры узнали о пареме и решили применить его в иных целях. – Он покачал головой и указал на свой рюкзак. – Теперь я пытаюсь вспомнить папины эксперименты.

– Вот что ты записываешь в свои блокноты?

– Я еще и журнал веду.

– Должно быть, он очень увлекательный. День первый: просидел в гробнице. День второй: снова просидел в гробнице.

Матиас проигнорировал Джеспера и спросил:

– И как, есть успехи?

Кювей нахмурился.

– Небольшие. Кажется. В лаборатории с настоящими учеными дело могло бы пойти быстрее. Я – не мой отец. Он был фабрикаторм. Я же инферн. Я в этом не хорош.

– А в чем тогда? – поинтересовался Джеспер.

Парень окинул его задумчивым взглядом, а затем нахмурился.

– У меня не было возможности это узнать. В Шухане мы жили в страхе. Родная страна никогда не была нам домом.

Это Джеспер определенно мог понять. Он взял жестянку с юрдой и открыл крышку. Продукт был высокого качества, со сладким ароматом, высушенные цветы почти не крошились и сохраняли ярко-оранжевый цвет.

– Думаешь, если у тебя будет лаборатория и парафабрикатормов в распоряжении, ты сможешь воссоздать эксперименты своего отца и каким-то образом придумать антидот?

– Надеюсь, – ответил Кювей.

– Как он сработает?

– Очистит тело от парема? – любопытствовал Матиас.

– Да. Выведет парем из организма. Но даже если мы преуспеем, как его применить?

– Тебе придется подобраться достаточно близко, чтобы ввести противоядие или заставить кого-то проглотить его, – сказал фьерданец.

– И к тому времени, как ты окажешься в зоне досягаемости, тебя уже прикончат, – закончил Джеспер.

Он зажал между пальцами один из цветков юрды. В конце концов кто-нибудь додумается, как создать свою версию юрды-парема, и тогда один такой цветочек будет стоять целое состояние. Если сосредоточиться на одном из его лепестков, даже слегка, то можно почувствовать, как он раскладывается на мелкие составляющие. Он не столько их видел, сколько чувствовал – крошечные кусочки материи, которые складывались в одно целое.

Стрелок положил цветок обратно в жестянку. Когда он был маленьким и лежал в поле своего отца, то обнаружил, что может вытянуть цвет из юрды лепесточек за лепесточком. Одним скучным днем, таким же способом вытягивая цвет, он написал заглавными буквами матерное слово на западных пастбищах. Его отец пришел в ярость, но при этом страшно испугался. Он кричал, пока не охрип, отчитывая Джеспера, а затем Колм просто сидел и смотрел на сына, сомкнув крупные ладони вокруг чашки чая, чтобы скрыть их дрожь. Поначалу Джеспер думал, что папа злился из-за ругательства, но дело было совсем в другом.

«Джес, – наконец сказал он. – Больше никогда так не делай. Пообещай мне. У твоей мамы был тот же дар. Он принесет тебе только несчастья».

«Обещаю», – быстро выпалил Джеспер, желая все исправить. Его до сих пор трясло от вида своего терпеливого, кроткого отца в таком гневе. Но думал он только об одном: *«Мама не казалась несчастной»*.

На самом деле его мама искала наслаждение во всем. Она была земенкой с темно-коричневой кожей и такой высокой, что папе приходилось откидывать голову назад, чтобы посмотреть ей в глаза. Прежде чем Джеспер достаточно повзрослел, чтобы работать в поле с отцом, ему позволяли оставаться дома с мамой. Работы всегда хватало: постирать одежду, приготовить еду, порубить дрова, и Джеспер был рад ей помочь.

«Как там моя земля?» – спрашивала она каждый день, когда папа возвращался с поля. Позже Джеспер узнал, что ферма была записана на ее имя – свадебный подарок от его отца, который ухаживал за Адити Хилли почти год, прежде чем та сооблаговолила выделить ему свое время.

«Цветет и пахнет, – отвечал он, целуя ее в щеку. – Прямо как ты, милая».

Папа Джеспера постоянно обещал сыну поиграть с ним и научить вырезать из дерева, но, как всегда, Колм ел свой ужин и засыпал у камина, даже не сняв сапог, подошвы которых были испачканы в оранжевой пыли юрды. Джеспер и мама снимали их с папиных ног, пытаясь подавить смех, а затем накрывали его одеялом и заканчивали оставшуюся работу по хозяйству. После того как они протирали стол и снимали высохшее белье, она укладывала Джеспера спать. Как бы его мама ни была занята, сколько бы животных ей ни нужно было освежевать, а корзинок – починить, ее энергия, как и у Джеспера, била через край, и ей всегда хватало времени, чтобы рассказать ему сказку перед сном или спеть колыбельную.

Именно мама научила его ездить на лошади, расставлять ловушки, чистить рыбу, выщипывать куропаток, разжигать костер с помощью всего двух палок и правильно заваривать чай. Она также научила его стрелять. Сперва из детского игрушечного пистолета с гранулами, а потом из настоящих пистолетов и винтовки. «Любой может стрелять, – говорила она. – Но не каждый умеет прицеливаться». Она обучила его, как просчитывать расстояние, выслеживать зверей по зарослям, трюкам, которые может сыграть с глазами свет, как делать поправку на ветер и как стрелять в процессе бега или сидя верхом. Не существовало такой задачи, с какой она бы не могла справиться.

Они проводили и тайные занятия. Иногда, когда они поздно возвращались домой и ей нужно было приготовить ужин, мама кипятила воду, не включая плиты, и заставляла тесто подняться одним взглядом. Он видел, как она выводила грязные пятна с одежды, проводя по ней пальцем, и изготавливала собственный порох, выживая селитру со дна давно высохшего озера неподалеку от их дома. «Зачем платить за то, что я могу сделать сама? – спрашивала она. – Но мы не будем говорить об этом папе, верно?» Когда Джеспер спросил почему, она просто ответила: «У него и так много забот, и мне не нравится, когда он беспокоится из-за меня». Но папа все равно беспокоился, особенно когда мамины друзья-земенцы приходили к ним, чтобы обратиться за помощью или исцелением.

– Думаешь, тут работоторговцы тебя не достанут? – спросил он однажды ночью, расхаживая взад-вперед по их домику, пока Джеспер лежал, укутавшись в одеяло, и притворялся, что спит, чтобы подслушать их разговор. – Если слухи о том, что здесь живет гриш, распространятся...

– Это слово, – сказала Адити, взмахнув изящной рукой, – не наше слово. Я не могу быть никем другим, только собой, и если мой дар может помочь людям, тогда мой долг – воспользоваться им.

– А как же наш сын? Ему ты ничего не должна? Твой главный долг – оставаться в безопасности, чтобы мы тебя не потеряли.

Тогда мать Джеспера взяла лицо Колма в руки – так нежно, так ласково, со всей любовью, светящейся в ее глазах.

– Какой бы матерью я была для нашего сына, если бы прятала свои таланты? Если бы позволила страху руководить моей жизнью? Ты знал, кто я, когда попросил меня выбрать тебя, Колм. Не думай, что теперь я стану обыкновенной.

И вот так просто раздражение его отца иссякло.

– Я знаю. Просто я не вынесу, если потеряю тебя.

Она рассмеялась и поцеловала его.

– Тогда держи меня рядом, – сказала мама и подмигнула. И на этом ссора заканчивалась. До следующего раза.

Как оказалось, отец Джеспера ошибался. Адити забрали не работоторговцы.

Как-то ночью Джеспер проснулся, услышав чьи-то голоса, и когда он вылез из-под одеяла, то увидел, как его мать накидывает пальто поверх ночной рубашки, надевает шляпу и быстро обувается. Тогда ему было семь – довольно юный, но и достаточно взрослый, чтобы знать, что самые интересные разговоры происходили после того, как он ложился спать. У двери стоял земенец в пыльной одежде для верховой езды. Его отец говорил:

– Сейчас середина ночи! Неужели это не может подождать до утра?

– Ты бы так говорил, если бы это Джес мучился от боли? – спросила его мама.

– Адити...

Она поцеловала Колма в щеку и подхватила Джеспера на руки.

– Мой крольчонок уже проснулся?

– Нет, – ответил он.

– Значит, тебе снится сон, – она уложила его обратно и чмокнула в щеки и лоб. – Спи, мой крольчонок, а завтра я уже вернусь.

Но она не вернулась на следующий день, а когда следующим утром постучали в дверь, это оказалась не его мама, а все тот же пыльный земенец.

Колм схватил сына под мышку и за секунду выбежал из дома. Надвинул шляпу на голову, усадил Джеспера в седло перед собой, а затем помчался на коне галопом. Пыльный земенец ехал на еще более пыльной лошади, и они следовали за ним через мили возделанной земли к белому фермерскому дому на краю плантации юрды. Он был куда симпатичней их маленькой хижинки – двухэтажный и со стеклом в оконных рамах.

Женщина, ожидающая на крыльце, была полнее его мамы, но почти такой же высокой, ее волосы были заплетены в толстые маленькие косички. Она пригласила их внутрь и сказала:

– Она наверху.

В последующие годы, когда Джеспер наконец-то осознал, что произошло в те ужасные дни, он мало что помнил: полированные деревянные половицы, которые казались чуть ли не шелковистыми под его ногами, глаза полной женщины, покрасневшие от слез, и девочку – она была на пару лет старше Джеспера, с косичками, как у ее мамы. Девочка выпила из колодца, который вырыли слишком близко к одной из шахт. Его должны были заколотить, но вместо этого кто-то просто решил забрать ведро. Лебедка и старая веревка остались на месте. Поэтому девочка и ее друзья использовали свои бачки для еды, чтобы набрать воду – холодную, как утро, и такую же чистую. Все трое заболели той же ночью. Двое умерли. Но мама Джеспера спасла девочку – дочку полной женщины.

Адити подошла к постели девочки, понюхала металлический бачок и приложила руки к пылающей коже малышки. К полудню следующего дня лихорадка прошла, а белки девочки перестали быть желтоватого оттенка. К раннему вечеру она присела и сказала матери, что проголодалась. Адити улыбнулась ей и потеряла сознание.

– Она не была достаточно осторожна, когда выводила яд, – сказал пыльный мужчина. – И сама впитала слишком много. Я уже видел, как подобное случалось с зовами. «Зова» – благословенный. Это слово использовала мама Джеспера вместо «гриш». «Мы зовы, –

говорила она Джесперу, когда заставляла цветок распуститься одним щелчком пальца. – Ты и я».

Теперь некого было звать на помощь, чтобы спасти ее. Джеспер не знал как. Будь она в сознании, будь она сильнее, то, возможно, смогла бы сама себя исцелить. Вместо этого она впала в глубокий сон, и ее дыхание становилось все более и более затрудненным.

Джеспер спал, прижавшись щекой к ладони матери, не сомневаясь, что в любую минуту она проснется и погладит его, и он услышит звук ее голоса, говорящего: «Что ты тут делаешь, крольчонок?» Вместо этого он проснулся под звуки рыданий своего отца.

Они отвезли ее обратно на ферму и похоронили под вишней, которая уже начала расцветать. Джесперу она показалась слишком красивой для такого печального дня, и даже сейчас, при виде этих бледно-розовых лепестков в витринах или вышитых на шелке, он всегда впадал в меланхолию. Они возвращали его к запаху свежеспаханной земли, ветру, шепчущему между полями, к дрожащему баритону его отца, поющего грустную песню на каэльском, слов которой Джеспер не понимал.

Когда Колм закончил и последние ноты растворились среди веток вишни, Джеспер спросил:

– Мама была ведьмой?

Колм опустил веснушчатую ладонь на плечо сыну и притянул его к себе.

– Она была нашей королевой, Джес, – ответил он. – Она была нашей королевой.

В ту ночь Джеспер приготовил для них ужин, – горелое печенье и водянистый суп, – но его папа съел все до последнего кусочка и читал ему каэльскую книгу о святых, пока свечки не догорели и боль в сердце Джеспера не притупилась достаточно, чтобы он мог уснуть. Так они и жили с тех пор вдвоем, приглядывая друг за другом, работая в поле, собирая и высушивая юрду летом и пытаясь сделать так, чтобы ферма начала приносить доход. И почему этого было недостаточно?

Но, даже когда в его голове промелькнула эта мысль, Джеспер знал, что этого никогда не могло быть достаточно. Он никогда не сможет вернуться к той жизни. Он не создан для нее. Может, если бы его мама была жива, она бы научила его направлять свою неутомимость в нужное русло. Может, она бы показала ему, как использовать свою силу, вместо того чтобы прятать ее. Может, он бы отправился в Равку, чтобы служить короне. Или, возможно, он все равно оказался бы здесь.

Парень вытер пыльцу юрды с пальцев и накрыл жестянку крышкой.

– Земенцы используют не только цветы, – сказал он. – Я помню, как мама вымачивала стебли юрды в козьем молоке. А затем давала их мне, когда я был в поле.

– Зачем? – поинтересовался Матиас.

– Чтобы нейтрализовать эффект от пыльцы юрды, которую я вдыхал весь день. Это вредно для детского организма, и никто не хотел, чтобы я становился еще более возбужденным, чем обычно.

– Стебли? – переспросил Кювей. – Большинство людей просто их выкидывают.

– В них есть бальзам. Земенцы выжимают его для мазей. Затем натирают детям десна и ноздри, чтобы снять ожоги от юрды. – Пальцы Джеспера забарабанили по жестянке, а в его голове начала зарождаться идея. Может ли само растение быть секретным ингредиентом для антидота? Он не химик; его мозг не работал так, как у Уайлена, и его не обучали фабричному делу. Но он был сыном своей матери. – Что, если существует версия бальзама, который нейтрализует действие юрды-парема? Применить его, правда, все равно не удастся...

В эту секунду разбились окна гробницы. Джеспер мгновенно достал свои револьверы, а Матиас толкнул Кювея на пол и приставил ружье к плечу. Они подкрались к стене, и Джеспер выглянул наружу через разбитое витражное стекло. В тени кладбища он увидел свет фонариков и движущиеся силуэты людей – многих людей.

- Если только призраки таинственным образом не ожили, – медленно произнес он, – похоже, у нас гости.

Инеж

По ночам казалось, что складской район сбрасывает с себя кожу и принимает новую форму. Трущобы на восточной границе наполнялись жизнью, в то время как улицы самого района становились безлюдными, не считая охраны на постах и городской стражи, патрулирующей территорию.

Инеж с Ниной пришвартовали лодку на широком центральном канале, который протекал через центр района, и пошли по тихой набережной, стараясь красться вдоль складов и не подходить слишком близко к уличным фонарям, выстроившимся у самой кромки воды. Девушки миновали баржи, наполненные лесоматериалами, и огромные ямы, заваленные углем. Время от времени им на встречу попадались люди, работающие в свете фонарей, таскающие бочки рома или тюки с хлопком. Такой ценный груз нельзя было оставлять без присмотра. Когда они почти дошли до Сладкого Рифа, то увидели двух человек, разгружающих большой фургон, который был припаркован сбоку от канала и освещался лишь одной синей лампой.

– Трупосветы, – прошептала Инеж, и Нина передернулась. Костесветы, сделанные из перемолотых скелетов глубоководных рыб, светились зеленым сиянием. Но трупосветы горели с помощью иного топлива – синее предупреждение, позволявшее людям опознавать плоскодонки телосборщиков, чей груз состоял из трупов.

– Что телосборщики делают в складском районе?

– Людям не нравится видеть трупы на улицах или в каналах. По ночам этот район практически пуст, поэтому, как только солнце заходит, телосборщики собирают мертвых и привозят их сюда. Они работают методично, округ за округом. К утру их вместе с грузом уже и след простынет.

Груз позже сожгут на Барже Жнеца.

– Почему бы им просто не построить настоящее кладбище? – поинтересовалась Нина.

– Нет места. Я слышала, что когда-то давно планировалось снова открыть Черную Вуаль, но все разговоры об этом прекратились, когда началась первая волна «чумы придворной дамы». Люди слишком боятся заразы. Если семья может себе это позволить, они отправляют умерших на кладбище за границей Кеттердама. А если нет...

– Ни траура, – сухо произнесла Нина.

Ни траура, ни похорон. Еще один способ пожелать друг другу «ни пуха ни пера». Но это и нечто большее. Мрачное подмигивание тому факту, что для таких людей, как они, не будет дорогих захоронений или мемориальных досок, чтобы запомнить их имена, не будет миртовых венков или роз.

Инеж вышла вперед, когда они приблизились к Сладкому Рифу. Сами силосы выглядели пугающими и огромными, как боги-дозорные, памятники промышленности, украшенные красным лавровым венком Ван Эка. Скоро все узнают, что значит эта эмблема – трусость и лживость. Силосы Ван Эка стояли по кругу и были ограждены высоким металлическим забором.

– Колючая проволока, – отметила Нина.

– Это не проблема. – Ее изобрели, чтобы не дать скоту выбежать из загона. Для Призрака она не составит трудностей.

Они заняли позиции у красной кирпичной стены склада, проверяя, не изменился ли стандартный распорядок стражников. Как Каз и сказал, у них уходило почти двенадцать минут, чтобы обойти ограждение вокруг силосных башен. Когда патруль будет находиться на восточной стороне периметра, у Инеж останется ровно шесть минут, чтобы перелезть через проволоку. Стоит им пройти на западную сторону, и они с легкостью смогут увидеть ее на канате между силосами, зато ее будет практически невозможно заметить с крыши. За эти шесть минут Инеж должна высыпать долгоносика

в силосный люк, а затем отцепить веревку. Если у нее уйдет больше времени, ей просто придется подождать, пока стражники снова уйдут. Она не сможет их увидеть, но у Нины имелась мощная дампа в руке. Она подаст Инеж сигнал короткой вспышкой зеленого света, когда можно будет переходить к следующей башне.

- Десять силосных башен, - сказала Инеж. - Девять переходов.

- Вблизи они выглядят гораздо выше, - ответила Нина. - Ты готова?

Инеж не могла отрицать, что они ее пугали.

- Как бы ни была высока гора, взбираться на нее одинаково сложно.

- Фактически это не совсем верно. Тебе понадобятся веревки, кирки...

- Не будь Матиасом.

Нина ахнула и в ужасе прикрыла рот ладонью.

- Я съем в два раза больше пирожных, чтобы загладить свою вину.

Инеж утвердительно кивнула головой.

- Разумная политика.

Патруль снова выходил из караульного помещения.

- Инеж, - сказала Нина, запинаясь, - тебе стоит знать, что моя сила изменилась после парема. Если мы попадем в передрагу...

- Сегодня никаких передраг. Мы проникнем как призраки. - Она сжала плечо подруги. - И я не знаю более свирепого воина, чем ты, с силами или без.

- Но...

- Нина, стража.

Патруль исчез из виду. Если они не начнут действовать, то придется ждать до следующего круга, и тогда они отстанут от графика.

- Начинаем, - сказала Нина и пошла к сторожке.

За те несколько шагов, которые понадобились, чтобы пересечь дорогу от их позиции у склада к кружку света от фонаря, освещающего караульное помещение, манера поведения девушки полностью поменялась. Инеж не могла этого толком объяснить, но ее шаги стали более осторожными, плечи слегка поникли. Казалось, она уменьшилась в размерах. Теперь Нина была не натренированным гришом, а юной, нервной иммигранткой, надеющейся хоть на толику доброты.

- Пожалуйста, простить? - произнесла она со смехотворным равкианским акцентом.

Оружие охранника было наготове, но он не выглядел сильно обеспокоенным.

- Вам не стоит гулять здесь ночью.

Нина что-то пробормотала, глядя на него исподлобья большими зелеными глазами. Инеж даже не представляла, что она могла выглядеть такой цветущей.

- Что вы сказали? - спросил охранник, подходя ближе.

Инеж принялась за дело. Подошла длинный фитиль на одной из слабеньких фотобомб Уайлена, затем метнулась к забору, остерегаясь кругов света, и начала тихо взбираться. Сначала она была прямо за охранником и Ниной, затем над ними. Инеж слышала их голоса, пока с легкостью скользила между кольцами колючей проволоки.

- Я пришла за работой, да? - залепетала Нина. - Чтобы делать сахар.

– Здесь его не производят, только хранят. Вам нужно пойти в одно из перерабатывающих предприятий.

– Но мне нужна работа. Я... Я...

– О, ну что ж вы так, только не плачьте. Ну, полно вам.

Инеж чуть не фыркнула и бесшумно приземлилась на землю по другую сторону забора. Через него она увидела мешки с песком, о которых упоминал Каз, сложенные у задней стены сторожки, и уголок того, что, должно было быть сеткой, приготовленной специально для нее.

– Ваш...э-э... дружок тоже ищет работу? – любопытствовал охранник.

– У меня нет... как вы сказали? *Дружка?*

Ворота караульного помещения закрывались снаружи, поэтому Инеж просто толкнула их, оставляя небольшую щель для Нины, и поспешила в тень у основания ближайшей силосной башни.

Она услышала, как Нина попрощалась и пошла в противоположном направлении от их смотровой точки. Затем стала ждать. Шли минуты, и как только она убедила себя, что бомба оказалась неисправной, прозвучал громкий хлопок, и яркая вспышка света затрещала у склада, который они использовали в качестве прикрытия, чтобы следить за стражей. Охранник снова вышел, подняв винтовку, и сделал несколько шагов в сторону склада.

– Эй?! – крикнул он.

Нина выскользнула из тени за ним и прошла через ворота за долю секунды. Потом крепко-накрепко заперла их и направилась ко второму силосу, растворяясь во мраке. Оттуда она сможет подать Инеж сигнал, когда стражники пойдут в очередной обход.

Охранник вернулся на пост, шагая задом наперед на случай, если какая-то угроза затаилась за складами. Наконец он повернулся и потряс ворота, чтобы убедиться, что они закрыты, а затем направился обратно в караульное помещение.

Инеж дождалась сигнала от Нины, а затем поднялась по перекладам, приваренным к боку силоса. Один этаж, два, десять. Будь она на карнавале, ее дядя развлекал бы публику во время ее подъема. «Дамы и господа, подобный трюк не совершался никогда ранее, и определенно никем столь юным! Узрите над своими головами ужасающий канат!» В этот миг включились бы софиты, направленные на канат так, чтобы он выглядел как самый хрупкий моток паутины, натянутый под потолком шатра. «Джентльмены, возьмите руку своей дамы. Видите, какие тонкие у нее пальчики? Теперь представьте, если сможете, как пытаетесь пройти по чему-то столь же тонкому, столь же хрупкому! Кто осмелится на подобное? Кто осмелится бросить вызов самой смерти?».

Затем Инеж должна была встать на вершину столба, уперев руки в бока, и крикнуть: «Я!»

И толпа дружно ахала.

«Но, подождите, нет, это невозможно, – говорил ее дядя, – маленькая девочка?»

В этот момент зрители всегда начинали безумствовать. Женщины теряли сознание. Иногда один из мужчин пытался остановить представление.

Сегодня у нее не было зрителей, только ветер, холодный металл под ногами и яркое лицо луны.

Инеж добралась до вершины силоса и взглянула на город, простиравшийся внизу. Кеттердам сиял золотыми огнями: фонарики, медленно передвигающиеся по каналам, свечи, горящие в окнах, магазины и таверны, продолжающие ярко светиться в предвкушении вечернего улова. Она могла разобрать мерцающий блеск Крышки, цветные фонарики и эффектные каскадные лампочки Обручей. Всего через пару дней империя Ван Эка разрушится, и она освободится от контракта с Пером Хаскем.

Свобода. Инеж будет вольна жить так, как захочет. Искать прощения за свои грехи. Стремиться к своей цели. Будет ли она скучать по этому месту? По этому людному беспорядку, зовущему себя городом, который она знала вдоль и поперек и который каким-то чудом стал ее домом? Девушка не сомневалась, что будет. Поэтому сегодня она выступит для своего города, для жителей Кеттердама, даже если они не знали, когда нужно аплодировать.

Хоть и с трудом, но ей удалось повернуть колесо силосного люка и поднять его. Инеж достала из кармана закупоренный пузырек с химическим долгоносиком. Следуя инструкциям Уайлена, хорошенько его встряхнула и высыпала содержимое в силос. Раздалось тихое шипение, и на ее глазах сахар зашевелился, словно под ним закопалось что-то живое. Девушка вздрогнула. Она слышала истории о том, как рабочие погибали в силосах, случайно упав внутрь, когда зерно, кукуруза или сахар превращались в зыбучую трясину под их ногами и медленно душили до смерти. Она опустила люк и плотно его закрыла.

Затем потянулась к первой перекладине металлической лестницы и прикрепила к ней намагниченный зажим, который дал ей Уайлен. Он определенно казался достаточно цепким. Когда девушка нажала на кнопку, две намагниченные проволоки выскочили и прицепились к силосу с тихим лязгом. Далее она достала из рюкзака арбалет и тяжелый моток веревки, продела один ее конец через зажим, закрепила и прицепила проволоку. Другой конец был продет через второй зажим, заряженный в арбалет. Девушка нажала на спусковой механизм. Первый выстрел пролетел мимо, и ей пришлось наматывать канат обратно. Второй зацепился не за ту перекладину. Но третий зафиксировался в нужном месте на следующем силосе. Инеж крутила зажим до тех пор, пока веревка не натянулась так, как ей было нужно. Они уже использовали подобное приспособление, но никогда на таком расстоянии или высоте. Это не имело значения. Расстояние и опасность преобразятся на канате, как преобразится и она. На такой высоте она никому ничего не должна – существо без прошлого и настоящего, парящее между землей и небом.

Время пришло. Можно научиться исполнять трюки на трапедии, но для хождения по канату нужно быть природным акробатом.

Мама Инеж как-то сказала, что одаренные канатоходцы произошли от Воздушного народа и что когда-то у них были крылья. При определенном свете эти крылья все еще можно было увидеть на людях, к которым они благоволили. После этого Инеж постоянно крутилась и так и этак перед зеркалами или рассматривала свою тень, не обращая внимания на насмешки двоюродных братьев и сестер, чтобы увидеть, не показываются ли ее собственные крылья.

Устав от ее ежедневных приставаний, отец позволил ей начать обучаться на низкой высоте, босоногой, чтобы она привыкла ходить вперед и назад, сохраняя равновесие. Инеж было до смерти скучно, но она покорно повторяла упражнение каждый день, испытывая свою выносливость и пытаясь прочувствовать кожаную обувь, которая позволяла ей хвататься за более жесткую и менее дружелюбную веревку. Когда ее отец отвлекался, она делала стойку на руках, чтобы, обернувшись, он увидел, как его дочь покоряет канат вверх ногами. Он согласился поднять веревку на несколько сантиметров, разрешил ей походить по настоящему канату, и на каждом уровне Инеж осваивала один трюк за другим – кульбиты, сальто, хождение со стаканом воды на голове. Познакомилась с тонким гибким шестом, который позволял ей сохранять баланс на большой высоте.

Как-то раз ее дядя и двоюродные братья и сестры придумывали новый номер. Ханзи должен был толкнуть Ашу на тачке по канату. День выдался жарким, и они решили сделать перерыв на обед и поплавать в реке. Оставшись в одиночестве в тихом лагере, Инеж забралась на одну из платформ, которую они возвели, и встала спиной к солнцу, чтобы четко видеть веревку.

На такой высоте мир становился собственным отражением, его контуры стирались, тени вытягивались, знакомые по очертаниям, но в то же время не вызывающие доверия, и когда Инеж опустила ногу в тапочке на канат, то почувствовала внезапную неуверенность. Хотя ширина веревки была такой же, как всегда, и девочка неделями преодолевала ее без страха, на сей раз она казалась куда уже, словно в этом зеркальном мире канат подчинялся другим правилам. «Когда приходит страх, что-то должно

произойти».

Инеж сделала глубокий вдох, согнулась пополам и сделала первый шаг в воздухе. Трава под ней превратилась в волнистое море. Она почувствовала, как изменяется ее центр тяжести, смещаясь влево, притяжение земли, готовность гравитации воссоединить ее с собственной тенью далеко внизу.

Ее мышцы сократились, колени подогнулись, момент прошел, и тогда во всем мире осталась лишь она и канат. Девочка прошла полпути, когда поняла, что за ней наблюдают. Она позволила своему полю зрения расшириться, но не теряла бдительности. Инеж никогда не забудет выражение лица своего папы, когда он вернулся с речки с дядей и кузенами, поднял голову вверх и пораженно открыл рот; как ее мама вышла из фургончика, прижав руку к сердцу. Они не издавали ни звука, боясь нарушить ее сосредоточенность – первые зрители ее выступления, онемевшие от ужаса, который был ей родни лести.

Как только она спустилась вниз, ее мама провела целый час, поочередно то обнимая, то крича на нее. Отец был строг, но она заметила гордость в его взгляде и невольное восхищения в глазах кузенов и кузин.

Позже один из них подошел к ней и спросил: «Как у тебя получается быть такой бесстрашной?» Девочка пожала плечами и ответила: «Я просто хожу».

Но это была неправда. Это лучше, чем просто ходить. Когда другие шли по канату, то боролись с ним – с ветром, высотой, расстоянием. Когда Инеж была на канате, он становился ее миром. Она чувствовала его наклон и натяжение. Он был планетой, а она – спутником. В этом присутствовала простота, которой она никогда не ощущала на трапеции, где все контролировали импульсы. Ей нравилась тишина, присущая канату, и это то, что не мог понять никто другой.

Инеж упала лишь раз, и все еще винила в этом сетку. Ее натянули, потому что Ханзи добавил к своему выступлению одноколесный велосипед. Это было одно мгновение – вот Инеж идет и вдруг падает. У нее едва хватило времени осознать это, прежде чем она попала в сетку и отскочила от нее прямо на землю. Инеж ощутила легкое недоумение, обнаружив, насколько твердой была почва, что та не смягчилась и не прогнулась ради нее. Девочка сломала два ребра и заработала шишку на голове размером с большое гусиное яйцо.

«Хорошо, что она такая большая, – пробормотал отец, изучая травму. – Это значит, что кровь не скапливается в мозгу».

Как только с Инеж сняли повязки, она вернулась на канат. С сеткой больше не работала. Знала, что та делает ее беспечной. Но, глядя вниз сейчас, она призналась себе, что не отказалась бы от небольшой страховки. Далеко внизу лунный свет мерцал на бугристой мостовой, из-за чего камни напоминали черные семена какого-нибудь экзотического фрукта. Но сетка, спрятанная за сторожкой, была бесполезна, поскольку ее могла держать только Нина, и что бы там Каз ни планировал изначально, новый план не строился вокруг того, что кто-то будет держать сеть на виду у стражников. Поэтому Инеж пойдет так же, как всегда, когда ее некому ловить, парящая в воздухе на невидимых крыльях.

Инеж вытащила балансир из петли на жилетке и, щелкнув по нему, раздвинула его в полную длину. Затем оценила его вес в своих руках, пошевелила пальцами в кожаных тапочках, украденных из «Цирка Зиркоа» по ее просьбе. Их гладкой подошве не хватало крепкого тактильного сцепления ее любимых резиновых тапочек, но зато так ей было легче скользить по веревке.

Наконец Нина подала сигнал, сверкнула яркая вспышка зеленого цвета.

Инеж ступила на канат. В ту же секунду ветер обрушился на нее, и девушка шумно выдохнула, чувствуя его непрекращающиеся порывы, она использовала гибкий шест, чтобы понизить центр тяжести.

Она согнула колени и слегка подпрыгнула. К счастью, канат почти не прогибался. Инеж пошла дальше, чувствуя под ногами твердую опору. С каждым шагом веревка еле

заметно проседала, желая выскользнуть из-под цепких пальчиков ее ног.

Воздух приятно грел кожу. Пахло сахаром и мелассой. Инеж сбросила капюшон и почувствовала, как волосы выбиваются из ее косы и щекочут лицо. Сосредоточилась на канате, ощущая знакомое с детства родство с ним, словно веревка цеплялась за нее так же отчаянно, как она за нее, приветствуя в этом зеркальном мире, секретном месте, в котором жила лишь она одна. В мгновение ока Инеж добралась до крыши второй силосной башни.

Шагнув на нее, она сложила шест и вернула его на место. Затем сделала глоток воды из фляги, лежавшей в кармане, и позволила себе пару секунд поразмять мышцы. Затем открыла люк и сбросила туда долгоносика. Вновь послышалось шипение, и в нос ударил запах жженого сахара. На сей раз он был сильнее, слаще – как густое облако парфюма.

Внезапно девушка снова оказалась в «Зверинце», мясистая рука требовательно хватала ее за запястье. Инеж хорошо наловчилась предвидеть, когда ее может охватить воспоминание, и готовилась к нему, но на этот раз случилось неожиданно. Оно обрушилось на нее с большим напором, нежели ветер на канате, и отправило ее разум в грезы. Хоть от мужчины пахло ванилью, под этим ароматом Инеж учуяла сильный запах чеснока. Она почувствовала, как шелка скользят вокруг ее плоти, будто кровать сама стала живым существом.

Инеж не помнила их всех. По мере того как ночи в «Зверинце» сливались одна с другой, она училась погружаться в забытье, да так глубоко, что почти не ощущала, что делалось с ее брошенным телом. Со временем она узнала, что мужчины, приходившие в дом, никогда не присматривались, никогда не задавали слишком много вопросов. Они хотели иллюзию и были готовы игнорировать все, лишь бы сохранить ее. Слезы, разумеется, были под строжайшим запретом. Инеж расплакалась в свою первую ночь. Танте Хелен избивала ее плетью, тростью, а затем душила, пока девушка не потеряла сознание. В следующий раз страх Инеж был больше, чем ее горе.

Она научилась улыбаться, чувственно шептать, выгибать спину и издавать звуки, которых требовали клиенты Танты Хелен. Девушка все равно рыдала, но не проливая ни единой слезы. Они наполнили пустоту внутри нее, колодец грусти, в котором она камнем тонула каждую ночь. «Зверинец» – один из самых дорогих домов удовольствий в Бочке, но его посетители не были добрее, чем те, кто ходил в дешевые дома или развлекался с девушками в переулке. В каком-то смысле, как поняла Инеж, они были даже хуже. «Когда мужчина тратит столько денег, – сказала каэлка Каера, – то думает, что заслужил право делать все, что ему заблагорассудится».

Клиенты были молодыми и старыми, красивыми и уродами. Один заплакал и ударил Инеж, когда не смог довести себя до нужной степени возбужденности. Другой хотел, чтобы она сделала вид, будто это их первая брачная ночь, и сказала, что любит его. Еще один с острыми, как у котенка, зубами, кусал ее за грудь, пока та не начала кровоточить. Танте Хелен внесла сумму за испачканную кровью простыню и рабочие дни, которые Инеж пропустила, в ее контракт. Но тот не был худшим. Худшим был равкианец, который выбрал ее в гостиную, мужчина, от которого пахло ванилью. Только когда они пришли к ней в спальню и окунулись в фиолетовые шелка и аромат ладана, он сказал:

– Знаешь, а я ведь уже видел тебя прежде.

Инеж рассмеялась, думая, что это часть игры, в которую он хотел сыграть, и налила ему вина из золотого графина.

– Это вряд ли.

– Это случилось много лет назад, на одном из карнавалов за Карьевой.

Вино выплеснулось за краешек бокала.

– Должно быть, ты меня с кем-то спутал.

– Нет, – яростно возразил он, как маленький мальчишка. – Это точно была ты. Я видел выступление твоей семьи. Тогда я служил в армии и был в увольнении. Тебе не могло быть больше десяти, крошечная девчушка, бесстрашно идущая по канату. На тебе был

головной убор с розами. В какой-то момент ты покачнулась. Потеряла равновесие, и лепестки с твоей короны сыпались и сыпались вниз. – Он пошевелил пальцами в воздухе, имитируя снегопад. – Толпа ахнула... и я тоже. Я вернулся на вторую ночь, и это произошло снова, и, несмотря на то, что я знал, что это все часть представления, мое сердце все равно сжалось, пока ты делала вид, что восстанавливаешь баланс.

Инеж попыталась скрыть дрожь в руках. Головной убор с розами был идеей ее матери. «Ты проделываешь каждый трюк с такой легкостью, *межа*, раскачиваясь, как белка на ветке. Они должны верить, что ты в опасности, даже если это не так».

Это была худшая ночь в «Зверинце», потому что, когда мужчина, пахнувший ванилью, начал целовать ее шею и снимать с нее шелка, ей не удалось покинуть свое тело. Каким-то образом его воспоминание связало ее прошлое и настоящее вместе, пригвоздило ее к месту под ним. Она плакала, но ему, похоже, было все равно.

Инеж слышала шипение сахара, пока долгоносик делал свою работу. Заставила себя сосредоточиться на этом звуке, дышать, несмотря на комок в горле.

«Я буду с тобой, если ты скинешь броню». Эти слова она сказала Казу на борту «Феролинда», отчаянно желая увидеть хоть какой-то намек, что он откроется ей, что они могут стать кем-то еще, а не только двумя настороженными созданиями, объединенными недоверием к миру. Но что бы случилось, если бы он ответил ей в ту ночь? Если бы добровольно предложил ей какую-то частичку своего сердца? Что, если бы он подошел к ней, снял свои перчатки, притянул к себе и поцеловал ее в губы? Прижалась бы она ближе? Ответила бы на поцелуй? Могла ли она остаться собой в такой момент, или раскололась бы на части и исчезла – кукла в его руках, девушка, которая никогда не сможет быть до конца целой?

Это не имело значения. Каз не заговорил, и, возможно, это к лучшему для них обоих. Они могут и дальше жить со своей броней. Инеж получит корабль, а он – свой город.

Девушка протянула руку, чтобы закрыть люк, и вдохнула воздух с угольным дымом, прогоняя из легких сладкий аромат испорченного сахара. А затем покачнулась, почувствовав, как чья-то рука схватила ее за шею и толкнула вперед.

Центр тяжести Инеж сместился, и ее начало всасывать в зияющую пасть силоса.

Каз

Пробраться в дом оказалось далеко не так сложно, как предполагалось, и от этого нервы Каза натянулись до предела. Неужели он переоценил Ван Эка? *«Он мыслит как торговец»,* – напомнил себе парень, зажав трость под мышкой и ползя по водосточной трубе. – *Он до сих пор верит, что деньги обеспечат ему безопасность».*

Простейшим доступом к дому были окна на верхнем этаже, подобраться к которым можно было только с крыши. Уайлен не мог ни подняться, ни спуститься, поэтому Казу пришлось идти первым и впустить его внутрь через нижний этаж.

– Две здоровые ноги, а ему все равно нужна лестница! – ворчал Каз, не обращая внимания на боль в ноге, которая таким образом как бы соглашалась с ним.

Бреккер не был в восторге от перспективы очередной работы в паре с Уайленом, но его знание дома и привычек отца должны пригодиться в случае неожиданных сюрпризов, да и с золотой кислотой он справится лучше всех. Каз подумал об Инеж, сидящей на крыше Церкви Бартера, об огнях города, сверкающих внизу. «Я хороша в этом, так что позволь мне делать свою работу». Ладно. Пускай каждый из них делает свою работу. Нина выполнит свою часть, а Инеж выглядела достаточно уверенной в умении ходить по канату – без отдыха и страховки в виде сетки. *Призналась бы она тебе, если бы была напугана? Разве ты проявлял когда-нибудь сочувствие по такому поводу?*

Каз выкинул эту мысль из головы. Если Инеж не сомневалась в своих способностях, то и ему не стоит. Кроме того, если они хотели заполучить эту печать для драгоценных беженцев Нины, то ему пора побеспокоиться о собственных проблемах.

К счастью, охранная система Ван Эка не была одной из них. Инеж узнала, что замки были работой Шуйлера. Сложные маленькие ублюдки, но стоит взломать один, и сможешь взломать все. Каз завел дружеские отношения с одним слесарем на Клокштрате, который свято верил, что Бреккер – сын богатого купца, высоко ценившего свою коллекцию драгоценных табакерок. Таким образом, Каз всегда узнавал первым, как именно сливки Кеттердама обеспечивали безопасность своей собственности. Однажды он услышал, как Хьюбрект Морен, главный вор Пиила, зачитывал душещипательную речь о красоте качественного замка, пока напивался темным пивом в «Клубе Воронов».

«Замок подобен женщине, – нечленораздельно промямлил он. – Его нужно соблазнить, чтобы он выдал свои секреты». Он был одним из старых приятелей Пера Хаскеля и всегда рад был поговорить о лучших временах и крупных аферах, особенно если это подразумевало, что работать ему не придется. Именно такую пьяную мудрость любили изрекать эти старые прихлебатели. Разумеется, замок и в самом деле подобен женщине. Но он также походит на мужчину, на кого или что угодно – если тебе хочется понять его, разбери на запчасти и узнай, как он работает. Если хочешь овладеть им, то изучи его так досконально, чтобы потом собрать обратно.

Замок на окне открылся под его руками с приятным щелчком. Каз поднял раму и залез внутрь. Крошечные комнатки на верхнем этаже дома Ван Эка были отданы во владения прислуге, но в настоящее время все было внизу и обслуживали гостей хозяина. Представители богатейших семейств, члены керчийского Торгового совета набивали свои животы в обеденном зале на первом этаже и, скорее всего, слушали печальный рассказ Ван Эка о его похищенном сыне, проявляя крайнюю обеспокоенность по поводу банд, контролирующих Бочку. Судя по запаху, доносившемуся с кухни, Каз подозревал, что в меню был окорок.

Он открыл дверь и тихо подошел к лестнице, после чего осторожно спустился на второй этаж. Он знал дом Ван Эка еще с тех пор, как они с Инеж украли картину Де Каппеля, и ему всегда нравилось возвращаться в дом или контору, которые уже доводилось посещать раньше. Дело было не только в знакомой обстановке. Впечатление, что своим возвращением он заявлял о притязаниях на это место. «Мы знаем секреты друг друга, – казалось, говорил ему дом. – Добро пожаловать обратно».

На посту в конце коридора с ковровым покрытием стоял охранник и стерег дверь в

комнату Элис. Каз сверился с часами. Из окна в другом конце слышался тихий хлопок и вспыхнул свет. По крайней мере, Уайлен был пунктуальным. Охранник пошел на разведку, а Каз скользнул в коридор в противоположном направлении.

Затем нырнул в старую комнату Уайлена, из которой явно собирались сделать детскую. В свете уличных фонарей он рассмотрел, что стены украсили сложной морской фреской. Колыбель была сделана в форме крошечного парусного судна, с флагами и капитанским штурвалом. Ван Эк планировал всерьез взяться за этого нового наследника.

Каз поколдовал над замком на окне в детской, открыл его, после чего скинул веревочную лестницу и стал ждать. Услышав громкий удар, скривился. Судя по всему, это Уайлен перелез через садовую стену. Оставалось надеяться, что он не сломал контейнеры с золотой кислотой и не прожег дыру в себе и кустах роз. Еще через несколько секунд Каз услышал тяжелое дыхание, и Уайлен вышел из-за угла, суетясь, как нервный гусь. Встав под окном, он осторожно поправил рюкзак, чтобы тот прижался к его телу, и начал подниматься по веревочной лестнице, попутно раскачивая ее влево и вправо. Каз помог ему перелезть через окно, затем затащил лестницу обратно и опустил раму. Уйдут они тем же способом.

Уайлен с круглыми глазами осмотрел детскую и просто покачал головой. Каз выглянул в коридор. Охранник вернулся на место перед комнатой Элис.

– Ну? – прошептал он Уайлену.

– Это медленно горящий фитиль. Я не могу назвать тебе точные сроки.

Шли секунды. Наконец раздался еще один хлопок. Охранник вернулся к окну, и Каз жестом показал Уайлену следовать за ним по коридору. Бреккер быстренько поработал над замком в кабинет Ван Эка, и они тут же скрылись за дверью.

Когда он вломился в дом, чтобы украсть Де Каппеля, то с удивлением обнаружил там роскошное убранство. Он ожидал суровой купеческой сдержанности, но деревянные стены были щедро украшены фестонами с лавровыми листьями; за широким гладким столом маячило кресло размером с трон, обитое красным бархатом.

– За картиной, – прошептал Уайлен, указывая на портрет одного из предков Ван Эка.

– И какой же это из членов вашего священного рода?

– Мартин Ван Эк, мой прапрадедущка. Он был капитаном корабля и первым, кто приплыл к берегам Эймз Чина и плавал по реке вглубь территории. Он вернулся с партией специй и потратил прибыль от них на то, чтобы купить второе судно... по крайней мере, так мне рассказывал отец. Это послужило началом богатства Ван Эков.

– А мы послужим его концом, – Каз достал светильник, и комната озарилась зеленоватым сиянием. – Какое сходство, – сказал он, глядя на изможденное лицо, высокий лоб и суровые голубые глаза.

Уайлен пожал плечами.

– Не считая рыжих волос, я всегда был похож на отца. И на его отца, и на всех Ван Эков. Ну, до сих пор.

Они взялись за картину с двух сторон и сняли ее со стены.

– Ты только посмотри на него, – прокаркал Бреккер, когда перед его глазами предстал сейф Ван Эка. Хотя, слово «сейф» мало подходило, чтобы его описать. Он больше походил на хранилище – стальная дверь, встроенная в стену, которая сама была укреплена сталью. Замок на ней был керчийского производства, но Казу такой никогда не встречался – ряд тумблеров, которые каждый день можно было сбрасывать с помощью случайной комбинации чисел. Невозможно взломать менее чем за час. Но, если не можешь открыть дверь, просто сделай новую.

Снизу донеслись громкие голоса. Торговцы нашли себе тему для спора. Каз не отказался бы от возможности подслушать этот разговор.

– За дело, – сказал он. – Время идет.

Уайлен достал из сумки две бутылочки. Сами по себе они ничем не выделялись, но, если он не ошибся, стоит их соединить, как получившаяся смесь разъест все, кроме контейнера из бальзового стекла.

Уайлен сделал глубокий вдох и убрал бутылочки от своего тела.

– Отойди, – приказал он и вылил содержимое одной бутылки в другую. Ничего не произошло.

– Ну и? – поторопил Каз.

– Уйди, пожалуйста.

Парень взял пипетку из бальзового стекла и набрал в нее немного жидкости, а затем дал ей стечь по стальной двери сейфа. В ту же секунду металл начал растворяться, издавая шумный треск, который казался слишком громким в такой маленькой комнатке. Воздух наполнился резким металлическим запахом, и парни прикрыли лица руками.

– Ужас в бутылке, – воскликнул Бреккер.

Уайлен работал медленно, осторожно перенося золотую кислоту из банки на сталь, а дыра в двери сейфа постепенно росла.

– Быстрее, – скомандовал Каз, глядя на часы.

– Если я пролью хоть одну каплю, она прожжет дыру в полу прямо над гостями моего отца!

– В таком случае не торопись.

Кислота пожирала металл резкими рывками, быстро разъедая и очень медленно прекращая свое действие. Оставалось надеяться, что она не проест всю стену, когда они уйдут. Каз не возражал бы против того, что кабинет рухнет на Ван Эка и его гостей, но только после того, как они закончат свои ночные дела.

Когда прошла, казалось бы, целая вечность, дыра стала достаточно большой, чтобы пролезть в нее. Каз посветил внутрь и увидел grossбух, пачки крюге и маленький бархатный мешочек. Парень достал его из сейфа, морщась, когда его рука коснулась края дыры. Сталь до сих пор оставалась достаточно горячей и обжигала.

Он высыпал содержимое мешочка на ладонь, обтянутую кожаной перчаткой: золотой перстень с выгравированным красным лавровым венком и инициалами Ван Эка.

Каз засунул перстень в карман, схватил пару пачек крюге и вручил одну Уайлену.

Затем чуть не рассмеялся, глядя на выражение лица паренька.

– Тебя это смущает, купчик?

– Мне не нравится чувствовать себя вором.

– После всего что он сделал?

– Да.

– Какие мы праведные. Ты же понимаешь, что мы крадем твои деньги?

– Джеспер тоже так сказал, но я уверен, что отец вычеркнул меня из завещания, как только Элис забеременела.

– Это не значит, что у тебя на них меньше прав.

– Мне они не нужны. Я просто не хочу, чтобы они принадлежали ему.

– Какая роскошь – отказываться от роскоши. – Каз засунул пачки в карманы.

– Как бы я руководил этой империей? – спросил Уайлен, бросая пипетку в сейф, чтобы сжечь. – Я не могу прочесть ни гроссбух, ни коносамент. Не могу написать закупочный заказ. Мой отец во многом ошибается, но он прав насчет меня. Я был бы посмешищем.

– Так заплати тому, кто выполнит эту работу за тебя.

– А ты бы так сделал? – поинтересовался Уайлен, выпятив подбородок. – Доверил кому-то знание, секрет, который может уничтожить тебя?

«Да, – пронеслось в голове Каза. – Есть один человек, которому я бы смог довериться. Человек, который, я уверен, никогда бы не использовал мои слабости против меня».

Он быстро пролистал гроссбух и ответил:

– Когда люди видят калеку, идущего по улице и опирающегося на трость, что они чувствуют? – Уайлен отвел взгляд. Люди всегда так делали, когда Каз упоминал о своей хромоте, будто он не знал, кем являлся или каким его видел мир. – Они чувствуют жалость. А что они думают, видя меня?

Уголки губ Уайлена приподнялись.

– Что им лучше перейти на другую сторону улицы.

Каз швырнул гроссбух обратно в сейф.

– Ты слабый не потому, что не можешь читать. А потому, что боишься, что люди увидят твою слабость. Ты позволяешь стыду решать за тебя, кто ты такой. Помоги мне с картиной.

Они вернули портрет на место на зияющей дыре в сейфе. Мартин Ван Эк смотрел на них с осуждением.

– Подумай об этом, Уайлен, – сказал Каз, поправляя раму. – Стыд набивает мне карманы, стыд приводит в Бочку все больше простофиль, готовых натянуть маски, лишь бы получить желаемое, но чтобы никто об этом не узнал. Мы можем перенести все виды боли. Но именно стыд пожирает людей целиком.

– Какие мудрые слова, – произнес голос из угла.

Ребята резко обернулись. Лампы ярко загорелись, наполняя комнату светом, и из ниши в противоположной стене, которой не было там раньше, вышел человек: Пекка Роллинс с самодовольной улыбкой на румянном лице, окруженный группкой Грошовых Львов с пистолетами, кастетами и топориками.

– Каз Бреккер, – усмехнулся Роллинс. – Философ и жулик.

Матиас

– Ложись! – рявкнул Матиас Кювею. Шуханец распластался на полу. Воздух сотряс очередной огненный залп, разбивая витражные иллюминаторы с другой стороны.

– Либо им срочно понадобилось избавиться от пуль, либо это предупредительные выстрелы, – сказал Джеспер. Низко пригнувшись, Матиас подкрался к противоположной части гробницы и выглянул в тонкую щель в камне.

– Мы окружены.

Люди, стоявшие между могил Черной Вуали, оказались далеко не офицерами городской стражи, которых он ожидал увидеть. В мерцающем свете фонарей и факелов Матиас увидел пледы и пейсли, полосатые жилетки и пестрые жакеты. Форма обитателей Бочки. Их оружие было не менее разнообразное – пистолеты, огромные ножи и деревянные биты.

– Я не могу разобрать татуировки, – сказал Джеспер. – Но я почти уверен, что впереди стоит Доути.

Доути. Матиас покопался в памяти, а затем вспомнил мужчину, который провел их к Пекке Роллинсу, когда Казу требовался заем.

– Грошковые Львы.

– И их много.

– Чего им надо? – с трепетом поинтересовался Кювей.

Дрюскель слышал хохот, крики, а под всем этим – низкий лихорадочный гул, который появлялся, когда солдаты знали, что преимущество на их стороне, когда они чувствовали в воздухе запах кровопролития.

Толпа радостно заорала, когда Грошовой Лев вырвался вперед и метнул что-то в гробницу. Оно пролетело через одно из разбитых окон и с лязгом упало на пол. Повалил зеленый газ.

Матиас сдернул попону с пола и накинул ее на канистру. Затем швырнул ее обратно через окно, и воздух рассекла новая огненная очередь. Его глаза горели, слезы ручьями стекали по щекам.

Шум начал нарастать. Грошковые Львы перешли в наступление.

Джеспер выстрелил, и один из банды обидчиков упал, потушив свой факел о влажную землю. Джеспер стрелял снова и снова, безошибочно находя цель и сокращая ряды Грошковых Львов. Их строй сломался, и они разбежались по укрытиям.

– В очередь, мальчики, – мрачно произнес стрелок.

– Выходите! – закричал Доути из-за могилы. – Всех не перестреляете!

– Я тебя не слышу! – заорал в ответ Джеспер. – Подойди ближе!

– Мы потопили ваши лодки. Вам не выбраться с этого острова без нашей помощи. Так что выходите спокойно, или мы вернем в Бочку только ваши головы.

– Берегись! – крикнул Матиас. Доути пытался их отвлечь. В окна одна за другой начали залетать канистры. – Катакомба! – взревел фьерданец, и они побежали в противоположный конец гробницы, втискиваясь в узкий проход и закрывая за собой каменную дверь. Джеспер сорвал с себя рубашку и закрыл ею щель между дверью и полом.

Тьма была почти кромешной. На секунду они слышали лишь собственное откашливание и тяжелое дыхание, пока пытались очистить легкие от газа. Затем Джеспер потряс

костесветом, и их лица осветились пугающим зеленым сиянием.

– Как они, черт возьми, нашли нас? – спросил он.

– Это неважно, – ответил Матиас. У них не было времени гадать, как рассекретили Черную Вуаль. Он знал только то, что, если Пекка Роллинс послал за ними свою банду, Нина тоже может быть в опасности. – Что у нас имеется в распоряжении?

– Уайлен оставил несколько фиолетовых бомб, на случай, если возникнут неприятности с шуханскими солдатами, и у меня осталась парочка фотобомб. Кювей?

– У меня ничего.

– У тебя чертов рюкзак! – воскликнул Джеспер. – И в нем нет ничего полезного?

Кювей прижал его к груди и шмыгнул носом.

– Мои блокноты.

– А что оставил Уайлен на столе? – спросил Матиас. Никто не потрудился убрать со стола.

– Там какие-то детали, те, что он использовал для фейерверков на Гудмедбридже, – покачал головой Джеспер.

Снаружи раздались громкие крики.

– Они собираются вынести дверь в гробницу, – сказал Матиас. Он бы и сам так поступил, если бы намеревался захватить в плен, а не убить, но не сомневался, что Кювей был единственным из них, кого Грошковые Львы хотели взять живым.

– Там как минимум тридцать громил, жаждущих содрать с нас шкуру, – вынес вердикт Джеспер. – Из гробницы только один выход, и мы на чертовом острове. Нам крышка.

– Может, и нет. – Матиас задумчиво посмотрел на призрачно сияющую зеленую сферу. Хоть он и не обладал талантом Каза плести интриги, его воспитывали в армии. Из этой ситуации должен быть выход.

– Ты с ума сошел? Грошковые Львы наверняка знают, как сильно они превосходят нас численностью.

– Верно. Но они не знают, что двое из нас – гриши. – Они думали, что охотятся за ученым, а не инферном, а Джеспер скрывал свои фабрикаторские способности.

– Ага, два гриша без должного обучения, – саркастично произнес стрелок.

Раздался сильный грохот, сотрясший стены гробницы, и Матиас повалился на остальных.

– Они идут! – крикнул Кювей.

Но они не услышали приближающихся шагов, а снаружи вновь прозвучало громкое перекрикивание.

– Их заряд недостаточно мощный, – изрек Матиас. – Ты нужен им живым, так что они осторожничают. У нас есть еще один шанс. Кювей, сколько жара ты можешь сгенерировать из огня?

– Я могу заставить его гореть ярче, но его трудно контролировать.

Матиас вспомнил фиолетовые язычки пламени, облизывавшие тело летающего шуханского солдата, которые было невозможно потушить. Уайлен сказал, что они источали больше жара, чем обычный огонь.

– Дай мне одну из бомб, – скомандовал он Джесперу. – Я взорву заднюю стенку катакомбы.

– Зачем?

- Чтобы они подумали, будто мы пробиваем себе путь с другой стороны, - ответил Матиас, устанавливая бомбу в дальнем конце каменного прохода.

- Ты уверен, что не подорвешь заодно и нас?

- Нет, - признался фьерданец. - Но если у тебя вдруг не появилась какая-нибудь гениальная идея...

- Я...

- Перестрелять столько, сколько возможно, прежде чем мы умрем, - не вариант.

Джеспер пожал плечами.

- В таком случае продолжай.

- Кювей, как только бомба взорвется, беги со всех ног к главному выходу. Газ уже должен был рассеяться, но мне нужно, чтобы ты бежал. Я буду прямо за тобой, прикрывать спину. Знаешь гробницу с большой сломанной мачтой?

- Которая справа?

- Да. Направляйся прямо к ней. Джеспер, собери все порошки, которые оставил Уайлен, и беги туда же.

- Зачем?

Матиас поджег фитиль.

- Либо беспрекословно следуй моим приказам, либо будешь задавать свои вопросы Грошовым Львам. А теперь - пригнитесь!

Он толкнул обоих к стене, прикрывая их тела, и в другом конце туннеля раздался громоподобный взрыв.

- Бегите!

Они вылетели через дверь катакомбы.

Матиас придерживал Кювея за плечо, таща его за собой, пока они бежали сквозь остатки зеленого газа.

- Помни, направляйся прямиком к сломанной мачте.

Он резко открыл дверь гробницы и подкинул фотобомбу в воздух. Та взорвалась осколками алмазно-белого света, и Матиас побежал в укрытие за деревьями, стреляя из винтовки по Грошовым Львам и попутно извиваясь между могилами.

Грошовые Львы открыли ответный огонь, и парень нырнул за обломки обросших мхом камней. Увидел, как Джеспер выскочил из гробницы, паля из своих револьверов, и кинулся к сломанной каменной мачте. Матиас метнул последнюю фотобомбу в воздух, когда Джеспер перекатился вправо, и раздался мощный залп, напоминающий гром. Грошовые Львы позабыли обо всех обещаниях о дисциплине, о вознаграждении и стреляли из всего, что у них было. Может, им и приказали сохранить жизнь Кювею, но они были крысами Бочки, а не обученными солдатами.

Матиас пополз на животе через кладбищенскую грязь.

- Все целы? - спросил он, достигнув сломанной мачты мавзолея.

- С трудом, но дышу, - ответил Джеспер. Кювей кивнул, хоть его и сильно трясло. - Кстати говоря, фантастический план! И чем сидеть здесь лучше, чем в гробнице?

- Ты забрал порошки Уайлена?

- То, что от них осталось. - Джеспер опустошил свои карманы, достав три пакетика.

Матиас произвольно выбрал один из них.

– Ты можешь ими манипулировать?

Джеспер смущенно заерзал.

– Да. Наверное. Я делал нечто подобное в Ледовом Дворе. А что?

«Зачем? А что?» Будь он дрюскелем, его бы уже отправили в карцер за несоблюдение субординации.

– Предположительно на Черной Вуали обитают призраки, так? Мы создадим парочку привидений. – Матиас выглянул за край мавзолея. – Они наступают. Мне нужно, чтобы ты перестал задавать вопросы и следовал моим приказам. Вы оба.

– Неудивительно, что вы с Казом не ладите, – пробормотал стрелок.

Используя как можно меньше слов, Матиас объяснил, что он намеревался сделать сейчас и когда они добегут до берега острова – если, конечно, его план сработает.

– Я никогда не делал этого прежде, – испуганно предупредил Кювей.

Джеспер подмигнул ему.

– В этом и заключается все веселье.

– Готовы? – спросил Матиас.

Он открыл пакетик. Джеспер поднял руки, и порошок с тихим шорохом собрался в облако в воздухе и повис там, словно само время замедлилось. Джеспер так сосредоточился, что у него на лбу выступил пот, а затем резко взмахнул руками. Облако утончилось и пролетело над головами Грошовых Львов, после чего, попав в один из факелов, вспыхнуло зеленым.

Бандиты, стоявшие вокруг факела, ахнули.

– Кювей! – поторопил Матиас.

Шуханец поднял руки, и пламя от зеленого факела поползло по рукоятке, обвив руку его носителя волнообразным кольцом огня. Мужчина закричал, отшвыривая факел, упал на землю и начал кататься, пытаясь потушить огонь.

– Продолжай, – наставлял Матиас, и Кювей согнул пальцы, но тут зеленое пламя погасло.

– Прости! – взвизгнул мальчишка.

– Сделай еще! – потребовал фьерданец. У него не было времени нянчиться с шуханцем.

Кювей снова взмахнул руками, и один из фонариков Грошовых Львов взорвался, на сей раз в вихре желтого пламени. Кювей съежился, словно не планировал применять столько силы.

– Не отвлекайся, – рыкнул Матиас.

Кювей покрутил запястьями, и огонь в фонариках метнулся змеевидной дугой.

– Эй! – воскликнул Джеспер. – Неплохо. – Он открыл второй пакетик с порошком и подкинул его содержимое в воздух. Затем махнул руками, посылая его в сторону огня Кювея. Извивающаяся нить пламени окрасилась темно-алым мерцающим цветом. – Стронция хлорид, – тихо промолвил стрелок. – Мой любимый.

Шуханец согнул кулак, и еще один поток огня присоединился к пламени фонарика, а потом еще один, образуя толстую змею, струящуюся над Черной Вуалью и готовую к атаке.

– Привидения! – взвизгнул один из Грошовых Львов.

– Не будь идиотом, – ответил второй.

Матиас смотрел, как красная змея скручивается и раскручивается шлейфом из огня, и почувствовал, как в нем пробуждаются былые страхи. Он привык к Кювею, но, тем не менее, именно огонь инферна поглотил его родную деревню в пограничной схватке. Каким-то образом он забыл, какая сила таилась в этом мальчишке. *«Тогда шла война, – напомнил он себе. – И сейчас тоже».*

Грошковые Львы отвлеклись, но долго это не продлится.

– Распространи огонь на деревья, – указал Матиас, и, издав тихое кряхтение, Кювей широко раскинул руки в стороны. Поначалу зеленая листва боролась с натиском жаркого пламени, но затем сдалась.

– У них есть гриш! – крикнул Доути. – Окружить их!

– К берегу! – прорычал Матиас. – Быстро! – Они кинулись мимо надгробий и рассыпающихся каменных святых. – Кювей, приготовься. Нам нужно все, что у тебя есть.

Они сбежали вниз по берегу, спотыкаясь на мелководье. Матиас схватил фиолетовые бомбы и кинул их в корпуса поломанных лодок. Их тут же обволокло скользкое фиолетовое пламя. У него была жутковатая, чуть ли не кремевая субстанция. Матиас достаточно часто отплывал и приплывал к Черной Вуали, чтобы знать, что это самый мелководный участок канала, длинная полоса песка, где чаще всего садились на мель лодки, но противоположный берег, казалось, находился невероятно далеко.

– Кювей, – скомандовал Матиас, надеясь, что шуханцу хватит сил, чтобы осуществить его план, который он изложил всего пару минут назад, – расчисти нам путь.

Тот вскинул руки, и пламя потекло в воду, поднимая огромный столб пара. Поначалу Матиас видел только стену вздымающейся белизны. Затем пар слегка расступился, и он разглядел рыбу, плещущуюся в грязи, и крабов, разбегающихся по открытому дну канала, пока фиолетовые язычки облизывали воду с обеих сторон.

– Ради всех святых и ослов, на которых они ездили, – зачарованно выдохнул Джеспер. – Кювей, ты это сделал!

Матиас повернулся к острову и открыл огонь по деревьям.

– Поспешите! – крикнул он, и они рванули по дороге, которой минуту прежде еще не существовало, стремясь к другой части канала, к улицам и подворотням, которые обеспечат им укрытие. *«Противоестественно!»* – вопил голос в его голове. *«Нет, – подумал Матиас. – Это волшебство».*

– Ты же понимаешь, что только что возглавил свою небольшую армию гришей? – поинтересовался Джеспер, пока они вылезали из грязи и быстро передвигались по затененным улицам к Сладкому Рифу.

Понимал. До чего неуютная мысль. С помощью Джеспера и Кювея он орудовал силой гришей. Тем не менее Матиас не чувствовал себя оскверненным или как-то отмеченным ею. Он вспомнил, что сказала Нина о строительстве Ледового Двора – что это дело рук гриша, а не Джеля. Что, если и то, и то – правда? Что, если Джель работал с помощью этих людей? Это *противоестественно*. Слово пришло к нему с такой легкостью – способ отмахнуться от того, чего он не понимал, сделать Нину и ей подобных менее человечными. Но что, если за праведностью, руководившей дрюскелями, стояло что-то менее чистое или оправданное? Что, если это был не страх или гнев, а просто зависть? Что значило служить Джелю только для того, чтобы увидеть его силу в талантах других, знать, что сам ты никогда не сможешь обладать подобным даром?

Дрюскели присягали не только Фьерде, но и своему богу. Если бы их можно было заставить увидеть чудеса, которые они раньше считали мерзостью, что еще могло бы измениться? «Я рожден, чтобы защищать тебя». Его долг перед богом, его долг перед Ниной. Может, это одно и то же. Что, если это рука Джеля подняла воды в ночь страшной бури, потопившей корабль дрюскелей и связавшей Нину и Матиаса вместе?

Он бежал по улицам чужого города, навстречу опасности, о которых ничего не знал, но

впервые с тех пор, как он всмотрелся в глаза Нины и увидел в них отражение собственной человечности, его внутренняя война утихла.

«Мы придумаем способ изменить их мнение, – сказала она. – Их всех». Он найдет Нину. Они переживут эту ночь. Освободятся от этого болота, из этого проклятого города, и тогда... Что ж, тогда они изменят мир.

Инеж

Инеж извернулась, выбираясь из чьей-то когтистой хватки на своей шее. Затем попыталась за что-то ухватиться, чтобы не упасть. Ее ноги нащупали опору на крыше башни, и она вырвалась, оттолкнувшись от люка. Инеж покачнулась на пятках и достала кинжалы из чехлов, чувствуя их смертоносный вес в своих руках.

Ее разум не мог до конца осмыслить то, что она видела. Перед ней на крыше силосной башни стояла девушка, светясь, как статуя, вырезанная из слоновой кости и янтаря. Ее туника и шаровары были цвета сливок, окаймленные белой кожей и расшитые золотом. В ее толстую косу, цвета янтаря, были вплетены драгоценные камни. Она была высокой и стройной, может, на год или два старше Инеж.

Первая мысль сулийки была о солдатах-хергудах, которых Нина и остальные видели в Западном Обруче, но эта девушка не походила на шуханку.

– Ну, здравствуй, Призрак, – сказала она.

– Мы знакомы?

– Я – Дуняша, Белый Клинок, обученная мудрецами Амрат Ена, величайший убийца нашего века.

– Нет, не припоминаю такую.

– Я новенькая в городе, – не отрицала девушка, – но мне сказали, что ты легенда этих грязных улиц. Если честно, я ожидала, что ты будешь... повыше.

– Какое у тебя ко мне дело? – спросила Инеж, традиционное керчийское приветствие в начале любой встречи, хоть оно и звучало абсурдно на высоте двадцати этажей над землей.

Дуняша сверкнула отточенной улыбкой, какую Инеж часто видела у девушек, улыбающихся клиентам в позолоченной гостиной «Зверинца».

– Грубое приветствие для грубого города. – Она небрежно махнула пальцами в сторону горизонта, признавая и отмахиваясь от Кеттердама одним жестом. – Судьба привела меня сюда.

– И сколько судьба тебе платит? – поинтересовалась Инеж, окидывая ее изучающим взглядом. Что-то ей подсказывало, что эта кремово-янтарная девушка взобралась на такую высоту не для того, чтобы познакомиться. В драке рост Дуняши даст ей преимущество в радиусе действия, но, возможно, и повлияет на равновесие. Ее послал Ван Эк? И, если это так, послал ли он кого-то за Ниной? Инеж кинула быстрый взгляд вниз, но ничего не увидела в густой тени силосной башни. – На кого ты работаешь?

В руках Дуняши появились ножи, их лезвия ярко блестели.

– Наша работа – смерть, и она – священна.

Ее глаза наполнились ликующим светом, – первая настоящая искра жизни, которую заметила в ней Инеж, – а затем Дуняша перешла в наступление.

Инеж поразились ловкости девушки. Она двигалась со скоростью вспышки света, словно сама была клинком, рассекающим тьму. Ее ножи работали в тандеме – влево, вправо. Инеж позволила своему телу реагировать самостоятельно, уклоняясь, скорее, инстинктивно, нежели как-либо иначе, и пятясь от своей соперницы, но так, чтобы не упасть с края крыши. Она рванула влево и проскользнула мимо Дуняши, впервые сделав собственный выпад.

Дуняша развернулась и с легкостью увернулась от атаки, невесомая, как золотые солнечные блики на поверхности озера. Инеж никогда не видела, чтобы кто-то обладал такими боевыми навыками, – словно она двигалась под музыку, которую слышала она одна.

– Боишься, Призрак? – Инеж почувствовала, как нож Дуняши задел ее рукав. Его кончик жалил, как горящая плетъ. «*Не слишком глубоко*», – сказала она себе. Если, конечно, лезвие не было отравлено. – Думаю, что да. Нельзя бояться смерти и быть ее истинным эмиссаром.

Эта девчонка что, больная? Или просто болтливая? Инеж отпрыгнула назад, двигаясь кругом по крыше силоса.

– Я родилась бесстрашной, – продолжила Дуняша со счастливым хохотом. – Мои родители боялись, что я утону, когда я, еще совсем маленькой, заползла в море, не прекращая смеяться.

– Может, они боялись, что ты заболтаешь себя до смерти?

Дуняша накинулась на нее с новой силой, и Инеж даже задумалась, не игралась ли с ней эта девчонка при первом потоке агрессии, пытаясь прочувствовать ее сильные и слабые стороны, прежде чем воспользоваться преимуществом. Они обменивались ударами, но Дуняша была полна сил. Инеж чувствовала каждый спазм, травму и испытание прошлого месяца в своем теле – ножевую рану, которая чуть не убила ее, подъем по мусоросжигателю, дни, когда она сидела связанной в плену.

– Признаться, я разочарована, – сказала Дуняша, пока ее ноги проворно скользили по крыше башни. – Я надеялась, что ты сможешь бросить мне вызов. И что я обнаружила вместо этого? Сулийскую акробатку-коротышку, которая дерется, как обычная уличная бандитка.

Это была правда. Инеж училась боевой технике от мальчишек, как Каз и Джеспер, в подворотнях и извилистых улицах Кеттердама. У Дуняши же была далеко не одна наступательная стратегия. Она гнулась, как тростник, когда это было необходимо, подкрадывалась, как кошка, и отступала, как дым. У нее не было одного стиля, который Инеж могла бы скопировать или предугадать.

Она лучше меня. От этого знания пованивало гнилью, словно Инеж впиалась зубами в заманчивый плод, а он оказался испорченным. Дело было не только в разнице в их обучении. Инеж научилась драться, потому что у нее не было другого выбора, потому что она хотела выжить. Она плакала в ночь своего первого убийства. А эта девчонка явно получала наслаждение.

Но Кеттердам был хорошим учителем. Если не можешь победить – меняй игру. Инеж дождалась, пока ее соперница бросится на нее, а затем прыгнула мимо нее на канат, натянутый между силосами, и безрассудно пошла по нему. Ветер рьяно тянул к ней свои руки, чувствуя удачную возможность. Она подумывала достать шест, но затем решила, что лучше оставить руки свободными.

Инеж ощутила, как канат задрожал. *Невозможно.* Но, оглянувшись через плечо, она увидела, что Дуняша последовала за ней, встав на веревку. Она улыбалась, и ее бледная кожа сияла, словно девушка проглотила луну.

Дуняша махнула рукой, и Инеж ахнула, когда что-то острое попало в ее голень. Затем наклонилась, схватилась руками за веревку, и повернулась, чтобы встать лицом к противнику. Запястье девушки снова дернулось. Инеж почувствовала новую яркую вспышку боли, и, опустив взгляд, увидела металлическую звезду, торчащую из ее бедра.

Откуда-то снизу раздались крики и звуки битвы. *Нина.* Кого или что Ван Эк послал за ней? Но Инеж не могла позволить себе отвлечься, потому что была на канате и потому что боролась с этим существом.

– Слышала, ты работала шлюхой на Павлина, – сказала Дуняша, кинув в Инеж еще две звезды. Сулийка уклонилась от них, но третий поймала своим правым плечом. Она истекала кровью. – Я бы убила себя и каждого, кто был под той крышей, но не позволила бы использовать свое тело подобным образом.

– Тебя используют сейчас, – ответила Инеж. – Ван Эк не достоин такого таланта.

– Если тебе так интересно, мне платит Пекка Роллинс. – Инеж замерла. *Роллинс.* – Он оплатил мой переезд и жилье. Но я не требую денег за жизни, которые забираю. Они –

мои украшения. Мой предмет гордости в этом мире и повод для почестей в следующем.

Пекка Роллинс. Нашел ли он Каза? А остальных? Что, если Нина уже лежит внизу мертвая? Инеж нужно избавиться от этой девчонки. Она должна помочь им. В нее метнули очередную звезду, и она наклонилась вправо, чтобы избежать ее, едва не потеряв равновесие. Сулейка протанцевала назад по веревке, заметив блеск металла. Боль пронзила ее руку, и она судорожно втянула воздух.

«Наша работа – смерть, и она – священна». Какому же темному богу служила эта наемница? Инеж представила себе некое огромное божество, нависшее над городом, безликое и невыразительное, кожа натянулась на раздутых конечностях, ожиревших от крови жертв его последователей. Она чувствовала его присутствие, холод от его тени.

Одна звезда впилась в икру Инеж, другая – в предплечье. Девушка оглянулась. Еще десять шажков, и она вернется к первой башне. Может, Дуняша и знает больше боевых техник, чем когда-либо узнает Инеж, но она не знала Кеттердам. Инеж спустится вниз, найдет Нину. Они оторвутся от этого монстра на улицах и каналах, которые Инеж изучила как свои пять пальцев.

Она снова оценила расстояние позади себя. Еще пару шагов. Но когда она обернулась, Дуняши больше не было на канате. Инеж увидела, как та нагнулась и потянулась рукой к намагниченному зажиму. «*Нем!*»

– Защитите меня, – прошептала она своим святым.

Веревка ослабла. Инеж упала, крутясь в воздухе, и как когда-то в детстве, пытаясь найти свои крылья.

Каз

В ушах Каза раздался рев. Как обычно, он испытывал странное двойственное чувство, глядя на Роллинса, словно засиделся допоздна и слишком много выпил. Мужчина, стоявший перед ним, был Пеккой Роллинсом, королем Бочки, главарем банд и импресарио. И в то же время он был Якобом Герцуном, предположительно добропорядочным торговцем, который окружил Каза и Джорди заботой и участием, а затем забрал их деньги и бросил беспомощных в городе, который не знал пощады.

Сегодня ничто в нем не напоминало уважаемого Якоба Герцуна. На Роллинсе был полосатый зеленый жилет, плотно застегнутый на животе, и брюки с изумрудным отливом. Судя по всему, он уже нашел замену часам, которые украл у него Каз, и достал новые.

– Эта штука никогда не показывает точное время, – раздраженно вздохнул Пекка, от чего его бакенбарды слегка задрожали, и встряхнул часы, – но я никогда не мог устоять перед блестящими безделушками. Я так полагаю, ты уже избавился от той, что украл у меня? – Каз промолчал. – Что ж, – продолжил Роллинс, пожав плечами, закрывая часы и возвращая их в карман жилета. – Примерно сейчас мои лейтенанты должны окружать твою банду и одного бесценного заложника на острове Черной Вуали.

Уайлен издал огорченный звук.

– Я также приготовил особый подарок для Призрака. Необычайно ценное вложение – эта девушка. Мне не нравилась мысль об этой стреле в твоём колчане, так что я нашел кого-то даже более необычного, чтобы позаботиться о ней.

Каза затошнило. Он вспомнил, как Инеж разминала плечи, ее изящное тело, излучающее уверенность. «Я не работаю с сеткой».

– Ты действительно полагал, что тебя будет так трудно разыскать, Бреккер? Я давно веду эту игру. Все, что мне требовалось, это представить, как бы я поступил, если бы был моложе и глупее.

Рев в ушах Каза начал нарастать.

– Ты работаешь на Ван Эка. – Он знал, что это возможно, но предпочел проигнорировать этот факт. Думал, если он будет действовать достаточно быстро, то они не успеют заключить союз.

– Я работаю с Ван Эком. После того как ты пришел ко мне за деньгами, у меня возникло впечатление, что ему может потребоваться моя помощь. Поначалу он сомневался – в прошлом ему не особо везло в сделках с ребятами из Бочки. Но маленький трюк, который ты провернул с его женой, отправил торговца напрямик в мои любящие объятия. Я сказал Ван Эку, что ты всегда будешь на шаг впереди него, потому что он не может перестать мыслить как бизнесмен.

Каз чуть не вздрогнул. Разве он думал не так же?

– Он, безусловно, человек смекалистый, – продолжал Роллинс, – но с ограниченным воображением. В то время как ты, Бреккер, мыслишь как маленький злодей. Ты – это я, только с куда большим количеством волос и отсутствием стиля. Ван Эк считал, что твоя песенка будет спета на Западном Обруче, и сильно гордился собой за решение позвать городскую стражу. Но я знал, что такого скользкого типа поймать будет не так-то просто.

– И догадался, что я приду сюда?

Роллинс усмехнулся.

– Я знал, что ты не сможешь *удержаться*. О, я понятия не имел, какой план ты состряпаешь, но не сомневался, что, каким бы ни был замысел, он приведет тебя сюда. Ты не мог упустить возможность унижить Ван Эка, вернуть то, что, по твоему мнению, он

тебе задолжал.

– Сделка есть сделка.

Мужчина покачал головой, кудахча, как большая матушка-наседка.

– Ты все принимаешь близко к сердцу, Бреккер. Тебе следовало бы сосредоточиться на работе, но вместо этого ты был слишком занят затаенной обидой.

– Вот тут ты ошибаешься, – ответил Каз. – Я не затаил обиду. Я укачиваю ее. Опекаю. Кормлю ее отборным мясом и отправляю в лучшие учебные заведения. Я лелею свои обиды, Роллинс.

– Рад, что ты сохранил чувства юмора, парень. Когда отсидишь свой срок в тюрьме, – если, конечно, Ван Эк оставит тебя в живых, – возможно, я позволю тебе работать на меня. Жалко смотреть, как такой талант пропадет зря.

– Я предпочту медленно жариться на вертеле и чтоб Ван Эк поворачивал ручку.

Улыбка Роллинса была великодушной.

– Полагаю, это тоже можно устроить. Кто я такой, чтобы отказывать тебе в подобной услуге?

«Просто продолжай болтать», – мысленно просил Каз, засовывая руку в ранец Уайлена.

– С чего ты взял, что Ван Эк не проявит такое же «уважение» к вашему договору, как к нашему?

– Потому что мне хватило ума взять деньги авансом. И мои требования гораздо умереннее. Несколько миллионов крюге за то, чтобы избавить Бочку от помехи, которую мне и самому хотелось убрать с дороги? Вполне приемлемо. – Роллинс поддел большими пальцами карманы жилета. – Факт заключается в том, что мы с Ван Эком понимаем друг друга. Я расту, расширяю свою территорию, мыслю по-крупному. «Каэльский принц» – лучшее заведение, которое когда-либо видел Восточный Обруч, и это только начало. Мы с Ван Эком строители. Мы хотим создать то, что переживет нас. Ты еще дорастешь до этого, парень. А теперь передай мне эту печать и иди без лишнего шума, лады?

Каз достал печать из кармана и поднял ее, подставляя под свет лампы, чтобы притянуть к ней взгляд Пекки. Потом замешкался.

– Ну же, Бреккер. Ты крепкий мальчишка, я это признаю, но тебя загнали в угол и превзошли численностью. Ты не можешь выпрыгнуть из этого окна, Ван Эк расставил городскую стражу вдоль всей улицы. С тобой покончено. Тебя поджарили, развеяли по ветру, так что не делай глупостей.

Если не можешь открыть дверь, просто проделай новую. Роллинса легко разговорить; Каз сомневался, что смог бы его остановить, даже если бы захотел. Затем оставалось только приковать взгляд Роллинса к блестящей золотой печати в правой руке Каза, пока он открывал банку с золотой кислотой левой.

– Приготовься, – пробормотал он.

– Каз... – начал возражать Уайлен.

Каз подкинул печать Роллинсу и в тот же момент плеснул остатки кислоты на пол. Комната наполнилась жаром, и от шипящего ковра начал подниматься шлейф едкого дыма.

– Остановите их! – крикнул Пекка.

– Увидимся на другой стороне, – ухмыльнулся Бреккер. Потом взял свою трость и ударил ею по половицам под их ногами. Пол со стоном просел.

Они рухнули на первый этаж в облаке штукатурки и пыли, прямо на обеденный стол, сломавшийся под их весом.

Подсвечники и посуда покатались по полу. Каз вскочил на ноги, зажав в руке трость, подлива капала с его пальто, и резко дернул Уайлена.

У него была лишь секунда, чтобы посмотреть на удивленные лица торговцев, собравшихся вокруг стола, с широко раскрытыми от шока ртами и салфетками на коленях. Потом Ван Эк начал кричать: «Схватить их!», и Каз с Уайленом перепрыгнули через упавший окорок и помчались по черно-белому плиточному полу.

Два охранника в ливреях встали перед стеклянными дверями, ведущими в темный сад, и подняли винтовки.

Каз набрал скорость, упал и заскользил по полу. Парень прижал трость в горизонтальном положении к груди и проскочил между двумя стражниками, ударив концами трости их по коленям и сбив с ног.

Уайлен бежал за ним, скатываясь по ступенькам в сад. Затем они ворвались в эллинг, перебрались через перила и сели в гондолу, которую Ротти пришвартовал у канала.

В корпус лодки врезалась пуля, и огненные выстрелы изрешетили воду вокруг них. Каз с Ротти взяли за весла.

– Кидай все, что есть! – крикнул Бреккер, и Уайлен выпустил все ракеты, фотобомбу и взрывчатку, которые им удалось вместить в лодку. Небо над домом Ван Эка озарилось вспышками от взрывов, повалил дым, стражники с криками разбежались в поисках укрытия.

Каз начал активно грести, чувствуя, как лодка скользнула в поток, когда они выплыли на сверкающую магистраль Гельдканала.

– А как же «туда-обратно, и чтобы Ван Эк ничего не заметил»? – поинтересовался Ротти.

– Отчасти я был прав, – прорычал Каз.

– Нужно предупредить остальных, – ахнул Уайлен. – Роллинс сказал...

– Там был Пекка Роллинс?! – воскликнул Ротти, и Бреккер услышал страх в его голосе. Канальная крыса не побоялась бы бросить вызов тысяче бандитов и головорезов, купцам и наемникам, но не Пекке Роллинсу.

Каз стал выгребать одним из весел, направляя лодку вправо, и едва не врезался в шлюпку, полную туристов.

– Мы должны вернуться на Черную Вуаль. Остальные...

– Заткнись, Уайлен! Мне нужно подумать.

Джеспер и Матиас были хорошими бойцами. Если у кого и имелся шанс увезти Кювея с острова, так это у них. Но как Пекка смог их найти? Должно быть, кто-то преследовал их до Черной Вуали. Они все рисковали в тот день, держась подальше от своего убежища. Любого из них могли заметить и выследить. Нину и Матиаса? Уайлена и Джеспера? Самого Каза? Как только Пекка нашел укрытие, то мог контролировать их каждую минуту, выжидая, пока они разделятся и станут уязвимыми.

Каз напряг плечи, и Ротти подстроился под его темп, их весла заставляли лодку быстрее плыть по течению. Ему нужно было вывести их на водную магистраль и убраться от дома Ван Эка так далеко, как только возможно. Ему нужно было добраться до Сладкого Рифа. Люди Роллинса наверняка последовали за Ниной и Инеж с Черной Вуали. Почему он отправил их к силосам одних? Все Нина со своими драгоценными беженцами! Сегодня не будет никакого грандиозного спасения гришей. Все их шансы покатались к чертям собачьим. «Я также приготовил особый подарок для Призрака». К черту месть, к черту его замыслы! Если Роллинс сделал что-то с Инеж, Каз украсит Западный Обруч его внутренностями.

Думай. Когда один план проваливается, нужно придумать новый. Когда тебя загоняют в угол, ты проделываешь дыру в крыше. Но он не мог исправить того, чего не контролировал. Его план терял четкость. Он подвел их всех. Подвел ее. И все потому, что

у него была некая слепая зона, когда дело касалось Роллинса. Джеспер мог быть уже мертв. Инеж могла истекать кровью на улицах Сладкого Рифа.

Он взялся за весла.

- Плыдем в район складов.

- А как же остальные?

- Джеспер и Матиас бойцы, и Пекка ни за что не рискнет ранить Кювея. Мы плывем в Сладкий Риф.

- Ты говорил, что мы будем в безопасности на Черной Вуали! - возразил Уайлен. - Говорил...

- Нет такого понятия, как «безопасность»! - прорычал Каз. - Не в Бочке. Не где-либо еще. - Он вложил все свои силы в греблю. Ни печати. Ни корабля. Все их деньги истрачены.

- Что мы будем делать теперь? - тихо поинтересовался Уайлен, его голос был едва слышен за звуками воды и других лодок в канале.

- Бери весла и сделай что-нибудь полезное, - резко ответил Каз. - Или я окуну твою избалованную задницу в воду и позволю твоему папаше выудить тебя оттуда.

Нина

Нина услышала их раньше, чем увидела. Она находилась между вторым и третьим силосами, откуда могла следить за продвижением Инеж и приглядывать за караульным помещением.

Инеж взобралась на силосную башню, как крохотный ловкий паучок, двигаясь с такой скоростью, что Нина почувствовала усталость, просто наблюдая за ней. Угол обзора был небольшим, и поэтому Нина едва видела подругу, когда та добралась до вершины, и не могла сказать, получилось ли у нее поднять люк. Но Инеж не стала переходить на следующую башню, когда Нина подала первый сигнал, так что у нее, должно быть, вышла какая-то задержка с веревкой или долгоносиком. После второго сигнала Нина увидела, как та зашагала в пустоте.

С ее места канат был невидим в темноте, и казалось, что Инеж парит в воздухе – каждый шаг точный и просчитанный. Вдруг – едва заметное покачивание. Теперь – небольшая поправка. Сердце Нины билось с бешеным ритмом, пока она наблюдала за напарницей. Ее преследовало абсурдное чувство, что, если она хоть на секунду отвлечется, Инеж может упасть, будто сосредоточенность и вера Нины поддерживали ее на канате.

Когда девушка наконец добралась до второго силоса, Нине захотелось ей поаплодировать, но она удовлетворилась и небольшим бесшумным танцем. Затем стала ждать, когда стражники снова появятся у западной стороны периметра. Они остановились у сторожки на пару минут и двинулись дальше. Нина только собиралась подать сигнал Инеж, как услышала чей-то громкий смех. Стражники тоже его заметили и насторожились. Нина увидела, как один из них зажег сигнальный фонарик на караульном помещении, чтобы вызвать подкрепление – мера предосторожности на случай неприятностей. Периодически местные устраивали мятежи, а после хаоса на Западном Обруче, случившегося накануне, Нину не удивило, что охрана так быстро решила вызвать подмогу.

Похоже, она им понадобится. Нина по одному лишь звуку распознала банду из Бочки, и, судя по всему, эта была довольно опасной – все крупные, мускулистые и вооруженные. У большинства имелись при себе пистолеты – верный признак того, что они пришли не просто ради маленькой заварушки. На том, который шел во главе, был клетчатый жилет, плотно обтягивающий широкую грудь, и он размахивал длинной цепью. На его предплечье виднелась круглая татуировка. С такого расстояния Нина не могла разобрать деталей, но она готова была поставить крупную сумму на то, что там был нарисован лев, свернувшийся вокруг короны. Грошковые Львы. Мальчики Пекки Роллинса. Что, черт возьми, они тут делают?

Нина глянула вверх. Инеж как раз должна была высыпать долгоносика во второй силос. Оставалось надеяться, что она находилась вне их поля зрения. Но чего именно хотела банда Пекки Роллинса?

Ответ пришел незамедлительно:

– Слышал, в Сладком Рифе прячется сердцебитка, – громко произнес парень в клетчатом жилете, все еще размахивая своей цепью.

Ох, святые, дело плохо. Неужели Грошковые Львы проследили за ними от самой Черной Вуали? Тогда остальных тоже ждут неприятности. И что, если Пекка Роллинс и его банда знали о гришах в посольстве? Некоторые из них нарушали свои контракты, пытались покинуть город. Их могут начать шантажировать или еще чего похуже. Пекка может продать их шуханцам. *«Разберись пока с собственными проблемами, Зеник, – отозвался голос в ее голове. – Хватит беспокоиться о спасении мира и спасай свою задницу».* Иногда ее внутренний голос говорил очень мудрые вещи.

Один из охранников шагнул вперед – очень храбро, подумала Нина, учитывая, что Грошковые Львы открыто демонстрировали свою силу. Ему передали бумагу с ярко-красной печатью. Охранник дал ее прочесть своему компаньону. Через пару секунд тот пожал плечами. Затем, к ужасу Нины, стражник открыл ворота. Фонарик на крыше

караульного помещения снова мигнул. Они отменяли вызов подкрепления.

Красная печать. Цвет Ван Эка. Это его силосы, и стражник бы ни за что не рискнул открывать ворота тому, кого не одобрил его начальник. У Нины закружилась голова при мысли о последствиях. Мог ли Ян Ван Эк работать вместе с Пеккой Роллинсом? Если это так, то шансы Отбросов на то, чтобы выбраться из города живыми, обратились в прах.

– Выходи, милая Нина. У Пекки есть для тебя работа.

Нина увидела, что на конце цепи, которой размахивал парень, находились тяжелые кандалы. Когда она только приехала в Кеттердам, Пекка Роллинс предложил ей работу и свою сомнительную защиту. Вместо этого она решила связаться с Отбросами. Похоже, Пекке надоело соблюдать контракты и законы банд. Он собирался заковать ее в цепи, возможно, выдать шуханцам или отдать Ван Эку, чтобы тот мог накачать ее паремом.

Нина спряталась в тени второго силоса, но у нее не было абсолютно никакой возможности сделать больше пары шагов, не выдав своего присутствия. Девушка подумала о ядовитой пилюле в своем кармане.

– Не заставляй нас идти за тобой, девочка. – Парень жестами показал остальным Грошовым Львам рассредоточиться.

У Нины было два преимущества: во-первых, кандалы на конце цепи значили, что Пекка, скорее всего, хотел заполучить ее живой. Он не рискнет жертвовать ценной сердцебиткой, так что они не станут стрелять. Во-вторых, это сборище гениев не знало, что парем изменил ее силу. Возможно, у нее получится подарить им с Инеж немного времени.

Нина встряхнула волосами, собрала волю в кулак и вышла на открытую местность. В тот же момент раздались звуки взвоящих курков.

– Полегче, – сказала она, уперев руку в бок. – От меня будет мало проку, если вы продырявите меня, как крышку от солонки.

– Ну, здравствуй, гриш. Повеселишь нас?

Зависит от того, что ты называешь весельем.

– Как тебя зовут, красавчик?

Парень улыбнулся, показав золотой зуб и удивительно симпатичную ямочку на щеке.

– Эмон.

– Милое каэльское имя. *Кен йе хом?*

– Мама была каэлкой. Я не говорю на этой тарабарщине.

– Ну, как насчет того, чтобы ты приказал своим друзьям расслабиться и опустить пушки, чтобы я смогла научить тебя паре новых слов?

– Нет, что-то не катит. Я знаю, как работает сила сердцебитов. Я не позволю тебе взять власть над моими внутренностями.

– Досадно, – ответила Нина. – Слушай, Эмон, нам необязательно устраивать сегодня разборки. Я просто хочу выслушать условия Пекки. Если я предам Каза, то должна знать, что награда того стоит...

– Считай, что Каз Бреккер уже мертв, дорогая. И Пекка не предлагает тебе никаких условий. Ты пойдешь с нами, с цепями или без.

Нина подняла руки, и мужчины вокруг напряглись, готовые открыть огонь, несмотря на приказы Пекки. Она сделала вид, что лениво потягивается.

– Эмон, ты же знаешь, что, прежде чем ты закуешь меня в цепи, я могу превратить внутренние органы этих джентльменов в жижу?

- Ты недостаточно быстрая.

- Достаточно, чтобы удостовериться, что ты никогда.... - девушка многозначительно покосилась на пряжку его ремня, - ...не подымешь флаг на Западном Обруче.

Теперь Эмон побледнел.

- Ты на это не способна.

Нина хрустнула костяшками.

- Разве?

Откуда-то над ними раздался тихий лязг, и все направили дула пистолетов вверх. *Проклятие, Инеж, притихни!* Но когда Нина подняла взгляд, ее мысли запнулись от ужаса. Инеж снова шла по канату. И не она одна.

На долю секунды Нина подумала, что у нее галлюцинации - по канату за Инеж следовала фигура в белом. Она выглядела как фантом, парящий над их головами. Затем эта фигура рассекла чем-то воздух. Нина мельком заметила блеск металла. Сердцебитка не заметила, куда оно попало, но увидела, как Инеж споткнулась. Затем сулейка восстановила равновесие: поза беспомощная, руки вытянуты для равновесия.

Должен же быть способ ей помочь! Нина потянулась своей силой к девушке в белом, пытаюсь нащупать ее пульс, ткань мышц, хоть что-то, что можно контролировать, но снова почувствовала ужасающую слепоту, ощущение абсолютной пустоты.

- Что, не хочешь помочь подруге? - поинтересовался Эмон.

- Она может сама за себя постоять, - ответила Нина.

Парень ухмыльнулся.

- Ты оказалась далеко не такой опасной, как мы слышали. Много трепы и мало дела. - Он повернулся к своей команде. - Буду всю ночь покупать выпивку тому, кто схватит ее первым.

Ребята не спешили. Они были не настолько глупы. Банда начала медленно наступать на нее, выставив пистолеты. Нина взмахнула руками. Все настороженно замерли. Но когда ничего не произошло, она увидела, как они переглянулись, хитро ухмыльнулись и начали окружать ее быстрее, потеряв страх и настроившись получить свою награду.

Нина рискнула поднять взгляд. Каким-то чудом Инеж до сих пор удавалось сохранять равновесие. Похоже, она пыталась вернуться к первому силосу, но, очевидно, ее ранили, потому что шаги девушки были неустойчивыми.

Сетка. Но от нее мало проку с одной Ниной. Будь у нее хоть немного парема, крошечная доза, она бы могла заставить этих круглых идиотов помочь ей. Они бы повиновались, не задумываясь.

Ее мысли тянулись в разные стороны, пытаюсь ухватиться хоть за что-то. Она не будет просто беспомощно стоять, ждать, пока ее возьмут в плен, и смотреть, как Инеж умирает. Но все, что чувствовала сердцебитка - это большую черную пустоту. Здесь не было ни вовремя попавшихся под руку кусков костей, ни пыли. Мир, который однажды кипел жизнью, биением сердец, дыханием, кровью, опустошили. Теперь он превратился в черную пустыню, беззвездное небо и бесплодную почву.

Один из Грошовых Львов решил пойти вперед, и тогда все остальные накинлись на нее, хватая за руки и таща к Эмону, лицо которого расплылось от улыбки с ямочкой на щеке.

Нина издала вопль, полный ярости, и забилась, как дикое животное. Она не была беспомощной. Отказывалась такой быть! *«Я не знаю более свирепого воина, чем ты, с силами или без».*

И тут она почувствовала это - там, в этой черной пустыне, зону настолько леденящего

холода, что он обжигал. Там, за силосными башнями, в гребне канала, по дороге в гавань – лодка, нагроможденная высокой горой трупов. В Нине пульсировало чувство узнавания. Она не ощущала сердцебиения или потока крови, но ощущала что-то еще, что-то другое. Девушка подумала о мощах, вспомнила чувство спокойствия, накрывавшее ее на Черной Вуали в окружении могил.

Эмон попытался закрепить кандалы на ее запястье.

– Давайте наденем на нее ошейник! – крикнул еще один из Грошовых Львов.

Кто-то схватил ее за волосы и отдернул голову назад, чтобы было лучше видно шею. Нина знала, что ее мысли граничат с безумием, но разумные варианты закончились. Собрав всю оставшуюся силу, она сильно пнула Эмона, выбиваясь из его хватки. Затем развела руки широкой дугой, сосредотачиваясь на этом новом ощущении, и тела на барже начали вставать. Девушка сжала кулаки. *Идите ко мне.*

Грошковые Львы схватили ее за руки. Эмон отвесил ей оплеуху, но она продолжала сжимать кулаки и пыталась не отвлекаться. Это не было похоже на то волнение, которое она испытала под действием парема. То было жаром, огнем, светом. Сейчас она ощущала холодное пламя, слабо горевшее синим цветом. Нина чувствовала, как трупы поднимаются один за другим, откликаясь на ее зов. Осознавала, что члены банды схватили ее и теперь пытаются надеть кандалы на руки. Но холод углубился до быстротечной зимней реки, до черных порогов с острыми обломками льда.

Нина услышала крики, грохот стрельбы, а затем скрип металла. Руки, держащие ее, ослабли, и цепи упали на мостовую почти с музыкальным звоном. Нина сжала плечи, погружаясь глубже в морозную реку.

– Какого черта! – рявкнул Эмон, поворачиваясь к сторожке. – *Какого черта!*

Грошковые Львы начали пятиться, позабыв о своей цели. На их лицах отразился ужас, и Нина видела почему. Группа людей толкала забор, раскачивая его на столбах. Некоторые были старыми, другие юными, но все поразительно прекрасными – щеки красные, губы розовые, волосы блестят и волнами укладываются вокруг лиц, слегка покачиваясь, как водоросли, растущие под водой. Они были красивы и в то же время ужасны, поскольку, если на некоторых из них не было видимых признаков травм, у одной виднелись коричневые пятна крови и рвоты на платье, а у другого – колотая рана, почерневшая от гниения. Двое были голыми, а у одной зиял глубокий широкий разрез на животе, и пухлая розовая кожа свисала лоскутами. У всех глаза сияли черным, как зеркальная цвета грифеля вода зимой.

Нина почувствовала прилив тошноты. Ей было странно и немного стыдно, будто она смотрела в окно, в которое не имела права подглядывать. Но у нее не было выбора. И, по правде, ей не хотелось останавливаться. Девушка сжала и разжала пальцы.

Ограждение рухнуло вниз с суровым скрежетом рвущегося металла. Грошковые Львы открыли огонь, но трупы продолжали наступать без страха и интереса.

– Это она! – крикнул Эмон, пятясь назад, падая и ползя на коленях, пока его соратники убегали в ночь. – Они идут за этой сучкой!

– Спорим, ты уже жалеешь, что отказался от переговоров, – прорычала Нина. Но ей было плевать на Грошовых Львов.

Она взглянула вверх. Инеж все еще стояла на канате, но девушка в белом находилась на крыше второго силоса и тянулась к намагниченному зажиму.

«Сетку – потребовала она. – *Живо*». Трупы быстро зашевелились, превращаясь в размытое пятно, молниеносно кинулись вперед, а затем замерли, словно дожидаясь инструкций. Нина сосредоточилась и приказала им повиноваться, вкладывая всю свою жизненную силу в их тела. Через секунду в их руках уже была сеть, и они бежали так быстро, что Нина не успевала за ними уследить.

Канат повис. Инеж упала. Нина закричала.

Тело Инеж приземлилось на сетку, высоко подпрыгнуло и снова упало.

Нина побежала к ней.

– Инеж!

Ее тело лежало в центре сетки, испещренное коварными серебряными звездами, и из ран сочилась кровь.

«Опустите ее», – скомандовала сердцеебка, и трупы послушно опустили сеть на брусчатку. Нина кинулась к подруге и села перед ней на колени.

– Инеж?

Она обняла Нину.

– Никогда, *никогда* больше так не делай! – всхлипнула Зеник.

– Сетка? – раздался веселый голосок. – Так не честно!

Инеж напряглась. Девушка в белом спустилась со второй силосной башни и шагала к ним.

Нина вскинула руки, и трупы выстроились перед ними в линию обороны.

– Уверена, что хочешь этого боя, снежинка?

Девушка прищурила свои прекрасные глаза.

– Я превзошла тебя, – обратилась она к Инеж. – И ты это знаешь.

– Сегодня тебе повезло, – ответила сулейка, но ее голос звучал слабо, как потертая резьба.

Девушка окинула взглядом армию из разлагающихся тел и, похоже, оценила свои шансы. Затем поклонилась.

– Мы еще встретимся, Призрак.

Она повернулась в том направлении, куда побежали Эмон и остальные Грошковые Львы, перепрыгнула через остатки забора и исчезла из виду.

– Кто-то любит дешевую театральщину, – фыркнула Нина. – Идти драться на ножах во всем белом?

– Дуняша, Белый Клинок или как-то так. Она всерьез настроилась убить меня. Или, возможно, всех нас.

– Идти сможешь?

Инеж кивнула, хоть ее лицо и побелело.

– Нина, эти люди... они мертвы?

– Ну, если ты так ставишь вопрос, то звучит жутковато.

– Но ты не принимала...

– Нет. Никакого парема. Я не знаю, что происходит.

– Гриши вообще могут...

– Не знаю. – Теперь, когда страх от засады и падения Инеж проходил, она почувствовала некое отвращение. Что она сделала? Во что вмешалась?

Нина вспомнила, как спрашивала у одного из своих учителей в Малом дворце, откуда брались способности гришей. Тогда она была еще ребенком, восхищенным старшими гришами, которые приходили и уходили с территории дворца на важные миссии.

«Наша сила связывает нас с жизнью такими способами, которых обычным людям

никогда не понять, – ответил ее учитель. – Поэтому использование дара делает нас сильнее, вместо того чтобы истощать. Мы соединены с силой самого созидания, творения в сердце мира. Для корпоралиов эта связь еще крепче, потому что мы специализируемся в жизни и смерти».

Учитель поднял руки, и Нина почувствовала, как ее пульс слегка замедлился. Остальные ученики ахнули и начали оглядываться друг на друга – все испытывали одни и те же ощущения. «Чувствуете это? – спросил учитель. – Как ваши сердца бьются одновременно, связанные с ритмом мира?»

Это было очень странное ощущение, как если бы ее тело растворялось, будто они не были множеством учеников, ерзающих на стульях кабинета, а одним существом, с единым сердцем и единой целью. Оно продлилось всего пару секунд, но она так и не забыла это чувство единения, внезапное осознание, что ее сила означала, что она никогда не будет одинока.

Но сила, которую она использовала сегодня? Это совершенно другое. Она была продуктом парема, а не творением в сердце мира. Она была ошибкой.

Но об этом можно беспокоиться и позже.

– Нужно уходить отсюда, – сказала Нина. Затем помогла Инеж подняться и окинула взглядом окружающие их тела. – Святые, они жутко воняют!

– Нина, вдруг они тебя слышат!

– Вы меня слышите? – спросила девушка. Но трупы не ответили, и, когда она потянулась к ним своей силой, они не казались живыми. Но в них было *что-то*, говорившее с ней таким образом, каким живые уже не могли. Ей снова подумалось о ледяной реке. Нина все еще чувствовала ее вокруг себя, вокруг всего, но теперь ее поток двигался медленными вихрями.

– Что ты будешь с ними делать? – полюбопытствовала Инеж.

Нина беспомощно пожала плечами.

– Верну их на место, наверное? – девушка подняла руки. «*Идите*, – произнесла она так четко, как только могла, – *покойтесь с миром*».

Они снова задвигались – внезапная активность, которая заставила Инеж прошептать молитву своим святым. Нина наблюдала, как они исчезают, – нечеткие силуэты во тьме.

Инеж слегка передернулась, после чего достала серебряную звезду из плеча и бросила ее на землю, она упала с громким звоном. Кровотечение, похоже, замедлилось, но сулийка определенно нуждалась в перевязках.

– Пошли, пока городская стража не пришла, – сказала она.

– Куда? – спросила Нина, пока они направлялись к каналу. – Если Пекка Роллинс нашел нас...

Шаги Инеж замедлились, когда она осознала всю реальность их ситуации.

– Если Черная Вуаль под угрозой, Каз... Каз сказал мне, куда идти, если дела будут плохи. Но...

Слова повисли в воздухе, они замолчали. Если на поле вышел Пекка Роллинс, это означало большее, чем просто неудавшийся план.

Что, если Черную Вуаль подорвали? Что, если что-то случилось с Матиасом? Поощаит ли Роллинс его жизнь или просто выстрелит, чтобы заслужить свое вознаграждение?

Гриши. Что, если Пекка проследил за Джеспером и Матиасом до посольства? Что, если они отправились на доки с беженцами и были схвачены? Девушка снова подумала о желтой пилюле в своем кармане. Вспомнила свирепые золотистые глаза Тамары, властный взгляд Зои, дразнящий смех Жени. Они доверились ей. Если с ними что-то

произойдет, она никогда себя не простит.

Пока Нина и Инеж возвращались к набережной, где была пришвартована их лодка, Зеник кинула прощальный взгляд на баржу. Оставшиеся трупы как раз укладывались на места. Теперь они выглядели иначе, их цвет возвращался к пепельно-серому и грязно-белому, которые ассоциировались у нее со смертью. Но, возможно, смерть была не так проста.

– Куда мы пойдем? – спросила Нина.

В эту секунду они увидели, что к ним бегут две фигуры. Инеж потянулась к своим кинжалам, а Нина подняла руки, готовясь снова призвать своих странных солдат. Знала, что на этот раз ей будет проще.

Каз и Уайлен появились в свете фонаря, их одежда была помятой, волосы присыпаны кусочками штукатурки... и чем-то похожим на подливу. Каз практически всем весом налегал на трость и двигался с неумолимой скоростью, острые черты его лица выражали решимость.

– Мы будем сражаться за нашу свободу вместе, – прошептала Инеж.

Нина перевела взгляд с подруги на Каза и увидела, что у них обоих одинаковое выражение лица. Нина знала этот взгляд. Он появлялся после кораблекрушения, когда течение сбивало тебя с верного пути, а небо чернело над головой. Это был первый взгляд на сушу, надежда на укрытие и даже спасение, которое могло ждать тебя на далеком берегу.

Уайлен

«Я умру, и не останется никого, кто мог бы ей помочь. Никто уже не помнит о существовании Марьи Хендрикс».

Уайлен хотел быть храбрым, но ему было холодно, он был весь в кровоподтеках, и хуже всего – его окружали самые отважные люди, каких он только знал, но было видно, что все они перенесли сильное потрясение.

Они медленно плыли по каналам, останавливаясь под мостами и в темных колодцах тени, чтобы переждать, пока сапоги отрядов городской стражи прогремят над головами или вдоль водных путей. Сегодня власти города отправили на патруль все свои силы, их лодки медленно плыли по воде с яркими фонарями на носках. Что-то изменилось за то короткое время после событий на Гудмедбридже. Город ожил, и он был зол.

– Гриши... – попыталась начать Нина.

Но Каз быстро ее оборвал:

– Либо они в безопасности в посольстве, либо мы ничем не можем им помочь. Они сами о себе позаботятся. Мы заляжем на дно.

И тут Уайлен понял, в какой беде они оказались, потому что Нина не стала спорить. Она просто схватилась руками за голову и замолчала.

– С ними все будет хорошо, – сказала Инеж, обнимая подругу за плечи. – И с ним тоже.

Но ее движения были неуверенными, и Уайлен увидел кровь на одежде девушки.

После этого никто не произносил ни слова. Периодически Каз и Ротти начинали грести, выводя их в более тихие и узкие каналы, а потом бесшумно плыли по течению, если была такая возможность. Затем они завернули за поворот у Шунштрата, и Каз приказал: «Останавливаемся». Они с Ротти уперлись веслами в дно, придвигая гондолу вплотную к боку канала, и спрятались за лодкой поставщика. Что бы ни продавал плавучий магазин, его прилавки были крепко заперты, чтобы защитить товар.

На мосту над их головами копошилась городская стража, две их лодки закрывали проход внизу.

– Они ставят блокады, – прокомментировал Каз.

Отбросы бросили свою гондолу и продолжили путь пешком.

Уайлен знал, что они направлялись к новому конспиративному дому, но Бреккер сам сказал: «Нет такого понятия, как «безопасность». Где они могут спрятаться? Пекка Роллинс работал с его отцом. Каждый из них владел половиной города. Уайлена поймут. А что потом? Никто не поверит, что он сын Яна Ван Эка. Может, отец Уайлена Ван Эка и ненавидел его, но у его сына были права, о которых не мог мечтать ни один шуханский преступник. Окажется ли он в Хеллгейте? Найдет ли его отец способ казнить его?

Чем больше они отдалялись от производственного района и Бочки, тем реже встречались патрули, и Уайлен понял, что городская стража, должно быть, сосредотачивает свои силы на менее уважаемых частях города. Однако они все равно двигались рывками, проскакивая переулки, о существовании которых Уайлен не знал, изредка пробираясь через пустые магазины или нижние этажи незанятых домов, чтобы срезать путь к следующей улице. Казалось, у Каза была тайная карта Кеттердама, которая показывала забытые места города.

Будет ли их ждать Джеспер, когда они наконец-то доберутся до нужной точки? Или он лежал раненный и истекал кровью на полу гробницы, и никто не приходил к нему на помощь? Уайлен отказывался в это верить. Чем меньше шансов, тем яростней будет бороться Джеспер. Он вспомнил, как стрелок обращался с мольбами к Колму: «Я знаю,

что подвел тебя. Просто дай мне еще один шанс». Сколько раз Уайлен произносил почти те же слова своему отцу, всегда надеясь, что сдержит их? Джеспер должен выжить. Как и все они.

Уайлену вспомнилась их первая встреча со стрелком. Он казался существом из иного мира в своем лаймово-зеленом и лимонно-желтом наряде, двигаясь широкими шагами, слегка подпрыгивая: как будто выскакивал из бутылки с узким горлышком.

В свою первую ночь в Бочке Уайлен бродил по улицам со стучащими от холода зубами, не сомневаясь, что его вот-вот ограбят. Наконец, когда его кожа начала синеть и парень перестал чувствовать собственные пальцы, он набрался храбрости и заговорил с мужчиной, курящим трубку на крыльце дома: «Не подскажите, где можно снять комнату?»

«Да прямо вон там написано «свободно», – ответил он, указывая трубкой на противоположную сторону улицы. – Ты что, слепой?»

«Должно быть, я не заметил», – сухо сказал Уайлен.

Пансионат был грязным, но поразительно дешевым. Он снял комнату за десять крюге и заплатил за горячую ванну. Знал, что не стоит сорить деньгами, но если он заболит воспалением легких в первую же ночь, то у него появятся проблемы посерьезней, чем недостаток средств. Парень взял небольшое полотенце в ванну в конце коридора и быстро вымылся. Вода была достаточно горячей, но Уайлен не чувствовал себя в безопасности, сидя голышом в комнате без замка на двери. Затем, как мог, высушил одежду, но она все еще была влажной, когда он надел ее на себя.

Уайлен провел ночь, лежа на тонком, как бумага, матраце, уставившись в потолок и слушая звуки, доносящиеся из соседних комнат. На улице Гельштрат ночи были тихими, так что можно было услышать плеск воды об стены эллинга. Но здесь стоял такой шум, будто на дворе царил день. Через грязное окно просачивалась музыка. Люди общались, смеялись, хлопали дверьми. Пара в комнате над ним ссорилась. Пара в комнате под ним определенно занималась чем-то другим.

Уайлен коснулся пальцами синяков на шее и подумал: *«Жаль, что я не могу заказать чай»*. Именно в этот момент он по-настоящему запаниковал. Насколько же он жалок! Отец пытался его убить. У него почти не было денег, и он лежал на койке, вонявшей химикатами для выведения вшей из матраца. Ему бы стоило задуматься, что делать дальше, возможно, вынашивать план отмщения, собраться с мыслями, оценить свои возможности. А что делал он? Ныл, что не может заказать чай. Возможно, Уайлен не был счастлив в доме отца, но ему никогда не приходилось работать. У него была прислуга, горячая еда, чистая одежда. Уайлен не знал, что требовалось, чтобы выжить в Бочке, но он знал, что этого у него нет.

Он лежал и пытался найти какое-то объяснение произошедшему. Разумеется, во всем виноваты Миггсон и Прайор; его отец ничего об этом не знал. Или они не так поняли приказ Ван Эка. Все это просто ужасная ошибка. Уайлен встал и засунул руку во влажный карман пальто. Его документы о поступлении в музыкальную школу Белендта все еще лежали там.

Как только он достал плотный конверт, то понял, что отец виновен. Бумага намокла и пахла каналом, но ее цвет не изменился. Чернила с предполагаемых документов внутри не потекли. Уайлен все равно открыл конверт. Стопка сложенных бумаг слиплась в мокрый ком, но парень отделил каждый листочек. Все страницы оказались пустыми. Его отец даже не потрудился создать убедительную фальшивку. Знал, что Уайлен не попытается прочесть документы. И что его легковверный сын никогда не заподозрит отца в обмане. *Какой же ты жалкий.*

Уайлен прятался в комнате два дня, испытывая ужас. Но на третье утро он так проголодался, что запах жареной картошки, поднимающийся с улицы, вывел его из норы. Он купил бумажный кулек с картошкой и с такой жадностью поглотил ее, что обжег язык. А затем заставил себя идти.

Его денег хватало только на то, чтобы снимать комнату еще неделю, даже меньше, если он будет есть. Нужно найти работу, но Уайлен понятия не имел, с чего начать. Он не был

достаточно крупным или сильным, чтобы трудиться на складах или верфи. Более легкая работа потребовала бы от него навыков чтения. Может ли так случиться, что одному из игорных домов или даже домов удовольствий требуется музыкант, который играл бы у них в гостиную? У него все еще была флейта. Парень прошелся по Восточному Обручу и вдоль более освещенных боковых улочек. Когда начало смеркаться, вернулся в пансион, чувствуя полное поражение. Мужчина с трубкой все так же стоял на крыльце и курил. Насколько Уайлен знал, он никогда не покидал своего поста.

– Я ищу работу, – сказал ему Уайлен. – Вы знаете кого-нибудь, кому требовался бы помощник?

Мужчина посмотрел на него сквозь облачко дыма.

– Такая горка сливок, как ты, может неплохо подзаработать в Западном Обруче.

– Честную работу.

Мужчина так хохотал, что аж закашлялся, но, в конце концов, отправил Уайлена на юг к кожевенным заводам.

За смешивание красителей и чистку чанов платили гроши. Остальными рабочими, по большей части, были женщины и дети, а также несколько таких же худощавых молодых людей, как он. Они мало общались, слишком уставая и плохо себя чувствуя от химических веществ, чтобы делать что-то большее, чем завершать работу и получать заработанные деньги. Им не выдавали ни перчаток, ни масок, и Уайлен был уверен, что умрет от отравления прежде, чем придется беспокоиться, куда идти с его скудными сбережениями.

Однажды днем он услышал, как начальник цеха жаловался, что они теряли галлоны краски из-за испарения от слишком горячих котлов. Он ругался из-за цены, которую ему пришлось заплатить за починку двух из них, и как мало это принесло пользы.

Уайлен замаялся, но затем предложил добавить в чаны морскую воду.

«И на кой черт мне это делать?» – поинтересовался начальник.

«Это повысит температуру кипения, – ответил Уайлен, гадая, с чего он вдруг взял, что заговорить будет хорошей идеей. – Краске потребуется больше жара, чтобы закипеть, и тогда меньше будет испаряться. Вам нужно чуть изменить формулу, поскольку физраствор быстро накапливается, и регулярно чистить чаны, так как соль может вызвать коррозию».

Начальник просто сплюнул комок юрды на пол и ничего не ответил. Но на следующей неделе они попробовали использовать соленую воду в одном из котлов. Через пару дней смесь соленой воды уже использовалась во всех котлах, и начальник начал приходить к Уайлену за советами. Как сделать так, чтобы красная краска не затвердевала на шкурах? Как сократить время обработки и сушки? Может ли Уайлен сделать смолу, чтобы краска не смывалась?

Через неделю после этого Уайлен стоял у чанов со своим деревянным веслом, ошалевший от красок, со слезящимися глазами, и думал, можно ли попросить повысить жалованье за помощь начальнику. Тут к нему подошел парень. Он был высоким, долговязым, с темно-коричневой земенской кожей и выглядел до смешного не к месту на этом вымирающем предприятии. Не только из-за клетчатого лаймового жилета и желтых штанов, но и потому, что излучал уверенность, будто не было такого места, где он предпочел бы быть, вместо жалкого, дурно пахнущего кожевенного завода. Словно он только что пришел на вечеринку, которой долго ждал. Он был тощим, но его тело отличалось необыкновенной гибкостью и легкостью. Обычно начальнику не нравилось, когда к ним приходили незнакомцы, но он и слова не сказал этому парню с револьверами на бедрах. Просто почтительно приподнял шляпу и ретировался.

Первая мысль Уайлена была о том, что губы этого парня – самой прекрасной формы, которую он когда-либо видел. Вторая – что отец послал кого-то еще, чтобы убить его. Он впился пальцами в весло. Этот парень что, осмелится застрелить его среди бела дня? Неужели люди так поступают?

Но тот сказал:

– Слышал, ты хорошо знаешь химию.

– Что? Я... да. Немного, – выдавил Уайлен.

– Немного?

У него появилось чувство, что его следующий ответ очень важен.

– У меня была хорошая подготовка. – Он увлекался наукой и математикой и старательно им обучался, надеясь таким образом компенсировать свои недостатки.

Парень вручил Уайлену сложенный листок бумаги.

– Тогда приходи по этому адресу, когда закончишь смену. У нас есть для тебя работа. – Он оглянулся, словно только заметил чаны и бледных рабочих, склонившихся над ними. – *Настоящая работа.*

Уайлен уставился на бумажку, буквы спутывались перед его глазами.

– Я... Я не знаю, где это.

Парень раздраженно вздохнул.

– Ты не местный, так? – Уайлен покачал головой. – Ладно, я отведу тебя. Мне же совершенно нечего делать, кроме как вербовать новичков в городе. Уайлен, верно? – тот кивнул. – Уайлен кто?

– Уайлен... Хендрикс.

– Что-нибудь смыслишь во взрывчатке, Уайлен Хендрикс?

– Взрывчатке?

– Бум, бам, кремни и фитили?

Уайлен совершенно не разбирался в таких вещах, но догадывался, что признаться в этом будет ошибкой.

– Конечно, – ответил он с напускной уверенностью.

Парень окинул его скептическим взглядом.

– Что ж, увидим. Будь у выхода к шестому удару часов. И не бери оружия, если не хочешь неприятностей.

– Конечно же, нет.

Парень закатил серые глаза и пробурчал:

– Похоже, Каз совсем слетел с катушек.

К шестому удару Джеспер пришел забрать Уайлена в магазин рыболовных товаров в Бочке. Уайлену было стыдно за мятую одежду, но другой у него не имелось, а парализующий страх, что это еще одна хитроумная ловушка, подстроенная его отцом, в какой-то мере отвлек его и избавил от смущения. В задней комнатке магазина он познакомился с Казом и Инеж. Они объяснили, что им требовались фотобомбы и, возможно, что-то более изощренное. Уайлен отказался.

В ту ночь он вернулся в пансион и обнаружил первое письмо. Единственные слова, которые он узнал, были именем отправителя: Ян Ван Эк.

Он не спал всю ночь, ожидая, что в любой момент в дверь ворвется Прайор и сомкнет свои мясистые руки на его шее. Думал о побеге, но у него едва хватало денег, чтобы заплатить за комнату, не то что купить билет из города. Да и на что он мог там надеяться? Никто и не подумает нанять его работать на ферме. На следующий день он

отправился к Казу, и той же ночью изготовил свою первую бомбу для Отбросов. Знал, что его деятельность незаконна, но зато получал вдвое больше за пару часов работы, чем за неделю на кожевенном заводе.

Письма от отца продолжали приходить, иногда раз, иногда дважды в неделю. Уайлен не знал, что и думать. Там была угроза? Насмешки? Он собирал их в стопку под матрацем и порой, лежа в кровати, чувствовал, как чернила просачиваются сквозь страницы и матрац прямо в его сердце, словно темный яд.

Но чем больше проходило времени и чем чаще он выполнял поручения для Каза, тем меньше боялся. Он заработает денег, уедет из города и никогда больше не произнесет фамилию Ван Эк. А если отец решит устранить его до этого момента, что ж, ничего не поделаешь. Его одежда потрепалась и износилась. Парень так исхудал, что пришлось проделывать новые дырки в ремне. Но он скорее продаст себя одному из домов удовольствий Западного Обруча, чем будет молить о милосердии своего отца.

Тогда Уайлен этого не понял, но Каз с самого начала знал, кто он на самом деле. Грязные Руки следил за всеми, кто селился в Бочке, и забрал Уайлена под крылышко Отбросов, думая, что однажды сын богатого купца ему пригодится.

Уайлен не питал иллюзий насчет того, почему Каз за ним приглядывал, но также знал, что ни за что бы не выжил без его помощи. Бреккеру плевать, умеет ли он читать. Каз и остальные дразнили его, но они дали ему возможность проявить себя. Они ценили его за то, что он мог сделать, вместо того чтобы наказывать за то, чего он не мог.

Уайлен верил, что Каз отомстит за его маму. Верил, что, несмотря на богатство и влияние его отца, эта банда – *его* банда – сможет соперничать с Яном Ван Эком. Но теперь его отец нашел очередной способ посмеяться над сыном.

Когда они дошли до финансового района, было уже далеко за полночь. Они прибыли в один из самых богатых районов города и находились неподалеку от Биржи и Штадхолла. Здесь присутствие его отца казалось более осязаемым, и Уайлен недоумевал, почему Каз привел их в эту часть города. Бреккер повел их через переулок к задней стороне большого здания с приоткрытой дверью, и они попали на лестничную клетку, построенную вокруг огромного железного лифта. Ребята зашли внутрь, а Ротти остался позади, предположительно чтобы следить за входом. Ворота лифта захлопнулись, и они поднялись на последний этаж, пятнадцатый, после чего вышли в коридор с полом, выложенным узорами из лакированной твердой древесины, и потолком, окрашенным бледной пенистой лавандовой краской.

«Мы в отеле, – догадался Уайлен. – Это был вход для прислуги и служебный лифт».

Отбросы постучали в белые двойные двери. Им открыл Колм Фахи в длинной ночной рубашке и пальто, накинутом сверху. Они в «Гельдреннере».

– Остальные уже здесь, – устало произнес мужчина.

Колм не тратил время на вопросы, просто указал на ванную и налил себе чашку чая, пока они размазывали грязь и мучения по фиолетовому ковру. Когда Матиас увидел Нину, то вскочил с большого красно-лилового дивана и заключил ее в объятиях.

– Мы не смогли прорваться через блокаду к Сладкому Рифу, – сказал он. – Я боялся худшего.

Все принялись обниматься, и Уайлен с ужасом понял, что его глаза наполняются слезами. Попытался сморгнуть их. Последнее, что он хотел, – это чтобы Джеспер снова увидел его плачущим. Стрелок был покрыт сажей, и от него пахло горелой древесиной, но его чудесные глаза снова блестели, как всегда после драки. Все, что Уайлену было нужно, – это стоять к нему как можно ближе и знать, что он в безопасности.

До этого момента он не до конца понимал, как много эти люди для него значат. Отец скривился бы при виде этих бандитов и воров, опального солдата и игрока, которому все время не везет. Но они – его первые и единственные друзья, и Уайлен знал, даже если бы ему дали возможность выбирать из тысячи товарищей, он бы все равно выбрал именно этих ребят.

Только Каз держался в стороне от всех, молча глядя в окно на темные улицы внизу.

– Каз, – обратилась Нина. – Может, ты и не рад, что мы живы, но мы рады, что жив ты. Иди к нам!

– Не трогай его, – тихо прошептала Инеж.

– Святые, Призрак, – воскликнул Джеспер. – У тебя кровь идет!

– Мне позвать врача? – обеспокоенно спросил отец Джеспера.

– Нет! – ответили все в унисон.

– Ну, конечно. Может, кофе заказать?

– Да, пожалуйста, – кивнула Нина.

Колм заказал кофе, вафли и бутылку бренди, и, пока они ждали, Нина привлекла друзей, чтобы найти какие-нибудь ножницы, порезать гостиничные полотенца и сделать из них повязки. Обнаружив все необходимое, девушка отвела Инеж в ванную, чтобы позаботиться о ее ранах.

Все напряглись, когда в дверь номера постучали, но это оказался всего лишь ужин. Колм встретил горничную в дверях и настоял, что сам может завезти тележку внутрь, чтобы она не увидела странную компанию, собравшуюся в его комнате. Как только дверь закрылась, Джеспер помог отцу затащить тележку с серебряным подносом, нагруженным едой и стопкой таких роскошных фарфоровых тарелок, что они казались почти прозрачными. Уайлен не ел с такой дорогой посуды с тех пор, как покинул отцовский дом. Он понял, что на Джеспере, должно быть, одна из рубашек Колма; та была слишком большой в плечах и короткой в рукавах.

– Что это вообще за место? – поинтересовался Уайлен, рассматривая просторную комнату, почти полностью окрашенную в фиолетовые тона.

– Кеттердамский номер люкс, я полагаю, – ответил Колм, почесывая затылок. – Он значительно лучше, чем моя комната в гостинице университетского района.

Девушки вышли из ванной. Нина навалила себе еды в тарелку и уселась рядом с Матиасом на диване. Затем сложила одну из вафель пополам и откусила большой кусок, шевеля пальцами ног от блаженства.

– Прости, Матиас, – сказала она с полным ртом. – Я решила сбежать с отцом Джеспера. Он обеспечивает меня вкусностями, я к ним уже привыкла.

Инеж сняла тунику и оставила лишь стеганую жилетку, оголив свои коричневые руки. На ее плече, предплечьях, правом бедре и левой голени были перевязки из кусков полотенца.

– Что с тобой случилось? – поинтересовался у нее Джеспер, вручая отцу чашку кофе на тонком блюдечке.

Инеж устроилась в кресле неподалеку от Кювея, сидевшего на полу.

– Завела новую знакомую.

Джеспер распластался на диванчике, а Уайлен занял стул, поставив на колено тарелку с вафлями. В обеденной комнате находился прекрасный стол и стулья, но, судя по всему, никто не проявил к нему интерес. Только Колм ушел туда вместе с кофе и бутылкой коньяка. Каз остался у окна, и Уайлен гадал, что же такого увлекательного он увидел в окне.

– Итак, – продолжил Джеспер, подсыпая сахар в кофе, – что, черт возьми, там произошло, помимо того, что Инеж завела новую подружку?

– Давайте-ка посмотрим, – отозвалась Нина. – Инеж упала с двадцатого этажа.

– Мы проделали огромную дыру в потолке обеденного зала моего отца, – вставил Уайлен.

- Нина может воскрешать мертвых, - добавила Инеж.

Чашка Матиаса стукнулась об блюдо. Оно выглядело нелепо в его огромных ручищах.

- Я не могу их *воскрешать*. В смысле, они оживают, но не полностью. По крайней мере, мне так кажется. Точно не знаю.

- Ты серьезно?! - изумился Джеспер.

Инеж кивнула.

- Я все видела собственными глазами, хотя и не могу этого объяснить.

Матиас нахмурился.

- Когда мы были в равкианском квартале, ты умудрилась притянуть кусочки костей.

Джеспер сделал большой глоток кофе.

- А как же домик на озере? Ты контролировала ту пыль?

- Какую пыль? - полюбопытствовала Инеж.

- Она не просто убила стражника. Нина удушила его облаком пыли.

- Неподалеку от дома Хендриксов есть семейное кладбище, - сказал Уайлен, вспоминая огороженную делянку, упирающуюся в западную стену. - Что, если пыль была... ну, костями? Останками людей?

Нина отставила тарелку.

- Вы почти отбили у меня аппетит, - затем снова взяла ее. - Почти.

- Вот почему ты спрашивал, может ли парем изменить силу гриша? - обратился Кювей к Матиасу.

Нина посмотрела на него.

- А что, может?

- Я не знаю. Ты приняла наркотик лишь раз. Пережила ломку. Ты - редкость.

- Повезло мне.

- Неужели все так плохо? - спросил Матиас.

Нина собрала крошки с колен и вернула их на тарелку.

- Цитируя одну блондинистую гору мышц - это неестественно. - Ее голос лишился радостной теплоты. Девушка просто выглядела грустной.

- Может, и так, - ответил Матиас. - Разве корпоралы не называют себя Орденом Живых и Мертвых?

- Сила гриша не должна работать подобным образом.

- Нина, - ласково позвала Инеж. - Из-за парема ты оказалась на грани смерти. Может, ты прихватила что-то с собой?

- Ну, сувенирчик так себе.

- Или, возможно, Джель погасил один свет и зажег новый, - предположил фьерданец.

Нина покосилась на него.

- Тебя что, по голове стукнули?

Он взял ее за руку. Уайлен внезапно почувствовал, будто он вторгается во что-то личное.

- Я благодарен, что ты жива, - сказал Матиас. - Благодарен, что ты со мной. Я благодарен, что ты *ешь*.

Девушка опустила голову ему на плечо.

- Ты лучше, чем вафли, Матиас Хельвар.

Губы дрюскеля изогнулись в слабой улыбке.

- Давай не будем кидаться словами, которые не подразумеваем всерьез, любовь моя.

Кто-то легонько постучал в дверь. В ту же секунду все потянулись за оружием. Колм замер в кресле.

Каз жестом показал ему оставаться на месте и бесшумно подошел к двери. Затем посмотрел в глазок.

- Это Шпект.

Все расслабились, и Каз открыл дверь. Отбросы молча наблюдали, как парни быстро перешептываются; потом Шпект кивнул и направился обратно к лифту.

- С этого этажа есть доступ к часовой башне? - спросил Каз у Колма.

- В конце коридора. Я туда не поднимался. Лестница слишком крутая.

Каз ушел, не произнеся больше ни слова. Все с минуту смотрели друг на друга, а затем последовали за ним мимо Колма, наблюдавшего за ними усталыми глазами.

Когда они прошли к концу коридора, Уайлен понял, что весь этаж был под стать роскоши номера. Если он и умрет, то, наверное, это не худшее место, чтобы провести последнюю ночь.

Один за другим они взобрались по винтовой железной лестнице к часовой башне и вышли через люк. Комната наверху была большой и холодной, и большую ее часть занимал гигантский часовой механизм. Четыре циферблата приглядывали за Кеттердамом и серым рассветным небом.

На юге поднимался шлейф дыма от острова Черной Вуали. Посмотрев на северо-восток, Уайлен увидел Гельдканал, лодки пожарной бригады и городскую стражу, окружавшую территорию дома отца. Он вспомнил шокированное выражение лица Яна Ван Эка, когда они приземлились на середину обеденного стола. Не будь тогда Уайлен так напуган, он бы разразился смехом. «Именно стыд пожирает людей целиком». Жаль, что они не подожгли весь дом.

Далеко-далеко гавани изобиловали лодками и фургонами городской стражи. Город был покрыт фиолетовой формой, словно подхватил какую-то болячку.

- Шпект сказал, что все гавани перекрыли и доступ к судам закрыт, - сказал Каз. - Они опечатывают город. Никто не сможет ни приплыть, ни уплыть.

- Кеттердам этого не потерпит, - возразила Инеж. - Люди поднимут бунт.

- Они не станут винить Ван Эка.

Уайлен почувствовал легкую тошноту.

- Они обвинят нас.

Джеспер покачал головой.

- Даже если они всех стражников до последнего ворчуна выведут на улицу, им не хватит людей, чтобы перекрыть город и искать нас.

- Разве? - поднял бровь Каз. - Посмотри внимательней.

Стрелок подошел к западному окну, у которого стоял Бреккер.

- Ради всех святых и тети Евы, - шумно выдохнул он.

- Что там? - спросил Уайлен, пока все напряженно смотрели в окно.

На востоке Бочки, по району Зельвер, шла толпа.

- Что это за сборище? - спросила Инеж.

- Скорее, парад, - ответил Каз.

- Почему городская стража их не останавливает? - удивился Уайлен, когда поток людей беспрепятственно проходил от моста к мосту через каждую баррикаду. - Почему их пропускают?

- Наверное, потому, что так им приказал твой отец.

Когда толпа приблизилась, Уайлен услышал песни, крики и бой барабанов. Действительно похоже на парад. Люди гурьбой высыпали на Хельвербридж, потоком прошли мимо отеля и направились к площади перед Биржей. Во главе марша Уайлен рассмотрел банду Пекки Роллинса. Кто бы ни шел первым, на нем была шкура льва с поддельной золотой короной, вшитой в голову.

- Портовые Лезвия, - сказала Инеж, указывая на людей за Грошовыми Львами. - А вон - Обломщики.

- Псы Харли, - продолжил перечислять Джеспер. - Черные Пики.

- Все здесь, - подытожил Каз.

- Что значат эти фиолетовые повязки? - спросил Кювей.

У каждого в толпе была фиолетовая повязка на левом предплечье.

- Их назначили официальными помощниками, - пояснил Каз. - Шпект сказал, что об этом трубили по всей Бочке. Хорошая новость заключается в том, что теперь мы нужны им живыми - даже Матиас. Плохая - они прибавили награду за шуханских близнецов, с которыми мы путешествуем, так что лица Кювея и Уайлена теперь тоже украшают стены города.

- И ваш Торговый совет это одобряет? - спросил Матиас. - Что, если они начнут мародерствовать или поднимут мятеж?

- Ничего из этого не случится. Роллинс знает свое дело. Если бы городская стража попыталась закрыть Бочку, банды настроились бы против них. Теперь они на стороне закона, а у Ван Эка есть две армии. Кольцо сжимается.

Инеж резко втянула воздух.

- Что? - спросил Уайлен, но, посмотрев вниз на площадь, и сам все понял. В поле их зрения появилась заключительная группа парада. Их предводителем выступал старик в пестрой шляпе, и они каркали во всю глотку - как вороны. Отбросы, банда Каза. Они восстали против него.

Джеспер врезал кулаком по стене.

- Неблагодарные скивы!

Каз ничего не сказал, просто смотрел, как толпа проходит мимо отеля - банды, сгруппированные разноцветными стаями, которые обменивались оскорблениями и радостно повизгивали, как если бы принимали участие в каком-то празднике. Даже когда они ушли, их крики остались висеть в воздухе. Может, они промаршируют до самого Штадхолла.

- Что будет дальше? - спросил Кювей.

- На нас начнет охотиться вся городская стража и бандиты Бочки, и они не остановятся, пока не найдут, - ответил Каз. - Теперь из Кеттердама не сбежать. Уж точно не с тобой

на буксире.

- Мы не можем просто ждать здесь? С господином Фахи?

- Ждать чего? Пока кто-то не спасет нас?

Джеспер прижался лбом к стеклу.

- Мой отец... Его тоже схватят и обвинят в укрывательстве преступников.

- Нет, - внезапно перебил Кювей. - *Нет!* Отдайте меня Ван Эку.

- Это даже не обсуждается, - строго заявила Нина.

Мальчишка резко рассек воздух рукой.

- Вы освободили меня от фьерданцев. Если мы не начнем действовать, меня все равно поймают.

- Значит, все было зря? - спросил Уайлен, удивившись собственной злости. - Риск, на который мы пошли? Наши победы в Ледовом Дворе? Все страдания, которые пережили Инеж и Нина, чтобы вытащить нас оттуда?

- Но если я сдамся Ван Эку, вас перестанут искать, - настаивал Кювей.

- Это не так, малыш, - покачал головой Джеспер. - У Пекки появился шанс избавиться от Каза, и его поддерживает вся Бочка. Да и Ван Эк ни за какие коврижки не даст нам свободно бродить по городу, не зная, что мы задумаем. Теперь дело уже не только в тебе.

Кювей застонал и сполз по стене. Затем кинул мрачный взгляд на Нину.

- Зря ты не убила меня в Ледовом Дворе.

Та пожала плечами.

- Но тогда Каз убил бы меня, а Матиас убил бы Каза, и все это вылилось бы в большую бойню.

- Не могу поверить, что мы сбежали из Ледового Двора лишь для того, чтобы попасть в ловушку собственного города, - выпалил Уайлен. Все это казалось неправильным.

- Ага, - кивнул Джеспер. - Нам какую.

Каз нарисовал пальцем круг на окне.

- Пока нет. Я заставлю городскую стражу отступить.

- Нет, - быстро отозвалась Инеж.

- Сдамся властям.

- Но Кювей... - начала Нина.

- Городская стража не знает о Кювее. Они думают, что ищут Уайлена. Поэтому я скажу им, что он мертв. Признаюсь в его убийстве.

- Ты совсем свихнулся? - любопытствовал Джеспер.

- Каз, - обратилась Инеж. - Тебя отправят на виселицу.

- Сначала будет судебное разбирательство.

- Ты сгниешь в тюрьме задолго до него, - сказал Матиас. - Ван Эк ни за что не позволит тебе выступить в зале суда.

- Ты всерьез решил, что их камера сможет меня сдержать?

- Ван Эк знает, насколько хорошо ты управляешься с замками, - сердито произнесла

Инеж. – Ты умрешь, не добравшись даже до тюрьмы.

– Все это глупо! – воскликнул Джеспер. – Ты не станешь брать удар на себя. Никто не станет. Мы разделимся. Пойдем парами, придумаем, как проникнуть через блокады, спрячемся где-то за городом.

– Это мой город, – прорычал Бреккер. – Я не покину его, поджав хвост.

Джеспер раздраженно фыркнул.

– Если это и твой город, то что от него осталось? Акции «Клуба Воронов» и Пятой гавани проданы. У тебя больше нет банды. Даже если ты сбежишь, Ван Эк и Роллинс снова направят в погоню городскую стражу и половину Бочки. Тебе не победить их всех.

– Это мы еще посмотрим.

– Черт возьми, Каз! Что ты всегда мне говоришь? Уходи от проигрышной колоды.

– Я даю тебе возможность уйти. Хватайся за нее.

– Почему ты относишься к нам как к кучке желтопузых скивов?

Бреккер повернулся к нему.

– Это ты готов сделать ноги, Джеспер. Ты просто хочешь, чтобы я сбежал с тобой, и потом тебе не было стыдно. Как бы ты ни любил драки, именно ты всегда первым ищешь укрытия.

– Потому что я хочу *выжить*!

– Ради чего? – спросил Каз, сверкнув глазами. – Чтобы сыграть еще одну партию за столом? Найти очередной способ разочаровать отца и подвести друзей? Ты рассказал ему, что ты – причина, по которой он потеряет ферму? Рассказал Инеж, что именно из-за тебя она чуть не умерла от ножа Омена? Что из-за тебя мы все чуть не умерли?

Плечи Джеспера напряглись, но парень не отступал.

– Я совершил ошибку. Позволил худшему в себе возобладать над лучшим. Но, ради всех святых, Каз, как долго ты будешь заставлять меня платить, чтобы получить хоть небольшое прощение?

– И как, по-твоему, выглядит мое прощение, Джорди?

– Кто, черт возьми, такой Джорди?

На долю секунды лицо Бреккера обмякло, стало недоуменным, в темных глазах мелькнул чуть ли не испуг... а затем все исчезло, так быстро, что Уайлен засомневался, не привиделось ли ему.

– Чего ты от меня хочешь? – рявкнул Каз со своим типичным отстраненным, жестоким выражением лица. – Доверия? Оно у тебя было, и ты размазал его по стенке, потому что не мог держать рот на замке.

– *Один раз*. Сколько раз я прикрывал твою спину в бою? Сколько раз я делал все правильно? Это не в счет? – Джеспер всплеснул руками. – Мне тебя не победить. Как и любому другому.

– Верно. Тебе не победить. Ты считаешь себя игроком, но на самом деле ты просто прирожденный неудачник. Драки. Карты. Парни. Девушки. Ты продолжаешь играть, пока не проиграешь, так что хоть раз в жизни сделай себе одолжение и просто уйди.

Джеспер замахнулся кулаком. Каз увернулся вправо, и они сцепились в драке. Парни врезались в стенку, бились о нее головами и превратились в размытое пятно из пинков, ударов и захватов.

Уайлен повернулся к Инеж, ожидая, когда она прекратит все это, когда Матиас разнимет их, когда кто-то сделает *хоть что-то*, но остальные просто отошли, чтобы

освободить им место. Только Кювей выглядел хоть немного обеспокоенным.

Джеспер и Каз метнулись по комнате, врезались в механизм часов и быстро восстановили равновесие. Это был не бой, а уличная драка – бесстыдная путаница из локтей и кулаков.

– Ради Гезена, остановите же их! – с отчаянием потребовал Уайлен.

– Джеспер в него не выстрелил, – заметила Нина.

– Каз не использует трость, – добавила Инеж.

– Думаете, они не убьют друг друга голыми руками?

У обоих шла кровь – у Джеспера из пореза на губе, а у Каза откуда-то рядом с бровью. Рубашка стрелка была наполовину натянута на голову, а рукав Бреккера разошелся по шву.

Люк распахнулся, и из него высунулась голова Колма Фахи. Его румяные щеки покраснели еще больше.

– *Довольно*, Джеспер Луэллин Фахи! – проревел мужчина.

Джеспер и Каз замерли, а затем, к глубокому удивлению Уайлена, разошлись по сторонам с виноватым видом.

– Что здесь происходит? – сердито спросил Колм. – Я думал, вы друзья.

Джеспер провел рукой по затылку с таким видом, словно хотел просочиться сквозь половицы.

– Мы... э-э... у нас появилось разногласие.

– Это я вижу. Я был очень терпеливым, Джеспер, но и у меня есть предел. Считаю до десяти. Если не спустишься к тому времени, я задам тебе такую трепку, что ты еще две недели не сможешь сидеть нормально.

Голова Колма исчезла вниз. Молчание затянулось.

Затем Нина хихикнула.

– У тебя *большие* неприятности.

Джеспер насупился.

– Матиас, а Нина позволила Корнелису Смиту лапать ее за зад!

Смех девушки оборвался.

– Я выверну твои зубы наизнанку.

– Это физически невозможно.

– Я только что воскресила мертвых. Уверен, что хочешь со мной поспорить?

Инеж склонила голову вбок.

– Джеспер *Луэллин* Фахи?

– Заткнись, – проворчал тот. – Это родовое имя.

Сулийка торжественно поклонилась.

– Как скажешь, Луэллин.

– Каз? – тихо позвал Джеспер.

Но тот смотрел куда-то вдаль. Уайлен знал этот взгляд.

- Он?.. - начал парень.

- Что-то замышляет? - предположил Джеспер.

Матиас кивнул.

- Определенно.

- Я знаю, как это сделать, - медленно протянул Каз. - Как вывезти Кювея и гришей, забрать наши деньги, обставить Ван Эка и заставить этого сукиного сына Пекку Роллинса поплатиться за все.

Нина подняла бровь.

- Весь список огласил?

- Как? - поинтересовалась Инеж.

- Все это время мы играли по правилам Ван Эка. Мы прятались. С этим покончено. Мы организуем небольшой аукцион. У всех на виду. - Бреккер повернулся к ним лицом, и его блестящие глаза стали бездонными и черными, как у акулы. - И поскольку Кювею так не терпится пожертвовать собой, он будет призом.

Джеспер

Стоя у подножия железной лестницы, Джеспер пытался разгладить рубашку и вытереть кровь с губы, хотя на данный момент уже не имело значения, появится ли он в одежде или в одном нижнем белье. Его отец не дурак, а та глупая история, которую придумал Уайлен, чтобы скрыть ошибки Джеспера, износилась быстрее, чем дешевый костюм. Отец видел его раны, слышал об их провальном плане. Он знал, что они не студенты и не жертвы мошенничества. И что теперь делать?

Закрой глаза и молись, чтобы у расстрельной команды был хороший прицел, – пришла ему в голову мрачная мысль.

– Джеспер.

Парень быстро повернулся. Инеж стояла прямо позади него. Он не слышал, как она подошла, но это и не удивительно. «Ты рассказал Инеж, что именно из-за тебя она чуть не умерла от ножа Омена?» Что ж, Джеспер уже понял, что этим утром ему придется часто извиняться. Можно начинать.

– Инеж, прости меня...

– Я пришла не за извинением, Джеспер. У тебя есть слабое место, как и у всех нас.

– И какое твое?

– Мои друзья, – ответила она, слегка улыбнувшись.

– Ты даже не знаешь, что я сделал.

– Так расскажи.

Джеспер смотрел на носки своих ботинок. Те были ужасно потерты.

– Я был на плохом счету у Роллинса, так как задолжал ему много крюге. Его головорезы оказывали на меня сильное давление, и поэтому... поэтому я рассказал им, что уезжаю из города, но скоро вернусь с большим кушем. Клянусь, я ничего не говорил о Ледовом Дворе.

– Но этой информации хватило, чтобы Роллинс сложил два и два и организовал засаду, – девушка вздохнула. – И с тех пор Каз наказывает тебя.

Джеспер пожал плечами.

– Наверное, я это заслужил.

– Ты знал, что у сулийцев нет слова, чтобы сказать «прости»?

– И что же вы делаете, когда наступаете кому-то на ногу?

– Я не наступаю людям на ноги.

– Ты поняла, что я имел в виду.

– Ничего. Мы понимаем, что это не было преднамеренно. Мы живем в трудных условиях и путешествуем вместе. У нас нет времени постоянно извиняться за свое существование. Но когда кто-то делает что-то неправильно, совершает ошибку, мы не просим прощения. Мы обещаем загладить свою вину.

– Я так и сделаю.

– *Мати эн шева елу.* У этого действия не будет эха. Это значит, что мы не повторим тех же ошибок, не продолжим приносить вред.

– Я не собираюсь снова доводить дело до того, что тебя ранят.

– Меня ранили, потому что я потеряла бдительность. Ты же предал свою команду.

– Я не хотел...

– Лучше бы ты *хотел*. Джеспер, мне не нужно извинение, пока ты не пообещаешь, что не продолжишь совершать ту же ошибку.

Джеспер медленно закачался на пятках.

– Я не знаю, как это сделать.

– В тебе зияет рана, и столы, кости, карты – они кажутся лекарством. Они успокаивают тебя, забирают боль на какое-то время. Но это – отравка, Джеспер. Каждый раз, когда ты играешь, то делаешь еще один глоток. Тебе нужно найти другой способ исцелить эту часть себя, – она положила руку на его грудь. – Перестань относиться к своей боли как к чему-то воображаемому. Если ты увидишь, что твоя рана – настоящая, то сможешь исцелить ее.

Рана? Он открыл было рот, чтобы начать все отрицать, но что-то его остановило. Несмотря на все неприятности за столами и вдали от них, Джеспер всегда считал себя везунчиком. Счастливый, беззаботный. Такой, с кем приятно общаться всем. Но что, если все это время он блефовал? «Злой и напуганный» – вот как описал его фьерданец. Что Матиас и Инеж видели в Джеспере, чего он не понимал?

– Я... я попытаюсь. – Это большее, что он мог сейчас ей предложить. Он взял девушку за руку и поцеловал ее. – Возможно, мне понадобится много времени, прежде чем я смогу произнести эти слова, – его губы изогнулись в улыбке. – И не только потому, что я не говорю на сулийском.

– Я знаю, – кивнула она. – Но подумай об этом. – Инеж посмотрела в сторону гостиной. – Просто расскажи ему правду, Джеспер. Вам обоим полезно наконец все прояснить.

– Каждый раз, когда я подумываю это сделать, мне хочется выброситься из окна, – стрелок помолчал. – Ты бы рассказала своим родителям правду? Рассказала бы обо всем, что ты сделала... что с тобой произошло?

– Не знаю, – призналась Инеж. – Но я бы все отдала, чтобы иметь такую возможность.

Джеспер обнаружил отца в фиолетовой гостиной, тот держал чашку в своих крупных руках. Тарелки были сложены обратно на серебряный поднос.

– Тебе необязательно прибираться за нами, пап.

– Кто-то же должен, – мужчина сделал глоток кофе. – Присядь, Джес.

Джеспер не хотел присаживаться. Через его тело опять, проходила эта отчаянная дрожь, непреодолимое желание. Все, чего он хотел, – это бежать в Бочку так быстро, как только способны нести его ноги, и с головой окунуться в первый же попавшийся игорный дом. Если бы он не знал, что его арестуют или пристрелят еще на половине пути, возможно, так бы он и сделал. Парень сел. Инеж оставила неиспользованные пузырьки с долгоносыком на столе. Он взял один и начал дергать за пробку.

Его отец откинулся на спинку кресла, наблюдая за сыном строгими серыми глазами. В ясном утреннем свете Джеспер видел каждую морщинку и веснушку на его лице.

– Не было никакой аферы, не так ли? Тот шуханец соврал выгораживая тебя. Они все соврали.

Джеспер сомкнул руки перед собой, потому что не знал, куда их девать от волнения. «Вам обоим полезно наконец все прояснить». Стрелок сомневался, что это так, но выбора у него не осталось.

– Афер было много, но обычно я находился на стороне мошенников. Много драк... обычно я был на стороне победителей. Много карточных игр, – он посмотрел на белые

полумесяцы своих ногтей. – Обычно я был на стороне проигравших.

– Заем, который я отдал на твоё обучение?

– Я связался не с теми людьми. Проиграл за столом и продолжил проигрывать, а затем брать займы. Я думал, что смогу выбраться из этой ямы.

– Почему ты просто не остановился?

Джесперу захотелось рассмеяться. Он молил себя, кричал, что пора остановиться!

– Все не так просто. – «В тебе зияет рана». – Не для меня. Я не знаю почему.

Колм сжал пальцами переносицу. Он выглядел таким утомленным – этот мужчина, который мог работать от восхода до заката и ни разу не пожаловаться.

– Зря я позволил тебе покинуть дом.

– Папа...

– Я знал, что ферма не для тебя. Хотел обеспечить тебя чем-то лучшим.

– Тогда почему не отправил меня в Равку? – выпалил Джеспер, прежде чем обдумал свои слова.

Из чашки Колма выплеснулся кофе.

– Это даже не обсуждается.

– Почему?

– Зачем мне отправлять сына в чужую страну, чтобы он сражался и умер в их войнах?

На Джеспера нахлынуло воспоминание – резкое, как пинок осла. У двери вновь стоял пыльный мужчина. С ним была девочка – та, которая выжила благодаря тому, что его мать умерла. Он хотел, чтобы Джеспер пошел с ними.

– Леони – зова. У нее тоже есть дар, – сказал он. – За западной границей живут учителя. Они могли бы тренировать детей.

– У Джеспера нет дара, – ответил Колм.

– Но его мать...

– У него нет дара. Вы не имеете права приходить сюда!

– Вы уверены? Его тестировали?

– Еще раз придете в мой дом, и я сочту это за разрешение засадить пулю вам между глаз. Уходите и забирайте эту девочку. Здесь ни у кого нет дара, и никто его не хочет.

Он захлопнул дверь перед носом пыльного мужчины.

Джеспер помнил, как его отец стоял и с трудом восстанавливал дыхание.

– Чего они хотели, пап?

– Ничего.

– Я зова? – спросил Джеспер. – Гриш?

– Не произноси эти слова в моем доме. Никогда.

– Но...

– Вот что убило твою маму, ты понимаешь? Вот что отняло ее у нас, – его голос звучал свирепо, серые глаза были тверже кварца. – Я не позволю этому забрать и тебя. – Затем его плечи поникли. Когда он заговорил, казалось, что слова вырывали из него силой: –

Ты хочешь с ними? Можешь идти. Если это действительно то, чего ты хочешь. Я не буду злиться.

Джесперу было десять. Он представил, как отец останется в одиночестве на ферме, будет ежедневно возвращаться в пустой дом, сидеть один за столом каждый вечер, и никто не приготовит ему даже горелого печенья.

– Нет, – ответил он. – Я не хочу идти с ними. Я останусь с тобой.

Теперь он встал со стула, не в силах и дальше сидеть на месте, и начал мерять шагами комнату. Джесперу казалось, что он не может дышать. Не может больше находиться здесь. Его сердце ныло. Голова болела. Внутри него сплелись чувства вины, любви и негодования, и каждый раз, когда он пытался распутать этот клубок, тот запутывался пуше прежнего. Он стыдился собственных поступков, проблем, которые обрушил на голову отца. Но он также злился. Как он мог злиться на своего папу? Человека, который любил его больше всего на свете, трудившегося, чтобы дать ему все, что он имеет, человека, который готов был в любой день принять на себя пулю, чтобы уберечь его?

«У этого действия не будет эха».

– Я... я придумаю, как искупить вину, пап. Я хочу стать лучшим человеком, лучшим сыном.

– Я не воспитывал тебя азартным игроком, Джеспер. И тем более не преступником.

Парень горько хохотнул.

– Я люблю тебя, папа. Люблю всем своим лживым, воровским, никчемным сердцем, но да, это ты меня таким воспитал.

– Что?! – поперхнулся Колм.

– Ты научил меня врать.

– Чтобы обезопасить тебя.

Джеспер покачал головой.

– У меня был дар. Нужно было позволить мне использовать его.

Колм стукнул кулаком по столу.

– Это не дар, а проклятие! Он бы убил тебя точно так же, как убил твою мать.

Ну и какой прок в правде? Джеспер направился к двери. Если он не уйдет из этого места, то вылезет из собственной шкуры.

– Я все равно умираю, папа. Просто медленно.

Джеспер зашагал по коридору. Он не знал, куда пойти или чем себя занять. *Иди в Бочку. Держись подальше от Обруча. Где-то обязательно можно сыграть, просто будь незаметным.* Несомненно, никто не обратит внимания на земенца высотой с небольшое честлюбивое дерево и с назначенной наградой за его голову. Ему вспомнились слова Кювея о том, что гриши, которые не использовали свои способности, быстро уставали и часто болели. Физически он не был болен, это правда. Но что, если Матиас прав, и Джеспер страдал от иной болезни? Что, если сила внутри него любила слоняться из стороны в сторону, пытаясь найти выход?

Он прошел мимо открытой двери, но затем вернулся. За белым лакированным роялем в углу сидел Уайлен, вяло нажимая на одну и ту же ноту.

– Мне нравится, – сказал стрелок. – Отличный ритм. Так и хочется пуститься в пляс.

Уайлен поднял взгляд, и Джеспер вальяжно прошел в комнату, беспокойно размахивая руками во все стороны. Обошел помещение кругом, рассматривая интерьеры –

фиолетовые шелковые обои со стайками серебряных рыбок, серебряные люстры, шкаф, полный стеклянных кораблей.

– Святые, это место отвратительно.

Уайлен пожал плечами и сыграл еще одну ноту. Джеспер облокотился на рояль.

– Хочешь отсюда выбраться?

Парень взглянул на него с задумчивым видом, а потом кивнул.

Джеспер слегка выпрямился.

– Правда?

Купчик задержал на нем взгляд. Атмосфера в комнате поменялась, словно воздух вдруг стал взрывоопасным.

Уайлен встал со скамьи. Сделал шаг к Джесперу. Его ясные глаза сияли золотом, как мед, пронзенный лучами солнца. Джеспер скучал по их голубизне, по длинным ресницам, спутанным кудряшкам. Но раз уж Уайлену пришлось обернуться в новую упаковку, Джеспер не возражал: и эта ему очень даже нравилась. Да и имело ли это значение, когда Уайлен смотрел на него, склонив голову набок, с легкой улыбкой на губах? Он выглядел почти что... *дерзким*. Что поменялось? Может, он боялся, что Джеспер не выберется из стычки на Черной Вуали? Или просто радовался, что остался в живых? Если честно, Джесперу было все равно. Он хотел отвлечься, и перед ним была такая возможность.

Улыбка Уайлена стала шире. Брови приподнялись. Если это не было приглашением...

– Ну, к черту, – пробормотал стрелок. Затем преодолел расстояние между ними и взял лицо парня в руки. Двигался намеренно плавно, целовал без напора, еле касаясь его губ, чтобы дать Уайлену шанс отстраниться, если тот захочет. Но он не захотел, а прильнул ближе.

Джеспер чувствовал жар его тела. Скользнул руками к шее, отклонив голову парня назад и моля о большем.

Земенец испытывал непреодолимое желание. Он хотел поцеловать Уайлена еще со времени их знакомства, когда впервые увидел его, помешивающего химикаты на том жутком кожевенном заводе – рыжие кудри намокли от жара, кожа такая нежная, что, казалось, ее можно ранить, если дыхнуть слишком сильно. Парень выглядел так, словно попал не в ту сказку; принц, ставший нищим. С тех пор Джеспер застрял где-то между желанием подколлоть избалованного маленького купца, чтобы тот залился краской, и пофлиртовать с ним в тихом уголке, просто посмотреть, что произойдет. Но в течение долгих часов, проведенных в Ледовом Дворе, его отношение к Уайлену изменилось. Он чувствовал нечто большее, что-то пришло в его жизнь вместе с неожиданной смелостью Уайлена, с его широкими глазами, щедро смотрящими на мир. Из-за этого Джеспер ощущал себя бумажным змеем на веревочке, поднимающимся и падающим вниз, и ему это нравилось.

Так куда же подевалось это чувство сейчас? Его пронзило разочарование.

«Дело во мне? – подумал стрелок. – Может, я слишком долго не практиковался?» Он прижался ближе, позволив поцелую углубиться, пытаясь обрести это безрассудное ощущение подъема и падения, и подтолкнул Уайлена спиной к роялю. Услышал, как тренькнули клавиши – тихая, диссонирующая музыка. *«Подходит под обстановку, – подумал он. А затем: – Если я могу думать о метафорах в такой момент, что-то определено не так».*

Джеспер отстранился и опустил руки, чувствуя себя невыразимо неловко. Что люди говорят после ужасного поцелуя? Ему никогда не приходилось задумываться о таких вещах.

И тут он увидел изумленного Кювея, стоящего в дверном проеме с открытым ртом и широко распахнутыми глазами.

- Что? - поинтересовался Джеспер. - Шуханцы не целуются до обеда?

- Мне откуда знать, - кисло ответил парень.

«Не Кювей».

- Ох, святые, - простонал стрелок. В двери стоял не Кювей. Это был Уайлен Ван Эк - подающий надежды эксперт по взрывчатке и богатенький мальчик, вставший на путь преступлений. И это значило, что он только что поцеловал...

Настоящий Кювей издал ту же вялую ноту на рояле, бесстыдно улыбаясь ему и глядя сквозь густые черные ресницы.

Джеспер повернулся обратно к двери.

- Уайлен... - начал он.

- Каз ждет нас в гостиной.

- Я...

Но Уайлен уже ушел. Джеспер уставился на пустой дверной проем. Как он мог совершить такую ошибку? Уайлен выше Кювея, его лицо - уже. Не будь Джеспер таким взбешенным и взволнованным после драки с Казом и ссоры с отцом, то ни за что бы их не перепутал. А теперь он все испортил.

Джеспер обвинительно ткнул пальцем в шуханца.

- Почему ты ничего не сказал?!

Кювей пожал плечами.

- Ты был таким отважным на Черной Вуали. А поскольку мы все, скорее всего, умрем...

- Проклятие! - выругался Джеспер, направляясь к выходу из комнаты.

- Ты очень хорошо целуешься, - крикнул Кювей ему вслед.

Стрелок обернулся.

- Насколько хорош твой керчийский на самом деле?

- Вполне сносный.

- Отлично, тогда, надеюсь, ты в точности поймешь, что я имею в виду, когда говорю, что от тебя гораздо больше неприятностей, чем ты того стоишь.

Лицо Кювея озарилось сияющей улыбкой, вид у него был чересчур довольный собой.

- А Каз думает, что я очень даже много стою.

Джеспер закатил глаза к небу.

- Да уж, ты прекрасно вписываешься в нашу компанию.

Матиас

Они вновь собрались в гостиной. По просьбе Нины Колм заказал еще одну порцию вафель и тарелку клубники со сливками. Большую часть стены номера украшало зеркало, и взгляд Матиаса постоянно притягивало к нему. Казалось, будто он смотрел в другую реальность.

Джеспер снял обувь и сел на ковре, поджав колени к груди и кидая вороватые взгляды на Уайлена, который устроился на диване и, похоже, намеренно не обращал внимание на стрелка. Инеж залезла на подоконник, ее чувство равновесия было настолько совершенно, что девушка казалась невесомой – птичка, готовая взлететь. Кювей притулился в углу дивана, положив рядом с собой открытый блокнот, а Каз расположился в фиолетовом кресле с высокой спинкой, закинув больную ногу на маленький стол и оперевшись на трость. Каким-то образом он успел зашить порванный рукав рубашки.

Нина свернулась на диване рядом с Матиасом, положив голову ему на плечо и подобрав ноги под себя. Ее пальцы испачкались в клубничном соке. Матиасу было странно сидеть подобным образом. Во Фьерде даже женатые пары не любили проявлять свои чувства на публике. Они держались за руки и могли станцевать на балу. Но ему нравилось так сидеть, и, хотя Матиас не мог до конца расслабиться, он боялся шевельнуться, чтобы Нина не отодвинулась от него.

Исключительно присутствие Колма изменило изображение в зеркале. Из-за него они казались менее опасными, словно были не бандой, пробравшейся в Ледовый Двор и обманувшей фьерданских военных, руководствуясь исключительно собственным умом и отвагой, а просто кучкой детей, измотанных после особо крутой вечеринки в честь дня рождения.

– Хорошо, – начала Нина, слизывая клубничный сок с пальцев таким способом, что Матиас полностью утратил способность рационально мыслить. – Когда ты говоришь об аукционе, ты же не имеешь в виду на самом деле...

– Кювей продаст себя.

– Ты совсем обезумел?

– Полагаю, тогда бы мне жилось гораздо счастливее, – ответил Каз. Затем опустил руку в перчатке на свою трость. – Любой гражданин Керчии и любой свободный гражданин, который приезжает в Керчию, имеет право продать себя в личное пользование. Это не просто закон, а торговля, и для Керчии нет ничего более святого. У Кювея Юл-Бо есть священное право – одобренное Гезеном, богом предпринимательства и торговли, – предложить свою жизнь на рынке. Он может продать свои услуги на аукционе.

– Ты хочешь, чтобы он сам себя продал по высочайшей цене? – спросила Инеж с недоверием.

– По *нашей* высочайшей цене. Мы подправим результат, и сокровенное желание Кювея сбудется – он получит жизнь за потягиванием чая из самовара в Равке.

– Мой отец ни за что этого не допустит, – возразил Уайлен.

– Он будет не в силах нам препятствовать. Контрактный аукцион находится под защитой высших законов города – светского и религиозного. Как только Кювей вынесет свои услуги на рассмотрение, никто не сможет остановить аукцион, пока торги не завершатся.

Нина покачала головой.

– Если мы объявим аукцион, шуханцы в точности узнают, где и когда его искать.

– Это тебе не Равка, – сказал Каз. – Это Керчия. Торговля священна и защищается законом. Торговый совет обязан следить за тем, чтобы аукцион проходил без помех. На

это направят силы всей городской стражи, и устав аукциона требует, чтобы Совет приливов тоже оказал содействие. Торговый совет, городская стража, Совет приливов – все, кто нужен, чтобы защитить Кювея.

Тот отложил блокнот.

– У шуханцев, возможно, все еще есть парем и фабrikаторы.

– Верно, – кивнул Джеспер. – Если это правда, они могут наделать столько золота, сколько захотят. Нам ни за что не перебить их цену.

– Это если предположить, что их фабrikаторы уже в городе. Ван Эк сделал нам одолжение, заблокировав гавань.

– Даже если так...

– Позволь мне самому побеспокоиться о шуханцах, – отрезал Каз. – Я могу контролировать торги. Но нам снова понадобится связаться с равкианцами. Они должны знать, что мы планируем. По крайней мере, частично.

– Я могу пробраться к посольству, – вызвалась Инеж. – Если Нина напишет послание.

– Улицы перекрыты баррикадами, – возразил Уайлен.

– Да, но не крыши.

– Инеж, – обратилась Нина. – Тебе не кажется, что стоит рассказать им подробнее о твоей новой подруге?

– Да, – поддержал Джеспер. – Кто эта новая знакомая, проделавшая в тебе столько дыр?

Инеж выглянула в окно.

– На поле вышел новый игрок – наемница, нанятая Пеккой Роллинсом.

– Тебя одолели в поединке? – изумился Матиас. Он видел Призрака в битве. Победить ее не так-то просто.

– Наемница – это еще слабо сказано, – хмыкнула Нина. – Она последовала за Инеж по канату, а затем кидала в нее ножами.

– Не совсем ножами, – исправила Инеж.

– А чем, острыми смертоносными салфеточками?

Инеж встала с подоконника. Полезла в карман и достала что-то, напоминающее небольшие серебряные солнышки, и высыпала их на стол.

Каз наклонился и взял одно.

– Кто она?

– Ее зовут Дуняша. Она назвала себя Белым Клинком и еще многими другими словами. Она очень хороша.

– Насколько? – поинтересовался Каз.

– Лучше меня.

– Я слышал о ней, – вмешался Матиас. – Ее имя фигурировало в докладах службы разведки дрюскелей, собранных в Равке.

– Равке? – подняла брови сулийка. – Она говорила, что обучалась в Амрат Ене.

– Она заявляет, что в ней течет кровь Ланцовых, что дает ей право претендовать на равкианский трон.

Нина залилась смехом.

- Ты же это не всерьез?

- Мы подумывали поддержать ее притязания, чтобы подорвать режим правления Николая Ланцова.

- Умно, - кивнул Каз.

- Дурно, - процедила Нина.

Матиас прочистил горло.

- Он - новый король, и поэтому уязвим. Его происхождение тоже можно подвергнуть сомнению. Но в докладах было сказано, что Дуняша нестабильна, возможно, даже помешанная. Мы решили, что она слишком непредсказуема для такого рискованного предприятия.

- Пекка мог приставить ее следить за нами с Черной Вуали, - сказала Инеж.

- Нам известно, как он нашел наше укрытие? - поинтересовалась Нина.

- Должно быть, кто-то из его людей нас заметил, - ответил Каз. - Этого было бы вполне достаточно.

Матиас задумался, не будет ли лучше, если они не узнают, кто в ответе за это. Тогда никому не придется нести на себе груз вины или порицаний.

- У Дуняши было преимущество в неожиданности, - сказала Инеж. - Если про отель еще не узнали, я могу незаметно сбежать в посольство и обратно.

- Хорошо, - кивнул Каз, но ответ пришел не так быстро, как ожидал Матиас. *Он боится за нее, и ему это не нравится.* В кои веки он мог посочувствовать демжину.

- Есть еще одна проблема, - сказала Нина. - Матиас, закрой уши.

- Нет.

- Ладно. Позабочусь о твоей лояльности позже, - затем она прошептала ему на ухо: - В спальне есть очень большая ванна...

- *Нина!*

- Просто рассказываю. - Нина взяла остатки вафель с подноса и сказала: - Равка не сможет выиграть в аукционе. Мы разорены.

- О, - отозвался Матиас. - Я это знал.

- Вовсе нет.

- Думаешь, Фьерда не в курсе, что равкианская казна пуста?

Нина надулась.

- Мог бы хоть притвориться, что удивлен.

- Финансовые проблемы Равки ни для кого не секрет. Ее казну истощили многолетняя бесхозяйственность королей Ланцовых и кровавые сражения на обеих границах. Гражданская война тоже не помогла делу, и теперь новый король погряз в долгах перед банками Керчии. Если мы все же организуем этот аукцион, Равка не составит конкуренцию в торгах.

Каз положил больную ногу поудобнее.

- Именно поэтому их и профинансирует керчийский Торговый совет.

Джеспер согнулся пополам от хохота.

- Фантастика! Раз уж они так расщедрятся, может, и мне прикупят котелок из чистого золота?

– Это незаконно, – сказал Уайлен. – Совет отвечает за проведение аукциона. Они не могут вмешиваться в его исход.

– Конечно, нет, – не спорил Каз. – И они это знают. Кювей и его отец обратились к Торговому совету за помощью, но те так боялись нарушить нейтралитет, что отказались действовать. Ван Эк увидел в этом хорошую возможность и с тех пор работал за их спинами. – Каз глубже уселся в кресле. – Что задумывал Ван Эк с самого начала? Он скупал плантации юрды, чтобы, когда секрет парема станет общедоступным, контролировать ее поставки. Он в выигрыше вне зависимости от того, кому достанется Кювей. Так что начните думать, как он, как купцы. Когда Кювей Юл-Бо, сын Бо Юл-Баюра, объявит об аукционе, Торговый совет сразу поймет, что секрет парема в любой день может быть раскрыт. Они наконец-то будут вольны действовать и начнут искать возможности, как обеспечить себе капитал и укрепить позицию Керчии в мировой экономике. Они не имеют права вмешиваться в аукцион, но могут гарантировать, что заработают много денег при любом исходе.

– Если скупят юрду, – начал улавливать ход мысли Уайлен.

– В точку. Мы создадим консорциум юрды – шанс для инвесторов заработать солидные деньги на мире, катящемся в ад. Предоставим совету хорошую возможность и позволим их жадности завершить дело.

Уайлен кивнул, его глаза загорелись.

– Деньги никогда не попадут в консорциум. Мы переправим их Равке, чтобы они смогли участвовать в торгах за Кювея.

– Что-то вроде того, – ухмыльнулся Каз. – И возьмем небольшой процент. Прямо как банки.

– Но кто будет «подсадной уткой»? – любопытствовал Джеспер. – Ван Эк знает нас всех в лицо, кроме Нины и Шпекта. Даже если одного из нас перекроют или мы приведем нового человека, Торговый совет не даст свои деньги новичку без железобетонной репутации.

– Как насчет фермера, выращивающего юрду, который жил в самом дорогом номере Кеттердама?

Колм Фахи оторвался от своего кофе.

– Я?

– Ни за что, Каз, – прорычал Джеспер. – Этому не бывать.

– Он разбирается в юрде, говорит на керчийском и земенском и идеально подходит на эту роль.

– У него честное лицо, – горько произнес стрелок. – Ты не пытался спасти его, спрятав в этом отеле, ты подставил его!

– Я строил нам запасной выход.

– Собственную страховку?

– Да.

– Ты не втянешь в это моего отца.

– Он уже в деле, Джес. Ты сам втянул отца, когда заставил его заложить ферму, чтобы расплатиться за твой диплом, что было бесполезной тратой денег.

– Нет, – повторил Джеспер. – Ван Эк легко найдет связь между Колмом Фахи и Джеспером Фахи. Он не идиот.

– Но в «Гельдреннере» не живет Колм Фахи. Колм Фахи снимал комнату в маленькой гостинице университетского района и, согласно манифестам начальника порта, покинул

город пару дней назад. Мужчина, остановившийся здесь, зарегистрирован под именем Иоганна Ритвельда.

- Кто это, черт возьми, такой? - спросила Нина.

- Фермер из городка рядом с Лижем. Его семья проживала там годами. У него есть активы в Керчии и Новом Зеде.

- Но кто он на самом деле? - настаивал Джеспер.

- Это не имеет значения. Считай его плодом воображения Торгового совета, чудесная мечта, ставшая явью, чтобы помочь им наскрести хоть какую-то пользу от катастрофы под названием парем.

Колм опустил чашку.

- Я все сделаю.

- Пап, ты не понимаешь, на что подписываешься.

- Я уже укрываю беглецов. Раз я буду пособником, то могу побыть и соучастником.

- Если что-то пойдет не так...

- А что мне терять, Джес? Моя жизнь - это ты и ферма. Это единственный способ защитить и то и другое.

Джеспер резко встал с пола и начал ходить взад-вперед перед окнами.

- Это безумие, - сказал он, потирая рукой затылок. - Они ни за что на это не купятся.

- Мы не просим от них многого, - отозвался Каз. - В этом и весь фокус. Мы установим низкий порог для вступления в фонд. Скажем, два миллиона крюге. А затем позволим им подождать. Шуханцы уже здесь. Фьерданцы. Равкианцы. Совет запаникует. Ставлю на то, что к тому времени, как мы будем готовы, у нас будет по пять миллионов от каждого.

- Всего тринадцать членов совета, - размышлял Джеспер. - Это шестьдесят пять миллионов крюге.

- Может, и больше.

Матиас нахмурился.

- Даже несмотря на городскую стражу на аукционе и присутствие Совета приливов, можем ли мы действительно гарантировать безопасность Кювею?

- Если у тебя не завалялся единорог, на котором он уедет в раду, ни один сценарий не *гарантирует* Кювею безопасность.

- Я бы тоже особо не рассчитывала на защиту Совета приливов, - отозвалась Нина. - Они хоть раз появлялись на публике?

- Двадцать пять лет назад, - ответил Каз.

- И ты думаешь, что они явятся сейчас, чтобы защитить Кювея? Мы не можем отправить его на аукцион в одиночку.

- Он не будет один. Мы с Матиасом пойдем с ним.

- Все, кто будут там присутствовать, знают вас в лицо. Даже если вы замаскируетесь...

- Никакой маскировки. Торговый совет считается его представителем. Но Кювей вправе выбирать собственных телохранителей на время аукциона. Мы будем стоять с ним на сцене.

- Сцене?

- Аукционы проводятся в Церкви Бартера, прямо перед алтарем. Что может быть

священное? Это идеально – закрытое пространство с множеством выходов и быстрым доступом к каналу.

Нина помотала головой.

– Каз, как только Матиас выйдет на сцену, половина фьерданской делегации узнает его, а ты – самый разыскиваемый парень в Кеттердаме. Если вы появитесь на этом аукционе, вас тут же арестуют.

– Они не смогут схватить нас до окончания аукциона.

– И что потом? – спросила Инеж.

– У нас будет чертовски хороший отвлекающий маневр.

– Должен быть другой способ, – не унимался Джеспер. – А что, если мы заключим сделку с Роллинсом?

Уайлен сжал край салфетки.

– Нам нечего ему предложить.

– Хватит с нас сделок, – категорично заявил Каз. – Мне вообще не стоило обращаться к нему за помощью.

Брови Джеспера взмыли вверх.

– Ты действительно признаешь свою ошибку?

– Мы нуждались в капитале, – взгляд Бреккера мельком скользнул по Инеж. – И я не жалею о сделанном, но это было неправильное решение. Чтобы победить Роллинса, никогда не садись с ним за один стол. Он дома. У него достаточно ресурсов, чтобы играть, пока твоя удача не помашет ручкой.

– Тем не менее, если мы выступим против керчийского правительства, банд Бочки и шуханцев...

– И фьерданцев, – добавил Матиас. – И земенцев, и каэльцев, и кто еще там появится, когда объявят об аукционе. Посольства переполнены, и мы не знаем, как далеко распространились слухи о пареме.

– Нам понадобится помощь, – подытожила Нина.

– Знаю, – сказал Каз, поправляя рукава. – Поэтому я пойду в Клепку.

Джеспер замер. Инеж покачала головой. Все уставились на него.

– О чем ты говоришь? – спросила Нина. – За твою голову назначили награду. Все в Бочке знают об этом.

– Ты же видел внизу Пера Хаскеля с Отбросами, – произнес Джеспер. – Думаешь, ты уговоришь старика поддержать тебя, когда весь город вот-вот обрушится на нас, как мешок с кирпичами? Ты же знаешь, что у него кишка тонка.

– Знаю, – кивнул Каз. – Но для этой работы нам нужна большая команда.

– Демжин, этот риск того не стоит, – сказал Матиас и сам удивился искренности своих слов.

– Когда все закончится, когда мы поставим Ван Эка на место, а Роллинс сбежит сломя голову и деньги будут выплачены, эти улицы все еще будут моими. Я не хочу жить в городе, где не смогу ходить с высоко поднятой головой.

– Если у тебя останется что поднимать, – мрачно сказал Джеспер.

– Я вытерпел ножи, пули и бесчисленное количество ударов, все ради маленького кусочка этого города. Это город, ради которого я истекал кровью. И если Кеттердам

меня чему и научил, так это тому, что всегда можно пролить немного больше.

Нина потянулась за рукой Матиаса.

– Гриши все еще прячутся в посольстве, Каз. Я знаю, что тебе плевать, но мы обязаны вывезти их из города. И отца Джеспера. И всех нас. Кто бы ни выиграл аукцион, Ван Эк и Пекка Роллинс не соберут вещички и не уедут домой. Как и шуханцы.

Бреккер встал, опираясь на набалдашник с вороном.

– Но я знаю, чего Кеттердам боится больше, чем шуханцев, фьерданцев и всех банд Бочки, вместе взятых. И ты, Нина, организуешь им это.

Каз

Казалось, что Каз просидел в этом кресле много часов, отвечая на их вопросы и позволяя кусочкам плана сложиться воедино. Окончательный план уже сложился у него в голове: шаги, которые понадобятся для его достижения, бесконечные варианты того, где они могут потерпеть неудачу или будут раскритикованы. Это был безумный, чудовищный план, и таким он и должен остаться, чтобы они преуспели.

Иоганн Ритвельд. В каком-то смысле он сказал правду. Иоганна Ритвельда никогда не существовало. Несколько лет назад Каз использовал второе имя Джорди и их фамилию, чтобы создать личность подлинного фермера.

Он точно не знал, зачем купил ферму, на которой вырос, или почему продолжал вести торговлю и приобретать собственность под именем Ритвельд. Был ли Иоганн Ритвельд его аналогом Якоба Герцуна? Уважаемый человек, как тот, которого создал Пекка Роллинс, чтобы дурить доверчивых простофилю? Или таким образом он пытался воскресить потерянную семью? Имело ли это вообще значение? Иоганн Ритвельд существовал на бумаге и в банковских записях, и Колм Фахи идеально подходил на эту роль.

Когда их собрание подошло к концу, кофе уже остыл, а на дворе был почти полдень. Несмотря на ярко льющийся свет из окон, им всем не мешает несколько часов отдыха. Но не Казу. *Мы не останавливаемся.* Все его тело ныло от усталости. Нога перестала пульсировать и теперь просто излучала боль.

Он знал, что вел себя чертовски глупо, что вероятность вернуться из Клепки ничтожно мала. Каз провел всю жизнь за чередой уловок и финтов. Зачем сталкиваться с проблемой лицом к лицу, если можно пойти в обход? Всегда есть обходной путь, в этом деле он стал экспертом. Теперь же он пойдет напрямую, как бык, тянущий плуг. Скорее всего, его изобьют до крови и потащат по Бочке к ногам Пекки Роллинса. Но они попали в ловушку, и, если придется отгрызть себе лапу, чтобы выбраться из нее, он это сделает.

Сперва нужно было найти Инеж. Она оказалась в одной из роскошных бело-золотых ванных комнат номера, сидела за туалетным столиком и резала полотенца на новые повязки.

Он прошел мимо нее и, сняв пальто, швырнул его в раковину рядом с ванной.

– Мне нужно, чтобы ты помогла проложить маршрут к Клепке.

– Я пойду с тобой.

– Ты знаешь, что я должен встретиться с ними один. Они будут искать любые признаки слабости, Призрак. – Парень повернул кран, и, после нескольких скрипучих стонов, из него полилась горячая вода. Может, когда он будет купаться в крыге, то обеспечит Клепку горячей водой. – Но я не могу приблизиться к улице.

– Тебе вообще не стоит к ним приближаться.

Каз снял перчатки и опустил руки в воду, затем помыл лицо и провел мокрыми пальцами по волосам.

– Расскажи мне о самом коротком маршруте, или я найду его сам.

Он бы предпочел идти по земле, чем по крышам. Черт, он бы предпочел поехать туда в экипаже, запряженном четверкой вороных коней. Но если Каз попытается пробраться в Бочку по улицам, то его поймут прежде, чем он доберется до Клепки. К тому же, если у него и есть шанс выполнить задуманное, ему нужно находиться на верхней позиции.

Парень покопался в карманах пальто и достал туристическую карту Кеттердама, найденную в номере отеля. Она не была так подробна, как хотелось бы, но те карты города, которыми они пользовались, остались на Черной Вуали.

Они разложили карту возле ванны и принялись за дело; Инеж выводила линию по крышам, описывая лучшие точки, чтобы пересечь каналы.

Спустя какое-то время девушка постучала по карте.

– Этот путь короче, но сложнее.

– Пойду длинным, – ответил Каз. Он хотел сосредоточиться на грядущей битве и избежать чужого внимания, а не споткнуться и разбиться насмерть.

Когда он удовлетворился тем, как выучил маршрут, то спрятал карту и достал еще одну бумажку из кармана. На ней была светло-зеленая печать Геменсбанка. Каз вручил ее Инеж.

– Что это? – спросила девушка, пробегая взглядом по листку. – Это же не... – она провела кончиками пальцев по словам, словно боялась, что они исчезнут, и прошептала: – Мой контракт.

– Не хочу, чтобы ты принадлежала Перу Хаскелю. Или мне. – Очередная полуправда. Его разум придумал сотню схем, как привязать ее к себе, заставить остаться в городе. Но Инеж провела достаточно времени взаперти в плену долгов и обязательств, и им обоим будет лучше, когда она уедет.

– Как? – спросила сулийка. – Деньги...

– Все уже сделано. – Он избавился от всех своих активов, использовал последние сбережения, каждую злополучную монету.

Инеж прижала конверт к груди, прямо над сердцем.

– У меня нет слов, чтобы поблагодарить тебя за это.

– Наверняка у сулийцев есть тысяча пословиц для такого случая?

– Для такого случая слов еще не придумали.

– Если я окажусь на виселице, можешь сказать что-то приятное над моим трупом. Дождись шестого удара часов. Если я не вернусь, попытайся вывезти всех из города.

– Каз...

– В стене позади «Клуба Воронов» есть обесцвеченный кирпич. За ним ты найдешь двадцать тысяч крюге. Не очень много, но этого должно хватить, чтобы подкупить парочку глупцов из городской стражи. – Он знал, что их надежда не велика, и это его вина. – В одиночку у тебя будет больше шансов... лучше уходи сейчас.

Глаза Инеж превратились в узкие щелочки.

– Сделаю вид, что я этого не слышала. Это мои друзья. Я никуда не уйду.

– Расскажи мне о Дуняше, – попросил он.

– При ней были высококачественные клинки. – Инеж подняла ножницы с туалетного столика и начала срезать свежие полосы ткани с полотенца. – Мне кажется, она может стать моей тенью.

– Довольно твердая тень, раз она бросает ножи.

– У сулийцев есть поверье: когда мы совершаем ошибку, то даем жизнь нашим теням. Каждый грех наделяет тень силой, пока в конце концов она не становится сильнее нас.

– Будь это правдой, моя тень погрузила бы Кеттердам в вечную ночь.

– Возможно, – кивнула Инеж, обращая взгляд своих темных очей на него. – Или ты и сам чья-то тень.

– Ты имеешь в виду Пекку.

- Что произойдет, если ты вернешься из Клепки? Если аукцион пройдет, как запланировано, и нам удастся проверить это дело?

- Тогда ты получишь свой корабль и будущее.

- А ты?

- Я обрушу хаос, пока моя удача не иссякнет. Использую наш улов, чтобы построить империю.

- А после этого?

- Кто знает? Может, я сожгу ее дотла.

- И это отличает тебя от Роллинса? Что ты ничего не оставляешь позади?

- Я не Пекка Роллинс и не его тень. Я не продаю девушек в бордели. Не лишаю беспомощных детей их денег.

- Посмотри на «Клуб Воронов», Каз. - Ее голос был ласковым и терпеливым - почему же от этого ему хотелось что-то поджечь? - Подумай о каждой организованной тобой афере, карточной игре и воровстве. Неужели все те мужчины и женщины заслуживали того, что получили или потеряли?

- Жизнь никогда не дает нам то, чего мы заслуживаем, Инеж. Будь это...

- А твой брат получил по заслугам?

- Нет. - Но его отрицание прозвучало как-то неуверенно.

Почему он назвал Джеспера именем Джорди? Когда он смотрел в прошлое, то видел брата глазами маленького мальчика: храбрым, умным, непогрешимым, рыцарем, погубленным драконом, переодетым в купца. Но как бы он посмотрел на Джорди сейчас? Как на филю? Как на очередного глупца, ищущего короткий путь к успеху? Каз оперся руками на край раковины. Он больше не злился. Просто чувствовал себя усталым.

- Мы были дураками.

- Вы были детьми. Неужели вас некому было защитить?

- Неужели *тебя* было некому защитить?

- У меня были папа и мама. Они пошли бы на все, чтобы меня не похитили.

- И тогда бы их убили работоторговцы.

- Значит, мне повезло, что я этого не увидела.

Как она могла до сих пор смотреть на мир так радушно?

- Тебя продали в бордель в возрасте четырнадцати лет, а ты все равно считаешь себя счастливицей.

- Они любили меня. И сейчас любят. Я в это верю. - Он увидел в зеркале, как она подошла ближе. Ее темные волосы сияли чернильными брызгами на фоне белых кафельных стен. Девушка встала позади него. - Ты защищал меня, Каз.

- Тот факт, что твои повязки запачканы кровью, говорит об ином.

Инеж посмотрела вниз. На повязке вокруг ее плеча расцветало алое пятно крови. Она неловко потерла за край рваного полотенца.

- Попрошу Нину сменить повязки.

Он не хотел этого говорить. Он собирался ее отпустить.

- Я могу помочь тебе.

Они встретились взглядом в зеркале – у Инеж он был настороженный, словно она оценивала противника. «Я могу помочь тебе». Это были первые слова, с которыми она обратилась к нему в гостиной «Зверинца». Она стояла в фиолетовых шелках, глаза подведены сурьмой. Инеж помогла ему. И чуть не уничтожила. Может, ему стоит позволить ей довершить дело до конца?

Каз слышал, как из крана пошла вода, капая в ванну в рваном ритме. Он и сам не знал, чего хотел услышать от девушки. «Скажи, чтобы уходила, – требовал голос в его голове. – Умоляй, чтобы осталась».

Но Инеж ничего не сказала. Вместо этого она собрала повязки и ножницы со столика и положила их рядом с ванной. Затем опустила ладони на столешницу и, без усилий вспрыгнув, уселась на нее.

Теперь их глаза находились на одном уровне. Каз сделал шаг ближе и просто замер, не в силах пошевелиться. Он не мог этого сделать. Расстояние между ними казалось мизерным. И в то же время растягивалось на мили.

Сулейка потянулась к ножницам, – изящная, как всегда, словно плавала под водой, – и протянула их ручками вперед. Они приятно холодили его ладонь; несговорчивый и обнадеживающий металл. Каз шагнул – теперь он стоял соприкасаясь с ее коленями.

– С чего начнем? – спросила Инеж. От пара, шедшего из ванны, волосы, обрамлявшие ее лицо, начали виться.

Неужели он действительно это делает?

Каз кивнул на ее правое предплечье, не осмеливаясь заговорить. Его перчатки лежали на другой стороне ванны, черные на фоне мрамора с золотыми жилками. Они напоминали мертвых животных.

Он сосредоточился на ножницах, холодном металле в своих ладонях, совершенно не похожем на кожу. Ничего не выйдет, если руки будут дрожать.

«Я смогу пересилить это», – убеждал себя Каз. Все равно что наставить на кого-то оружие. Жестокость давалась ему легко.

Он аккуратно скользнул ножницами под повязку на руке Инеж. Ткань полотенца плотнее марли, но ножницы оказались достаточно острыми. Один надрез, и повязка упала, открывая вид на глубокую колотую рану. Каз откинул ткань в сторону.

Затем поднял новую полоску от полотенца и замер, набираясь сил.

Инеж подняла руку. Он осторожно обмотал кусок ткани вокруг предплечья. Его руки задели кожу, и Каза пронзила молния, парализуя его, приковывая к земле.

Сердце не должно издавать подобных звуков. Может, он никогда не дойдет до Клепки. Может, его убьет этот миг. Он взял себя в руки и завязал двойной узел. Сделано.

Парень вдохнул поглубже. Знал, что должен перейти к следующей повязке на плече, но не был готов к этому, потому кивнул на левую руку. Та повязка была чистой и опрятной, но Инеж не возражала и просто повернулась к нему предплечьем.

На сей раз было немного легче. Он двигался медленно, методично: ножницы, повязка, медитация. Итак, задание было выполнено.

Они ничего не говорили, словно попав в вихрь молчания, и не соприкасались, хоть колени Инеж и были по бокам от Каза. Темные глаза девушки широко распахнулись – заблудшие планеты, черные луны.

Повязку на ее плече дважды намотали под мышкой и связали у сустава. Каз слегка наклонился, но угол был странным. Он не мог просто втиснуть ножницы под полотенце. Придется оттянуть край ткани.

Нет. В комнате было слишком светло. Его грудь сдавило кулаком. *Прекрати!*

Он выпрямил два пальца. Скользнул ими под повязку.

Вся его сущность отпрянула. Вода холодила кожу ног. Тело онемело, но, тем не менее, он все равно чувствовал влажную податливость гниющей плоти своего брата под ладонями. *Именно стыд пожирал людей целиком.* Он тонул в ней. Тонул в кеттердамской гавани. Перед глазами все размывалось.

– Мне тоже нелегко. – Ее голос, низкий и уверенный, голос, который однажды вернул его из ада. – Даже сейчас, когда парень улыбается мне на улице или Джеспер кладет руку мне на талию, мне кажется, что я вот-вот исчезну. – Комната накренилась, и он вцепился в спасательную веревку ее голоса. – Я живу в страхе, что увижу одного из ее – одного из *моих* – клиентов на улице. Долгое время мне казалось, что я узнавала их повсюду. Но порой я думаю, что то, что они со мной сделали, не было худшим.

Зрение Каза вернулось в норму. Вода отступила. Он стоял в ванной номера отеля. Его пальцы прижимались к плечу Инеж. Он ощущал напряженные мышцы под ее кожей. Пульс яростно бился на шее, в мягком изгибе прямо под челюстью. словно в ответ на его трепет, девушка замерла. Ему стоило сказать что-нибудь, но он не мог произнести ни слова.

– Танте Хелен не всегда была жестокой, – продолжила Инеж – Она обнимала нас, прижимала к себе, а затем щипала так сильно, что расцарапывала кожу. Мы никогда не знали, что нас ждет – поцелуй или пощечина. В один день ты была ее любимицей, а на следующий она приводила тебя в свой кабинет и говорила, что продает группе мужчин, которых повстречала на улице. А потом заставляла умолять не отдавать тебя им на растерзание. – Инеж испустила тихий звук, напоминавший смешок. – Когда Нина обняла меня в первый раз, я *вздрыгнула*.

Девушка открыла глаза. Встретилась с ним взглядом. Каз слышал, как капала вода из крана, видел изгиб косы за плечом Инеж, где она выбилась из пучка.

– Продолжай, – тихо произнесла девушка, словно просила его закончить историю.

Каз сомневался, что сделает это. Но если уж она смогла сказать эти слова, эхом отразившиеся от стен, то и он может хотя бы попытаться, черт возьми!

Каз осторожно взял ножницы. Приподнял повязку, чтобы появилось место, и, чувствуя одновременно жалость и облегчение, нарушил контакт с кожей Инеж. Разрезал повязку. Он ощущал тепло от чужого тела на своих пальцах как лихорадку.

Повязка упала на пол.

Правой рукой он взял новую длинную полоску полотенца. Затем наклонился, чтобы намотать ее сзади. Теперь он был так близко... Какой-то частью своего разума он отметил раковину ее уха, волосы, заправленные за него, лихорадочное биение пульса на шее. Живая, живая, живая.

Мне тоже нелегко.

Он снова намотал повязку. Едва заметное прикосновение. Неминуемое. Плечо, ключица, колено. Вода начала подниматься вокруг него.

Каз завязал узел. *Отойди назад.* Но он не отошел. Парень стоял, слушая их дыхание, их ритм, их обоих, одних в этой комнате.

Тошнота никуда не делась, как и желание убежать, но зато появилось нечто другое. Каз считал, что хорошо знал язык боли, но это ноющее ощущение было ему в новинку. Ему было невыносимо просто стоять так близко к ее объятиям. *Мне тоже нелегко.* После всего что она пережила, слабым все равно оказался он. Но Инеж никогда не узнает, каково ему видеть, как Нина обнимает ее, наблюдать, как Джеспер берет ее под руку, каково стоять в дверном проеме или прислоняться к стене, зная, что он никогда не сможет подойти ближе. «*Но сейчас я рядом*», – подумал он с остервенением. Он носил ее на руках, сражался бок о бок, проводил с ней ночи напролет, пока они лежали на животах, всматриваясь в подозрную трубу и наблюдая за каким-нибудь складом или усадьбой купца. Но это было совсем другое. Он болен и напуган, его тело стало скользким от пота, но сейчас он рядом. Каз посмотрел на ее пульс, на доказательство

сердца, бьющегося в том же бешеном ритме, что и его. Увидел влажный изгиб шеи, блеск коричневой кожи. Он хотел... Он хотел.

Прежде чем он успел передумать, Каз опустил голову. Инеж резко втянула воздух. Его губы замерли прямо над жарким местом соединения ее плеча и тонкой шеи. Он ждал. *Попроси меня остановиться. Оттолкни меня.*

Девушка выдохнула.

– Продолжай, – повторила она. Закончи историю.

Легчайшее движение, и его губы коснулись кожи – теплой, гладкой, вышитой капельками влаги, как бисером. Его охватило желание, в голове закрутилась тысяча образов, которые он копил, едва позволял себе представлять – когна ее темных волос высвобождается из косы, руки нащупывают гибкую линию талии, губы Инеж приоткрываются, нашептывая его имя.

Но тут все это испарилось. Он тонул в гавани. Ее тело обернулось трупом. Девушка смотрела на него мертвыми глазами. Внутри него все сжалось от отвращения и тоски.

Каз дернулся назад, и его ногу пронзило болью. Рот горел синим пламенем. Комната кружилась. Парень вжался в стенку, пытаясь сделать вдох. Инеж вскочила на ноги и шагнула к нему с обеспокоенным лицом. Он поднял руку, чтобы остановить ее.

– Не надо.

Она стояла посередине плиточного пола, окаймленная белым и золотом, как позолоченная икона.

– Что с тобой случилось, Каз? Что случилось с твоим братом?

– Это неважно.

– Расскажи мне. Пожалуйста.

«Расскажи ей, – требовал голос в его голове. – Расскажи ей все». Но он не знал, как и с чего начать. Да и к чему это? Чтобы она придумала, как оправдать его преступления? Он не нуждался в ее жалости. Ему не нужно оправдывать себя, только найти способ, как отпустить ее.

– Хочешь знать, что со мной сделал Пекка? – его голос больше походил на рычание, гремющее в кафельных стенах. – Лучше давай расскажу, что я сделал, когда нашел женщину, притворявшуюся его женой, девочку, притворявшуюся его дочерью. Или как насчет того, что произошло с мальчиком, который заманил нас в ту первую ночь своими игрушечными собачками? Хорошая история. Его звали Филип. Я обнаружил его, когда он играл в «Монте» на Кельштрате. Пытал его два дня и бросил истекать кровью в переулке, засунув ему в глотку ключик от заводной собаки. – Каз увидел, как Инеж вздрогнула, и почувствовал, как кольнуло в сердце.

– Все верно, – продолжил он. – Клерки из банка, сдавшие ему информацию о нас. Лживый адвокат. Человек, который бесплатно поил меня горячим шоколадом в фальшивой конторе Герцуна. Я уничтожил их всех, одного за другим, кирпичик за кирпичиком. И Роллинс будет последним. Грязь от этих поступков не очистить молитвами, Призрак. Меня не ждет ни покой, ни прощение – не в этой жизни, и не в следующей.

Инеж покачала головой. Как она могла и дальше смотреть на него с добротой во взгляде?

– Прощения не просят, Каз. Его надо заслужить.

– Этим ты намерена заняться, охотясь на работарговцев?

– Охотясь на работарговцев. Искореняя купцов и боссов Бочки, которые наживаются на них. Стараясь стать кем-то большим, чем просто следующим Пеккой Роллинсом.

Это невозможно. Ничего больше не было. Он видел правду, даже если Инеж не могла. Она сильнее, чем он когда-либо станет. Девушка сохранила свою веру и доброту, когда мир пытался вырвать их жадными ручищами.

Его взгляд прошелся по ее лицу – как всегда пристально, голодно, хватаясь за каждую деталь, как вор, которым он и являлся, – по темным бровям, по глубоким карим глазам, по изгибу губ. Он не заслуживал мира и не заслуживал прощения. Но если Каз сегодня умрет, возможно, единственное, чего он заслуживал, – это воспоминания о ней, которое заберет с собой на другую сторону – самое яркое из всего, на что у него когда-либо будет право.

Каз прошел мимо Инеж, взял перчатки с раковины и натянул их. Затем надел пальто, поправил галстук перед зеркалом и зажал трость под мышкой. Раз уж идешь на верную смерть, надо прилично выглядеть.

Когда он снова повернулся к Инеж, то был готов.

– Что бы со мной ни произошло, переживи этот город. Получи свой корабль, отомсти, пережили свое имя на их костях. Но переживи тот хаос, в который я нас завел.

– Не делай этого, – попросила Инеж.

– Тогда все будет кончено. Выхода нет. Награды нет. Ничего не осталось.

– Ничего, – повторила она.

– Попытайся найти особенности Дуняши.

– Чего?

– У бойца всегда есть некие особенности, намеки на старую травму, опущенное плечо, когда они замахиваются перед ударом.

– У меня тоже есть особенность?

– Ты выпрямляешь плечи, прежде чем начать двигаться, словно готовишься к представлению и ждешь, пока внимание публики сосредоточится на тебе.

Инеж выглядела слегка оскорбленной этим заявлением.

– А у тебя какая?

Каз подумал о миге на Вельгелюке, который чуть не стоил ему всего.

– Я – калека. Это моя особенность. Людям не хватает ума искать другие.

– Не ходи в Клепку, Каз. Давай придумаем другой выход.

– Отойди, Призрак.

– Каз...

– Если тебе хоть когда-нибудь было не наплевать на меня, не ходи за мной.

Он оттолкнул ее и вышел из комнаты. Каз не хотел думать о том, что ему было терять. Инеж ошибалась в одном. Он в точности знал, что оставит после себя, когда уйдет.

Разруху.

Инеж

Она все равно последовала за ним.

«Если тебе хоть когда-нибудь было не наплевать на меня».

Инеж громко фыркнула и перепрыгнула через дымоход. Это даже оскорбительно! У нее было бесчисленное количество возможностей освободиться от Каза, и она ни разу ими не воспользовалась.

Очевидно, что он не подходит для нормальной жизни. Но неужели она сама сможет найти добропорядочного мужа, родить ему детей, а затем идти затачивать кинжалы, когда те лягут спать? Как она объяснит кошмары, преследующие ее после «Зверинца»? Или кровь на своих руках?

Девушка до сих пор чувствовала прикосновение пальцев Каза к своей коже, легкое, как перышко, касание его губ к шее, видела его расширенные зрачки. Два самых смертоносных человека из Бочки, а они едва могли прикоснуться друг к другу, не рассыпаясь на кусочки. Но они пытались. Он пытался. Может, они попытаются снова. Глупое желание, сентиментальная надежда девчонки, у которой не крали невинность, которая никогда не страдала от ударов кнута Танте Хелен, которая не была покрыта ранами и не разыскивалась законом. Каз бы посмеялся над ее оптимизмом.

Она подумала о Дуняше – ее тени. Какие у нее мечты? О троне, как предположил Матиас? Об очередном убийстве – жертвоприношении ее богу? Инеж не сомневалась, что еще встретится с янтарной девушкой в одежде цвета слоновой кости. Ей хотелось верить, что, когда придет время, она выйдет из битвы победителем, но не могла закрыть глаза на таланты Дуняши. Может, она действительно принцесса, девушка благородного происхождения, обученная искусству убивать, предназначенная для величия, как героиня сказки. Тогда кем была Инеж? Препградой на ее пути? Данью на алтаре смерти? «Сулийская акробатка-коротышка, которая дерется, как обычная уличная бандитка». Или, возможно, это святые привели Дуняшу на кеттердамские улицы. «Кто запомнит такую девчонку, как вы, госпожа Гафа?» Быть может, таким образом Инеж призывали к ответственности за жизни, которые она забрала.

Возможно. Но не сейчас. Ей все еще нужно расплатиться по счетам.

Инеж зашипела, скользнув вниз по водосточной трубе, и почувствовала, как повязка на ее бедре сползает. Она оставит кровавый след на всех зданиях.

Они приближались к Клепке, но девушка держалась в тени и оставалась на приличном расстоянии от Каза. Каким-то образом он всегда чувствовал ее присутствие, хоть остальным это было не по силам. Парень часто останавливался, не зная, что за ним наблюдают. Нога тревожила его больше, чем он показывал. Но Инеж не станет вмешиваться в разборки в Клепке. Хотя бы в этом она могла пойти навстречу его желанию, ведь он прав: в Бочке сила – единственная валюта, имевшая значение. Если Каз не справится с этим испытанием в одиночку, то потеряет все – не только шанс добиться поддержки от Отбросов, но и надежду на то, что когда-нибудь снова сможет свободно ходить по Бочке. Она часто хотела наказать его за высокомерие, но для нее была невыносима мысль о том, что у него заберут его гордость.

Он прыгал по крышам Гронштрата, следуя маршруту, который они вместе проложили, и вскоре в поле зрения появилась задняя сторона Клепки – узкая, косо опирающаяся на соседей, черепичные фронтоны почернели от сажи.

Сколько раз она подходила к Клепке именно отсюда? Для нее это была дорога домой. Инеж заметила окно Каза на верхнем этаже. Она провела бесчисленное количество времени на этом подоконнике, кормя собирающихся там ворон и выслушивая его коварные планы. Ниже и чуть левее находилось узкое, как щель, окошко, принадлежавшее ее собственной крошечной спальне. Тут девушку осенило, что, независимо от того, преуспееет или провалится аукцион, возможно, это ее последнее возвращение в Клепку. Она больше никогда не увидит, как Каз сидит за своим столом, не услышит стук его трости, когда он поднимался по шатким ступенькам Клепки, и одним

лишь ритмом давая понять, прошла ли ночь успешно или плохо.

Она наблюдала, как он неумело ползет по краю крыши и взламывает замок на своем окне. Как только Каз исчез из виду, Инеж продолжила идти по крутому фронтону в противоположную сторону. Она не могла последовать по тому же пути, что и он, не выдав своего присутствия.

На фасаде дома, прямо под крышей, висел старый металлический крюк, используемый для подъема тяжелого груза. Инеж схватилась за него, не обращая внимания на недовольный щебет испуганных голубей, и открыла окно, толкнув его ногой и сморщив нос от вони птичьего помета. Сулилка скользнула внутрь, двигаясь по балкам крыши, и выбрала себе местечко в тени. Затем стала ждать, не зная, чем еще заняться. Если кто-нибудь подымет голову, то увидит ее, затаившуюся в углу, как настоящий паук, но зачем им это делать?

Внизу кипела жизнь. Судя по всему, праздничное настроение с утреннего парада до сих пор не иссякло. Люди приходили и уходили через дверь, перекрикивались, смеялись и пели. Несколько Отбросов сидело на скрипучей деревянной лестнице, передавая друг другу бутылку виски. Сигер – один из любимых вышибал Пера Хаскеля – продолжал выдувать одни и те же три ноты на оловянном свистке. На большее он вряд ли способен. В дверь ввалилась группа дебоширов и устроила столпотворение у входа, каркая и визжа как дураки, топая по полу и врезаясь друг в друга, как стая голодных акул. У них были топорщица, усеянные ржавыми гвоздями, дубинки, ножи и пушки, а некоторые даже нарисовали черные крылья воронов на своих одичалых глазах. Позади них Инеж заметила нескольких Отбросов, которые, похоже, не разделяли всеобщего веселья – Анику с ее копной пшеничных волос, жилистого Редера, которого Пер Хаскель предлагал Казу в качестве паука, здоровяков-вышибал Кига и Пима. Ребята держались у стенки, обмениваясь недовольными взглядами, пока остальные радостно кричали и выделялись. *«Они – лучшая надежда Каза на поддержку»*, – подумала Инеж. Самые юные члены Отбросов, детишки, которых Каз приютил и всему обучил, те, кто работал в полную силу и брал на себя худшие задачи, потому что были новенькими.

Но что именно задумал Каз? Зашел ли он в свой кабинет, потому что была причина, или это просто самый доступный вход с крыши? Планировал ли поговорить с Пером Хаскелем наедине? От двери открывался вид на всю лестницу. Каз не мог даже ступить на нее, не привлекая всеобщего внимания, если только не думал замаскироваться. А как ему спуститься по лестнице с больной ногой, чтобы никто не узнал его хромую походку, было недоступно ее пониманию.

Среди людей, собравшихся внизу, раздались радостные вопли. Пер Хаскель вышел из своего кабинета, его седые волосы сильно выделялись в толпе. Для сегодняшних празднований старик подобрал пестрый наряд – алый с серебром жилет, твидовые брюки – и разгуливал как хозяин Отбросов, банды, которую Каз собрал практически из ничего. Одной рукой он размахивал своей любимой шляпой с парадным плюмажем, а в другой держал трость. Кто-то приделал к ней карикатурного ворона из папье-маше. Инеж затошнило. Каз относился к Хаскелю лучше чем сын. Коварный, беспощадный, убийственный сын, но все же.

– Думаешь, сегодня мы его схватим, старик? – спросил Бастиан, постукивая суровой на вид дубинкой по ноге.

Хаскель поднял трость как скипетр.

– Если кто и получит эту награду, то это мои парни! Разве не так?

Те ответили громкими одобрительными криками.

– Старик.

Инеж резко подняла голову, когда скрипучий голос Каза прорезал шум толпы, заглушая шумную болтовню. Все подняли головы.

Он стоял наверху лестницы, глядя вниз на четыре пролета из шатких ступенек. Инеж поняла, что он поменял пальто, и оно обтягивало его идеально скроенными линиями. Каз опирался на трость, аккуратно зачесав волосы назад от бледного лба – он был похож

на фигуру, высеченную из черного стекла со смертоносными гранями.

Выражение удивления на лице Хаскеля было почти комичным. Затем он рассмеялся.

– Сукин ты сын, Бреккер! Ты, должно быть, самый безумный ублюдок, которого я когда-либо встречал.

– Приму это как комплимент.

– Не стоило тебе сюда приходить – если только, конечно, не хочешь сдать как умный парень, которым ты и являешься.

– Я почти добыл твои деньги.

Лицо Пера Хаскеля скривилось от ярости.

– Мелкий невежественный скив! – взревел он. – Впорхнул сюда, как какой-то купец в свое поместье!

– Ты всегда вел себя так, будто лучше нас, Бреккер, – крикнул Сигер, все еще держа оловянный свисток, и некоторые Отбросы согласно закивали. Пер Хаскель с одобрением похлопал в ладоши.

И это правда. Каз всегда держался на расстоянии от всех. Им хотелось товарищества, дружбы, но он никогда не соглашался играть в их игру, только в свою. Может, эта расплата была неизбежной. Инеж знала, что Каз не планировал вечно оставаться лейтенантом Пера Хаскеля. Их триумф в Ледовом Дворе должен был сделать его королем Бочки, но Ван Эк украл у него эту возможность. Отбросы не ведали о необычайных достижениях, которых он добился за последние пару недель, о трофее, вырванном из лап фьерданцев, или о награде, которая все еще могла попасть в его руки. Каз встретился с ними один, лицом к лицу – парень с несколькими союзниками, незнакомец для большинства из них, несмотря на его жестокую репутацию.

– Здесь друзей не ищи! – крикнул Бастиан.

Аника и остальные, кто стоял у стены, ошетинились. Пим покачал лохматой головой и скрестил руки.

Каз едва заметно пожал плечом.

– Я пришел не за друзьями. И не за жалкими попрошайками, трусами и неудачниками, которые считают, что Бочка им что-то должна, раз им удалось выжить. Я пришел за убийцами. Суровыми ребятами. Изголодавшимися. Такими людьми, как я. Это моя банда, – сказал Каз, глядя на них сверху и постукивая тростью по половицам, – и мне надоело исполнять чужие приказы.

– Вперед, мальчики, хватайте свою награду! – закричал Хаскель. Последовала короткая пауза, и на секунду Инеж понадеялась, что они послушаются и просто взбунтуются против старика. А затем открылись шлюзы. Бастиан и Сигер первыми рванули к лестнице, им не терпелось попытаться счастья с Грязными Руками.

Но Сигер был слишком медлительным после виски, и к тому времени, как он добежал до Каза на третьем лестничном пролете, парень выбился из сил. Трость Каза проделала две режущих дуги, ломая кости руки Сигера. Вместо того чтобы разбираться с Бастианом, он скользнул мимо него, двигаясь необычайно быстро, несмотря на больную ногу. Прежде чем Бастиан успел повернуться, Каз ткнул тростью в мягкое место между бедром и коленом головореза. Тот рухнул со сдавленным вскриком.

Следующий лакей Хаскеля уже спешил навстречу – вышибала по кличке Чайник, данной ему за свистящий звук, с каким он вдыхал через нос. Удар биты Чайника пришелся по плечу Каза, когда тот увильнул влево. Затем парень замахнулся тростью и попал вышибале прямо в челюсть тяжелым набалдашником с головой ворона. Инеж увидела, как изо рта Чайника вылетели зубы.

У Каза все еще было преимущество благодаря занятой им позиции, тому, что он находился наверху, но Отбросов было больше, и теперь они нападали волнами. Вариан и

Свонн помчались к площадке на третьем этаже, Красный Феликс шел за ними по пятам, Майло и Горка бежали следом.

Инеж сжала губы, когда Каз принял удар на больную ногу, споткнулся и едва успел восстановить равновесие, чтобы уклониться от удара цепи Вариана. Та врезалась в перила в сантиметре от головы Бреккера, и щепки ливнем посыпались вниз. Каз схватил цепь и, воспользовавшись инерцией движения Вариана, столкнул его через сломанные перила. Толпа быстро отступила, когда тот рухнул на пол у входа.

Свонн и Красный Феликс наступали на Каза с двух сторон. Красный Феликс схватил его за пальто и дернул назад. Каз высвободился из него, как фокусник, выбравшийся из смиренной рубашки на шоу в Восточном Обруче.

Свонн яростно замахал шипованным топориком, и Каз стукнул его набалдашником трости по скуле. Даже издали Инеж рассмотрела, как половина лица парня превратилась в кровавое месиво.

Красный Феликс достал кастет из кармана и сильно стукнул Каза по правой руке. Удар вышел неумелым, но трость Каза с грохотом упала и покатила по лестнице. Битл, вытянутый, как хорек, и с лицом, как у зверька, быстро взобрался по ступенькам, схватил трость и кинул ее Перу Хаскелю под одобрительные выкрики прихлебателей. Каз вцепился руками в перила, подпрыгнул и пнул ногами Красного Феликса в грудь, после чего тот закувыркался по лестнице.

Каз лишился трости. Парень широко развел руки в черных перчатках. Инеж снова подумала о фокуснике. *Вот, посмотрите, в моих руках ничего нет.*

Еще трое Отбросов перепрыгнули через Красного Феликса и накинлись на Бреккера – Майло, Горка и долговязый Битл со своим странным маленьким лицом и салными волосами. Инеж осмелилась моргнуть, а Майло уже прижимал Каза к стене, осыпая его ребра и лицо ударами. Каз откинул голову назад и врезался лбом в Майло с тошнотворным хрустом. Тот ошеломленно шагнул назад, и Каз воспользовался преимуществом.

Но противников было слишком много, а в арсенале Каза были одни лишь кулаки. По его лицу текла струйка крови, губа треснула, левый глаз заплыл. Его движения замедлялись.

Горка исполнил удушающий захват на горле Бреккера. Каз врезал ему локтем по животу и вырвался на свободу. Затем отчаянно рванул вперед, но Битл схватил его за плечо и врезал дубинкой по печени. Парень согнулся пополам и сплюнул кровь. Горка ударил его по виску толстым звеном цепи. Инеж увидела, как глаза Каза закатились. Он покачнулся. А затем упал на землю. Толпа внизу издала победный клич.

Инеж пришла в движение прежде, чем обдумала свой поступок. Она не могла просто смотреть, как он умирает. Каза уложили, пинали ботинками и топтались по его телу. В ее руках блеснули кинжалы. Она убьет их всех. Сложит их трупы горой до самых стропил и оставит как подарок для городской стражи.

Но в эту секунду, через широкие планки перил, она увидела, что его глаза открыты. Они встретились взглядом. Все это время он знал, что она здесь. Ну конечно. Он всегда умел ее находить. Каз едва заметно покачал окровавленной головой.

Инеж хотелось кричать. *К черту твою гордость, к черту Отбросов, к черту весь этот проклятый город!*

Каз попытался встать. Битл пихнул его обратно. Теперь они смеялись. Горка поднял ногу, и его ботинок завис над головой Каза, веселя толпу. Инеж увидела, как Пим отвернулся; Аника и Киг кричали, чтобы кто-то остановил его. Горка опустил ногу... и издал пронзительный, булькающий визг.

Каз держал его за ботинок, а нога парня вывернулась под отвратительным углом. Он скакал на одной ноге, пытаясь сохранить равновесие под странным, пронизывающим вой и блеяние, которые он издавал в такт прыжкам. Майло и Битл упорно били Каза по ребрам, но тот даже не вздрогнул. С силой, которую Инеж не могла себе представить,

Каз дернул ногу Горки вверх. Здоровяк взвизгнул, когда его колено выскочило из сустава, и повалился в сторону, лепеча: «Моя нога! Моя нога!»

– Советую приобрести трость, – сухо произнес Каз.

Но Инеж видела только нож в руках Майло, длинный и сверкающий. Он выглядел как самое чистое, что было у этого парня.

– Не убивай его, ты, придурок! – взревел Хаскель, несомненно все еще думая о награде.

Но до Майло, судя по всему, уже было не достучаться. Он поднял нож и нацелил его прямо на грудь Каза. В последнюю секунду Бреккер перекатился. Нож вонзился в половицы с громким стуком. Майло попытался вытащить его, но Каз уже двигался, и Инеж увидела два ржавых гвоздя, зажатых, как когти, между его пальцами, – каким-то образом он вырвал их из топорща. Он метнулся вверх и проткнул гвоздями шею Майло, разрывая трахею. Майло издал слабый сдавленный свист и упал.

Каз схватился за перила и встал на ноги. Битл поднял руки, будто забыл, что у него все еще имелась дубинка, а Каз – безоружен. Бреккер схватил его за волосы, дернул голову назад и стукнул об перила – звук напоминал выстрел, отдача была такой сильной, что голова Битла отскочила от дерева не хуже резинового мячика. Он свалился и свернулся, как маленький хорек.

Каз вытер рукавом лицо, размазывая кровь по носу и лбу, и сплюнул. Затем поправил перчатки, посмотрел на Пера Хаскеля со второго этажа и улыбнулся. Его зубы были красные и влажные. Толпа увеличилась с начала битвы. Бреккер pokrutil плечами.

– Кто следующий? – спросил он, словно у него была назначена встреча где-то еще. – Кто рискует? – Инеж не знала, как ему удавалось сохранить твердость в голосе. – Вот что я делаю весь день напролет. Я сражаюсь. Когда вы в последний раз видели, чтобы Пер Хаскель принимал участие в драке? Руководил работой? Черт, когда в последний раз он вылезал из кровати до полудня?

– Думаешь, мы тебе поаплодируем, потому что ты умеешь держать удар? – процедил старик. – Это не отменяет проблем, которые ты нам устроил. Накликал городские власти на Бочку, похитил сына купца...

– Я уже говорил, что не имею к этому отношения, – ответил Каз.

– А Пекка Роллинс говорит иное.

– Рад слышать, что ты веришь слову Грошового Льва больше, чем одному из своих людей.

По толпе внизу прошел тревожный ропот, как ветер, шелестящий между листьями. Банда была семьей, эта связь – сильнее кровной.

– Ты достаточно безумен, чтобы перейти дорогу торговцу, Бреккер.

– Безумен, – не спорил Каз. – Но не достаточно глуп.

Некоторые из членов Отбросов начали перешептываться друг с другом, словно никогда даже не думали, что Ван Эк мог сфабриковать обвинения. Ну, разумеется. Ван Эк – аристократ. Зачем преуспевающему купцу выдвигать подобные обвинения какой-то канальной крысе, если это неправда? И, в конце концов, Каз пошел на многое, чтобы доказать, что он способен на все.

– Тебя видели на Гудмедбридже с женой торговца, – настаивал Пер Хаскель.

– Женой, а не сыном. Его жена, которая сейчас находится в безопасности дома, рядом со своим лживым муженьком, вяжет пинетки и разговаривает с птицами. Задумайся хоть на минуту, Хаскель. Какой толк мне от выроodka торговца?

– Подкуп или выкуп...

– Я пошел против Ван Эка, потому что он пошел против меня, и теперь он использует городских прихвостней, Пекку Роллинса и всех вас, чтобы сравнять счет. Все просто.

– Я не просил этих неприятностей, парень. Не просил и не хотел их.

– Ты хотел все другое, что я приносил к твоим ногам, Хаскель. Ты бы до сих наживался на дешевом мошенничестве и пил разбавленный виски, если бы не я. Эти стены обрушились бы прямо на твою голову. Ты брал каждую монету, присваивал себе все успехи, которые я тебе преподносил. Пожирал прибыль от Пятой гавани и «Клуба Воронов», будто заслужил ее, отправлял меня на разборки и на грязную работу за себя. – Его взгляд медленно прошелся по Отбросам, собравшимся внизу. – Все вы оставались в выигрыше. Получали свое вознаграждение. Но при первой же возможности готовы подлизаться к Пекке Роллинсу, ради удовольствия надеть на меня петлю. – И снова недовольный шорох в толпе. – Но я не сержусь.

На Каза смотрело около двадцати Отбросов, все вооружены, но Инеж могла поклясться, что чувствовала их облегчение. Затем она поняла – драка была лишь вступительным актом. Они знали, что Каз – крепкий орешек. Им не нужны доказательства. Все вертелось вокруг того, что требовалось Казу. Чтобы совершить переворот против Пера Хаскеля, нужно было искать Отбросов по отдельности и говорить с каждым индивидуально, тратя время и рискуя попасться на улицах Бочки. Теперь у него имелась публика, и Пер Хаскель был рад поприветствовать всех и каждого – небольшое развлечение, драматический конец Каза Бреккера, «Уничтожение Грязных Рук». Но это не дешевая комедия. Это кровавый обряд, и Пер Хаскель позволил банде собраться, так и не поняв, что настоящее представление еще впереди. Каз стоял за своей кафедрой – раненый, избитый и готовый проповедовать.

– Я не сержусь, – повторил он. – Не на это. Но знаете, что меня разозлило? Что действительно вывело меня из себя? Что вороны теперь выполняют приказы Грошовых Львов. Что вы маршировали за Пеккой Роллинсом, словно это повод для гордости. Одна из самых смертоносных банд в Бочке прогнулась, как кучка новичков.

– У Роллинса есть власть, парень, – отозвался Пер Хаскель. – Ресурсы. Будешь читать мне лекции, когда поживешь с мое. Моя задача – защищать эту банду, и я это сделал. Я уберег их от твоего безрассудства.

– Думаешь, ты в *безопасности*, потому что перекатился на спинку для Пекки Роллинса? Думаешь, он с радостью будет соблюдать перемирие? Что он не жаждет получить то, что у тебя есть? Разве это похоже на Пекку Роллинса?

– Черта с два, – фыркнула Аника.

– Кого вы хотите увидеть перед этой дверью, когда лев проголодается? Ворона? Или никому не нужного петуха, который громко кукарекает и хорохорится, а затем идет наговор с Грошовым Львом и каким-то грязным купцом против одного из своих?

С высоты своего места Инеж видела, как люди, стоящие рядом с Пером Хаскелем, слегка отстранились. Некоторые косились на него, на перо в шляпе, на трости в руках – трость Каза, которой он орудовал с такой кровавой точностью, и фальшивую трость с вороном, приобретенную Хаскелем, чтобы поиздеваться над ним.

– В Бочке никто не торгует безопасностью, – сказал Каз, и его сорванный голос пламенем поднялся над толпой. – Есть только сила и слабость. Уважения не просят. Его надо заслужить.

«Прощения не просят. Его надо заслужить». Он украл ее фразу! Инеж почти улыбалась.

– Я вам не друг, – продолжал он. – И не отец. Я не собираюсь предлагать вам виски, похлопывать по спинке и называть «сынками». Но я наполню вашу казну деньгами. Запугаю ваших врагов так, чтобы они разбежались при виде татуировки на ваших руках. А теперь скажите, кого вы хотите увидеть перед этой дверью, когда Пекка Роллинс придет забрать у вас все?

Тишина разбухла, как клещ, подпитываясь перспективой насилия.

– Ну? – гневно выпалил Пер Хаскель, важно надув грудь. – Отвечайте ему! Вы хотите своего законного лидера или какого-то выскочку-калеку, который не может даже ходить прямо?

- Может, я и не могу прямо ходить, - протянул Каз. - Но, по крайней мере, я не убегаю от драки.

Он начал спускаться по лестнице.

Вариан наконец-то очухался после падения. Хоть он и нетвердо держался на ногах, но парень двинулся к лестнице, и Инеж не могла не проникнуться уважением к его преданности Хаскелю.

Пим оттолкнулся от стены и встал у него на пути.

- Хватит с тебя.

- Позови людей Роллинса! - приказал Пер Хаскель Вариану. - Подними тревогу!

Но Аника достала длинный нож и встала перед выходом.

- Ты Грошовой Лев? - спросила она. - Или Отброс?

Медленно, с явной хромотой, но прямой спиной, Каз спустился по пролету, тяжело опираясь на перила. Когда он дошел до последней ступеньки, оставшаяся толпа расступилась.

Заросшее лицо Хаскеля покраснело от страха и негодования.

- Долго ты не проживешь, парень. Чтобы одолеть Пекку Роллинса, понадобится больше, чем у тебя имеется.

Каз вырвал свою трость из его руки.

- У тебя есть две минуты, чтобы убраться из моего дома, старик. Цена этого города - кровь, - сказал Каз, - и я с радостью заплачу твоей.

Джеспер

Джеспер никогда не видел Каза таким избитым и окровавленным – сломанный нос, треснувшая губа, заплывший глаз. Судя по тому, как он держался за бок, минимум одно ребро сломано, а когда Бреккер покашлял в носовой платок, то стрелок увидел кровь на белой ткани, прежде чем ее спрятали в карман. Его хромота усилилась, но он все еще держался на ногах и шел в сопровождении Аники и Пима. Видимо, в Клепке осталась вооруженная опорная команда, на случай, если Пекка разведает о том, что Каз совершил переворот, и попытается захватить территорию.

– Ради всех святых! – выдохнул Джеспер. – Я так понимаю, все прошло как по маслу?

– Так, как и ожидалось.

Матиас покачал головой с восхищенным и в то же время недоверчивым видом.

– Сколько же у тебя жизней, демжин?

– Надеюсь, еще одна.

Каз снял пальто и умудрился сдернуть рубашку, опираясь на раковину в ванной комнате.

– Ради всех святых, позволь нам помочь! – воскликнула Нина.

Бреккер схватился зубами за край повязки и оторвал кусок.

– Мне не нужна ваша помощь. Продолжай работать с Колмом.

– Да что с ним *не так*? – проворчала девушка, когда они вернулись в гостиную, чтобы проработать прикрытие для господина Фахи.

– То же, что и всегда, – ответил Джеспер. – Он – Каз Бреккер.

Спустя час Инеж проскользнула в комнату и вручила Казу записку. На дворе был поздний вечер, окна номера горели масляным золотым светом.

– Они придут? – спросила Нина.

Инеж кивнула.

– Я передала твое письмо стражнику у двери, и это сработало. Меня привели прямо к двум членам Триумvirата.

– И с кем же ты встретилась? – поинтересовался Каз.

– С Женей Сафиной и Зоей Назяленской.

Уайлен подался вперед.

– Портнихой? Она в посольстве?

Каз поднял бровь.

– Какой интересный факт ты забыла упомянуть, Нина.

– На то время это было неважно.

– Конечно же, важно! – сердито воскликнул Уайлен. Джеспер немного удивился. Поначалу Уайлен не возражал против обличья Кювея. Казалось, он даже радовался, новая внешность дистанцировала его от отца. Но это было до того, как они посетили Святую Хильду. И до того, как Джеспер поцеловал Кювея.

Нина слегка поморщилась.

- Уайлен, но я же думала, что ты поедешь с нами в Равку! Ты бы встретился с Женей, как только мы сели бы на корабль.

- Все мы знаем, кому предана Нина, - хмыкнул Бреккер.

- Я не рассказала Триумвирату о Кювее.

Губы Каза расплылись в слабой улыбке.

- И я о том же. - Затем повернулся к Инеж. - Ты изложила им наши условия?

- Да, они будут в гостиничной бане через час. Я попросила сделать все возможное, чтобы никто не увидел, как они войдут.

- Будем надеяться, что это им по силам.

- Они управляют целой страной, - фыркнула Нина. - И уж как-нибудь справятся с парой несложных инструкций.

- Разве им не опасно выходить на улицу? - полюбопытствовал Уайлен.

- Они единственные гриши в Кеттердаме, которые могут за себя не бояться, - ответил Каз. - Даже если шуханцы наберутся храбрости снова открыть сезон охоты, они не рискнут начинать с двух высокопоставленных равкианских сановников. Нина, Жене хватит мастерства, чтобы вернуть Уайлену его внешность?

- Не знаю, - пожала плечами та. - Ее зовут главной портнихой, и она определенно самая одаренная, но без парема... - В объяснениях никто не нуждался. Парем был единственной причиной, по которой Нине удалось чудотворное преображение Уайлена в Кювея. Тем не менее Женя Сафина - легенда. Все возможно.

- Каз, - обратился Уайлен, скручивая край своей рубашки. - Если она согласится попробовать...

Тот кивнул.

- Но тебе придется быть вдвое осторожней до аукциона. Твой отец не захочет, чтобы ты явился и раскрыл обман, который он разыграл для Торгового совета и городской стражи. Будет разумнее, если ты подождешь...

- Нет, - резко перебил Уайлен. - Мне надоело быть кем-то другим.

Каз пожал плечами, но у Джеспера появилось ощущение, что Бреккер все равно добился желаемого. По крайней мере, в этом случае их с Уайленом желания совпадали.

- А вдруг в бане будут другие гости? - спросил стрелок.

- Я забронировала все места на господин Ритвельда, - сказала Нина. - Он очень застенчив и не любит оголяться на глазах у других.

Джеспер застонал.

- Умоляю, не говори о моем голом отце.

- Дело в его перепончатых ногах, - подмигнула девушка. - Какой стыд!

- Нина и Матиас останутся здесь, - заявил Каз.

- Я должна пойти с вами! - возразила Нина.

- Ты равкианка или член этой команды?

- И то и другое.

- Именно. Эта беседа и без того будет сложной. Не хватало, чтобы вы с Матиасом мучили воду.

Они спорили еще какое-то время, но в конце концов, Нина согласилась остаться в

номере, если вместо нее пойдет Инеж.

Девушка помотала головой.

- Я бы предпочла этого не делать.

- Почему? - удивилась Нина. - Должен же кто-то держать Каза в рамках приличия.

- И ты думаешь, мне это по плечу?

- Можно хотя бы попытаться.

- Я люблю тебя, Нина, но равкианское правительство не очень хорошо обращалось с сулийцами. Я не заинтересована в обмене любезностями с их лидерами. - Джеспер никогда всерьез об этом не задумывался, и, судя по смущенному выражению лица Нины, она тоже. Инеж крепко обняла подругу. - Пошли, попросим Колма заказать нам что-нибудь упадническое.

- Твой ответ на все случаи жизни.

- Ты жалуешься?

- Всего лишь констатирую одну из причин, по которой я тебя обожаю.

Они отправились на поиски Колма, держась за руки, но Нина удрученно закусила нижнюю губу. Она привыкла, что Матиас критикует ее страну, но Джесперу показалось, что слова Инеж ее задели. Ему хотелось сказать Нине, что можно любить что-то, даже видя все недостатки. По крайней мере, он на это надеялся, иначе ему и в самом деле каюк.

Когда все разошлись, чтобы подготовиться к встрече с равкианцами, Джеспер последовал за Уайленом по коридору.

- Эй!

Тот продолжил идти.

Джеспер обогнал его и переступил дорогу, шагая задом наперед.

- Слушай, то, что у меня с Кювеем... на самом деле ничего нет. - Он попытался снова: - Между нами с Кювеем ничего нет.

- Ты не обязан передо мной оправдываться. В конце концов это я вам помешал.

- Вовсе нет! Кювей сидел за роялем. Это объяснимая ошибка.

Уайлен резко остановился.

- Ты думал, что это я?

- Да! - воскликнул Джеспер. - Видишь? Просто большая оши...

Золотые глаза Уайлена вспыхнули.

- Ты в самом деле не можешь нас отличить?

- Я... в смысле, как правило, могу, но...

- Мы совсем не похожи, - возмущенно сказал парень. - На самом деле он не так уж хорош в науке! Половина его блокнотов исписана каракулями. По большей части твоими портретами. Они тоже не очень хороши.

- Правда? Моими портретами?

Уайлен закатил глаза.

- Забудь об этом. Можешь целовать кого захочешь, Джеспер.

– Я так и делаю. Так регулярно, как только могу.

– Тогда в чем проблема?

– Проблем нет, я просто хотел отдать тебе это.

Он вложил крошечный овальный рисунок в ладонь Уайлена.

– Я прихватил его, когда мы были в Святой Хильде. Подумал, что он пригодится, если Женя попытается вернуть твое старое купеческое личико.

Уайлен уставился на рисунок.

– Это работа моей мамы?

– Он был в комнате с ее картинами.

Он был маленьким, без рамки, и подходил только для миниатюры: портрет Уайлена, когда тот был ребенком примерно восьми лет. Его пальцы сжали края рисунка.

– Таким она меня запомнила. Ей так и не довелось увидеть меня взрослым, – он нахмурился. – Портрет такой старый. Не знаю, будет ли от него польза.

– Это все еще ты, – ответил Джеспер. – Те же кудряшки. Та же обеспокоенная маленькая морщинка между бровями.

– И ты взял его просто потому, что он может пригодиться?

– Я же говорил, мне нравится твое дурацкое лицо.

Уайлен опустил голову и спрятал портрет в карман.

– Спасибо.

– Не за что, – Джеспер замялся. – Если ты направляешься к равкианцам, я могу пойти с тобой. Если хочешь.

Тот взволнованно закивал.

– Хочу.

Оживленное настроение Джеспера продержалось до самого лифта, но, как только они присоединились к Казу и спустились на третий этаж отеля, его нервишки начали шалить. Возможно, они шли напрямик в ловушку, а Каз был не в лучшей форме.

Частично Джеспер надеялся, что равкианцы откажутся приводить в жизнь этот безумный план. Тогда Каз окажется в тупике, и, даже если они все загремят в Хеллгейт или будут качаться на виселице, хотя бы у его отца появится шанс уйти невредимым. Колм провел много часов с Ниной и Казом, пытаясь выучить свою роль, репетируя различные сценарии, отвечая на их бесконечные вопросы, и работал без единой жалобы. Актер из него посредственный, и врать он умел так же хорошо, как Джеспер – танцевать балет. Но Нина будет с ним. Это хоть чего-то да стоило.

Двери лифта открылись, и они вышли в очередной длинный фиолетово-белый коридор, а затем пошли на звук журчащей воды в комнату с огромным круглым бассейном по центру, окруженным колоннадой из арок. Через них Джеспер видел другие бассейны и водопады, впадины и ниши, каждая твердая поверхность украшалась мерцающей плиткой цвета индиго. Вот к *этому* Джеспер мог привыкнуть: озерца с кипящей водой, танцующие и булькающие фонтаны, как гости на вечеринке, стопки из плотных полотенец и вкусно пахнущее мыло. Подобное место больше подходило Бочке, где его могли оценить по достоинству, а не центру финансового района.

Им сказали, что их встретят лишь два члена Триумvirата, но у бассейна стояло три человека. Джеспер знал, что одноглазая девушка в красно-синем кафтане должна быть Женей Сафиной, и это значило, что изумительная красавица с густой копной черных как смоль волос – Зоя Назяленская. Их сопровождал парень лет двадцати, с лисьим лицом, в бирюзовом сюртуке, коричневых кожаных перчатках и с впечатляющим набором

земенных револьверов, спрятанных в кобуре на бедрах. Если эти люди то, что может предложить им Равка, возможно, Джесперу все же *стоит* нанести туда визит.

– Мы просили гришей прийти одних, – сказал Каз.

– Боюсь, это невозможно, – ответил парень. – Несмотря на то что Зоя, разумеется, сила, с которой стоит считаться, чрезвычайные способности Жени плохо подходят для физической конфронтации. Я же, с другой стороны, прекрасно подхожу для всех видов противоборств, хотя и предпочитаю физические.

Каз прищурился.

– Штурмхонд.

– Он меня знает! – восторженно воскликнул Штурмхонд, пихнув Женю локтем. – Я же говорил, что я знаменит.

Зоя раздраженно выдохнула.

– Ну, спасибо вам. Теперь он будет вдвое невыносимее.

– Штурмхонда уполномочили вести переговоры от имени равкианского престола, – пояснила Женя.

– Пирата? – удивился Джеспер.

– Корсара, – исправил Штурмхонд. – Вы же не ждете, что король лично примет участие в подобном аукционе?

– Почему бы и нет?

– Потому что он может проиграть. А королям не пристало проигрывать.

Джеспер не мог до конца поверить, что беседовал с самим *Штурмхондом*! Корсар был легендой. Он разорвал бесчисленное количество блокад от имени равкианцев, и ходили слухи, что...

– У вас действительно есть летающий корабль? – выпалил стрелок.

– Нет.

– О...

– У меня их несколько.

– Заберите меня с собой.

Каз не выглядел таким веселым.

– Равкианский король позволяет вам вести переговоры за него по государственным вопросам? – скептически поинтересовался он.

– Иногда, – ответил Штурмхонд. – Особенно если в дело вовлечены не самые благородные персонажи. У вас известная репутация, господин Бреккер.

– Как и у вас.

– Справедливо. Итак, допустим, мы оба заслужили право на то, чтобы наши имена звучали в худших кругах. Король не втянет Равку в один из ваших замыслов вслепую. В записке Нины говорилось, что Кювей Юл-Бо у вас. Я хочу получить подтверждение этого факта и услышать детали вашего плана.

– Хорошо, – кивнул Каз. – Давайте поговорим в солярии. Я бы предпочел не потеть в костюме. – Когда остальные пошли за ними, Каз резко остановился и оглянулся через плечо. – Только мы с корсаром.

Зоя откинула свою роскошную черную гриву назад и сказала:

– Мы – члены Триумvirата. Мы не повинемся приказам керчийской канальной крысы с сомнительной прической.

– Я могу сформулировать это как вопрос, если это пригладит ваши перышки, – сухо произнес Каз.

– Ах ты, наглый...

– Зоя, – ласково обратился Штурмхонд. – Давай не будем враждовать с нашими новыми друзьями, прежде чем у них даже возникнет возможность обмануть нас. Ведите, господин Бреккер.

– Каз, – позвал Уайлен. – Ты не мог бы...

– Говори за себя сам, купчик. Пора уже научиться. – Он исчез со Штурмхондом в коридорах.

Когда их шаги стихли, наступила тишина. Уайлен прочистил горло, и звук, отразившийся от синего кафеля, был похож на ржание юного жеребца, выпущенного в загон. Женя выглядела озадаченной.

Зоя скрестила руки.

– Ну?

– Мэм... – попытался начать разговор Уайлен. – Мисс Женя...

Та улыбнулась, и ее шрамы натянулись в уголке губ.

– О, до чего же он милый!

– Ты всегда была падкой на таких беспризорников, – кисло ответила Зоя.

– Ты тот мальчик, которого Нина перекроила в Кювея, – догадалась девушка. – И ты хочешь, чтобы я попыталась отменить то, что она сделала?

– Да, – выдавил Уайлен, и это слово было пронизано целым миром надежды. – Но мне нечего дать вам взамен.

Женя закатила свой единственный янтарный глаз.

– Почему керчийцы все сводят к деньгам?

– Говорит женщина из обанкротившейся страны, – пробормотал Джеспер.

– Что ты сказал?! – рявкнула Зоя.

– Ничего, – улыбнулся Джеспер. – Просто говорю, что Керчия – морально обанкротившаяся страна.

Зоя осмотрела стрелка с головы до пят, словно подумывала кинуть его в бассейн и сварить живьем.

– Если хочешь потратить свое время и талант на этих негодяев, вперед. Святые тому свидетели, тут есть над чем работать.

– Зоя...

– Я поищу темную комнату с глубоким бассейном и попытаюсь смыть с себя хоть часть грязи этой страны.

– Не утони, – крикнула Женя ей вслед, а потом заговорщицки прошептала: – Может, она сделает это просто из духа противоречия. – Девушка окинула Уайлена оценивающим взглядом. – Будет нелегко. Если бы я видела тебя до изменений...

– Вот, – спешно выпалил купчик. – У меня есть портрет. Он старый, но...

Она взяла миниатюру у него из рук.

- И это, - Уайлен протянул ей плакат, который сделал его отец, с обещанием награды за его безопасное возвращение.

- Хм-м, - протянула она. - Давайте найдем комнату с освещением получше.

Они бродили по помещениям, заглядывая в залы, полные грязевых и молочных ванн, и в одну нагретую комнату, полностью сделанную из нефрита. Затем наконец остановились в прохладной белой комнатухе с ванной, полной странно пахнущей глины у одной стены и окнами вдоль второй.

- Принеси стул, - командовала Женья, - и мою шкатулку с инструментами от центрального бассейна. Она тяжелая. Найдешь ее у полотенец.

- Вы принесли с собой шкатулку? - изумился Уайлен.

- Сулийка намекнула, что она может понадобиться, - сказала Женья, выгоняя их из помещения, чтобы они побыстрее выполнили приказ.

- Такая же властная, как и Зоя, - пробурчал Джеспер, покорно следуя за Уайленом.

- Но с отличным слухом! - крикнула Женья.

Джеспер нашел шкатулку рядом с центральным бассейном. Та больше походила на маленький шкафчик, ее двойные дверцы закрывались на детально разработанную золотую защелку. Когда они вернулись в комнату с глиной, Жена указала Уайлену сесть рядом с окном, где освещение было лучше всего. Затем взяла его за подбородок и начала поворачивать лицо в разные стороны.

Джеспер поставил шкатулку.

- На что вы смотрите? - спросил он.

- На швы.

- Швы?

- Какой бы ни была хорошей работа портнихи, если сильно присмотреться, можно увидеть швы, место, где заканчивается одно и начинается другое. Я ищу признаки первоначальной структуры. Портрет помогает.

- Не знаю, почему я так нервничаю, - пробормотал Уайлен.

- Потому что она может налажать и придать тебе вид кудрявой ласки?

Женья подняла бровь огненного цвета.

- Может, полевки.

- Не смешно! - сказал Уайлен. Он так сильно сжал кулаки на коленях, что его костяшки побелели.

- Ладно, - вздохнула Женья. - Я могу попытаться, но ничего не обещаю. Работа Нины практически безупречна. К счастью, моя - тоже.

Джеспер улыбнулся.

- Вы напоминаете мне ее.

- Думаю, ты хотел сказать, что она напоминает тебе *меня*.

Женья начала раскладывать свои инструменты. Ее шкатулка была куда более сложной, чем та, которую использовала Нина. Там были и капсулы с краской, и баночки с цветным порошком, и ряды стеклянных стеллажей, наполненных чем-то похожим на прозрачный гель.

- Это клетки, - объяснила Женья. - Для подобной работы мне понадобится человеческая

ткань.

- Это ни капельки не мерзко, - прокомментировал Джеспер.

- Могло быть и хуже, - пожала плечами девушка. - Когда-то я знала женщину, которая втирала китовую плаценту себе в лицо в надежде, что это сделает ее моложе. Не говоря уж о том, что она делала со слюной обезьяны.

- Человеческая ткань - звучит восхитительно, - исправился Джеспер.

- И я так считаю.

Она закатала рукава, и Джеспер увидел, что ее руки и предлечья тоже покрывают шрамы, как и ее лицо. Ему трудно было даже представить, какое оружие могло так ее изуродовать.

- Ты пялишься, - сказала Женя, не глядя на него.

Джеспер подпрыгнул, и его щеки залились краской.

- Прошу прощения.

- Все нормально. Люди любят смотреть. Ну, не всегда. После нападения на меня все отказывались даже коситься в мою сторону.

Джеспер слышал, что ее пытали во время равкианской гражданской войны, но это не тема для вежливой беседы.

- Теперь я не знаю, куда смотреть, - признался он.

- Куда хочешь. Только не шуми, чтобы я не сотворила безобразного монстра из этого бедного мальчика. - Она рассмеялась при виде гримасы ужаса на лице Уайлена. - Шучу-шучу. Но не дергайся. Это медленная работа, так что тебе придется набраться терпения.

Она оказалась права. Процесс шел очень медленно, и Джеспер не был уверен, что вообще что-то происходит. Женя касалась пальцами кожи под глазами Уайлена или его век, затем отходила и изучала результат - которого, насколько мог судить стрелок, просто не было. Затем она тянулась к стеклянным стеллажам или баночкам, окунала во что-то свои пальцы, снова прикасалась к лицу Уайлена и отходила. Стрелок начал думать о своем. Он обошел комнату кругом, мокнул пальцы в глину, пожалел об этом, пошел на поиски полотенца. Но когда он посмотрел на Уайлена издалека, то увидел, что что-то поменялось.

- Работает! - воскликнул он.

Женя холодно покосилась на него.

- Естественно.

Периодически портниха останавливалась, потягивалась и давала Уайлену зеркало, чтобы он мог проконсультировать ее, что правильно и неправильно. Спустя час радужки Уайлена поменяли окрас с золотого на голубой, и форма его глаз тоже изменилась.

- Его брови должны быть уже, - прокомментировал Джеспер, заглядывая за плечо Жени. - Самую малость. И его ресницы были длиннее.

- Не знал, что ты уделял этому такое внимание, - пробормотал Уайлен.

Джеспер улыбнулся.

- Еще как уделял.

- О, славно, он краснеет! - воскликнула Женя. - Прекрасно для циркуляции.

- Вы тренируете фабрикаторов в Малом дворце? - поинтересовался Уайлен.

Джеспер нахмурился. Зачем ему поднимать эту тему?

– Конечно. На территории дворца есть школа.

– А что делать, если ученикам уже много лет? – продолжал парень.

– Гриша можно обучить в любом возрасте, – ответила Женя. – Алина Старкова не ведала о своих способностях до семнадцати лет, и она... она была одной из самых могущественных гришей, когда-либо существовавших. – Женя надела на левую ноздрю Уайлена. – Учиться легче, когда ты молод, но так всегда. Дети быстрее изучают языки. Математику.

– И они бесстрашны, – тихо произнес Уайлен. – Это другие люди рассказывают им об их пределах. – Уайлен встретился взглядом с Джеспером за плечом Жени и, словно бросая вызов им обоим, сказал: – Я не могу читать. – Его кожа мгновенно покрылась пятнами, но голос оставался твердым.

Женя пожала плечами.

– Это потому, что никто не тратил времени на твоё обучение. Многие крестьяне в Равке не умеют читать.

– Меня обучали многие люди. Испробовали различные методики. У меня были все возможности. Но я просто на это не способен.

Джеспер видел тревогу на его лице, видел, чего ему стоило произнести эти слова вслух. Из-за этого он почувствовал себя трусом.

– Похоже, ты и так неплохо справляешься, – ответила Женя. – Не считая твоей дружбы с уличными бандитами и стрелками.

Уайлен поднял брови, и Джеспер понял, что тот ждёт, пока стрелок заговорит, но он промолчал. «Это не дар, а проклятие». Парень вернулся к окну, внезапно глубоко заинтересовавшись видом улиц внизу. «Это то, что убило твою маму, ты это понимаешь?»

Женя работала над Уайленом и просила его подержать зеркало, чтобы тот подкорректировал изменения. Джеспер наблюдал за этим процессом какое-то время, затем поднялся вверх, чтобы проведать отца, а потом налил Жене чашку чая, а Уайлену – чашку кофе. Когда он вернулся в комнату с глиной, то чуть не выронил их из рук.

В последних лучах полуденного солнца сидел *Уайлен*, настоящий Уайлен, парнишка, которого он впервые увидел на том кожевенном заводе, потерянный принц, очнувшийся не в той сказке.

– Что скажешь? – поинтересовалась Женя.

Уайлен нервно возился с пуговицами своей рубашки.

– Это он, – кивнул Джеспер. – Наш свежеприготовленный беглый купчик.

Женя потянулась и сказала:

– Славно, а не то я бы сошла с ума, если бы провела ещё хоть минуту в этой воняющей глиной комнате. – Было ясно, что она устала, но её лицо сияло, янтарный глаз блестел. Вот как выглядели гриши, когда использовали свои способности. – Было бы лучше, если бы я взглянула на свою работу свежим взглядом утром, но мне нужно возвращаться в посольство. А завтра, ну... – девушка пожала плечами.

Завтра объявят об аукционе, и всё изменится.

Уайлен поблагодарил её и продолжал благодарить, пока она насильно не выпихнула их за дверь, чтобы отправиться на поиски Зои.

Джеспер и Уайлен молча поднялись на лифте обратно в номер. Джеспер заглянул в спальню и увидел, что его отец заснул, лежа поверх одеяла, его грудь дрожала от громкого храпа. На постели была раскидана куча бумаг. Джеспер собрал их в стопку –

цены на юрду, списки фермерских площадей за пределами городов в Новом Земе.

«Тебе необязательно прибираться за нами, пап».

«Кто-то же должен».

Уайлен зажигал лампы в гостиной.

– Ты голоден?

– Умираю с голоду, – ответил стрелок. – Но папа спит. Не думаю, что нам можно заказывать еду. – Он склонил голову, глядя на Уайлена. – Ты попросил ее приукрасить свою внешность?

Щеки купчика залились краской.

– Может, ты просто забыл, насколько я красив? – Джеспер выгнул бровь. – Ладно, ну, может, самую малость. – Парень присоединился к стрелку у окна, выходящего в город. На улицу опустились сумерки, и строгая шеренга фонарей вдоль канала ярко загорелась. По улицам разгуливали патрули городской стражи, а Обручи снова вспыхнули яркими цветами и звуками. Как долго они смогут прятаться в «Гельдреннере»? Джеспер задумался, не рыскали ли хергуды по городу в поисках гришей, заглядывая в дома, в которых те работали. Прямо в эту секунду шуханские солдаты могли окружать посольство. Или, может, этот отель. Могут ли они учуять гришей на пятнадцатом этаже?

Временами над Обручами взрывались фейерверки. Джеспера это не удивило. Он хорошо знал Бочку. Она всегда жаждала большего – денег, беспредела, насилия, похоти. Она страдала от тревоугодия, и Пекка Роллинс предложил Каза и остальную команду в качестве главного блюда.

– Я понял, что ты пытался там сделать, – сказал Джеспер. – Необязательно было рассказывать ей, что ты не умеешь читать.

Уайлен достал собственную миниатюру из кармана и положил ее на стол. На них смотрели серьезные голубые глаза маленького Уайлена.

– Ты знал, что Каз был первым человеком, которому я рассказал о моем... состоянии?

– Нашел кому.

– Знаю. Я чуть не захлебнулся этими словами. Очень боялся, что он начет издеваться надо мной. Или просто рассмеется. Но он этого не сделал. Разговор с Казом и встреча с отцом будто освободили что-то во мне. И я чувствую себя свободнее каждый раз, когда рассказываю об этом новому человеку.

Джеспер наблюдал, как под Зентсбриджем исчезла лодка. Она была практически пустой.

– Я не стыжусь того, что я гриш.

Уайлен провел пальцем по краю миниатюры. Парень ничего не говорил, но Джеспер видел, что ему хотелось.

– Ну, давай, – сказал он. – Выкладывай, о чем ты думаешь.

Уайлен посмотрел на него. Его глаза были ясного, чистого голубого цвета, который и помнил Джеспер – горное озеро, бескрайнее земенское небо. Женя хорошо справилась со своей задачей.

– Я просто этого не понимаю. Всю свою жизнь я скрывал то, что не способен на некоторые вещи. Зачем бежать от поразительных вещей, на которые ты *способен*?

Джеспер раздраженно пожал плечами. Он злился на своего отца почти по тем же причинам, о которых говорил Уайлен, но сейчас ему просто хотелось обороняться. Это его выбор, правильный или неправильный, но давно принятый.

– Я знаю, кем являюсь, в чем я хорош, что могу и не могу. Я просто... тот, кто я есть.

Великолепный стрелок, плохой игрок. Почему этого недостаточно?

– Для меня? Или для тебя?

– Не начинай философствовать, купчик.

– Джес, я думал об этом...

– Обо мне? Поздними ночами? Что на мне было?

– Я думал о твоих *силах*, – сказал Уайлен, краснея пуще прежнего. – Тебе никогда не приходило в голову, что твои способности гриша могут частично являться причиной твоей меткости?

– Уайлен, ты, конечно, милый, но в этой кудрявой головушке крутится слишком много безумных мыслей.

– Возможно. Но я видел, как ты манипулировал металлом. Видел, как ты направлял его. Что, если ты не промахиваешься, потому что контролируешь свои пули?

Джеспер покачал головой. Глупость какая! Он был хорошим стрелком, потому что вырос на границе, разбирался в оружии, потому что мама научила его ровно держать руку, очищать разум и чувствовать свою мишень так же хорошо, как видеть. Его мама. Фабрикатор. Гриш, даже если она никогда не использовала это слово. «*Нет. Дело в другом*». Но что, если он не прав?

Джеспер отмахнулся от этой мысли, чувствуя, как горит его кожа от желания двинуться.

– Вот обязательно тебе говорить на подобные темы? Зачем все усложнять?

– Потому что в этом нет *ничего* простого, – честно ответил Уайлен. В Бочке никто так не разговаривал. – Ты продолжаешь делать вид, что все нормально. Переключаешься на следующую драку или вечеринку. А что, по-твоему, случится, если ты остановишься? Чего ты боишься?

Джеспер снова пожал плечами. Затем поправил пуговицы на рубашке, коснулся пальцами револьверов. Когда он чувствовал себя подобным образом, сердито и растерянно, казалось, его руки начинали жить собственной жизнью. Его тело зудело от энергии. Ему нужно выбраться из этого помещения.

Уайлен опустил руку на его плечо.

– Остановись.

Джеспер и сам не знал, хотел ли он оттолкнуть парня или прижать его к себе.

– Просто остановись, – повторил он. – Дыши.

Уайлен твердо смотрел на него. Джеспер не мог отвести взгляда от этих голубых, как море, глаз. Он заставил себя замереть, сделал вдох, выдох.

– Еще раз, – потребовал Уайлен, и, когда Джеспер открыл рот, чтобы снова вдохнуть, Уайлен приблизился и поцеловал его.

Разум Джеспера опустел. Он не думал о том, что произошло раньше, или что будет потом. Все перестало существовать, кроме реальности: рта Уайлена, его мягких губ, тонких костей, шелковистых кудрей. Джеспер обхватил его затылок и притянул ближе. Вот тот поцелуй, которого он ждал. Это выстрел. Пожар в прериях. Поворот «Колеса фортуны». Джеспер чувствовал биение своего сердца, – или Уайлена? – колотящегося в груди, и единственная мысль, крутившаяся в его голове, была счастливым, удивленным: «O!»

Медленно и неминуемо, они отстранились друг от друга.

– Уайлен, – прошептал Джеспер, глядя в его круглые глаза небесного оттенка, – я очень надеюсь, что мы не умрем.

Нина

Нина пришла в ярость, когда узнала, что Женя перекроила не только Уайлена, но и Каза, а ей не довелось на это посмотреть.

Бреккер позволил портнихе поправить себе нос, убрать отечность на глазе, чтобы он мог видеть, и разобраться с худшими последствиями битвы на своем теле. Но на этом все.

– Почему? – поинтересовалась девушка. – Она могла бы...

– Она не знала, когда остановиться, – резко ответил Каз.

У Нины появилось подозрение, что Женя предложила ему вылечить ногу.

– Что ж, ты выглядишь как худший из бандитов Бочки, – пожаловалась она. – Мог хотя бы позволить ей убрать все остальные ушибы.

– Я и есть худший бандит Бочки. И если я не буду выглядеть так, будто только что одолел десятерых лучших крепышей Пера Хаскеля, то никто в это не поверит. А теперь приступай к работе. Нельзя устроить вечеринку, если никто не получит на нее приглашение.

Нина не особо ждала эту конкретную вечеринку, но следующим утром объявление разошлось по всем ежедневным газетам, висело на колоннах на восточном и западном входе в Биржу и было пришпилено к главным дверям Штадхолла.

Изложено оно было коротко и ясно:

«Кювей Юл-Бо, сын Бо Юл-Баюра, главный химик Без Жу, предоставляет свои услуги и готов наняться на службу, как того пожелает рынок и рука Гезена. Желающие принять участие в торгах приглашаются на свободный и справедливый аукцион, проходящий в соответствии с законами Керчии, правилами Торгового совета и под наблюдением Совета приливов в Церкви Бартера через четыре дня. Собрание в полдень. Да пребудет с нами священный Гезен, и пусть Его рука руководит торговлей».

Город уже буянил из-за комендантского часа, баррикад и блокад. Теперь слухи разносились по кафетериям и тавернам, меняясь и усиливаясь от салонов на улице Гельштрата и до трущоб Бочки. По словам нового босса отряда Отбросов Каза, люди жаждали любой информации о таинственном Кювее Юл-Бо, и его аукцион уже связали с ужасным нападением на Западный Обруч, когда было почти стерто с лица земли два дома удовольствий, и появилось множество сообщений о летающих людях. Инеж лично наведлась в шуханское посольство и вернулась с новостью, что там все утро приходили и уходили посыльные и что она видела, как сам посол прорвался на доки, чтобы потребовать у Совета приливов освободить один из шуханских кораблей.

– Он хочет послать за фабрикатом, чтобы изготовить золото, – сказал Джеспер.

– Какая жалость, что все гавани перекрыты, – вздохнул Каз.

Двери в Штадхолл были закрыты для посетителей, и, как сообщалось, Торговый совет объявил об экстренном собрании, чтобы решить, наложат ли они вето на аукцион. Это была проверка: поддержат ли они законы города или – учитывая, что они все-таки что-то знали о Кювее, – найдут повод отказать ему в его правах?

На вершине часовой башни Нина ждала вместе с остальными, наблюдая за восточным входом в Биржу. В полдень человек в черном костюме, явно купец, подошел к арке со стопкой документов. На него накинута толпа людей, вырывая брошюры из рук.

– Бедный малыш Карл Драйден, – сказал Каз. Видимо, он был самым молодым членом совета, и поэтому грязную работу доверили ему.

Через пару секунд Инеж ворвалась в двери номера, сжимая в руке брошюру. Невероятно! Нина смотрела прямо на толпу вокруг Драйдена, но ни разу ее не заметила.

- Они одобрили аукцион, - сказала она, вручая бумажку Казу, который передал ее по кругу.

Там было сказано следующее: *«Согласно законам Керчи, Торговый совет Кеттердама согласен выступить в качестве представителя Кювея Юл-Бо на законном аукционе его услуг. Да пребудет с нами священный Гезен, и пусть Его рука руководит торговлей».*

Джеспер шумно выдохнул и посмотрел на отца, покорно изучающего отчеты о сырьевых товарах и сценарий, который подготовили для него Каз с Ниной.

- Еще бы они не согласились. Не с моим везением.

Инеж опустила руку на его плечо.

- Еще не поздно изменить курс.

- Поздно, - вздохнул Джеспер. - Уже давно слишком поздно.

Нина ничего не сказала. Ей нравился Колм. Она заботилась о Джеспере. Но этот аукцион - их единственный шанс, что они доставят Кювея в Равку и спасут жизни гришей.

- Торговцы - идеальные фили, - хмыкнул Каз. - Они богаты и умны. Это значит, что их легко обвести вокруг пальца.

- Почему? - поинтересовался Уайлен.

- Богачам нравится верить, что каждое пенни заработано их трудом, но они забывают, что дело еще и в удаче. Умные всегда ищут лазейки. Способ обыграть систему.

- Тогда какого филию обмануть труднее всего? - полюбопытствовала Нина.

- Самые крепкие фили - это честные, - ответил Каз. - К счастью, у нас такие почти не водятся. - Он постучал по циферблату часов, указывая на Карла Драйдена, который все еще стоял у Биржи и обмахивался шляпой, пока толпа рассасывалась. - Драйден унаследовал состояние от отца. С тех пор он был слишком робким инвестором, чтобы существенно увеличить свое богатство. Он отчаянно нуждается в возможности проявить себя перед другими членами Торгового совета. И мы предоставим ему эту возможность.

- Что еще нам о нем известно? - спросила Нина.

Каз едва подавил улыбку.

- Нам известно, что его представляет наш хороший друг и любитель собак - Корнелис Смит.

Наблюдая за конторой Корнелиса Смита с раннего утра, Отбросы узнали, что адвокат весь день посылал гонцов к своим клиентам, собирая необходимые подписи и передавая важную информацию. Посыльным слишком хорошо платили, чтобы их подкупить - особенно если один из них оказался бы тем страшным и редким честным человеком.

В каком-то смысле им стоило поблагодарить Ван Эка за то, с какой легкостью Казу удалось расставить ловушки. Переодевшись в форму городских стражников, Аника и Пим безнаказанно остановили посыльных Смита, требуя предъявить документы, и обыскали их сумки. Документы внутри были конфиденциальными и запечатанными, но ребятам нужны были вовсе не они. Им нужно было всего лишь посадить пару семян, чтобы соблазнить юного Карла Драйдена.

- Порой хороший вор не просто отбирает, но и оставляет что-то после себя, - объяснил Каз.

Работая в паре со Шпектом, Уайлен создал штамп, который можно было прижать к задней части запечатанного конверта. От этого появлялось впечатление, что конверт впитал в себя чернила с другого документа, будто какой-то беспечный клерк оставил

бумаги во влажном месте. Когда посыльные доставят документы Драйдену, он, проявив любопытство, непременно хотя бы мельком посмотрит на слова, якобы отпечатавшиеся на его стопке бумаг. Там он обнаружит и в самом деле кое-что очень любопытное – письмо от одного из клиентов Смита. Его имя будет нечитабельно, но письмо определенно написано в стиле дознания: знает ли Смит что-то о фермере по имени Иоганн Ритвельд, главе консорциума керчийских и земенских производителей юрды? Он устраивает встречи в «Гельдреннере» с избранным количеством лиц. Можно ли добиться приглашения?

До объявления об аукционе Кювея эта информация не вызвала бы особого интереса. Зато после на подобных сведениях можно заработать целое состояние.

Еще до того, как они подкинули приманку в виде поддельного письма, Каз отправлял Колма на ужины в роскошный фиолетовый ресторан «Гельдреннера» с разными членами керчийского торгового и банковского сообщества. Колм всегда сидел на приличном расстоянии от других посетителей, заказывал дорогие блюда и общался с гостями на приглушенных тонах. Темы для разговоров были совершенно безобидными, – отчеты об урожае и процентные ставки – но никто в ресторане об этом не знал. Все это делалось на виду у обслуживающего персонала, чтобы когда Торговый совет начнет расспрашивать, как проводит свое время господин Ритвельд, они отвечали так, как того хотел Каз.

Нина принимала участие во всех встречах, играя роль переводчика господин Ритвельда – гриш-сердцебитка, пытающаяся найти работу после разрушения дома «Белой розы». Несмотря на то что она буквально обваливала себя в кофейном экстракте, чтобы сбить с толку хергутов, девушка чувствовала себя беззащитной, сидя в открытую в ресторане. Каз приказал Отбросам дено и ношно следить за улицами вокруг отеля, чтобы те сообщили, если на горизонте объявятся шуханские солдаты. Никто не забыл, что те охотились на гришей, и Нина может стать очень привлекательной мишенью, если шуханцы узнают об этих встречах. Потому что сердцебитка под действием парема может радикально изменить ход аукциона. Возможно, даже позволит им противостоять Совету приливов. Тем не менее Нина практически не сомневалась, что купцы, знающие о проживании Ритвельда в этом отеле, не станут болтать. Каз хорошо просветил ее о силе жадности, а эти люди старались не упустить ни одного кусочка прибыли.

Нина также оценила, насколько вдумчиво подошел Бреккер к выбору образа для Колма. Он все еще был одет как фермер, но Каз добавил несколько штрихов, чтобы усовершенствовать его внешний вид – дорогое пальто, начищенные ботинки, серебряная булава для галстука с небольшим украшением в виде необработанного аметиста. Это признаки процветания, и торговцы их непременно заметят и оценят – ничего слишком броского или кричащего, ничего, что могло бы вызвать подозрение. Купцам, как и большинству людей, нравилось думать, что это они обхаживают кого-то, а не их.

Что же насчет Нины, Женя предложила ей надеть роскошный красный кафтан из ее коллекции, а цвет вышивки они изменили с синего на черный. Размер Нины едва ли совпадал с Жениным, но им удалось распустить швы и вшить несколько дополнительных вставок. Девушке было непривычно снова надеть настоящий кафтан после стольких лет. Тот, который она носила в доме «Белой розы», был обычным костюмом, дешевым нарядом, чтобы произвести впечатление на клиентов. Этот же был настоящим, и его носили солдаты Второй армии. Сшит он из сырого шелка, покрытого красной краской, – на такую работу способен только фабрикатер. В праве ли она носить эту форму после всего, что произошло?

Когда Матиас увидел Нину, он замер, стоя в дверях номера, его голубые глаза были широко раскрыты от удивления. Так они и стояли в тишине, пока он наконец не выпалил:

– Ты чудесно выглядишь.

– Я выгляжу как твой враг.

– Одно другому не мешает. – Затем он просто протянул ей руку.

Нина переживала из-за того, что главная роль в их шараде досталась Колму. Он определенно был новичком, и во время первых встреч с банкирами и консультантами выглядел таким же зеленым, как его гороховый суп. Но с каждым часом его уверенность

росла, и в Нине зародилась надежда.

Тем не менее ни один член Торгового совета не пришел на встречу с Иоганном Ритвельдом. Может, Драйден не заметил отпечаток фальшивого документа, или решил проигнорировать эту информацию. Или же Каз просто переоценил его жадность.

А затем, всего за сорок восемь часов до аукциона, Иоганн Ритвельд получил письмо от Карла Драйдена, просившего о встрече в надежде обсудить деловые вопросы, которые могут принести пользу им обоим. Джеспер пытался вселить уверенность в отца, пока Каз инструктировал Анику и Пима. Если они хотят зацепить Драйдена на крючок, им нужно постараться, чтобы и другая крупная рыбка заинтересовалась приманкой. Нина и Колм, как обычно, пошли на утреннюю встречу в ресторане, и девушка сделала все возможное, чтобы успокоить его.

В одиннадцать часов она заметила, как в ресторан вошли двое мужчин в черных костюмах торговцев. Они не спрашивали у хозяина отеля, где найти Иоганна Ритвельда, а пошли напрямик к столу – верный признак того, что за ним наблюдали и собирали информацию.

– Они тут, – прошептала Нина Колму и тут же об этом пожалела, поскольку он тут же выпрямился и начал оборачиваться.

Девушка схватила его за руку.

– Посмотрите на меня. Спросите о погоде.

– Почему о погоде? – удивился тот, и на его лбу выступили бисеринки пота.

– Ну, если уж так хотите, можете спросить меня о последних моделях обуви. Мне просто нужно, чтобы вы вели себя естественно. – Она пыталась замедлить собственное сердцебиение, – раньше ей это удавалось без глупых дыхательных процедур – потому что Нина узнала человека, пришедшего с Драйденом. Это был Ян Ван Эк.

Они подошли к столу и сняли котелки.

– Господин Ритвельд?

– Да? – пропищал Колм. Не самое благоприятное начало. Нина незаметно пнула его под столом. Мужчина закашлялся. – Какое у вас ко мне дело, господа?

Во время их подготовки Каз настоял, чтобы Нина выучила все цвета и символы домов Торгового совета, и сердцебитка узнала их по булавкам для галстуков – золотая пшеница, связанная синей эмалевой лентой семьи Драйдена, и красный лавровый венок Ван Эка. Но даже не будь у того булавки, она бы узнала его из-за сходства с Уайленом. Девушка скептически посмотрела на лысеющую голову купца. Бедняге Уайлену придется потратиться на хорошее тонизирующее средство.

Драйден напыщенно прочистил горло.

– Я – Карл Драйден, а это многоуважаемый господин Ян Ван Эк.

– Господин Драйден! – воскликнул Колм с преувеличенным удивлением. – Я получил вашу записку. К сожалению, мой день полностью расписан.

– Может, вы могли бы выделить мне несколько минут на разговор?

– Мы не хотим тратить ваше время, господин Ритвельд, – сказал Ван Эк с изумительно симпатичной улыбкой. – Как и свое.

– Что ж, отлично, – вздохнул отец Джеспера, убедительно демонстрируя нежелание. – Прошу, присаживайтесь.

– Благодарю, – ответил Ван Эк, не переставая улыбаться. – Как мы поняли, вы представляете консорциум производителей юрды.

Колм огляделся, словно боялся, что их кто-то услышит.

- Вполне может быть. Где вы взяли информацию обо мне?

- Боюсь, я не имею право это разглашать.

- Он что-то скрывает, – сказала Нина.

Драйден и Ван Эк дружно нахмурились.

- Я узнал от капитана корабля, на котором вы приплыли, – ответил Ван Эк.

- Вранье, – выпалила Нина.

- Откуда вам знать? – начал сердиться Драйден.

- Я – гриш, – Нина театрально взмахнула рукой. – Мне известно все.

Отчего бы не развлечься?

Драйден тревожно закусил нижнюю губу, а Ван Эк недовольно признался:

- Возможно, эта информация попала в наши руки через контору Корнелиса Смита.

- Понятно, – произнес Колм с мрачным видом.

Нина едва ему не зааплодировала. Теперь торговцы заняли оборонительную позицию.

- Мы заинтересованы в том, чтобы присоединиться к вашему списку инвесторов, – сказал Ван Эк.

- Мне не нужны новые инвесторы.

- Как это? – пришел в недоумение Драйден. – Вы пробыли в городе меньше недели.

- По какой-то причине ветер поменялся. Я сам до конца этого не понимаю, но в последнее время все резко заинтересовались юрдой.

Ван Эк подался вперед и слегка прищурился.

- А вот это уже любопытно, господин Ритвельд. Как так вышло, что вы приплыли в Кеттердам в такое удачное время? Почему вдруг решили организовать консорциум юрды?

Ага, оборонительная позиция, как же! Но Каз хорошо вымуштровал Колма.

- Если вам так интересно, пару месяцев назад кто-то начал скупать плантации юрды вокруг Кофтона, но никто не мог установить его личность. Некоторые из нас догадались, что нужно ковать железо, пока горячо, и решили не продаваться ему, а начать собственное предприятие.

- Неизвестный покупатель? – поднял брови Драйден. Ван Эк позеленел.

- Да, – кивнула Нина. – Господину Ритвельду и его партнерам не удалось узнать, кто он такой. Но возможно, вам, господа, больше повезет. Ходят слухи, что он – керчиец.

Ван Эк откинулся на спинку кресла. Его бледная кожа стала липкой и заблестела. Власть за столом вновь переменилась. Меньше всего Ван Эку хотелось, чтобы люди разузнали, кто скупал плантации юрды. Нина снова нежно пнула Колма под столом. Чем меньше интереса они проявят к деньгам членов совета, тем активнее те будут пытаться их втюхать.

- На самом деле, – продолжил Колм, – если вам удастся что-то разузнать о нем, то вы сможете воспользоваться его услугами. Быть может, он еще ищет инвесторов.

- Нет, – немного резко ответил Ван Эк. – В конце концов, вы уже здесь и можете представлять наши интересы. Зачем тратить время и усилия на бессмысленные поиски? У каждого человека есть право искать выгоду.

- Тем не менее, – начал Драйден. – Возможно, этому инвестору было что-то известно о

ситуации с шуханцами...

Ван Эк бросил на него предостерегающий взгляд; ему определенно не хотелось, чтобы о делах совета беспечно трубили на всех углах. Юный купец быстро захлопнул рот, клацнув зубами.

Но затем Ван Эк сложил пальцы вместе и произнес:

– Нам, несомненно, стоит собрать всю возможную информацию. Я лично займусь исследованием по делу этого покупателя.

– Тогда, возможно, нам не стоит действовать так поспешно, – сказал Драйден.

«*Действительно робкий*», – подумала Нина. Затем увидела, как Аника подает им сигнал из вестибюля.

– Господин Ритвельд, к вам уже пришли на встречу. – Она многозначительно покосилась на центральный вход, где Ротти – прекрасно выглядевший в черном костюме торговца, – заводил группу мужчин в ресторан.

Ван Эк и Драйден переглянулись, увидев Йеллена Радмаккера, одного из самых богатых инвесторов во всей Керчии, прошедшего в вестибюль. На самом деле, как только им пришла записка от Драйдена с просьбой о встрече, несколько инвесторов были приглашены на презентацию земенских нефтяных фьючерсов, которая не имела никакого отношения к выдуманному Иоганну Ритвельду. Разумеется, Ван Эк и Драйден об этом не знали. Главное, чтобы они верили, что могут потерять возможность вложить деньги в прибыльное дело. Нина даже пожалела, что не сможет послушать, как Джеспер будет целый час разглагольствовать о рынке ресурсов.

Девушка в очередной раз пнула Колма под столом.

– Что ж, – спешно произнес он. – Мне пора идти, господа. Было приятно...

– Какова цена акций? – выпалил Драйден.

– Боюсь, на столь позднем этапе я не могу принять больше...

– Что, если мы вложимся вместе? – спросил Ван Эк.

– Вместе?

– Торговый совет полагает, что скоро цена на юрду изменится. До недавнего времени наши руки были связаны ролью государственных служащих. Но предстоящий аукцион дал нам возможность заняться новыми инвестициями.

– Это законно? – Колм нахмурил брови, выражая глубочайшую озабоченность.

– Конечно. Нам запрещено влиять на результат аукциона, но вложение в ваш фонд вполне в рамках закона и может быть взаимовыгодным для нас обоих.

– Я понимаю, какую выгоду принесет мой фонд вам, но...

– Вы встречались с разными инвесторами. А что, если Торговый совет станет вашим главным вкладчиком? Что, если этот фонд станет исключительно нашим? Совет представляет тринадцать самых древних и известных семей Керчии, с процветающими предприятиями и большим капиталом. Фермеры из вашего консорциума не могли и мечтать о таких партнерах.

– Я... не знаю, – ответил Колм. – Это, безусловно, привлекательно, но мне понадобится серьезная страховка, если мы подвергнем себя такому риску. Если совет внезапно передумает, мы потеряем всех инвесторов разом.

Драйден ошетинился.

– Ни один член Торгового совета не станет нарушать контракт. Мы закрепим его собственными печатями на глазах у судьи, которого вы выберете сами.

Нина так и видела, как крутились колесики в голове Ван Эка. Несомненно, некоторые фермеры в Новом Зеде *действительно* отказались продавать ему плантации. Теперь у него появилась возможность контролировать не только те поля, которые он приобрел, но и солидную часть тех, которые не удалось купить. Девушка также задумалась, не чувствовал ли он давления со стороны Торгового совета после того, как город потратил деньги на поиски его сына, отсюда и его желание преподнести им такой выгодный подарок.

– Дайте нам сорок восемь часов... – начал Ван Эк.

Лицо Колма источало сожаление.

– Боюсь, я должен закончить свои дела к завтрашнему вечеру. Я уже купил билет на корабль.

– Гавани закрыты, – сказал купец. – Вы никуда не уплывете.

Отец Джеспера направил на Ван Эка такой леденящий душу взгляд своих серых глаз, что волосы на руках Нины встали дыбом.

– У меня появилось отчетливое впечатление, господин Ван Эк, что вы мне угрожаете, и мне это не нравится.

Несколько секунд Ван Эк стоически не отводил глаз, но потом жадность взяла верх над ним.

– Значит, сутки.

Колм сделал вид, что колеблется.

– Хорошо, я согласен. Но обещаний давать не стану. Прежде всего я должен действовать в интересах консорциума.

– Разумеется, – кивнул Ван Эк, после чего встал и пожал ему руку. – Мы просим вас лишь повременить с окончательным решением и дать возможность убедить вас отдать нам фонд. Думаю, вы сочтете наше предложение очень щедрым.

Колм посмотрел в том направлении, куда ушел Радмаккер.

– Полагаю, это я могу сделать. Хорошего вам дня, господа.

Когда Нина повернулась, чтобы последовать за ним, Ван Эк вдруг окликнул ее:

– Госпожа Зеник.

– Да?

– Я слышал, раньше вы работали в доме «Белой розы», – его губы слегка изогнулись, словно даже произносить название этого заведения было сравнимо с развратом.

– Так и есть.

– Я также слышал, что его сердцебитка периодически сотрудничает с Казом Бреккером.

– Да, я выполняла поручения для Бреккера, – с легкостью призналась Нина. Лучше сразу переходить в наступление. Она взяла Ван Эка за руку и с удовольствием увидела, как тот отпрянул. – Но, прошу, поверьте, если бы я имела хоть *малейшее* представление о том, куда он увез вашего сына, я бы непременно рассказала властям.

Ван Эк напрягся. Он определенно не собирался уводить беседу в эту степь.

– Я... спасибо.

– Даже не представляю, какие страдания вы испытываете. Как Бреккеру вообще удалось и пальцем коснуться мальчика? – продолжила Нина. – Я-то думала, что ваша охрана...

– Уайлена не было дома.

- Нет?
- Он обучался в музыкальной школе в Белендте.
- А что его учителя говорят о похищении?
- Я... - Ван Эк нервно покосился на Драйдена. - Они тоже сбиты с толку.
- Возможно, он связался с плохой компанией?
- Возможно.
- Надеюсь, он не переходил дорогу Казу Бреккеру, - Нина передернулась.
- Уайлен не стал бы...
- Конечно, нет, - перебила она, встряхнув рукавами кафтана и приготовившись к выходу из ресторана. - Только дурак бы на это пошел.

Каз

Каз прекрасно видел, что Нина устала. Все устали. Даже у него не оставалось иного выбора, кроме как отдохнуть после драки. Тело перестало его слушаться. Он перешел невидимую границу и просто отключился. Каз не помнил, как заснул. Ему не снились сны. Он отдыхал в самой маленькой спальне номера, лежа на спине и прорабатывая детали своего плана, а в следующую секунду уже очнулся в темноте – в панике, и не имея понятия, где он и как сюда попал.

Когда он попытался включить светильник, то почувствовал острый укол боли. Легкие прикосновения Жени, когда она осматривала его раны, были сродни адским мучениям, но, возможно, стоило позволить портнихе подлатать его получше. Впереди ждала долгая ночь, да и замысел с аукционом отличался от всего, что он проворачивал раньше.

За то время, пока он был с Отбросами, Каз много чего повидал и услышал, но беседа со Штурмхондом в солярии была венцом всех его предыдущих афер.

Они подробно обсудили аукцион, что им потребуется от Жени, как, по мнению Каза, пойдут торги и по сколько будут набавлять. Бреккер хотел, чтобы равкианцы вступили в борьбу с пятьюдесятью миллионами, и подозревал, что шуханцы поднимут ставку на десять или даже больше миллионов. Ему нужно было знать, что Штурмхонд предан общему делу. Как только об аукционе объявят, обратного пути уже не будет.

Корсар был насторожен и настаивал, чтобы ему рассказали, как их наняли для работы в Ледовом Дворе, а также как им удалось найти и освободить Кювея. Каз предоставил ему достаточно информации, чтобы убедить, что Кювей в самом деле сын Бо Юл-Баюра. Но он не был заинтересован в разглашении механизма их замыслов и не собирался раскрывать корсару истинные таланты его команды. Кто знает, может, однажды ему захочется обокрасть и самого Штурмхонда.

Наконец тот разгладил лацканы своего бирюзового сюртука и сказал:

– Что ж, Бреккер, вы определенно размениваетесь только полуправдой или откровенной ложью, так что эта работа – как раз для вас.

– Есть еще кое-что, – начал Каз, изучая сломанный нос корсара и его рыжеватые волосы. – Прежде чем мы возьмемся за руки и дружно спрыгнем с обрыва, я хочу знать, с кем именно имею дело.

Штурмхонд изогнул бровь.

– Мы не ходили вместе в поход и не обменивались одеждой, но мне показалось, что наше знакомство прошло вполне цивилизованно.

– Кто вы на самом деле, корсар?

– Это экзистенциальный вопрос?

– Ни один хороший вор не разговаривает так, как вы.

– Вам не хватает широты взглядов.

– Я знаю, как выглядят богатые отпрыски, и не верю, что король послал бы обычного корсара разбираться с такими деликатными вопросами.

– Обычного! – фыркнул Штурмхонд. – Вы так хорошо разбираетесь в политике?

– Я хорошо разбираюсь в сделках. Кто вы такой? Либо вы расскажете правду, либо моя команда уходит.

– Вы уверены, что это возможно, Бреккер? Теперь я знаю, что вы задумали. Меня сопровождают два самых легендарных гриша в мире, да и сам я не лыком шит.

– А я – канальная крыса, которая вытащила Кювея Юл-Бо из Ледового Двора живым.

Дайте знать, когда оцените свои возможности. – У его команды не было нарядов или титулов, которые могли бы посоперничать с равкианцами, но Каз знал, на кого бы он поставил деньги, если бы они у него остались.

Штурмхонд завел руки за спину, и Каз заметил едва различимое изменение в его поведении. Из его глаз исчез веселый блеск, и появилась ошеломляющая тяжесть. Отнюдь не обычный корсар.

– Предположим, – начал Штурмхонд, направив взгляд на кеттердамские улицы внизу, – гипотетически, конечно, что у равкианского короля есть разведывательные сети, которые тянутся в самые глубины Керчии, Фьерды и Шухана, и он в точности знает, сколь важна роль Кювея Юл-Бо в будущем его страны. Предположим, что король не доверит общаться на такие темы никому, кроме себя, но он также знает, как опасно путешествовать под собственным именем, когда его страна переживает кризис, когда у него нет наследника и когда преемственность Ланцовых ничем не обеспечена.

– Значит, гипотетически, – кивнул Каз, – к вам следует обращаться «ваше величество»?

– И множеством более красочных званий. Гипотетически. – Корсар окинул его оценивающим взглядом. – Как именно вы узнали, что я не тот, за кого себя выдаю, господин Бреккер?

Каз пожал плечами.

– Вы говорите на керчийском как уроженец... богатый уроженец. А не тот, кто якшался с матросами и уличными головорезами.

Корсар слегка повернулся, полностью сосредотачивая взгляд на Казе. Его беспечность улетучилась, и теперь он выглядел как человек, способный руководить армиями.

– Господин Бреккер... Каз, если позволите? Я в уязвимом положении. Я – король, правящий страной с пустой казной и борющейся с врагами со всех сторон. В пределах Равки также есть силы, которые с радостью воспользуются моим отсутствием, чтобы заявить о своих притязаниях на трон.

– Другими словами, из вас выйдет идеальный заложник.

– Предполагаю, что цена за мой выкуп будет значительно скромнее, чем за голову Кювея Юл-Бо. Что является серьезным ударом по моей самооценке.

– Не похоже, чтоб вы страдали.

– Штурмхонд был творением моей юности, и его репутация до сих пор служит мне на руку. Я не могу торговаться за Кювея Юл-Бо в качестве короля Равки. Надеюсь, ваш план сработает, как вы его и задумали. Но если нет, потеря такого приза будет рассматриваться как унизительная дипломатическая и стратегическая ошибка. Либо я вступлю в торги как Штурмхонд, либо не вступлю вообще. Если это проблема...

Каз опустил руки на трость.

– До тех пор пока вы не пытаетесь обмануть меня, можете вступать хоть как Королева Фей Истамеры.

– Приятно, когда есть из чего выбирать. – Он снова посмотрел на город. – Как думаете, это сработает, господин Бреккер? Или я рискую судьбой Равки и миром гришей, положившись на честь и способности болтливого мальчишки?

– Ответ на оба вопроса – да. Вы рискуете страной. Мы рискуем собственными жизнями. По-моему, это честный обмен.

Король Равки протянул ему ладонь.

– Сделка есть сделка?

– Сделка есть сделка, – сказал Каз, и они пожали руки.

– Эх, если бы только мирные договоры заключались так же быстро, – вздохнул

Штурмхонд, и его беспечное корсарское поведение вернулось на место, как маска, купленная на Западном Обруче. – Я собираюсь купить себе выпивку и принять ванну. Слишком много грязи и убожества выпало на один день. Как сказал бунтарь принцу: «Это вредно для конституции». – Он смахнул невидимую пылинку с лацкана и медленно побрел из солярия.

Теперь Каз пригладил волосы и надел пиджак. Даже не верится, что жалкая канальная крыса смогла заключить сделку с самим королем! Искривленный нос придавал корсару вид человека, который часто ввязывался в драки. Возможно, так оно и было, но Каз подозревал, что Штурмхонд попросил портниху подправить его внешность. Трудно быть незаметным, когда твое лицо отчеканено на монетах. В конце концов, королевская кровь не имела значения. На самом деле Штурмхонд был крупным жуликом, и главное, чтобы он и его люди сыграли свою роль до конца.

Каз глянул на часы – уже было за полночь, позднее, чем ему бы хотелось, – и пошел на встречу с Ниной. Затем с удивлением обнаружил в коридоре Джеспера.

– Что стряслось? – спросил Бреккер, его разум сразу начал просчитывать все, что могло пойти не по плану, пока он спал.

– Ничего, – ответил стрелок. – По крайней мере, ничего нового.

– Тогда что тебе нужно?

Джеспер сглотнул и выпалил:

– Матиас отдал тебе остатки парема, так?

– И?

– Если что-то произойдет... на аукционе будут шуханцы, может, даже хергуды. Слишком многое поставлено на кон. Я не могу снова подвести отца, так что мне нужен парем. Как мера предосторожности.

Каз пару секунд изучал его.

– Нет.

– Это еще почему?!

Логичный вопрос. Отдать ему парем было бы умным, практичным решением.

– Для господина Фахи ты значишь гораздо больше, чем какой-то кусок земли.

– Но...

– Я не позволю тебе сделать из себя мученика, Джеспер. Если один из нас падет, падут все.

– Это мой выбор.

– Тем не менее решение принимаю я. – Каз направился в гостиную. Он не хотел спорить с Джеспером, особенно когда и сам толком не понимал, почему отказал ему.

– Кто такой Джорди?

Каз остановился. Он ждал этого вопроса, и все же ему было трудно слышать, как кто-то произносит имя брата.

– Человек, которому я доверял, – он оглянулся через плечо и встретился с взглядом серых глаз Джеспера. – Человек, которого я не хотел потерять.

Каз обнаружил Нину и Матиаса, спящих на диване в фиолетовой гостиной. Он понятия не имел, почему два самых крупных члена его команды выбрали для сна самое крохотное место. Парень ткнул в Нину тростью. Та отмахнулась, не открывая глаз.

– Проснись и сияй.

- Сгинь, – проворчала она, устраиваясь поудобнее на груди у Матиаса.

- Вставай, Зеник. Мертвые подождут, но я – нет.

Наконец она присела и обулась. Девушка сменила красный кафтан на плащ и штаны, которые надевала в крайних катастрофических случаях типа того, каким оказалась работа в Сладком Рифе. Матиас следил за каждым ее движением, но не напрашивался пойти с ними. Понимал, что его присутствие лишь увеличит риск рассекретить их.

В дверном проеме появилась Инеж, и они тихо направились к лифту. На улицах Кеттердама наступил комендантский час, но этого было не избежать. Им придется положиться на удачу и способности Инеж как разведчика, чтобы она вовремя предупредила их о городской страже.

Они вышли через черный вход и направились в производственный район. Медленно шли окольными путями вокруг баррикад, часто останавливались, а потом двигались перебежками, пока Инеж исчезала и появлялась, жестом приказывая им подождать, или махала рукой, чтобы они изменили маршрут, прежде чем снова испариться.

Наконец они прибыли в морг – ничем не примечательное серое каменное здание на границе складского района, с небольшим садиком, за которым давно никто не ухаживал. Сюда привозили лишь тела богачей, чтобы подготовить их к перевозке и захоронению за пределами города. В нем не было несчастной кучи человеческих тел, как на Барже Жнеца, но Казу все равно казалось, что он погружался в свой ночной кошмар. В голове звучал голос Инеж, эхом отражающийся от белого кафеля в ванной: «Продолжай».

В морге было пусто, его тяжелые железные двери крепко заперты. Каз взломал замок и оглянулся через плечо на шевелящиеся тени в заросшем бурьяном саду. Он не видел Инеж, но знал, что она там. Девушка останется приглядывать за входом, пока они займутся своими мрачными делами.

Внутри было зябко, помещение освещалось лишь синим фонарем трупосвета. За комнатой обработки находился длинный ледяной каменный зал, усеянный достаточно крупными ящиками, чтобы уместить в них тела. От этого места разило смертью.

Каз подумал о пульсе, бьющемся под челюстью Инеж, о тепле ее кожи под его губами. Затем отмахнулся от этой мысли. Не хотел, чтобы это воспоминание ассоциировалось у него с помещением, полным гнили.

Бреккеру так и не удалось избавиться от ужаса той ночи в кеттердамской гавани, от воспоминаний о трупe брата, за который он цепко хватался, пока заставлял себя плыть быстрее, сделать еще один вдох, держаться на плаву, выжить. Он нашел путь на берег, посвятил себя мести за себя и Джорди. Но кошмары отказывались уходить. Каз был уверен, что со временем они пройдут и станет легче. Он перестанет думать дважды, прежде чем пожать кому-то руку или зайти в тесное помещение. Вместо этого обстоятельства ухудшились до такой степени, что он едва мог задеть кого-то на улице, чтобы в очередной раз не окунуться в воспоминание о гавани. Он был на Барже Жнеца, и его окружала смерть. Парень боролся с течением и цеплялся за скользкую, раздутую плоть Джорди, боясь утонуть.

Ситуация усугублялась. Как-то раз Горка слишком напился, чтобы работать в «Синем раю», и Казу с Чайником пришлось нести его домой. Они тащили его через шесть кварталов, и все это время его вес постоянно перемещался – то Горка заваливался на Каза, прижимаясь своей тошнотворной, вонючей плотью, то перекидывался на Чайника, ненадолго освобождая Бреккера, хоть тот до сих пор чувствовал прикосновение волосатой руки к своей шее.

Позже Чайник обнаружил Каза, дрожащего и покрытого потом, когда тот обнимал унитаз. Он свалил все на пищевое отравление, стуча зубами и толкая ногой дверь, чтобы не пустить Чайника. Он не выдержал бы еще одного прикосновения или окончательно потерял бы рассудок.

На следующий день он купил свои первые перчатки – дешевые черные тряпки, которые красили кожу всякий раз, когда намокали. В Бочке слабость могла привести к гибели. Люди чуяли ее, как кровь, и если Каз намеревался опустить Пекку Роллинса на колени,

то не мог позволить себе еще одну ночь проторчать в туалете, трясясь на полу.

Каз никогда не отвечал на вопросы о перчатках и игнорировал подколки. Просто носил их изо дня в день, снимая лишь тогда, когда оставался один. Парень убеждал себя, что это временное явление. Но перчатки не остановили его, не помешали научиться каждому карточному фокусу. Он тасовал и управлял колодой даже проворней, чем с голыми руками. Перчатки, как дамба, сдерживали воду, не давая ему утонуть, если воспоминания о той ночи грозили утащить его на дно. Когда он надевал их, то чувствовал себя вооруженным, и они были лучше любого ножа или пистолета. До встречи с Имоджен.

Ему было четырнадцать, и на то момент он еще не успел стать лейтенантом Пера Хаскеля, но зарабатывал себе репутацию с каждой дракой и аферой. Имоджен была на год старше него, новенькой в Бочке. Она работала со своей командой в Зирфорте – проворачивала небольшие махинации, которые, по ее словам, ей быстро наскучили. С тех пор как девушка приехала в Кеттердам, она околачивалась в Обручах, нанимаясь на мелкую работу и пытаясь выбить себе местечко в одной из банд Бочки. Когда Каз встретил ее, Имоджен как раз разбивала бутылку об голову парня из Портowych Лезвий, позволившему себе распустить руки. Затем она снова появилась на боксерских поединках, где по поручению Пера Хаскеля Каз принимал ставки. У нее были веснушки, щель между передними зубами, и она умела постоять за себя в драке.

Однажды ночью они были у ринга и считали свой улов за день, Имоджен коснулась рукава его пальто, и, когда парень поднял взгляд, она медленно улыбнулась, не размыкая губ, чтобы он не увидел щель между зубами.

Позже, лежа на бугристом матрасе в комнатухе, которую он делил с другими в Клепке, Каз смотрел на протекающий потолок и думал о том, как Имоджен улыбнулась ему, как ее брюки низко сидели на талии. Девушка всегда двигалась бочком, словно ко всему подходила со стороны. Ему это нравилось. Она ему нравилась.

В Бочке тела не считались чем-то сокровенным или загадочным. Места было мало, так что люди пользовались любой подвернувшейся возможностью получить удовольствие. Другие парни из Отбросов постоянно хвастались своими пассиями. Каз ничего не говорил. К счастью, он почти любую тему оставлял без комментариев, поэтому его постоянство сработала на руку. Но он знал, что должен сказать, чего должен хотеть. Временами ему действительно этого хотелось, вспышками, короткими периодами – когда девушка переходила улицу в кобальтовом платье, соскользнувшем с плеча, когда танцовщица двигалась как язычок пламени в представлении в Восточном Обруче, когда Имоджен смеялась, словно он рассказал самую забавную шутку в мире, хотя он почти ничего не говорил.

Парень согнул пальцы в перчатках, прислушиваясь к храпу соседей по комнате. *«Я смогу пересилить это»*, – убеждал он себя. Он сильнее своей болезни, сильнее напора воды. Когда ему нужно было изучить технику работы в игорном доме, он это сделал. Когда он решил обучиться финансам, то и с этим быстро справился. Каз подумал о медленной улыбке, расплывающейся на губах Имоджен, и принял решение. Он одолеет эту слабость, как одолевал все на своем пути.

Начал с малого – жестов, которые никто не заметит. Раздавал карты в «Ежевике на троих» без перчаток. Проспал всю ночь, спрятав их под подушку. Затем Пер Хаскель отправил его с Чайником слегка проучить бестолкового вышибалу по имени Бени, который задолжал ему денег. Парни загнали его в переулок и, когда Чайник попросил Каза поддержать Бени руки, он снял перчатки – обычная проверка, ничего сложного.

Как только он коснулся запястий вышибалы, его охватил прилив отвращения. Но он был готов и выдержал его, несмотря на холодный пот, выступивший на коже, когда он завел локти Бени за спину. Каз прижал его к себе, пока Чайник объяснял тому условия займа у Пера Хаскеля, подчеркивая каждое предложение ударом по лицу или животу.

«Я в порядке», – сказал себе Каз. – *Отлично справляюсь»*. Затем вода начала подниматься.

На сей раз волна была такой же высокой, как шпили Церкви Бартера; она нахлынула и потянула его вниз – тяжесть, от которой он не мог избавиться. В его руках был Джорди,

к нему прижималось гниющее, белое, как мел, тело брата. Каз оттолкнул его, пытаясь сделать вдох.

В следующую секунду он уже опирался на кирпичную стену. Чайник кричал на него, а Бени сбежал. Небо посерело над головой, вонь переулка заполнила ноздри – пепел, мусор, гниющие овощи, мощный запах старой мочи.

– Какого черта, что это было, Бреккер?! – кричал Чайник. Его лицо исказилось от ярости, нос забавно посвистывал. – Ты просто отпустил его! А если бы у него был при себе нож?

Каз лишь смутно осознавал, что тот говорит. Бени едва его коснулся, но каким-то образом без перчаток ему становилось гораздо хуже. Прикосновение кожи, податливость чужого человеческого тела, находящегося так близко к нему.

– Ты вообще слушаешь меня, жалкий, тощий маленький скив?! – Чайник схватил его за рубашку, задев костяшками шеи Каза, и по нему пронеслась очередная волна тошноты. Напарник тряс его, пока у парня не клацнули зубы.

Поскольку Бени избить не удалось, Чайник сорвал всю злость на Казе и бросил его, окровавленного, в подворотне. Нельзя давать слабинку или отвлекаться на работе, особенно когда на тебя рассчитывает напарник. Каз сжал кулаки в рукавах, но ни разу не нанес ответный удар.

У него ушел почти час, чтобы выползти из того переулка, и недели, чтобы восстановить свою репутацию. Любая промашка в Бочке могла привести к беде. Он нашел Бени и заставил того пожалеть, что его избил не Чайник. Надел печатки и больше не снимал. Ожесточился и боролся с удвоенной силой. Он перестал пытаться выглядеть нормальным, позволил людям увидеть блеск безумия внутри себя и гадать насчет остального. Если кто-то подходил слишком близко, то получал удар. Если кто-то осмеливался прикоснуться к нему, то он ломал им запястья или челюсть. «Грязные Руки» – так прозвали его. Бешеный пес Хаскеля. Ярость в нем продолжала бушевать, и вскоре он начал презирать людей, которые жаловались, умоляли, ныли о своих страданиях. «Давай покажу, как выглядит боль», – отвечал он, а затем рисовал картину кулаками.

На ринге, когда Имоджен вновь опустила ладонь на его рукав, Каз долго смотрел на нее, пока эта улыбка медленно не сползла с лица девушки. Она убрала руку. Отвернулась. Каз вернулся к подсчету денег.

Теперь он постучал тростью по полу морга.

– Давай побыстрее покончим с этим, – сказал Бреккер Нине, слыша громкое эхо своего голоса, отражающееся от камня. Ему хотелось как можно скорее убраться из этого места.

Они начали с противоположных сторон, изучая даты на ящиках и разыскивая трупы, которые будут в подходящем состоянии разложения. Одна только мысль об этом усилила напряжение в его груди. Казалось, что в горле зарождался крик. Но ведь это его разум состряпал план, который привел его в это место.

– Нашла! – воскликнула Нина.

Каз пересек зал и подошел к ней. Они замерли перед ящиком, и никто не спешил его открывать. Каз знал, что они оба видели множество трупов. Нельзя жить на улицах Бочки или служить во Второй армии, ни разу не повстречав смерть. Но это другое. Это – гниль и разложение.

Наконец Каз подцепил набалдашником трости ручку ящика и потянул. Тот оказался тяжелее, чем ожидалось, но все равно плавно открылся. Парень отошел на шаг.

– Ты уверен, что это хорошая идея? – спросила Нина.

– Я с радостью выслушаю идеи получше.

Девушка шумно выдохнула и сняла с трупа покрывало. Казу это напомнило змеиную линьку.

Мужчина был среднего возраста, его губы уже почернели от разложения.

В детстве Каз задерживал дыхание всякий раз, когда проходил кладбище, думая, что, если он откроет рот, что-то ужасное попадет внутрь. Зал накренился. Он попытался дышать неглубоко, заставляя себя вернуться в реальность. Растопырил пальцы в перчатках, почувствовал, как натянулась кожа, ощутил вес трости в ладони.

– Интересно, как он умер? – пробормотала Нина, глядя на серые складки на лице мертвого мужчины.

– В одиночестве, – ответил Каз, рассматривая кончики его пальцев. Их жевали. Крысы успели добраться до него прежде, чем тело обнаружили. Или же это был один из его питомцев. Каз достал из кармана запечатанный стеклянный контейнер, который украл из шкастунки Жени. – Бери все, что тебе надо.

Стоя на часовой башне над номером Колма, Каз осматривал свою команду. Город все еще был погружен во мрак, но вскоре наступит рассвет, и они разделятся: Уайлен и Колм пойдут в пустую пекарню, где будут ждать начала аукциона; Нина – в Бочку, со своим заданием, взяв с собой все, что необходимо; Инеж – в Церковь Бартера, чтобы занять позицию на крыше.

Каз спустится с Матиасом и Кювеем на площадь перед Биржей и встретится с вооруженной городской стражей, которая проведет их в церковь. Ему было любопытно, что же думал Ван Эк по поводу того, что его охрана будет защищать главного подонка Бочки.

Впервые за много дней он чувствовал себя в своей тарелке. Засада в доме Ван Эка потрясла его. Он не был готов, что Пекка Роллинс вступит в игру на своих условиях. Не был готов к стыду, к воспоминаниям о Джорди, вернувшимся с такой силой.

«Ты подвел меня, – отозвался голос брата в его голове, громче, чем обычно. – Ты снова позволил ему одурачить себя».

Каз назвал Джеспера именем брата. Грубая ошибка. Но, возможно, он хотел наказать их обоих. Теперь Каз был старше, чем Джорди, когда тот погиб от «чумы придворной дамы». Сейчас он мог оглянуться на прошлое и увидеть гордыню своего брата, его жажду быстрого успеха. *«Ты подвел меня, Джорди. Ты был старше. Ты должен был быть умнее».*

Он думал о вопросе Инеж: «Неужели вас некому было защитить?» Он вспомнил, как Джорди сидел рядом с ним на мосту, улыбающийся и живой, отражение их ног в воде внизу, стаканчики горячего шоколада, зажатые в их руках в варежках. *Мы должны были приглядывать друг за другом.*

Двое фермерских мальчишек, тоскующих по отцу и потерявшихся в чужом городе. Вот как Пекка Роллинс заслужил их доверие. Дело было не только в соблазне получить большие деньги. Он дал им новый дом. Переодетую жену, которая готовила им гюцпот, переодетую дочь, с которой Каз мог играть. Пекка Роллинс заманил их теплым очагом и обещанием жизни, которую они потеряли.

Это-то и уничтожило их в итоге: тоска по чему-то, чего уже никогда не вернуть.

Каз изучил лица людей, рядом с которыми он боролся и истекал кровью. Он врал им и выслушивал их ложь. Привел их в ад и вытащил обратно.

Бреккер опустил руки на трость, повернувшись к городу спиной.

– Все мы ждем разного результата от сегодняшнего дня. Свободы, отмщения...

– Кучи денег? – добавил Джеспер.

– Их будет сполна. Многие хотят нам помешать. Ван Эк. Торговый совет. Пекка Роллинс и его головорезы, несколько иностранных государств и большая часть этого покинутого святыми города.

- Это должно поднять наш боевой дух? - поинтересовалась Нина.

- Они не знают, кто мы на самом деле. Не знают, что мы сделали, чего добились вместе. - Каз постучал тростью по земле. - Так давайте же покажем им, что они не на тех напали.

Уайлен

Что я здесь делаю?

Уайлен склонился над раковиной и плеснул в лицо холодной водой. Всего через пару часов начнется аукцион. Они покинут номер отеля перед рассветом. Было крайне важно, чтобы, если кто-то будет искать Иоганна Ритвельда после аукциона, он увидел бы, что тот давно съехал.

Уайлен кинул последний взгляд на позолоченное зеркало в ванной. Лицо, смотревшее на него, снова стало знакомым, но кто он на самом деле? Преступник? Беглец? Паренек, который неплохо – более чем неплохо – разбирался во взрывчатке?

Я – сын Марьи Хендрикс.

Он подумал о своей матери – одинокой, брошенной вместе со своим неполноценным ребенком. Неужели она была недостаточно молода, чтобы родить достойного наследника? Знал ли его отец уже тогда, что захочет навсегда избавиться от любых доказательств существования Уайлена?

Что я здесь делаю?

Но он знал ответ. Только он может позаботиться о том, чтобы его отец получил по заслугам за свои злодеяния. Только он может освободить маму.

Уайлен изучал свое отражение в зеркале. Папины глаза. Мамины кудри. Ему нравилось временно побыть кем-то другим, забыть, что он – Ван Эк. Но больше он прятаться не намерен. С тех пор, как Прайор сомкнул руки на его горле, он пустился в бега. Или, возможно, это началось задолго до попытки убийства, в те дни, когда он сидел в кладовой или сворачивался на подоконнике за шторой, надеясь, что все забудут о его существовании, что нянечки просто пойдут домой, что его преподаватели так и не придут.

Отец хотел, чтобы Уайлен исчез. Исчез так же, как исчезла его мама. Долгое время Уайлен хотел того же. Но все изменилось, когда он пришел в Бочку, нашел свою первую работу, познакомился с Джеспером, Казом и Инеж, когда он наконец понял, что чего-то стоит.

Ван Эк не получит желаемого. Уайлен никуда не пропадет.

– Я здесь ради нее, – сказал он зеркалу.

Розовощекого мальчика, смотрящего на него, это явно не впечатлило.

Солнце только начало вставать, а Пим уже вел Уайлена и Колма через черный выход отеля и по ряду запутанных улочек к площади перед Биржей. В любой другой день пекарня на Берштрате была бы уже открыта, готовясь обслуживать торговцев, направляющихся на Биржу. Но аукцион изменил обычный порядок вещей, и пекарь закрыл магазин, возможно, надеясь занять местечко поближе, чтобы посмотреть на торги.

В течение долгой мучительной минуты они стояли у двери на пустынной площади, пока Пим возился с замком. Уайлен вдруг осознал, что уже привык к ловкости, с какой Каз вламывался в закрытые помещения. Дверь распахнулась с чересчур громким звяканьем, и они зашли внутрь.

– Ни траура, – сказал Пим. Затем исчез за дверью прежде, чем Уайлен успел ответить.

Стеллажи пекарни были пусты, но в воздухе все еще витал запах хлеба и сахара. Уайлен и Колм сели на полу, прижавшись спинами к полкам, и попытались устроиться поудобнее. Каз оставил им строгую инструкцию, и нарушать ее было не в интересах Уайлена. Иоганна Ритвельда больше никогда не должны видеть в городе, и Уайлен точно

знал, что сделает его отец, если обнаружит сына, плутающего по улицам Кеттердама.

Они сидели в тишине в течение нескольких часов. Колм задремал. Уайлен тихо напевал себе под нос мелодию, которая давно крутилась в его голове. Ей понадобятся ударные, что-то с «бах-бах-бах», как выстрелы.

Он осторожно выглянул в окно, увидел несколько людей, направляющихся к Церкви Бартера, скворцов, приземляющихся на площадь, и дальше, всего в паре сотен ярдов, вход в Биржу. Ему не нужно было уметь читать, чтобы распознать слова, выгравированные над аркой. Его отец цитировал их бесчисленное количество раз: «Enjent, Voorhent, Almhent». Трудолюбие, Честность, Процветание. С двумя из трех пунктов Ян Ван Эк хорошо справился.

Уайлен не заметил, что Колм проснулся, пока тот не сказал:

– Что заставило тебя соврать за моего сына в тот день в гробнице?

Парень опустил обратно на пол. Он тщательно подбирал слова.

– Наверное, я понимаю, каково это – совершать ошибки.

Колм вздохнул.

– Джеспер часто ошибается. Он безрассудный, глупый и склонный шутить не к месту, но... – Уайлен ждал. – Я хочу сказать, что от него много проблем, очень много. Но он того стоит.

– Я...

– И это моя вина, что он стал таким. Я пытался защитить его, но, возможно, тем самым взвалил на него что-то похуже всех опасностей, которые я видел. – Даже в тусклом утреннем свете, льющемся через окно пекарни, Уайлен заметил, каким усталым выглядел Колм. – Я тоже совершал крупные ошибки.

Уайлен нарисовал пальцем линию на полу.

– Благодаря вам у него есть к кому бежать. Независимо от того, что он сделал или что пошло не так. Думаю, это важнее всех ошибок.

– Видишь? Вот поэтому ты ему и нравишься. Знаю, знаю, это не мое дело, и я понятия не имею, хорошо ли он с тобой обращался. Скорее всего, он был сплошной головной болью. Но мне кажется, что ты положительно на него влияешь.

Лицо Уайлена залилось краской. Он знал, как сильно Колм любит Джеспера, видел это в каждом его жесте. Это что-то да значило, если он считал Уайлена подходящей компанией для своего сына.

Со стороны входа раздался какой-то звук, и они оба замерли.

Уайлен встал с колотящимся сердцем.

– Помните, – прошептал он Колму. – Не высовывайтесь.

Он прошел мимо печек к задней части пекарни. Здесь запахи усиливались, тьма была почти кромешной, но в комнате никого не было. Ложная тревога.

– Все нор...

Дверь распахнулась. Кто-то схватил Уайлена сзади. Его дернули за волосы, заставили открыть рот и засунули кляп. На голову натянули мешок.

– Привет, купчик, – сказал глубокий незнакомый голос. – Готов воссоединиться с папочкой?

Ему завели руки за спину и потащили через заднюю дверь пекарни. Уайлен споткнулся, едва держась на ногах и не видя, куда шагает. Парень упал, и его колени ударились о мостовую, но его тут же грубо подняли.

- Не заставляй меня нести тебя, купчик. Мне за это не платили.
- Сюда, - сказала какая-то девушка. - Пекка ждет в южной части собора.
- Стоять! - прозвучал еще один голос. - Кто тут у нас?

«Городская стража», - подумал Уайлен.

- Кто-то, кого советник Ван Эк будет очень рад видеть.
- Из команды Каза Бреккера?
- Просто будь хорошим мальчиком и передай ему, что в оружейной часовне его ждет подарок от Грошовых Львов.

Уайлен услышал шум толпы где-то неподалеку. Были ли они рядом с церковью? Через пару секунд его резко дернули вперед, и звуки изменились. Они зашли внутрь. Воздух похолодел, свет потускнел. Парня потащили по лестничным пролетам, его голени больно стучались о перила, а затем толкнули на стул и связали руки за спиной.

С лестницы прозвучали чьи-то шаги, потом звук открывающейся двери.

- Он у нас, - сказал все тот же баритон.
- Где?

Сердце Уайлена запнулось. «Вслух, Уайлен. Любой ребенок вдвое младше тебя может прочесть это без особых усилий». Он думал, что готов.

- Бреккер спрятал его в пекарне в паре кварталов отсюда.
- Как вы его нашли?
- Пекка приказал нам обыскать местность. Догадался, что Бреккер попытается выкинуть какой-нибудь фортель на аукционе.
- Несомненно, чтобы унижить меня, - сказал Ян Ван Эк.

С Уайлена сняли мешок, и он посмотрел в глаза своему отцу.

Тот покачал головой.

- Каждый раз, когда я думаю, что мое разочарование в тебе достигло крайней степени, ты убеждаешь меня в обратном.

Они находились в маленькой часовне, увенчанной куполом. На на стене висели картины, написанные маслом, где изображались сцены битвы и груды оружия. Должно быть, часовня была подарена семейством производителей оружия.

За последние пару дней Уайлен изучил схему Церкви Бартера, составляя карту ниш и альковов в крыше вместе с Инеж, делая наброски собора и пяти длинных пальцев с нефами руки Гезена. Он в точности знал, где находится, - в одной из часовен на вершине мизинца. Пол был укрыт ковром, дверь выходила на лестницу, а единственное окно открывалось на крышу. Даже не будь у него во рту кляпа, вряд ли бы его крики о помощи кто-то услышал, помимо картин. Позади Ван Эка стояли двое: девушка в полосатых брюках, пшеничные волосы сбриты с одной половины головы, и грузный парень в клетчатой рубашке и подтяжках. У них были фиолетовые повязки на руках, обозначающие, что их помощью заручилась городская стража. Под ними находилась татуировка Грошовых Львов.

Бандит ухмыльнулся.

- Хотите, чтобы я позвал Пекку? - спросил он Ван Эка.
- Нет нужды. Пусть следит за подготовкой к аукциону. Да и я бы предпочел справиться с этим лично, - Ван Эк наклонился. - Слушай сюда, мальчик. Призрак была замечена с членом Триумvirата гришей. Я знаю, что Бреккер работает с равкианцами. Несмотря на

все твои многочисленные недостатки, в тебе все равно течет моя кровь. Расскажи, что он планирует, и я позабочусь о тебе. Ты получишь денежное пособие. Будешь жить где-нибудь в комфорте и уюте. Сейчас я вытащу кляп. Если закричишь, я позволю друзьям Пекки сделать с тобой все, что пожелают, ясно?

Уайлен кивнул. Отец вытащил кляп из его рта.

Парень провел языком по пересохшим губам и плюнул в лицо Ван Эку.

Купец достал из кармана белоснежный платок с монограммой. На нем был вышит красный лавровый венок.

– Подходящий ответ от мальчишки, который едва может складывать фразы. – Он вытер слюну с лица. – Давай попробуем еще раз. Скажи мне, что задумал Бреккер с равкианцами, и я оставлю тебя в живых.

– Как оставил в живых маму?

Его отец едва заметно вздрогнул – марионетка, которую дернули за веревочки, а затем отпустили.

Ван Эк дважды сложил грязный платок и спрятал его. Затем кивнул парню с девушкой.

– Делайте все, что потребуется. Аукцион начнется меньше чем через час, и я хочу получить ответ к тому времени.

– Держи его, – сказал крупный Грошовый Лев девушке. Та подняла Уайлена на ноги, и парень достал кастет из кармана. – После этого он уже не будет таким симпатягой.

– Кого это волнует? – Ван Эк пожал плечами. – Просто следи, чтобы он оставался в сознании. Мне нужна информация.

Парень окинул Уайлена скептическим взглядом.

– Ты уверен, что хочешь доводить до этого, купчик?

Уайлен призвал всю свою браваду, которую перенял от Нины, мужество, которому научился у Матиаса, сосредоточенность, которую наблюдал у Каза, храбрость, которой учился у Инеж, и дикую, безрассудную надежду, которую взял от Джеспера, веру, что, несмотря на все преграды, они все равно победят.

– Я ничего вам не скажу.

Первый удар сломал ему два ребра. От второго он закашлялся кровью.

– Может, нам сломать тебе пальцы, чтобы ты больше не мог играть на своей чертовой флейте, – предложил Ван Эк.

«Я здесь ради нее, – напомнил себе Уайлен. – Я здесь ради нее».

Но, в конечном итоге, он не был Ниной, Матиасом, Казом, Инеж или Джеспером. Он был просто Уайленом Ван Эком. Он все им рассказал.

Инеж

Этим утром попасть в Церковь Бартера было не так-то и просто. Поскольку та находилась неподалеку от Биржи и Берсканала, ее крыша не соединялась ни с какой другой, а к приходу Инеж вход уже охранялся стражей. Но ее не зря называли Призраком, и она была создана для того, чтобы находить тайные местечки, углы и щели, куда никто и не думал заглядывать.

На время аукциона запрещалось входить в Церковь Бартера с оружием, так что ружье Джеспера нацепили ей на спину. Она выжидала в укрытии, пока не увидела, как группа городских стражников везет тележку с досками к огромным двойным дверям церкви. Инеж предположила, что это для ограждения вокруг сцены или нефов на пальцах. Сулийка дождалась, когда они остановятся, затем заправила капюшон под туннику, чтобы тот не волочился по земле, и скользнула под тележку. Девушка зацепилась за ось, зависнув в паре сантиметров над мостовой, и покатила прямо по центральному проходу. Прежде чем стража довезла ее до алтаря, она упала и перекатилась под скамейки, едва не попав под колеса.

Каменный пол леденит кожу живота. Инеж поползла вдоль церкви, после чего остановилась в конце прохода и метнулась за одну из колонн западной аркады. Сулийка перебежала от колонны к колонне, а потом скользнула в неф, ведущий к часовням большого пальца. Девушка снова начала передвигаться ползком, используя скамьи нефа в качестве прикрытия, поскольку не знала, где именно патрулирует стража, и не хотела попасться ей на глаза.

Добравшись до первой часовни, она поднялась по лестнице к оранжевой часовне над ней. Ее позолоченный алтарь был построен в форме ящиков с апельсинами и другими экзотическими фруктами. Его обрамляла картина кисти Де Каппеля, изображавшая семью купцов, одетых в черное, которая стояла на руке Гезена, парившей над цитрусовой рощей.

Инеж забралась на алтарь и прыгнула на купол часовни, уцепившись за него и повиснув чуть ли не вверх тормашками. Достигнув центра, она прижалась спиной к куполу поменьше, венчавшему большой, как шляпа. Хотя девушка и сомневалась, что кто-то сможет услышать ее отсюда, она дождалась, пока из собора раздадутся звуки пилы и удары молотка, после чего поставила ногу на одно из тонких стеклянных окон, освещавших часовню, и оттолкнулась. Со второй попытки стекло треснуло и выпало наружу. Инеж натянула рукав на ладонь, чтобы выбить оставшиеся осколки, и вылезла на вершину купола. Далее прикрепила веревку к окну и спустилась по боку купола к крыше нефа, где оставила ружье Джеспера. Не хотела, чтобы оно мешало ей держать равновесие.

Теперь она находилась на кончике большого пальца Гезена. Утренний туман только начал рассеиваться, но уже чувствовалось, что день выдастся жарким. Инеж пошла обратно вдоль пальца к крутым остроконечным шпильям главного собора и снова начала подниматься.

Это была наивысшая точка церкви, но Инеж хорошо ее знала, так что проблем не возникло. Из всех крыш Кеттердама верхушка собора была ее любимой. У девушки не было веских причин изучать ее вдоль и поперек. Было полно других мест, с которых она могла наблюдать за Биржей или Берсканалом, когда работа того требовала, но она всегда предпочитала Церковь Бартера. Ее шпили можно рассмотреть с любой улицы Кеттердама, медная крыша давно окрасилась в зеленый и пересекалась шипами с металлическим витиеватым орнаментом, тем самым предоставляя идеальные опоры для рук и множество мест для укрытия. Она напоминала странную серо-зеленую волшебную страну, которую никто в городе не видел.

Она была канатоходцем и сразу представила себе, как одна бежит по веревке между высокими шпилями. Кто осмелится бросить вызов самой смерти? Я! Скорее всего, Керчия бы посчитала акробатическое выступление на своем соборе богохульством. Если, конечно, Инеж не будет брать за него плату.

Сулийка установила взрывчатку, которую Каз назвал страховкой, в месте, которое выбрал Уайлен, пока они рисовали схему собора. Только Каз мог посчитать хаос мерой предосторожности. Бомбы шумные, но вреда от них мало. Тем не менее, если что-то пойдет не так и им понадобится отвлекающий маневр, они пригодятся.

Когда Инеж закончила, то спряталась в одном из металлических каркасов, выходящих на аспиду и широкий неф собора. Отсюда открывался отличный вид на аукцион, перекрываемый лишь чередой широких планок и решетчатой перегородкой между ними. Временами она приходила сюда, просто чтобы послушать органную музыку или молитвенную песню. Сидя высоко над городом, слушая зауки органа, отражающиеся от каменных стен, она чувствовала себя ближе к святым.

Акустика была достаточно хорошей, чтобы слышать каждое слово проповеди, но Инеж предпочитала игнорировать эту часть службы. Гезен – не ее бог, и у нее не было желания выслушивать лекции на тему, как ей лучше служить ему. Алтарь Гезена тоже не пришелся ей по вкусу – грубый, плоский кусок камня, вокруг которого был возведен собор. Некоторые называли его Первой Наковальной, другие – Ступкой, но сегодня его использовали как аукционный блок. От этого у Инеж скрутило желудок. Предположительно она была связанной договором и приехала в Керчию по собственной воле. По крайней мере, так говорилось в документах. В них не рассказывалась история ее похищения, ужас, который она испытала в чреве корабля работорговцев, как ее унижала Танте Хелен, мучительное существование в «Зверинце». Керчия была построена на торговле, но сколько людей здесь становилось товаром? Священник Гезена может стоять у алтаря и толкать пламенные речи против рабства, но сколько в этом городе было построено на налоги, которые выплачивали дома удовольствий? Сколько членов этой общины занимало парней и девушек, едва знавших керчийский, которые драили полы и складывали белье за гроши, чтобы выплатить долг, который никогда не становился меньше?

Если Инеж получит свои деньги, если добудет корабль, то сможет изменить порядок вещей. Если ей удастся пережить этот день. Она представила их всех – Каза, Нину, Матиаса, Джеспера, Уайлена, Кювея, который практически не имел власти над собственной жизнью, – сидящих бок о бок на канате с неустойчивым равновесием, их жизни связаны надеждой и верой друг в друга. Пекка будет рыскать по церкви внизу, и Инеж не сомневалась, что Дуняша пряталась где-то неподалеку. Она назвала бело-янтарную девушку своей тенью, но, может, она также была знаком, напоминанием, что Инеж не создана для такой жизни. Тем не менее было трудно не воспринимать этот город как свой дом; Дуняша здесь незваный гость.

Инеж наблюдала, как стража делает последний обход по нижнему этажу церкви, обыскивая все углы и часовни. Знала, что они могут послать парочку бравых ребят на крышу, но там было полно места, чтобы спрятаться, и если это будет необходимо, она просто скользнет обратно в купол часовни большого пальца и переждет, пока те уйдут.

Стражники распределилась по постам, и Инеж услышала, как капитан начал раздавать приказы, где рассаживать на сцене членов Торгового совета. Затем увидела университетского медика, которого привели, чтобы проверить состояние здоровья Кювея, и как стражник вкатил подиум, куда должен встать аукционист. Инеж охватило раздражение, когда она заметила нескольких Грошовых Львов, идущих по проходам вместе со стражниками. Они выпячивали грудь, наслаждаясь своей новой властью, размахивали фиолетовыми повязками городской стражи и смеялись. Настоящая городская стража выражала недовольство, и Инеж заметила, что минимум двое членов Городского совета наблюдают за происходящим с настороженностью. Думали ли они, что получили больше проблем, чем рассчитывали, позволив кучке бандитов из Бочки стать их представителями? Ван Эк начал этот танец с Роллинсом, но девушка сомневалась, что король Бочки долго позволит ему вести в этом танце.

Инеж посмотрела на горизонт, на гавани и черные обелисковые башни. Нина не ошиблась насчет Совета приливов. Похоже, те предпочли остаться в уединении в своих сторожевых башнях. Хотя, учитывая, что их личности не установлены, с тем же успехом они могли прямо сейчас сидеть в соборе. Девушка бросила взгляд на Бочку, надеясь, что Нина в безопасности, что большое сосредоточение городской стражи в церкви облегчит ей передвижение по улицам.

После полудня скамейки начали заполняться любопытными зрителями – торговцами в

грубых костюмах; зазывалами и вышибалами, пришедшими после ночной работы в Обруче и надевшими свои лучшие пестрые наряды, стайками купцов, в черном, явившихся в сопровождении жен, чьи бледные лица выделялись на фоне белых кружевных воротников, а волосы были собраны в косы, намотанные вокруг головы.

Далее шли фьерданские дипломаты. На них была бело-серебристая форма, а по бокам их охраняли дрюскели в черном – все с золотистыми волосами и кожей, отливающей золотом. От одного их размера уже бросало в дрожь. Инеж предположила, что Матиас должен знать некоторых из этих мужчин и мальчишек. Наверняка он служил с ними. Каково встретить их снова, когда на нем было клеймо предателя?

После них следовала земенская делегация с пустыми кобурами на бедрах – все оружие сдавалось у входа. Они были такими же высокими, как дрюскели, но не такими громадными; у некоторых кожа была бронзовой, как у Инеж, у других темно-коричневая, как у Джеспера, некоторые были с бритыми головами, другие – с толстыми косичками и пучками. Там, зажатого между последними двумя рядами земенцев, Инеж увидела Джеспера. В кои веки он не был самым высоким парнем в толпе, а в непромокаемом хлопковом плаще с поднятым воротником, прикрывающим подбородок, и шляпой, натянутой на уши, он был почти неузнаваем. По крайней мере, Инеж на это надеялась.

Когда явились равкианцы, гул в зале перерос в рев. Что толпа торговцев, купцов и головорезов Бочки думала об этом величественном международном собрании?

Предводителем равкианской делегации был мужчина в бирюзовом сюртуке, окруженный толпой солдат в голубой военной форме. Должно быть, это легендарный Штурмхонд. Он буквально излучал уверенность, прикрытый с флангов Зоей Назяленской и Женей Сафиной. Его походка была легкой и расслабленной, словно он расхаживал по одному из своих кораблей. Наверное, ей все же стоило познакомиться с равкианцами, когда была такая возможность. Сложно представить, сколькому она могла бы научиться за месяц в компании экипажа Штурмхонда!

Фьерданцы встали, и Инеж было подумала, что сейчас развернется драка, когда один из дрюскелей повернулся к равкианским солдатам, но тут два члена Торгового совета поспешили к ним с отрядом городской стражи.

– Керчия – нейтральная территория, – напомнил им один из купцов взволнованным и писклявым голосом. – Мы здесь собрались, чтобы торговаться, а не воевать.

– Любой, кто осквернит святость Церкви Бартера, будет исключен из торгов, – сказал второй, размахивая черными рукавами.

– Почему ваш король-слабак посылает на торги грязного пирата? – прошипел фьерданский посол, и его слова эхом прокатились по собору.

– Корсара, – исправил его Штурмхонд. – Полагаю, он надеялся, что моя привлекательность даст нам преимущество. Вам, как я вижу, крыть нечем.

– Самовлюбленный, расфуфыренный павлин! От тебя разит гришами.

Штурмхонд принял.

– Поразительно, как вам удалось еще что-то учуять во смраде льда и кровосмешения.

Посол побагровел, и один из его спутников торопливо оттащил его подальше.

Инеж закатила глаза. Эти ребята хуже боссов Бочки, устраивающих стычки в Обручах.

Ощетинившись и ворча себе под нос, фьерданцы и равкианцы заняли свои места по разные стороны прохода. Каэльская делегация вошла без особой помпезности. Но через несколько секунд публика снова была на ногах, когда кто-то крикнул: «Шуханцы!»

Все взгляды были прикованы к высоким дверям собора, и шуханцы плавно вошли внутрь – поток красных знамен с изображениями коней и ключей, оливковая форма, украшенная золотом. Они пошли по проходу с каменными лицами и остановились, когда шуханский посол сердито заспорил, что его делегация должна сидеть впереди и что равкианцам и фьерданцам отдали предпочтение, посадив их ближе к сцене. Были ли

среди них хергуды? Инеж подняла взгляд к светлому весеннему небу. Ей не нравилась мысль, что в любой момент ее может схватить крылатый солдат.

Наконец Ван Эк вышел из своего укрытия у сцены и пошел к проходу.

– Если вы хотели сидеть впереди, то стоило отказаться от театрализованного представления и прийти вовремя!

Шуханцы и керчийцы еще какое-то время ходили взад и вперед, пока наконец не расселись по местам. Остальная толпа роптала и обменивалась многозначительными взглядами. Большинство из них понятия не имели, сколько мог стоить Кювей, и лишь по слухам что-то знали о наркотике юрда-парем, а теперь гадали, чем же шуханский мальчишка мог привлечь таких крупных участников торгов. Несколько купцов, устроившихся на передних скамьях, намереваясь поучаствовать в аукционе, пожимали плечами и недоуменно качали головами. Эта игра определенно не была рассчитана на обычных игроков.

Церковные колокола ударили трижды, прямо за часовой башней «Гельдреннера». Наступила тишина. Торговый совет вышел на сцену. И тут Инеж увидела, как все дружно повернули головы. Большие двери церкви открылись, и внутрь зашел Кювей Юл-Бо, сопровождаемый Казом, Матиасом и вооруженным отрядом городской стражи. На Матиасе был обычный наряд торговца, но он все равно смотрелся как солдат на параде. С фингалом и треснутой губой Каз выглядел менее rispetабельно, чем обычно, несмотря на строгие линии своего черного костюма.

Все немедленно загалдели. Было трудно понять, кто орал громче всех. Самые разыскиваемые преступники города шагали по центральному проходу Церкви Бартера. При виде Каза Грошковые Львы, расставленные по собору, начали его освистывать.

Братья-дрюскели мгновенно узнали Матиаса и выкрикивали, как предположила Инеж, оскорбления на фьерданском.

Святость законов аукциона будет защищать Каза и Матиаса, вплоть до последнего удара молотка. Несмотря на это, оба выглядели так, будто ни капельки не волновались. Они шли с прямыми спинами и смотрели четко перед собой, охраняя Кювея с обеих сторон.

А вот парнишка явно трусил. Шуханцы выкрикивали снова и снова одно и то же слово: «шеяо, шейо». Что бы это ни значило, с каждым криком Кювей съеживался все больше.

Городской аукционист подошел к помосту и занял место на подиуме рядом с алтарем. Это был Йеллен Радмаккер, один из вкладчиков, которого они пригласили на дурацкую презентацию Джеспера о нефтяных фьючерсах. Благодаря своему расследованию, сделанному по просьбе Каза, Инеж узнала, что он абсолютно честный, набожный человек, что семьи у него нет, если не считать столь же благочестивой сестры, которая целыми днями драит полы общественных зданий во имя Гезена. Он был бледным, с густыми рыжими бровями и сгорбленной спиной, из-за чего напоминал огромную креветку.

Инеж осмотрела волнистые шпили собора, крыши нефов на пальцах, растущих из ладони Гезена. Никто так и не пришел проверить крышу. Это даже оскорбительно! Но, возможно, Пекка Роллинс и Ян Ван Эк приготовили ей иной сюрприз.

Радмаккер трижды яростно постучал молотком.

– Я требую порядка в зале! – взревел он. Шум померк до недовольного бормотания.

Кювей, Каз и Матиас поднялись на сцену и встали по местам у подиума. Они практически закрывали собой дрожащего от страха шуханца.

Радмаккер дождался абсолютной тишины и лишь тогда зачитал правила аукциона, за которыми последовали условия предлагаемого Кювеем контракта. Инеж глянула на Ван Эка. Каково ему стоять так близко к трофею, который он столь долгое время пытался заполучить? Выражение его лица было самодовольным, нетерпеливым. *«Он уже продумывает свой следующий шаг»*, – догадалась девушка. Пока Равка не назовет выигрышную ставку, – а как им это удастся, если их казна опустошена? – Ван Эк получит желаемое: секрет юрды-парема обрушится на мир. Цена юрды поднимется до

невообразимых высот, а с тайными личными холдингами и его вложением в консорциум юрды Иоганна Ритвельда Ван Эк разбогатеет так, как не смел и мечтать.

Радмаккер подозвал медика из университета – мужчину с блестящей лысиной. Тот пощупал пульс Кювея, измерил его рост, послушал легкие, осмотрел язык и зубы. Странное зрелище до ужаса напоминало Инеж о том, как ее щупала Танте Хелен на палубе корабля работоторговцев.

Медик закончил и закрыл аптечку.

– Пожалуйста, вынесите вердикт, – попросил Радмаккер.

– Парень совершенно здоров.

Радмаккер повернулся к Кювею.

– Вы согласны соблюдать правила этого аукциона и его результат?

Если Кювей и ответил, Инеж его не услышала.

Говори же!

Кювей попытался еще раз:

– Согласен.

– Тогда продолжим. – Медик спустился с помоста, и Радмаккер снова поднял молоток. – Кювей Юл-Бо дает добровольное согласие на аукцион и настоящим предлагает свои услуги за справедливую цену, как повелит рука Гезена. Все ставки принимаются в круге. Участникам торгов предписывается сохранять молчание, если только они не хотят предложить свою цену. Любое вмешательство в этот аукцион, любая недобросовестная ставка будут наказываться в полной мере по закону Керчии. Торги начнутся с одного миллиона круге. – Он ненадолго замолчал. – Во имя Гезена, да начнется аукцион.

И тогда механизм заработал. Инеж едва успевала следить за залпом чисел; ставки росли под каждый удар молотка Радмаккера, повторяющего предложенную сумму отрывистым стаккато.

– Пять миллионов круге! – крикнул шуханский посол.

– Пять миллионов, – повторил Радмаккер. – Кто предложит шесть?

– Шесть! – вмешались фьерданцы.

Выкрики аукциониста рикошетили от стен собора, как пули. Штурмхонд не спешил, позволяя фьерданцам и шуханцам поочередно выкрикивать цифры, а земенский делегат время от времени скромно поднимал цену, пытаясь замедлить ход торгов. Каэльцы тихо сидели на своих лавочках, наблюдая за происходящим. Инеж гадала, как много им известно и намеренно ли они отказываются торговаться, или же у них просто нет денег?

Люди не могли усидеть на местах и вставали. День и так выдался теплым, но активность в соборе, казалось, подняла температуру воздуха. Инеж видела, как участники аукциона обмахивали себя веерами, и даже находившиеся здесь в качестве арбитров члены Торгового совета, похожие на черно-белых сорок, начали промокать себе лбы.

Когда торги поднялись до сорока миллионов круге, Штурмхонд наконец поднял руку.

– Пятьдесят миллионов, – сказал он. В Церкви Бартера наступила оглушительная тишина.

Даже Радмаккер умолк, его равнодушие дало трещину, прежде чем он повторил:

– Пятьдесят миллионов круге от равкианской делегации.

Члены Торгового совета начали перешептываться, прикрыв рты ладонями, наверняка придя в восторг от комиссионных, которые они заработают на Кювее.

– Кто-нибудь еще хочет сделать ставку? – спросил Радмаккер.

Шуханцы принялись совещаться. Фьерданцы тоже, хотя их разговор больше походил на спор, нежели на обсуждение. Земенцы, похоже, просто ждали, что же будет дальше.

– Шестьдесят миллионов крюге! – объявили шуханцы.

Повышение на десять миллионов. Точно как Каз и предсказывал.

Следующими отозвались фьерданцы, предложив шестьдесят миллионов и двести тысяч. Было видно, что их гордость задевала столь небольшая надбавка, но земенцы, похоже, тоже настроились охладить пыл торгов. Они предложили шестьдесят миллионов и пятьсот тысяч.

Темп аукциона изменился, повышаясь медленнее, застряв на отметке ниже шестидесяти двух миллионов, пока наконец эта веха не была достигнута и шуханцы не начали терять терпение.

– Семьдесят миллионов! – крикнул шуханский посол.

– Восемьдесят, – сказал Штурмхонд.

– Девяносто. – Шуханцы уже не дожидались, пока Радмаккер повторит сумму.

Даже со своего места Инеж видела бледное, охваченное паникой лицо Кювея. Числа поднимались слишком высоко и слишком быстро.

– Девяносто один миллион, – запоздало попытался Штурмхонд замедлить темп.

Словно устав от этих игр, шуханский посол шагнул вперед и взревел:

– Сто десять миллионов крюге!

– Сто десять миллионов крюге от шуханской делегации, – громогласно произнес Радмаккер, его спокойствие пошатнулось от столь высокой суммы. – Кто-нибудь еще хочет сделать ставку?

Церковь Бартера притихла, будто все собравшиеся склонили головы в молитве.

Штурмхонд напряженно хихикнул и пожал плечами.

– Сто двадцать миллионов крюге.

Инеж так сильно закусила губу, что выступила кровь.

Бах! Массивные двери собора распахнулись. По нефу прокатилась морская волна, вспениваясь между скамейками, а затем исчезла в облаке пара. Возбужденное бормотание толпы обернулось испуганными криками.

Внутрь вошли пятнадцать человек в синих плащах, развевающихся, словно подхваченных невидимым ветром. Их лица скрывались в тумане.

Люди требовали вернуть им оружие; некоторые цеплялись друг за друга и кричали. Инеж увидела, как купец согнулся, лихорадочно обмахивая потерявшую сознание жену веером.

Неожиданные гости скользнули по проходу, их одежда покрылась медленной рябью.

– Мы – Совет приливов, – сказала низким и требовательным женским голосом фигура в синем плаще, стоящая впереди. Туман полностью окутывал ее лицо, клубясь под капюшоном постоянно смещающейся маски. – Этот аукцион – сплошной обман.

Из толпы раздалось изумленное бормотание.

Инеж услышала, как Радмаккер призвал всех к порядку, а затем инстинктивно отскочила влево, услышав тихий свист. Мимо нее пролетело крошечное круглое лезвие, задев рукав туники и отскочив от медной крыши.

- Это было предупреждение, - сказала Дуняша. Она сидела на витиеватом орнаменте одного из шпилей в тридцати шагах от Инеж, на голове у нее был капюшон цвета слоновой кости - яркий, как чистый снег под полуденным солнцем. - Я хочу смотреть тебе в глаза, когда приговорю тебя к смерти.

Инеж потянулась за кинжалами. Ее тень требовала ответа.

Матиас

Матиас даже не шевелился, глядя на хаос, воцарившийся в Церкви Бартера. Фьерданец остро осознавал, что позади него сидели члены совета – стоя ворон в черных костюмах, каркающих и старающихся перекричать друг друга. Только Ван Эк сохранял молчание, глубоко устроившись в кресле и сложив пальцы треугольником. На его лице была написана высшая степень удовлетворения. Матиас видел человека по имени Пекка Роллинс, опирающегося на колонну в восточной аркаде. Парень подозревал, что босс Бочки специально выбрал такое место, чтобы маячить перед глазами у Каза.

Радмаккер громко призвал всех к порядку, его светло-рыжие волосы подрагивали при каждом ударе молотка. Сложно сказать, что больше возмутило зал – вероятность того, что аукцион фиктивный, или появление Совета приливов. Каз заявлял, что никто не знал их истинные личности – а если уж Грязным Рукам и Призраку было не по силам разведать такую информацию, то другим и подавно. По всей видимости, последний раз Совет выходил на публику двадцать пять лет назад, чтобы выразить свой протест на предложение разрушить одну из обелисковых башен, на месте которой хотели построить новую верфь. Когда результат голосования вышел не в их пользу, то совет наслал на Ратушу гигантскую волну. Позже они реабилитировались, построив на старом месте новый Штадхолл, с меньшим количеством окон и более крепким фундаментом. Матиас гадал, привыкнет ли он когда-либо к подобным историям о могуществе гришей.

Это просто такое оружие. Его характер зависит от того, кто им управляет. Придется почаще напоминать себе об этом. Ненависть к гришам была настолько древней, что стала инстинктивной. От такого за ночь не избавишься. Вполне вероятно, что эта борьба продлится всю жизнь, как у Нины с паремом. К этому времени она как раз должна была приступить к выполнению своего задания в Бочке. Или же ее рассекретили и арестовали. Матиас обратился с мольбой к Джелю: «Оберегай ее, пока я не в силах».

Его взгляд метнулся к фьерданской делегации и дрюскелям, сидевшим в передних рядах. Большинство из них он знал поименно, а они, конечно же, знали его. Он просто чувствовал всю остроту их отвращения. Один мальчик с передней скамьи буквально испепелял его взглядом, дрожа от ярости. Его глаза – ледники, волосы такие светлые, что кажутся белыми. На какие раны надавили его командиры, чтобы зародить такой гнев? Матиас с достоинством выдержал его взгляд, принимая на себя удар его ненависти. Он не мог злиться на этого мальчика. Он и сам был таким. В конце концов парнишка со снежными волосами отвернулся.

– Аукцион утвержден законом! – воскликнул шуханский посол. – Вы не имеете права вмешиваться в процесс!

Проливные взмахнули руками. Через распахнутые двери хлынула новая волна и с ревом помчалась по проходу, выгибаясь дугой и замерев над головами шуханцев.

– Молчать! – потребовала главная проливная. Она подождала новых возражений, но их не последовало, и волна растеклась по полу, не причинив никому вреда, после чего заскользила обратно по проходу, как серебристая змея. – До нас дошли сведения, что этот аукцион – скомпрометирован.

Матиас покосился на Штурмхонда. Корсар изобразил легкое удивление, но даже со сцены было видно, что он напуган и взволнован. Кювей закрыл глаза и с трепетом нашептывал себе под нос что-то на шуханском. Матиас не мог сказать, что думал Каз. Он никогда этого не знал.

– Правила аукциона четкие, – продолжила проливная. – Ни контрактник, ни его представители не имеют права влиять на конечный результат. Все решает рынок.

Члены Торгового совета поднялись и начали собираться вокруг Радмаккера на сцене, требуя ответов. Ван Эк устроил целое представление, крича вместе с остальными, но когда он остановился рядом с Казом, Матиас разобрал его шепот:

– А я-то думал, что это мне придется раскрывать твой заговор с равкианцами. Но,

похоже, эта честь достанется проливным. – Его губы изогнулись в довольной улыбке. – Уайлен выдержал хорошую взбучку, прежде чем сдал тебя и твоих друзей, – сказал он, двигаясь к подиуму. – Даже и не подозревал, что у мальчишки есть стержень.

– Чтобы обмануть честных торговцев и забрать их деньги, был создан фальшивый фонд, – продолжала проливная. – Эти деньги были перенаправлены одному из участников торгов.

– Ну конечно! – воскликнул Ван Эк с напускным изумлением. – Равкианцы! Все мы хорошо знаем, что у них нет средств, чтобы участвовать в торгах на таком аукционе! – Матиас слышал по его голосу, насколько он наслаждался ситуацией. – Нам известно, сколько денег заняла у нас равкианская корона за последние два года. Они с трудом выплачивают проценты! У них нет ста двадцати миллионов крюге, чтобы делать ставки в открытом аукционе. Уверен, Бреккер с ними заодно!

Все участники вскочили с мест. Фьерданцы требовали правосудия. Шуханцы затопали ногами и начали стучать по спинкам скамей. Равкианцы находились посреди этого водоворота, окруженные со всех сторон врагами. Штурмхонд, Зоя и Женя стояли с гордо поднятыми головами.

– Сделай что-нибудь! – прорычал Матиас Казу. – Или нас ждут большие неприятности.

Лицо Каза оставалось бесстрастным, как всегда.

– Думаешь?

– Черт возьми, Бреккер! Ты...

Члены Совета приливов подняли руки, и церковь опять сотряслась с резонирующим грохотом. Через окна верхних балконов потекла вода. Толпа притихла, но вокруг раздавалось сердитое бормотание.

Радмаккер ударил молотком, пытаясь хоть частично восстановить свой авторитет.

– Если у вас есть доказательства против равкианцев...

Проливная перебила его, все так же скрываясь за туманной маской:

– Равкианцы не имеют к этому отношения. Деньги были переведены шуханцам.

Ван Эк часто заморгал, но затем быстро опомнился и сменил тактику.

– Что ж, значит, Бреккер заключил какую-то сделку с ними.

В ту же секунду шуханцы принялись громко все отрицать, но голос проливной был громче:

– Фальшивый фонд был создан Иоганном Ритвельдом и Яном Ван Эком.

Лицо купца побледнело.

– Это не так.

– Ритвельд – фермер, – выпалил Карл Драйден. – Я лично с ним встречался.

Проливная повернулась к Драйдену.

– Вы с Ван Эком были замечены на встрече с Ритвельдом в ресторане отеля «Гельдреннер».

– Да, но мы пришли ради фонда, консорциума юрды – честного делового предприятия.

– Радмаккер, – обратился Ван Эк. – Ты же был там. Ты тоже встречался с Ритвельдом.

Ноздри аукциониста раздулись.

– Я ничего не знаю о господине Ритвельде!

- Но я видел тебя! Мы оба видели тебя в «Гельдреннере»...

- Я пришел туда на презентацию земенских нефтяных фьючерсов. Она была довольно необычной, но что с того?

- Нет, - Ван Эк помотал головой. - Если в деле замешан Ритвельд, то за этим наверняка стоит Бреккер. Должно быть, он нанял фермера, чтобы обмануть совет.

- Каждый из нас прислушался к твоим рекомендациям и вложил деньги в этот фонд! - рассердился один из советников. - И теперь оказывается, что их больше нет?

- Мы ничего об этом не знали! - возразил шуханский посол.

- Это дело рук Бреккера, - не унимался Ван Эк. Его самодовольство испарилось, но хладнокровие осталось. - Этот мальчишка ни перед чем не остановится, чтобы унижить меня и честных людей этого города. Он похитил мою жену, сына, - купец указал на Каза. - Хочешь сказать, мне привиделось, как ты привел Элис на Гудмедбридж в Западном Обруче?

- Конечно, нет. Я забрал ее с рыночной площади, как вы и просили, - соврал Каз с уверенностью, которая убедила даже Матиаса. - Она сказала, что была в повязке и ни разу не видела своих похитителей.

- Чепуха! - отмахнулся купец. - Элис! - крикнул он в сторону западного балкона, где сидела молодая женщина, сложив руки на большом животе. - Скажи же им!

Элис покачала головой, широко открыв глаза от смятения. Затем прошептала что-то своей горничной, которая крикнула в ответ:

- На ее похитителях были маски, и они не снимали с нее повязку до самой площади.

Ван Эк раздраженно фыркнул.

- Что ж, моя охрана определенно видела его с Элис.

- Люди, которым вы платите? - скептически поинтересовался Радмаккер.

- Это Бреккер устроил встречу на мосту! Он оставил записку в домике на озере.

- Ага, - с облегчением выдохнул аукционист. - Вы можете показать ее?

- Да! Но... она не подписана.

- Тогда как вы узнали, что ее написал Каз Бреккер?

- Он оставил булавку для галстука...

- Свою булавку?

- Нет, мою, но...

- Значит, у вас нет доказательств, что это Каз Бреккер похитил вашу жену. - Терпение Радмаккера пришло к концу. - Дело о вашем пропавшем сыне такое же хлипкое? Весь город стоит на ушах, ищет его за огромное вознаграждение! Надеюсь, на его счет у вас больше доказательств.

- Мой сын...

- Я здесь, отец.

Все присутствующие посмотрели на арку у сцены. Уайлен стоял, прислонившись к стене. Его лицо было испачкано кровью, и он с трудом держался на ногах.

- Ради Гезена, - пробормотал Ван Эк себе под нос. - Хоть кто-нибудь здесь может выполнить свою работу до конца?

- Вы полагались на людей Пекки Роллинса? - задумчиво любопытствовал Каз своим

хриплым голосом.

– Я...

– А вы *уверены*, что это были люди Пекки? Тем, кто не живет в Бочке, трудно отличить льва от ворона. Эти животные так похожи...

Матиас ощутил огромное удовольствие, увидев, как Ван Эк постепенно начинает все понимать. Каз знал, что им никак не провести Уайлена в церковь, чтобы Ван Эк или Грошковые Львы об этом не узнали. Поэтому он подстроил похищение. Двое Отбросов, Аника и Киг, с фиолетовыми повязками и поддельными татуировками, просто подошли к городской страже со своим пленником и приказали позвать Ван Эка. Что он увидел, придя в часовню? Что его сына схватили два члена банды с отличительными знаками Грошковых Львов Пекки. Матиас даже не подозревал, что они так сильно изобьют его. Возможно, Уайлену стоило пораньше сделать вид, что он сломался.

– Помогите же ему! – крикнул Радмаккер офицеру городской стражи. – Вы что, не видите, что мальчик ранен?

Офицер помог Уайлену проковылять к стулу, пока медик спешил ему на помощь.

– Уайлен Ван Эк? – обратился Радмаккер. Тот кивнул. – Мальчик, в поисках которого мы перешерстили весь город?

– Я освободился, как только смог.

– От Бреккера?

– От Роллинса.

– Пекка Роллинс взял тебя в пленники?

– Да, несколько недель назад.

– Хватит врать! – прошипел Ван Эк. – Скажи им то, что рассказал мне. Расскажи о равкианцах.

Уайлен устало поднял голову.

– Я скажу все, что попросишь, отец. Только не позволяй им снова причинить мне боль.

Толпа дружно ахнула. Члены Торгового совета смотрели на Ван Эка с неприкрытым отвращением.

Матиас чуть не фыркнул.

– Нина давала ему частные уроки? – прошептал он.

– Может, он от природы талантлив, – ответил Каз.

– Бреккер – преступник! – прорычал Ван Эк. – За всем этим стоит он! Все вы не так давно видели его в моем доме. Он вломился в мой кабинет!

– Это правда, – поддакнул Карл Драйден.

– Конечно, мы были там, – согласился Каз. – Ван Эк пригласил нас в качестве брокеров сделки с Кювеем Юл-Бо. Обещал нам устроить встречу с Торговым советом. Но вместо этого Пекка Роллинс организовал нам засаду.

– Хотите сказать, что он нарушил добросовестные переговоры? – поинтересовался один из советников. – Это кажется маловероятным.

– Но мы также видели там Кювея, – отозвался другой, – хоть и не знали в то время, кто он такой.

– Я видел постеры с обещанием награды за шуханца, который соответствовал внешности Кювея, – сказал Каз. – Кто предоставил вам описание?

– Ну... – торговец замялся, и Матиас увидел, как в нем боролось подозрение и нежелание верить обвинениям. Купец повернулся к Ван Эку и спросил с надеждой в голосе: – Вы ведь не знали, что шуханец, которого вы описали, на самом деле Кювей Юл-Бо?

Карл Драйден начал мотать головой, не столько в знак отрицания, сколько с недоверием.

– Это Ван Эк подтолкнул нас вложить деньги в фонд Ритвельда.

– Ты сам этого хотел! – возразил тот.

– Я хотел начать расследование по делу тайного покупателя, приобретающего плантации юрды в Новом Земе. Ты сказал... – Драйден замолк, его глаза выпучились, рот приоткрылся. – Это был ты! Ты – тайный покупатель!

– Ну наконец-то, – пробормотал Каз.

– Вы же не думаете, что я мог обмануть собственных друзей и соседей, – произнес Ван Эк с мольбой в голосе. – В этот фонд вложены и мои деньги! Я потеряю не меньше, чем вы!

– Нет, если ты заключил сделку с шуханцами, – ответил Драйден.

Радмаккер снова стукнул молотком.

– Ян Ван Эк, как минимум ты растратил ресурсы этого города, выдвинув необоснованные обвинения. Как максимум ты злоупотребил своим положением в городском совете, пытался обмануть друзей и нарушил целостность этого аукциона. – Он покачал головой. – Аукцион был скомпрометирован. Его нельзя продолжать, пока мы не определим, сознательно ли кто-то из членов совета направлял деньги одному из участников.

Шуханский посол снова недовольно закричал. Радмаккер стукнул молотком.

Затем все произошло в одно мгновение. Три фьерданских дрюскеля кинулись к сцене, и городская стража поспешила перекрыть им дорогу. Шуханские солдаты начали проталкиваться вперед. Пролетные взмахнули руками. А потом, над всем этим, подобно безутешному крику скорбящей женщины, завывала чумная сирена.

Все резко умолкло. Люди замерли и подняли головы, прислушиваясь к этому звуку. Звуку, который они не слышали уже больше семи лет. Даже в Хеллгейте заключенные любили рассказывать о «чуме придворной дамы», последней сильной волне болезни, ударившей по Кеттердаму, о карантинах, лодках для больных, о том, как мертвые скапливались на улицах быстрее, чем телосборщики успевали собирать и сжигать их трупы.

– Что это? – спросил Кювей.

Уголки губ Каза приподнялись.

– Это, Кювей, звук, который издает смерть, когда приходит с визитом.

Через секунду звуки сирены заглушились воплями людей, проталкивающих к дверям церкви. Никто даже не заметил, когда прозвучал первый выстрел.

Нина

Колесо закрутилось, золотые и зеленые панели кружили так быстро, что сливались в один цвет. Затем оно замедлило ход и остановилось, и какое бы там ни выпало число, должно быть, оно оказалось удачным, раз люди так радостно завопили. В комнате игорного дворца было невыносимо душно, и голова Нины сильно чесалась под париком в форме колокола, который ничуть ей не шел. Довершало образ безвкусное платье. В кои веки Нине не хотелось привлечь внимание.

Девушка прошла незамеченной к первой точке на Западном Обруче, потом ко второй, а затем направилась в Восточный Обруч, делая все возможное, чтобы оставаться невидимой в толпе. Та сильно поредела из-за блокад, но людей ничто не остановит, когда дело касается удовольствий. Девушка заглянула в игорный дворец в паре кварталов к югу от этого. Ее работа на вечер почти закончилась. Каз вдумчиво отнесся к выбору заведений. Это будет ее четвертый и последний пункт назначения.

Улыбаясь и радуясь вместе с другими игроками, Нина открыла стеклянный контейнер в кармане и сосредоточилась на черных точечках внутри нее. Чувствовала исходящий от них холод, ощущение чего-то большего, чего-то инородного, вызвавшего к силе внутри нее. Девушка замешкала лишь на секунду, слишком хорошо помня зябкость морга, зловоние смерти. Она помнила, как стояла над трупом мужчины и сосредотачивалась на обесцвеченной коже вокруг его рта.

Раньше она использовала свои способности, чтобы заживлять или разглаживать кожу, придавать румянец щекам, но тогда Нина сконцентрировалась на тех гниющих клетках и направила тонкую оболочку омертвевшей плоти в стеклянную пробирку. Затем спрятала ее в черный бархатный мешочек, и теперь она стояла в этой шумной толпе, наблюдала за яркими цветами колеса и чувствовала вес этого мешочка, свисающего на серебряном шнурке с ее запястья.

Девушка наклонилась, чтобы сделать ставку. Одной рукой положила фишки на стол. Другой – открыла пробирку.

– Пожелайте мне удачи! – обратилась она к крупье, позволив открытому мешочку задеть его руку. Мертвые клетки высыпались на его пальцы и размножились на здоровой коже.

Когда он потянулся к колесу, его пальцы уже почернели.

– Ваша рука! – воскликнула женщина. – Вы чем-то испачкались.

Он потер руку об вышитый зеленый жилет, словно измазался в обычных чернилах или угольной пыли. Нина пошевелила пальцами, и клетки поползли по рукаву к вороту рубашки, расплываясь черным пятном на его шее, челюсти и вплоть до нижней губы.

Кто-то закричал, и игроки попятились от крупье, пока тот недоуменно оглядывался. Люди за другими столами раздраженно отвлеклись от своих карт и костей. Пит-босс и его прислужники уже шагали к ним, готовясь положить конец ссоре или любой другой проблеме, мешающей работе.

Скрывшись в толпе, Нина взмахнула рукой в воздухе, и клетки перепрыгнули на женщину в дорогих жемчугах рядом с крупье. На ее щеке появилось черное пятно – безобразный паучок, сползший по ее подбородку на лебединую шею.

– Олена! – закричал ее грузный спутник. – Твое лицо!

Олена зацарапала себе шею и побежала в поисках зеркала, а другие посетители с криками бросились врассыпную.

– Она коснулась крупье! Это передалось и ей!

– Что передалось?

– Прочь с дороги!

- Что здесь происходит? – требовательно спросил пит-босс, хлопнув растерянного крупье по плечу.

- Помогите! – взмолился тот, поднимая руки. – Со мной что-то неладное.

Пит-босс посмотрел на черные пятна на его лице и руках и быстро отошел, но было слишком поздно. Рука, которой он коснулся его плеча, стала безобразного темно-фиолетового оттенка, и мужчина тоже закричал.

Нина наблюдала за воцарившимся ужасом, виляющим по игорному залу, как сердитый пьяница. Игроки спешно кинулись к выходу, сбивая стулья и попутно собирая фишки, даже несмотря на угрозу смерти. Столы перевернулись, карты рассыпались, посуда разбилась об пол. Люди мчались к дверям, отталкивая друг друга с дороги. Нина пошла за ними, позволив толпе нести себя прочь из игорного зала напрямиком на улицу. В каждом месте, где она останавливалась, все проходило по одному и тому же сценарию – сначала страх медленно растекался по людям, а затем резко вырастал в полномасштабную панику. Наконец-то Нина услышала сирену. Ее волнообразный вой снизошел на Обруч, делаясь то громче, то тише, и эхом пронесся по крышам и мостовым Кеттердама.

Туристы недоуменно переглядывались, но местные – артисты, крупье, лавочники и игроки – переменялись за долю секунды. Каз предупредил ее, что они узнают этот звук и откликнутся на него, как нерадивые дети, которых звали домой строгие родители.

Керчия – изолированный от врагов остров, оберегаемый морями и огромным флотом. Лишь двух вещей столица боялась больше всего – пожара и болезни. Подобно тому, как огонь с легкостью распространяется по теснящимся крышам города, так и болезнь играючи передается от тела к телу, через гущу толпы и прижатые друг к другу жилые дома. Как и в случае со слухами, никто точно не знал, с чего она начиналась и каким образом так быстро распространялась, только то, что это случалось – через дыхание или прикосновение, по воздуху или каналам. Богачи страдали меньше, поскольку могли закрыться в своих величественных поместьях или садах, или же вообще уехать из города. Зараженных бедняков изолировали от общества в полевых госпиталях или на баржах за гаванями. Чуму не остановить деньгами или пушками. Чуму невозможно было ни в чем убедить, и у нее ничего нельзя было вымолить.

Только самые юные жители Кеттердама не помнили «чуму придворной дамы» и плавающие по каналам лодки для больных, где сидели телосборщики с длинными веслами. Те, кто пережил болезнь, потерял детей, родителей, братьев и сестер, друзей или соседей, помнили карантин, тот ужас, который вызывали самые обычные человеческие контакты.

Законы, касающиеся чумы, были просты и нерушимы: если прозвучит сирена, все частные лица должны вернуться домой. Офицеры городской стражи расходились по разным частям, раскиданным по городу, – таким образом не допускалось распространение заразы по всем полкам. Их выпускали только для того, чтобы остановить мародеров, и за столь рискованные операции офицерам платили тройной оклад. Торговля останавливалась, и лишь лодки для больных, телосборщики и медики могли вольно перемещаться по городу.

Я знаю, чего Кеттердам боится больше, чем шуханцев, фьерданцев и всех банд Бочки, вместе взятых. Каз все правильно рассчитал. Баррикады, блокады, проверка документов – обо всем этом забудут при угрозе чумы. Разумеется, на самом деле никто из этих людей не был болен, думала Нина, быстро шагая по гавани. Омертвевшая плоть распространялась по телам не дальше, чем желала сердцевитка. Позже им придется ее удалить, но никто не заболеет и не умрет. Максимум полежит пару недель в изоляторе.

Нина натянула капюшон и старалась не встречаться ни с кем взглядом. Хотя она и была причиной всего этого, а также знала, что чума – это выдумка, ее сердце все равно бешено колотилось, стуча галопом от творящейся вокруг истерии. Люди плакали, пихались и кричали, дерясь за место на плоскодонке. Хаос. Хаос, который сотворила она.

«Я это сделала, – с удивлением подумала Нина. – Я управляла трупами, кусочками костей и омертвевшими клетками». Как это ее характеризовало? Если у какого-то гриша когда-либо и были такие способности, она о них не слышала. Что о ней подумают

другие? Ее товарищи корпориалы, сердцебиты и целители? «Мы соединены с силой самого созидания, творения в сердце мира». Может, ей стоило устыдиться или даже испугаться. Но она не создана для стыда.

«Возможно, Джель погасил один свет и зажег новый». Нине плевать, был ли это Джель, святыне или бригада огнедышащих котят; мчась на восток, она вдруг впервые за долгое время почувствовала себя сильной. У нее не было отдышки, боль в мышцах притупилась. Девушка зверски проголодалась. Жажда парема казалась далекой, как воспоминание о настоящем голоде.

Нина горевала о своих прошлых способностях, о связи с миром живых. Ей претил этот теневой дар. Он казался обманом, наказанием. Но как жизнь связана со всем окружающим, так и смерть. Это была бесконечная быстрая река. Нина окунула пальцы в ее течение, держала в руке вихрь своей силы. Она – Королева Траура, и в ее водах ей никогда не утонуть.

Инеж

Инеж увидела, как дернулась рука Дуняши, и услышала звук, похожий на взмах крыла. Затем что-то отскочило от ее плеча. Девушка поймала серебряную звездочку прежде, чем та упала на крышу. На сей раз Инеж основательно подготовилась к встрече. Джеспер помог ей пришить новые подкладки из отельного матраца к тунике и жилетке. Годы на ферме, проведенные за штопкой рубашек и носков, научили его хорошо орудовать иглой. Инеж не собиралась и дальше играть роль игольницы для Белого Клинки.

Девушка рванула к своей противнице, ловко лавируя по крыше, где провела столько времени. Затем метнула в Дуняшу ее же звезду. Та с легкостью увернулась.

– Мои клинки меня не предадут, – заворчала она, словно на малое дитя.

Но Инеж и не нужно было попадать, достаточно было просто отвлечь ее. Она сделала вид, что метает очередной клинок, и пока Дуняша уворачивалась, сулейка оттолкнулась от металлического выступа справа от нее, дав инерции пронести ее мимо соперницы. Она двигалась пригнувшись, с кинжалами в руках, и разрезала голень наемницы.

Инеж мгновенно поднялась и отпрыгнула назад на один из витиеватых орнаментов церкви, при этом не сводя глаз с Дуняши. Но та просто расхохоталась.

– Мне нравится твой настрой, Призрак. Не припомню, когда в последний раз кто-то пролил мою кровь.

Дуняша прыгнула на один из завитков орнамента, и они оказались лицом к лицу с ножами наготове. Наемница замахнулась и ударила первой, но на этот раз Инеж не поддавалась инстинктам, с таким трудом вышколенным на улицах Кеттердама. Вместо этого она среагировала как истинная акробатка. Когда ждешь удара, не пытайся избежать его, а встретить с распростертыми объятиями.

Инеж прильнула к Дуняше, как партнер по танцу, используя движение соперницы, чтобы сбить ее с равновесия. Девушка снова взмахнула клинком, порезав вторую голень наемницы.

На сей раз Дуняша зашипела.

«Слаще, чем смех», – подумала Инеж.

Дуняша резко повернулась, крутясь на пальцах, как нож на кончике лезвия. Если она и чувствовала боль, то никак этого не показывала. В ее руках были зажаты два изогнутых клинка, которые двигались в прерывистом ритме, пока она преследовала Инеж по металлическому выступу.

Инеж знала, что ей ни в коем случае нельзя нарваться на эти клинки. «*Так нарушь ритм*», – сказала она себе. Девушка позволила Дуняше последовать за ней, капитулировала и попятилась назад по покрытию, пока не увидела тень высокого шпиля позади себя. Затем сделала вид, что уклоняется вправо, подначивая свою соперницу на нападение. Вместо того чтобы довершить финт и сохранить равновесие, Инеж упала. В ту же секунду она спрятала кинжалы и схватилась рукой за флерон, крутясь в другую сторону. Теперь флерон был между ними. Дуняша раздраженно фыркнула, когда ее клинки стукнули по металлу.

Инеж перескакивала со спирали на спираль, мчась по крыше к самым толстым металлическим выступам, следуя по горбатой спине собора. Казалось, словно она шла по плавнику какого-то огромного морского чудища.

Дуняша не отставала, и Инеж признала с некой долей уважения, что ее движения были столь же ловкими и грациозными, несмотря на кровоточащие голени.

– Будешь бежать до самого каравана, Призрак? Ты же знаешь, что это лишь вопрос времени, прежде чем все закончится и справедливость восторжествует.

- Справедливость?

- Ты - убийца и воровка. Меня избрали, чтобы избавить этот мир от таких людей, как ты. Деньги мне платит преступник, но я никогда не забирала невинную жизнь.

Это слово прозвучало диссонирующей ноткой в голове Инеж. Можно ли назвать ее невинной? Она жалела о совершенных убийствах, но совершила бы их снова, чтобы спасти себя и своих друзей. Она крала. Помогала Казу шантажировать хороших и плохих людей. Можно ли сказать, что решения, которые она принимала, были единственно верными?

Дуняша наступала, ее пламенные волосы вспыхнули на фоне голубого неба, кожа стала почти того же оттенка, что и одежда цвета слоновой кости. Где-то далеко под ними продолжался аукцион, и его участники ничего не ведали о разворачивающейся наверху битве. Здесь солнце светило так же ярко, как только что отчеканенная монета, ветер с тихим завыванием мчался по шпилям и выступам крыши. *Невинность*. Невинность - это роскошь, и Инеж не верила, что святые в ней нуждались.

Она снова достала кинжалы. «*Санкт-Владимир, Sancta-Алина, защитите меня*».

- Какие прелестные, - прокомментировала Дуняша, доставая два прямых длинных кинжала из чехлов на бедрах. - Я приделаю к своему новому ножу рукоятку из твоей берцовой кости. Для тебя будет честью служить мне после смерти.

- Я никогда не буду служить тебе, - процедила Инеж.

Дуняша прыгнула на нее.

Инеж держалась вплотную к девушке, делая все возможное, чтобы не позволить наемнице воспользоваться преимуществом длинных кинжалов. Теперь она сильнее, чем в их прошлую встречу на канате - отдохнувшая и сытая. Но она все еще девчонка, обученная на улицах, а не в башнях какого-то шуханского монастыря.

Ее первой ошибкой была слабая отдача. За это она поплатилась глубоким порезом на левом бицепсе. Лезвие распороло подкладку, и теперь сулейка с трудом удерживала кинжал в левой руке. Вторая ошибка заключалась в том, что она вложила слишком много сил в удар снизу. Подавшись вперед, Инеж почувствовала, как нож Дуняши задел ее ребра. На сей раз порез вышел легким, но не стоило терять бдительность.

Она попыталась забыть о боли и сосредоточилась на противнице, вспоминая слова Каза: «Ищи ее особенность. Они есть у всех». Но выпады Дуняши казались непредсказуемыми. Она одинаково хорошо орудовала как правой рукой, так и левой, не отдавала предпочтение определенной ноге и ждала до последней секунды, чтобы напасть, никоим образом не выказывая своих намерений. Таких, как она, единицы.

- Уже устала, Призрак?

Инеж не тратила сил на ответ. В то время как дыхание Дуняши оставалось ровным, Инеж чувствовала, что замедляется. Не намного, но достаточно, чтобы дать наемнице преимущество. Затем она увидела его - движение было еле заметным, но грудь Дуняши на секунду замерла, после чего девушка сделала выпад. Заминка, снова выпад. Ее особенность - в дыхании. Прежде чем нападать, она делала глубокий вдох.

«*Вот оно!*» Инеж увильнула влево и быстро нанесла удар кинжалом по боку Дуняши. «*Да!*» Инеж снова атаковала, и на рукаве Дуняши расцвело пятно крови.

Сулейка отступила и дождалась, пока девушка нападет. Наемница любила скрывать свои прямые намерения за лишними движениями - крутила ножами, устраивала показуху. Из-за этого ее было сложно прочесть, но *вот опять!* Быстрый вдох. Инеж прыгнула и провела левой ногой дугу, сбивая наемницу с ног. Это ее шанс. Сулейка подпрыгнула, используя собственную скорость и падение Дуняши, чтобы вонзить кинжал под кожаную защиту на груди девушки.

Когда она вытащила нож, на ее ладонь закапала кровь, и Дуняша изумленно закричала. Девушка уставилась на Инеж, прижав руку к груди. Ее глаза сузились. В них все так же не было страха, только острое, сильное негодование, словно Инеж испортила ей важную

встречу.

– Ты пролила королевскую кровь, – процедила Дуняша. – Хотя недостойна подобного дара!

Инеж едва не прониклась к ней жалостью. Дуняша в самом деле считала себя наследницей Ланцовых, и, возможно, так оно и было. Разве не об этом мечтала каждая девочка? Что однажды она проснется и окажется принцессой? Или будет благословенна волшебными способностями и величайшим предназначением? Может, такие люди и существовали. Может, эта девушка – одна из них. *Но как насчет всех остальных? Как насчет безродных и бесталанных, девочек-невидимок? Мы учимся держать голову так, словно на ней – корона. Мы учимся искать волшебство в обыденности.* Вот как выживали обычные люди, не избранные, без королевской крови в жилах. Даже если мир ничего тебе не должен, ты все равно от него что-то требуешь.

Инеж подняла бровь и медленно вытерла «королевскую» кровь об штаны.

Дуняша зарычала и кинулась на девушку, нанося рубящие и колющие удары одной рукой и зажимая рану второй, чтобы остановить кровотечение. Ее определенно учили драться и одной рукой. *«Но ей никогда не доводилось драться раненой, – поняла Инеж. – Видимо, монахи пропустили этот урок».* И теперь, когда она уязвима, ее предсказуемость стала даже более очевидной.

Они приблизились к краю главного выступа церкви. Здесь орнамент местами осыпался, но Инеж знала, где стоять безопасно, и с легкостью избегала нападений Дуняши, прыгая вправо и влево и наслаждаясь маленькими победами: там порез, тут удар. Это война на истощение, и наемница быстро теряла кровь.

– Ты лучше, чем я думала, – произнесла Дуняша с отдышкой, удивив Инеж своей откровенностью. Ее глаза помутнели от боли, рука на груди окрасилась алым и стала слизкой от крови. Тем не менее ее осанка была прямой и она держала равновесие. Они стояли всего в паре шагов друг от друга, замерев на высоком металлическом выступе.

– Спасибо, – сказала Инеж, но из ее уст это прозвучало как-то неискренне.

– Нет ничего постыдного в поединке с достойным соперником. Это значит, что еще есть чему поучиться и напоминает, что всегда нужно оставаться скромным. – Девушка опустила голову и убрала нож в ножны. Затем отдала честь, прижав кулак к сердцу.

Инеж настороженно ждала. А вдруг она говорила всерьез? В Бочке драки так не заканчивались, но наемница, несомненно, следовала собственному кодексу. Инеж не хотелось ее убивать, какой бы бездушной она ни казалась.

– Я знаю, что такое скромность, – сказала Дуняша, склоняя голову. – А ты узнаешь, что одни предназначены для служения, в то время как другие предназначены для правления.

Лицо Дуняши ожесточилось. Она разжала ладонь и сильно дунула.

Инеж увидела облачко красной пыли и отпрянула, но было слишком поздно. Глаза защипало. Что это такое?! Не важно. Она ослепла. Инеж услышала звук клинка, доставаемого из чехла, и почувствовала порез ножа. Затем попятилась вдоль выступа, с трудом сохраняя равновесие.

Слезы ручьями лились из глаз. Инеж попыталась вытереть пыль с лица. Дуняша превратилась в размытое очертание. Инеж выставила кинжал, стараясь создать преграду между ними, но снова почувствовала порез ножа наемницы на предплечье. Кинжал выскользнул из ее пальцев и звонко приземлился на крышу. *«Санкта-Алина, защити меня».*

Но, возможно, святые избрали Дуняшу своим исполнительным лицом. Может, несмотря на все молитвы и покаяния, ее судный день пришел?

«Я ни о чем не жалею», – внезапно осознала сулейка. Она выбрала свободную жизнь убийцы, а не тихую смерть рабыни, и не видела в этом ничего постыдного. Она отправится к святым с чистой душой и надеждой, что они ее примут.

Следующий удар пришелся по костяшкам пальцев. Инеж отступила на шаг, но поняла, что места почти не осталось. Дуняша хотела столкнуть ее с крыши.

– Я же предупреждала, Призрак. Я бесстрашна. В моей крови течет сила каждой королевы и завоевательницы, жившей до меня.

Нога Инеж нащупала край одного из металлических орнаментов, и тут ее осенило. Она не обладала опытностью или знаниями напарницы, как и роскошным белым одеянием. Она никогда не станет столь беспощадной, да и не очень-то хочет. Но Инеж знала этот город вдоль и поперек. Он был источником ее страданий и доказательством ее силы. Нравится ей это или нет, но Кеттердам – жестокий, грязный, безнадежный Кеттердам – стал ее домом. И она защитит его. Девушка знала его крыши так же, как знала скрипящие ступеньки Клепки, как мостовые и переулки Обруча. Она изучила каждый сантиметр этого города, как карту своего сердца.

– Девушка, которая не ведает страха, – выдохнула сулийка колеблющемуся силуэту наемницы перед собой.

Дуняша поклонилась.

– Прощай, Призрак.

– Так узнай же перед смертью, что значит страх. – Инеж шагнула в сторону, балансируя на одной ноге, когда ботинок Дуняши приземлился на один из осыпающихся кусков орнамента.

Не будь наемница раненой, возможно, она бы более внимательно осмотрелась вокруг. Не будь она такой нетерпеливой, то успела бы восстановить равновесие.

Вместо этого она поскользнулась и качнулась вперед. Инеж видела размытый образ Дуняши сквозь слезы. Она замерла на мгновение, – темный силуэт на фоне неба, пальцы нащупывают почву, руки тянутся в разные стороны, пытаюсь найти опору, – словно танцовщица перед прыжком, глаза и рот широко открыты от удивления. Даже сейчас, в свои последние секунды, она выглядела, как героиня сказки, предназначенная для величия. Бездушная королева, статуя, высеченная из слоновой кости и янтаря.

Дуняша упала молча, до последнего сохраняя дисциплину.

Инеж осторожно выглянула за край крыши. Далеко внизу кричали люди. Тело наемницы лежало, как белый цветок в разрастающемся багровом поле.

– Да принесешь же ты что-то больше, чем горе, в следующую жизнь, – пробормотала девушка.

Пора идти. Сирена еще не прозвучала, но Инеж знала, что опаздывает. Джеспер уже ее ждет. Она помчала по крыше собора, обратно к большому пальцу Гезена и часовне. Схватила веревку и ружье Джеспера из тайника между двумя кусками орнамента. Взявшись за купол и ныряя в оранжевую часовню, Инеж молилась лишь об одном – чтобы не опоздать. Но Джеспера нигде не было.

Сулийка вытянула шею, осматривая пустую часовню.

Ей нужно найти Джеспера. Сегодня Кювей Юл-Бо должен умереть.

Джеспер

Совет приливов явился во всей красе, и Джеспер невольно вспомнил о «Зверской Комедии». Что это было, как не спектакль, поставленный Казом, с беднягой Кювеем в главной роли?

Он подумал об Уайлене, который наконец-то отомстит за свою мать, об отце, ждущем в пекарне. Он сожалел об их ссоре. Хотя Инеж и настаивала, что им стоит разобраться между собой, Джеспер в этом сомневался. Он любил полномасштабные потасовки, а вот от обмена «любезностями» с отцом у него скручивало живот, как от испорченной овсянки. Они так долго *не* общались, что правда, казалось, разрушила какое-то заклятие – не проклятие, а добрую магию, ту, которая всех оберегала и могла защитить королевство под стеклянным куполом. Пока не появлялся какой-нибудь дурачок, как он, и не использовал эту симпатичную безделушку в качестве мишени.

Как только проливные пошли по проходу, Джеспер отошел от земенской делегации и направился к церковному большому пальцу. Шел медленно и держался спиной к стражникам, выстроившимся вдоль стен, делая вид, что пытается получше рассмотреть увлекательное представление.

Когда он дошел до арки, обозначающей вход в неф, то направился к главным дверям собора, словно надумал уйти.

– Отойдите, пожалуйста, – сказал один из офицеров, стараясь быть вежливым с иностранцем и в то же время вытягивая шею, чтобы увидеть, что творил Совет приливов. – Двери закрыты до конца аукциона.

– Мне нездоровится, – сказал Джеспер с легким земенским акцентом, хватаясь за живот. – Умоляю, выпустите меня!

– Боюсь, это невозможно, сэр. – «Сэр!» До чего же учтиво обращались к тем, кто не был крысой из Бочки.

– Вы не понимаете, – настаивал Джеспер. – Мне *срочно* нужно облегчиться. Вчера я ужинал в одном ресторане... «Кастрюля Стена»?

Стражник скривился.

– Каким ветром вас туда занесло?

– Его упоминали в одном из путеводителей. – На самом деле это был худший ресторан в Кеттердаме, но и самый дешевый. Поскольку тот работал сутками напролет и всем был по карману, «Стен» считался тем редким заведением, куда заходили как головорезы Бочки, так и офицеры городской стражи. Каждые пару недель кто-то жаловался на проблемы с желудком после «Стена» и его кастрюлей, позабытых святыми.

Охранник покачал головой и подал сигнал стражникам у арки. Один из них поспешил в их сторону.

– Этот бедняга ходил в «Стена». Если я выпущу его через передние двери, капитан непременно увидит. Можешь вывести его через часовню?

– Какой черт вас дернул пойти в «Стена»? – изумился второй стражник.

– Босс мне мало платит, – ответил Джеспер.

– Звучит знакомо, – хмыкнул офицер и повел его к арке.

Сочувствие, дух товарищества. «*Надо почаще притворяться туристом*, – подумал Джеспер. – *Можно и отказаться от парочки пестрых жилеток, если это обеспечит мне дружелюбие со стороны властей*».

Когда они проходили под аркой, Джеспер заметил встроенную в нее винтовую лестницу. Ступеньки вели к верхней аркаде, с которой открывался хороший вид на сцену. Они

обещали Кювею, что не бросят его одного в этом безумии, и пусть даже парень приносил много проблем, Джеспер не хотел его подводить.

Стрелок незаметно сверился с часами, пока они шли к часовням в конце пальца. К четвертому удару часов Инеж будет ждать его на куполе оранжевой часовни, чтобы отдать ружье.

– О-о-ох, – застонал Джеспер, надеясь, что стражник прибавит темп. – Не уверен, что смогу дотерпеть.

Офицер фыркнул от отвращения и пошел быстрее.

– Что же вы такое заказали, дружище?

– Блюдо от шеф-повара.

– *Никогда* не заказывайте блюдо от шеф-повара. Они просто разогревают все, что осталось с прошлого дня. – Они пришли к часовне, и стражник сказал: – Выйдете отсюда. На противоположной стороне улицы есть кофейня.

– Спасибо, – кивнул Джеспер и обхватил шею стражника удушающим захватом, пока его тело не обмякло. Затем снял с запястий кожаные резинки, связал офицеру руки за спиной и засунул ему в рот шарф. Тело спрятал за алтарем. – Сладких снов, – сказал парень. Ему было жалко стражника. Не настолько, чтобы будить его и развязывать, но все же.

Со стороны собора раздался взрыв, и он обернулся на длинный неф. Поскольку большой палец церкви был построен немного выше, чем собор, с его места виднелись лишь макушки зрителей на задних рядах, но, похоже, проливные устроили переполох. Джеспер снова глянул на часы и направился к лестнице.

Кто-то схватил его за воротник и отшвырнул назад.

Он больно приземлился на пол часовни, воздух выбило из легких. Его обидчик стоял у основания лестницы, глядя вниз золотистыми глазами.

Его одежда отличалась от той, что была на нем, когда он выходил из дома «Белой розы» в Западном Обруче. Теперь солдат-хергуд был одет в оливково-серую форму, туго обтягивающую широкие плечи. Его пуговицы блестели, а черные волосы были собраны в хвост, обнажая шею величиной с окорок. В общем и целом он выглядел так, как и положено оружию.

– Рад, что ты приделся к такому случаю, – прокряхтел Джеспер, пытаясь отдышаться.

Шуханский солдат сделал глубокий вдох, от чего у него раздулись ноздри, и улыбнулся.

Джеспер пополз назад. Солдат последовал за ним. Парень чертыхнулся себе под нос – совсем забыл взять у офицера пистолет! От такого было бы мало проку на большом расстоянии, но это лучше, чем ничего, когда на тебя надвигается великан.

Стрелок вскочил на ноги и побежал обратно по нефу. Если он доберется до собора... ему придется многое объяснить. Но шуханец не посмеет напасть на него посреди аукциона. Верно?

Узнать ему было не суждено. Солдат врезался в него сзади и повалил на пол. Собор казался невероятно далеко, шум от аукциона и Совета приливов тихим эхом отбивался от высоких каменных стен. *«Действие и эхо»*, – не к месту вспомнились ему слова Инеж, когда солдат перевернул его.

Джеспер трепыхался, как рыба на суше, пытаясь вывернуться из хватки хергуда и радуясь, что его телосложение напоминало цаплю на строгой диете. Ему снова удалось подняться на ноги, но, несмотря на свой размер, солдат оказался довольно быстрым. Он толкнул Джеспера к стене, и он вскрикнул от боли, гадая, все ли ребра целы. *«Тебе же лучше! Встряхнешь печень»*.

Его мысли путались после удара этого громилы.

Джеспер увидел, как тот замахнулся и как блеснул металл на его костяшках. *«Их вооружили латунным кастетом, – с ужасом понял он. – Его вставили прямо в руку!»*

Парень вовремя увильнул влево. Кулак солдата с громоподобным треском пришелся по стене за его головой.

– Склизкий, – сказал солдат с ужасным керчийским произношением. И снова глубоко вдохнул.

«Он учуял мой запах, – подумал Джеспер. – В тот день в Обруче. Ему плевать, что городская стража может нас услышать. Он вышел на охоту и нашел свою жертву».

Солдат снова замахнулся. Он собирался избить Джеспера до потери сознания и затем... что? Вынести двери часовни и потащить его по улице, как мешок с зерном? Передать одному из своих крылатых товарищей?

По крайней мере, тогда я уже точно никого не разочарую. Его накачают паремом до отвала. Может, он проживет достаточно, чтобы изготовить шуханцам новую партию хергудов.

Стрелок прыгнул вправо. Кулак солдата проделал очередную дыру в стене церкви.

Лицо громилы исказилось от ярости. Он схватил Джеспера за горло и замахнулся для последнего удара.

За эту секунду в голове Джеспера пронеслась тысяча мыслей: мятая шляпа отца, блеск револьверов с перламутровыми рукоятками, Инеж, стоящая прямо, как стрела. «Мне не нужно извинение». Как Уайлен сидел за столом в гробнице и жевал кончик большого пальца. «Любой сахар, – сказал он, а затем... – держите его подальше от пота, крови и слюны».

Химический долгоносик. Инеж оставила неиспользованные пузырьки на столе в кеттердамском номере. Он играл с одним, когда они ругались с отцом. Джеспер засунул руку в карман штанов и сомкнул ее на стеклянном пузырьке.

– Парем! – выпалил стрелок. Это единственное слово, которое он знал на шуханском.

Солдат остановился, его кулак замер в воздухе. Затем он склонил голову набок.

«Всегда бей туда, куда филя не смотрит».

Джеспер театрально приоткрыл губы и сделал вид, что засовывает что-то в рот.

Глаза хергуда расширились, и его хватка ослабла, когда он попытался отпихнуть руку Джеспера. Солдат издал звук, похожий на кряхтение или же на попытку возразить. Это не имело значения. Второй рукой Джеспер хлопнул стеклянным пузырьком по открытому рту шуханца.

Громила отпрянул, когда осколки вонзились в его губы и посыпались на подбородок. Из ран засочилась кровь. Джеспер лихорадочно вытер руку об рубашку, надеясь, что не поцарапал пальцы и не испачкался в долгоносике. Но ничего не произошло. Солдат просто разозлился. Он зарычал и схватил Джеспера за плечи, отрывая парня от пола. *«Ох, святые, – подумал стрелок, – похоже, он уже передумал тащить меня к своим приятелям».* Он вцепился в бугристые руки великана, пытаясь оттолкнуть их от себя.

Хергуд встряхнул Джеспера. Затем кашлянул, от чего его широкая грудь задрожала, и снова встряхнул стрелка – слабо и с запинкой.

И тут Джеспера осенило – солдат тряс не его, а трясся сам!

Из его уст донеслось тихое шипение, как звук яиц, кинутых на раскаленную сковородку. На губах образовалась розовая пена из крови и слюны, стекающая на подбородок. Джеспер отпрянул.

Хергуд застонал. Крупные ручищи выпустили Джеспера, и тот начал отползать, не сводя глаз с солдата – его тело билось в судорогах, грудь тяжело вздымалась. Шуханец

согнулся пополам, и из его рта полился поток розовой желчи, забрызгивая стену.

– Опять промахнулся, – сказал Джеспер, сдерживая рвотный позыв.

Здоровяк накренился и рухнул на пол – неподвижный, как упавший дуб.

На секунду Джеспер просто уставился на его гигантское тело. Потом способность мыслить здраво вернулась. Сколько времени он потерял? Стрелок помчался обратно к часовням в конце нефа.

Прежде чем он добежал до двери, к нему навстречу выбежала Инеж. Он опоздал. Она бы не пошла за ним, если бы не думала, что у него неприятности.

– Джеспер, где...

– Дай ружье! – требовательно рявкнул он.

Инеж без лишних слов сняла его с плеча. Парень схватил оружие и побежал обратно в собор. Только бы успеть подняться на аркаду...

Взвывала сирена. Слишком поздно. Ему ни за что не успеть. Он всех подставил. «Что толку от стрелка без пистолетов?» Какой толк от Джеспера, если он не может выстрелить? Они застрянут в городе. Скорее всего, их посадят в тюрьму, а потом повесят. Кювея продадут по наивысшей цене. Парем выжжет себе тропу через весь мир, и на гришей будут охотиться с еще большим рвением. Во Фьерде, Блуждающем острове, Новом Земе. Зовы исчезнут, гонимые военными службами и поглощенные этим треклятым наркотиком.

Сирена выла то громче, то тише. Из собора раздались крики. Люди рвались к дверям; скоро они помчатся в неф в поисках запасного выхода.

«Любой может стрелять, но не каждый умеет прицеливаться, – раздался голос матери в его голове. – Мы – зовы. Ты и я».

Невозможно. Отсюда даже не видно Кювея – и *никто* не мог стрелять из-за угла.

Но Джеспер хорошо знал схему церкви. Ему нужен прямой выстрел по проходу, где находится аукционный блок. В своем воображении он видел вторую пуговицу на рубашке Кювея.

«Невозможно».

У пули была лишь одна траектория.

Но что, если ею можно управлять?

«Не каждый умеет прицеливаться».

– Джеспер? – позвала Инеж позади него. Он поднял ружье. Обычное огнестрельное оружие, но переделанное его руками. Внутри находился лишь один патрон – не смертельный, просто комок воска и резины. Если он промахнется, то нанесет кому-то сильную травму. Но если вообще не выстрелит, пострадают многие. «*Вот черт, – подумал Джеспер, – может, если я не попаду в Кювея, то хотя бы выбью глаз Ван Эку*».

Он работал с оружейниками, изготавливал собственные боеприпасы. Знал свои пушки лучше, чем правила «Колеса фортуны». Джеспер сосредоточился на пуле, ощутил ее каждую деталь. Может, он ничем от нее не отличался. Просто патрон в гнезде барабана, который проводит всю жизнь в ожидании, когда ему покажут направление.

«Любой может стрелять».

– Инеж, – обратился он, – если у тебя припасена какая-то молитва для такого случая, самое время ее прочесть.

Он выстрелил.

Казалось, время замедлилось – он почувствовал отдачу ружья, неудержимый полет пули.

Сосредоточил всю свою силу воли на восковом покрытии и *потянул* его влево. В ушах до сих пор звенело. Джеспер почувствовал, как пуля повернулась, представил нужную пуговицу – маленький кусочек дерева, держащийся на нитках.

Это не дар, а проклятие. Но, если задуматься, жизнь Джеспера была полна благословений судьбы. Его папа. Мама. Инеж. Нина. Матиас, ведущий их через грязный канал. Каз – даже Каз, несмотря на все его недостатки и жестокость, дал ему дом и семью в Отбросах, когда Кеттердам был готов поглотить его целиком. И Уайлен. Уайлен, который понял задолго до Джеспера, что сила внутри него – тоже благословение.

– Что ты сделал?! – изумленно спросила Инеж.

Может, и ничего. Может, что-то невероятное. Джеспер никогда не мог устоять перед неравными шансами.

Парень пожал плечами.

– То же, что и всегда. Я выстрелил.

Каз

Каз стоял рядом с Кювеем, когда того пронзила пуля, и поэтому первым кинулся на помощь. В соборе раздались выстрелы – скорее всего, у испуганных офицеров городской стражи сдавали нервы, и они жали на курки. Каз присел у тела Кювея, скрывая левую руку от взглядов, и вколол шприц в руку мальчика. Кровь была повсюду. Йеллен Радмаккер рухнул на сцену, крича: «Меня подстрелили!» Хотя это было не так.

Каз стал криком звать медика. Щуплого лысенького человечка будто парализовало рядом со сценой, где он осматривал Уайлена, его лицо было объято ужасом. Матиас схватил его за локоть и потащил к ним.

Люди продолжали пихаться, чтобы выбраться из церкви. Между равкианскими солдатами и фьерданцами началась потасовка, Штурмхонд, Зоя и Женя кинулись к выходу. Члены Торгового совета приставили к Ван Эку отряд городской стражи. Ему было никуда не деться.

Через минуту Каз увидел, как Инеж и Джеспер пробиваются через поток толпы, бегущей по центральному проходу. Парень быстро прошелся взглядом по Инеж. Она была в крови, и ее глаза покраснели и опухли, но в остальном девушка выглядела вполне нормально.

– Кювей... – начала она.

– Сейчас мы ничем ему не поможем, – перебил Каз.

– Уайлен! – воскликнул Джеспер, глядя на порезы и быстро появляющиеся синяки. – Святые, они настоящие?

– Аника и Киг его не пожалели.

– Я хотел, чтобы все выглядело правдоподобно, – ответил Уайлен.

– Я восхищаюсь твоей преданностью делу, – сказал Каз. – Джеспер, оставайся с Уайленом. Его наверняка захотят допросить.

– Я в порядке, – сказал Уайлен, но его губа так опухла, что фраза больше походила на: «Я ф пофятке».

Каз коротко кивнул Матиасу, и два городских стражника подняли тело Кювея на носилки. Вместо того чтобы распихивать толпу в соборе, они направились к арке в мизинец Гезена и выходу из него. Матиас замыкал процессию, подталкивая перед собой медика. В смерти Кювея не должно остаться никаких сомнений.

Каз и Инеж пошли к нефу, но сулийка остановилась в проходе под аркой. Каз увидел, как она оглянулась через плечо, и, проследив за ее взглядом, наткнулся на Ван Эка, окруженного разъяренными советниками и смотрящего прямо на нее. Ему вспомнилось, что Инеж сказала купцу на Гудмедбридже: «Мы еще встретимся, но только раз». Судя по тому, как Ван Эк нервно сглатывал, он тоже об этом помнил. Инеж коротко поклонилась ему.

Они побежали по нефу мизинца и зашли в часовню. Но дверь на улицу и канал была заперта. Дверь позади них тоже захлопнулась. К ней прислонялся Пекка Роллинс, в окружении четырех Грошовых Львов.

– Как раз вовремя, – сказал Каз.

– Полагаю, ты и это предвидел, хитрый ублюдок?

– Я знал, что на этот раз ты не дашь мне уйти.

– Да, – не отрицал Роллинс. – Надо было прикончить тебя и твоих друзей, еще когда ты пришел за деньгами, и избавить себя от хлопот. Это было глупо с моей стороны. – Роллинс начал снимать жакет. – Признаюсь, я не проявил к тебе должного уважения,

парень, но это исправимо. Поздравляю. Ты стоишь того времени, которое я потрачу, чтобы избить тебя до смерти этой чертовой палкой. – Инеж достала кинжалы. – Нет-нет, девочка, – сказал Роллинс предостерегающе. – Это касается лишь меня и этого грязного выскочки.

Каз кивнул Инеж.

– Он прав. Мы слишком долго тянули с этим разговором.

Роллинс рассмеялся, расстегивая манжеты и закатывая рукава.

– Время для болтовни прошло, парень. Ты молод, но я начал драться задолго до твоего рождения.

Каз не шевелился, его руки покоились на трости.

– Мне не нужно драться с тобой, Роллинс. Я хочу предложить тебе сделку.

– Ах, справедливый обмен в Церкви Бартера. Ты стоил мне много денег и устроил кучу проблем своими коварными замыслами. Не представляю, что ты можешь мне предложить, что способно удовлетворить меня больше, чем возможность убить тебя голыми руками.

– Это касается твоего нового приобретения.

– «Каэльский принц»? Трехэтажный рай, самый роскошный игорный дом в Восточном Обруче. Ты подложил туда бомбу или что?

– Нет, я говорю о маленьком каэльском принце. – Роллинс замер. – Любит сладкое, рыжий, как его отец. Плохо следит за своими игрушками.

Каз полез в карман и достал крошечного вязаного льва. Его светло-желтая грива из пряжи спуталась... и испачкалась темной землей. Каз кинул игрушку на пол.

Пекка уставился на нее.

– Что это? – едва слышно прошептал он. Затем, словно опомнившись, взревел: – Что это?!

– Ты знаешь, Роллинс. Разве не ты мне сказал, что вы с Ван Эком похожи? Люди-предприниматели, строите то, что переживет вас. Вы оба так беспокоитесь о своем наследии... Что толку от всего этого богатства, если его некому оставить? И я задался вопросом, ради кого же ты строишь?

Пекка сжал кулаки, крупные мышцы его рук напряглись, щеки задрожали.

– Я убью тебя, Бреккер. Уничтожу все, что ты любишь.

Теперь пришел черед Каза смеяться.

– Хитрость в том, чтобы ничего не любить, Роллинс. Можешь угрожать мне сколько влезет. Прикончи меня хоть на этом месте. Но тебе ни за что не найти сына вовремя, чтобы спасти его. Ты как предпочтешь: чтобы я прислал его к твоей двери с перерезанной глоткой и в лучшем костюмчике?

– Жалкий кусок дерьма из Бочки, – прорычал Роллинс. – Чего ты от меня хочешь?!

Все веселье сошло с лица Каза, и внутри него снова распахнулась темная дверь.

– Я хочу, чтобы ты вспомнил.

– Вспомнил что?

– Семь лет назад ты обманул двух мальчишек с юга. Мальчики с фермы, слишком глупые, сами нарывались на неприятности. Ты принял нас к себе, втерся в доверие, кормил гюцпотом со своей лживой женушкой и дочерью. Ты отнял наше доверие, деньги, а затем лишил всего. – Он видел, как закрутились шестеренки в голове Роллинса. – Что, не припоминаешь? Ведь таких было много, не правда ли? Сколько афер ты провел за тот

год? Сколько несчастных простофиль развел с тех пор?

– Ты не имеешь права... – сердито выпалил Пекка, его грудь прерывисто поднималась и опускалась, взгляд снова и снова возвращался к игрушечному льву.

– Не волнуйся. Твой мальчик жив. Пока. – Каз внимательно наблюдал за лицом Пекки. – Давай помогу. Ты использовал имя Якоб Герцун. Нанял моего брата своим посыльным. Работал из кофейни.

– Напротив парка, – быстро сказал Роллинс. – С вишневыми деревьями.

– Именно.

– Это было давно, парень.

– Ты обманул нас и отнял все. Нас выперли на улицу, и затем мы умерли. Каждый по-своему. Но лишь один из нас возродился.

– Так вот из-за чего весь этот сыр-бор? Поэтому ты смотришь на меня с жадной жаждой убийства в своих акульих глазах? – Пекка покачал головой. – Вы были двумя простофилями, и так случилось, что обобрал вас именно я. Если бы не я, то это сделал бы кто-то другой.

Темная дверь приоткрылась шире. Казу хотелось шагнуть в нее. Ему никогда не стать прежним. Джорди никогда не вернется. Но Пекка Роллинс еще мог почувствовать их беспомощность.

– Ну, значит, тебе не повезло, – процедил он. – Тебе и твоему сыну.

– Ты блефуешь.

Каз улыбнулся.

– Я похоронил твоего мальчика, – пропел он, наслаждаясь каждым словом. – Закопал его живьем на два метра под землю посередине каменистого поля. Все это время он плакал и звал тебя: «Папа, папа!» Никогда не слышал ничего слаще.

– Каз... – позвала Инеж с побледневшим лицом. Этого она ему никогда не простит.

Роллинс накинулся на него, схватил за ладканы и прижал к стене часовни. Парень не сопротивлялся. Пекка потел, как влажная слива, его лицо исказилось от ужаса и отчаяния. Каз наслаждался этим. Он хотел запомнить каждую секунду.

– Скажи, где он, Бреккер! – Бандит снова стукнул голову Каза об стенку. – *Сейчас же!*

– Это легкая сделка, Роллинс. Просто назови имя моего брата, и твой сын выживет.

– Бреккер...

– Назови имя моего брата, – повторил Каз. – Хочешь подсказку? Ты пригласил нас в дом на Зельверштрате. Твоя жена играла на пианино. Ее звали Маргит. У вас была собака, и ты звал свою дочь Саския. Она вплетала в волосы красную ленту. Видишь? Я помню. Я все помню. Это просто.

Роллинс отпустил его, зашагал по часовне, провел руками по редющим волосам.

– Два мальчика, – лихорадочно выпалил он, копаясь в памяти. Затем повернулся и ткнул пальцем в Каза. – Я помню! Двое мальчишек с Лижа. Вам досталось небольшое состояние. Твой брат вообразил себя торговцем, хотел стать купцом и разбогатеть, как каждый второй филя, сходящий с лодки в Бочке.

– Все верно. Очередные дурачки, которых можно облапошить. Теперь назови его имя.

– Каз и... – Роллинс схватился руками за голову. Начал ходить взад-вперед по часовне, взад-вперед, дыша так тяжело, словно пробежал через весь город. – Каз и... – он снова повернулся к парню. – Я могу озолотить тебя, Бреккер.

– Я и сам могу себя озолотить.

- Я дам тебе Бочку, влияние, о котором ты и не мечтал. Все что захочешь.

- Верни моего брата из мертвых.

- Он был глупцом, и ты это знаешь! Таким же, как любой другой филля. Думал, что он умнее системы, и искал быстрый способ разбогатеть. Честного человека не обчистить, Бреккер. Тебе ли не знать!

«Жадность – мой рычаг». Пекка Роллинс преподавал ему этот урок, и он прав. Они были глупцами. Возможно, однажды Каз простит Джорди за то, что тот не был идеальным братом, жившим в его сердце. Возможно, он даже смирится, что и сам когда-то был доверчивым, наивным мальчишкой, который верил, что люди могут просто так проявить доброту. Но Роллинсу не будет пощады.

- Быстро говори, где он, Бреккер! – проревел Пекка ему в лицо. – Говори, где мой сын!

- Назови имя моего брата. Произнеси его, как фокусники в шоу в Восточном Обруче – будто заклинание. Хочешь вернуть своего мальчишку? Какое право имеет твой сын на свою драгоценную, балованную жизнь? Чем он отличается от меня или моего брата?

- Я не знаю имени твоего брата. Не знаю! Не помню! Я зарабатывал себе репутацию. Организовывал небольшие махинации. Я думал, что вы оба поживете в нищете с недельку и вернетесь на ферму.

- Неправда. Ты ни разу больше о нас не вспоминал.

- Пожалуйста, Каз, – прошептала Инеж. – Не делай этого. Не будь таким.

Роллинс застонал.

- Умоляю тебя...

- Что-то не вижу.

- Сукин сын!

Каз сверился с часами.

- Столько болтовни, в то время как твой мальчик лежит во мраке...

Пекка оглянулся на своих людей. Потер лицо руками. Затем медленно, двигаясь неохотно, словно боролся с каждой мышцей своего тела, опустился на колени.

Каз увидел, как Грошковые Львы покачали головами. Слабость никогда не заслуживала уважения в Бочке, какой бы ни была причина.

- Я умоляю тебя, Бреккер. Он все, что у меня есть. Пустите меня к нему. Позволь спасти.

Каз посмотрел на Пекку Роллинса, Якоба Герцуна, наконец-то вставшего перед ним на колени, с мокрыми глазами и болью, сквозившей сквозь следы слез на его красном лице. Кирпичик за кирпичиком.

Это только начало.

- Твой сын закопан в самом южном углу поля Тармаккера, в двух милях на запад от Аппельброка. Я пометил участок черным флагом. Если уйдешь сейчас, то успеешь к нему как раз вовремя.

Пекка вскочил на ноги и начал раздавать приказы:

- Отправьте кого-то к ребятам, чтобы подготовили лошадей. И приведите ко мне врача.

- Но чума...

- Того, который работает в лазарете в «Изумрудном дворце». Если придется, берите его силой. – Он ткнул пальцем в грудь Каза. – Ты еще пожалеешь об этом, Бреккер. Будешь расплачиваться до конца своих дней. Твоим страданиям не будет предела.

Каз встретился с ним взглядом.

– Страдания ничем не отличаются от всего другого. Проживи с ними достаточно долго и научишься получать удовольствие.

– Пошли! – рявкнул Роллинс и завозился с запертой дверью. – Где чертов ключ?! – Один из его людей вышел вперед, но Каз заметил, что он держался на расстоянии от своего босса. Сегодня истории о стоящем на коленях Роллинсе разойдутся по всей Бочке, и Пекка тоже это понимал. Он настолько любил сына, что готов был пожертвовать своей гордостью и репутацией. Каз полагал, что это чего-то да стоит. Ну, для кого-то другого.

Дверь на улицу распахнулась, и через пару секунд Грошковые Львы ушли.

Инеж осела на пол, прижав ладони к глазам.

– Они успеют?

– К чему?

– К... – девушка уставилась на него. Он будет скучать по этому удивленному виду. – Ты этого не делал. Ты его не закапывал.

– Я никогда его даже не видел.

– Но лев...

– Просто догадка. Гордость Пекки за Грошковых Львов вполне предсказуема. У детеныша наверняка сотня игрушечных львов и огромный деревянный лев, на котором можно кататься.

– Как ты вообще узнал, что у него есть ребенок?

– Догадался в ту ночь в доме Ван Эка. Роллинс не переставал трещать о том, какое наследие он построит. Я знал, что у него есть загородный дом и что он часто покидает город. Я предполагал, что он прячет там любовницу. Но его слова заставили меня призадуматься.

– А то, что это сын, а не дочь? Тоже догадка?

– Да, и достаточно умная. Он назвал свой игорный дом «Каэльский принц». Наверняка в честь рыжеволосого мальчика. А какой ребенок не любит сладостей?

Инеж покачала головой.

– Что он обнаружит в поле?

– Ничего. Его люди несомненно доложат, что его сын в целости и сохранности, играет в то же, что и каждый избалованный ребенок, когда его папа отсутствует. Но прежде, я надеюсь, Пекка проведет несколько мучительных часов, копаясь в грязи и наматывая круги по полю. Главное, что его не будет поблизости, чтобы подтвердить любые заявления Ван Эка, и что люди узнают, как он в спешке покинул город... еще и с медиком на буксире.

Сулийка посмотрела на него, и Каз увидел, как она складывает два и два.

– Места вспышки болезни.

– «Каэльский принц», «Изумрудный дворец», «Сладкое ателье». Все дома Пекки Роллинса. Их надолго закроют на карантин. Не удивлюсь, если город прикроет и другие его предприятия в качестве меры предосторожности, если подумают, что персонал разносит болезнь. У него уйдет как минимум год, чтобы восстановиться до прежнего уровня, а может, и больше, если паника долго продержится. Кроме того, совет может решить, что он помог создать фиктивный консорциум, тогда никто и никогда не даст ему лицензию на дальнейшую работу.

– У судьбы на всех есть планы, – тихо произнесла Инеж.

- И судьба иногда нуждается в небольшой помощи.

Девушка нахмурилась.

- Мне казалось, вы с Ниной выбрали четыре места в Обручах.

Каз поправил манжеты.

- Я также приказал ей заглянуть в «Зверинец».

Она улыбнулась – глаза красные, щеки испачканы какой-то пылью. И тогда Каз подумал, что готов умереть, чтобы снова заслужить ее улыбку.

Парень взглянул на часы.

- Нам пора уходить. Это еще не конец.

Он протянул ей руку в перчатке. Инеж прерывисто выдохнула и взялась за нее, поднимаясь легко, словно дым от огня. Но его руку девушка не отпустила.

- Ты проявил милосердие, Каз. Показал себя с лучшей стороны.

Снова она за старое – ищет порядочность там, где ее никогда не было.

- Инеж, убить сына Роллинса я смогу лишь однажды, – Каз толкнул дверь тростью. – А вот представлять его смерть он будет тысячу раз.

Матиас

Матиас быстро шел рядом с безжизненным телом Кювея. Два офицера городской стражи подняли мальчика на носилки и побежали с ним к Берсканалу под вой сирены. Врач с трудом поспевал за ними, его университетская мантия развевалась на ветру.

Когда они добежали до причала, медик взял Кювея за руку.

– Это бессмысленно. У него нет пульса. Похоже, пуля попала прямо сердце.

«Только не снимай с него рубашку», – мысленно взмолился Матиас. Джеспер использовал пулю из воска и резины, которая развалилась, как только попала в пузырь под пуговицей Кювея. Пузырь лопнул, разбрызгивая всюду кровь и костную массу. Кровь взяли из мясной лавки, но врач ни за что об этом не догадается. Для всех присутствующих все выглядело так, будто Кювею Юл-Бо прострелили сердце и он тут же умер.

– Проклятие! – выругался доктор. – Где же запасная лодка? И где управляющий?

Матиас подозревал, что с легкостью может ответить на эти вопросы. Управляющий покинул свой пост, как только услышал сирену, и даже с их места с узким обзором было видно, что канал забит судами. Люди кричали и тыкали веслами в борта чужих лодок, пытаясь покинуть город, пока водные пути не перекрыли и они не застряли в зараженной местности.

– Сэр! – крикнул человек с рыбацкой лодки. – Мы можем отвезти вас в госпиталь.

Медик насторожился.

– У кого-нибудь на борту есть признаки заражения?

Рыбак указал на женщину на последних сроках беременности, лежавшую в задней части лодки под тентом.

– Нет, сэр. Здесь только мы, и оба здоровы, но жена вот-вот родит. Нам понадобится кто-то вроде вас на борту, если не успеем вовремя попасть в госпиталь.

Медик слегка позеленел.

– Я не... не разбираюсь в женских проблемах. Да и почему вы не можете родить дома? – спросил он с нескрываемым подозрением.

«Ему плевать, выживет ли Кювей», – угрюмо подумал Матиас. – *Он заботится только о собственной шкуре».*

– У нас нет дома, – ответил мужчина. – Только лодка.

Медик оглянулся через плечо на испуганную толпу, льющуюся потоком из дверей главного собора.

– Хорошо, поплыли. Оставайтесь здесь, – сказал он Матиасу.

– Я – его избранный телохранитель. Куда он, туда и я.

– На всех места не хватит, – предупредил рыбак.

Офицеры городской стражи яростно зашептались, а потом один из них объявил:

– Мы посадим его в лодку, но затем нам положено доложить о случившемся в командный центр. Таков протокол.

Каз предупреждал, что офицеры не захотят приближаться к госпиталю во время вспышки чумы, и не ошибся. Матиас едва ли мог их винить.

- Но нам может понадобиться ваша защита, - возразил доктор.

- Для мертвого парня? - поднял бровь один из стражников.

- Для меня! Я врач, путешествующий во время чумы!

Офицер пожал плечами.

- Таков протокол.

Они занесли носилки в лодку и ретировались.

- Никакого чувства долга, - фыркнул медик.

- Он не слишком-то хорошо выглядит, - произнес рыбак, глядя на Кювея.

- Это уже неважно. Мы все равно должны соблюсти протокол, как сказали бы наши друзья в форме.

Беременная женщина испустила исполненный боли стон, и Матиас с удовольствием смотрел, как медик отползает к краю лодки, едва не опрокинув ведро с кальмарами. Оставалось надеяться, что этот брезгливый трус будет держаться подальше от Нины и ее накладного живота. Матиасу было трудно не смотреть на Нину, потому что все, что ему хотелось, это убедиться в ее безопасности. Но одного взгляда хватило, чтобы понять - с ней все прекрасно. Ее лицо излучало свет, глаза сияли, как изумруды. Вот что случилось, когда она использовала свою силу - независимо от ее сути.

«Неестественную», - отозвался старый, решительный голос. «Прекрасную», - возразил голос, которому он внимал в ночь, когда помог Джесперу и Кювею сбежать с Черной Вуали. Он был новеньким, еще не обретшим уверенность, но звучал громко, как никогда.

Матиас кивнул рыбаку, и Ротти подмигнул в ответ, незаметно потянув за накладную бороду. Затем быстро вывел лодку обратно в канал.

Когда они подплыли к Зентсбриджу, Матиас заметил под мостом огромное судно с бутылками. Оно оказалось настолько широким, что его корпус царапнул их лодку, когда они пытались проплыть мимо. Хозяин и Ротти пустились в жаркую полемику, и Нина снова взывала, да так громко и протяжно, словно пыталась посоперничать с воем сирены.

- Может, попробуете дыхательные упражнения? - предложил врач.

Матиас кинул Нине предупреждающий взгляд. Они могут симитировать беременность, но не настоящие роды. По крайней мере, он так думал. На данном этапе от Каза можно ждать чего угодно.

Медик крикнул Матиасу, чтобы тот принес его чемоданчик. Фьерданец сделал вид, что ищет его, после чего достал стетоскоп и засунул под сваленную кучей сеть - просто на случай, если доктор захочет послушать живот Нины.

Затем вручил ему чемоданчик.

- Что вы ищете? - спросил он, закрывая своей мощной спиной вид на лодку с бутылками, пока тело Кювея меняли на труп, который они похитили из морга прошлой ночью. Как только Штурмхонд вывел Женю из церкви, она остановилась под мостом, чтобы перекроить лицо трупа и поднять температуру его тела. Было крайне важно, чтобы тот не выглядел так, словно умер уже давно.

- Успокоительное, - ответил медик.

- А это безопасно для беременной женщины?

- Это для меня.

Хозяин судна выкрикнул еще пару «ласковых» в сторону Ротти, - Шпект явно вошел во вкус - а затем их рыбацкая лодка прошла Зентсбридж и двинулась дальше. Теперь, когда они выплыли из наиболее переполненной части канала, лодка быстро рассекала воду. Матиас не удержался и оглянулся назад, чтобы посмотреть на судно с бутылками. Там он увидел тени, шевелящиеся за ящиками с вином. Работа еще не окончена.

– Куда мы плывем? – вдруг спросил медик. – Мне казалось, мы направлялись в университетскую клинику.

– Водный путь перекрыт, – соврал Ротти.

– Так отвезите нас в Гезендальский госпиталь, и живее!

В том и заключалась вся задумка. До университетской клиники было рукой подать, но в Гезендальском госпитале сотрудников не так много, он меньше и наверняка переполнен запаниковавшими жителями – идеальное место, чтобы избавиться от тела, к которому не стоило приглядываться.

Они подплыли к больничной пристани, и персонал помог Ротти и Нине вылезти из лодки, после чего взялись за носилки. Но как только они прибыли к дверям госпиталя, дежурная медсестра посмотрела на тело и спросила:

– Зачем вы привезли к нам труп?

– Так положено по протоколу! – ответил доктор. – Я выполняю свой долг.

– Мы закрываемся на карантин. У нас нет свободных коек для мертвых. Отнесите его за поворот к фургонной бухте. Ночью его заберут телосборщики.

Сотрудники госпиталя исчезли с носилками за углом. К завтрашнему утру тело незнакомца обратится пеплом, и настоящий Кювей станет свободным, чтобы жить своей жизнью и не оглядываться назад.

– Ну, помогите хоть этой женщине, она вот-вот... – медик оглянулся, но Нина и Ротти пропали.

– Они уже зашли внутрь, – сказал Матиас.

– Но...

Медсестра рывкнула:

– Вы так и будете торчать здесь весь день и перекрывать вход или зайдете внутрь и поможете?

– Я... нужен в другом месте, – ответил медик, игнорируя недоверчивый взгляд медсестры. – До чего же грубые бывают люди, – фыркнул он, отряхивая свою мантию, когда они отошли от госпиталя. – Я же ученый из университета!

Матиас низко поклонился.

– Благодарю вас за попытку спасти моего подопечного.

– Ах да, конечно. Я все делал в соответствии с моей клятвой. – Медик обеспокоенно посмотрел на дома и предприятия, которые уже начали запираť двери и ставни. – Мне и в самом деле пора... в клинику.

– Уверен, они оценят вашу заботу по заслугам, – ответил Матиас, ни секунды не сомневаясь, что медик побежит домой и забаррикадируется в комнате ото всех, кто осмелится хотя бы шмыгнуть носом.

– Да-да, – кивнул мужчина. – Хорошего вам дня и крепкого здоровья. – Он спешно пошел по узкой улочке.

Матиас не смог сдержать улыбки, быстро шагая в противоположную сторону. Он встретится с остальными на Зентсбридже, где вскоре возродится Кювей. Он снова будет с Ниной, и, возможно, они наконец-то смогут задуматься о своем будущем.

– Матиас Хельвар! – крикнул высокий, сердитый голос.

Матиас повернулся. Посредине пустой улицы стоял мальчик. Юный дрюскель с белоснежными волосами, который так пронзительно смотрел на него во время аукциона. На нем была серая форма – он пока не заслужил звания офицера. Следил ли он за

Матиасом от самой церкви? Что он видел?

На вид мальчику было не больше четырнадцати. В его дрожащей руке был зажат пистолет.

– Я обвиняю тебя в измене, – сказал он ломающимся голосом, – государственной измене против Фьерды и твоих братьев-дрыскелей.

Матиас поднял руки.

– Я безоружен.

– Ты предал родину и своего бога.

– Мы раньше не встречались.

– Ты убил моих друзей. В рейде на Ледовый Двор.

– Я не убивал дрыскелей.

– Но твои спутники убивали. Ты – убийца. Ты унижил командира Брума.

– Как тебя зовут? – ласково поинтересовался Матиас. Мальчик явно не хотел никому причинять вред.

– Это неважно.

– Давно ты в ордене?

– Шесть месяцев, – ответил он, задирая подбородок.

– Я присоединился к ним, когда был еще моложе тебя. Я знаю, каково там, какие мысли они вбивают тебе в голову. Но ты не обязан этого делать.

Мальчишку затрясло пуще прежнего.

– Я обвиняю тебя в государственной измене! – повторил он.

– Виновен, – кивнул Матиас. – Я делал ужасные вещи. И, если хочешь, я прямо сейчас вернусь с тобой в церковь. Встречусь с твоими друзьями и командирами, и правосудие восторжествует.

– Ты врешь. Ты даже позволил умереть тому шуханцу, которого должен был защищать. Ты предатель и трус. – Хорошо, значит, он верил, что Кювей мертв.

– Я пойду с тобой. Даю слово. К тому же у тебя пистолет. Тебе нечего бояться.

Матиас шагнул вперед.

– Не подходи!

– Не бойся. Именно так они тебя и контролируют. С помощью страха. – *Мы придумаем способ изменить их мнение.* Мальчик пробыл в ордене всего полгода. Его еще можно вразумить. – В мире столько всего, чего можно не бояться, если только открыть глаза.

– Я же сказал, не подходи!

– Ты не хочешь меня убивать. Я знаю. Когда-то я был таким же, как ты.

– Я совсем не такой, – сказал мальчик, и его голубые глаза загорелись. Матиас увидел в них ярость, гнев. Эти чувства ему были хорошо знакомы. Но он все равно удивился, когда услышал выстрел.

Нина

Нина сняла с себя платье и тяжелый резиновый живот и переделалась в тунику, пока Ротти избавлялся от бороды и верхней одежды. Они собрали их в узел, и Нина выкинула его в канал, после чего они забрались на судно с бутылками, пришвартованное под Зентсбриджем.

- Скатертью дорога, - сказала девушка, когда узел потонул.

- Где же твой материнский инстинкт? - спросил Каз, вылезая из-за ящиков с вином.

- Где Инеж?

- Здесь, - ответила сулийка позади него. - Но Кювей...

- У тебя снова идет кровь, - заметила Нина, скользнув за высокие штабеля ящиков и присоединяясь к ребятам. На канале почти никого не осталось, но рисковать не стоило. - И что случилось с твоими глазами?

- Я бы предложила тебе спросить у Белого Клинки, но... - Инеж пожала плечами.

- Надеюсь, ее смерть была мучительной.

- *Нина!*

- Что? Нельзя быть одновременно милосердным и невозмутимым.

Они спрятались в тени между ящиками с вином и каменной аркой моста. Носилки с Кювеем лежали на самодельном столике из ящиков. Женя вводила шприц в руку мальчика под чутким наблюдением Зои и парня, который, как предположила Нина, был Штурмхондом.

- Как он? - спросила она.

- Если у него и есть пульс, я не могу его нащупать, - ответила Женя. - Яд отлично сработал.

Может, даже слишком. Женя обещала, что яд замедлит его пульс и дыхание до такой степени, что симулирует смерть. Но вышло чересчур убедительно. С одной стороны, Нины понимала, что в мире будет безопасней, если Кювей умрет, но она также знала, что если кто-то и раскроет секрет парема, то, скорее всего, это будет он. Это был реальный шанс для Равки получить антидот. Они боролись, чтобы освободить его из Ледового Двора. Они плели интриги, мошенничали и страдали, чтобы он мог безопасно продолжить свою работу вместе с гришами. Кювей был их надеждой.

Этот парнишка заслуживал шанс жить без мишени на своей спине.

- Антидот? - спросила Нина, глядя на шприц в руке Жени.

- Это уже вторая доза, - сказал Каз.

Все смотрели, как Нина проверяет его пульс и дыхание. Девушка покачала головой.

- Зоя, - обратился Штурмхонд приказным голосом.

Та вздохнула и закатала рукава.

- Расстегни его рубашку.

- Что вы делаете? - спросил Каз, когда Женя расстегнула оставшиеся пуговицы Кювея. Его грудь казалась плоской, ребра выступали, все тело было заляпано свиной кровью, которой они наполнили восковой пузырь.

- Либо я разбужу его сердце, либо сварю изнутри, - ответила Зоя. - Отойдите.

Они покорно разошлись, насколько это было возможно в таком тесном месте.

- И что это значит? - поинтересовался Бреккер у Нины.

- Сама не знаю, - призналась она. Зоя вытянула руки и закрыла глаза. Воздух внезапно похолодел и увлажнился.

Инеж глубоко вдохнула.

- Пахнет как перед бурей.

Зоя открыла глаза и свела руки вместе, словно молилась, энергично потирая ладони.

Нина почувствовала, как упало давление, на языке появился металлический привкус.

- Кажется... кажется, она призывает молнию.

- Это безопасно? - полюбопытствовала Инеж.

- Ни капельки, - ответил Штурмхонд.

- Она хоть делала это прежде? - спросил Каз.

- Для таких целей? - поднял бровь Штурмхонд. - При мне дважды. Сработало великолепно. Один раз. - Его голос звучал подозрительно знакомо, и у Нины появилось ощущение, что они уже встречались.

- Готовы? - спросила Зоя.

Женя засунула плотно сложенный кусок ткани между зубов Кювею и отошла. Нина вздрогнула, поняв, что это мера предосторожности, чтобы он не откусил себе язык.

- Очень надеюсь, что у нее все получится, - пробормотала сердцебитка.

- А Кювей-то как надеется, - хмыкнул Каз.

- Это сложно, - сказал Штурмхонд. - Молния не любит повиноваться. Зоя рискует и собственной жизнью.

- Она не произвела на меня впечатления человека, готового пожертвовать собой, - пробормотал Каз.

- Ты будешь удивлен, - в унисон сказали Нина и Штурмхонд. И снова у Нины появилось жутковатое ощущение, что она его знает.

Ротти закрыл глаза, не в силах на это смотреть. Губы Инеж зашевелились - Нина догадалась, что подруга читает молитву.

Между ладонями Зои заискрилось голубое сияние. Девушка сделала глубокий вдох и ударила ими по груди Кювея.

Спина шуханца изогнулась, все его тело так сильно выгнулось, что Нина испугалась, как бы он не сломал себе позвоночник. Затем парень рухнул обратно на носилки. Глаза не открылись. Грудь не двигалась.

Женя проверила пульс.

- Ничего.

Зоя нахмурилась и снова хлопнула в ладоши, над ее идеальными бровями выступили капельки пота.

- Мы точно уверены, что он нужен нам живым? - выдавила она. Никто не ответил, но она продолжила потирать руки, и между ними вновь начало потрескивать.

- Чего вы вообще добиваетесь? - спросила Инеж.

- Мы даем его сердцу толчок, чтобы оно вернулось в свой ритм, - ответила Женя. - А жар

поможет изменить свойство яда.

– Или убьет его, – добавил Каз.

– Или убьет его, – согласилась портниха.

– Сейчас, – объявила Зоя решительным тоном. Нина гадала, действительно ли ей хотелось оживить Кювея, или она просто не любила проигрывать.

Зоя ударила ладонями по груди Кювея. Его тело изогнулось, как зеленая ветвь, попавшая во власть неумолимого ветра, а затем он снова рухнул на носилки.

Но в этот раз Кювей ахнул, и его глаза распахнулись. Мальчик попытался сесть и выплюнуть ткань изо рта.

– Слава святым, – выдохнула Нина.

– Слава *мне*, – фыркнула Зоя.

Женя поспешила удержать его, и глаза шуханца округлились от накатившего ужаса.

– Тише-тише, – пробормотала Нина, подходя к нему. Кювей знал Женю и Зою только как членов равкианской делегации. Они для него незнакомцы. – Все хорошо. Ты жив. Ты в безопасности.

Инеж тоже приблизилась к нему и достала ткань изо рта, поглаживая шуханца по волосам.

– Ты в безопасности, – повторила она.

– Аукцион...

– Закончился.

– А шуханцы?

Его золотые глаза преисполнились ужасом, и Нина поняла, насколько же он испугался.

– Они видели, как ты умер, – заверила Нина. – Остальные тоже. Представители каждой страны видели, как тебе выстрелили в сердце. Медики в госпитале подтвердят твою смерть.

– А тело...

– К ночи его заберут телосборщики, – сказал Каз. – Все кончено.

Кювей упал обратно на носилки, закрыл лицо руками и расплакался. Нина ласково похлопала его по плечу.

– Я понимаю, что это для тебя значит.

Зоя уперла руки в бока.

– Никто не хочет меня поблагодарить – или Женю, раз уж на то пошло, – за это маленькое чудо?

– Спасибо, что чуть не убили, а затем оживили самого ценного заложника в мире, чтобы использовать его в собственных целях, – сказал Каз. – А теперь вам пора отчаливать. Улицы практически пусты, и вам нужно добраться до промышленного района.

Прекрасные глаза Зои сузились.

– Только покажись в Равке, Бреккер. Мы научим тебя манерам.

– Учту. Когда меня сожгут на Барже Жнеца, я определенно захочу, чтобы меня запомнили как *вежливого* парня.

– Пойдем с нами, Нина, – предложила Женя.

Та покачала головой.

– Работа еще не закончена, и Кювей слишком слаб, чтобы идти.

Зоя поджала губы.

– Не забывай, на чьей ты стороне.

На этом они с Женей и Штурмхондом сошли с судна.

Корсар оглянулся на Нину. Его глаза были необычного, странного цвета, черты лица не очень с ними сочетались.

– На случай, если ты чувствуешь искушение не возвращаться, хочу, чтобы ты знала, – вам с фьерданцем будут рады в Равке. Нам трудно оценить, сколько парема осталось у шуханцев и сколько хергудов они создали. Вторая армия нуждается в твоих способностях.

Нина помедлила с ответом.

– Я не... не такая, как прежде.

– Ты – солдат, – заявила Зоя. – Ты – гриш. И нам очень повезет, если ты присоединишься к нам.

Нина открыла рот. Это звучало почти как похвала.

– Равка благодарна за вашу помощь, – сказал Штурмхонд, прежде чем уйти. – Как и корона. – Он быстро помахал им рукой. В ярком полуденном свете, с солнцем за его спиной, он меньше походил на корсара и больше на... Нет, глупость какая-то.

– Мне нужно вернуться в церковь, – сказал Каз. – Я не знаю, что совет решит сделать с Уайленом.

– Иди, – кивнула Нина. – Мыждемся Матиаса.

– Будьте начеку, – предупредил Каз. – Не высовывайтесь до наступления ночи. Дальше сами знаете, куда идти.

Каз выбрался из лодки и исчез в направлении Церкви Бартера.

Нина сомневалась, что Кювею стоит пить вино, поэтому дала ему воды и настояла, чтобы он отдохнул.

– Я боюсь закрывать глаза, – признался мальчик.

Нина напряженно смотрела на улицы вдоль канала.

– Где же Матиас? Может, у него возникли проблемы с медиком?

Но затем она увидела, как он шагает к ней по пустой площади. Парень приветственно помахал рукой.

Нина выпрыгнула из лодки и побежала к нему навстречу, кидаясь в его объятия.

– *Дрюсье*, – прошептал он ей в волосы. – Ты цела.

– А как же иначе? Это ты опоздал!

– Я боялся, что не смогу найти тебя в буре.

Нина отстранилась.

– Ты что, напился по дороге?

Он взял ее лицо в ладони.

– Нет, – а затем поцеловал.

- Матиас!

- Я сделал что-то не так?

- Нет, ты великолепен. Но обычно я целую *тебя* первой.

- Мы должны это изменить, - сказал он, а затем повалился на нее.

- Матиас?

- Ничего, пустяки. Я хотел еще раз увидеть тебя.

- Матиас... ох, святые. - Пальто, которое он прижимал к себе, упало, и девушка увидела пулевую рану в его животе. Рубашка фьерданца намокла от крови. - Помогите! - закричала она. - Кто-нибудь, помогите! - Но улицы были пустынные. Все двери заперты. Окна зашторены. - Инеж! - вскрикнула она.

Он был слишком тяжелым. Они осели на мостовую, и Нина осторожно положила голову парня себе на колени. Инеж побежала к ним.

- Что случилось? - спросила сулейка.

- Его подстрелили. Ох, святые, Матиас, кто это сделал? - У них было так много врагов.

- Это неважно, - ответил он. Его дыхание звучало странно, слабо. - Я просто хотел увидеть тебя еще раз. Сказать...

- Приведи Кювея, - обратилась Нина к Инеж. - Или Каза. У него есть парем. Ты обязана принести его мне. Я спасу Матиаса. Я все исправлю. - Но возможно ли это? Вернулась бы ее прежняя сила, если бы она приняла наркотик? Нина может попытаться. Она *должна* попытаться.

Матиас схватил ее за руку с поразительной силой. Его ладонь была мокрой от крови.

- Нет, Нина.

- Я смогу победить его второй раз. Я могу исцелить тебя и победить его.

- Это не стоит риска.

- Это стоит любого риска! - воскликнула она. - Матиас...

- Я хочу, чтобы ты спасла остальных.

- Кого? - с отчаянием спросила она.

- Других дрюскелей. Поклянись, что хотя бы попытаешься им помочь, заставишь их прозреть.

- Мы сделаем это вместе, Матиас. Мы будем шпионами. Женя перекроит нас, и мы вместе отправимся во Фьерду. Я надену столько уродливых вязаных жилеток, сколько пожелаешь.

- Отправляйся домой, Нина, в Равку. Будь свободна, как тебе и было предначертано. Будь воином, которым ты рождена. Просто прояви милосердие к моему народу. Некоторые фьерданцы достойны спасения. Пообещай мне.

- Обещаю. - Слова больше походили на всхлип.

- Я создан, чтобы защищать тебя. Даже после смерти я найду способ сдержать клятву. - Он крепче сжал ее руку. - Похорони меня, чтобы я мог отправиться к Джелю. Похорони меня, чтобы я пустил корни и поплыл по воде на север.

- Обещаю, Матиас. Я отведу тебя домой.

- Нина, - выдохнул он, прижимая ее руку к своему сердцу. - Я уже дома.

Свет погас в его глазах. Грудь замерла под ее ладонями.

Нина закричала – вой, вырвавшийся из черных глубин, где еще пару минут назад билось ее сердце. Она попыталась нащупать его пульс, ощутить свет и силу, которые были Матиасом. *Если бы только у меня были прежние способности. Если бы только я никогда не принимала парем. Если бы только у меня был парем.* Она услышала плеск реки вокруг себя, черные воды скорби, и окунулась в холод.

Грудь Матиаса поднялась, тело задрожало.

– Вернись ко мне, – прошептала она. – Вернись.

Она способна на это. Способна дать ему новую жизнь, возродить его в глубоких водах. Он не был обычным человеком. Он – ее Матиас, ее храбрый фьерданец.

– *Вернись!* – велела Нина. Он вздохнул. Его веки затрепетали. Глаза открылись и засияли чернотой.

– Матиас, – прошептала она. – Скажи мое имя.

– Нина.

Его голос, его прекрасный голос! Он ничуть не изменился. Она вцепилась в его руку, пытаясь найти своего Матиаса в этом сумрачном взгляде. Но его глаза были бледно-голубыми, чистыми, как северный лед. Это было неправильно.

Инеж присела рядом с подругой.

– Отпусти его, Нина.

– Не могу.

Инеж положила руку на ее плечо.

– Отпусти его к Джелю.

– Он должен быть здесь, со мной!

Нина коснулась его холодной щеки. Надо найти способ вернуть все назад, сделать все правильно. Сколько невозможных вещей они совершили вместе?

– Ты встретишь его вновь в следующей жизни, – сказала сулийка. – Но только если пройдешь через эти страдания.

Они были родственными душами; солдатами, сражающимися по разные стороны баррикад, обреченными найти друг друга и слишком рано потерять. Нине его не удержать. Не таким способом.

– Значит, до встречи в следующей жизни. Иди, – прошептала она, наблюдая, как его глаза снова закрылись. – *Фарвелл*, – сказала девушка на фьерданском. – Пусть Джель приглядывает за тобой, пока я не найду тебя снова.

Матиас

Матиасу вновь снился сон. Снилось она. Кругом бушевала буря, заглушая голос Нины. Тем не менее он уходил с легким сердцем. Каким-то образом он знал, что с ней все будет хорошо и она найдет, где укрыться от мороза. Матиас снова оказался на льду и услышал вдалеке волчий вой. Но на сей раз он знал, что они приветствовали его возвращение домой.

Уайлен

Уайлен сидел между Элис и Джеспером на передней скамье в церкви. Равкианцы, шуханцы и фьерданцы устроили кулачные бои, из которых солдаты вышли с многочисленными ушибами и кровоточащими ранами, а фьерданский посол с вывихнутым плечом. Со всех сторон доносились сердитые разговоры о торговых санкциях и возмездии. Но властям все же удалось восстановить какое-то подобие порядка. Большинство участников аукциона давно сбежали или были выведены городской стражей. Шуханцы отчалили, грозя военной расправой за гибель одного из своих граждан.

Фьерданцы, судя по всему, строем направились к дверям Штадхолла, чтобы потребовать найти и арестовать Матиаса Хельвара, где их проинформировали, что при такой чрезвычайной ситуации, как вспышка чумы, все публичные собрания были под строгим запретом. Поэтому либо они немедленно вернутся в посольство, либо их силой уведут с улиц.

У многих людей были ушибы и синяки. Уайлен услышал, что одной женщине сломали руку, когда она упала на пол во время панического бегства из собора. Но лишь единицы обращались в клиники или госпитали за помощью. Никто не хотел заразиться чумой, стремительно распространявшейся по Бочке. Только Торговый совет и несколько городских стражников остались у алтаря, споря на пониженных тонах и периодически срываясь на крики.

Уайлен, Джеспер, Элис и ее служанка охранялись городской стражей. Юный купец надеялся, что Каз не ошибся, настояв, чтобы он остался в церкви. Трудно сказать, охраняли ли его офицеры или держали под стражей. Судя по тому, как Джеспер беспрестанно барабанил пальцами по коленям, он тоже нервничал. Не помогало и то, что при каждом вдохе Уайлен чувствовал боль, а его голова больше походила на литавры, терзаемые чересчур рьяным барабанщиком.

Он был в смятенных чувствах, в городе чуть не случился бунт, репутация Кеттердама разодрана в клочья, но, тем не менее, Уайлен не мог сдержать улыбки.

– Чему ты так радуешься? – спросил Джеспер.

Уайлен покосился на Элис и прошептал:

– Мы победили! И я знаю, что у Каза свои мотивы, но я почти уверен, что мы только что предотвратили войну.

Если бы Равка выиграла аукцион, шуханцы или фьерданцы нашли бы повод напасть на равкианцев, чтобы прибрать Кювея к рукам. Теперь тот в безопасности, и даже если в конце концов кто-то изготовит парем, равкианцы и так в скором времени займутся поисками противоядия.

– Наверное, – Джеспер сверкнул белоснежной улыбкой. – Подумаешь, маленький международный инцидент – это мелочь среди друзей.

– Кажется, Киг сломал мне нос.

– И это после того, как Женя выпрямила его и приукрасила!

Уайлен замялся.

– Можешь идти, если хочешь. Ты ведь наверняка волнуешься об отце.

Джеспер взглянул на городскую стражу.

– Не уверен, что наши новые друзья просто дадут мне уйти. И я не хочу, чтобы кто-то за мной проследил.

А еще Уайлен слышал, как Каз попросил Джеспера остаться.

Элис потеряла живот.

– Я проголодалась, – сказала она, оглянувшись на членов Торгового совета, которые продолжали яростно спорить. – Как вы думаете, когда мы пойдем домой?

Уайлен с Джеспером переглянулись.

В эту секунду по проходу собора пробежал юноша и вручил стопку документов Йеллену Радмаккеру. На них была светло-зеленая печать Геменсбанка, и, как подозревал Уайлен, они свидетельствовали о том, что все деньги Торгового совета перешли с фиктивного фонда напрямую на счет шуханцев.

– Это безумие! – воскликнул Ван Эк. – Неужели вы в это поверите?!

Уайлен встал, чтобы лучше видеть, а затем резко втянул воздух и почувствовал боль в ребрах. Джеспер протянул руку, чтобы успокоить его. Но когда парень увидел, что творится на подиуме, он забыл о своей боли: офицер городской стражи надевал кандалы на его отца, который извивался, как рыба, попавшая на крючок.

– Это все происки Бреккера! – вопил Ван Эк. – Это он создал фонд! Найдите фермера. Найдите Пекку Роллинса. Они все подтвердят!

– Прекрати делать из себя посмешище, – яростно зашептал Радмаккер. – Возьми себя в руки, хотя бы ради семьи.

– Взять себя в руки? Вы заковали меня в кандалы!

– Успокойся. Тебя отведут в Штадхолл и вынесут обвинение. Как только ты выплатишь залог...

– Залог? Я – член Торгового совета! Мое слово...

– Ничего не стоит! – рявкнул Радмаккер, а Карл Драйден так ошетинился, что напомнил Уайлену терьера Элис, когда тот видел белку. – Ты должен быть благодарен, что мы не отправляем тебя напрямую в Хеллгейт. Семьдесят миллионов крюге совета исчезли. Керчия стала посмешищем. Ты хоть понимаешь, какой урон нанес своей стране?

Джеспер вздохнул.

– Мы столько трудились, а все лавры достаются ему?

– Что происходит? – спросила Элис, коснувшись руки Уайлена. – У Яна что, неприятности?

Уайлену стало ее жалко. Эта миленькая и глупая девочка никогда не делала ничего плохого, просто вышла замуж за мужчину, которого выбрали ее родители. Будь у него такое право, его отец был бы обвинен в мошенничестве и государственной измене. Сознательно заключать фиктивный контракт с целью подорвать рынок было не только незаконно, это считалось кощунством, надругательством над заветами Гезена, и наказание за это было суровым. Если его отца признают виновным, его лишат права на собственность и на все средства. Все его состояние перейдет Элис и еще нерожденному наследнику. Уайлен сомневался, что Элис готова к подобной ответственности.

Парень сжал ее руку.

– Все будет хорошо. Обещаю.

И он говорил искренне. Они найдут хорошего адвоката или поверенного, чтобы тот помог Элис с недвижимостью. Раз уж Каз знал всех аферистов в Кеттердаме, то должен знать и всех честных торговых агентов – хотя бы для того, чтобы избегать их.

– А Яна отпустят сегодня домой? – спросила Элис, и ее нижняя губа задрожала.

– Не знаю, – признался он.

– Но ты же вернешься к нам, правда?

- Я...

- Держись от нее подальше! - рявкнул Ван Эк, когда городская стража потащила его по ступенькам со сцены. - Элис, не слушай его. Ты должна обратиться к Смиту, чтобы он подготовил средства для залога. Иди к...

- Вряд ли Элис сможет вам помочь, - сказал Каз. Он стоял в проходе, опираясь на свою трость с головой ворона.

- Бреккер, ничтожный бандит! Ты действительно думаешь, что все кончено? - Ван Эк выпрямился, пытаясь вернуть себе хоть часть утраченного достоинства. - Завтра к этому времени я уже выйду под залог и восстановлю свою репутацию. Должен быть способ связать тебя с фондом Ритвельда, и я его найду. Даю слово.

Уайлен почувствовал, как Джеспер напрягся. Единственной связью был Колм Фахи.

- Клянись на здоровье, - сказал Каз. - Дайте торжественное обещание. Думаю, все мы знаем, чего стоит ваше слово. Вот только ваши ресурсы немного ограничены. За все средства будет отвечать хранитель вашего имущества. Даже не знаю, сколько денег Уайлен планирует выделить на вашу защиту. Или на залог, раз уж на то пошло.

Ван Эк горько рассмеялся.

- Я вычеркнул его из завещания, как только Элис забеременела. Уайлен никогда не получит ни пенни из моих денег.

Члены Торгового совета удивленно забормотали.

- Вы уверены? - поднял бровь Каз. - Я точно помню, как Уайлен говорил мне, что вы помирились. Разумеется, это было до ваших грязных махинаций.

- В моем завещании все предельно ясно. Оно лежит в... - Ван Эк запнулся на половине предложения, и Уайлен наблюдал, как его лицо искажается от ужаса. - Сейф, - прошептал он.

Через долю секунды Уайлена осенило. Шпект подделал письмо от его отца для капитана корабля; почему бы не подделать что-то еще? «Порой хороший вор не просто отбирает, но и оставляет что-то после себя». В ночь, когда они вломились в кабинет его отца, Каз не просто пытался украсть печать. Он подменил завещание Ван Эка подделкой. Уайлен вспомнил слова Каза: «Ты же понимаешь, что мы крадем твои деньги?». Он говорил это всерьез.

- Есть копия, - сказал Ван Эк. - Мой адвокат...

- Корнелис Смит? - поинтересовался Каз. - Не знаете, он, случайно, не разводит дома сторожевых псов? Забавный факт: когда учишь животное повиноваться, им становится слишком легко командовать. Лучше, когда в них остается немного дикости.

Нельзя выиграть, ведя лишь одну игру. Как давно Каз планировал передать Уайлену отцовскую империю?

- Нет, - Ван Эк замотал головой. - Нет. - Затем с неожиданной силой стряхнул с себя руки стражников. - Вы не можете дать этому кретину контроль над моими средствами! - крикнул он, указывая на Уайлена руками в кандалах. - Даже если бы я хотел оставить ему наследство, он совершенно некомпетентен. Он не умеет читать, едва может составить простое предложение на бумаге. Идиот, слабоумный ребенок!

Уайлен заметил ужас на лицах членов совета. Этот кошмар снился ему в детстве бесчисленное количество раз, - как он стоит на публике, и его недостатки становятся достоянием общественности.

- Ван Эк! - возмущенно воскликнул Радмаккер. - Как ты можешь так говорить о собственном ребенке?

Тот безумно захохотал.

– По крайней мере это я могу доказать. Дайте ему что-нибудь прочесть. Давай, Уайлен, покажи им, какой из тебя выйдет великий предприниматель.

Радмаккер опустил руку ему на плечо.

– Ты не обязан потакать его бредням, сынок.

Но Уайлен склонил голову набок, у него возникла идея.

– Все нормально, господин Радмаккер. Если это поможет нам завершить это трагическое дело, я согласен подыграть ему. На самом деле, если у вас есть документ о передаче полномочий, я могу подписать его прямо сейчас и начать собирать средства на защиту отца.

Со сцены раздался ропот, и затем кто-то достал папку с контрактными документами. Уайлен встретился взглядом с Джеспером. Понял ли стрелок, что он задумал?

– Они предназначались для Кювея Юл-Бо, – сказал Драйден. – Но их не успели подписать. Где-то там должен быть документ о передаче полномочий.

Он протянул папку Уайлену, но ее перехватил Джеспер и начал листать документы.

– Их должен читать он! – крикнул Ван Эк. – А не этот парень!

– Когда получишь деньги, первым делом купи намордник, – недовольно пробурчал Джеспер.

Он вручил Уайлену документ. Тот мог быть о чем угодно. Уайлен видел слова, узнал их форму, но не мог понять значения. Но он слышал музыку в голове, тот фокус с памятью, который он так часто использовал в детстве – голос Джеспера, зачитывавшего документ в лечебнице Святой Хильды. Парень увидел голубую дверь, почувствовал аромат цветущей глицинии.

Уайлен прочистил горло и сделал вид, что изучает страницу.

– Этот документ, засвидетельствованный перед глазами Гезена в соответствии с порядочным ведением дел людей, вынесенный юридически обязательным по решению судов Керчии и ее Торгового совета, означает передачу всей собственности, имущества и законных владений от... – он замолчал. – Полагаю, тут должны быть указаны наши имена. От Яна Ван Эка Уайлену Ван Эку для управления ими, пока Ян Ван Эк не будет снова правомочен вести собственные дела. Мне действительно нужно продолжать?

Ван Эк пялился на Уайлена с открытым ртом. Члены Торгового совета качали головами.

– Определенно нет, сынок, – сказал Радмаккер. – Думаю, ты и так через многое прошел. – Теперь он смотрел на Ван Эка с жалостью. – Отведите его в Штадхолл. Возможно, к нему надо пригласить врача. Что-то помutilo его разум и зародило эти безумные мысли в голове.

– Это трюк! – воскликнул Ван Эк. – Очередной трюк Бреккера! – Он освободился от стражи и побежал к Уайлену, но перед ним встал Джеспер и схватил купца за плечи, держа его на расстоянии вытянутой руки. – Ты уничтожишь все, что я построил, все, что построили мои отец и дед. Ты...

Джеспер наклонился и сказал так тихо, чтобы больше никто не услышал:

– Я могу читать ему.

– У него очень успокаивающий баритон, – добавил Уайлен, а затем стража потащила его отца по проходу.

– Тебе это с рук не сойдет! – кричал Ван Эк. – Я изучил твою игру, Бреккер. Мой ум острее...

– Клинок можно наточить, – сказал Каз, присоединяясь к ребятам. – Но в итоге все зависит от качества металла.

Ван Эк взвыл.

- Вы даже не знаете, настоящий ли это Уайлен! Он мог быть в обличье другого мальчика! Вы не понимаете...

Остальные члены Торгового совета последовали за ним, но все они выглядели слегка потрясенными.

- Совсем слетел с катушек, - сказал Драйден.

- Нам стоило догадаться, что он не в себе, когда Ван Эк связался с этим негодяем Пеккой Роллинсом.

Уайлен вернул Радмаккеру документ о передаче полномочий.

- Может, будет лучше, если мы поговорим об этом позже? Я тоже немного потрясен.

- Конечно. Мы достанем завещание у Смита и убедимся, что все в порядке. Соответствующие документы будут отправлены к тебе домой.

- Ко мне домой?

- Разве ты не вернешься на Гельдштрат?

- Я...

- Разумеется, вернется, - встрял Джеспер.

- Я не понимаю, - выпалила Элис, и горничная ласково похлопала ее по руке. - Яна арестовали?

- Элис, - обратился Каз. - Как насчет того, чтобы переждать, пока вся эта скверная история пройдет, за городом? Вдали от угрозы чумы. Может, в том миленьком доме на озере, о котором вы упоминали.

Лицо Элис загорелось, но затем она заколебалась.

- Думаете, это будет прилично? Когда жена бросает мужа в такой трудный час?

- Я считаю, это ваш долг! В конце концов, разве ваша главная задача - не заботиться о ребенке?

Джеспер глубокомысленно кивнул.

- Свежий воздух, полно широких полей для... прогулок. Я и сам вырос на ферме. Поэтому я такой высокий.

Элис нахмурилась.

- Даже чересчур.

- Это была очень большая ферма.

- И ты сможешь продолжить свои занятия музыкой, - добавил Уайлен.

Теперь глаза Элис определенно заискрились.

- С господином Бажаном? - ее щеки залились румянцем, и девушка закусила губу. - Наверное, так будет лучше. Для ребенка.

Джеспер

На улице сгустились сумерки. Ребята вместе шли к дому Ван Эка – Каз опирался на трость, а Элис – на руку служанки. Улицы пугающе опустели. Иногда им встречалась городская стража, и сердце Джеспера пускалось галопом от страха, что у них снова начнутся неприятности. Но теперь, когда Ван Эка и Пекку полностью дискредитировали, у городской стражи были проблемы посерьезнее, так как начавшаяся эпидемия в Бочке дала бандам возможность хорошенько поразвлечься. Казалось, что граждане города, как законопослушные, так и нет, сейчас пеклись только о себе и оставили Джеспера и его друзей в покое.

Но все это не имело значения. Ему просто хотелось узнать, что отец в безопасности. Стрелок боролся с искушением вернуться в пекарню, но не мог рисковать, за ним могли проследить.

От этого у него начало все зудеть, но пока терпимо. Может, ему помогло то, что он использовал свои способности. Или же он просто еще был под кайфом после битвы. Пока слишком рано в этом разбираться. По крайней мере, сегодня он клянется не делать ничего глупого. Он будет сидеть в комнате, фабриковать цвет из ковра или тренироваться в стрельбе, или заставит Уайлена привязать его к стулу, если дело будет совсем плохо. Джеспер хотел знать, что будет дальше. Хотел быть частью будущего.

Несмотря на сегодняшний скандал, опорочивший имя Ван Эка, в окнах все равно горел свет, и слуги радостно приветствовали Элис и юного господина Уайлена. Когда они проходили через комнату, напоминавшую обеденный зал, только без стола, Джеспер поднял голову и увидел огромную дыру в потолке. Через нее были видны верхний этаж и причудливая деревянная резьба.

Стрелок покачал головой.

– Тебе стоит осторожней обращаться со своим имуществом.

Уайлен выдавил улыбку, но Джеспер видел, что его нервы натянуты до предела. Он настороженно переходил из комнаты в комнату, периодически проводя пальцами по мебели или стенам. Вид у него был скверный. Они послали в университет за врачом, но вряд ли кто-то сможет прийти в ближайшее время.

Когда Уайлен вошел в музыкальную комнату, он наконец остановился. Затем погладил крышку фортепьяно.

– Это единственное место в доме, где я был счастлив.

– Надеюсь, теперь это изменится.

– Я чувствую себя незванным гостем. Будто в любую минуту сюда ворвется отец и вышвырнет меня из дома.

– Тебе станет легче, когда подпишешь документы. Почувствуешь себя уверенней, – Джеспер улыбнулся. – Кстати, ты был неподражаем.

– Я был в ужасе! Да и сейчас тоже. – Он посмотрел на клавиши и сыграл тихую ноту. Джеспер и сам поражался, как он умудрился перепутать Кювея с Уайленом. Их руки, форма пальцев были совершенно разными. – Джес, – обратился Уайлен, – то, что ты сказал моему отцу, – это было всерьез? Ты останешься и поможешь мне?

Джеспер облокотился на фортепиано.

– Давай-ка подумаем. Жить в роскошном особняке, где есть прислуга, проводить много времени с подающим надежды экспертом по взрывчатке, который еще и музицирует на флейте? Думаю, я справлюсь. – Взгляд Джеспера пропутешествовал от рыже-золотой кудрявой макушки до его пяток и обратно. – Но я рассчитываю на крупный гонорар.

Уайлен залился очаровательным румянцем.

- Ну, надеюсь, медик скоро придет и осмотрит мои ребра, - ответил он, направляясь обратно в гостиную.

- Да?

- Да, - Уайлен быстро оглянулся через плечо, и его щеки стали красными, как вишенки. - Я хотел бы внести предоплату.

Джеспер громко хохотнул. Он уже и не помнил, когда в последний раз был так счастлив. А ведь в него даже не стреляли.

Повар поставил на стол холодный ужин, а Элис ушла к себе в комнату. Остальные расселись на ступеньках, ведущих в сад, наблюдая за странным зрелищем - как солнце садится над почти пустым Гельдканалом. По воде лишь скользили лодки городской стражи, пожарные бригады и иногда шлюпки медиков, оставляя за собой широкие спокойные круги. Никто не доел свой ужин. Они были на взводе, пока дожидались наступления темноты. Все ли в порядке с остальными? Все ли прошло по плану? Им еще столько нужно сделать. Каз не шевелился, но Джеспер чувствовал его напряжение, свернувшееся, как гадюка.

Надежда Джеспера постепенно угасала, сведенная к нулю беспокойством об отце. Он прогулялся по дому, побродил по саду, с восхищением осмотрел руины, оставшиеся от кабинета Ван Эка. С каких пор солнце так долго заходит? Можно сколько влезет убеждать себя, что с отцом все в порядке, но он не поверит в это, пока лично не увидит морщинистое лицо Колма Фахи.

Наконец наступила ночь, и через мучительно долгий час к причалу изящного эллинга Ван Эка причалило судно.

- У них получилось! - радостно воскликнул Уайлен.

Каз медленно выдохнул. Джеспер схватил фонарик и охлажденную бутылку шампанского. Они кинулись через сад, распахнули дверь и ввалились в элинг. Приветствия застыли у них на устах.

Инеж и Ротти помогали Кювею вылезти из лодки. Хотя он и выглядел потрепанным и слабым, и был в растегнутой рубашке, открывающей грудь, заляпанную свиной кровью, парень был цел. Отец Джеспера сидел в лодке с поникшими плечами и выглядел более усталым, чем когда-либо, его веснушчатое лицо сморщилось от грусти. Он медленно встал и вылез на причал. Затем крепко обнял Джеспера, приговаривая:

- Ты в порядке. Ты в порядке.

Нина осталась в лодке, опустив голову на грудь Матиаса. Фьерданец лежал с закрытыми глазами, его лицо было пепельного оттенка.

Джеспер бросил вопросительный взгляд на Инеж. Ее лицо было мокрым от слез. Девушка коротко покачала головой.

- Как? - тихо спросил Каз.

В глазах Инеж собрались новые слезы.

- Мы не знаем.

Уайлен принес одеяло из дома, и они расстелили его в углу эллинга. Затем Джеспер и Ротти вытащили крупное тело Матиаса из лодки. Процесс был неловким и лишенным достоинства. Джеспер не мог избавиться от мысли, что фьерданцу бы это не понравилось.

Они положили Матиаса на одеяло. Нина села рядом, не произнося ни слова, и сжала его руку. Инеж принесла шаль и накинула ее на плечи подруги, после чего бесшумно присела рядом и положила голову ей на плечо.

Какое-то время никто не знал, что делать, но затем Каз посмотрел на часы и молча подал сигнал. Им все еще нужно было закончить работу.

Отбросы принялись преобразовывать судно. К десятому удару часов оно должно выглядеть не как плавающий магазин, а как лодка телосборщика. Они множество раз это проделывали, используя одну и ту же лодку в качестве основы для цветочной баржи, рыболовного судна или плавающей лавки. Все, что было нужно для работы. Эта трансформация была легче всего. Ничего строить не надо, только убрать все лишнее.

Они занесли ящики с бутылками в дом и разобрали верхнюю часть палубы, убрав отсеки для хранения, что сделало лодку шире и более пологой. Колм работал плечом к плечу с Джеспером, как в былые времена на ферме. Кювей бродил по саду и эллингу, пытаясь восстановить силы после тяжелого дня.

Джеспер вспотел, пытаясь войти в ритм работы, но никак не мог избавиться от скорби на душе. Он и раньше терял друзей. Участвовал в операциях, которые шли не по плану. Так почему же в этом случае он чувствовал себя по-другому?

Когда ребята закончили, Уайлен, Каз, Ротти, Джеспер и Колм собрались в саду. Больше делать было нечего. Ротти с головы до ног оделся в черное, и они приделали ему капюшон телосборщика, разорвав и перешив один из дорогих костюмов Ван Эка. Пришло время уходить, но никто не двигался. Повсюду чувствовался аромат весны, сладкий и нетерпеливый, наряду с запахом лилий, гиацинтов, а также рано зацветших роз.

– Мы все должны были выжить, – тихо произнес Уайлен.

Возможно, что это было наивно – негодование сына богатого торговца, который едва вкусил жизни в Бочке. Но Джеспер понял, что думал о том же. После всех безумных побегов и почти неминуемых смертей он начал верить, что их шестерка заколдована, что его револьверы, гениальный мозг Каза, талант Нины, ловкость Инеж, изобретательность Уайлена и сила Матиаса сделали их неприкасаемыми. Они могут страдать. Могут получать удары. Но Уайлен прав – в конце они все должны были остаться в живых.

– Ни траура, – сказал Джеспер, удивившись горькому комку в горле.

– Ни похорон, – тихо ответили остальные.

– Идите же, – ласково поторопил их Колм. – Пора прощаться.

Они пошли к эллингу. Прежде чем зайти внутрь, Уайлен наклонился и сорвал красный тюльпан с клумбы. Все последовали его примеру и бесшумно зашли в помещение. Один за другим Отбросы склонялись над Ниной и клали цветок на грудь Матиаса, после чего вставали вокруг его тела, словно теперь, когда было уже слишком поздно, они все еще могли его защитить.

Кювей шел последним. В его золотых глазах блеснули слезы, и Джеспер почувствовал благодарность, что мальчишка присоединился к их кругу. Благодаря Матиасу они пережили нападение на Черную Вуаль; благодаря Матиасу у Кювея появился шанс жить в Равке как настоящему гришу.

Нина повернулась лицом к воде, глядя на узкие дома вдоль Гельдканала. Джеспер увидел, что некоторые жители поставили свечи на подоконниках, словно пытаясь отпугнуть тьму.

– Я представляю, что эти свечи для Матиаса, – сказала она. Девушка убрала опавший красный лепесток с его груди, вздохнула и отпустила его руку, медленно поднимаясь на ноги. – Знаю, уже пора.

Джеспер приобнял ее.

– Он так тебя любил, Нина... Любовь к тебе сделала его лучше.

– Какое это теперь имеет значение?

– Конечно, имеет! – возразила Инеж. – Мы с Матиасом молились разным богам, но мы верили, что после этой жизни нас ждет что-то большее. Ему было легче уйти в другой мир, зная, что он поступил правильно в этом.

- Ты останешься в Равке? – спросил Уайлен.

- Только до тех пор, пока не организую поездку во Фьерду. Некоторые гриши могут помочь мне подготовить его тело для перевозки. Но я не могу вернуться домой, не могу обрести покой, пока он не обретет его. Я отвезу его на север. В ледяные просторы. Похороню его рядом с берегом. – Она повернулась к ним и посмотрела так, словно увидела впервые. – А вы что будете делать?

- Придумаем, как растратить наши деньги, – ответил Каз.

- Какие деньги? – удивился Джеспер. – Все ушло в казну шуханцев. Будто они в них нуждались.

- Неужели?

Нина прищурилась, и Джеспер увидел, как ее былой дух понемногу стал возвращаться.

- Хватит ходить вокруг да около, Бреккер, или я спущу на тебя свою проклятую армию мертвых.

Каз пожал плечами.

- Мне показалось, что шуханцам вполне хватит и сорока миллионов.

- Тридцать миллионов, которые задолжал нам Ван Эк... – пробормотал стрелок.

- По четыре миллиона крюге каждому. Долю Пера Хаскеля я отдам Ротти и Шпекту. Деньги отмоются посредством одного из предприятий Отбросов, прежде чем вернуться в Геменсбанк, но к концу месяца они будут лежать на ваших счетах. – Он замолчал. – Долю Матиаса я переведу Нине. Знаю, что деньги не имеют значения...

- Имеют, – перебила Нина. – Я найду им достойное применение. Что вы сделаете со своими долями?

- Найду корабль, – ответила Инеж. – Соберу команду.

- Помогу управлять империей, – сказал Джеспер.

- Попытаюсь не закопать ее под землю, – пробормотал Уайлен.

- А ты, Каз? – поинтересовалась Нина.

- Построю что-то новое, – парень пожал плечами. – А затем сожгу.

Джеспер весь подобрался и выпалил:

- Вообще-то, я хочу, чтобы ты перевел мои деньги на счет отца. Не думаю... не думаю, что готов к такому богатству.

Каз внимательно посмотрел на него.

- Это правильный поступок, Джес.

Звучало почти как прощение.

Сердце Джеспера отягощала скорбь. Впервые за много лет у него было полно денег. Ферма отца в безопасности. Но все это казалось неправильным.

- А я-то думал, что деньги делают жизнь лучше, – прокомментировал он.

Уайлен оглянулся на отцовский особняк.

- Я бы предупредил тебя, что все не так радужно.

Вдалеке зазвенели колокола. Джеспер пошел за отцом в сад. Колм стоял у ступенек в дом, сжимая в руках мятую шляпу.

- По крайней мере, теперь ты можешь позволить себе новую шляпу, – сказал Джеспер.

– Мне и эта нравится.

– Я вернусь домой, пап. Когда гавани снова откроют. После того как Уайлен обустроится.

– Он хороший парень. – *Слишком хорош для меня.* – Надеюсь, ты действительно наведешься домой. – Колм посмотрел на свои крупные руки. – Тебе стоит встретиться с друзьями матери. Девочка, которую она спасла много лет назад... я слышал, она очень сильная.

Джеспер не знал, что сказать.

– Я... я не против. Прости меня за все. За то, что втянул тебя в свои неприятности. Что чуть не потерял то, над чем ты так упорно работал. Я... наверное, я хочу сказать, что у этого действия не будет эха.

– Что, прости?

– Да, на сулийском звучало как-то лучше. Я буду стараться, пап.

– Ты мой сын, Джеспер. Я не могу защитить тебя. Может, мне не стоило и пытаться. Но я буду рядом, даже когда ты оступишься. Всегда.

Джеспер крепко обнял отца. «*Запомни это чувство*, – наставлял он себя. – *Помни, что тебе есть что терять*». Он не знал, хватит ли ему сил, чтобы исполнить сегодняшнюю клятву, но он попытается.

Они вернулись к эллингу и присоединились к остальным.

Инеж опустила руки на плечи Нины.

– Мы еще встретимся.

– Конечно. Ты спасла мне жизнь. Я спасла твою.

– По-моему, ты лидируешь в этом счете.

– Нет, я не имею в виду в глобальном смысле, – Нина посмотрела на каждого из них. – Я говорю о мелочах. Как вы смеялись над моими шутками. Прощали мне мои глупости. Никогда не пытались унижить меня. Не важно, случится ли это через месяц, год или через десять лет, именно это я вспомню, когда увижу вас в следующий раз.

Каз протянул ей руку в перчатке.

– Тогда до встречи, Зеник.

– Даже не сомневайся, Бреккер. – Они пожали друг другу руки.

Ротти запрыгнул в лодку.

– Готовы?

Кювей повернулся к Джесперу.

– Навести меня в Равке. Научимся использовать наши силы *вместе*.

– Как насчет того, что я сброшу тебя в канал, и мы посмотрим, умеешь ли ты плавать? – поинтересовался Уайлен и посмотрел на него, весьма удачно подражая выразительному взгляду Каза.

Джеспер пожал плечами.

– Я слышал, этот парень – один из богатейших людей в Кеттердаме. Не советую переходить ему дорогу.

Кювей обиженно шмыгнул и сел на дно лодки, аккуратно скрестив руки на груди.

– Нет, – покачал головой Каз. – Телосборщики не тратят время на то, чтобы красиво уложить тело.

Кювей раскинул ноги и руки в стороны. Следующим пошел Колм, и Джесперу тут же захотелось выкинуть из своей головы образ отца, лежащего как труп.

Парни взяли за уголки одеяла, перенесли Матиаса и положили его на дно лодки уже без одеяла. Нина взяла тюльпаны с его груди и бросила их в воду, после чего легла рядом.

Ротти оттолкнулся длинным деревянным шестом от песчаного дна канала. Лодка отплыла от причала. В темноте он выглядел, как любой другой телосборщик, переправляющий свой мрачный груз через канал. Только такие лодки могли свободно плыть по городским каналам и заходить в гавани, собирая мертвых, чтобы сжечь их на Барже Жнеца.

Ротти держал путь в промышленный район, куда, скинув синие мантии Совета приливов, сбегали гриши после аукциона. Каз знал, что им никак не перевезти столько гришей, не привлекая внимания. Поэтому они прошли по секретному проходу из посольства в таверну, а затем промаршировали по улице в развевающихся синих мантиях, окутав лицо завесой тумана и трубя о своем могуществе, вместо того чтобы скрывать его. Джеспер полагал, что из этого можно вынести урок. Среди них было только четверо настоящих проливных, но и их оказалось достаточно. Конечно, была вероятность, что на аукцион явится настоящий Совет приливов, но, основываясь на свидетельствах об их крайне редких появлениях на людях, Каз решил рискнуть.

Гриши и Штурмхонд будут ждать неподалеку от Сладкого Рифа, чтобы сесть в лодку. Как только все окажутся на борту, Ротти выведет их из гавани, а затем выстрелит сигнальными огнями в небо, чтобы их подобрал корабль Штурмхонда. Это единственный способ эвакуировать из города группу беженцев-гришей, фермера, который помог надуть весь Торговый совет, и мальчика, который всего пару часов назад считался самым разыскиваемым заложником в мире.

– Только не болтай, – пробормотала Инеж.

– Буду нема, как могила, – ответила Нина.

Лодка поплыла по каналу, и девушка помахала им рукой; ее ладонь, как белая звезда, светилась в темноте. Даже когда они исчезли из виду, ребята еще долго стояли у края воды.

В какой-то момент Джеспер осознал, что Каз исчез.

– Похоже, кто-то не любит долгих прощаний, – пробормотал он.

– Каз не прощается, – ответила Инеж. Она смотрела на огни фонарей, отражающиеся в канале. Где-то в саду запела ночная птица. – Он просто идет дальше.

Каз

Каз опустил больную ногу на стульчик и начал слушать отчет Аники о прибыли «Клуба Воронов» и о поступлении доходов от туризма в Восточном Обруче. Через три недели после аукциона Кювея и чумной паники Каз прибрал к рукам кабинет Пера Хаскеля на первом этаже Клепки. Он все еще спал наверху, но вести дела было удобней из норы Хаскеля. Он не скучал по частым подъемам и спускам по лестнице, и теперь его старый кабинет казался запустевшим. Каждый раз, когда он пытался сесть за работу, его взгляд неумолимо возвращался к подоконнику.

Город еще не оправился, но это открыло перед ними интересные возможности. Цены в Обручах резко упали, пока люди готовились к продолжительной вспышке чумы, и Каз быстро этим воспользовался. Он купил здание рядом с «Клубом Воронов», чтобы им было куда расширяться, и даже приобрел небольшую квартирку в Крышке. Каз с нетерпением ждал, когда паника спадет и туризм возобновится, чтобы начать облапошивать простофиль высшего класса. Он также выкупил за разумную цену акции Пера Хаскеля в «Клубе Воронов». Он мог бы забрать их и так, учитывая ситуацию в Бочке, но не хотел, чтобы кто-то жалел старика.

Когда Пекка Роллинс вернется в город, Каз придумает, как лишить его бизнеса. Последнее, чего он хотел, – это чтобы результат его тяжелого труда пошел в казну Роллинса.

Когда Аника закончила отчет, Пим рассказал, что ему удалось разузнать о суде над Ван Эком. Загадочного Иоганна Ритвельда так и не нашли, но как только Ван Эк представил свои счета, стало ясно, что он использовал информацию от Торгового совета, чтобы скупать плантации юрды. Помимо того, что он обманул друзей, организовал фиктивный аукцион и похитил собственного сына, появились предположения, что он нанял команду, чтобы пробраться в правительственное здание Фьерды и, возможно, саботировать свои силосные башни. Ван Эка не выпустили под залог. На самом деле, вряд ли он выйдет из тюрьмы в ближайшее время. Хотя его сын и предоставил небольшие средства на юридическое представительство, в лучшем случае их можно было назвать умеренными.

Уайлен решил использовать часть своего новообретенного богатства на восстановление дома. Он дал Джесперу небольшую сумму на рыночные спекуляции и вернул маму домой. Люди на Гельдштрате пришли в изумление, увидев Марию Хендрикс, гуляющую с сыном в парке или плывущую в лодке по каналу с одним из слуг. Иногда их можно было рассмотреть с воды, стоящих перед мольбертами в саду Ван Эка.

Элис пожила с ними какое-то время, но, в конце концов, девушка и ее терьер решили покинуть город со всеми его сплетнями и провести последние месяцы беременности в домике Хендриксов на озере. Поговаривали, что она делала сомнительные успехи на своих уроках по пению. Каз искренне радовался, что не жил по соседству.

– Хорошая работа, – сказал Бреккер, когда Пим закончил. Он и не думал, что у парня талант по сбору информации.

– Родер собрал отчет, – ответил Пим. – Думаю, он метит на место твоего нового паука.

– Мне не нужен новый паук.

Пим пожал плечами.

– Нам не хватает Призрака. Люди много болтают.

Каз отпустил ребят и долгое время сидел в тишине. Он почти не спал за последние пару недель. Почти половину своей жизни он ждал этого момента и боялся, что, если он позволит себе заснуть, то все исчезнет. Пекка Роллинс сбежал из города и так и не вернулся. Ходили слухи, что он спрятался с сыном в загородном доме и приставил к нему вооруженную охрану. В «Изумрудном дворце», «Каэльском принце» и «Сладком ателье» был установлен карантин, и из-за того, что Пекки не было рядом, чтобы наладить свои дела, его предприятия оказались на грани краха. Поговаривали, что Грошковые Львы даже подняли мятеж. Их босс пропал, а сделка с Ван Эком выставила их

обычными прихлебателями богача. С тем же успехом они могли стать городской стражей.

Кирпичик за кирпичиком. В конце концов Роллинс выберется из-под обломков. Каз должен быть готов.

Кто-то постучал в дверь. Единственная проблема кабинета на первом этаже заключалась в том, что люди чаще тебя беспокоили.

– Пришло письмо, – сказала Аника и бросила его на стол. – Похоже, ты завел себе солидных друзей, Бреккер, – девушка лукаво улыбнулась.

Каз многозначительно покосился на дверь. Ему не интересны заигрывания Аники.

– Поняла, – кивнула та и вышла, закрыв за собой дверь.

Каз поднял письмо к свету. На нем была голубая печать с золотым двуглавым орлом. Парень открыл конверт, прочитал содержимое и сжег его. Затем написал ответ и запечатал письмо черным воском.

Каз знал, что Инеж осталась в доме Уайлена. Периодически он находил записки на столе – клочки информации о Пекке или новости из Штадхолла – и понимал, что она была в его кабинете. Он надел пальто, взял шляпу и трость и спрятал письмо в карман. Бреккер мог бы отправить письмо через посыльного, но хотел преподнести его лично.

По пути из Клепки он прошел мимо Аники и Пима.

– Вернусь через час. И лучше бы мне не обнаружить вас, свиней ленивых, слоняющимися без дела.

– В клубе почти никого нет, – пожал плечами Пим. – Туристы слишком боятся чумы.

– Так идите в дешевые номера, где все напуганные простофили переживают панику. Покажите им, что вы буквально пишите здоровьем. Пусть они узнают, как хорошо вы провели время, играя в «Ежевику на троих» в «Клубе Воронов». Если это не сработает, тащите свои задницы к гаваням и соберите простофиль из матросов.

– Я только вернулся со смены! – возразил Пим.

Каз надел шляпу и провел пальцем по краешку.

– Я не спрашивал.

Он срезал путь через восточную часть города. Боролся с соблазном пойти в обход, просто чтобы самому посмотреть, как шли дела в Западном Обруче. После атаки шуханцев и вспышки чумы дома удовольствий были практически безлюдными. Несколькими улицами вокруг «Сладкого ателье» и «Зверинца» забаррикадировали, чтобы обеспечить соблюдение карантина. Если верить слухам, в этом месяце Хелен Ван Хауден не получит свою прибыль. Какая жалость.

Развозные лодки не работали, так что в финансовый район пришлось идти пешком. Каз побрел вдоль маленького пустого канала и вдруг увидел, что с воды поднимается густой туман. Всего через пару шагов туман так уплотнился, что все исчезло из виду. Влажная и тяжелая дымка цеплялась за пальто, непонятно откуда взявшись в такой теплый весенний день. Каз остановился на мостике через канал и стал ждать, держа трость наготове. Через минуту слева от него появилось три человека в капюшонах. Справа возникло еще три; их синие плащи колыхались в воздухе, несмотря на отсутствие ветра. Это Каз хорошо скопировал, а вот их маски были сделаны не из тумана. Вместо этого настоящий Совет приливов – или очень убедительные имитаторы – носил что-то напоминающее вуаль с черным звездным небом. Эффектно.

– Каз Бреккер, – обратился главный проливной. – Где Кювей Юл-Бо?

– Развеян по ветру. Его тело сожгли на Барже Жнеца.

- Где *настоящий* Кювей Юл-Бо?

Каз пожал плечами.

- Все в церкви видели, как его пристрелили. Медик констатировал его смерть. Больше я ничем не могу вам помочь.

- Молодой человек, поверьте, мы не хотим, чтобы Совет приливов был среди ваших врагов. Ни один из ваших грузов никогда не покинет порт. Мы затопим Пятую гавань.

- Да пожалуйста. Я больше не владею акциями Пятой гавани. Хотите остановить мои поставки? Вам придется обыскивать все лодки, которые приходят и уходят из гавани. Я не купец. Я не фрахтую суда и не регистрирую торговые декларации. Я – вор и контрабандист. Попытайтесь поймать меня и обнаружите, что хватаетесь за воздух.

- Вы хоть представляете, как легко утонуть? – спросил проливной, подняв руку. – Это может произойти где угодно.

Внезапно легкие Каза начали наполняться водой. Он закашлялся, сплюнул морскую воду и согнулся пополам, пытаясь отдышаться.

- Расскажите, что вам известно, – приказал проливной.

Каз с трудом сделал вдох.

- Я не знаю, где Кювей Юл-Бо. Можете хоть сейчас утопить меня, но это ничего не изменит.

- Тогда, возможно, мы найдем ваших друзей и утопим их в кроватях?

Каз снова откашлялся и сплюнул.

- И тогда, возможно, вы обнаружитеobeliskовые башни под чумным карантинном. – Совет тревожно заерзал, и туман зашевелился в такт с ними. – Я заставил эти сирены взвыть. Я создал эту чуму, и она в моей власти.

- Вы блефуете, – сказал проливной, рассекая рукавом дымку.

- Что ж, давайте проверим. Я заражу каждую башню. Они станут эпицентрами болезни. Думаете, Торговый совет вас не запрет? Не потребует наконец-то раскрыть свои личности? Вероятно, они даже обрадуются такому поводу.

- Они не посмеют. Без нас эта страна пойдет ко дну.

- У них не останется выбора. Горожане потребуют действий. Они сожгут башни дотла.

- Вы – чудовище.

- Кеттердам кишит чудовищами. Просто у меня – самые острые зубы.

- Мир никогда не должен узнать секрет юрды-парема. Ни один гриш не будет знать покоя. Ни здесь, ни где-либо еще.

- Тогда вам повезло, что он умер вместе с тем бедным шуханцем.

- Мы не забудем этого, Каз Бреккер. Однажды вы пожалеете о своей наглости.

- Знаете что? Когда этот день наступит, отметьте его в своем календаре. Думаю, многие захотят устроить вечеринку.

Их силуэты начали размываться, и, когда туман наконец-то поредел, Каз не увидел и следа Совета приливов.

Он покачал головой и пошел дальше. В этом вся прелесть Кеттердама. С ним никогда не скучно. Несомненно, в будущем Совет что-нибудь от него потребует, и он будет обязан им угодить.

А пока у него осталось одно неоконченное дело.

Инеж

Инеж сомневалась, что у нее хватит сил подняться по лестнице в спальню. Как она могла так засидеться за ужином с Джеспером и Уайленом?

Повар извинялся за поданные блюда. Он до сих пор не мог добыть качественные продукты с рынка, поскольку поставщики боялись приезжать в город. Они, как могли, успокоили его и набили животы сыром и луковыми пирожками, после чего ели медовик, сидя на полу в музыкальном зале. Мама Уайлена ушла спать раньше всех. Похоже, она постепенно приходила в себя, но Инеж подозревала, что на полное восстановление уйдет еще много времени.

Уайлен играл на пианино, а Джеспер пел самую похабную матросскую песенку, которую Инеж когда-либо слышала. Она сильно скучала по Нине. От нее не поступало писем, так что сулийке оставалось только надеяться, что подруга без проблем добралась до Фьерды и обрела хоть какое-то подобие покоя среди льдов. Когда у Инеж наконец-то появится корабль, может, первым делом она поплывет в Равку. Заплывет вглубь Ос Альты, попытается найти семью на одном из старых маршрутов сулийцев, увидится с Ниной. Когда-нибудь.

Инеж решила ночевать дома у Уайлена, вернувшись в Клепку лишь для того, чтобы собрать пожитки. Теперь, когда ее контракт выплачен, а банковский счет полон, девушка не знала, где ее место. Она изучала парусные суда с тяжелой артиллерией и использовала секреты города, чтобы собрать информацию, которая в будущем, как Инеж надеялась, выведет ее на работоторговцев, останавливающихся в портах Керчии. Навыки, приобретенные в качестве Призрака, хорошо ей послужат. Но сегодня ночью ей хотелось лишь одного – спать.

Она с трудом поднялась по лестнице и заползла в свою восхитительно удобную кровать. Инеж потянулась, чтобы выключить свет, и увидела записку – запечатанное письмо, написанное корявым почерком Каза. *«На рассвете. Пятая гавань»*.

Конечно, он сумел пролезть в запертый дом, мимо слуг и трех дураков, орущих во всю глотку песни. Наверное, это справедливо. Она тоже часто наведывалась в Клепку, проскальзывая через окна и дверь, оставляя кусочки необходимой информации для Каза. Инеж могла просто постучать в его кабинет, но так было легче.

Каз изменился. Та сетка. Ее оплаченный контракт. Она все еще чувствовала легкое прикосновение его губ к коже и как его голые руки возились с узлами повязок. Инеж видела скудный проблеск того, кем он мог бы стать, если бы позволил себе. Она не вынесет, если снова увидит его в броне, затянутого в безупречные костюмы и хладнокровное поведение. Девушка не станет слушать, как он говорит о Ледовом Дворе и обо всем, что было после, словно об обычной работе, очередной победе, очередном преимуществе.

Но она также не могла проигнорировать его записку. Пора покончить с этими отношениями, у которых никогда даже не было возможности начаться. Инеж скажет ему, что разузнала о Пекке, предложит поделить своими маршрутами и укрытиями с Родером. И все закончится. Она выключила свет и спустя долгое время заснула с запиской, зажатой в руке.

Следующим утром Инеж еле заставила себя встать с кровати. За последние три недели у нее развились дурные привычки – спать, когда хочется, есть, когда пожелает. Нина бы гордилась ею. Жизнь в доме Уайлена напоминала ей волшебную сказку. Она уже бывала в особняке прежде, когда они с Казом крали Де Капелля, а затем перед работой в Сладком Рифе. Но одно дело – проникать в дом как вор и совсем другое – как гость. Инеж со смущением признала, что ей нравилось, когда ее обслуживали, но и прислуга, казалось, радовалась их присутствию. Может, они боялись, что Уайлен продаст дом и они все потеряют работу. Или же думали, что Уайлен заслуживал немного доброты.

Одна из горничных оставила ей шелковый лазурный халат и тапочки с меховой отделкой

сбоку кровати. В кувшине у раковины была горячая вода, а рядом стояла стеклянная ваза со свежими розами. Девушка умылась, расчесала волосы, заплела косу, распустила, еще раз заплела, затем оделась и бесшумно вышла из дома – через входные двери, как ни странно.

Инеж натянула капюшон и быстро пошла по улицам к гавани. Те все еще пустовали, особенно в такое время, но сулийка знала, что нельзя терять бдительность. Пекка Роллинс уехал. Ван Эк в тюрьме. Но с Отбросами или без, пока у Каза были враги на этих улицах, ей было чего опасаться.

Он стоял на набережной и смотрел на воду. Черное пальто плотно сидело на плечах, соленый морской бриз взъерошил темную копну волос.

Она знала, что может не объявлять о своем приходе, поэтому просто встала рядом, осматривая доки и лодки. Похоже, несколько судов прибыли только этим утром. Может, город наконец-то начал возвращаться к своему прежнему ритму.

– Как дела дома? – спросил он в конце концов.

– Хорошо, уютно, – призналась она. – Я совсем разленилась. – На долю секунды Инеж задумалась, может ли Каз позавидовать их роскошному быту или ему это чуждо? Позволит ли он себе когда-нибудь отдохнуть? Отоспаться? Засидеться за ужином? Ей не суждено узнать.

– Слышал, Уайлен позволил Джесперу спекулировать на рынке.

– *О-очень* осторожно и ограниченными суммами. Уайлен надеется направить его любовь к риску во что-то продуктивное.

– Либо это идеально сработает, либо закончится полной катастрофой, но Джеспер только так и работает. По крайней мере, тут шансы выше, чем в любом игорном доме.

– Уайлен согласился только после того, как Джеспер пообещал начать тренироваться с фабрикаторм. Если, конечно, им удастся его найти. Для этого может потребоваться путешествие в Равку.

Каз поднял голову, наблюдая, как над ними летают чайки, широко расправив крылья.

– Передай Джесперу, что по нему скучают. В Клепке.

Инеж подняла бровь.

– В Клепке. – Со стороны Каза это было равносильно букету цветов и сердечному объятию – и это очень многое будет значить для Джеспера.

Инеж хотелось растянуть этот миг, побыть с ним подольше, послушать грубый скрежет его голоса или просто постоять в уютном молчании, как они делали бесчисленное количество раз прежде. Он так долго занимал главное место в ее мире... Но вместо этого Инеж спросила:

– Какое у тебя ко мне дело, Каз? Ты же не мог так быстро взяться за новую работу.

– Вот, – он вручил ей подзорную трубу. Вздвогнув, Инеж поняла, что на нем нет перчаток. Девушка осторожно взяла трубу.

Затем приставила ее к глазу и окинула взглядом гавань.

– На что мне смотреть?

– Причал двадцать два.

Инеж отрегулировала линзу и посмотрела вдоль доков. На том самом причале, от которого они отплыли в Ледовый Двор, стоял маленький опрятный военный корабль. Узкий, с идеальными пропорциями, пушки выставлены, флаг с тремя керчийскими рыбками развевается на грот-мачте. На корпусе изящными белыми буквами было написано: «Призрак».

Сердце Инеж замерло. Не может быть...

- Это же не...

- Он твой, - сказал Каз. - Я попросил Шпекта помочь тебе собрать достойную команду. Если предпочтешь взять другого первого помощника, он...

- Каз...

- Уайлен сделал мне хорошую скидку. Флот его отца полон достойных кораблей, но этот... Он тебе подходит. - Каз посмотрел вниз. - Этот причал тоже твой. Он всегда будет готов, когда... если ты захочешь вернуться.

Инеж потеряла дар речи. Ее сердце переполнялось от эмоций, как пересохший ручей, плохо подготовленный к такому ливню.

- Я не знаю, что сказать.

Его голая рука сжалась на голове ворона на трости. Зрелище было до того странным, что Инеж с трудом смогла отвести взгляд.

- Скажи, что вернешься.

- Я пока не готова покинуть Кеттердам. - До этого момента она и не осознавала, что это действительно правда.

Каз быстро покосился на нее.

- Мне казалось, ты хотела охотиться на работорговцев.

- Да. И мне нужна твоя помощь. - Инеж облизала губы, почувствовала на них морскую соль. Ее жизнь состояла из череды невероятных событий, так почему бы не попросить о чем-то невозможном сейчас? - Дело не только в работорговцах. Поставщики, клиенты, боссы Бочки, политики. Дело во всех, кто предпочитает закрывать глаза на страдания, если на этом можно заработать денег.

- Я - босс Бочки.

- Ты бы никогда никого не продал, Каз. Ты лучше всех знаешь, что не подходишь на роль очередного босса, пытающегося наскрести себе прибыль любыми способами.

- Боссы, клиенты, политики, - задумался он. - Под это описание подходит чуть ли не половина Кеттердама - и ты хочешь бороться со всеми.

- Почему бы и нет? - спросила Инеж. - В море и в городе. Один за другим.

- Кирпичик за кирпичиком, - сказал он. Затем тряхнул головой, словно отмахиваясь от этой идеи. - Я не герой, Призрак. Тебе давно пора бы это понять. Ты хочешь, чтобы я стал лучше, хорошим человеком. Я...

- Этому городу не нужен хороший человек. Ему нужен ты.

- Инеж...

- Сколько раз я от тебя слышала, что ты - чудовище? Так будь чудовищем! Будь тем, кого все боятся, когда закрывают глаза по ночам. Мы не будем охотиться на все банды. Не будем разрушать дома, которые справедливо относятся к своему персоналу. Мы отправимся за женщинами, как Танте Хелен, за мужчинами, как Пекка Роллинс. - Она ненадолго замолчала. - Подумай об этом с другой стороны... таким образом ты устранишь конкурентов.

Каз издал звук, который мог бы сойти за смешок.

Одна его рука покоилась на трости. Другая просто висела сбоку. Если Инеж хоть чуть-чуть приблизится, они соприкоснутся. Он был настолько близко. И настолько далеко.

Инеж осторожно задела его костяшками пальцев - легчайшее, как перышко, касание.

Парень напрягся, но не отстранился.

– Я не готова покинуть этот город, Каз. Мне кажется, он заслуживает спасения.

Мне кажется, ты заслуживаешь спасения.

Когда-то они уже стояли на палубе корабля, и она точно так же ждала его ответа. Каз не заговорил тогда и не заговорил сейчас. Инеж почувствовала, как он ускользает, идет на дно, попав в подводное течение, которое все дальше и дальше уносило его от берега. Она хорошо понимала, что такое страдания, и знала, что не может последовать за ним в это место, если не хочет тоже утонуть.

На Черной Вуали он сказал, что они будут пробиваться вместе. «С острыми кинжалами и раскаленными пистолетами». Она может бороться за него, но не исцелить. И не потратит свою жизнь на бессмысленные попытки.

Инеж почувствовала, как Каз коснулся ее костяшками пальцев. А затем взял за руку, его ладонь прижалась к ее. По нему прошла волна дрожи. Медленно-медленно он позволил их пальцам переплестись.

Долгое время они просто стояли, держась за руки и глядя на серые морские просторы.

Равкианский корабль с двуглавым орлом Ланцовых пришвартовался всего в паре причалов от «Призрака» – наверное, выгружал туристов и иммигрантов, приехавших в поисках работы. Мир менялся. Мир шел дальше.

– Каз, – внезапно позвала она. – Почему вороны?

– Ворон и кубок? Наверное, потому, что вороны – падальщики по своей природе. Они питаются отбросами.

– Я имела в виду не татуировку Отбросов. Она такая же старая, как банда. Почему ты перенял ее? Твоя трость. «Клуб Воронов». Ты мог выбрать любой символ, построить новый миф.

Горько-кофейные глаза Каза смотрели на горизонт, восходящее солнце окрашивало его в бледно-золотое сияние.

– Вороны запоминают человеческие лица. Они помнят тех, кто их кормил и кто проявлял доброту. А также тех, кто их обидел.

– Серьезно?

Он медленно кивнул.

– Они не забывают. Птицы передают друг другу, за кем стоит приглядывать, а кого опасаться. Инеж, – обратился Каз, указывая на гавань набалдашником трости, – смотри.

Она подняла подзорную трубу и снова посмотрела на гавань, на высаживающихся пассажиров, но картинка выглядела размазано. Девушка с неохотой отпустила руку Каза. Это было похоже на обещание, и она не желала прерывать их контакт. Инеж настроила линзу, и ее взгляд зацепился за двух людей, спускающихся по трапу. Каждый шаг – грациозен, спины – ровные, как лезвие ножа. Они шли как сулийские акробаты.

Инеж резко втянула воздух. Все ее естество сосредоточилось на линзе подзорной трубы. Разум отказывался воспринимать представшую картину. Это невозможно. Иллюзия, обман зрения, ложь, созданная радужным стеклом. Стоит ей сделать вдох, и оно разрушится.

Инеж схватилась за рукав Каза. Она чуть не упала. Он быстро обнял ее и подхватил. Ее разум раскололся. Половина отдавала себе отчет в том, что он держал ее голыми руками, что его зрачки расширились, что их тела прижимались друг к другу. Вторая половина все еще пыталась понять, что она видела.

Темные брови Каза нахмурились.

– Я не был уверен. Может, мне не стоило...

Инеж едва расслышала его за шумом в сердце.

– Как? – выдавила она хриплым и сдавленным голосом от непролитых слез. – Как ты нашел их?

– Услуга от Штурмхонда. Когда мы заключали сделку, то я взял с него обещание, что он пошлет лазутчиков. Если это было ошибкой...

– Нет, – быстро выпалила она, и слезы наконец-то полились через край. – Это определенно не ошибка.

– Конечно, если бы что-то пошло не так во время работы, они бы приехали, чтобы забрать твой труп.

Инеж выдавила смешок.

– Просто дай мне насладиться моментом.

Она выпрямилась, ее ноги снова обрели почву. Неужели она и вправду решила, что мир не меняется? Чепуха! Мир создан из чудес: неожиданных землетрясений, бурь, взявшихся из ниоткуда, которые могли видоизменять континенты. Парня рядом с ней. Будущего перед ней. Все возможно.

Инеж затрясло, она прижала ладони ко рту, наблюдая, как родители идут по причалу к набережной. Девушка пошла было вперед, но затем повернулась к Казу.

– Пошли со мной. Познакомлю тебя с ними.

Каз кивнул, словно собираясь с силами, и снова сжал пальцы.

– Стой, – попросил он. Его обжигающий голос звучал грубее, чем обычно. – Как мой галстук, не помялся?

Инеж рассмеялась, и ее капюшон соскользнул с головы.

– Вот это уже другое дело, – пробормотал он, но Инеж уже бежала по набережной, едва касаясь ногами земли.

– Мама! – крикнула она. – Папа!

Инеж увидела, как они обернулись, как ее мама схватила отца за руку. Затем они побежали навстречу. Сердце девушки обернулось рекой и понесло ее к морю.

Пекка

Пекка сидел в гостиной своего загородного домика и выглядывал из-за белых кружевных занавесок. Каэльское кружево. Импортированное из самого Марох Глена. Пекка не скупился, когда обустривал это место. Он возвел дом с нуля, указав размеры каждой комнаты, тщательно подбирая лак для полов, каждый светильник и мебель. «Изумрудный дворец» был его величайшей гордостью, «Каэльский принц» – жемчужиной короны его империи, свидетельством роскоши и стиля, украшенный по последнему писку моды Бочки. Но это место – его дом, его крепость. Каждая деталь кричала о благополучии, процветании и стабильности.

Здесь Пекка чувствовал себя в безопасности со своим сыном и телохранителями, работавшими за очень высокую плату. Тем не менее он поспешил отойти от окна. Лучше не рисковать. Здесь полно мест, где бы мог спрятаться стрелок. Может, ему срубить буковые деревья, растущие вдоль газона?

Пекка никак не мог понять, куда покатилась его жизнь. Всего месяц назад он был богатым человеком, с которым надо было считаться, королем. А теперь?

Он крепче обнял сына и погладил его рыжие волосы. Мальчишка постоянно ерзал на коленях.

– Я хочу играть! – сказал Алби, спрыгнув с колена Пекки, посасывая палец и прижимая мягкого игрушечного льва – одного из многих. Пекка с трудом мог смотреть на эту вещицу. Каз Бреккер обманул его, а он купился.

Но, что еще хуже – Бреккер не выходил у него из головы. Роллинс не мог перестать думать о своем мальчике, своем прекрасном мальчике, похороненным под землей, кричащем о помощи, молившем об этом отца, в то время как Пекка был не в силах его спасти. Иногда его сын плакал где-то в поле, а он не знал, где копать. Иногда это Пекка лежал в могиле, погребенным под огромным пластом земли – поначалу легким, как постукивание дождевых капель, а затем превращающимся в тяжелые комья, наполнявшие его рот землей и выдавливавшие весь воздух из груди. Сверху доносился смех людей – мальчиков, девочек, женщин и мужчин. Они были всего лишь силуэтами на фоне синего сумрачного неба, их лица затерялись в тенях, но он знал, кто они такие. Все, кого он обманул, облапошил и убил. Все жалкие сопляки, которыми он пожертвовал, чтобы подняться вверх по лестнице. Он до сих пор не вспомнил имя брата Бреккера. Как же его звали?

Пекка был Якобом Герцунгом; он перемерил тысячи чужих обличей. Но Каз Бреккер нашел его. Пришел, чтобы отомстить. Если один из этих глупцов нашел его, почему не смогут другие? Сколько встанут в очередь, чтобы кинуть в него следующий ком грязи?

Делать выбор, даже простой, стало невыносимо. Какой галстук надеть? Что заказать на ужин? Он стал сомневаться в себе, а Пекка никогда не сомневался. Его жизнь началась с нуля. Камнедробитель с Блуждающего острова, сильный мальчишка, ценившийся только за крепкую спину и свою молодость, за способность размахивать киркой и носить тяжелые камни. Но он обманом проник на корабль в Кеттердам и заработал себе репутацию кулаками. Пекка был боксером, вышибалой, самым грозным костоломом среди банд. Он выжил, потому что был самым коварным, самым жестоким, и никто не мог сломать его волю. А теперь единственное, что ему хотелось, – это сидеть взаперти, попивать виски и наблюдать, как его тень движется по потолку. Все остальное вызывало жуткую усталость.

А затем однажды утром он проснулся и увидел ясное голубое небо. Вокруг раздавались птичьи трели. Он почувствовал приближение лета, наступление жары, созревание плодов в саду.

Пекка оделся. Позавтракал. Провел утро в поле, работая под солнцем и играя с Алби. Когда стало слишком жарко, они сели на широком крыльце и выпили прохладный лимонад. Затем Пекка зашел внутрь и наконец-то засел за документы и счета, стопкой лежавшие на столе.

В «Изумрудном дворце» и «Каэльском принце» дела шли ужасно. Их прикрыли в качестве меры предосторожности, двери и окна пометили зловещими черными крестами, чтобы указать место вспышки чумы. Судя по новостям из Кеттердама, чума была ложной тревогой, каким-то странным грибом или вирусом, который быстро распространился, но оказался безвредным. Городские власти были настроены сдержанно, но оптимистично.

Пекка изучил балансовые отчеты. Со временем оба игорных дома можно будет спасти. Год будет убыточным, но как только все уляжется, он нанесет на здания новый слой краски, переименует их и вернется в бизнес. «Сладкое ателье», наверное, придется закрыть. Ни один мужчина не станет снимать трусы, если цена тому – заразиться чумой, тем более что рядом полно других заведений, готовых удовлетворить их похоть. Жаль, жаль. Но у него и раньше случались неудачи. У него был надежный ресурс «контрактников», работающих даром. Он все еще Пекка Роллинс – король Бочки. А если кто-нибудь из этих жалких скивов, снующих по улицам, забыл об этом, он с радостью им напомнит.

К тому времени как Пекка закончил читать гору писем и новостей, наступила ночь. Он потянулся, допил остатки виски и посмотрел на Алби, сладко спящего с этим проклятым львом под подбородком. Мужчина пожелал доброй ночи охранникам, стоящим за дверью в спальню сына, и пошел по коридору.

– Ложитесь спать, босс? – спросил Доути. Он и еще один крупный вышибала приглядывали за покоями Пекки по ночам – этим людям он мог доверять.

– Да, Доути. Ночь обещает быть хорошей.

Когда он залез в постель, то знал, что ему не приснится рыдающий сын, могила или тот мрачный хор, стоящий и насмехающийся над ним. Сегодня ему приснится Блуждающий остров, зеленые колыхающиеся поля и туман, окутывающий горы. Утром он встанет свежим и отдохнувшим, готовым взяться за работу, чтобы вернуть свой трон.

Вместо этого он проснулся с чем-то тяжелым, как груда камней, на своей груди. Первая мысль была о могиле, о земле, давящей на него сверху. Затем Пекка опомнился. В спальне было темно, и на нем кто-то сидел. Он ахнул и попытался подняться с кровати, но почувствовал, как его сдавили коленями и локтями, а также жалающий укол ножа в шею.

– Я убью тебя! – прорычал Пекка.

– Ты уже пытался. – Женский голос... нет, это юная девушка.

Пекка открыл рот, чтобы позвать стражу.

Она снова уколола его кончиком ножа. Мужчина зашипел, когда струйка крови потекла ему за шиворот.

– Только закричи, и я проткну тебе глотку и приколю к подушке.

– Чего ты хочешь?

– Тебе нравится жить, Роллинс? – Когда ответа не последовало, она снова ткнула в него ножом. – Я задала вопрос. Тебе нравится жить?

– Как ты прошла мимо охраны?

– Ты называешь это охраной?

– Ты их убила?

– Не стала марать руки.

– Единственное окно зарешечено. Оно...

– Я – Призрак, Роллинс. Думаешь, меня остановит какая-то решетка?

Маленькая сулилка Бреккера. Зря только потратил деньги на ту равкианскую наемницу.

- Значит, Бреккер послал тебя передать сообщение? – спросил он.

- Мне самой есть что сказать.

- Назови мне условия своей сделки с Бреккером. Сколько бы он тебе ни платил, я удвою сумму.

- Тише-тише, – девушка крепче сжала его коленями. Пекка почувствовал, как в плече что-то хрустнуло. – Я размазала Дуняшины мозги по всей кеттердамской мостовой. Подумай, что я сделаю с тобой.

- Так почему бы тебе не убить меня прямо сейчас и приберечь свои угрозы? – Его не запугает какая-то худышка из «Зверинца».

- Смерть – это подарок, которого ты не заслуживаешь.

- Ты...

Она засунула ему что-то в рот.

- Теперь можешь кричать, – промурлыкала сулийка. Затем задрала его ночнушку и пронзила ножом грудь. Пекка закричал и попытался скинуть с себя девушку.

- Осторожней, – предупредила она. – Ты же не хочешь, чтобы моя рука дрогнула?

Роллинс с трудом заставил себя замереть. Он понял, как давно уже не чувствовал настоящей боли. На него уже годами не осмеливались поднимать руку.

- Так-то лучше.

Она слегка отклонилась, словно хотела оценить свою работу. Пекка засопел и попытался посмотреть вниз, но ничего не увидел. На него накатила волна тошноты.

- Это был лишь первый порез, Роллинс. Если ты когда-нибудь вздумаешь вернуться в Кеттердам, мы увидимся снова, чтобы я нанесла второй.

Она вернула его ночную рубашку на место, слегка похлопала его и пропала. Он не слышал, как сулийка ушла, только почувствовал, как ее вес исчез с груди. Пекка резко вытащил кляп изо рта и перекатился, пытаясь нащупать лампу. Комната залилась светом – туалетный столик, зеркало, тазик с водой. Там никого не было. Мужчина поплелся к окну. То все еще было закрыто и зарешечено. Его грудь горела в том месте, где ее порезал нож.

Он кинулся к туалетному столику и сдернул с себя промокшую от крови рубашку. Ровный порез прямо над сердцем. Кровь сочилась густыми толчками в такт с пульсом. «Это был лишь первый порез». Во рту появился привкус желчи.

Ради всех святых и их матерей. Она вырежет мне сердце из груди.

Пекка подумал о Дуняше, одной из самых одаренных убийц в мире, создания без совести или милосердия – и Призрак ее одолела. Может, она действительно не человек.

Алби.

Роллинс вывалился в коридор и побежал мимо стоящих на постах охранников. Они резко выпрямились, их лица вытянулись от удивления, но он не обратил на них внимания, мчась по коридору в спальню сына. «*Пожалуйста, – мысленно взмолился он, – пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.*»

Он распахнул дверь. Свет из коридора упал на кровать. Алби лежал на боку и мирно посапывал, засунув палец в рот. Пекка прислонился к дверному косяку, ослабев от облегчения, и прижал рубашку к кровоточащей груди. Затем увидел игрушку в ладошках сына. Лев пропал. Вместо него был чернокрылый ворон.

Пекка отпрянул так, словно увидел своего сына спящим на пауке с волосатыми лапами.

Он осторожно закрыл дверь и пошел обратно по коридору.

- Поднимите Шэя и Герригана.
- Что случилось? - спросил Доути. - Мне позвать врача?
- Скажи им, чтобы собирали вещи. И сняли все оставшиеся деньги.
- Куда мы поедem?
- Так далеко, как только возможно.

Роллинс захлопнул за собой дверь в комнату. Затем вернулся к окну и снова подергал за решетку. Все такая же крепкая. Все так же заперта. В черном блестящем окне было видно его отражение, но Пекка себя не узнавал. Кто этот мужчина с редкими волосами и перепуганными глазами? Было время, когда он встретил бы любую опасность с высоко поднятой головой и раскаленными пистолетами. Что изменилось? Может, он стареет? «Нет, - вдруг понял он, - дело в успехе». Он создал себе уют и слишком к нему привык.

Пекка сел перед зеркалом и начал вытирать кровь с груди. Он гордился тем, что завладел Кеттердамом. Он расставлял ловушки, организовывал пожары, давил ботинком на шеи всех, кто бросал ему вызов, и вкушал награду за свою наглость. Большинство соперников быстро отпали, нажива стала легкой, редкие трудности были чуть ли не в радость, потому что вносили разнообразие. Он покори́л Бочку своей воле, писал правила игры так, как ему хотелось, и переписывал их, как было душе угодно.

Проблема в том, что существа, которые смогли выжить в его городе, были совершенно новой разновидностью отморожков - Бреккер, его королева Призрак, мерзкие прихлебатели из воров и бандитов. Бесстрашное поколение, беспощадное и неприрученное. Месть манила их больше, чем золото.

«Тебе нравится жить, Роллинс?»

Да, нравится, и даже очень, и он намеревался прожить еще долгие-долгие годы.

Пекка посчитает свои деньги. Вырастит сына. Найдет себе хорошую женщину или двух, или десятерых. И, возможно, в тихие часы он поднимет тост за таких, как он, за своих товарищей по несчастью, которые взрастили Бреккера и его команду. Он выпьет за этих бедняг, а также за несчастных дураков, которые еще не ведают, какие их ждут неприятности.

Список персонажей

Адем Бажан

Учитель музыки, работающий на Ван Эка.

Адити Хилли (скончалась)

Мать Джеспера Фахи.

Алина Старкова (скончалась)

Гриш-эфиреал (заклинательница солнца); бывшая предводительница Второй армии.

Элис Ван Эк

Вторая жена Яна Ван Эка.

Аника

Член «Отбросов».

Аня (скончалась)

Целительница-гриш, работавшая на советника Худе.

Бастуан

Член «Отбросов».

Битл

Член «Отбросов».

Бечья

Сиделка в Святой Хильде.

Большой Боллигер

Бывший член «Отбросов»; в изгнании.

Бо Юл-Баюр (скончался)

Создатель юрды-парема, который пытался дезертировать из Шухана; отец Кювея Юл-Бо.

Колм Фахи

Отец Джеспера Фахи.

Корнелис Смит

Адвокат и управляющий имуществом Яна Ван Эка.

Данил Марков

Гриш-инферн, работавший в «Кузнице».

Дарклинг

Гриш-эфиреал и звание бывшего лидера Второй армии; настоящее имя неизвестно.

Давид Костюк

Гриш-фабрикатор (прочник); член равкианского Триумvirата.

Дирикс (скончался)

Член «Отбросов».

Доути

Член «Грошовых Львов».

Дуняша Лазарева

Наемница, также известная как Белый Клинок Амрат Ена.

Эмон

Лейтенант Грошовых Львов.

Элзингер

Член «Черных Пик».

Эмиль Ретвенко

Гриш-шквальный, работавший на советника Худе.

Эролл Аэртс

Член «Грошовых Львов».

Филип (скончался)

Член «Грошовых Львов».

Хейлс

Лейтенант Черных Пик.

Женя Сафина

Гриш-портниха; член равкианского Триумвирата.

Герриган

Член «Грошовых Львов».

Горка

Член «Отбросов».

Ханна Смит

Дочь Корнелиса Смита.

Хелен Ван Хауден

Владелица и сутенерша «Зверинца» («Дом экзотики»), также известная как Павлин.

Худе (скончался)

Член керчийского Торгового совета.

Инеж Гафа

Член Отбросов; паук и собирательница секретов, также известная как Призрак.

Ян Ван Эк

Торговый магнат и выдающийся купец; член керчийского Торгового совета; отец Уайлена Ван Эка.

Ярл Брум

Главнокомандующий фьерданских дрюскелей.

Йеллен Радмаккер

Выдающийся купец.

Джеспер Фахи

Член Отбросов; стрелок.

Джордан Ритвельд (скончался)

Старший брат Каза Бреккера.

Карл Драйден

Самый юный член керчийского Торгового совета.

Каз Бреккер

Лейтенант Отбросов, также известен как Грязные Руки.

Киз

Член «Отбросов».

Кювей Юл-Бо

Гриш-инферн и дезертир из Шухана; сын Бо Юл-Баюра.

Марья Хендрикс (скончалась)

Первая жена Яна Ван Эка. Мать Уайлена Ван Эка.

Матиас Хельвар

Разжалованный фьерданский дрюскель.

Миггсон

Работник Яна Ван Эка.

Майло

Член «Отбросов».

Маззен

Член «Отбросов».

Натен Борез

Член керчийского Торгового совета.

Николай Ланцов

Король Равки.

Нина Зеник

Член «Отбросов»; гриш-сердцебитка.

Онкль Феликс

Владелец дома «Белой розы».

Омен (скончался)

Член «Черных Пик».

Пекка Роллинс

Генерал Грошовых Львов.

Пер Хаскель

Генерал Отбросов.

Пим

Член «Отбросов».

Прайор

Работник Яна Ван Эка.

Раске

Вольнонаемный эксперт по взрывчатке.

Красный Феликс

Член «Отбросов».

Родер

Член «Отбросов».

Ротти

Член «Отбросов».

Сигер

Член «Отбросов».

Шэй

Член «Грошовых Львов».

Шпект

Член «Отбросов»; фальсификатор и бывший морской офицер.

Штурмхонд

Корсар и эмиссар равкианского правительства.

Свонн

Член «Отбросов».

Тамара Кир-Батар

Гриш-сердцебитка; капитан личной стражи короля Николая.

Вариан

Член «Отбросов».

Уайлен Ван Эк

Сын Яна Ван Эка.

Зоя Назяленская

Гриш-шквальная; член равкианского Триумвирата.

Благодарности

Джоанне Вольп ака Волку, ака самому забавному, сильному, умному и терпеливому агенту в мире – спасибо, что была мне хорошей подругой и свирепым заступником. А также всем в команде «New Leaf» – в особенности Джеки, Джайде, Майку, Кэтлин, Мие, Крису, Хилари, Даниэлле и Пое «Звезде» Шабазияну – спасибо, что были моими посредниками, семьей и армией. Люблю вас, ребята.

Холли Блэк и Саре Риз Бреннан – за то, что помогли мне найти сердце этой истории, когда я видела одни лишь кости. Робин Вассерман, Сара Мисл, Даниэль Хосе Олдес и гениальной Морган Фахи – спасибо за бесценные редакторские отзывы. Рахель, Робин и Флэш провели много часов в моей гостиной и саду, чтобы я не скучала в одиночестве. Эми Кауфман и Мэри Лю – забавные и прекрасные ангелы-воины, терпевшие бесчисленное количество моих дурацких писем. Хоть Рейнбоу Роуэлл и в Гриффиндоре, нам удалось найти общий язык. Анна Грассер заведовала моим графиком и выполняла мои безумные просьбы с легкостью и бесконечным терпением. Нина Дуглас отстаивала мои книги в Англии и смешила меня в пути. Ной Уилер – спасибо, что задержался в Кеттердаме и приглядывал за мной (и нашей командой Отбросов) в этом путешествии.

Как всегда, я обязана жизнью Кейту Гаффару, моей правой руке, гению по вызову, который уделил столько времени и фантазии мне и этим книгам.

Премного благодарностей моей семье из «Макмиллана»: Джону, Лауре, Джин, Лорен, Ангусу, Лиз, Холли, Кейтлин, Калламу, Кэтрин, Люси, Кейти, Эйприл, Мариель, КиБи, Эйлин, Тому, Мелинде, Ричи (который каким-то чудом умудрился превзойти себя с этой обложкой) и каждому продажнику, который сделал так, чтобы эта книга появилась на полках, каждому из отдела по маркетингу, который заставил читателей обратить внимание на эту серию. Особая благодарность невероятной команде пиарщиков, которые отправились со мной в тур, заботились обо мне и слушали мою болтовню в аэропортах – Моргану, Бриттани, Мэри, Эллисон и особенно Великолепной Молли Брюлле, которая сотворила чудеса с этой серией.

Спасибо Стивену Кляйну за помощь с фокусами и иллюзиями; Анжеле ДеПейс за помощь с тонкостями химического долгоносика и золотой кислоты; а также Джошу Минуту, который устроил мозговой штурм, когда пришла пора возвращать Кювея из мира мертвых.

Лулу, спасибо, что отложила отпуск, терпела мои частые смены настроения и держала меня в тонусе. Кристина, Сэм, Эмили и Райан – я так рада, что мы семья! Всем по кукурузному пирогу!

Огромная благодарность всем читателям, библиотекарям, блогерам, влогерам, инстаграм-блогерам, обитателям «booklr», фикрайтерам, а также тем, кто делает фанарты и плей-листы: спасибо, что вынесли мир гришей за страницы этих книг. Я искренне вам благодарна.

И, наконец, если вы хотите остановить торговлю людьми и принудительный труд в нашем мире, вам не нужна шхуна и тяжелая артиллерия. GAATW.org предлагает онлайн-ресурсы и информацию о надежных организациях, которые будут рады вашей поддержке.

Сноски

1

Каю́р – погонщик собак или оленей, запряженных в нарты.

2

Скваттер – [англ. squat сидеть самостоятельно на чужой земле] вселившийся незаконно в незанятый дом или поселившийся на незанятой земле.

3

Хороводный танец.

Коносамéнт – документ, выдаваемый перевозчиком груза грузовладельцу. Удостоверяет право собственности на отгруженный товар.